

КОНСТАНТИН
Кеворкян

ОПАСНАЯ КНИГА

Феномен
нацистской
пропаганды

ББК 66.01
К 33

К. Э. Кеворкян. Опасная книга (феномен нацистской пропаганды)
— Харьков: ЧАО «Полиграфсервис», 2014. — 522 с., 24 с. ил.

Каким образом нацистская пропаганда уживается в каждом из нас с идеалами демократии, как Гитлеру удалось обмануть десятки миллионов своих современников, какие приемы обработки массового сознания применялись вчера и в чем состоит их опасность сегодня? Исчерпывающие ответы на эти вопросы дает книга известного харьковского журналиста Константина Кеворкяна. У вас в руках «Опасная книга» — будьте осторожны!

ISBN 978-966-03-4895-0

© К. Э. Кеворкян, 2014

Моим родителям — «детям войны»,
пережившим оккупацию Харькова 1941-1943 гг.,
Людмиле Геннадиевне Кеворкян и
Эрванту Тиграновичу Кеворкяну посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые эта книга увидела свет в 2009 году, спустя два года последовало её переиздание, и вот – «Опасная книга» снова востребована!

Автор сожалеет, что его настойчивые предупреждения о готовящемся неонацистском наступлении на Украине не были вовремя услышаны. Автора очень огорчает, что, несмотря на все разъяснения, массовое сознание оказалось столь восприимчивым к демагогии; его возмущает, что отечественные СМИ бесстыдно копируют приемы геббельсовской пропаганды.

Но, одновременно, это означает, что «Опасная книга» тоже не утратила своей актуальности. Читайте, анализируйте, сопоставляйте.

С уважением

Константин Кеворкян

Общее и тайное желание элиты —
иметь народ или население, которое
ведет себя во всех сферах жизни
именно так, как выгодно,
удобно и приятно именно ей, элите.
С. Г. Кара-Мурза

I. ОТ КОНГРЕГАЦИИ ДО МИНИСТЕРСТВА

1. Вступление. Происхождение пропаганды

Мы все подвержены в той или иной степени чужому влиянию. Это может быть мнение родителей, просмотренные нами новости или собственные рассуждения, когда мы, сами того не подозревая, приходим к выводам, к которым нас старательно подталкивали неизвестные доброжелатели. Тысячи очень неглупых людей ежедневно работают над тем, чтобы влиять на наше мнение — рекламисты, политологи, социологи. Несть им числа! Но цель всегда конкретна — убедить нас в необходимости купить тот или иной товар, избрать некоего кандидата, заставить нас поверить в то, что путь, которым идет государство, правильный, и правители наши мудры.

Надо сказать, что представительская демократия, а именно в таком обществе мы живем, подразумевает в качестве методов воздействия на своих граждан обработку их сознания. Американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон, в частности, пишут: «Те, кто контролируют взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие» (1)¹.
Нынешняя пропаганда включает в себя искусное использование образов, лозунгов и символов, играет на наших предрассудках и эмоциях, а высшим пилотажем считается распространение какой-либо точки зрения таким образом, чтобы получатель этого обращения приходил к «добровольному» принятию продиктованной позиции, как если бы она была его собственной. А потому среди специалистов, занимающихся проблемой манипуляции сознанием, никогда не иссякнет страстный интерес к феномену нацистского государства, которое всего лишь за двенадцать лет своего существования построило удивительно эффективную систему управления людьми, заслужило их бесконечную преданность и обратило эти факторы в реальные военные, политические и экономические успехи.

Однако ученые, как правило, либо увязают в анализе

¹ Здесь и далее см. примечания в конце книги.

информационных технологий режима, то есть обращаются к чисто внешней стороне вопроса, либо погружаются в глубины философии и психоанализа, пытаясь понять причины массового сумасшествия целого народа. В результате мы получаем лишь обрывки сведений, которые сводятся в основном к конкретным обвинениям: концлагеря, национализм, жестокие убийства врагов и конкурентов, преследования евреев, бесноватый фюрер и т. д. Но эти конкретные обвинения совершенно не объясняют, чем подкупил «бесноватый фюрер» такой рассудительный и осторожный народ, как немцы.

«Историк воссоздаст объективную картину в том случае, если проникнет в психологию людей, на которых ориентировались документы и скем эти люди были косвенно связаны» (2). Иначе говоря, для понимания феномена нацистской пропаганды нам необходимо рассмотреть ВЕСЬ комплекс жизни общества: его историю, культуру, образование, науку, искусство, все то, что определяет нашу каждодневную жизнь.

Вряд ли такая задача под силу одному человеку, но и наша задача много скромнее: осмыслить — где существуют личные заслуги Гитлера / Геббельса в деле оболванивания масс, а что было заложено самой историей немецкого народа².

Но самое главное, мы должны определить актуальность тех достижений в сфере пропаганды и манипуляции сознанием, которые, по восторженному мнению специалистов, «следует считать выдающимися и не имеющими аналогов в мировой истории» (3), как они используются сегодня и кто станет их следующей жертвой.

В ноябре 1936 года в своей резиденции, что находилась высоко в Альпийских горах, Гитлер встретился с одним из самых влиятельных церковных иерархов Германии — кардиналом Фаульхабером. После окончания этой продолжительной и конфиденциальной беседы, оставшись среди своих, Гитлер долго молчал, глядя в окно, наблюдал за сгущавшимися сумерками. И, наконец, сказал: «Для меня существует две возможности: либо добиться полного осуществления своих планов, либо потерпеть неудачу. Добьюсь — стану одним из величайших истории, потерплю неудачу — буду отвергнут и проклят» (4).

Как мы знаем из истории, фюрер проиграл битву и сегодня его имя является синонимом жестокости, геноцида, войны. Но была одна баталия, из которой Гитлер и его приспешники вышли победителями. Более того, их наследие с благодарностью принято потомками, им восхищаются и творчески развивают. Речь идет о сфере нацистской пропаганды.

² «Если целая страна допустила, чтобы ею правил тиран, вину за это нельзя возлагать на одного тирана», — сказал в разгар Второй мировой войны У. Черчилль.

Для начала давайте определимся с самим термином «пропаганда» в понимании современных ученых. Итак, «Пропаганда — распространение политических, научных, философских и других идей в обществе с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. В более узком смысле — именно политических или идеологических идей» (5).

Значение пропаганды было осмыслено еще в глубокой древности. Так, в древнекитайском «Трактате о военном искусстве» Сунь Цзы указывалось на важность психологической обработки противника и укрепления боевого духа собственных солдат. От пламенных речей Фемистокла в защиту родной Эллады до «боговдохновенных» призывов отбить у сарацинов Святую землю, которые послужили началом Крестовых походов, — все это яркие примеры действенного пропагандистского воздействия на массы. Но рождение пропаганды в современном смысле этого слова можно отнести лишь к эпохе Реформации, точнее, предшествовавшей ей технологической революции в области распространения информации — изобретение печатного станка.

«Через полстолетия после своего появления книгопечатание становится все более важным орудием информационно-психологических войн. К 1500 году имелось более 1100 типографий в более чем 200 городах, было издано 36 тысяч книг различных названий общим тиражом в 12 миллионов экземпляров. К началу Реформации в 1517 году в Германии было издано 37 новых сочинений, в 1523 уже 498» (6).

Острая политическая и идеологическая борьба той эпохи диктовала небывалый спрос на соответствующую литературу и изобразительный ряд (те же гравюры часто имели пропагандистский характер и выпускались весьма крупными тиражами). В общем, начало Реформации — тот знаменитый день, когда Лютер прибил свои тезисы к дверям Виттенбергской церкви — можно объявить днем рождения пропаганды, если бы не одно «но». Никакого хрестоматийного прибивания тезисов и прочих эффектных жестов не было — это всего лишь легенда, запущенная протестантскими реформаторами в тех же пропагандистских целях. На самом деле, как свидетельствует ученик Лютера Агрикола: «В 1517 году Лютер предложил к обсуждению по старинному университетскому обычаю в городе Виттенберге на Эльбе несколько тезисов, но сделал это очень скромно, не желая кого-либо обвинить или очернить» (7). Хотя сам факт появления этой пафосной легенды все-таки свидетельствует в пользу определенного дня рождения пропаганды.

Но как бы то ни было, в целях борьбы с новой ересью в период Тридцатилетней войны в Риме решили создать пропагандистский центр папства. Он возник 6 января 1622 года и назывался «Конгрегация распространения веры» (*Congregatia propaganda de fide*). С этого

начинает жизнь и сам термин пропаганда (от латинского *propaganda* — распространять). Если вас спросят — можете блеснуть эрудицией. То есть, по сути — пропаганда является средством сообщения «истины» невежественным людям. В протестантских странах, как результат яростного противостояния и неприятия всего, идущего из папского Рима, само слово «пропаганда» приобрело отрицательное значение, но у католиков оно имеет дополнительный положительный оттенок (сходный с «образованием» или «проповедованием»).

Результаты кровавой Тридцатилетней войны (когда погибло $\frac{3}{4}$ населения Чехии и $\frac{2}{3}$ населения Германии) оказались определяющими для судеб Европы на многие столетия. Во-первых, Вестфальским миром была закреплена политическая раздробленность Германии, что существенно задержало ее становление как национального государства и обусловило перманентную борьбу за объединение ее земель вплоть до падения Берлинской стены.

Во-вторых, «на основе срединного географического положения у немецкого народа рано развились комплексы окруженности и необходимости обороны. Самым значительным наследием войны было травмирующее чувство незащищенности и глубоко запрященный страх перед хаосом любого рода. В этом незабываемом историческом опыте берут свое начало такие необыкновенно содержательные для немецкого сознания категории, как порядок, дисциплина и строгая самодисциплина, поклонение государству как сдерживателю зла» (8). Чем-то этот мрачный опыт согласуется с теми выводами, которые сделал русский народ после эпохи Смутного времени.

И, наконец, в-третьих, произошли важнейшие идеологические изменения — появился такой важнейший фактор, как протестантская этика. «Вся метафизика, вся идеологическая подоснова Запада связана с кальвинистской идеей о предопределенности — Христос пошел на крест не за всех, а только за избранных. На этой идее строились потом все социальные и расовые доктрины» (9). Психолог Э. Фромм указывал: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм» (10).

Осознание себя как единственных носителей истины до сих пор является определяющим для многих миллионов представителей западной цивилизации, и этот тезис до сих пор служит ареной ожесточенной политической и пропагандистской войны. А. Тойнби писал: «Расовое чувство, которое на Западе исходило в основном от западных переселенцев за границей, имеет также религиозные основания

в тех слоях, которые придерживаются протестантских вероучений. Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом; а вопросы о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики» (11). Уже в XVI столетии между католическими и протестантскими церковными деятелями случился крайне любопытный теологический спор об американских индейцах. Католики установили, что «у индейцев есть душа» и они полноценные люди. Протестанты же считали, что индейцы — низший вид, т. к. они неспособны освоить ценности рационального мышления, и, соответственно, на них не распространялись «права человека» (12).

«Колонизация и необходимый для ее оправдания расизм (которого не существовало в средневековой Европе) заставили отойти от христианского представления о человеке. Пришлось позаимствовать идею «избранного народа», а затем дойти до расовой теории Гобино» (13). Впрочем, о графе де Гобино мы еще поговорим.

Войнами той эпохи рожден также используемый до сих пор такой тезис пропаганды, как обвинения другой стороны в претензиях на мировое господство (в ходе упомянутой Тридцатилетней войны — габсбургский и антигабсбургский блоки). Ну, и различные зверства, которые использует враждебная сторона для подавления инакомыслия, — тот же мрачный миф об испанской инквизиции, которым искусно пользовались протестантские пропагандисты, дабы подорвать идеологическое влияние католической церкви. Хотя историки знают: именно в католических странах по решению инквизиции «охота на ведьм» прекратилась на целое столетие раньше, чем в тех частях Европы, где победила Реформация. Однако в нашей памяти до сих пор сидят картинки из школьных учебников: злобные испанские инквизиторы и их несчастные молодые жертвы³.

После Тридцатилетней войны в Европе неуклонно начала возрастать роль Пруссии, настойчиво претендовавшей на роль объединителя распыленных «Вестфальской системой» германских земель, и буквально через сто лет при Фридрихе Великом это небольшое государство превратилось в одного из важнейших игроков на европейском континенте. «По мнению немецких историков, Фридрих II был первым германским императором (королем. — К.К.), создавшим настоящую пропагандистскую машину. Возможно, это еще одна из причин того, что этого исторического персонажа так любил Гитлер. Помимо того, что Фридрих регулярно публиковал статьи с разъяснением своей политики,

³ Наглядный пример, как искусственно сформированная картина действительности внедряется в сознание отдельных индивидов с помощью книг, театральных представлений, кинофильмов, передач телевидения и т. д.

он обязывал делать то же самое и своих влиятельных сановников. В своей работе «Главные принципы войны» король писал: «Если война ведется в нейтральной стране, то главное заключается в том, чтобы завоевать доверие и дружбу населения. Надо представлять неприятеля в самом черном виде и обвинять его во всяческих замыслах против страны» (14).

Другой культовой фигурой эпохи Просвещения стал Ж.Ж.Руссо — современник «Старого Фрица». Тезис о «Природном равенстве» людей из книг Руссо переключался и в Декларацию прав человека Французской революции, и в Декларацию независимости США и превратился в неоспоримый символ веры вплоть до сегодняшнего дня. Со всеми этими «Свобода, Равенство, Братство», начертанными на знаменах республиканской, а затем и наполеоновской Франции, была разгромлена феодальная Европа, а амбициозная Пруссия на некоторое время почти потеряла свой государственный суверенитет.

Ее идеологическое возрождение связано с именем немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте. В 1807 году в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии, Фихте стал читать свои знаменитые «Речи к немецкой нации». Согласно этому учению, романские народы (в особенности французы) и евреи, являются упадочническими расами и только германской нации дарована возможность возродиться. Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Этот квасной (или пивной?) патриотизм имел громадный успех у аудитории, носившей профессора в буквальном смысле на руках, и до сих пор «Речи» являются образцом патриотической фразеологии.

Освобождением от французского владычества Пруссия обязана не только гибели наполеоновской армии в России, но и мощным подъемом национального движения в 1913 году — одному из наиболее мифологизированных периодов в немецкой истории. Недаром именно к этим патриотическим чувствам взывал Геббельс, закончив свою знаменитую речь о тотальной войне в феврале 1943 года словами: «Вставай, народ, иди на бой и обрети свободу». Получивший в устах шефа пропаганды новую силу, лозунг первоначально был призывом ко всем немцам во время освободительной войны 1813 года. Да, собственно, и последний кинофильм эпохи Третьего рейха, который вышел на экраны в апреле 1945 года — «Кольберг» — из той же антинаполеоновской оперы.

После победы над наполеоновской Францией Пруссия, наряду с Россией и Австрией, стала одной из самых могущественных держав континентальной Европы, вплотную приблизившись к своей заветной цели — полному доминированию в германоязычном мире. А поскольку XIX век был веком науки, то и изыски, облеченные в научную форму

и дававшие пропагандистские обоснования для этих амбиций, не заставили себя долго ждать.

Фридрих Шлегель, немецкий ученый, который проявлял повышенный интерес к культурам Востока, нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях, в частности о священной горе Меру, которая располагалась в районе Северного полюса. Уже в 1819 году Шлегель ввел в научный обиход слово «ариец», которое являлось синонимом этнической группы, в которую входили и германцы, и индийцы (индоевропейцы). Вообще-то об арийцах говорил еще Геродот, но Шлегель значительно усилил смысл корня «ари», который он провозгласил этимологически родственным со словом «честь» (15). Вследствие чего в общественном мнении распространилось представление об арийцах как об аристократической расе господ. И уже его ученик Христиан Лассен сделал вывод, который навсегда закрепил идеологическое значение слова «ариец». Он противопоставил «комплексный талант арийцев» семитам, у которых отсутствовала гармония души, а иудейская религия сама по себе была эгоистичной и замкнутой (16).

То есть, как мы видим, расизм и антисемитизм гитлеровского режима имеют глубокие и, можно сказать, научные корни. Национальное возрождение плюс имеющая мощный религиозный подтекст психология избранной нации — конечно, от всего этого еще очень далеко до крематориев и концлагерей, но обыденность и высокопарность научных рассуждений навсегда сохраняются в их фундаментах. Научное племя породило новую породу убийц — убийцы, убежденные в своей правоте самой наукой. Кристофер Браунинг в своем исследовании «Совершенно нормальные люди» изучал мотивацию тех, кто принимал участие в массовых казнях в Польше, Украине и Прибалтике. Обнаруженные факты и свидетельства позволили ему сделать вывод о том, что каратели в большинстве своем были «идейными преступниками». «Самое страшное в этике расизма — отнюдь не ее экстремизм, а ее будничность, не ее чудовищная жестокость, а ее возвышенный идеализм» (17).

Но вернемся в XIX век, когда вся Европа увлеклась, как бы сейчас сказали, «национальным возрождением», то есть с наслаждением припала к вновь открытому источнику арийской духовности. А именно к фундаментальному труду графа де Гобино «Очерк о неравенстве человеческих рас» (Париж, 1853), которая еще больше углубила политическое значение слова «ариец». Цвет кожи служил для Гобино основанием для выделения трех основных рас: белой, желтой и черной. Внутри белой расы высшее место занимают «арийцы». В этом же труде Гобино впервые указал и на непосредственную связь между арийской и нордической расами.

Мы так подробно останавливаемся на учении о расах и их наследственных качествах, поскольку оно является основополагающим для понимания государственной политики Третьего рейха. Собственно, один из идеологов нацизма Вальтер Дарре в 1936 году так прямо и сказал: «Признание факта наследования человеческих качеств — это суть национал-социализма». Так что модная наука генетика была «продажной девкой» не только империализма, но и нацизма — вот откуда у послевоенных советских руководителей появилась удивляющая нас сегодня глубочайшая неприязнь к этому импортному фрукту.

Итак, учения Руссо о равенстве и Гобино о неравенстве противостояли друг другу в конце XIX — начале XX века. И здесь мы переходим к легендарной фигуре человека, ставшего живым мостиком между Гобино и Гитлером. Хьюстон Стюарт Чемберлен — автор работы «Основы девятнадцатого века» (Вена, 1899). По его мнению, для объяснения сути XIX века, прежде всего, требовалось установить, что лучшее современная ему цивилизация взяла из древности. Чемберлен утверждал, что были заимствованы три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса. Наследовали достояние античности евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения. Но одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Евреи сделались приемниками римского расового хаоса; арийская же раса оказалась в ответе за духовное спасение человечества (18).

В момент написания своей эпохальной работы Чемберлен видел в «тевтонах» единственную надежду на спасение человечества. Причем, в понятие «тевтоны» Чемберлен включал, кроме германских народов, и кельтов, и славян. Но, конечно же, прежде всего немцев.

Его работы произвели фурор в Германии. Он стал личным другом кайзера Вильгельма II, женился на дочери великого немецкого композитора Рихарда Вагнера Еве, переехал на постоянное место жительства в Германию, и, можно предположить, не без влияния его идей о высокой миссии германцев честолюбивый кайзер Вильгельм II ввязался в мировую войну.

Чемберлен одним из первых всемирно известных интеллектуалов Германии предсказал Гитлеру большое будущее. Будущий фюрер германского народа познакомился с престарелым Чемберленом в 1923 году. Хотя философ был болен и разочарован поражением своей второй родины, его буквально потрясло красноречие молодого Адольфа. После долгого разговора наедине с Гитлером впервые за очень долгое время практически парализованный и измученный болезнью Чемберлен смог спокойно и глубоко заснуть. Позже он написал Гитлеру

благодарственное письмо: «Я ожидал встретить фанатика, однако мое чувство говорит мне, что Гитлер — это нечто иное, нечто более творческое, и что он, несмотря на его ощутимую силу воли, не является человеком насилия. Теперь, — продолжает автор письма, — я, наконец, спокоен, и состояние моей души сразу переменялось. То, что Германия в часы своей величайшей нужды рождает такого человека, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность» (19).

А пока лучшие умы Германии осмысливали ее национальную судьбу и историческое предназначение, на другом конце Земли, в Северной Америке, в Филадельфии, в 1843 году неприметный молодой человек по имени Волни Палмер открыл первое рекламное агентство. Как правильно разместить рекламу, как максимально удачно продать продукт покупателю и множество других коммерческих вопросов стали объектом самого пристального внимания стремительно развивавшейся торговой нации. Уже в начале 1890-х годов в американских университетах начали появляться новые учебные курсы, называвшиеся «Принципы рекламы», «Умение продавать» и «Оптовая и розничная торговля». Были изданы академические учебники с названиями вроде «Реклама и ее психологические законы», «Психология в рекламе», и все они обещали научить искусству убеждения — по крайней мере, применительно к рекламе и продажам. Палмер занимался вопросами, которые не слишком интересовали «высокодуховный» и презирующий американских выскочек Старый свет. За что он вскоре и поплатился.

Странная вещь. Появляются новые приборы, технологии, навыки, но общий уровень знаний отдельного индивидуума неуклонно ползет вниз. Отсутствие привычки к чтению, серьезной музыке, а порою (почему бы нет) к изысканной пище и винам и многие другие признаки современной жизни массового человека — только внешняя сторона бездонной деинтеллектуализации общества. Современный человек разучился критически, самостоятельно мыслить. Сейчас идет тотальное оглушение всего человечества, и, что самое страшное, в первую очередь в бездонную глупость скатывается и то, что называет себя элитой нации — интеллигенция. Носительница образования для последующих поколений сама себе снижает планку знаний, плодит неучей, и возвращенные интеллигенцией самонадеянные невежды правят невежественными массами. Такое случалось и прежде и приводило как к крушению государств, так и к уничтожению правящих ими элит. Едко пишет об этом феномене историк Юрий Мухин: «Весьма наглядна в этом отношении история Первой мировой войны, когда неспособные правители — все эти Гогенцоллерны, Романовы, Габсбурги,

перемешавшиеся между собой до вырождения, — сначала угробили миллионы своих подданных, а затем и собственные империи. Они так и не поняли, что мир политики ныне неразрывно связан с миром информационным».

Информационное противостояние в годы Первой мировой стало одним из трех главных орудий войны (наряду с военным и экономическим воздействием на врага). Это сегодня очевидно, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, а пропаганда является главным родом войск в любой войне; это сегодня мы на собственном опыте могли убедиться, что «пятая колонна» предателей является более действенными пропагандистами, нежели официальные пропагандисты противника. Но в начале XX века простая истина, что, поскольку ложь для обмана противника естественна в любой войне, то они профессионально необходимы и в военной пропаганде, оказалась выше понимания правителей дряхлых полуфеодальных империй.

Передовые технологии западных союзников в информационной войне наглядно подтвердили наступление новой эпохи — власти общественного мнения, точнее, власти тех, кто умеет этим общественным мнением манипулировать.

«Оперировать истиной» — вот основной принцип руководителя пропагандистской машины союзников лорда Нортклифа. Оперирование, считал он, могло иметь шансы на успех, «если пропаганда задолго предшествует событиям реальной политики». Нортклиф был вхож в правительство, общался с самим премьером, находился в курсе всех его политических предположений, что, в свою очередь, помогало планировать долгосрочные проекты: «Пропаганда должна расчистить путь политике и формировать общественное мнение незаметным образом» (20).

Принципиально новым в пропаганде западных союзников представляется то, что она стремилась не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ — подобные схемы очевидны и использовались в войнах почти всегда. Но всеобъемлющий охват тем для пропаганды, неожиданность технологических приемов, работа с общественным мнением всего мира через средства массовой информации — все это стало революцией в сфере воздействия на массовое сознание. Немцев старались знакомить с преимуществами военного положения союзников, с громадным превосходством их военных запасов, с их научными открытиями. Одновременно перед немцами западные пропагандисты рисовали радужную картину того, что будет представлять собой мир после войны; при помощи пропаганды немцам внушалось, что в тот же самый момент, когда они избавятся от своего правительства, союзники предоставят им широкую возможность

возрождения и нового государственного строительства. Что им нечего опасаться разрушения и уничтожения державы, что война велась лишь против кайзера и правящего дома Германии, но не против германского народа. Разве что в объединенную Европу не зазывали.

Конечно, пропаганда союзников отражалась на дисциплине как в немецкой, так и в австрийской действующих армиях. Во время наступления при Пиаве австриякам пришлось даже выделить пулеметные отряды для предупреждения массового дезертирства. Так что рассказы о Сталине, впервые применившим такую драконовскую меру как заградотряды для поддержания воинской дисциплины — не более чем байки. При упомянутом наступлении среди чехословацких отрядов началось восстание. Его немедленно и жестко подавили немецкие и венгерские части, и об этом кровавом инциденте все участвовавшие в нем стороны помнили весьма долго. Таковы свойства исторической памяти — искать в прошлом корни сегодняшних проблем. К слову сказать, во время Первой мировой войны пропаганда широко использовала также и исторический материал, для чего историки и журналисты придавали minulым событиям ту или иную окраску, а то и просто фальсифицировали прошлое в соответствии с требованиями момента.

В числе прочих отличался этим и популярный итальянский журналист Бенито Муссолини, редактор газеты «Пополо д'Италия». Оппонируя своим противникам, Муссолини разработал очень эффектную публицистическую манеру письма, энергичную и язвительную, способную прикрыть слабость любого аргумента. Стиль, который он рекомендовал все журналистам, должен быть всегда «волнующим» и «взрывным». И многие, как мы знаем, до сих пор этими наработками пользуются, поскольку воинствующий патриотизм всегда в цене. Тот же Муссолини к концу 1917 года увеличил тираж своей газеты до 60 000 экземпляров, получил множество заказов на рекламу, что увеличило доход издания почти в 8 раз (21).

Информационная война Германией была проиграна. Фактически руководивший в тот период немецкой армией генерал Людендорф писал: «Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубины страны пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов». Порою мысли немецкого служаки напрямую перекликаются с директивами лорда Нортклифа: «Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготавливать общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем политические намерения

превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности» (22).

Спустя полтора десятка лет после вышеописанных событий Йозеф Геббельс с горечью констатировал: «Английская пропаганда обратила против нас весь мир. Никто не думал, что они способны на это. Эксперты считают их планирование и исполнение блестящими. Английская пропаганда была ограничена несколькими главными девизами. С дьявольской порочностью они систематически распространялись по всему миру и вбивались в мозги миллионам людей... Они говорили об отрубленных руках детей, выколотых глазах, изнасилованных женщинах и пытках стариков. Долгие годы антигерманской пропагандистской кампании убедили весь мир, что немцы — это нация варваров, нецивилизованных и бесчеловечных, и что моральная и культурная обязанность всего остального населения Земли — уничтожить Германию и сломить ее мощь. Только тогда в мире воцарится мир и дружба. Это сделало для всего мира легким присоединение к Англии в ее битве с Германией» (23).

14 августа 1918 года Верховное командование германской армии дало знать императору, что оно не может надеяться «сломить боевой дух наших противников с помощью оружия» (из письма генерала Людендорфа кайзеру Вильгельму II). Чтобы обеспечить упорядоченное отступление, Людендорф настаивал на перемирии. Немецкий генералитет сознательно скрывал от немцев военный аспект поражения, что дало позже возможность переложить ответственность на «внутреннего врага», якобы ударившего армии в спину. Однако, если следовать истине, сначала случился келейный факт признания военного поражения, и только потом наступил хаос в самой Германии — Ноябрьская революция, отречение кайзера и создание так называемой Веймарской республики.

Но широкие массы о письме генерала кайзеру, естественно, ничего не знали. Более того, многие немецкие патриоты были искренне убеждены, что их выстраданную победу украли и державе срочно нужен спаситель, который избавит нацию от незаслуженного унижения. Что необходим «фюрер» (вождь), и он скоро появится как мессия. Наиболее экзальтированные представляли его неким воплощением мистического Рыцаря со знаменитой гравюры Альбрехта Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» (24).

Одним из выброшенных на обочину жизни взрывной волной Ноябрьской революции оказался молодой фронтовик, неоднократно отмеченный наградами за храбрость, художник-любитель, свежее испеченный инструктор по пропаганде Адольф Гитлер. Он уже поднаторел в публичных выступлениях (правда, только в пределах

родной казармы), однако, по его словам, прекрасно понимал «какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Пропаганда является тем же орудием борьбы, а в руках знатока этого дела — самым страшным из орудий» (25).

И он был готов к его применению.

2. Ранний этап. Пропаганда в «Майн Кампф»

Итак, после Первой мировой войны началась новая эпоха. Молодые государства появились на карте Европы в результате распада старых империй; передовые технологии, доведенные до совершенства в боях с противником, специалисты стали приспосабливать к гражданским нуждам; множество женщин, во время войны занятых на производстве, не желали больше быть изолированными в своих семьях, но стремились к активной общественной жизни. И еще — во время войны миллионы людей в буквальном смысле на собственной шкуре убедились в эффективности воздействия пропагандистских технологий, а значит, листовки, профессиональные агитаторы, организованные кампании в СМИ стали неотъемлемой частью пейзажа послевоенной европейской политики.

Новая эпоха дала основание исследователю Рудольфу Зульцману заявить: «Пропаганда стала теперь средством ведения войны, применение которого никак не регулируется нормами международного права. (По сути, борьба за свободу обмена информацией это борьба за право вести свою пропаганду. — К.К.) Пропаганда подобна снаряду, снабженному множеством дистанционных взрывателей, заставляющих его взрываться по прошествии многих десятилетий и разбрасывать вокруг себя питательную среду для бесчисленных укоров и обид, мешающих нормализации международных отношений» (1).

Взрыватели застарелых исторических обид можно привести в действие в любое время. Даже в наше, казалось бы, глобализированное общество достаточно легко запустить вирус недоверия между народами. Достаточно вспомнить какое-нибудь историческое недоразумение, а еще лучше реальную трагедию, приписать ее злой воле соседей и все — «долг памяти» необходимо отплатить, «жертвы вызывают об отмщении», «справедливость должна быть восстановлена». Если такие политические номера удаются даже у нынешних политических карликов, то можно только представить каков был эффект, когда за дело брались такие мастера демагогии, как Муссолини или Гитлер.

На фронтах Первой мировой войны Гитлер зарекомендовал себя как храбрый солдат. Еще 2 декабря 1914 года его наградили Железным крестом II класса, позднее — «Крестом за военные заслуги» 3-го класса с мечами, затем — полковым дипломом за выдающуюся храбрость в бою

при Фонтене, служебным знаком отличия 3 класса и, наконец, 4 августа 1918 года — Железным крестом I класса (2). По иронии судьбы, своей высшей военной наградой — упомянутым Железным крестом, которым Гитлер всю жизнь искренне гордился, он был обязан офицеру-еврею. Воинские начальники отмечали, что Гитлер был подтянутым, ловким, бесстрашным и хладнокровным солдатом. Кроме феноменального для скупой на поощрения германской армии количества боевых наград он имел на своем счету и серьезное ранение. Каково же было возмущение этого, без сомнения, храброго фронтовика, когда в конце ноября, вернувшись после госпиталя в Мюнхен, Гитлер увидел, что государство, которому он беззаветно служил, находится в стадии распада и революционного брожения. Это было время, когда коммунисты провозгласили в Баварии Советскую республику.

Романтическое время иллюзий, когда вдохновители баварской революции поэты Эрнст Толлер и Эрих Мюзам опубликовали указ, в котором говорилось о превращении мира в «луг, усеянный цветами», где «каждый может срывать свою долю», а также упразднялся труд, субординация и правовая мысль. Местным газетам, к слову, предписывалось публиковать на первых страницах рядом с последними революционными декретами стихотворения Гельдерлина или Шиллера. Для защиты Баварской Советской республики была создана Красная армия, в которую устремились русские военнопленные, и даже в батальоне, где служил Гитлер, чинили суд Советы солдатских уполномоченных.

Впрочем, любая революция чревата борьбой и эксцессами. Центром контрреволюционных сил Мюнхена стала штаб-квартира ордена «Туле» в отеле «Четыре времени года». Что это за организация, мы расскажем позже, пока лишь заметим, что именно на орден «Туле» обрушились репрессии коммунистов после убийства контрреволюционерами председателя министров Баварской Советской республики: несколько членов ордена «Туле» расстреляли как заложников. На этом, можно сказать, Баварская Советская республика и скончалась. Ее раздавили армейские части при поддержке вооруженных добровольцев — немцы не захотели повторить опыт коммунистической революции в России. Карательные отряды немецкой армии расстреляли несколько десятков русских военнопленных, уничтожили санитарную колонну армии Советов, десятки мюнхенских рабочих были убиты, а позже пойманы и казнены руководители Баварской Советской республики — Курт Эглхофер, Густав Ландауэр и Евгений Левине. Бавария навсегда получила прививку от коммунистических экспериментов и до сих пор считается в Германии оплотом консервативных сил.

После уничтожения власти Советов начались репрессии. Гитлер, во

время революции находившийся в Мюнхене, получил задание по розыску унтер-офицеров и рядовых, поддерживавших коммунистические Советы. Он добросовестно проинформировал следственную комиссию, созданную в его II пехотном полку, об известных ему фактах и людях. У нас бы такого считали «стукачом», однако Гитлер именно так воспринял свой солдатский долг в новых условиях и старался максимально честно его выполнять. На подобном добровольном сотрудничестве до сих пор держится полицейский аппарат в западных странах.

Сведения, предоставленные Гитлером, сочли весьма важными, а его самого — ценным кадром и определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Там, в целях борьбы с коммунистическим влиянием, для солдат были организованы курсы «политического инструктажа», которые посещал Адольф Гитлер, и вскоре он получил назначение в один из полков, дислоцированных в Мюнхене. Гитлер так и не стал по окончании курсов офицером. Несмотря на необычно большое для своего воинского звания количество наград, он оставался в конце войны всего лишь ефрейтором, а потому не мог быть «офицером-учителем», но лишь — «доверенным сотрудником» в отделе «прессы и пропаганды» (позже в «отделе просвещения») (3).

«Так мне предоставили возможность, — пишет Гитлер, — выступать перед более многочисленной аудиторией» (4). Перед которой, добавим от себя, он начал оттачивать свое мастерство пропагандиста и стал развивать в себе ораторские способности, которые очень скоро оказались востребованными.

Страна была шокирована несправедливыми на взгляд немцев условиями Версальского мира. В самом деле, совсем недавно — 1 марта 1918 года — Германия, как ей казалось, находилась на пороге грандиозной победы. В этот день пал Киев, Людендорф оккупировал Украину и тем самым создал основу колонии-сателлита рейха (режим Центральной Рады и Гетманат). Кайзер стал герцогом Курляндии, в состав которой вошли Литва и Эстония, управляемые местным немецким меньшинством, а в апреле немецкие войска заняли Финляндию. 7 мая 1918 года Германия продиктовала Румынии условия мирного договора. Немецкие войска захватили Крым, запланированный для германского заселения, а в сентябре солдаты добрались до бакинских нефтяных скважин, готовясь сделать рывок в Закавказье, чтобы занять стратегические позиции на границе с Центральной Азией. И вдруг — неожиданный крах на Западном фронте и последовавшая за ним Ноябрьская революция в Германии.

Согласно условиям Версальского договора, Германия возвращала

Франции Эльзас и Лотарингию, захваченные ею во время франко-прусской войны, Бельгии — часть своей территории, Дании — часть Шлезвига. Восстановленной Польше прирезали территории, ранее захваченные немцами при ее разделах, политическая ответственность за развязывание Первой мировой войны ложилась на Германию, а начальный взнос по репарациям (5 миллиардов марок золотом) необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Германию фактически разоружили⁴ и так далее. Например, по предложенному вдогонку Версальскому договору «Плану Юнга», Германия выплачивала бы репарации на сумму 2 миллиона золотых марок ежегодно вплоть до 1965 года (5).

Нацистское движение рождено в 1920 году народным отчаянием и уходило корнями в широко распространенное желание противостоять политике Веймарской республики, направленной на буквальное выполнение всех требований победителей. Множество патриотических движений и обществ мучительно искали выход из сложившейся ситуации, которая грозила, по их мнению, самому существованию германской нации. Одним из самых влиятельных в этом пестром водовороте считалось общество «Туле».

Общество «Туле» — созданный после Первой мировой войны в Мюнхене по образцу масонских лож орден. Его официальные цели — изучение и популяризация древнегерманской литературы и культуры. Почему-то все подобные общества начинают с культуры и литературы. Но, безусловно, задачи ставились значительно шире. Общество проповедовало крайний национализм, расовый мистицизм, оккультизм и антисемитизм и являлось филиалом Тевтонского ордена, чьи отделения были разбросаны по всей Германии. Пусть вас не смущает странное сочетание поэтического слова «орден» и бюрократического «отделения» — рыцарские ордена уже давно не являются военизированными структурами, а, скорее, сообществами избранных. Вот и доньше продолжает свою деятельность в разных странах родственный Тевтонскому орден рыцарей-госпитальеров (Мальтийский). Помнится, мне также предлагали вступить в подобную организацию, то есть и в Украине они уже имеются. И, между прочим, активно действуют.

Туле — так называлась легендарная земля, о которой сообщал греческий географ Пифей и которая представлялась немецким ученым прародиной древней германской расы. Ее местонахождение исследователи определяли по-разному — как Норвегию (и в целом Скандинавию), Исландию и даже один из Шетландских островов. Общество «Туле» широко использовало мистические символы, например

⁴ Вооруженные силы Германии ограничивались сотысячной армией добровольцев, которым запрещалось иметь на вооружении танки и самолеты.

свастику, и сложные тщательно разработанные магические ритуалы. Девиз общества: «Помни, что ты — немец. Держи свою кровь в чистоте!»

Основатель ордена Рудольф фон Зеботтендорф привлек к деятельности организации около 250 человек в самом Мюнхене и более полутора тысяч по всей Баварии. Среди них имелись влиятельные журналисты, писатели, поэты, преподаватели университетов, армейские офицеры. В списках «Туле» числились будущие видные деятели национал-социализма: Дитрих Эккарт, Рудольф Гесс, Альфред Розенберг.

Стараясь найти опору в широких народных массах, члены общества вели переговоры с основателем маленькой Немецкой рабочей партии слесарем Антоном Дрекслером о том, чтобы через него наладить связь с рабочим классом и распространять свои идеи среди пролетариата. И это были отнюдь не пустые мечты.

Как известно — кому война, а кому мать родна. Послевоенный полураспад государства предоставлял кучке дельцов фантастические возможности обогащения. «Люди это видели и негодовали. Четкое ощущение взаимосвязи между стремительными карьерами капиталистов и массовым обнищанием породило у пострадавших такое чувство, что они подвергаются социальному издевательству, и это чувство переходило в неослабевающее ожесточение» (6). К тому же компромиссный характер парламентских режимов, их слабость в принятии решений и частый паралич власти не обладали притягательной силой для миллионов молодых мужчин, усвоивших после кровопролитной войны миф о боевом братстве и эффективном военном управлении.

К тому времени в партии слесаря Антона Дрекслера появилось новое лицо — Адольф Гитлер, который в качестве наблюдателя от своего ведомства зашел на партийное собрание и, не удержавшись в роли стороннего слушателя, выступил перед присутствующими. Темперамент оратора произвел столь сильное впечатление на Дрекслера, что тот немедленно ввел его в руководство Немецкой рабочей партии (позже переименованной в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП)). В новом названии партии можно усмотреть желание, не теряя продиктованную орденом Туле националистическую ориентацию, усилить привлекательную для рабочих социалистическую фразеологию. Уже в начале политической деятельности партии Гитлер заявил, что «главное не в том, чтобы привлечь на свою сторону жаждущее лишь порядка и спокойствия бюргерство, чья политическая позиция продиктована, прежде всего, трусостью, но в том, чтобы воодушевить своими идеями рабочих» (7).

Духовным отцом национал-социализма часто называют Дитриха Эккарта, который был на двадцать один год старше Гитлера и которому

будущий фюрер посвятил библию национал-социализма, свою книгу «Майн Кампф». Остроумный журналист Эккарт вел богемный образ жизни и, как следствие, пристрастился к спиртному и морфию. Он писал пьесы, некоторые из них принесли ему широкую известность в узких кругах: «Генрих VI», «Лягушачий король», «Отец семейства», «Генрих Гогенштауфен», а также названная им «делом всей жизни» трагедия «Лоренцаччио». Какое-то время Эккарт даже находился в психиатрической клинике, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных (8). Он умер в декабре 1923 года от белой горячки.

Другие персонажи свежеепеченной Национал-социалистической рабочей партии представляются нам не менее колоритными фигурами. Например, будущий идеолог движения Альфред Розенберг являлся эмигрантом из России, говорил по-русски лучше, чем по-немецки, и еще в 1917 году в Москве получил диплом архитектора. Что символично — за проект крематория. Розенберг был одержим намерением создать новую расовую мораль, новую элиту, новый эстетический идеал. Забегая вперед, отметим — это ему вполне удалось.

Храбрый фронтовик и ярый гомосексуалист Эрнст Рём обеспечил движению поддержку военных и ветеранов, вроде будущего «наци № 2» Германа Геринга, героя Первой мировой войны, воздушного аса, последнего командира легендарной эскадрильи «Рихтгофен», национальной святыне германских ВВС. Из фронтовиков были также Рудольф Гесс, бывший научный ассистент у всемирно известного геополитика, профессора Мюнхенского университета Хаусхофера, и будущий министр иностранных дел Иоахим Риббентроп (хотя открыто он примкнул к движению позже). Риббентроп во время Первой мировой воевал на Восточном фронте, заслужил Железный крест, имел несколько ранений, в том числе тяжелое.

И прочие ветераны НСДАП оказались не лишены человеческих достоинств. Известно, что будущий глава смертоносных СС и палач Европы Генрих Гиммлер был лично фантастически честен и презирал роскошь. Даже в эпоху расцвета Третьего рейха он получал относительно небольшое жалованье — около 24 тысяч марок в год, которые тратил экономно, а поездки своих пожилых родителей на служебном транспорте СС оплачивал из собственного кармана.

Любопытно, что в свое время отец Гиммлера предпринял выдающееся путешествие на санях через царскую Россию — аж до Новой Земли, и он никогда не мог забыть свое впечатление от бескрайних русских просторов. В школе папа будущего рейхсфюрера СС часто рисовал мелом карту на доске и доказывал невозможность завоевания России с запада.

«Россия — это открытый треугольник, — говорил ученикам Гиммлер-старший. — Кто бы ни пытался напасть на нее с запада, сумеет захватить лишь огромные снежные пустоши и неизбежно повторит печальную судьбу Наполеона» (9). Но для чего существует чужой опыт — чтобы его никто никогда не учитывал.

Однако пока перед юной партией стояли куда более актуальные задачи, нежели военные завоевания. Позже Гитлер в книге «Моя борьба» вспоминал о первоочередных шагах национал-социалистов: «Только на путях пропаганды можно было создать первое небольшое ядро, проникшееся идеями нашего нового учения, и затем можно было подобрать тот человеческий материал, из которого позднее должны были создаваться первые элементы организации» (10).

В начале 1920 года Гитлер, как человек ответственный в партии за пропагандистскую работу, сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала. И митинг состоялся 24 февраля 1920 года в известном в Мюнхене пивном заведении «Хофбройхаус» на две тысячи посадочных мест (политические собрания часто проходили и проходят в Германии в тамошних огромных пивных). В ходе своего выступления Гитлер впервые огласил сочиненные штатным экономистом партии Готтфридом Федером двадцать пять пунктов программы Национал-социалистической рабочей партии Германии. Многие пункты партийной программы отвечали настроениям низших классов и подразумевали, например, отмену нетрудовых доходов, национализацию трестов, дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством, ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей и т.д. В заключение собрания присутствующими единогласно была принята резолюция против решения властей передать еврейской общине в Мюнхене 40 тонн пшеничной муки для выпечки мацы, «в то время как 10 000 тяжелобольных не имеют хлеба» (11).

Да, уже тогда еврейская тема Гитлером эксплуатировалась по полной партийной программе. В свои выступления он даже вставлял словечки на идиш и веселил публику нарочитым еврейским акцентом: «Это интернационал диктатуры еврейских биржевиков. У этого народа общее происхождение, общая религия и общий язык — «ви таки знаете, это язык жестов» (12).

Гитлер, несомненно, понимал то, «что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств» (Дизраэли). Частью пропаганды НСДАП стала точно организованная, детально отточенная реализация научно обоснованного психологами Ле Боном и МакДугаллом пренебрежения массой, и квалифицированный

пропагандист Адольф Гитлер с этими трудами был знаком. Ле Бон определял массу как субстанцию, полностью подверженную чужому влиянию, легковерную и некритичную толпу. Он утверждал, что индивид в толпе перестает ощущать себя сознательной личностью, и делал вывод: тому, кто хочет воздействовать на массу, должен рисовать картину бытия сильными мазками, преувеличивать и всегда повторять одно и то же. В том же ряду находится положение МакДугалла о том, что уровень толпы определяется ее наименее образованными представителями.

Гитлер считал, что людям нужны не только идеи, но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны привлекать массы, как и акты насилия, которые вселяют в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

Для решения первой задачи летом 1920 года Гитлер выдвинул идею, которую можно назвать блестящей. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело бы воображением народа. Так с герба ордена Туле была извлечена свастика, которая со временем стала одним из главных символов нацистской пропаганды.

Ну, и, как говорится, «добро должно быть с кулаками». По поручению партии ранее имевший судимость часовщик Эмиль Морис стал сколачивать отряды боевиков. 3 августа 1921 года в структуре нацистской партии возник «гимнастический и спортивный отдел». 5 октября «гимнасты» и «спортсмены» получили новое название — «штурмовые отряды» (СА). Позже Гитлер так определял цель их появления: «Начиная с 1920 года, совершались непрерывные нападения на собрания и на ораторов. Чтобы противостоять этому террору, проводить собрания и защищать ораторов и руководителей, из молодых членов партии был создан отряд самозащиты, который назвали штурмовым отрядом» (13).

Возникающий партийный аппарат помогает Гитлеру в его усилиях, и вскоре жалкие, написанные от руки объявления о собраниях меняются на размноженные типографским способом красочные приглашения. Одновременно партия начинает публиковать сведения о своих митингах в местной националистической газетенке «Мюнхенер беобахтер»⁵. На столики в пивных, где проводились мероприятия, выкладываются проспекты и листовки. Более того, Гитлер решился на неслыханный доселе шаг — взимание входной платы за присутствие на публичных мероприятиях маленькой, неизвестной партии.

Для пополнения партийной казны также выпускались облигации, которые члены партии должны были приобретать и распространять; только в первой половине 1921 года было выпущено не менее 40 000 таких

⁵ Позже выкупленной нацистами и переименованной в «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель»).

облигаций по десять марок каждая (14). Далее следует приказ по партии — каждый член партии должен завербовать трех новых, а также одного подписчика на «Фэлькишер беобахтер». Порою для добычи денег в ход шли и совсем уже нетрадиционные приемы. Так, бордель на берлинской Тауэнтциенштрассе, по инициативе одного из основателей партии Шойбнера-Рихтера, служил национальному делу, переводя свои доходы в адрес штаб-квартиры партии в Мюнхене (15).

Все эти весьма энергичные меры скоро дали зримый результат. Если в конце января 1922 года партия насчитывала всего 6000 членов, то в ноябре следующего их число уже превышает 55 000. О том, что партия уже вошла в широкое сознание, косвенно свидетельствовало и распространившееся прозвище партийцев — «наци» — сокращенная форма от «национал-социалист», а для баварцев уменьшительно-ласкательное от имени Игнац, что носило доверительно-фамильярный оттенок (16).

Гитлер продолжал следить и за тем, чтобы партия продолжала вызывать симпатии у широких слоев трудящихся. Все сторонники Движения (слово официально писалось с большой буквы) приходили на митинги без галстуков и воротничков и одевались весьма скромно, дабы тем самым вызывать доверие к себе простых рабочих. Кроме того, чтобы показать массовость, демократичность и доступность партии, всячески популяризировались хоровые декламации патриотических стихов и политических речевок, что создавало у присутствующих ощущение силы Движения и его сплоченности в достижении поставленных задач.

Сам Гитлер, выступая в дискуссиях, всегда говорил свободно, без подготовки, но заранее приказывал членам партии подавать определенные реплики, которые, создавая впечатление живой реакции на выступление, придавали силу его высказываниям. Не довольствуясь достигнутым, он послал несколько своих человек на курсы ораторского мастерства, организованных левыми партиями для своих членов. Смысл разведки состоял в том, чтобы узнать темы выступлений оппонентов в дискуссиях и во время выступления давать им достойный отпор.

Так из усилий нескольких людей родилась мощная политическая сила, деяния которой во многом определили историю XX века. К тому времени признанным лидером партии, ее неутомимым двигателем и мозговым центром стал Адольф Гитлер. Генерал Людендорф, центральная фигура правого политического лагеря Германии той эпохи, искренне восхищался Гитлером и был готов к союзу с неожиданно мощным партнером: «Он единственный человек, обладающий политическим чутьем», — сказал генерал о ефрейторе (17). Когда французский философ Бертран де Жувенель спросил Гитлера о причинах его успеха, тот ответил: «Говорят о моем голосе, моем даре гипнотизера, моих качествах оратора. Чуть!»

Мой секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы» (18).

В 1924 году американский исследователь Уолтер Липманн в своей прославленной работе «Общественное мнение» определил, что «всем процессом восприятия управляют стереотипы — предвзятые мнения». Для закрепления в сознании масс стереотипов пропаганда использует многократное, настойчивое повторение одних и тех же слов, фраз, которые, в конце концов, становятся символами. В наши дни это заклинания вроде «свобода слова», «демократия», недавно — «перестройка», «общечеловеческие ценности». Постоянное воспроизведение сфабрикованных стереотипов создает предпосылки для их некритического восприятия и усвоения аудиторией как некой объективно существующей реальности (19).

Еще в начале 20-х годов прошлого века нацистские идеологи начали планомерно создавать пропагандистские стереотипы: «обездоленного и преданного немца», «еврея-ростовщика», «кровопийцы и банкира», «марксиста-разрушителя нравственных начал и семьи», «негроидных народов — французов и итальянцев», «англичан — душителей немецких национальных интересов». Гитлер откровенно заявлял: «Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т. д. Вот эту самую простую, но великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным способом» (20).

И сам Гитлер в огромной степени обладал даром всех великих демагогов — умением сводить сложные вопросы к пламенным призывам и крылатым фразам. «В ранние годы он владел голосом, речью и аудиторией так, как не получится никогда и ни у кого», — вспоминал бывший пресс-секретарь Гитлера Эрнст Ханфштангль. (21)

«Гитлер прошел быстрым уверенным шагом, безусловно выдававшим в нем бывшего военного», — описывает Ханфштангль одно из собраний. «Первые десять минут он излагал историю последних трех-четырёх лет, очень грамотно аргументируя свою позицию. Негромким сдержанным голосом он нарисовал картину происходившего в Германии с ноября 1918 года: крах монархии и Версальский мир, основание республики после бесславного поражения в войне, понимание ошибочности международного марксизма и пацифизма, вечная классовая борьба и в результате — безнадежная патовая ситуация с работодателями и рабочими, с националистами и социалистами. Когда он чувствовал, что аудитории интересна тема его речи, он слегка отодвигал левую ногу в сторону, как солдат, стоящий по стойке «вольно», и начинал активно

жестикулировать, демонстрируя богатейший арсенал жестов. В его речи не было того лая и криков, которые выработались у него позже, у него был потрясающий насмешливый юмор, который, обличая, не был оскорбительным. По мере приближения к основной теме своей речи он стал говорить быстрее, его руки отмечали главные моменты тезисов и антитезисов, сопровождая взлеты и падения его интонации, усиливая масштабность проблем и подчеркивая основные идеи. Иногда ему возражали. Тогда Гитлер слегка подымал правую руку, будто ловя мяч, или сгибал руки и одним-двумя словами возвращал аудиторию на свою сторону. В паре метров от меня сидела молодая женщина, ее глаза были прикованы к говорящему.словно в религиозном экстазе, она перестала быть собой и полностью попала под колдовство абсолютной веры Гитлера в будущее величие Германии» (22).

Довольно часто Гитлер заканчивал свое выступление произнесением клятвы верности, которую участники собрания должны повторять следом за ним, или же, вперив глаза в потолок зала, скандировал: «Германия! Германия! Германия!», пока то же самое не начинал хором повторять весь зал (23).

Пытаясь понять, почему Гитлер столь сильно влиял на свое окружение, известный психолог Э. Фромм называет несколько причин: непоколебимая уверенность в своих идеях; простота речи; актерское дарование; совершенное владение тембром и эмоциональными оттенками своего голоса; неподдельность эмоций; исключительная память; умение рассуждать на любую тему (24). Можно добавить, что все эти качества у него были тщательно тренированы, отрепетированы и приспособлены к пропагандистской работе.

Кроме того, Гитлер заботился о том, что сегодня бы назвали пиаром. Фотограф Генрих Гофман (в будущем близкий друг Гитлера) получает редакционное задание впервые сфотографировать таинственного вождя и сталкивается с неожиданными трудностями: «Гитлер имеет серьезные основания для того, чтобы не разрешать себя фотографировать. Это один из множества ходов в той политической игре, которую он ведет, и то, что он прячется от фотографов, дает поразительные результаты. Все о нем слышали и читали, но никто еще не видел, как он выглядит. Люди заинтригованы, они сгорают от любопытства, вот почему они валом валят на его митинги. Приходят из любопытства, а уходят членами его движения» (25). Не гнушался будущий вождь нации и общения с простыми смертными. «В ранние годы, когда Гитлер еще не был так хорошо известен в Германии, он часто останавливал свою машину, чтобы протянуть небольшую сумму денег или пачку сигарет молодым бродягам. Однажды он заметил человека, идущего в одиночестве под проливным дождем, и, остановив машину, отдал незнакомцу свой плащ» (26).

Но, конечно, целью подобных демаршей являлась не дешевая благотворительность. «Задачей пропаганды является неустанная забота о том, чтобы завоевывать все новых и новых сторонников данных идей. Задачей же организации всегда будет неустанная забота об отборе наиболее ценных из сторонников движения с целью превращения их в членов партии. Вот почему пропаганда не обязана специально заботиться о том, насколько завоеванные ею сторонники являются людьми способными, людьми понимающими, людьми с интеллектом. Организация же, наоборот, специально занята тем, что из всей массы сторонников она самым тщательным образом отбирает именно те элементы, которые действительно способны обеспечить победу движению» («Майн Кампф») (27).

Как видим, фюрер весьма четко ставил задачи и расставлял приоритеты: «Первейшая задача пропаганды завоевывать симпатии тех людей, из числа которых впоследствии составиться организация. Первейшая задача организации завоевать тех людей, которые пригодны для дальнейшего ведения пропаганды. Вторая задача пропаганды — подорвать веру в существующий порядок вещей и пропитать людей верой в новое учение. Вторая задача организации — борьба за власть, чтобы таким путем обеспечить окончательный успех данного учения» (28).

И еще одно любопытное откровение фюрера, характеризующее его внимание к проблеме кадров: «Когда я говорю с людьми, — как-то обмолвился он в узком кругу, — особенно не входящими в партию или с теми, кто собирается порвать с нами по той или иной причине, я всегда говорю так, будто с их решением связана судьба нации. Что они могут показать пример многим, кто последует за нами. Каждый человек, богатый или бедный, где-то внутри себя ощущает некоторую незавершенность. Жизнь полна тягостных разочарований, с которыми люди не могут справиться. Где-то внутри их дремлет готовность рискнуть последним, отважиться на поступок, который сможет изменить их жизни. Они готовы потратить последние деньги на лотерейный билет. Моя задача направить эти стремления в политическое русло. В сущности, каждое политическое движение основывается на желании своих сторонников, мужчин и женщин, лучшей жизни не только для себя, но и для своих и чужих детей. Это не только вопрос денег. Кроме того, немцы чтят историю. Миллионы их соотечественников погибли в войне, и когда я взываю к этим жертвам, высекается первая искра. Чем скромнее человек, тем сильнее его стремление ассоциировать себя с вещами большими, чем он сам» (29).

Тем более в Германии того времени действительно наблюдался патриотический подъем, связанный с очередным обострением немецко-

французских отношений. В 1923 году в обеспечение репарационных выплат Франция оккупировала главный промышленный район Германии — Рурскую область. Вступавшие в Рурскую область французские войска столкнулись с пассивным сопротивлением немецкого народа. Их встречали на улицах огромные скопления людей, с неприязнью и ожесточением певших патриотическую «Вахту на Рейне». Вскоре французские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию рабочих на территории завода Круппа в Эссене. Погибло тринадцать немцев, и свыше тридцати ранено. В похоронах жертв оккупационного произвола участвовало свыше полумиллиона человек.

Кроме того, перед французским военным судом предстал молодой нацист, некто Лео Шлагетер. Несмотря на предупреждение французских властей, что саботажников будут казнить, Лео организовал взрыв на железной дороге. Казнь юного нациста-саботажника вызвала возмущение в Германии — сограждане Лео задавали себе вопрос, насколько правомерно убийство немецкого гражданина на немецкой территории в мирное время.

Шлагетер, вступивший в нацистскую партию годом раньше, стал для нацистов одним из первых героев в их пантеоне мучеников. Ну, и конечно, герои требуют отмщения. Вальтер Кадов, который выдал Лео французским властям, через некоторое время был убит неизвестными. Согласно официальной нацистской историографии, акт возмездия совершили Рудольф Гесс и Мартин Борман.

Драматические события в Рурской области, наряду с новыми экономическими ультиматумами союзников, спровоцировали экономический крах и невиданную в истории Германии инфляцию. К 30 ноября 1923 года эмиссия процентов достигла 4000 квинтильонов (миллиард миллиардов) марок. Банки брали 35 процентов в день за кредит, а выдавали вкладчикам только 18 за год. Мелкие вкладчики и владельцы правительственных облигаций потеряли все.

В то же время правительство, землевладельцы, которые погасили все свои полисы, промышленники, которые, возвращая свои долги бесполезными бумажками, становились абсолютными собственниками основного капитала, оказались в громадном выигрыше. Это стало одним из самых больших и грубых перераспределений богатства в истории XX века, сравнимого только с приватизацией на постсоветском пространстве. Для миллионов жертв Большой инфляции ее наследством явилась неугасимая ненависть к Веймарской республике, к ее истеблишменту, к Версальскому договору, к союзникам и ко всем тем, кто был с ними связан в Германии. Лозунг Гитлера «Долой предателей Отечества, долой ноябрьских преступников!» нашел сотни тысяч

преданных сторонников. Немецкий средний класс изменил свою ориентацию — с демократической на националистическую.

Понятия «Родина», «патриотизм», «национальное возрождение» всегда являются бесприкрытыми доводами в устах манипулятора сознанием. Но не менее важно найти для них объединяющую, точную и ёмкую формулировку. В 1923 году немецкий писатель-националист (и, кстати, большой почитатель Достоевского) Артур Мёллер ван дер Брук использовал термин «Третий рейх» для названия своей книги⁶. Симпатизируя расовой доктрине, Мёллер призывал немцев поддержать теорию превосходства нордической расы. Будущее, говорил он, целиком лежит в неразрывном союзе между Пруссией и остальной Германией. Он призывал соотечественников вернуться к сути примитивных и классических времен и продемонстрировать свое презрение к западному рационализму. Германия должна стать авторитарным государством с полностью централизованной, контролируемой и плановой экономикой. Все эти идеи и были изложены в его главной работе «Третий рейх» (1923).

Гитлер мгновенно оценил пропагандистскую привлекательность нового термина — «Третий рейх». Это название нравилось ему и потому, что имело некую мистическую связь со Средневековьем, когда «третье царство» считалось тысячелетним. Идея национального возрождения, не связанная с западным рационализмом, своим уникальным путем идущего от самой истории германского народа витала в воздухе. Немцы — нация высокообразованная, знающая и понимающая интеллектуализм, и если уж немецкая философия (явление мировое, как и «русская литература», «итальянская опера» и т. д.) склоняется к таким выводам, то, предполагал обыватель, так оно и есть.

Разочаровавшись в современном ему обществе, Мёллер в 1925 году покончил жизнь самоубийством. Вообще, национал-социализм во многом был движением разочарованных Веймарской республикой интеллектуалов. Отто Штрассер, родной брат одного из лидеров нацистской партии Грегора Штрассера, считал, что «ни один будущий историк не может понять и объяснить Третий рейх, не прочитав «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм» Освальда Шпенглера, «Народ без пространства» и «Неунаследованное наследство» Ханса Гримма и другие подобные труды» (30).

Большинство людей склонны к подражательному поведению, ориентируясь в своих поступках на действия авторитетных для них лидеров мнений. Им свойственно брать пример с тех, кого они «уважают», в данном случае, научной и интеллектуальной элиты нации. Но главное, чтобы к определенному выводу общество пришло как

⁶ Первый рейх — это Священная Римская империя, Второй, соответственно, Германская империя Гогенцоллернов.

бы по собственному разумению, в результате развития собственных интеллектуальных возможностей.

Как замечает Г. Шиллер: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» (31). Для примера можно вспомнить и тезис о неизбежном распаде «последней империи» — СССР — только «потому, что все империи распались». Если, под воздействием полученных от лидеров мнения и распространенных средствами массовой информации сигналов, человек перестраивает свои воззрения и начинает действовать по новой программе — манипуляция состоялась. Часто это происходит потому, что просто окунуться в бурный поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. «Чужим умом живет средний человек, по крайней мере, в сфере идеологии, стандартов потребления и желаемого образа жизни» (32). Вот почему сегодня СМИ считают самым мощным и эффективным средством господства над людьми, «четвертая власть» — это больше, чем власть в государственном значении этого слова.

И, конечно, направляемые определенной политической волей СМИ издревле этим пользуются. До сих пор выдающимся успехом пропагандистского влияния СМИ считается неожиданная победа консерваторов на выборах в 1925 году в Англии. Тогда несколько миллионов избирателей за несколько дней до выборов круто изменили свои намерения в результате дезинформации, которую распространила английская пресса⁷. Последующее разоблачение не имело эффекта — ведь никто не докажет, что именно эта фальшивка повлияла на избирателей, а дело сделано.

Кстати, о Коминтерне. Необходимо помнить, что двадцатые годы были в Германии временами ожесточенного соперничества с коммунистами. Победившая революция в России стала наглядным примером построения бесклассового общества по рецептам Карла Маркса. Понятное дело, что на родине основателя марксизма борьба за воплощение его наследия на практике приняла особо ожесточенный характер. Один из ранних призывов НСДАП гласил: «Вы хотите сперва увидеть в каждом городе тысячи людей повешенными на фонарях? Вы хотите сперва дожидаться, чтобы, как в России, в каждом городе начала действовать большевистская «чрезвычайка»? Вы хотите сперва пройти по трупам ваших жен и детей?» (33). Гитлер весьма эффективно начал использовать страх от красного террора, настаивая снова и снова, что коммунисты в России уже уничтожили около 30 миллионов человек.

⁷ Т. н. «Письмо Коминтерна», в котором якобы московские коммунисты рассуждали о желательности победы лейбористов.

Хотя тот факт, что в его цифре произвольно прибавлен один ноль, ни в коем случае не уменьшает трагизма человеческих потерь на бескрайних просторах бывшей Российской империи.

В своих поездках «Гитлер всегда имел наготове карту города. Эти предосторожности не были чрезмерными, т. к. коммунисты постоянно ждали нас, готовые атаковать, и два раза в Кёльне и Бреслау после неправильного поворота мы попадали на улицы с красными флагами, которые приходилось преодолевать сквозь кулаки и крики толпы. Не нужно забывать, насколько были сильны коммунисты в те годы. В «красных» городах, типа Хемница, люди даже не осмеливались наряжать рождественские елки из страха быть атакованными фанатиками» (34).

Красные имели в своем арсенале и значительную поддержку деятелей культуры, в лице так называемого «культур-большевизма». Получивший распространение модернизм и такие его направления, как экспрессионизм, творческие объединения вроде «Голубого всадника», «Дада» и др. традиционно пользовались симпатиями левой интеллигенции. Это была эпоха расцвета немецкого театра, и пользовавшиеся широчайшей популярностью театральные постановки провокационно увлеклись такими темами, как отцеубийство, кровосмешение и преступления (35). Защитная реакция консерваторов, оборонявших традиционные ценности народа, была не менее страстной и одновременно пронизанной мучительным страхом перед анархией и коммунистической революцией. И, конечно же, это политическое, культурное и мировоззренческое противостояние выплескивалось на улицы. Женщина-врач, работавшая в больнице одного саксонского фабричного городка, вспоминала о тех временах: «Когда вечером после собраний к нам поступали раненые, я сразу же видела, к какой партии принадлежал пострадавший, даже если он был уже раздет и лежал в кровати: пациенты с черепными ранами, нанесенными пивными кружками или ножками от стульев, были нацисты, с ножевыми ранами в груди — коммунисты» (36).

Но все же упрямая статистика, обобщенная за четырехлетний период (1919-1922), свидетельствует о том, что, невзирая на страхи обывателей и прессы перед коммунистами, именно правые вели несоизмеримо более кровавую политику. Так, в 1922 году 354 убийства были совершены правыми, и только двадцать два — левыми. Виновные за каждое убийство стороны левых, предстали перед судом, десять были казнены, а другие двадцать восемь были осуждены в среднем на пятнадцать лет. Из убийств, совершенных правыми, 326 вообще остались нераскрыты, пятьдесят убийц признали себя виновными, но из них больше половины суды оправдали; двадцать четыре получили в

среднем по четыре месяца каждый (37). Это наглядно демонстрирует, на чьей стороне было государство и правящий класс Германии: безусловно, правых — традиционалистов, народников, консерваторов.

Весь лагерь националистов объединяла мощная фигура генерала Людендорфа — национального героя прошедшей войны. Человека незаурядного, гордившегося собственным скромным происхождением (в свое время он отказался от предложения кайзера возвести его во дворянство) и уже имевшего в подручных такого первоклассного демагога и организатора, коим являлся Гитлер.

Людендорф хотел революции одновременно социальной и национальной. В том была основная идея последовавшего 9 ноября 1923 года «пивного путча». Его целью стала попытка захватить власть сначала в Баварии, а потом распространить ее на всю Германию. Однако во время шествия колонны путчистов, возглавляемых Гитлером и Людендорфом, полиция открыла по демонстрантам огонь. Напрасно выскочивший навстречу полиции Юлиус Штрайхер (казненный в 1946 году по приговору Нюрнбергского трибунала) взывал: «Не стреляйте, идет его превосходительство Людендорф!» Полицейские в основном стреляли по ногам, но именно рикошетиющие пули и осколки гранитной брусчатки привели к большому числу опасных ранений. 14 национал-социалистов остались лежать убитыми на Одеон плац. Еще двое погибли в отряде Рёма, окруженного неподалеку баварской полицией. Позже в Третьем рейхе всех их возведут в ранг мучеников. Еще больше оказалось раненых. Среди них Геринг, которого дважды ранили в живот. Благодаря своей военной выучке, старые солдаты бросились ничком на землю при звуке пулеметных выстрелов. Среди пострадавших очутился и Гитлер. И только Людендорф, которого полицейские старались ни в коем случае не поранить, величественно продолжал идти вперед, пока не оказался среди полицейских, встретивших его весьма почтительно. И уж совсем никто не подозревал, что благодаря этой опереточной попытке восстания было сохранено единство империи и предотвращен запланированный на ближайшие дни куда более серьезно подготовленный государственный переворот баварских сепаратистов (38).

Если вы хотите завоевать популярность среди широких масс, создайте себе имидж борца за справедливость, преследуемого властями. Знаменитый «пивной путч», организованный с целью захватить власть, закончился провалом для заговорщиков, но обернулся грандиозным пропагандистским триумфом для партии и ее лидера, о которых до того мало кто знал за пределами Баварии и прилегающих земель.

Суд над организаторами «пивного путча» Гитлером и Людендорфом для СМИ стал событием общенациональной важности. С первого дня

судебных заседаний риторика будущего фюрера нации начала творить чудеса. Судьи вслух восхищались смелым «изменником». «Да он просто колоссальный парень, этот Гитлер!», — заметил один из них в разговоре с коллегой (39). Не молчала и патриотическая общественность. К примеру, в Байройте, музыкальной столице Германии, началась акция по сбору подписей, во время которой 10 тысяч подписавшихся требовали освобождения Гитлера. Как вы понимаете, жители сего изысканного аристократического городка были вовсе не пролетарии и крестьяне.

В конце концов, Гитлера приговорили к пяти годам заключения в крепости, что являлось минимальным наказанием по статье «измена родине». И все же общественность требовала от суда смягчить приговор. Лишь с большим трудом председателю суда удалось уговорить трех заседателей вообще признать подсудимых виновными, да и то после того, как он заверил их, что Гитлер может рассчитывать на досрочное помилование. После оглашения вердикта Гитлер показался в окне суда бурно приветствовавшей его толпе, а в зале за его спиной высились горы цветов. Людендорф, которого оправдали, негодовал: «Я воспринимаю это оправдание как позор. Мой почетный мундир и мои ордена этого не заслужили!» (40)

В июле 1922 года Гитлер уже сидел в тюрьме — четыре недели, за то, что он и его люди сорвали собрание Баварского союза, так что он в какой-то степени был готов к «тяжким испытаниям», но то, что его ожидало, превзошло все предположения. В тюрьме Ландсберг заключенных отлично кормили, в, так сказать, узилище имелся собственный оркестр, издавалась газета, у особо важных заключенных были свои денщики. Уюта ради, на стенах камер висели нацистские плакаты и картинки. В общем зале красовался большой флаг со свастикой. Заключенным выдавали пол-литра вина, либо одну кружку пива, а в особо жаркие дни позволяли насладиться еще одной дополнительной кружкой пива.

Гансу Келленбаху, болевшему малярией, врач разрешил выпивать один стакан водки в день, и это приятное обстоятельство использовали другие заключенные — сторонники Гитлера начали проносить спиртное в тюрьму. Заключенные Крибель, Гесс, Фрик, а также их посетители Готфрид Федер, Генрих Гиммлер, Генрих Гофман, Дитрих Эккарт собирались в большом зале для дружеского общения; немногочисленные одиночные камеры заранее резервировались для самых шумных участников, редко остававшихся трезвыми (41). А на тридцатипятилетие Гитлера цветы и подарки от почитателей заполнили несколько комнат в крепости и его личная камера, по словам одного очевидца, «напоминала магазин для деликатесов». Символично, что именно в тюрьме Ландсберг были позже казнены двенадцать его последователей, осужденных на Нюрнбергском

процессе (42).

Короче, вся атмосфера предполагала занятия творчеством, и Гитлер взялся за написание книги, которая в будущем позволила ему считаться писателем и жить с авторских гонораров — «Майн Кампф» («Моя борьба»). Нет никакого сомнения, что Гитлер не только сам писал свои речи, но и весь текст «Майн Кампф». Федерализм — главный внутренний враг государства. Германия должна строиться на расовом принципе и объединять всех немцев, необходимо установить диктаторскую власть фюрера, нужно свести счеты с Францией и увеличить свою территорию на Востоке за счет России — таковы основные тезисы сего монументального произведения, на сегодняшний день запрещенного во многих странах, в том числе и ФРГ. Но это не мешает политтехнологам всего мира припадать, словно к роднику живой воды, к тому разделу книги, что посвящена проблемам пропаганды.

Если верить патеру Штемпфле, который дважды правил всю рукопись «Майн Кампф», лишь одна глава написана фюрером без особых заимствований из других источников, а именно посвященная вопросам пропаганды. Ну, во-первых, таких глав две, а во-вторых, читая «Майн Кампф» легко обнаружить источники, использованные Гитлером для формулирования своего взгляда на пропаганду: это уже упомянутые нами Ле Бон «Психология масс» и МакДугалл «Коллективный разум». Плюс его собственный недюжинный опыт.

«Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарней должен быть ее идейный уровень: Всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов» (43) (помните все эти «500 дней» или «10 шагов навстречу людям»?).

«Задача пропаганды состоит не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту» (44) («Наше дело правое — враг будет разбит»).

«Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или неправ! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости» (45) («Юле — волю!»).

Кардинал Пачелли (с 1939 года — папа Пий XII) в 1925-1930 годах жил в Германии. Его нунциатура в Мюнхене находилась на той же улице и напротив резиденции нацистов, т. н. «Коричневого дома». Когда он прочел «Майн Кампф», он сказал о Гитлере прислуживавшей ему сестре Пескалине: «Это существо полностью владеет собой. Все, что говорит и пишет, носит отпечаток его эгоизма; этот человек перешагнет через

трупы. Я не могу понять, почему столько людей в Германии, даже среди лучших, не видят этого или, по крайней мере, не извлекают никаких уроков из того, что он говорит и пишет» (46).

Уже в июле 1924 года на книгу поступило 3000 заказов. За время существования режима «Майн Кампф» издана общим тиражом в 6250 тысяч экземпляров, принесла автору внушительный авторский доход и донесла до политикума важнейшее решение, которое принял Гитлер за время своего пребывания в тюрьме — за власть можно и нужно бороться легальным путем. Но для легальной избирательной борьбы необходимо навести порядок в собственной партии, которая за время отсутствия лидера попыталась расколоться, и нужны деньги, много денег.

Его освободили 20 декабря 1924 года, и он, истосковавшийся по музыке Вагнера, устремился прямо к дому своего друга (и прекрасного пианиста) Эрнста Ханфштангля и приказал ему: «Играй Libestod!» (заключительная ария из оперы «Тристан и Изольда», часто исполняемая как концертное произведение). На следующее утро он купил себе «мерседес» за 26 000 марок и с этого момента, пока не стал канцлером, настойчиво пытался обогнать любой автомобиль на дороге (47).

Пока Гитлер находился в Ландсберге, в Германии наступили большие перемены. Новый президент Рейхсбанка доктор Ялмар Шахт, стабилизировал валюту вводом обеспеченной золотом и конвертируемой за границей рейхсмарки, остановил выпуск бумажных денег и сократил правительственные расходы. Германская экономика, а в сущности, и вся мировая экономика вошли в более спокойный период.

На короткий период времени события обернулись против Гитлера. В новой экономической ситуации ему требовалось срочно укрепить организацию, добиться первых весомых успехов, и на правах серьезного партнера выйти со своими предложениями на большой бизнес.

Из текста плаката, приглашающего на собрание 27 февраля 1925 года: «Будет выступать товарищ Адольф Гитлер на тему: «Будущее Германии и наше движение». Входная плата для оплаты зала и плакатов — 1 марка. Остаток пойдет на создание боевого фонда движения. Евреям вход запрещен» (48).

3. Политика перед приходом к власти. Победа

После путча Гитлер приобрел общенациональную известность. В глазах многих он был героем и патриотом, и он не мог не воспользоваться сложившейся ситуацией. Хотя, по мнению недоброжелателей, фюрер выглядел излишне эксцентричным, однако в большой политике «утопические и иррациональные конечные цели Гитлер всегда подчинял реалистичной целесообразности» (1).

«Задача пропаганды — вербовать сторонников; задача организации вербовать членов партии» — написал он в тюрьме, и, следовательно, по выходу лидера на свободу работа закипела. В качестве первоочередной задачи перед соратниками ставилась вербовка новых членов, которые платили бы партийные взносы. Усилия не прошли даром, что сразу отразилось на росте новых членов НСДАП⁸.

При этом Гитлер принял важное решение. Он отказался от роста партии любой ценой, и новые местные организации отныне станут создаваться лишь тогда, когда для них будет найден одаренный и лично убежденный в правоте Движения руководитель. Одновременно метод Гитлера всегда заключался в том, чтобы отказывать своим последователям в какой-либо реальной доли в принятии решений на высшем уровне, но давать им бескрайний простор для бешеной деятельности на местах (включая насилие).

Вторая задача состояла в том, чтобы создать разветвленную партийную структуру по аналогии с существующей системой государственной власти и общественными институтами. Страна была поделена на области (гау), приблизительно соответствовавшие 34 избирательным округам по выборам в рейхстаг. Политическая организация состояла из двух политотделов: ПО-1 предназначался для борьбы с республиканским строем и состоял из подразделов внешних сношений, профсоюзов и печати рейха.

ПО-2 занимался строительством разветвленной партийной структуры. К нему относились подразделения сельского хозяйства, юстиции, экономики, внутренних дел и некоторых других. Кроме двух ПО, существовал особый отдел пропаганды со своей особой структурой.

Неотступной задачей нацистов стало не давать правительству справиться с политическим кризисом, возбуждать массы против власти, сбрасывать один за другим неустойчивые кабинеты, добиваться роспуска ослабленного рейхстага и наращивать голоса в предвыборных кампаниях.

За короткое время НСДАП приобрела репутацию динамичной, боевой партии. Часто нестандартные креативные ходы рождались просто-таки экспромтом. Ханфштангль вспоминает: «В другой раз в доме Генриха Гофмана, его друга-фотографа, я начал играть футбольные марши, выученные мной в Гарварде. Я рассказал Гитлеру все о болельщиках и маршах, контрмаршах и продуманном подстёгивании истерического энтузиазма публики. Я рассказал ему о тысячах зрителей, которые в унисон ревели «Гарвард, Гарвард, Гарвард, Ра-Ра-Ра!», и о гипнотическом эффекте таких вещей. Я сыграл ему некоторые марши

⁸ 1925 год — 27 тыс. членов, 1926-й — 49 тыс., 1927-й — 72 тыс., 1928-й — 108 тыс., 1929-й — 178 тыс. членов партии.

Сузы и потом свой собственный, «Фалара», чтобы показать, как можно аранжировать немецкие мелодии и придать им тот бодрый ритм, характерный для американской духовой музыки. Гитлер практически захлебывался от энтузиазма. «Это то, что надо, Ханфштангль, то, что нам нужно для движения, превосходно!» И он стал вышагивать туда-сюда по комнате, как участница парада. После этого он заставил штурмовые отряды упражняться в таких действиях. За несколько лет я даже сам написал около дюжины маршей, в том числе и тот, который исполняли колонны коричневорубашечников, проходя парадом у Бранденбургских ворот в день своего прихода к власти. «Ра-Ра-Ра!» стало «Зиг хайль, зиг хайль!», но его источником был именно гимн Гарварда» (2).

Не брезговали нацисты и прямым плагиатом понравившихся мелодий. Так на музыку советского «Марша авиаторов» они положили текст своей «Песни молодых немецких рабочих»:

«Скоро затихнет волнение на серых улицах,
Мы — последний вызов свободы.

Не должны больше кутить бюрократы!
Пролетарий: сражайся рядом, за работу и за хлеб.

Теперь твердо берите судьбу в ваши руки,
Это сделаем жестким ударом фронта.

Положит конец всей тирании евреев
Коричневая армия немецкой революции!» (3)

Естественно, в политическую деятельность активно вовлекалась молодежь, для идеологической обработки которой была создана специальная организация. Подростки в возрасте от десяти до пятнадцати лет приглашались в организацию под названием «Немецкая молодежь». «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь») объединял юношей в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и имел свои секции (культуры, школьного образования, печати, пропаганды, оборонительных видов спорта и др.). Для девочек существовала «Лига немецких девушек», а для дам постарше — национал-социалистические союзы женщин. Студенты, преподаватели, служащие учреждений, врачи, адвокаты, учителя имели свои нацистские организации, а для художников и других деятелей культуры учрежден особый «Национальный культурный бунд».

Нацистские организации давали много материальных и моральных привилегий для своих членов, начиная с бесплатной еды, пива, «служебных» командировок и кончая безнаказанностью за совершенные преступления. «Ораторы самого последнего разряда получают за выступление 50 марок. Ораторы с университетским дипломом — от 50 до 300 марок. Геббельс берет по 500 марок за выступление. «Вожди» из мюнхенского «Коричневого дома» получают тысячу, две за

прочитанный доклад. В соответствии с этим находятся разъездные и командировочные» (4).

В капиталистическом мире 1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания. Были написаны целые книги, в которых доказывалось, что наука и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы их знали прежде», — заявил в сентябре 1929 года президент нью-йоркской биржи (5). А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий шторм, обваливший всю мировую экономику и вошедший во всемирную историю под названием «Великая депрессия».

В Германии, второй раз за короткий период времени, высокий уровень инфляции наряду с высоким уровнем безработицы многих сделал нищими. Большое число мужчин чувствовали себя униженными, потому что не могли содержать семьи. Люди мучительно искали выход, и его им настойчиво подсказывали — в 1930 году «Майн Кампф» была напечатана в формате, который подозрительно напоминал наиболее распространенный формат Библии. Цена всего 8 марок (6).

Социальное напряжение неумолимо нарастало. Для нацистов снова пришла пора активных публичных действий. В 1929 году заместитель фюрера Рудольф Гесс на встрече с промышленниками в Гамбурге молча вынул из портфеля две пачки фотографий. В одной была серия фотографий с демонстрациями коммунистов, в другой — фотографии на тему: «СА маршируют». Гесс раздал фотографии и сказал буквально следующее: «Вы видели, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я показал вам так же, как создается власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще и материальные предпосылки. СА бедны, вся организация бедна. Откуда появятся сапоги, форма, флаги, барабаны — словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического стиля, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы, в конце концов, не потерять того, чем они владеют» (7). И они их дали. Причем в числе дарителей числились знаменитый издатель книг по искусству Хуго Брукман из Мюнхена и всемирно известный производитель роялей из Берлина Карл Бехштейн.

На рубеже 1929-1930-х годов в Германии в результате кризиса сложились два мощных политических движения. Лишь две — из более чем сорока немецких партий — имели много членов и получали много голосов: пользующаяся поддержкой промышленников, в том числе

американских, НСДАП и финансируемая из Советской России КПГ⁹. Кроме того, на левом фланге продолжалось ожесточенное соперничество между коммунистами и социал-демократами. Сегодня многие историки склонны утверждать, дескать именно Сталин виноват, что левые не объединились в единый фронт для противодействия нацистам. Но не стоит сваливать вину только на одного Сталина. Нетерпимую позицию по отношению к социал-демократам занимали также такие видные коммунисты, как Зиновьев, Бухарин и Бела Кун. Именно они переименовали социал-демократов в «социал-фашистов» (8).

На процессе после «пивного путча» генерал Людендорф сказал: «Марксизм нельзя убить из винтовки — его можно победить, только дав народу другую идеологию». Еще в 1925 году на генерала Людендорфа от имени нацистской партии была возложена задача представлять эту новую идеологию на президентских выборах и противостоять «представителю буржуазии» фельдмаршалу Гинденбургу.

Стоит напомнить, что Гинденбург с конца августа 1914-го командовал 8-й германской армией в Восточной Пруссии, где нанес сокрушительное поражение русским армиям под Танненбергом, а с ноября 1914-го он являлся командующим войсками всего Восточного фронта. С августа 1916 года он стал начальником Генштаба, фактически главнокомандующим, получив статус национального героя и прозвище Железный Гинденбург. Оба ветерана Первой мировой войны, культовые фигуры своего времени, схлестнулись в предвыборной схватке. Гитлер обещал Людендорфу полную поддержку, но во втором туре приказал своим людям голосовать за Гинденбурга, полагая, что у того больше шансов на победу (9).

Людендорф не сильно переживал свое политическое поражение, но так никогда и не простил Гитлеру его двуличного поведения. В 1937 году, находясь на смертном одре, он категорически отказался принять фельдмаршальский жезл, пожалованный ему бывшим другом. При этом генерал нехорошо выругался (а как может выругаться немецкий кадровый военный, можно только догадываться) и плюнул на паркет (10). Старый служака имел свое представление о чести, которое сегодня многие теряют в погоне за сенсацией.

Нацисты одними из первых начали использовать сенсационность в политической борьбе. Сенсация в некотором смысле сравнима с рекламой. Только она рекламирует не товары и услуги, а факты, события и личности. Это прекрасно понимал человек, назначенный партией на роль гауляйтера Берлина, — Йозеф Геббельс. Столица Германии считалась вотчиной левых, и поставленная перед ним партийным

⁹ Таким образом, Уолл-стрит, инвестируя миллиарды долларов в Германию, действовала вполне логично, подстраховываясь от коммунистической угрозы.

руководством задача привлечь на свою сторону симпатии избирателей казалась изначально невыполнимой, но Геббельс не унывал.

«Побольше шума — вот самый эффективный метод действий, рекомендуемый оппозиции!» — провозгласил новоназначенный гауляйтер. Геббельс начал со скандала, назначив свой первый митинг в центре «большевистского» района. В феврале 1927 года нацисты расклеили в рабочих кварталах Берлина кроваво-красные плакаты, оформленные «под коммунистов», скрикливыми призывами «готовиться к краху буржуазного государства». То были приглашения на массовый митинг в «Фарус-холл» — общественный центр, расположенный на севере Берлина, в котором коммунисты часто устраивали свои собрания. Сообщалось, что выступит доктор Геббельс с речью на чисто марксистскую тему: «О крушении буржуазного государства». Текст был составлен в стиле прямого обращения к читателю, которого дружески именовали на «ты»: «Ты должен решить эту историческую задачу! Рабочие — это ум и сила общества! Судьба германского народа — в твоих руках!» (11)

Мероприятие, как и планировалось, закончилось грандиозным побоищем, о котором много шумела пресса. Позже Геббельс писал: «Я до сих пор помню сцену, которую не забуду никогда; на подиуме стоял молодой человек из СА, которого я не знал. Он бросал свои снаряды в наступающую красную толпу. Внезапно пивная бутылка, брошенная издалека, ударила его по голове. Широкая струя крови потекла по его лицу. Он с криком рухнул. Но через несколько секунд снова поднялся, схватил со стола бутылку с водой и швырнул ее в холл, где она разбилась о голову его противника» (12).

В результате скандала, закончившегося с прибытием полиции, тысячи берлинцев, которые никогда не слышали о партии Гитлера и ее целях, теперь узнали о ее существовании. На следующее утро об инциденте и о нацистах кричали все крупные заголовки во всех берлинских газетах. И хотя отзывы оказались враждебными — дело было сделано. За несколько последующих дней 2600 человек подали заявления о приеме в нацистскую партию, а еще 500 человек изъявили желание вступить в штурмовые отряды.

В борьбе за красный Берлин Геббельс выдвинул эффектный девиз «Адольф Гитлер пожрет Карла Маркса», под которым вывел своих людей на улицы. В конце 1920-х годов берлинские улицы принадлежали коммунистам. Нацисты со своими лозунгами и знаменами осмеливались появляться только на грузовиках, с которых штурмовики хором выкрикивали лозунги. Со временем, в результате десятков уличных боев и множества убитых, улица очутилась под контролем нацистов, и

непосредственная заслуга в этом принадлежала главному вдохновителю коричневого наступления — «маленькому доктору» (как называли Геббельса соратники).

Иногда столичный гауляйтер даже проявлял своеобразное чувство юмора. Так, что бы сорвать премьеру знаменитого антивоенного фильма «На Западном фронте без перемен» (по роману Э. М. Ремарка), подручные Геббельса неожиданно запустили в зрительный зал белых мышей и ужей. Элегантная публика, собравшаяся на премьеру, оказалась шокирована и напугана. А на улице тем временем проходила многотысячная демонстрация нацистов, протестующих против показа фильма. В конце концов, власти фильм запретили.

А если было необходимо для дела, Геббельс спокойно и нагло врал. Так в июне 1932 года он публично утверждал: «Мы не получаем никаких средств ни от банков, ни от фондовых бирж, ни от олигархов. Как партия рабочих мы вынуждены финансировать сами себя» (13). Однако, как один из ведущих политических руководителей партии, Геббельс понимал, что каждое слово этой тирады — ложь. Люди осведомленные знали, что через молодого человека по имени Отто Дитрих (он стал впоследствии пресс-секретарем Гитлера), у которого имелись семейные связи в Руре, Гитлер познакомился с миллионером Эмилем Кирдорфом. Кирдорф вместе с крупнейшим магнатом Фрицем Тиссенем стал оказывать нацистам весьма солидную финансовую поддержку, что серьезно подтолкнуло развитие партии.

Затраты нацистской партии на последнем этапе перед ее приходом к власти (на пропаганду, на СА, на выборные кампании, аппарат, предвыборную борьбу, авиарейсы и т. д.) составили около 300 миллионов марок. Впрочем, некоторые исследователи оценивают расходы в более скромную сумму — от 70 до 90 миллионов марок (14). Но и это немалая цифра.

Одним из решающих моментов в борьбе Гитлера за власть стал его доклад в «святая святых» промышленных кругов — Дюссельдорфском индустриальном клубе в «Парк-отель». Позже Тиссен подтвердил: «Я действительно связал Гитлера со всеми рейнско-вестфальскими промышленниками» (15). «7 января 1932 года Гитлер произнес речь, длившуюся почти два с половиной часа в «Индустриклубе» в Дюссельдорфе. Речь произвела глубокое впечатление на собравшихся промышленников, и в результате в кассу национал-социалистической партии хлынули крупные вливания из промышленных концернов» (16). Два основных тезиса его речи состояли в том, что:

1. Установление сильной власти в Германии обеспечит небывалый расцвет германской экономики и откроет путь к мировому

доминированию немецкого капитала. «Государство силы создаст предпосылки для дальнейшего расцвета экономики».

2. Установление сильной власти обезопасит немецких промышленников от коммунистической угрозы.

Страх перед красными действовал безотказно. В 1932 году под антикоммунистическими лозунгами нацисты умудрились развернуть борьбу даже против правительства антикоммуниста фон Папена. Центральный орган НСДАП «Фелькишер беобахтер» после выборов 1932 года выпускал статьи под заголовками типа «Заслуга Папена: увеличивается число парламентариев-коммунистов» или «Пестование Папеном коммунистов вселяет тревогу всему миру» (17).

Тем более удивительно знать, что единственное обращение нацистов к народу по радио (до их прихода к власти) было резко антикапиталистическим. Произнес ее заместитель Гитлера по партийным вопросам Грегор Штрассер, с которым Гитлер имел серьезнейшие идеологические разногласия. Но обычный немец, слушавший эту речь, знал лишь то, что Штрассер являлся вторым человеком в партии. И, в общем-то, слова Штрассера до сих пор звучат по социалистически актуально: «Народ протестует против экономической системы, которая мыслит лишь в категориях денежных купюр, прибылей, дивидендов и которая забыла думать о работе, о созидании. Народ добивается от государства, чтобы оно снова обеспечило людям честную оплату за честный труд» (18). Как знакомы нам, сегодняшним, эти старые песни о главном.

На волне обнищания населения и мирового кризиса в результате очередных парламентских выборов 1932 года нацисты стали, наконец, самой большой политической силой в рейхстаге. В день открытия вновь избранного парламента 230 национал-социалистических депутатов — все в сапогах и форменных коричневых рубашках — вошли в полукруглый зал парламента, где шло заседание, которое открыла пожилая Клара Цеткин (старейший депутат рейхстага, коммунистка) и через несколько минут Герман Геринг, получив перевес в 63 голоса, совершенно легально был избран председателем рейхстага.

Незадолго до парламентских выборов прошли и выборы президента, на которых уже во второй раз победил Гинденбург, причем во втором туре ему прогивостоял сам Гитлер. Не помогло фюреру, даже то, что после первого тура голосования в его поддержку выступили в специальном обращении около 50 известных лиц — представители знати, генералы и профессора. Однако широкое признание позволило ему начать политический торг с властями и попытаться занять пост канцлера.

Гитлера представили Гинденбургу. Тот не произвел на рейхспрезидента никакого впечатления. «Этого человека назначить канцлером? Я сделаю его почтмейстером — пусть лижет марки с моим изображением», — холодно заметил старый вояка (19). Единственное, чего удалось добиться Гитлеру, — это отмены запрета на деятельность штурмовых отрядов, введенного властями после очередного уличного побоища.

После отмены запрета на СА сразу возобновились столкновения на улицах, то есть продолжилась эскалация того хаоса, к которому так стремились нацисты. За пять недель до 20 июля (выборов в рейхстаг) только в Пруссии произошло почти 500 столкновений, в которых 99 человек были убиты и 1125 ранены (20). А 17 июля в гамбургском районе Альтона в ответ на провокационное шествие 7000 национал-социалистов по улицам рабочего района коммунисты открыли по ним огонь с крыш и из окон домов. За этим последовало сражение возле тут же сооруженных баррикад. 17 человек убиты, многие тяжело ранены. Из 68 человек, погибших в июле, 30 были сторонниками коммунистов и 38 — национал-социалистов (21).

Политический кризис и хаос нарастал, и в ноябре 1932 года влиятельные промышленные круги Германии отправили несколько писем Гинденбургу с требованием назначить Гитлера канцлером, прекратить, таким образом, уличные беспорядки и ликвидировать коммунистическую угрозу. Рейхспрезидент уступил нараставшему давлению и санкционировал создание коалиционного правительства — с Гитлером во главе, но вице-канцлером при нем оставил своего ставленника, правого политика фон Папена. Да, Гитлер пришел к власти через законную процедуру, но нельзя говорить о том, что он являлся демократически избранным лидером, о чем сегодня рассуждают многие историки, — Адольф Гитлер канцлером был назначен.

Вечером 30 января 1933 года Гитлер отправился в рейхсканцелярию, чтобы принять парад — факельное шествие, в котором участвовали войска СА, СС и вермахта. Геббельс подготовил настоящий шедевр и это масштабное проявление энтузиазма показало, что в искусстве пропаганды у него не осталось секретов. Пропагандистская машина нацистов совершила одно из первых своих «чудес». Волю Гинденбурга и стоявшую за ней волю хозяев Германии она изобразила как волю всех немцев. «Этот маленький доктор, — сказал Гитлер стоявшему рядом своему другу Генриху Гофману, — настоящий волшебник. Как только ему удалось за какие-то несколько часов из воздуха сотворить тысячи факелов?» (22) Но такова была необходимость — пышность инаугурации всегда подчеркивает значимость события, что само по себе

имеет важную пропагандистскую нагрузку.

Официальная версия гласила, что «Гитлер спас Германию от большевизма». Фактически же Гинденбург лично подвел законные основания под гитлеровский террор и диктатуру. Причины приходы фашистов к власти не в их силе, а в слабости демократии, причем эта слабость заключена в интеллектуальной и духовной слабости «демократической» элиты. Между двумя мировыми войнами система парламентаризма потерпела крах в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Венгрии, Румынии, Австрии, Италии, Греции, Турции, Испании, Португалии и, наконец, в Германии. К 1939 году осталось всего девять государств с парламентской формой правления. Потому дело не в прирожденной злобе какой-то нации. Широкое настроение усталости, презрения и разочарования предвещало расставание с веком либерализма.

Люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на собственном опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

4. Работа по формированию системы. Поджог Рейхстага

Уже через несколько часов после назначения Гитлера канцлером два немецких диктора, обращаясь к 20-миллионной германской радиоаудитории, описывали факельное шествие в Берлине, которое организовал Геббельс. Задыхаясь от восторга, подобно спортивным комментаторам, они сообщали: «Крики «Ура!» раздаются снова и снова. Адольф Гитлер стоит у окна. Его оторвали от работы. Лицо Гитлера серьезно, но в его выражении не читается и самодовольства победителя. И все же его глаза сияют при виде пробуждающейся Германии, при виде этого моря людей из всех слоев общества: Хотелось бы, чтобы наши слушатели хоть немного почувствовали эту атмосферу этого грандиозного зрелища» (1).

Энтузиазм, сопровождавший приход Гитлера к власти, и сегодня вызывает тревогу и недоумение у любого мыслящего человека. Ибо его триумф перечеркивает все попытки выдать захват власти нацистами за несчастный случай в истории, комедию, интриги или мрачный заговор. Победа сил, декларировавших себя как «патриотические», давала народу надежду на выход из затяжного кризиса; люди радовались и наступившей определенности, и тому, что страна избежала гражданской войны. Гитлер, в свою очередь, не замедлил принять величественную позу миротворца и объединителя нации.

По его личному указанию известному своими выходками штурмовику Майковскому, который, возвращаясь с исторического факельного шествия 30 января, был убит неизвестными, возданы

посмертные почести вместе с погибшим в ту же ночь сотрудником полиции Цаурицем. Их похороны стали первым государственным актом Третьего рейха. Гробы с телами погибшего полицейского, который был католиком и левым, и штурмфюрера, нарушителя закона и безбожника, были установлены в Лютеровском соборе (несмотря на протесты церковников), и бывший кронпринц (сын последнего кайзера) возложил к их гробам венки (2).

Далее события развивались с головокружительной скоростью. Три записи в дневнике Геббельса в течение февраля 1933 года последовательно передают этапы перехода власти к нацистам: от обретения рычагов управления до уничтожения оппозиции. Всего один месяц!

«Теперь легко вести борьбу, поскольку все средства государства в нашем распоряжении. Радио и пресса подчиняются нам» (03.02.1933). Органы коммунистической и социал-демократической печати, «которые доставляли нам столько неприятностей, одним ударом сметены с берлинских улиц. Это успокаивает и проливает бальзам на душу» (15.02.1933). И, наконец, — «Рейхстаг горит!.. Теперь надо действовать. Геринг немедленно запрещает всю коммунистическую и социал-демократическую прессу. Коммунистические функционеры будут ночью арестованы» (27.02.1933).

В последнем случае речь идет о знаменитом поджоге здания рейхстага, который нацисты использовали для расправы со своими политическими противниками. Гитлер лично занимался тем, чтобы пропагандистская кампания в прессе носила с самого начала четко выраженный антикоммунистический характер: «В полночь я проводил Гитлера в редакцию «Фелькишер беобахтер», — писал в своих мемуарах Генрих Гофман. — В кабинетах было пусто. Единственный автор передовиц, оказавшийся на месте, сидел в корректорской. Когда Гитлер вошел, он на скорую руку набрасывал статью о пожаре, чтобы поместить ее на странице местных новостей. Гитлер рассвирепел: «Такое событие должно идти на первой полосе! — крикнул он. — Неужели ваше журналистское чутье вам этого не подсказало?» Гитлер швырнул шинель и фуражку на стул, быстро подошел к письменному столу и набросал передовицу под самым что ни на есть провокационным заголовком: «Коммунисты поджигают Рейхстаг» (3).

Современные историки считают поджог Рейхстага инспирированным самими нацистами, дабы получить повод развязать в стране массовый террор. Так это или нет, но в любом случае инцидент был использован новой властью на все сто. Доктрина превращения страха в оружие власти принадлежит якобинцам и подробно изложена в сочинениях Марата. Для создания массового страха государство должно пойти на

разрушение собственного образа как гаранта права. И тот же Марат сформулировал другой важнейший тезис: для завоевания или удержания власти путем устрашения общества (что и есть смысл слова «террор») необходимо создать обстановку массовой истерии. Если лишить массу ее лидера, она становится легкоуправляемой, и потому обезглавливание оппозиции, как правило, парализует сопротивление. Во времена Великой французской революции понятие «обезглавливание» имело самый прямой смысл. Но и нацисты недалеко ушли вперед.

После налета на штаб-квартиру коммунистов в «Доме Либкнехта» в Берлине Геринг в качестве министра внутренних дел Пруссии издал сенсационное коммюнике о «множестве обнаруженных там разоблачающих материалов, касающихся планов по организации мировой революции». Связь врагов внутренних с врагами внешними всегда является неубиенным козырем во внешнеполитической игре. Средства массовой информации, направляемые Геббельсом, немедленно подхватили горящую тему. Они быстро довели население Германии до массового психоза — никогда до того коммунистическая угроза не ощущалась немцами столь остро. Жильцы домов даже организовывали дежурства в страхе перед предстоящими грабежами, а крестьяне выставляли охрану у колодцев и родников, боясь, что их отравят! (4). Хотя истинная опасность для общества таилась, конечно же, в другом — в расправе с действующей оппозицией. После поджога Рейхстага в феврале 1933 года было арестовано почти 4000 функционеров Компартии и запрещены все ее печатные издания.

Уже 28 февраля 1933 года, вместе с постановлением по поводу поджога здания Рейхстага (чрезвычайный декрет «О защите народа и государства») рейхстаг принял постановление «Против измены немецкому народу и действий, представляющих собой государственную измену», ставшее важнейшей основой системы господства национал-социалистов и заменявшее правовое государство постоянным чрезвычайным положением. А параграф 3 данного закона определял как «преступление против страны» (не меньше трех месяцев тюрьмы) даже распространение новостей, уже известных за границей, поскольку они «могли бы нанести вред благополучию рейха». Это означало подавление внутри страны нежелательной информации, распространение которой невозможно было предотвратить вне Германии. Таким образом, путь к безграничному влиянию государственной пропаганды на умы оказался полностью открыт.

К марту нацистский переворот по терминологии немецких пропагандистов превратился в «национальную революцию». Английский репортер рассуждал о воздействии, оказываемом на

общественное сознание подобными терминологическими подменами. С точки зрения нормальной политической жизни, нацистский террор ужасал. Как пример можно привести т. н. «Кеппенингские убийства» — резню коммунистов в рабочем пригороде Берлина Кеппенинге. «Там заставляли коммунистов и членов «Рейхсбаннера» — социал-демократов — пить серную кислоту, одну из жертв поджарили на открытом огне, других зверски избивали плетьюми, а потом приставляли к стенке» (5). В Кеппенинге было убито 30 антифашистов. «Но стоит нам принять к сведению, что все происходившее в Германии в течение нескольких последних недель — не что иное, как национальная революция, как мы должны будем признать, что к этой ситуации не применимы нормальные стандарты политической и парламентской жизни», — следует глубокомысленный вывод английского журналиста (6).

Понятно, что коль речь шла о «Революции», действия, которые в обычное время считаются преступлением, теперь выглядели как неизбежные крайности в целом достаточно умело организованной и бескровной революции, поддержанной народом. Подмена понятий до сих пор является одним из любимейших приемов СМИ. Назвать группу террористов, захвативших театр с сотнями людей, «повстанцами» — и смысл сообщения изменен.

Кроме слова «Революция», излюбленным определением нацистов для своей политической силы было слово «Движение». Филолог Виктор Клемперер обратил внимание, что понятие «Движение» настолько составляет суть нацизма, что он сам называет себя «Движением», а город Мюнхен, где он зародился, именуется «столицей Движения». «Буря» (Sturm) — это как бы его первое и последнее слово: начали с образования штурмовых отрядов SA (Sturmabteilungen), а заканчивают фольксштурмом (народным ополчением) — в буквальном смысле близким народу вариантом ландштурма времен войны с Наполеоном (1813). В войсках SS было свое кавалерийское подразделение Reitersturm, в сухопутных войсках свои штурмовые части и штурмовые орудия, антиеврейская газета называется «Штюрмер». «Ударные операции» — вот первые героические подвиги SA, а газета Геббельса называется «Атака» («Angriff»). Война должна быть молниеносной (Blitzkrieg)» (7). Рассуждения, может, и отвлеченные, но, наряду со словом «революция», свидетельствующие о внутреннем динамизме, идеологии перемен которую вполне осознанно лидеры национал-социализма пытались привить своим сторонникам. Во многом именно сущностным динамизмом, сумасшедшей скоростью свершений и объясняется тот удивительный факт, что всего за десять с лишним лет нацизм оставил столь глубокий след в истории.

В марте 1933 года по факту избрания нового состава рейхстага (после проведенных внеочередных выборов) был принят «Закон о ликвидации бедственного положения народа и государства», состоявший всего из нескольких пунктов. За правительством было закреплено право принимать законы без одобрения парламентом (ст. 1). Законы эти могут не соответствовать конституции (ст. 2). Канцлер может сам разрабатывать законы и вносить их на одобрение правительства, и они вступали в силу на следующий день после утверждения (ст. 3). Договоры с иностранными государствами не подлежат ратификации парламентом (ст. 4). Срок действия закона на четыре года — до 1 апреля 1937 года (ст. 5), а Закон о предательстве от 21.03.1933 следил за тем, чтобы даже устная критика нового режима попадала под наказание (тюрьма, в тяжелых случаях — каторжная). Позже — концентрационный лагерь. Например, «главным» концлагерем в Мюнхене стал концлагерь в Дахау, который разместился в бывших корпусах фабрики по производству пороха. Дахау — первый гитлеровский, так сказать, «официальный» и показательный концлагерь.

Еще на первом заседании коалиционного правительства Гитлер сказал, что нельзя запретить коммунистическую партию, ибо она насчитывает 6 миллионов сторонников. Однако до 1934 года власти арестовали 60 000 коммунистов, из них за первые два года диктатуры было убито 2000 человек (8). Естественно, первейший удар был нанесен по тем, кто могли дать вооруженный отпор режиму — «Ротфронткемпфербунду» («Союзборцов Красного фронта»), военизированным отрядам Коммунистической партии Германии в период Веймарской республики. Они участвовали в многочисленных уличных схватках с нацистскими штурмовиками из СА (некоторые отряды проходили подготовку под руководством советских инструкторов). Лозунгом союза был: «Бей фашистов, где бы ты ни встретил их!» Еще 1 февраля 1933 года (т. е. после прихода Гитлера к власти) гамбургское отделение союза даже выступило с призывом к вооруженным силам: «Недалек тот день, когда наша победоносная Красная армия, которой не требуется защита полиции, с оружием в руках уничтожит смертельных врагов рабочего класса ко всем чертям!» (9). Указом от 24 марта 1933 года Коммунистическая партия Германии и ее вооруженные формирования попали под запрет и вскоре прекратили свое существование. Репрессии продолжались и в последующие годы. К примеру, в 1936 году арестовали еще 11 687 коммунистов и 1374 социал-демократа, в 1937 — 8068 коммунистов и 733 социал-демократа. Многих из них гитлеровцы убили. За двенадцать лет диктатуры из 300 тысяч членов КПГ 130 тысяч подверглось преследованиям (10).

Вернемся, однако, к упомянутым двумя абзацами выше выборам в рейхстаг, которые состоялись 5 марта 1933 года и уже без участия

коммунистов. Явка избирателей на них достигла рекордных 89%, однако, несмотря на запугивание и цензуру, менее половины избирателей проголосовали за нацистов (43,9%). После выборов Геббельс самоуверенно записал в своем дневнике: «Первые результаты. Но что значат теперь цифры. Мы господа и в Рейхе и в Пруссии. Это тем более приятно, что у нас теперь есть возможность выступить против сепаратистского федерализма» (05.03.1933). Как видим, уже тогда «федерализм» в устах некоторых политиков являлся словом ругательным.

Однако Гитлер результатами выборов был удивлен и раздосадован, хотя заголовки газет 6 марта провозглашали: «Наша невероятная победа! Великий триумф! С Адольфом Гитлером в Третий рейх!» Считая националистов, согласившихся поддержать новоиспеченного канцлера, всего чуть более половины всех избирателей (51,8%) проголосовали за нацистский режим. Стало понятно, что, используя демократические механизмы, долго удерживать власть коричневым не удастся. Начался энергичный прессинг на другие партии, с целью добиться их ликвидации.

22 июня 1933 года Гитлер заявил о роспуске Социал-демократической партии и ее юношеской организации «Соколы». После запрещения СДПГ полиция заняла помещения, принадлежавшие Немецкой национальной партии (ННП) — партнера НСДАП по правительственной коалиции. Все ее местные организации были закрыты, имущество конфисковано. Лидеры ННП поняли «намеки»: 27 июня они заявили о самороспуске. На следующий день их примеру последовали руководители Немецкой государственной партии. В начале июля эпидемия «самороспусков» распространилась на все остальные буржуазные партии.

Параллельно с этим штурмовики грабили квартиры, разбойничали, в отдельных случаях отряды СА занимались дикой торговлей людьми, отпуская политических противников на свободу за высокий выкуп. А в покорной прессе этих насильников и убийц подобострастно именовали не иначе, как «коричневое воинство».

Однако если людоедский террор против коммунистов встречал одобрение среди представителей пресловутого среднего класса в Германии и за рубежом, то антисемитские выходки штурмовиков вызвали отвращение. Во всем мире буржуазные СМИ весьма снисходительно трактовали тему репрессий против левых, но участвовавшие нападения на евреев вызвали скандал на грани международных санкций. Показательна в этом отношении статья, занявшая целую полосу в номере «Дейли Экспресс» от 24 марта 1933 года, т. е. всего после 7 недель пребывания Гитлера у власти, «Иудея объявляет войну Германии». Речь шла об объявлении полного бойкота Германии (11). Чтобы избежать подобного развития событий финансист Ялмар Шахт срочно встретился

с влиятельными евреями в Нью-Йорке, а Геринг даже принес свои извинения введущему объединению немецких евреев (12).

Для изучения общественного мнения в 1933 году были проведены социологические исследования, и вскоре стало очевидным, что большинство немцев осуждают незаконные нападения на евреев. Да и после поджога Рейхстага, в результате сопротивления со стороны Гинденбурга и рейхсминистра юстиции, Гитлеру пришлось позволить расследованию и судебной процедуре идти своим чередом, что закончилось, как мы помним из истории, оправданием обвиненного в организации поджога болгарского коммуниста Георга Димитрова.

И, тем не менее, решающий перелом произошел довольно быстро. «Патриотическая» интеллигенция, считавшая себя хранительницей национальных святынь, которые преступно попирались космополитическим обществом, воспряла духом и решительно стала на сторону нового режима. Через несколько недель после прихода нацистов к власти, в своей книге, названной «Курфюрстендам», глашатай этих кругов Фридрих Гусонг, не в силах сдерживать себя, воскликнул: «Случилось чудо. Их больше нет... Они претендовали, что являются германским духом, германской культурой, германским настоящим и германским будущим. Они представляли Германию перед всем миром, они говорили от ее имени. Все остальное было греховная, низкая, жалкая подделка, отвратительное мещанство. Они всегда сидели в первом ряду. Они присуждали рыцарские титулы духа и европейства. Нерешенных проблем для них не существовало. Они «создавали» себя и других. Кто бы им ни служил, его успех был гарантирован. Он появлялся на их сценах, печатался в их журналах, будучи рекламирован по всему миру, его товар рекомендовался, независимо, был ли то сыр или относительность, патентованное лекарство или права человека, демократия или большевизм, пропаганда за аборт или против юридической системы, дурная негритянская музыка или танцы нагишом. Другими словами, никогда не существовала более наглая диктатура, чем диктатура демократической интеллигенции и Zivilisations-lileraten» (13).

Одновременно начался скачкообразный рост НСДАП. Еще в «Майн Кампф» Гитлер предупреждал: «Самой большой опасностью для Движения является чрезмерно быстрый, ненормальный рост числа членов организации. Пока данному движению приходится вести тяжелую борьбу, трусливые и эгоистические элементы старательно избегают его. Но когда победа движения стала фактом или когда близость победы становится уже вполне очевидной, в ряды его организации спешат все» (14).

Борясь с массовым наплывом желающих, заместитель фюрера Гесс 26 июня 1933 года издал постановление о двухгодичном испытательном

сроке для новых партийцев, которые на это время получали только членскую карточку, а не партийный билет; они также не имели права носить коричневую рубашку (лишнее подтверждение значения внешней атрибутики в понимании нацистов)¹⁰. Партия действительно стала правящей.

5. Министерство пропаганды

Мы специально дали довольно подробную картину событий, предшествовавших рождению нацистской пропаганды как государственного феномена, дабы читатель понимал ситуацию, в которой приходилось работать национал-социалистическим пропагандистам, и какие вызовы времени перед ними стояли. Еще несколько отступлений такого рода нас ждет впереди, а сейчас, как говорится, детали.

Никогда в Германии не было крупного политика и государственного мужа, деятельность которого так сильно нуждалась в пропаганде как средстве поддержки, как это происходило при Гитлере в 1933-1945 годах. Современные ему режимы, в частности, советский и итальянский, уже имели мощный механизм государственной пропаганды. Причем, говоря об Италии, можно даже говорить о засилии в правительстве профессионалов от пропаганды. Многие фашистские «иерархи» Италии эпохи Муссолини пришли из мира журналистики, а потому считали своим долгом руководить всяческими новостями. В 1930 году половина министров и половина членов фашистского Большого Совета были журналистами. Двадцать других итальянских газетчиков стали ведущими дипломатами, а шестьдесят восемь оказались в парламенте (1). Так что это скорее корыстный интерес людей, которые ничем другим толком заниматься не могли, а не продуманная государственная политика.

Но вернемся в Германию. Начнем с того, что превосходным пропагандистом был сам вождь НСДАП Адольф Гитлер. Как уже сказано, еще в начале 1920-х годов он досконально понял значение пропаганды и описал его в книге «Майн Кампф»: «Пропаганда — это содержание и форма идеи, дошедшие до широкой массы, а ее правильность измеряется исключительно по ее реальному успеху» (2). Гитлеровские приемы пропаганды состояли в апеллировании к широким массам, в концентрации на немногих вопросах, в постоянных повторениях одного и того же, в настойчивости и терпении в ожидании результатов: «Успех всякой рекламы — и это одинаково относится к коммерческой и

¹⁰ По истечении этого срока в 1935 году мы обнаруживаем, что от общего числа партийцев — 20% являлись чиновниками, 30% — учителями, служащими — 12% и 15% — владельцами собственных предприятий. Всего в НСДАП состояло 7,3% трудоспособного населения, объединенного строгой партийной дисциплиной

политической рекламе — заложен только в настойчивом, равномерном и длительном ее применении» (3). А Геббельс добавил: «Надо вечно повторять одно и то же в вечно меняющихся условиях. Народ в основе очень консервативен. Его полностью нужно напитать нашим мировоззрением через постоянное повторение» (4). И он же: «Слишком умная пропаганда тоже не пропаганда».

Позже, на основании анализа наследия Гитлера, Геббельса и других ведущих пропагандистов Третьего рейха теоретик журналистики Э. Доффат сформулировал принципы нацистской пропаганды. «Принципов приводилось два — оба со ссылкой на «Майн Кампф» Гитлера. Они гласили:

1) гуманность и красота «не могут находить применения в качестве масштаба пропаганды» (слова в кавычках — цитата из «Майн Кампф»);

2) пропаганда «вечно должна адресоваться только массе», из чего следует, что «она не научное поучение».

«Из этого вытекают, констатировал позже диссертант доктора Доффата, основные законы публицистики:

I основной закон — закон умственного упрощения (простота подачи материала);

II основной закон — закон ограничения материала (его должно быть не много);

III основной закон — закон вдалбливающего повторения (вдалбливая, повторять);

IV основной закон — закон субъективности (представляется лишь одна точка зрения);

V основной закон — закон эмоционального нагнетания (драматизация события)».

При этом объективное выяснение истины квалифицировалось — опять-таки со ссылкой на Гитлера — как "доктринерское простодушие"» (5).

И еще — мы сейчас не говорим о коммерческой рекламе, хотя многие приемы обработки массового сознания весьма похожи. Теоретики национал-социализма тоже довольно ясно различали эти понятия. Например, инструкция 1937 года для рекламной группы при Организации национальной экономики гласила: «Термин «пропаганда» применим лишь в политической деятельности. Пропаганда используется политиком, который хочет навязать кому-либо какую-либо идею или подготовить людей к изменению законодательства. Производитель или торговец, желающие продать свой товар, прибегают к рекламе» (6).

Чтобы быть убедительными, новые мировоззренческие установки

должны выглядеть как естественная реакция на объективное положение вещей. Геббельс писал: «Лучшая пропаганда — та, которая действует незримо, проникая во все уголки общественной жизни и одновременно оставаясь для общества незаметной» (7), то есть якобы органичной — простирающейся из внутренних потребностей народа.

Интересное наблюдение сделал уже современный французский философ С. Московичи: «Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению новых мощностей. Западный же деспотизм отвечает, прежде всего, политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио и т. п.» (8). Когда в эпоху распада СССР некоторые советские товарищи по партии сосредоточились на расхищении социалистической собственности, их более умные зарубежные партнеры сконцентрировались на решении других задач. Может, и не громогласных, тихоходных, но значительно более эффективных в дальнейшем использовании — настойчивое проникновение в сферу образования, обработка представителей СМИ, планомерное сотрудничество с творческой интеллигенцией. Постепенно «внешнее подчинение масс уступает внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого нельзя защититься» (9).

В описываемое нами время в том же ключе рассуждал итальянский мыслитель Антонио Грамши. По его мнению, гегемония в обществе предполагает не просто согласие, но благожелательное (и активное) согласие, при котором граждане желают того же, что необходимо правящему классу. Элита использует «ненасильственное принуждение» (включая массовую или народную культуру) так, чтобы манипулировать подчиненными группами — вроде бы с их согласия, но лишь в интересах крошечной части общества. Позитивно оценивается то, что служит интересам господствующей элиты, и негативно то, что им угрожает. Соответственным образом формируются массовые стереотипы (10).

Современник Антонио Грамши Йозеф Геббельс в своей речи «О пропаганде», произнесенной им на партийном съезде 1934 года, подтвердил ту же самую мысль: «Пропаганда, в конечном итоге, это только средство. Ее цель — привести людей к пониманию, которое поможет им добровольно и без внутреннего сопротивления посвятить себя задачам и целям высшего руководства. Если пропаганда хочет добиться успеха, она должна знать, чего хочет. Она должна держать в уме ясную и твердую цель и искать подходящие средства и способы ее достижения» (11).

Если монарх или рядовой диктатор просто ограничивает свободу слова, то есть лишает оппонентов возможности вводить свою мысль в

информационное пространство страны, а население страны — доступа ко всей полноте информации, на основе которой происходит процесс мышления, то нацистский режим активно заполнял информационное пространство ложью. Логическим мышлением современного человека является такое, которое позволяет получить правильный результат только при точных исходных данных. Но если мы вводим в исходные данные заведомо ложную информацию, мы лишаем отдельного человека (а в «идеале» и весь народ) возможности логически (правильно) мыслить.

С живыми существами поступают так, словно они неодушевленные предметы, но всего лишь объекты манипуляции. Когда данный процесс принимает массовый характер, его результатом становится неуклонное и не осознаваемое снижение статуса человека до уровня легко понукаемого быдла. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она — манипулирует плебеями). Сначала таковой «элитой» себя искренне считает интеллигенция. Грамши указывал: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненным задачам социальной гегемонии и политического управления» (12). Но интеллигенты, как правило, не понимают, что данная система перемелет и их, этот порядок машинизирует, овеществляет любого человека.

Отстаивая свое индивидуальное мнение, мы принимаем на себя ответственность за его правильность. Поддаваясь общему мнению, мы снимаем с себя ответственность. Поэтому режиму необходимо обеспечить доминирование общего мнения. «Дурные мысли», которые могли закрасться в общественное сознание, подавлялись; обществу постоянно навязывались и внушались «правильные» идеи. Нацисты вполне обоснованно считали, что сломить сопротивление внешних противников — достаточно понятная и сравнительно простая задача по сравнению с той сложной игрой, которую приходилось постоянно вести, чтобы преодолеть сопротивление внутри страны. Здесь игра шла на их собственные головы: «Тиран может подобреть и помягчеть — и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен — прозревающий человек приходит в ярость» (13). После краха нацистского режима у Гитлера и Геббельса не было иного пути, кроме самоубийства.

Для того чтобы пропаганда не превратилась в пустой звук и не теряла своего воздействия на население, руководители Германии и чутко «держали руку на пульсе общества», а массовые пропагандистские кампании не только сопровождали решения правительства, а зачастую предваряли их. Для систематизации подобной работы 13 марта 1933 года в Третьем рейхе было учреждено легендарное Министерство просвещения и пропаганды (как оно сначала называлось). В ответ на возражения

скептиков, недоумевавших по поводу такого вызывающе откровенного названия министерства, Геббельс заявил: «Вокруг пропаганды не должно быть ничего тайного. Мы признаем открыто, что хотим влиять на людей. А для этого самый верный способ — пропаганда» (14).

Внешне самый выдающийся пропагандист XX века был ниже среднего роста, с крупной головой, острыми чертами лица и большим ртом. «Он обладал едким остроумием и был наделен даром ядовитого сарказма, но, несмотря на это, мог быть совершенно очарователен в общении, если того требовала ситуация, — отмечал в своих мемуарах вице-канцлер Франц фон Папен (15). Уже упомянутый нами Ханфштангль, который хоть и являлся недругом «маленького доктора», также отдавал ему должное: «Геббельс был странным маленьким шуплым типом с косолапой походкой, но у него был прекрасно поставленный голос и огромные карие, как у оленя, умные глаза. Геббельс был дерзким, задушевым и бесконечно увертливым. Он давал Гитлеру всякую информацию, которую тот не мог почерпнуть из своих газет, рассказывал всякие непристойные истории как о врагах, так и о друзьях. Я единственный живой человек сегодня, который видел его без ботинка: его правая нога в носке выглядела как кулак, ужасающе» (16). Гейнц Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» оказался по-военному краток: «Доктор Геббельс был, вне всякого сомнения, одним из умнейших людей из личного окружения Гитлера» (17).

Геббельс один из немногих среди нацистской элиты имел ученую степень — доктора литературы Гейдельбергского университета, хотя в фильме «Семнадцать мгновений весны» голос Копеляна ошибочно наделил его всего лишь средним образованием. Все доклады для Геббельса печатали с тройным по размеру шрифтом: проблема очевидна — близорукость. Он вполне отвечал немецким представлениям о трудолюбивом и умелом работнике, был дисциплинирован и требовал того же от своих сотрудников. Как опытный режиссер общественных настроений он обожал доводить до совершенства детали. (И ведь действительно — дьявол таится в мелочах!) Одна из первых инструкций, изданных Геббельсом на посту министра пропаганды, запрещала кому-либо пользоваться зелеными чернилами и зелеными карандашами — с первого взгляда на бумагу сотрудники видели, какую правку внес сам Геббельс (18). Резиденция министерства до 1941 года находилась в Мюнхене, а потом переместилась в Берлин, в специально отстроенное здание. Интересно, что всего в здании имелось пять подъездов, два из которых предназначались исключительно для министра, его заместителей и высокопоставленных посетителей.

Геббельс досконально изучил американский опыт воздействия на

массовое сознание и использовал его для Германии. Но в чем же он состоял? В США через неделю после вступления в Первую мировую войну (14 апреля 1917 года) по распоряжению президента был основан Комитет общественной информации (СРІ). Председателем был известный журналист Джордж Криль. На пропагандистские расходы правительство выделили 7 миллионов долларов. Комитет издавал ежедневную газету «Юнайтед Стейтс официэл буллетин» тиражом 100000 экземпляров, направлял материалы о войне в 16 тысяч газет и журналов, 9 тысяч библиотек, 17 тысяч отделений профсоюзов, 47 тысяч банков и других предприятий, учреждений, 56 тысяч почтовых отделений. К 1918 году комитет имел 110 тысяч так называемых «Четырехминутных ораторов» («краткость — сестра таланта» — К.К.). Пропаганда велась с экранов 17 тысяч кинотеатров, сотен театров, эстрад (19). В 1918 году по стране пошла агитпоезда. Много внимания уделялось учету всех каналов, средств воздействия и типов аудитории. В Комитете работали специалисты, которые занимались агитацией и пропагандой среди женщин, молодежи, религиозных групп, фермеров, иммигрантов и т. п. Определяющей чертой в деятельности Комитета было комплексное воздействие на аудиторию с помощью средств печати, кино, иллюстрированных материалов, устной агитации и пропаганды. Значительные успехи пропаганды могут достигаются только за счет комплексного подхода. Последний момент особенно важен для понимания системы работы многому научившихся у американцев нацистских пропагандистов.

В 1933 году в Министерстве пропаганды собрались лучшие нацистские интеллектуалы (насколько, разумеется, могут быть связаны эти понятия). Его костяк составили бывшие сотрудники управления пропаганды НСДАП, где каждый десятый имел золотой партийный значок. Средний возраст сотрудников составлял 39 лет, большинство из них принадлежало к верхнему слою среднего класса, а половина имела университетские дипломы (20). Ведущим отделом министерства считался не имевший узкой специализации отдел пропаганды. На него возлагалась задача по распространению идеологии НСДАП, партийных документов, правительственной политики, расовых доктрин и т. д. Именно здесь планировались разнообразные государственные агитационные кампании, проводившиеся с большой помпой.

От Министерства внутренних дел Министерству пропаганды достался надзор за печатью и радиовещанием, право утверждать и регламентировать национальные праздники, а также литературная, драматургическая и кинематографическая цензура. От Министерства экономики — особая экономическая деятельность, наподобие

организации Лейпцигской и Кенигсбергской ярмарок. Главное почтовое ведомство передало ему сеть агентств, рекламировавших железнодорожные и воздушные линии, равно как и все прочее, связанное с рекламой иностранного туризма. Но самое важное заключалось в том, что, в конце концов, Министерство иностранных дел передало ему право освещать за рубежом события в Германии любыми средствами, какие он сочтет приемлемыми.

Однако Гитлер, верный своему принципу «разделяй и властвуй», несмотря на то, что в 1933 году поручил всю политику в области прессы Министерству пропаганды, диверсифицировал источники поступления информации и дополнительно создал должности «начальника имперской прессы» (Макс Аманн, председатель имперской палаты печати) и «заведующего отделом печати НСДАП» (Отто Дитрих). Дитрих так определял свою деятельность: «Моя работа заключалась в основном в соблюдении гласности и информировании Гитлера по вопросам прессы. Поскольку отделение прессы МИДа имело дело с иностранными корреспондентами и поскольку ОКВ во время войны также взяло на себя многие функции чиновников прессы, диспуты по вопросам юрисдикции не прекращались никогда» (21).

Более того, Гитлер пытался еще и самолично следить за состоянием дел в прессе. Его рабочий день начинался с доклада Ламмерса, главы канцелярии, и Функа, который в то время был правой рукой Геббельса в Министерстве пропаганды. Функ считался в свое время очень хорошим финансовым журналистом и весьма влиятельной фигурой, поскольку знал многих промышленников, но его слабостью была выпивка¹¹. «Функ часто появлялся с чудовищного похмелья. Мы всегда знали, когда он находится в плохой форме, потому что на вопрос Гитлера о последних событиях его стандартным ответом было: «Мой фюрер, этот вопрос еще не созрел для обсуждения». Это означало, что у него еще слишком двоится в глазах, и он не может читать конфиденциальные сводки новостей» (22).

Итак, Геббельсу, несмотря на свое огромное влияние, в рамках выстроенной Гитлером системы приходилось конкурировать и с шефом прессы Отто Дитрихом, и с имперским руководителем прессы Максом Аманном, и с министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом, которые тоже пытались давать указания прессе. Важнейшими сотрудниками Геббельса на тот момент числились Леопольд Гуттерер и его адъютант Гуго Фишер, отвечавшие за нацистскую пропагандистскую машину, первый адъютант Геббельса Карл Ханке и Ганс Хинкель, которого Геббельс поставил управлять кино и театром. Еще Геббельс открыл Эжена Адамовски, второго после Геббельса яркого теоретика пропаганды. Ему

¹¹ Кстати, его дядя, Альфред Райзенауэр, любимый ученик Ференца Листа, был пианистом с мировым именем.

«маленький доктор» доверил радиовещание, и тот работал превосходно.

К середине 1933 года в министерстве насчитывалось триста сотрудников и пятьсот человек вспомогательного персонала. А уже в 1934 году численность аппарата министерства составила 14000 человек. Статс-секретарями, т. е. заместителями министра (по штатному расписанию — трое) являлись Герман Эсер — руководитель департамента туризма; по делам прессы — с 1937 года вышеупомянутый Вальтер Функ, а после него — Отто Дитрих. Заместителем министра по надзору за работой департаментов с 1937 по 1940 год был Карл Ханке, затем — Леопольд Гуттерер, с 1944-го — Вернер Науман.

На 1940 год в министерстве имелось 15 департаментов: бюджетный, кадров, юридический, пропаганды, немецкой прессы, иностранной прессы, иностранный, туризма, радио, кино, литературы, театральный, изобразительного искусства, музыки, отдел особых задач в искусстве (в частности, изгнания евреев из области культуры). Постепенно, по ходу нашего повествования мы подробно остановимся на деятельности большинства из них. Также в министерстве имелись специальные службы, которые готовили материалы для различных пропагандистских кампаний, а также сводки по экстренным и политически острым вопросам. Эти материалы по специальным указаниям руководства направлялись на радио и в прессу.

Геббельс утверждал: «Государство, принявшее авторитарный режим управления, не должно позволять себе отклонений от избранного пути, если оно уверено в его правильности. Если в демократическом государстве национальный политический курс во многом определяется общественным мнением, то в авторитарном государстве именно оно само определяет свою политику и само же руководит общественным мнением, направляя его согласно своим целям» (23). В развитие данного тезиса, ежедневно в Министерстве пропаганды высшие чиновники, нередко сам Геббельс, проводили закрытые пресс-конференции, явка на которые представителей центральных органов немецкой пропаганды была обязательной. Собиралось около 200 человек. На пресс-конференциях сообщалось о внутренних важнейших и международных событиях и их оценке нацистским руководством, давались указания о необходимых комментариях, а также определялись основные тактические и стратегические задачи пропагандистских кампаний.

Геббельс ввел в современную пропаганду один из ее ключевых принципов: человек, сказавший миру первое слово, всегда прав. Срабатывает один из эффектов восприятия — при поступлении противоречивой информации, проверить которую невозможно, люди часто склонны отдавать предпочтение той, что поступила первой.

Изменить уже сформировавшееся мнение очень трудно. И современные опыты по психологии подтвердили, что наибольшее воздействие на испытуемых оказала информация, поступившая первой¹². За кулисами Нюрнбергского процесса к тому времени подсудимый Ганс Фриче откровенничал: «Можно пропагандировать как угодно. Можно даже лгать при помощи правды, просто вырывая отдельные факты из цепочки взаимосвязей — вот тебе и кривда». (24)

Ну, и конечно, соловья баснями не кормят. Чтобы «соловей» пел и заливался, начиная с 1935 года Министерство пропаганды на плановые расходы истратило 67 миллионов марок, плюс 65 миллионов внеплановых расходов, 35 миллионов на заграничную пропаганду, 45 миллионов для Германского агентства новостей, 40 миллионов для Трансокеанского агентства новостей («Транс-оушн»), 40 миллионов на театр и кино, а кроме того, в распоряжении Геббельса находился ежегодный тайный фонд в 45 миллионов марок (25).

Как следствие всех этих без преувеличения титанических усилий, в 1930-х годах в Германии стало практически невозможно читать книгу или газету, слушать радиопередачу или смотреть фильм, не вступая в контакт с нацистской картиной мира. Подобно гражданам любых других обществ современного типа, жители рейха верили фактам, приводимым экспертами, документальным фильмам, научно-популярным статьям, учебникам, выставкам. А говорить о том, что Геббельс превратил политические митинги в пышные зрелищные мероприятия, карнавалы с музыкой, флагами и парадами, даже и не приходится — почти ежедневные красочные зрелища стали визитной карточкой нацистского режима. Успешное функционирование подобной системы позволило «маленькому доктору» не без удовольствия записать в своем дневнике: «Мы сохраняем народ в едином мировоззрении. Для этого служат кино, радио и печать, которые фюрер характеризовал как самые значительные средства для воспитания народа. От них государство никогда не должно отказываться» (20.06.1941) (26).

Сегодня нас тревожит не только легкость, с которой солдаты вермахта расправлялись с населением на оккупированных территориях, но и популярность государственной системы, сумевшей мобилизовать представителей самых разных слоев общества на службу чудовищному беззаконию. Этот механизм убеждения имеет мало общего с тупым вдалбливанием. Они воевали на совесть, поскольку разделяли действовавший консенсус, укорененный в этнической гордости, идеале самопожертвования и презрении к своим жертвам. От понимания

¹² Поэтому результаты выборов весны 1933 года национал-социалисты, несмотря на свое разочарование, выдали за грандиозный успех — вот мандат доверия благодарного народа.

насколько данная система сохранила свою функциональность и привлекательность в глазах масс, зависит и наше собственное будущее.

В пропаганде нацистского режима впервые проявилось то, что ныне составляет самую неприятную черту современного массового общества. Конформизм и бесцветность, к которым рано или поздно приводит демократическая уравниловка, очень похожи на уравниловку тоталитарной системы. Демократия основывается на популярности, для достижения которой используются самые примитивные трафареты, и сама популярность подвержена манипулированию. А значит, формированию заинтересованными особами.

Гebbельс в свое время пророчески заметил: «Кто после этой войны будет владеть средствами духовного руководства, тот будет определять будущее». И это действительно так.

II. EIN VOLK, EIN REICH, EIN FÜHRER!

6. Понятие Родины

История, как-то заметил Поль Валери, представляет собой самый опасный продукт, изготовленный химией человеческого мозга, она заставляет народы мечтать или страдать, делает их больными манией величия, тщеславными, невыносимыми, порождает у них чувство горечи (1).

Но происходят эти процессы не сами по себе, их активизирует элита. Исходя из интересов сегодняшнего дня, власть имущие в прошлом ищут и всегда находят аргументы, подтверждающие предлагаемую массам точку зрения. На этом приеме чаще всего основывается сталкивание народов в межнациональных конфликтах. А Тойнби подчеркивал: «Воспоминания о счастье, оставшемся в прошлом, переходят в мечту о его возвращении. А народ, охваченный подобной мечтой, с воодушевлением пойдет за пророком, который пообещает воплотить мечту в явь» (2).

Сила Гитлера заключалась в том, что он искренне разделял со столь многими германцами привязанность к национальным образам, новым и старым — тенистые леса, жизнерадостные села под сенью древних замков, летящие валькирии и прочие видения народного сознания, которые уже столетие насаждались националистической пропагандой. Вероятно, можно утверждать, что культурные ценности Гитлера стали источником его обаяния для немецкой нации.

Основной чертой довоенного полуфеодалного германского режима принцев, генералов, землевладельцев, профессоров права, которые

придавали ему академическую законность, и лютеранских пасторов, которые создавали ему моральный авторитет, являлся антилиберализм. Эта управляющая каста ненавидела Запад как за его либеральные идеи, так и за его грубый материализм и бездуховность, которые (по их мнению) воплощали эти идеи. Они желали сохранить Германию в «чистоте» от либерального влияния, и это был один из мотивов возобновления средневековых планов нашествия и заселения Востока с целью создания континентальной Германской империи, что позволило бы Германии стать независимой от англосаксонской мировой системы. «Восточники» проводили фундаментальный водораздел между «цивилизацией», которую они считали космополитической, аморальной, антигерманской, материалистической и расово нечистой, и «культурой», которая по своей сути чистая, национальная, духовная и истинно германская (3).

После Первой мировой войны данный вопрос с новой силой поставил историк культуры Артур Мёллер ван дер Брук в его изданной в 1923 году книге «Третий рейх», о которой мы уже вспоминали. Немцы, утверждал он, были ведущими создателями Европы. Их Первый рейх — Средневековая империя, сформировала Европу. Именно германские племена основали объединившую основное пространство Европы империю Карла Великого, на фундаменте которой позже сложилась Священная Римская империя германской нации, и начали геополитический натиск на Восток.

Вторым их творением была империя Бисмарка, однако она испытала влияние либерализма и не выдержала испытания серьезной войной. Теперь же, если верить Бруку, немцы имели новую возможность: посредством очищения общества от либерализма и капитализма, они могли бы построить третье, окончательное государство, которое воплотило в себе все германские ценности и существовало бы тысячу лет...

Еще в августе 1841 года на маленьком острове Гельголанд Хоффман фон Фаллерслебен сочинил строчки, которые легли в основу немецкого национального гимна: «От Мааса до Мемеля, / От Ача и до Белта / Германия превыше всего». Маас находится в Голландии, а Мемель — в Литве, Ач в итальянском Южном Тироле. И только Белт в настоящее время является германской территорией и расположен в земле Шлезвиг-Гольштейн. Готовность к восприятию себя как части громадного немецкоязычного мира создала психологическую основу, благодаря которой национал-социалистическое руководство могло требовать от нации жертвенности и активного содействия власти в достижении национального единения. На вопрос «Что есть первая заповедь национал-социалиста?» правоверному нацисту полагалось отвечать: «Люби Германию превыше всего и своего единоплеменника как самого себя!»

И, конечно же, истерический «патриотизм» неотделим от нарочитой «духовности». Геббельс торжественно уверял на могиле Хорста Веселя, будто сей герой умирал «за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кёльнский собор». И заявлял далее, что «мы вынуждены драться за Гете пивными кружками и ножками стульев, но когда придет час победы, мы снова раскроем объятия и прижмем к сердцу духовные ценности» (4). Он же в другом своем выступлении рисует просто-таки идиллическую жизнь немецкого народа: «Мы были безобидным народом, который занимался своими делами, давая миру наших поэтов, музыкантов и философов, и не понимали, что существуют другие нации, которые только и ждут подходящего случая, чтобы нас раздавить» (5). Боже мой, я только вчера слышал подобную сентенцию по украинскому телевидению! Хорошее мнение людей о себе и, соответственно, поддержание ими своего реноме служит надежным средством для скрытого управления ими.

Немецкая пропаганда старалась подчеркнуть, что их стомиллионный народ всегда нес культуру другим странам и способствовал их процветанию, однако ныне немецкое меньшинство в этих государствах подвергается преследованию. Порой данный тезис перерастал в открытую брань. Во время чехословацкого политического кризиса Геринг прилюдно возмущался: «Мелкий сегмент Европы будоражит человечество. Эта ничтожная раса пигмеев (чехи. — К.К.) без какой бы то ни было культуры — никто не знает, откуда они взялись — угнетает культурный народ» (6). И действительно, а откуда они взялись?

Молодые государства, родившиеся в результате Версальского мира, искали пути национальной самоидентификации, подвергая национальные меньшинства, в частности немецкое, ополячиванию, очехиванию и т. п. Естественно, этнические немцы в новых странах сопротивлялись ассимиляции, стараясь максимально сохранить свои этнические корни. Немецкий культуролог Ранхард Витрам из Риги писал в 1936 году: «Говорить на родном языке все чище, искать подлинное и природное в немецком во внешнем и внутреннем убранстве жилища, в нравах и обычаях и любом искусстве, становится неодолимой потребностью» (7).

Национал-социалистический Третий рейх по мере обретения им сил притягивал себе немцев, разбросанных по всему миру. Германская пресса охотно подыгрывала этим настроениям. Регулярно публикуя положительные отклики зарубежной диаспоры на строительство национал-социалистического государства, нацистские СМИ охотно доносили до отечественного читателя и слушателя восторженные статьи и стихи, сочиненные их соотечественниками за рубежом: «Когда мы, немцы, распеваем свои песни под широким небосводом, / Наш призыв звучит и под звездным небом чужих земель. / Слава тебе, Гитлер, —

спаситель Германии, немецкая путеводная звезда, / Веди нас сквозь бури, пока снова не возродится наша Империя!» (8).

Интересы Германии простирались всюду, где жили этнические немцы. В ноябре 1933 года французская газета «Пти паризьен» опубликовала документы, тайно вывезенные из Германии коммунистами. Среди опубликованных материалов имелась программа развертывания усиленной немецкой пропаганды в странах американского континента. Намечалось открытие якобы нейтрального телеграфного агентства для распространения пронемецких новостей, антифашистски настроенным журналистам планировалось подсовывать лживые сообщения. Немецкие агенты, имея в своем распоряжении ряд подготовленных статей, должны добиваться их публикации в газетах всей Южной Америки. И только словами дело не ограничивалось.

В апреле 1938 года Гитлер обратился ко всем немцам, проживавшим вне пределов Германии, с призывом принять участие в голосовании во время выборов в рейхстаг, для чего немецкие корабли были посланы к берегам многих южноамериканских республик. Суда становились на якорь за пределами трехмильной полосы территориальных вод, и принимали на борт этнических немцев, которые участвовали, таким образом, в голосовании на корабле. Более того, пропагандистские акции Третьего рейха распространились даже на необитаемые континенты.

Первые нацистские экспедиции в Антарктиду начались с 1938 года, когда к берегам Ледяного континента подошло судно «Швабенланд». На нем плыли на Южный полюс ученые, которым под руководством капитана Альфреда Ритшера предстояло исследовать новый материк. Вернувшись на родину 12 апреля 1939 года, Ритшер доложил: «Я выполнил миссию, возложенную на меня маршалом Герингом. Впервые германские самолеты пролетели над антарктическим континентом. Каждые 25 километров наши самолеты сбрасывали вымпелы. Мы покрыли зону приблизительно в 600 тысяч квадратных километров» (9).

Впрочем, случалось, гордость за родину принимала и менее поэтичные формы торговли продуктовыми товарами: так набор деликатесов «Пруссия» в магазинах «Кемпински» стоил 50 марок, а набор деликатесов «Фатерлянд» — 75. Любовь к Отечеству для особых патриотов всегда имеет свою цену.

В 1941 году Гитлер изрек: «Тот, кто не интересуется историей, тот подобен человеку, не имеющему ушей или глаз». Интуитивно люди чувствуют, что их связь с историей — огромная и жизненно важная ценность, хотя редко могут это обосновать логически. И здесь начинается поле для иррациональных построений, например, что живые имеют несравненно больше обязательств по отношению к своим умершим

предкам и будущим поколениям, чем по отношению к «расово чуждым» друзьям и соседям. Вот, может, один из самых важных секретов нацистской пропаганды. Апелляция к народным ценностям оказалась куда более эффективной, чем прямая идеологическая обработка в нацистском духе.

Возвращение к национальным традициям имело еще один неожиданный аспект. Издавна Германия славилась своими народными целителями, ратовавшими за жизнь на природе, естественные продукты и полный отход от городских привычек, что было созвучно положениям нацистского мировоззрения, в свете которого история предопределялась течением естественных биологических и расовых законов. Немецкий антисемитизм в значительной степени явился проявлением движения «назад в деревню», прочь от городского космополитизма. Под влиянием моды на все «арийское» и «нордическое» даже движение за солнечные ванны в Германии приобрело антисемитский привкус. Еще во времена Веймарской республики, в 1920-е годы, существовало как бы два вида нудизма: некий «еврейский» нудизм (олицетворяемый черной танцовщицей Жозефиной Бейкер), который был торгашеский, космополитичный, эротичный и аморальный; и нудизм истинно германский — нордический, бесполой, чистый и добродетельный. Так что поосторожней со всей этой гомеопатией и минеральными водами, а то — мало ли что.

Опираясь на стереотипную идеализацию жизни вне городов, нацистский режим провозгласил амбициозную аграрную программу, суть которой сводилась к тому, что крестьянство — это соль земли и главная опора Третьего рейха. Руководить ее осуществлением Гитлер поставил Вальтера Дарре (известного в ту пору автора книги «Крестьянство как источник жизни нордической расы»). Кроме того, вся молодежь Третьего рейха получала широкий пласт историко-культурных и этнографических знаний, связанных с сельской обрядовостью, приметам и поверьями, образом жизни предков. Существовали также специальные фольк-школы, которые во время обучения акцентировали внимание учащихся на жизнь среди природы. Для проведения народных празднеств в горах Гарц и в других подходящих местах под открытым небом сооружались многочисленные «Горные театры», оформленные как естественные, обустроенные самой природой сценические подмостки.

При непосредственном участии СС возрождались языческие обряды и верования, связанные, например, с плодородием земли. Кроме того, Гиммлер финансировал исторические изыскания, вроде поиска останков древнего саксонского короля Генриха I (Птицелова), закончившиеся их пышным перезахоронением: «Участники церемонии спустились в склеп, где перед открытым гробом стояли в карауле офицеры СС, и

остановились на почтительном расстоянии. Один только Гиммлер проследовал к гробу царственного защитника своей расы. Командир СС, который контролировал раскопки, доложил: «Я представляю вам лежащие в этом гробу останки Генриха Птицелова». Генрих Гиммлер обследовал кости и объявил их подлинными. Затем гроб закрыли, запечатали и торжественно похоронили в склепе» (10).

Фанатичная любовь рейхсфюрера к историческим и национальным раритетам порою приводила к казусам. Так, он послал в дар своему итальянскому коллеге Артуро Боккини в подарок на день рождения кусочек коры дуба, посвященного богу Вотану, а в поздравительном письме пространно описал историческое, духовное и божественное значение сморщенного деревянного фрагмента. Привыкший к роскошествам итальянец был шокирован.

Сам же Генрих Гиммлер рассматривал себя как реинкарнацию средневекового немецкого императора Генриха Льва: «Гиммлер знает о его жизни чуть ли не больше, чем кто-либо другой, и считает предпринятую Генрихом колонизацию Востока как одно из величайших достижений в германской истории» (11).

И может быть, вся эта проникновенная любовь к древней истории, народным традициям, сельской культуре и могла бы вызывать патриотическое умиление, если бы не предупреждение А.Тойнби о том, что «обращение к архаизму неизменно приводит к применению силы» (12). Идея Гиммлера была не банальная и весьма продуктивная — разжечь в молодежи архаичные взгляды на смерть, предложив, как способ ее преодоления, самим стать служителями смерти. Так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии — СС.

Так что же послужило толчком процесса, в результате которого в общем-то невинные исторические ролевые игры обратились в неслыханный в новое время геноцид?

7. Доктрина чистоты крови

Ну, что ж, мы уже немного поговорили о создании расовой доктрины нацистов и определили, что надшлифовкой расистского учения работали многие лучшие умы эпохи. Но упомянутыми интеллектуалами далеко не исчерпывается список предтеч национал-социализма.

Вернемся в XIX век. После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. По Гегелю, государство есть все или почти все. Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни героям, которые его возглавляют. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Напомним также о главном труде Жозефа Артюра де Гобино, которым стало четырехтомное, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год «Эссе о неравенстве человеческих рас». Гобино считал, что именно раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. Подлинное сокровище белой расы составляют арийцы. Гобино признавал немцев, проживающих на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев. По его мнению, где бы ни появлялись немцы — они везде содействовали прогрессу.

А другой француз — Жорж Ваше де Ляпуж (1854-1936) — внимательно присмотрелся к антропологическим особенностям людских черепов. По его исследованиям выходило, что человечество делится на длинноголовых (долихоцефалов) и короткоголовых (брахицефалов). Длинноголовые блондины в общественной жизни исполняют функции мозга и нервов, а короткоголовые и их метисы играют роль мышц и костей. Длинноголовые блондины не способны к обыденной систематической работе, поэтому везде и всегда стремятся сформировать правящий слой. Великая французская революция, во главе которой стояли по преимуществу блондины, лишь узаконила антропологический факт: плоды инициативы длинноголовых блондинов достаются безынициативным короткоголовым брюнетам. По мнению Ляпужа, истинно трагическим результатом войн Наполеона стало снижение среднего роста мужского населения Франции на 10 сантиметров и его резкое потемнение (1).

Не стояла на месте и трепетная германская научная мысль. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году в Берлинском университете пользовался огромной популярностью профессор истории Генрих фон Трейчке. Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну величайшим проявлением человеческой личности. «Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства — в его власти» (2).

Одновременно немецкий антрополог Отто Амон (1842—1916) по аналогии с кастами Индии развил теорию построения европейского социума. «В первый класс входят новаторы, изобретатели, пионеры, открывающие человечеству новые пути. Второй класс — умные искусные люди, которые не обладают творческим духом, но умеют схватывать, разрабатывать и улучшать чужие идеи. Первые два класса взаимно дополняют друг друга. В третий класс входят люди со средним уровнем интеллекта. Они поддаются обучению и, не имея своих идей, могут усваивать чужие. Они не могут развивать усвоенные идеи и потому противятся любым новшествам. Четвертый класс — неполноценные люди, не способные производить, открывать» (3)¹³. Соответственно,

¹³ Обратите внимание, что современная буржуазная образовательная система строится на тех же принципах.

значение народов и их ценность для мировой культуры в том, чем больше в народе людей первого и второго класса. Отто Амон подчеркивал также, что среди правящих классов процент людей высокого роста со светлыми волосами и голубыми глазами существенно выше, чем среди представителей низших классов¹⁴.

Ну, и еще упомянем нескольких интеллектуалов, без которых расовая теория не получила бы своей законченности и наукообразности. Во-первых, Людвиг Вольтман (1871-1907), автор труда «Политическая антропология» (1903). Основной тезис исследования состоит в том, что «арии — последние пришельцы и завоеватели, которые вследствие своей высшей физической силы и интеллекта покорили низший народ. Они повсюду образуют господствующую расу и придают большое значение избеганию неравных браков, почему и презирают ублюдков. Самая светлая раса в то же время и самая даровитая, и благородная» (4). Это уже прямые предпосылки к практике нацистского режима. Кроме того, в 1883 году немецкий ученый Карл Пенка выпустил книгу «Истоки арийцев». Он доказал, что их прародиной была Северо-Западная Европа. А первоначальным расовым типом — нордический. Независимо от Пенки, к тем же выводам пришел Людвиг Вильзер в своей книге «Происхождение немцев» (1885).

Под влиянием сих великих научных открытий Фридрих Ницше и воспел сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед». В сочинении «Воля к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей». Первоочередной задачей станет подготовка к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями земли». Как видим, он только повторял то, что немецкие (и не только немецкие) мыслители подробно изучили и убедительно себе доказали. А у нас до сих пор на Ницше всех нацистских собак вешают. Но в реальности — существовала целая научная школа.

Ну и, наконец, предтеча мистического общества «Туле» (из недр которого, напомним, вышли Гесс, Эккарт, Розенберг и др.) Гвидо фон Лист. В 1908 году Гвидо фон Лист, опираясь на описание Гипербореи, приведенное у Геродота, предположил, что, возможно, земная ось когда-то изменила свой наклон. А до этого на Севере всегда было светло и тепло, там господствовал вечный день, наличествовала тропическая флора и фауна. Но после изменения наклона земной оси климат стал меняться. Теснимые ледниками арийцы стали перемещаться на юг, унося свои традиции. Сегодня сложно сказать точно, в какой степени, но известно, что на мистическую составляющую нацистского движения

¹⁴ Полагаю, что для Украины данная теория не подходит.

оказал определенное влияние и русский мистик Георгий Гурджиев, который познакомил геополитика Карла Хаусхофера и его ассистента Рудольфа Гесса с тибетскими оккультными тайными учениями. Еще в 1903 году Хаусхофер вместе с Гурджиевым посещал Тибет (5).

Едва не забыл Стюарта Чемберлена с его сентенцией об основном секрете истории, который состоит в том, что чистокровная раса становится священной. По меркам нашего времени, более чем спорный тезис, а вот 5 сентября 1925 года семидесятилетие незаурядного англичанина было отмечено многословным панегириком в «Фелькишер беобахтер», где «Основы XIX века» Чемберлена приравнивались к «Евангелию нацистского движения».

Итак, идея селекции людей по расовым, антропологическим и прочим признакам не нова. Более того, свое реальное применение теория получила отнюдь не в нацистской Германии — о чем почему-то не любят вспоминать современные демократии. Первый институт расовой биологии появился в Швеции в 1922 году. Главная цель — лишить неполноценных людей возможности иметь детей. Шведы приняли закон о стерилизации умственно отсталых и психически больных людей. Разрешалось стерилизовать также и тех, кто ведет антисоциальный образ жизни. Нечто подобное происходило и в других Скандинавских странах — Дании и Норвегии. В Швейцарии, Бельгии, Австрии, Японии, Соединенных Штатах врачи стерилизовали умственно отсталых женщин и неполноценных детей. И только в 1933 году в рейхе был принят особый «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства» (6).

Мы упомянули США и, справедливости ради, особо отметим, что мода на расовую чистоту затронула не только европейский континент. В США (или САСШ, как они тогда назывались) в 1915 году странствующий проповедник из Джорджии Вильям Симмонс основал общество «Ку-клукс-клан» как организацию для контроля над национальными меньшинствами, которые он отождествлял с моральным и политическим неподчинением. Его цели получили мощную поддержку в опубликованной в следующем году книге «Исчезновение великой расы», в которой некий Мэдисон Грант представил европейскую теорию «расы господ» в американском контексте. Этот псевдонаучный бестселлер утверждал, что Америка при помощи своей неограниченной иммиграции уже почти «успела ликвидировать привилегию рождения; т. е. интеллектуальные и моральные преимущества, которые человек хорошего происхождения приносит с собой в мир» (7).

Хайрам Уэсли Эванс, зубной врач из Далласа и один из самых деятельных вождей «Ку-клукс-клана», использовал этот страх

«вырождения», чтобы трансформировать его в движение англосаксонской культуры расового превосходства. В какой-то момент движение насчитывало до 4 миллионов членов на Востоке и Среднем Востоке Америки. Эванс заявлял, что Клан говорит от имени «огромной массы американцев со старой пионерской закваской... принадлежащих к так называемой нордической расе, которая при всех своих недостатках дала миру почти всю современную цивилизацию» (8).

Американские интеллектуалы также не оставались в стороне и активно поддерживали расистские изыскания. В 1921 году известный американский писатель Скотт Фицджеральд писал: «Негроидный элемент ползет на север и загрязняет нордическую расу. У итальянцев уже души чернокожих. Опустите шлагбаум иммиграции и пускайте только скандинавов, тевтонцев, англосаксов и кельтов» (9). Не нацистские теоретики были первооткрывателями расовых доктрин!

Разве что Розенберг обогатил учение тем, что причислил подавляющее большинство великих людей к «чистым арийцам» (Гомер и Эсхил, Платон и Кант, Микеланджело и Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Кранах и Гольбейн, Вермер и Гёте, Бетховен, Бах, Диккенс и Вагнер (сверхариец)). Из ученых — Коперник и Ньютон. Да еще нацистский идеолог расологии Вальтер Дарре (между прочим, среди нацистских бонз по тиражам работы Дарре уступали только «Майн Кампф» Гитлера и «Мифу XX века» Розенберга) определил, что связывающим звеном между обезьяной и древними ариями были: недочеловеки. Иными словами, представители низших рас.

Развивая данный тезис, Гиммлер в брошюре «СС как антибольшевистская боевая организация» писал: «Многие считают, что этот большевизм, эта борьба недочеловеков, организованная и возглавленная евреями, является чем-то новым в мировой истории. В этом отношении мы считаем необходимым констатировать, что война между людьми и недочеловеками велась на протяжении всех лет существования человека на земле» (10).

Не смог руководитель СС, сам сын учителя, удержаться и от компетентного вмешательства в школьную программу. В 1934 году Генрих Гиммлер собственноручно написал брошюру для школьников — «Расовая политика». В ней рейхсфюрер указывал, что нордическая душа реализуется «лишь посредством вечной целеустремленности, любознательности и дисциплины, поэтому никогда не знает покоя и непонятна миру, потому что ищет бесконечное и недостижимое». «Родина нордической расы находится в Северной, Западной и Центральной Европе времен ледникового периода. Нордические признаки сформировались в процессе отбора в условиях нордического климата. Холодный влажный

климат и недостаток солнечного тепла выковали человека нордического типа. Он изобрел плуг, заимствованный затем другими народами, возделывал зерновые культуры и занимался животноводством» (11).

Однако вернемся к передовому шведскому опыту, т. е. программе стерилизации. После своего прихода к власти нацисты начали собственную программу стерилизации с так называемых «гибридов» — немецких детей, родившихся в Рейнской области от цветных солдат французской оккупационной армии после 1918 года. У 385 обследованных там детей обнаружили «примесь негроидной расы». Детей стерилизовали — в больницах, принадлежащих протестантской церкви! В 1934 году начало реализации этой программы поддержала научная интеллигенция. Например, директор Мюнхенского антропологического института Т. Моллинсон, приветствуя акцию по стерилизации, заявил: «Лживый тезис о равной ценности людей, в котором нас столетиями убеждали и в который на самом деле никто не верил, создавал, тем не менее, предпосылку для того, чтобы мы поддерживали неполноценных, а ценных тащили назад» (12).

Ради улучшения качества чистокровной арийской породы еще в 1931 году Гиммлер отдал приказ эсэсовцам сочетаться браком исключительно с расово полноценными девушками. После прихода национал-социалистов к власти научная дифференциация представительниц прекрасной половины человечества по расовым признакам превратилась в государственную политику. Согласно идеям уже упомянутого нами Вальтера Дарре, в первый класс, группу расовой элиты, могли попасть не более 10% девушек каждого года рождения. Вторую группу можно охарактеризовать как самую многочисленную — девушки с «хорошими» показателями. Барышни, попавшие в третью и четвертую расовые группы, являлись расово нежелательными — государство должно делать все возможное, чтобы у них не было детей. Девушки из третьей группы проходили стерилизацию, а несчастливицам из четвертой группы принципиально не выдавалось разрешение на замужество (существовало и такое). Юной немецкой девице полагался родословный паспорт, подтверждавший ее арийское происхождение, который высокопарно именовали «шкатулочкой сокровищ предков». В «шкатулочку» вносились данные о матерях, отцах, дедушках и бабушках с указанием их «расы». Все вышеперечисленные меры должны были способствовать интенсивному размножению исключительно белобрысых особей, к вящей радости главного радетеля за чистоту крови — Генриха Гиммлера.

Правда, безраздельная любовь к нордическому типу не раз подводила сентиментального рейхсфюрера СС. Однажды во время

посещения морского порта Гиммлер увидел мощного блондина докера нордической внешности, подошел к нему и сказал: «Вы должны вступить в мои ваффен-СС. Немедленно приступайте к службе. Я лично присваиваю вам чин унтер-шарфюрера в гвардии Адольфа Гитлера». Кого же пригнул Гиммлер? Человека, уличенного в сутенерстве, не раз попадавшего в тюрьму! Рейхсфюрер, узнав это, был потрясен; он никогда бы не заподозрил такого при виде блондина. Однако печальный опыт не пошел впрок, и если приходилось выбирать, кого из узников освободить, Гиммлер неизменно отдавал предпочтение голубоглазым блондинам (13).

Реализация расовой политики стала одной из самых главных задач государственной пропаганды, и в конце весны 1934 года заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс дал почетное поручение расоведу Вальтеру Гроссу создать Национал-социалистическое бюро расовой политики. Еще раньше, в 1933 году, Гросс приступил к выпуску популярного иллюстрированного издания «Новый народ», брошко оформленного на манер американских журналов «Лайф» и «Лук» или немецких популярных женских журналов. Занимательные, не обремененные академическими терминами статьи по расовым вопросам приходились по вкусу читателям. Тираж журнала в 1933 году составлял 70 000, а к 1939-му он превысил 300 000 экземпляров (14). С 1935 года Бюро расовой политики приступило к выпуску образовательных фильмов, слайдов и крупноформатных плакатов, доступно разъяснявших принципы евгеники. На местах бюро функционировало через районные и окружные отделения; на национальном уровне оно подготавливало дипломированных расовых пропагандистов и преподавателей медицинских заведений.

Целенаправленная пропагандистская работа государства начиналась прямо со школьных учебных заведений. Ученикам предлагалось подсчитать, во что обходятся налогоплательщикам «здоровые» и «нездоровые» дети. Таким образом, внушалась мысль, что затраты на здравоохранение должны быть «оправданными» и в первую очередь направляться для поддержания здоровья «более ценных» представителей этноса.

Собственно, финансовая сторона вопроса ставилась во главу угла и самыми серьезными организациями. В частности, в одном из эсэсовских бухгалтерских отчетов констатируется: «До 1 сентября 1941 года было дезинфицировано 70 273 лица. При средней дневной норме на содержание больного в немецких марках 3.50 следует, что годовая экономия в немецких марках составила 88 543 980,00. Учитывая, что данное число больных могло бы прожить 10 лет, сэкономлено в немецких марках 885 439 800,00» (15). Всего же за время существования Третьего

рейха стерилизации подверглось примерно 400 000 человек.

Также из экономических соображений «по медицинским показателям» некоторые категории немецких граждан попросту уничтожались. 31 января 1941 года Геббельс меланхолично записывает в своем дневнике: «Обсуждал проблему тихой ликвидации душевнобольных. 80 000 уже убраны, надо убрать еще 60 000. Трудная, но необходимая работа» (16).

И хотя в данном случае пропагандистская шумиха не допускалась, все же прослеживается логическая связь акции по массовой эвтаназии с законами «О здоровье вступающих в брак», которые закрепляли необходимость стерилизации и прерывания беременности в случаях наследственной болезни. В соответствии с указом фюрера об эвтаназии только в оккупированной Польше были уничтожены 250 тысяч больных и инвалидов. После умерщвления трупы поляков предоставлялись немецким ученым для работы, и убитые поляки послужили материалом для отличного немецкого учебника анатомии, выпущенного уже после войны (17).

Говоря о расовой политике нацистов, нельзя не вспомнить о государственном антисемитизме, чему будет посвящена отдельная глава. Сейчас же вкратце напомним, что в 1933 году евреев отстранили от службы в государственных учреждениях, от работы в печати и на радио, им не разрешали заниматься сельским хозяйством, преподаванием, работать в области театра и кино; в 1934 году евреев изгнали с фондовой биржи. Что касается запрета на медицинскую и юридическую практику, а также занятие торговлей, то в законодательном порядке он был наложен в 1938 году. Запреты систематизировались в так называемых «Нюрнбергских законах». Почти повсеместно в нацистской Германии над дверями магазинов и булочных висели надписи «Евреям вход воспрещен», аптеки не отпускали им лекарств, гостиницы не предоставляли ночлега. А поскольку национал-социалистические теории одновременно превозносили немцев как соль земли и высшую расу, то большая часть, как сказали бы сегодня, «титულიной нации» относилась к Нюрнбергским законам весьма лояльно. Дело доходило до проявлений своеобразного народного «юмора»: на крутом повороте дороги близ Людвигсхафена стоял указатель: «Осторожно — крутой поворот! Евреям — ехать со скоростью не менее 120 километров в час!» (18)

Парадоксальным было отношение нацистских идеологов к проблеме детей, родившихся от смешанных браков арийцев с евреями, так называемых «мишлинге» (метисов). Геббельс раздраженно отметил в своих записях: «Какой-то перемудрец докопался, что Иоганн Штраус на одну восьмую еврей. Я запретил это разглашать. Во-первых, это не доказано, во-вторых, я не позволю снять все сливки с немецкой культуры.

В конце концов, из нашей истории останутся Видукинд, Генрих Лев и Розенберг» (19). Нюрнбергские расовые законы различали «мишлинге» первой степени (один из родителей — еврей) и второй степени (бабушка или дедушка еврей). Несмотря на юридическую «подпорченность» людей с еврейскими генами и, невзирая на трескучую пропаганду, десятки тысяч «мишлинге» достаточно спокойно жили при нацистах. Они обычным порядком призывались в вермахт, и сотни «мишлинге» были награждены за храбрость Железными крестами. Двадцать солдат и офицеров еврейского происхождения были удостоены высшей военной награды Третьего рейха — Рыцарского креста (20). Чудны дела твои, Господи!

Сразу после начала войны последовал ряд акций, которые давали понять народу, что эта война имела для фюрера больше, чем милитаристский смысл, речь шла о всеобъемлющей «народной» войне. Начались массовые расстрелы без суда и следствия криминальных и асоциальных «элементов, наносящих вред народу», полная ликвидация «неизлечимых душевнобольных», депортация «расово чуждых» поляков и евреев, расселение фольксдойчей. А идеологической основой «народной» войны на Востоке стал емкий лозунг: «Большевизм ведет к смешению рас, мы же боремся за чистоту крови».

В 1942 году Главное управление СС изготовило иллюстрированную брошюру под названием «Недочеловек»: «Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее, это ужасное существо является человеком лишь частично. Человек думал и изобретал, для него все время существовала лишь одна цель: проложить свой путь к высшим формам существования, придать очертания бесконечному, заменить недостижимое стремлением к постоянному совершенствованию. Так он стал ближним для Бога!.. Однако кроме человека жил еще и недочеловек. Он ненавидел все то, что являлось результатом творения других. Недочеловек возненавидел творения, созданные человеком. И этот подмир недочеловеков нашел своего лидера — вечного жида! Так, уже на протяжении тысячелетий по неумолимым и страшным законам происходит борьба между двумя противоположными полюсами. Снова и снова находится новый Атилла, новый Чингисхан, вламывающийся через ворота Европы и знающий лишь одно: абсолютное уничтожение всего красивого!..» (21).

Брошюру иллюстрировали призванные внушить читателю чувство отвращения портретные фотографии польских и советских граждан: «И вот они снова здесь — гунны, карикатуры на человеческие лица, воплотившиеся в действительность кошмары, пощечина всему доброму». Лицам славян, евреев и жителей Средней Азии, искаженным

с помощью фототехники, эсэсовские пропагандисты противопоставили сияющие образы закаленных представителей германской расы. Книжица завершается фотографией мертвого ребенка и следующим текстом: «Недочеловек поднялся, чтобы завоевать весь мир. Горе вам, люди, если вы не сплотитесь воедино. Защищайся, Европа!»

До сих пор защищаются.

8. Образ вождя

Аристотель говорил: «Сильнейшее средство убеждения заключается в личном благородстве оратора. Обаяние личности не есть, конечно, ни доказательство, ни убеждение; это, в сущности, обольщение, подкуп слушателей». Мысль философа, безусловно, верна в том смысле, что неприятный человек не может рассчитывать на доверие. В этом смысле значительная часть жизни Гитлера была посвящена преодолению предубежденного отношения к себе — выходцу из низов, с неказистой внешностью и радикальными взглядами. Гитлер есть наглядный пример тесной связи между художественным и артистическим дарованиями. Его художественные инстинкты привели к новому пониманию того, что преподнесение театрализованного образа харизматического вождя является столь же важным фактором, как и содержание его политической доктрины. Ведь выбор избирателя, как правило, относится именно к образу, а не к человеку, поскольку у 99% избирателей не было и не будет контакта с кандидатом.

В формировании своего запоминающегося имиджа (образа) он преуспел, и это помогло ему не раз с успехом участвовать в демократических выборах. Для придания себе некой мистической ауры он для начала фальсифицирует подлинный номер своего партбилета, вместо реального №№ 555 - 7. Сама по себе семерка — число магическое, сулящее удачу, а за порядком выдачи относящее владельца такого партбилета к узкому кругу основателей партии.

Основой лидерства в партии еще в июле 1921 года нацисты провозгласили «принцип вождя» (фюрера), который вначале был узаконен в НСДАП, а затем и в Третьем рейхе. Ошибка считать, будто фюрером назвали исключительно Гитлера: в каждой конторе, воинском подразделении и даже на заводе обитали свои официальные фюреры (вожди) калибром поменьше. Что касательно закрепления слова «вождь», так сказать, с «большой буквы» — «Вождь» — за одним Гитлером, то на сей счет существуют различные мнения. Одни полагают, что это Герман Эсер, который с 1923 по 1925 год являлся пропагандистским лидером НСДАП, впервые публично назвал Гитлера «фюрером». Другие относят данную метаморфозу ко времени выхода Гитлера из тюрьмы. «До путча

никому и в голову не приходило звать его иначе, чем герр Гитлер. Когда они оба вышли из Ландсберга, Гесс начал обращаться к нему как «Дер Шеф», а потом ввел это словечко, «фюрер», в подражание «дуче», как звали Муссолини. Приветствие «Хайль Гитлер» также начало входить в обиход в это время. Ничего особо зловещего в этом начинании не было. Это была старая австрийская традиция, когда говорили «Хайль то-то». Вообще, мы говорили «Хайль Геринг» или «Хайль Гесс» еще до путча, без какого-то мрачного подтекста. Это был просто способ сказать «добрый день». Члены партии стали употреблять «Хайль Гитлер» в виде своего рода пароля» (1).

Гитлер тщательно соблюдал необходимые для формирования имиджа требования: присутствие черт победителя («герой»), черты «отца», открытость (доступность), умение общаться с публикой (в том числе и через СМИ), окружение (свита), разносторонность. Перед студентами и интеллектуалами он предстал как художник и архитектор, оторванный от учебы в 1914 году необходимостью служить нации; перед людьми особо сентиментальными — как человек, обожающий детей; перед рабочими — как человек труда и т. д.

Перед ветеранами Гитлер выступал в образе солдата Первой мировой войны. Возможно, именно эта роль была для него самой близкой, он действительно живо ощущал свое военное прошлое. Очевидец свидетельствовал: «Гитлер при помощи карты стал отыскивать те места, где когда-то были расположены позиции полка «Лист». В районе Шменде-Лан он приказал остановиться. Вся компания вышла из автомобилей. Гитлер быстро пошел по полю к полуразвалившимся окопам. Он показывал на ямы, наполненные мусором и ржавой проволокой, с какой-то радостью свидания и с гордостью вспоминал о том, как он двигался здесь в качестве связиста» (2).

Ну, а далее в основе официальной мифологии числились годы его «героической борьбы» за возрождение Отчизны, вплоть до прямых аналогий с известным персонажем: «Он назвал павших у Фельдхернхалле «мои апостолы» — их шестнадцать, конечно, у него не могло не быть на четыре апостола больше, чем у его предшественника. А на торжественных похоронах говорилось: "Вы воскресли в Третьем рейхе"» (3).

В качестве отца Движения Гитлер старался не забывать, что руководитель обязан быть благожелательным и справедливым по отношению к своим соратникам и подчиненным. «В декабре 1936 года молодая красивая девушка принесла письмо лично Гитлеру. Ее супруг, австриец, многое сделал для Движения и был вынужден спастись от ареста. Она просила Гитлера устроить своего жениха на работу, т. к. она зарабатывала мало, а им хотелось пожениться. Шауб (адъютант

Гитлера. — К.К.) должен был без их ведома снять для очень неимущей пары двухкомнатную квартиру, полностью обставил ее мебелью, доставил белье, гардины, ковры и т. д. Затем в квартиру привезли рождественскую елку, были зажжены свечи, и Шауб привез пару на машине к новой квартире. Понятно, что оба были вне себя от радости. Ну, и работа для молодого человека, конечно, нашлась» (4). Ясное дело, при помощи инспирированных слухов подобные человеческие жесты руководителя рейха становились достоянием широкой общественности.

Его адъютант Шауб вел списки дней рождения, а также подарочные ведомости. В партийных и правительственных кругах было хорошо известно, что Гитлер всегда дарит своим партийным соратникам портрет одного и того же формата в серебряной рамочке. Прочие подарки Гитлера: картины, изделия из фарфора, серебряные доски с надписями, дамские сумочки, пледы, театральные бинокли, кофейные и чайные сервизы, золотые часы, кожаные чемоданы, автопокрышки — подбирались им лично, исходя из нужд и потребностей одариваемого им человека.

Но не только портретами и прочей бижутерией ограничивались блага от вождя, часто речь шла об очень серьезных материальных поощрениях и субсидиях из партийного фонда. Система дотаций широко распространилась в Третьем рейхе. К своему пятидесятилетию министр экономики Функ получил дотацию из «фонда Гитлера» 520 000 марок, а начальник имперской канцелярии Ламмерс и Риббентроп также получили по полмиллиона марок.

Но горе тому, кто доводил «отца нации» до гнева. Ужас наводила на некоторых иностранных переговорщиков часто истерическая реакция Гитлера, когда с ним не соглашались, однако она легко объяснялась чисто актерскими приемами. Альберт Шпеер указывал: «Вообще же самообладание было одним из самых примечательных свойств Гитлера». А Уинстон Черчилль в начале тридцатых годов в своей книге «Великие современники» писал: «Те, кто встречался с Гитлером публично, касалось ли это каких-либо дел или социальных вопросов, находили его компетентным, спокойным, хорошо информированным, и на большинство из них он производил хорошее впечатление своими приятными манерами, обезоруживающей улыбкой и личным магнетизмом».

Современные исследования показали, что обаятельной личности присущи следующие характеристики: неординарная внешность; эмоциональная заразительность; остроумие; внимательное и доброжелательное отношение к партнерам по общению; коммуникабельность; психологическая защищенность. Все вышеперечисленные качества у Гитлера присутствовали, и возможно

даже в избытке.

Перед войной фюрер еще мог быть веселым и остроумным, и знал ценность этих качеств. «Часто остроумное слово совершало чудеса, — полагал он, — так было не только во время мировой войны, но и перед захватом власти». Гитлер даже знал наизусть большую часть ужасной поэмы, которую написал в его честь какой-то поклонник. Этот восторженный графоман «нашел в словаре рифм все немецкие слова, оканчивающиеся на «-итлер», число которых довольно велико, и с их помощью произвел на свет бесконечную серию дурных куплетов. Когда Гитлер находился в хорошем настроении, он повторял эти стихи с собственными вариациями и доводил нас до слез от смеха». Ну что ж, и людоеды могут быть обаятельны. Блестящим достижением его репертуара, по свидетельству современников, стало пародирование обычно очень торопливо говорившего руководителя имперской печати Аманна, который многократно повторялся в каждом предложении на баварский манер. «Надо было буквально видеть, как он пожимал плечами с «пустым рукавом» (Аманн был однорукий. — К.К.) и крайне живо жестикულიровал правой рукой: Он также охотно подражал странностям иностранных политиков. Так, он в совершенстве имитировал резкий смех короля Италии Виктора Эммануила и с большим умением показывал, как король, который был с короткими ногами и длинной верхней частью туловища, вставал и, тем не менее, не становился выше ростом» (5).

В присутствии дам кокетничал: «Многие говорят, что я должен сбрить усы. Но это невозможно. Представь мое лицо без усов!» При этом он прикрывал ладонью усы. «У меня же слишком большой нос. Его должны уменьшить усы!» (6).

Однако с мужчинами, разговаривая на данную щекотливую тему, он обходился без сентиментальности: «Не беспокойтесь, — сказал он, — я задаю моду. В свое время люди будут с радостью копировать такие усы» (7). И действительно — со временем гитлеровские усики стали такой же отличительной чертой нацистов, как и коричневые рубашки. Также к особенностям гитлеровской физиономии можно отнести романтическую прядь волос на лбу, которую его «имиджмейкер» Гофман скопировал с прически Никисле, дирижера популярного оркестра (8). Ну, а в целом — ничего выдающегося.

Он не заблуждался по поводу своей внешности. Однако же приобретение лишних килограммов становилось для Гитлера событием политической важности. Они моментально давали о себе знать округлившимся животом и оплывшей талией так, что ему было трудно застегнуть куртку на среднюю пуговицу. Едва весы показывали избыточный вес, он мгновенно отказывался от всех сладостей и ел очень

мало. Борьба с предрасположенностью к полноте вытекала из осознания возникающей антипатии у обывателя к упитанному оратору.

Он всегда одевался скромно и не стремился произвести впечатление исключительно своим внешним видом, так же не признавал украшений. Даже свои золотые часы Гитлер носил в кармане пиджака. Они всегда спешили на несколько минут, чтобы их владеец точно приходил на собрания и совещания. «Я привержен традиционному стилю, всему тому, что просто и надежно в обращении. Показуха меня не прельщает. Иначе люди будут мучительно размышлять, как я могу летать по стране в такой роскоши», — разглагольствовал Гитлер (9). Тем не менее, для свиты была смоделирована роскошная форма. «Мое сопровождение должно великолепно выглядеть. Тем больше бросится в глаза моя простота».

Потребности нацистского вождя и впрямь представлялись весьма скромными. До 1929 года он занимал квартиру на Тирштрассе, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, летом его часто можно было встретить в кожаных шортах, которые так любят баварцы. Нарочитая скромность вождя даже пропагандировалась в устном «народном» творчестве. Так в «Песне штурмовиков» пелось: «Гитлер — вождь наш неподкупный, / Он равнодушен к деньгам, / Которые иудеи / Бросают к его ногам». Не знаем как насчет иудеев, а на публике, особенно в период борьбы за власть, вождь никогда не скупился на чаевые. К примеру, при оплате такси платил почти столько, сколько стоила сама поездка. Он давал чаевых в три или четыре раза больше, чем принято, и заявлял, что производит тем весьма положительный эффект, поскольку обслуга хвасталась деньгами на кухне, а иногда даже просила дать автограф.

Когда в январе 1933 года нацисты пришли к власти, Гитлер официально отказался от канцлерского жалования, заявив, что ни одно жалование в «Третьей империи» не превысит тысячу марок. Он также демонстративно приказал закрыть в резиденции рейхсканцлера все помещения личного пользования, оставив себе лишь две небольшие комнатки, фотографии которых распространялись в Германии: на одной была изображена спальня фюрера — железная кровать, тощий гардероб, небольшой столик; на другой — кабинет: несколько обычных стульев, круглый столик, письменный стол, заваленный бумагами и книгами.

Гитлер чрезвычайно внимательно относился к тому, как он выглядит в глазах окружающих. Сама одежда Гитлера определялась исключительно целесообразностью. К обтягивающей одежде он испытывал отвращение, ибо свои речи он подкреплял оживленными движениями рук. Прежде, чем отважиться появиться на публике в новом костюме или головном уборе, он фотографировался в нем. Возможно, эта обдуманная черта

подготовки к выступлениям послужила предпосылкой тех доверительных отношений, которые сложились у Гитлера с фотографом Гофманом, который, в конечном счете, стал кем-то вроде личного имиджмейкера: «Он всегда был очень осторожен в отношении любого нового костюма или новой шляпы, если собирался их надеть. Сначала он хотел убедиться, что костюм, шляпа или что-то там еще действительно ему идет, и для этого он всегда просил меня сфотографировать его в новой одежде. Только если получавшаяся фотография его полностью удовлетворяла, он позволял себе появиться в этой одежде на публике» (10).

Известные политики, показываемые в домашней обстановке, выглядят более очеловеченными. Приманкой здесь является обыкновенное обывательское любопытство к личной жизни знаменитостей. Когда Генрих Гофман заново переиздавал свою книгу: «Гитлер, каким его никто не знает», фюрер лично подбирал для издания новые фотографии, которые демонстрировали жизнерадостного, непринужденного человека. Его в коротких кожаных штанах можно было лицезреть то в лодке, то лежащим на луку, то в окружении восторженной молодежи или в ателье художников. И всюду он был запечатлен раскованным, приветливым, доступным.

Однако строжайше запрещалось помещать фотографии Гитлера в очках, а впоследствии с палкой. Это могло «принизить» образ фюрера в сознании масс. «Я сфотографировал его с шотландским терьером Евы по кличке Бурли. «Не печатайте этот снимок, — сказал он. — Государственный деятель не может позволить себе фотографироваться с маленькой собачкой, какой бы она ни была забавной и милой». Видимо, из подобных соображений «после 1933 года он перестал носить свои любимые баварские шорты и даже просил меня больше никогда не печатать фотографий, на которых он шортах, и изъять из продажи те, что еще остались» (11).

Осторожность Гитлера легко объяснима, поскольку реакция публики на непривычный имидж вождя может быть непредсказуемой. К примеру, население Берлина весьма терпимо относилось к тщеславным выходкам Геринга, но когда в берлинских кинотеатрах показали кинофильм про жизнь семьи Геббельса в собственном прекрасном доме на Шваненвердере, публика фильм освистала, и его немедленно изъяли из проката. Что позволено толстому жизнелюбцу, недопустимо для партийного аскета.

По глубокому убеждению Гитлера, он не имел права появиться на публике с подругой или обзавестись детьми, хотя известно, что с маленькими немцами его часто связывала сентиментальная дружба. Возможно, для диктатора это оставалось одной из немногих возможностей

почувствовать себя обычным человеком. И — вот парадокс истории — дети тоже любили дядю Адольфа. Например, дети Винифрид Вагнер (дочери Рихарда Вагнера) были в восторге от Дяди Волка¹⁵. Когда он приезжал в гости, ребяташки возбужденно скакали вокруг «дяди» и ныли, пока он не соглашался рассказать им об одном из своих приключений. Потом они, окружив его, сидели и слушали, от страха покрываясь гусиной кожей, пока Гитлер описывал им опасности, которые он преодолевал в своих путешествиях. Он показывал им собачью плетку и утверждал, что это его единственное оружие, с помощью которого он побеждал злых великанов, которые вставали у него на пути, и т. д. и т. п. (12).

Но это все лирика, а для реального появления на публике требовались несколько иные навыки. Гитлер никогда не ходил быстро. Его шаг был, по существу, всегда размеренным, почти церемониальным, когда он подходил для приветствия. Подобное поведение действовало на другого человека, привыкшего двигаться более свободно и естественно, отрезвляюще. Гитлер так же настойчиво репетировал статические позиции, позы, манеру казаться изваянием: «Для меня было неожиданным, как он мог часами стоять с вытянутой рукой. Во время чаепития он говорил, что «ежедневные тренировки с эспандером позволили ему добиться такого успеха, но для чего требовалась непоколебимая воля»» (13).

В особенности Гитлер старался смотреть в глаза каждому марширующему, чтобы у того появлялось ощущение, что вождь смотрел именно на него. И тогда можно было часто слышать: «Фюрер видел меня, он определенно смотрел на меня». Встречи взглядами в течение нескольких секунд вполне достаточно для взаимопонимания. У людей до сих пор существует представление о том, что: а) волевой человек не боится смотреть в глаза людям и б) если человек задерживает свой взор на тех или иных людях, значит, они ему чем-то интересны. И это производит сильное впечатление. «Я находила глаза Гитлера выразительными. По большей части они смотрели любознательно и испытующе и заметно оживлялись во время разговора. Они могли смотреть добросердечно или выражать расслабление, но также равнодушие и презрение», — так, можно сказать с любовью, вспоминала о Гитлере его секретарь (14).

И еще одна сторона работы политика — непосредственное общение с элитой. И здесь фюрер старался максимально проявить свое обаяние и гостеприимство. Как у правителя Третьего рейха у Гитлера возникало особенно много обязательств в период январских празднеств, начиная с новогоднего приема у фюрера и вплоть до празднования Дня национал-социалистической революции (30 января). В определенный день собирали людей какой-нибудь профессии: дипломатов, промышленников, партийных активистов. В наиболее важных случаях зазывали от ста до

¹⁵ Таково было его прозвище в этом семейном кругу.

двухсот человек. В первые годы после 1933 года адъютант приглашал также дам, но, как правило, лишь замужних, преимущественно с мужьями, что бы избежать сплетен¹⁶.

Простые смертные, в свою очередь, могли запросто пообщаться с Гитлером, скажем, на популярном немецком курорте Хайлигендамм. Хотя Гитлер никогда не купался в море, но он каждый день в течение нескольких часов прогуливался по пляжу, беседуя с отдыхающими. Либо в Мюнхене, где фюрер, даже став главой государства, открыто посещал рестораны и кофейни как частное лицо, не опасаясь осады любопытными.

Все эти тщательно продуманные ходы — от создания имиджа вождя нации до великолепной организации публичных выступлений — привели к тому, что популярность Гитлера в Германии стала приобретать порою несколько сюрреалистический оттенок. Так, некая восторженная почитательница фюрера всерьез утверждала, что ее собака умеет произносить слова «Адольф Гитлер», поскольку даже ее маленький собачий рассудок признает величие фюрера (15)¹⁷.

Однако не только для эксцентричных особ, но и для вполне трезвомыслящего Шпеера «слова, что фюрер обо всем думает и всем управляет, не были пустой пропагандистской формулировкой» (16). Соответствовать данному представлению можно, лишь удерживая в памяти огромное количество текущих дел, запоминая имена множества людей, при этом не забывая и совершенствовать стратегические цели. Привлекательность Гитлера заключалось в его ораторском даре, он знал это и использовал на все сто процентов. Несомненно, что с юности Гитлер оказался наделен необыкновенной памятью, но его секрет состоял в том, что он постоянно учился и совершенствовал свои знания. У него выработалась привычка во время чаепития или непринужденных бесед у камина несколько раз говорить на тему, запомнившуюся ему при чтении, чтобы она тем самым прочнее сохранилась в его памяти. Конечно же, подобный ежедневный тренинг приносил свои плоды.

Обязательным правилом для публичного человека является знание того, что оптимальный для его выступления фон создается, когда большая часть, порядка 60% получаемой информации, является эмоционально нейтральной, 35% вызывает положительные эмоции и 5% — отрицательные (17). Удел большинства слушателей — огромная

¹⁶ А смутные слухи о личной жизни фюрера все же циркулировали, в том числе о Еве Браун и ее семье, которая долго сопротивлялась внебрачной связи их дочери с самым могущественным человеком рейха.

¹⁷ К слову сказать, в 1933 году журнал «Белое знамя» писал: «Брат наш, национальный социалист, знаешь ли ты, что твой фюрер является самым большим противником любых измывательств над животными, прежде всего вивисекции, «научных пыток» животных — этого ужасающего извращения еврейско-материалистической медицины?»

неутоленная потребность в положительных эмоциях. Поэтому всякому, кто сумеет поднять настроение собеседника, тот платит своим расположением и благодарностью. А это, в свою очередь, помогает ломать сложившиеся стереотипы, даже если они отрицательные.

«По плакатам и карикатурам я знал Гитлера в форменной рубашке с портупеей, на рукаве — повязка со свастикой, прядь, свисающая на лоб. Однако здесь (выступление перед берлинскими студентами, начало 1930-х годов. — К.К.) он явился в ладно сидящем костюме и демонстрировал сугубо буржуазные манеры, отчего выглядел человеком разумным и сдержанным. Многочисленная профессура занимала самые удобные места в центре; именно их присутствие и придавало мероприятию необходимую солидность и достоинство. Даже бурные аплодисменты не сбили Гитлера с менторского тона. Выглядело это так, будто он открыто и без обиняков делится своими заботами о будущем. Его ирония смягчалась полным достоинства юмором, его южно-немецкий шарм пробудил во мне родственные чувства: порой он повышал голос и говорил проникновенно со всё крепнущей силой убеждения» (18). «Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая их коллективное бессознательное и выражая самые потаенные желания слушателей. Он говорит людям только то, что они хотят услышать» (19).

Но огромная популярность, прежде всего, объяснялась тем, что именно Гитлеру народ приписывал успехи в хозяйстве и внешней политике, и с каждым днем все больше видел в нем воплощение глубоко укоренившейся мечты о могущественной, верящей в себя, внутренне единой Германии. Знаменитые центурии Нострадамуса нацистские пропагандисты быстро перелицевали, заменив имя Наполеона (так обычно трактовались знаменитые центурии) на имя Гитлера. А снимок рук фюрера, сделанный его личным фотографом Генрихом Гофманом и распространявшийся огромными тиражами, приобрел фактически статус иконы (20). По некоторым оценкам, 1133 улицы и площади, например Ратхаусплатц в Вене, приобрели имя Адольфа Гитлера. Геббельс не слишком преувеличивал, когда накануне дня рождения Гитлера сказал по радио: «Германский народ нашел в фюрере воплощение своей силы и наиболее яркое выражение своих национальных целей» (21).

Рост популярности Гитлера не остался незамеченным и за границей. Уинстон Черчилль подчеркнул во время своей речи в палате общин: «Наши тревоги и надежды сосредотачиваются вокруг одного экстраординарного человека, стоящего у вершины власти в Германии. Он вывел свою страну из положения побежденной; он вернул ей одно из первых по могуществу мест» (22).

Лично знакомый с Гитлером министр иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов был куда саркастичнее в своих оценках: «Гитлер. Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи» (23).

Впрочем, Молотов говорил это спустя несколько десятилетий после победоносной для СССР войны. Задним умом все мы крепки. И для того, чтобы не повторить уже сделанных в нашей истории ошибок, после того, как мы изучили идеологическую триаду «страна — народ — вождь», перейдем к рассмотрению практических приемов нацистской пропаганды.

III. ПРИКЛАДНАЯ ПРОПАГАНДА

9. Наглядная агитация

Я уже писал о том, что едва ли не первым, чем занялся Гитлер, когда возглавит пропагандистскую работу в НСДАП, это задумался над символами партии. Но еще в юности, где-то до 1913 года, он уже набрасывал эскиз рисунка на обложку задуманной им книги, где изображалось знамя со свастикой. Название будущей книги гласило — «Германская революция», автор А. Гитлер (1).

Он исходил из того, что символика должна быть простой и лаконичной. Считается, что самое сильное воздействие на нас оказывают наипростейшие символы — крест, звезда, свастика и круг. Они — воплощение гармонии и бесконечной силы. Гитлер выбрал свастику, наименее «затертый» к тому времени символ.

Уже в VI тысячелетии до нашей эры свастика имела хождение в Иране. Позднее она встречается на Дальнем Востоке, в Средней и Юго-Восточной Азии, в Тибете и Японии. Широко использовала свастику и доэллиническая Греция. Культура греков в любой области служила для Гитлера образцом совершенства. Однако, говоря о греках, он почти всегда подразумевал дорийцев. Разумеется, причиной тому популярная гипотеза ученых его времени, состоявшая в том, что пришедшие с севера дорические племена имели германское происхождение, а потому их культура не имела никакого отношения к Средиземноморью.

В свастике исследователи усматривают солярный (солнечный) знак.

Геополититик Карл Хаусхофер (тот самый, который ездил с Гурджиевым в Тибет) считал, что свастика — символ грома, огня и плодородия у древних арийских магов. При этом характерно то, что никаких исторических доказательств использования свастики германскими племенами нет. А вот на Кавказе и Литве свастика в качестве орнаментального украшения использовалась еще совсем недавно — до середины XX века.

Итак, свастика являлась довольно распространенным символом: её использовало в качестве элемента оформления своих денежных знаков Временное правительство в России, она украшала шлемы немецких добровольцев в Прибалтике, когда там развернулась война за независимость балтийских государств, да и сам Гитлер рисовал ее на обложке задуманной им в юности книжки. Но считается, что непосредственно на флаг НСДАП свастика сошла с герба общества «Туле», которое, как мы помним, оказало большое влияние на молодое национал-социалистическое движение и лично на Адольфа Гитлера.

Флаг с новым партийным символом впервые украсил трибуну при создании местной группы в Штарнберге в мае 1920 года. Вскоре после утверждения новой эмблемы партии штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Чтобы унифицировать изображение и цветовую гамму партийного флага, в 1922 году был утвержден общий образец — черная свастика в белом круге на красном фоне. Составленный Гитлером циркуляр гласил: «Партийные флаги вывешивать на всех публичных собраниях на ораторской трибуне, у входа в зал и т. д., на демонстрациях носить с собой. От членов партии неукоснительно требовать, чтобы они всегда и везде появлялись только с партийным значком. Евреев, которые будут находить это неприличным, безжалостно бить» (2).

В 1923 году зримый символ движения был дополнен маршевой «Песней о свастике»: «Свастика в белом круге / На огненно-красной основе / Была избрана народом / В суровый час участи. / Горячо и глубоко, как при болях / Смертельно израненное дорогое Отечество / Призывало о помощи. / Свастика в белом круге / На огненно-красной основе / Воодушевляет нас гордым мужеством / Бьётся в нашем круге / Не сердце, которое трусливо нарушает верность / Мы не боимся смерти и черта / С нами в союзе Бог!» (3).

Цветовая гамма флага тоже имела большое значение, особенно для человека с художественными навыками, которым, безусловно, являлся Гитлер. Скорее всего, Адольф как профессиональный художник учитывал, что интенсивность восприятия убывает по определенной шкале: 1) желтый на черном; 2) белый на синем; 3) черный на оранжевом;

4) оранжевый на черном; 5) черный на белом; 6) белый на красном; 7) красный на желтом и так далее. В этом в ряду черное на белом и белое на красном по интенсивности зрительного восприятия находятся на соседних позициях и вполне гармонируют между собой. Шпеер вспоминает: «Однажды мы разговаривали о флаге партии. Я сказал, что мне не нравится черный цвет для свастики, которая является символом солнца и должна быть красного цвета. «Если сделать так, то я не смогу использовать красный цвет для фона», — сказал Гитлер, и продолжил: «Существует только один цвет, который цепляет массы, — это красный». Волнующий цвет красных флагов использовался не только из-за его возбуждающего действия, но и потому что узурпировался традиционный окрас левых, цвет социализма. «Майн Кампф» гласит: «Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый — националистическую, свастика — цель борьбы за победу арийской расы».

В 1934 году власти издали распоряжение, согласно которому всякий немец должен приветствовать «немецким приветствием» нацистские знамена. Каждая семья обязана иметь флаг с изображением свастики. Считалось также желательным, чтобы свастика была вышита лично женой главы семьи. Пример тому показал министр пропаганды — партийный символ на флаге семьи Геббельсов вышила сама Магда Геббельс. Любопытно, что во многих районах, и особенно в рейнских провинциях, население, стремясь выразить свое пассивное несогласие с режимом, во время различных праздников редко вывешивало полотнище со свастикой, но неизменно поднимало старый черно-бело-красный флаг (4).

Альберт Шпеер, будучи архитектором, считал, что «придуманное лично Гитлером знамя со свастикой куда лучше подходило для архитектурного оформления, чем бывшее германское знамя, разделенное на три полосы. Во время массовых мероприятий его использовали для украшения ритмически разрозненных фасадов... да еще с добавлением золотых лент, усиливавших воздействие красного цвета» (5). Конечно, подобное оформление подразумевало символическую цветовую нагрузку, которую партийная пропаганда заботливо разъясняла зрителям: «Город Мюнхен украшен красно-коричневыми знаменами, которые должны символизировать пролитую кровь. На знаменах изображение трех золотых рун, посвященных богу древних германцев Вогану» (6). О рунах мы еще поговорим, а пока вернемся к флагам.

Гитлеру также принадлежит идея личного штандарта, который отмечал присутствие вождя. Некоторые исследователи полагают, что фюрер использовал свой личный штандарт в качестве оберега. Но это вряд ли, несмотря на ряд новомодных сенсационных

исследований о потусторонней природе Третьего рейха. Вопреки широко распространенному мнению, Гитлер не доверял астрологам и любым оккультным наукам, хотя и активно использовал мистическую символику в пропагандистских целях. «Вымпел фюрера» со свастикой и четырьмя орлами по углам выполнял прикладную функцию — повышал значимость торжественных собраний, где предполагалось появление вождя, украшал личный автомобиль фюрера, будучи поднятым над рейхсканцелярией, символизировал пребывание там главы государства.

Эмблемой, заимствованной у древних римлян, стали знаки военного легиона, трансформировавшиеся в штандарты отдельных партийных организаций НСДАП. Штандарт состоял из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, который держал когтями взмывающий позолоченный орел. Под этой конструкцией располагались название партии «НСДАП» на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг со свастикой, на которой вышивалась строка из поэмы Дитриха Эккарта «Йойри» (1919) — «Германия, проснись!»

В символический ряд Третьего рейха оказались также включены орел и дуб (дубовые листья), апеллирующие к имперскому началу. Эти символы государственности хорошо известны со времен императорского Рима, кроме того, дуб сам по себе считается священным деревом древних германцев.

В своей пропагандистской работе гитлеровцы активно использовали и другие древнегерманские символы, особенно руны. Так, две руны «зиг», символизовавшие солнечный диск в движении, а также гром и молнию, составляют знак СС. Руна «тейваз», посвященная богу войны, использовалась, наряду с одиночной «зиг», в эмблеме гитлерюгенда с целью привить молодежи воинственность. В обрядах, связанных с сельским хозяйством, часто применялась руна «альгиз», руна с идеографическим значением корней и деревьев (7).

Один из самых характерных символов безжалостной нацистской военной машины, значок дивизии «Мертвая голова» (череп с перекрещенными внизу костями), служивший эмблемой в эсэсовской дивизии того же названия, был заимствован у одноименного воинского подразделения кайзеровской армии. А там, в свою очередь, он появился под влиянием розенкрейцеров; но, в отличие от молвы, которая приписывала этому символу значение смерти и разрушения, имел первоначально совсем иной смысл, связанный с победой человеческого духа над материей. В общем, не так все страшно.

Хотя полностью без мистики не обошлось. Самое знаменитое кольцо Третьего рейха — «Мертвая голова», которое носили эсэсовцы, имело

руническую символику. Рейхсфюрер СС Гиммлер так расшифровывал знаки кольца для своих подчиненных: «Череп на нем является напоминанием, что мы в любой момент должны быть готовы отдать свою жизнь на благо общества. Руны, расположенные напротив мертвой головы, — символ процветания из нашего прошлого, с которым мы возобновили связь через мировоззрение национал-социализма. Две «зиг»-руны символизируют название нашего охранного отряда... Кольцо овито листьями дуба, традиционного немецкого дерева. Это кольцо нельзя купить, и оно никогда не должно попасть в чужие руки. После вашего выхода из СС или смерти оно возвращается к рейхсфюреру СС» (8). «Властелин колец» Гиммлер искренне верил, что они способны связывать каждого награжденного им члена СС с духовным центром Черного ордена — замком Вевельбург и его хозяином. Ну, это уже чистой воды бесовщина, которую я оставляю толкиенистам и отечественным историкам, которые, приплясывая на груди трипольских черепков, воображают себя наследниками арийцев.

Кроме собственно партийной символики, основой наглядной агитации нацистов, особенно в период борьбы за власть, стал плакат. Дешевизна производства, простота распространения, оперативность делали плакатное искусство незаменимым подспорьем во время многочисленных предвыборных кампаний 1920-1930 годов.

«Я в подробностях объяснил фюреру наш пропагандистский план, — откровенничал Геббельс в своем дневнике. — Надо было выиграть предвыборную борьбу большей частью за счет плакатов и речей. Наши финансовые ресурсы были ограниченными» (9). Геббельс долго размышлял над тем, какой цвет выбрать для печатания нацистской наглядной агитации, и выбрал багровый, который до того использовала уголовная полиция, объявляя всегерманский розыск особо опасных преступников. Чтобы создать впечатление величия и несокрушимой мощи, НСДАП то и дело организовывала мощные уличные шествия, а параллельно постоянно действовали ее многочисленные распространители листовок и расклейщики плакатов. Целые города или кварталы за одну ночь окрашивались в кричащий, кровавый цвет. Штурмовики оклеивали стены домов своими плакатами и сдирали агитацию своих противников. Иногда они поливали транспаранты соперников особой жидкостью, которая самовоспламенялась по прошествии определенного времени. Неожиданно загоравшиеся на улицах костры привлекали сотни зевак и ставили в тупик полицию, а в целом являлись доказательством того, что полиция не в состоянии поддерживать порядок¹⁸.

¹⁸ Идея подобного трюка пришла в голову Геббельсу, а нацистские ученые спешно разработали окончательную рецептуру и состав.

Афиши, приглашавшие на митинг, всегда были проникнуты духом борьбы и декларировали простые, но жесткие лозунги, которые набирались огромными буквами: «Даешь Берлин!», «Вперед, по трупам павших бойцов!», «Присоединяйся к нашей борьбе», «Сражайся вместе с нами», «Адольф Гитлер — это победа». Особенно удавались Геббельсу лозунги вроде тех, которые несли на транспарантах пятьдесят штурмовиков, совершавших марш от Берлина (где нацистская партия была уже запрещена) до Нюрнберга, на съезд партии, проходивший в августе 1927 года. Один из них гласил: «Марш Берлин — Нюрнберг: мы запрещены, но не убиты!»

В лозунги превращались и фразы, брошенные фюрером во время выступлений: «Вымирание или будущее?», «Во имя национального единства!», «Свобода и хлеб!», «Роковой час Германии». Порою плакаты использовались как своего рода объявления, разъяснявшие принципы национал-социалистического движения. Так, один из постеров гитлерюгенда гласил: «Все мы верим в Адольфа Гитлера, нашего вождя. Мы верим, что национал-социализм — единственный символ веры для нашего народа. Мы верим, что есть Господь, который создал нас, ведет и направляет. И мы верим, что это Бог послал нам Адольфа Гитлера, чтобы Германия стала краеугольным камнем вечности». Или, как говорилось в одном из плакатов, выпущенном в ходе очередной кампании: «Гитлер — наша последняя надежда».

Следующей проблемой искусства нацистской наглядной агитации стал поиск художественных образов борцов за национал-социализм. В коммерции попытки использовать подражание в целях психологического воздействия предпринимались всегда — действенность любой рекламы выше, если потребители хотят стать похожими на изображенных в ней персонажей. Отсюда «типичные» образы на рекламных стендах, а сегодня — красивые и привлекательные герои видеороликов. Рисунки давали образ германского героя нового типа: жесткого, напряженного до предела бойца со знаменем, винтовкой или мечом, в полевой форме SA или SS, а то и вовсе обнаженного; внушающего представление о силе, стойкости и агрессивности. От плакатов исходило впечатление мужественности и угрозы врагам: «Еврей, напрасно ты пытаешься спрятать под маской свой отвратительный облик! Мы тебя найдем и выставим на посмешище истинным тевтонам Берлина» (10).

Женщины изображались как героические представительницы нордической расы, доблестные спутницы героев. Порою, хотя и не часто, нацистская пропаганда показывала, что партия поддерживает и традиционные немецкие ценности: сцены семейной жизни — женщина,

кормящая грудь ребенка; дети с нацистским знаменем, счастливо смотрящие в отдаленное будущее; отец, гордо стоящий рядом с семьей.

Иногда нацистские произведения искусства, и в частности плакатного, создавались в подражание стилю Альбрехта Дюрера, намекая на исторические корни режима. Но после прихода к власти значительно убедительней выглядели картинки, которые отражали саму суть национал-социалистического движения: «Несколько немцев рассказали мне о плакатах, развешанных на видных местах в провинциальных городах и требующих не иметь никаких дел с польскими рабочими и обращаться с ними строго» (11).

Кроме всяческих недочеловеков популярным персонажем наглядной агитации стал концентрированный образ врага, отщепенца, ворующего чужое топливо — «углекрада». (Здесь можно увидеть и ассоциативную связь с «ворующим чужое добро» евреем.) Виктор Клемперер рассказывает занимательный случай: «Об особом влиянии именно плаката с «углекрадом» среди множества других говорит одна сценка, свидетелем которой я стал на улице в 1944 году, т. е. в то время, когда образ «углекрада» уже никак нельзя было отнести к самым последним и популярным. Молодая женщина тщетно пыталась образумить своего упрямого мальчишку. Тут к мальчику подошел пожилой солидный господин, положил руку ему на плечо и серьезно сказал: «Если ты не будешь слушаться маму и не пойдешь с ней домой, то я отведу тебя к «углекраду»!». Несколько секунд ребенок со страхом смотрел на господина, потом испустил вопль ужаса, подбежал к матери, вцепился в ее юбку и закричал: «Мама, домой! Мама, домой!» «Углекрад» породил много подражаний и вариантов: потом появился «времякрад», один из тральщиков назвали «Минокрадом», а в еженедельнике «Рейх» напечатали карикатуру, осуждавшую советскую политику, с подписью «Польшекрад» (12).

Почти одновременно с «углекрадом» появился подслушивающий шпион, изображаемый в виде подкрадывающейся жуткой тени; мрачная фигура в течение многих месяцев со всех газетных киосков, витрин, со спичечных коробков предупреждала о том, что нужно держать язык за зубами. Некоторые «шедевры» пропаганды доставлялись гражданам прямо на дом: «На прошлой неделе каждая семья получила листовку от местного отделения «Союза немцев за рубежом». «Германский народ никогда не должен забывать, что именно зверства поляков заставили фюрера защищать наших немецких соотечественников с помощью оружия! Под рабской покорностью своим германским работодателям поляки скрывают свое коварство; под их дружелюбием таится подлость. Будьте справедливы, какими всегда были немцы, но никогда не

забывайте, что вы принадлежите к расе господ!» (13).

Кроме проверенных и недорогих приемов наглядной агитации в виде плакатов и листовок, пропаганде нацизма способствовали лекции с использованием наукообразных слайдов с сопроводительными текстами для чтения вслух, таблиц и схем. «Бюро расовой политики» массово распространяло в школах и вузах настенные диаграммы, доказывавшие применимость законов Менделя к человеческой наследственности и предостерегавшие девушек против соблазнительей «с еврейской внешностью» и прочих мутантов, готовых погубить генетически ценный урожай.

Известно: если вы используете таблицы, делайте их простыми и ясными. А когда имеете дело с диаграммами и картами, «научность» не помешает. Нацисты быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие. Фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического дела. Географические фальшивки заполнили учебники, журналы, книги. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т. д. до сих пор воздействует на подогретые национальные чувства любого народа безотказно, о чем свидетельствуют изыски современных «картографов». Хотя и здесь чувство меры не помешает — Геббельс сразу после нападения на СССР, предвидя значительный спрос, распорядился аккуратно изъять из продажи изображения Советского Союза. «Карты России большого масштаба я пока придерживаю. Обширные пространства могут только напугать наш народ» (25.06.1941).

Картографический арсенал и его воздействие нацистская пропаганда использовала и в дни поражений, чтобы поднять боевой дух, как в тылу, так и на фронте: «Более тонкая пропаганда та, что старается усилить поддержку войны народом, описывая тяжелые последствия в случае победы союзников. Завтра «Фёлькишер беобахтер» опубликует карту, которая покажет, как будет выглядеть Германия в случае победы Англии и Франции. На этой карте Франции принадлежит Рейнская область, Польше — восточная Германия, Дании — Шлезвиг-Гольштейн, Чехословакии — Саксония, а южнее на карте изображена огромная империя Габсбургов, включающая в себя большую часть Южной Германии. То, что осталось от Германии, обозначено, как «Оккупированная территория». Умная пропаганда, и народ на нее клонет» (14).

Французский философ Мишель Фуко определил: «язык точности» (не обязательно карты и таблицы, но и язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии». Те же статистические данные выглядят как нельзя более объективными и строгими фактами. Язык

цифр всегда кажется убедительным, ибо создает ореол неоспоримой авторитетности. Сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется нам максимально беспристрастным, что он, дескать, не может лгать. Люди как-то забывают, что официальные органы статистики во всех странах представляют собой часть государственного аппарата. И уже на первоначальном этапе — сборе статистических сведений — данные легко могут быть сфальсифицированы. Но искаженные цифры подаются с показной точностью, чтобы придать им максимум правдоподобия. То же самое касается и социологических опросов — путем должной постановки вопросов, корректировки выборки и обработки данных можно легко получить «освященный наукой» результат.

Еще один пример смоделированной «объективности» — документальная фотография. Особенности восприятия «информации в образах», эффективность ее воздействия заложены в самой ее природе. Наглядность и легкость восприятия делают ее общедоступной, а потому «документальное» воздействие фотоснимков часто используется в политических кампаниях. Действительно, даже в портретной фотографии заложены большие пропагандистские возможности: она способна закреплять положительный или отрицательный образ какой-нибудь личности. Например, снимок анфас подчеркивает решимость кандидата: будущий депутат смотрит прямо на вас, ему не страшны ни враг, ни препятствие, ни какая-либо проблема. Фотографии в три четверти строятся на «восходящем движении»: лицо приподнято навстречу свету, который как бы и возносит его, и т. п.

Добавление к тексту хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения, ведь тех, кто читает подписи к иллюстрациям, в два раза больше читающих сами тексты. Насыщенные фотоиллюстрациями, сопровождаемые примитивным текстом, массовые издания апеллируют к сознанию читателей через эмоции. В чем, к слову сказать, секрет сумасшедшей популярности комиксов у западного читателя. Реальной популярности — незадолго до Второй мировой войны забастовка типографских рабочих в США вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски, и возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио — чтобы успокоить любимый город (15).

Существовало довольно много документальных фотоальбомов, посвященных рейхканцлеру, — «Гитлер, каким его никто не знает», «Гитлер по ту сторону будней», «Гитлер в своих горах», «Молодежь и Гитлер», в которых имиджмейкеры успешно подавали публике образ вождя, бывшего в частной жизни самым обычным человеком. Впервые

появившиеся в 1934 году, эти огромные изящно переплетенные тома предназначались для рассматривания в домашней обстановке. Как в альбомах для филателистов, в них предусматривались пустые места и печатались подписи к отсутствующим фотографиям, которые можно приобрести, покупая производимые спонсором сигареты или лакомства. В альбом «Адольф Гитлер: фотографии из жизни фюрера», первый тираж которого насчитывал 700 000 экземпляров, были включены фотографии Гитлера как в 1920-е годы, так и фотографии последнего времени, на которых можно лицезреть, как канцлер отдыхает от бремени государственных дел. В отличие от «неформальных» фотографий Муссолини, на которых он выглядел, как яркий, самоуверенный мачо, частная жизнь Гитлера предстала в ауре обыденности. Гитлер вполне мог быть сфотографирован в чуть помятом костюме и нередко смотрел на зрителя с застенчивой улыбкой.

Выходившие большими тиражами фотоальбомы, такие как «Гитлер: в свободную минутку» и «Адольф Гитлер, каким его никто не знает», позволяли публике заглянуть в частную жизнь лидера, тщательно сконструированную для массового потребления. На этих неформальных снимках Гитлер предстал обычным человеком, равнодушным к восторгам поклонников, любящим свою собаку, наслаждающийся прогулками и обожающим скоростные автомобили. Смысл подобных фотосессий удачно выражала одна из подписей: «Даже фюрер может быть счастлив!» Кроме того, возлюбленная фюрера Ева Браун тоже часто фотографировала Гитлера в домашней неформальной обстановке. Некоторые работы талантливой ученицы выкупил ее прежний шеф Генрих Гофман и растражировал в виде открыток.

Но основную массу подобной продукции составляли, конечно, более помпезные фолианты. Фотоальбом «Германия пробуждается: становление, борьба и победа» издавался в 1933-1934 годах четырьмя тиражами по 100 000 экземпляров. Эссе, написанные для этого альбома видными нацистами, знакомили читателей с «великими идеями» национал-социализма. Теоретические рассуждения иллюстрировали фотографии и живописные изображения штурмовиков, портреты нацистских вождей, репродукции шедевров немецкого искусства и сценки, где Гитлер предстал в окружении пылкой молодежи.

В 1934 году в этой же серии вышла книга «Государство труда и мира: один год правления Адольфа Гитлера», посвященный грандиозным общественным стройкам. Кроме того, по результатам поездок рейхсканцлера за пределы рейха выходили альбомы Генриха Гофмана «С Гитлером в Италии», «С Гитлером в Богемии и Моравии», «С Гитлером в Польше».

Издавались и другие увлекательные наглядные пособия по теории и практике национал-социализма. Например, фотоальбом «Вечный жид: фотодокументы». Его автор, журналист Ганс Дибов, рассматривал такие специфические темы, как «происхождение еврейского носа» или родство между пустынными кочевыми евреями и евреями городских гетто. На основе этого альбома зимой 1937/38 года власти устроили шумевшую выставку, которую посетили более полумиллиона человек. На фотографиях были запечатлены евреи в Палестине, разъезжающие в дорогих автомобилях, евреи в гетто и евреи в Нью-Йорке, расположившиеся на веранде турецкой бани. Подпись «Лицо — зеркало души» сопровождала портреты известных евреев со взглядами, полными «великой еврейской ненависти». Типичный заголовок: «Германия — первая страна, легально разрешившая еврейский вопрос». Польский журналист описывал необычно тихие толпы людей, впитывавших нацистскую «документалистику»: «Жутко было смотреть на их беспощадные лица» (16). Общество, признавшее существование еврейского вопроса, оказалось готово смириться с гражданской смертью евреев.

Печатались и более наукообразные произведения местных интеллектуалов — вроде книги историка Петера Деега «Придворные евреи». Внушительный том — более чем в 500 страниц, отпечатанный на высококачественной бумаге с обилием сносок, глянцевыми фотографиями, библиографией, факсимильными копиями документов и вклейкой с фамильным древом Ротшильдов, наглядно показывавшим, как носители этой фамилии, распространяясь по миру, наращивали свою финансовую мощь.

Для читателей попроще и победнее издавались иллюстрированные брошюры — «Расовая политика во время войны», «Способен ли ты мыслить расово?», «Забота о расе в Германии», «Раса и религия», «Расовое мышление и колониальный вопрос» и пр. Брошюры популярно разъясняли, что такое этническое здоровье и в чем заключается вред для расы. Карманные книжки вроде «Речей канцлера Гитлера» и «Молодая Германия хочет работы и мира» предсказывали экономическое возрождение. Простым доступным языком эти дешево отпечатанные издания в красно-белых обложках объясняли, что борьба рас определяет историю, что ее делают великие люди и что немцы имеют право на новые территории. Хотя самой популярной брошюрой в то время стала «Мир и безопасность». В ней Гитлер очередной раз заявлял о себе как о противнике милитаризма. Она была призвана успокоить тех, кто опасался, что фюрер развяжет новую войну.

Плюс политкорректировка используемых терминов: слово «захват» подменялось на «заселение», «угнетение» на «управление» — и вот уже

«благородная» миссия немецкого народа носит «цивилизационный» характер. Так и сегодня: просто слово «бедность» вызывает возмущение и сострадание, а наукообразный «низкий доход» — категория экономическая; с бедностью нужно бороться, а низкий доход можно поднимать до более высокого уровня.

Большим успехом у читателей пользовались нацистские песенники, такие как «СА-лидербух» — сборник песен штурмовых отрядов, что вышел в издательстве Хубера в 1933 году. Он включал стихотворения Дитриха Эккарта, маршевые солдатские и патриотические песни различных авторов, народные немецкие песни и песни штурмовых отрядов («Свободу улицам!», «Фюрер зовет» и др.).

Бесчисленные изображения Гитлера, присутствие его имени в названиях улиц, городов, заводов, институтов создавали иллюзию вездесущности вождя. Портреты и фотографии фюрера можно было увидеть повсюду: в школьных классах, учреждениях, на железнодорожных вокзалах, уличных перекрестках, на плакатах и даже на почтовых марках; в праздники они проецировались на огромные экраны. На портретах в разнообразии официальных поз предстал решительный и безупречный фюрер со взглядом, устремленным вдаль. Почтовые открытки изображали его в образе Зигфрида, величественно парящего в воздухе и разящего ужасных врагов (7).

В 1933 году дом в Оберзальберге, где жил Гитлер, стал местом паломничества, кусочки ограды у него часто забирали как реликвии, а одна женщина — было дело — собрала землю со следом ноги Гитлера. С 1933 по 1937 год, когда бы Гитлер ни останавливался в своей резиденции, тысячи людей ежедневно поднимались на гору в надежде увидеть фюрера во второй половине дня, когда он обычно прогуливался перед домом. В такие моменты его фотографировали играющим с детьми, передавали ему в руки письма и петиции. Гитлер гостеприимно приглашал детишек угоститься сладостями на террасе, а сам не возражал прогуляться в обществе нескольких человек из пришедших. Не забывала официальная пропаганда и про родственников фюрера. После присоединения Австрии к Германии Марии Шикльгрубер (бабушке Гитлера) воздвигли памятник, к которому водили школьников.

Но находились и такие фанатичные приверженцы, кто хотел общаться со своим кумиром ежечасно и, так сказать, парить с ним в своих мыслях. Сводки СД сообщали о сооружении домашних алтарей с фотографией Гитлера на месте дароносицы. Подробное описание подобного алтаря дает в одном из своих романов Эрих Мария Ремарк: «На стене против окна висел широченный портрет Гитлера в красках, обрамленный еловыми ветками и венками из дубовых листьев. А на столе под ним,

на развернутом нацистском флаге, лежало роскошное, переплетенное в черную кожу с тисненой золотой свастикой издание «Майн Кампф». По обе стороны стояли серебряные подсвечники с восковыми свечами и две фотографии фюрера: на одной — он с овчаркой в Берхтесгардене, на другой — девочка в белом платье подносит ему цветы. Все это завершалось почетными кинжалами и партийными значками» (18).

Впечатляет, не правда ли? Такова была сила воздействия культа фюрера и стремление большинства немцев под его руководством достичь лучшей жизни для себя и своих детей. А тем временем, как мы помним, также не лишенный сантиментов Гиммлер в 1937 году, выступая в Орденском замке СС Фогельзанг, раскрывал своим приближенным истинные цели нового государства: «Образцом для нашего будущего поколения вождей должно стать современное государственное образование по типу древних спартанских городов-государств. От 5 до 10 процентов населения — лучшие, избранные люди — должны господствовать, повелевать. Остальные должны подчиняться и работать. Только таким образом будут достигнуты высшие ценности, к которым должны стремиться мы сами и немецкий народ» (19). Гиммлер не нес отсебятину, но развивал мысли такого доброго и человеческого фюрера.

К сожалению (или к счастью), многие из нас, слепо преданные каким-либо идеалам не понимают, что стали пешками в чужой игре. И раз мы уже записались пешками, то должны знать, что есть ферзи и короли, реализующие за наш счет свои далеко идущие планы.

10. Массовые мероприятия

Ранее мы вспоминали пропагандистский план Геббельса в одной из избирательных кампаний: «Надо было выиграть предвыборную борьбу большей частью за счет плакатов и речей. Наши финансовые ресурсы были ограниченными». Геббельс недаром рассуждал не только о плакатах, но и митингах. Работа с людьми на подобных встречах являлась одним из самых излюбленных приемов нацистов. На первом этапе Движения они стремились каждые восемь дней организовывать массовый митинг. Как результат, нацистские пропагандисты накопили гигантский опыт проведения подобных мероприятий и научились просчитывать реакцию публики. Если Министерство пропаганды устраивало массовый политический митинг в берлинском Дворце спорта, то уже по количеству проданных билетов специалисты могли судить о степени желания людей обсуждать предложенную ими тему.

С 13 марта 1933 года, после создания министерства, Геббельс стал контролировать одновременно и партийный, и правительственный аппарат пропаганды. Между ними возникло определенное разделение

труда. Министерство продумывало сценарии агитационных акций, а отдел пропаганды НСДАП — обеспечивал их массовым участием. Кроме того, преимущественно по партийной линии осуществлялось изучение реакции масс на различные агитационные мероприятия.

Сценарии мероприятий, в которых участвовал Гитлер, расписывались до минуты. Даже в ошеломляющих по масштабу празднествах с огромными массами людей фюрер лично проверял мельчайшие детали: он тщательно обдумывал каждое действие, каждое перемещение, равно как и декоративные детали украшений из флагов и цветов и даже порядок рассаживания почетных гостей. И это далеко не мелочи, как говаривал старина Мюллер из «Семнадцати мгновений весны». Ведь от того, сколько человек окружают оцениваемого аудиторией лидера, каковы их облик и поведение, зависит, какие особенности во внешнем облике лидера мы выделим и оценим.

Даже рядовые рабочие визиты Гитлера в низовые нацистские организации тщательно подготавливались. Сперва в намеченное гау прибывал высокопоставленный уполномоченный. Он сообщал, какой гостиничный номер снять Гитлеру, как его встречать, сколько бутылок минеральной воды поставить в президиум; регламентировалось все — церемониал встречи Гитлера, поведение председательствующего, размер платы за аренду и прочее: «Адольф Гитлер не говорит с кафедры, кафедра поэтому убирается» и т. д.

Собрания происходили, как правило, вечером, в полном соответствии с концепцией Гитлера, прописанной им в «Майн Кампф»: «Утром и даже днем нервные силы человека еще достаточно велики, для того, чтобы они могли противостоять попытке навязывания чужой воли, они сопротивляются чуждому мнению. И наоборот, вечером они легче поддаются превосходящей силе другой воли». Электрическое освещение, чередуемое с периодически наступающим полумраком, использовалось для создания особой атмосферы единения и чуда, что было подсмотрено Гитлером в практике христианского богослужения: «Той же цели (подавлению собственного мнения. — К.К.) служит также искусственно созданный, но все же таинственный сумеречный свет католической церкви, горящие свечи, курение фимиама, курительные чаши и т. п.» (1).

Пока знамена, маршевые ритмы и крики погружали массы в состояние предпраздничной суматохи, сам он, нервничая, сидел в гостинице, пил минеральную воду и выслушивал частые донесения о настроении в зале. Нередко он давал еще несколько полезных указаний или подсказывал особо тщательно сформулированные сообщения для оглашения их в зале. И только когда нетерпение масс грозило выдохнуться, он отправлялся в путь¹⁹.

¹⁹ Нештатные ситуации происходили очень редко. Например, в Штральзунде, когда

Итак, фюрер появлялся в зале только после того, как толпа была соответствующим образом подготовлена. Вступительное слово председателя собрания длилось не более пяти минут. А со времени появления Гитлера на трибуне до начала его речи должно было пройти 10-15 минут (5-10 минут было отведено на орации). Точно просчитанному ритуалу открытия митинга соответствовала и его заключительная часть. В шум и восторженные крики врвалась музыка оркестра, исполнявшего «Германскую песнь» («Германия превыше всего») или партийный гимн «Песня Хорста Весселя»: «Выше знамя! / Сплотить ряды! / Са марширует / Мужественным твердым шагом / Товарищи, расстрелянные/Красным фронтом и реакцией / Незримо маршируют / В наших рядах вместе с нами».

Гитлер салютовал направо и налево и уходил, пока музыка еще играла. Целью стремительного ухода было стремление оставить нетронутым катарсис, в котором пребывала публика в конце выступления, впечатление сплоченности и единства, да и просто необходимость задержать собравшихся, пока Гитлер покидал переполненное помещение.

После речи Гитлер ни с кем из руководителей гау не беседовал. Все текущие дела разрешал не он, а кто-либо из его свиты. Претензии вождь тоже не выслушивал — во время речи он выкладывался настолько, что просто не был в состоянии адекватно реагировать на просьбы. Один из гауляйтеров нашел своего фюрера уже наутро после одной из речей. «С усталым и унылым видом сидел в одиночестве, сгорбившись, за круглым столом и медленно, с неохотой ел свой обычный овощной суп» (2).

Для прочих пропагандистских мероприятий специальное «Ведомство по организации праздников, досуга и торжеств» разработало «Типовые программы торжеств национал-социалистического движения и указания по порядку проведения национал-социалистических митингов на основе сложившихся в период борьбы традиций». То же ведомство даже издавало специальный журнал для нацистских массовиков и затейников.

Модель стандартного нацистского политического собрания создана при непосредственном участии Геббельса. Он ввел в практику торжественный внос знамен в начале собрания через живой коридор, образованный шеренгами штурмовиков; он также установил порядок проведения партийных собраний, по его распоряжению каждое собрание открывалось музыкальной увертюрой. Вообще, значение музыки в пропаганде достойно отдельной главы, сейчас лишь напомним, что в эмоциональном воздействии особую роль играют ударные инструменты

из-за нелетней погоды Гитлер прибыл на митинг лишь в половине третьего ночи. Но 40-тысячная толпа терпеливо прождала его почти 7 часов, и когда он закончил свою речь, уже занималось утро. Однако это лишь исключение, подтверждающее правило.

и звучание фанфар. Известно, что маршевая музыка рождает энтузиазм, браурная — возбуждает. И напротив, траурная музыка угнетает, вызывает отрицательные эмоции.

Предполагалось наполнить каждое гуляние или народный праздник политико-идеологическим смыслом, что вплотную связано с внешним оформлением проводимого мероприятия. Из кадров хроники мы хорошо представляем, как во время шествий фасады домов исчезали за цветными декорациями, знаменами, выпелами и символами нацистского движения. Специализированные издания для пропагандистов давали советы своим подопечным относительно декора: не следует заклеивать окна наглядной агитацией, броские лозунги сделают наряднее тусклый городской пейзаж, грузовики с громкоговорителями, везущие огромные плакаты, эффектнее всего использовать в сумерках. Во время фольклорных праздников киоски, торговые места, открытые концертные площадки украшались в сельском стиле соответствующих земель, в качестве строительного материала использовались дерево, солома, камыш, черепица, то есть традиционные крестьянские материалы.

Кроме создания праздничной атмосферы с помощью музыки и художественного оформления, нацистские пропагандисты удачно использовали особенности не широких улиц старинных немецких городов — прохождение 50 тысяч штурмовиков в колонну по четыре человека по узким проулкам какого-нибудь провинциального города при соответствующей режиссуре могло продолжаться 6-8 часов, что создавало впечатление чего-то немислимого, грандиозного, необъятного.

Психологи утверждают, что приемы побуждения более эффективны, если они направлены не только на сознательную, но и на подсознательную сторону психики человека. В качестве примера можно привести классическое действие нацистской пропаганды — церемонию освящения знамен. Летом 1926 года на втором съезде НСДАП Гитлер торжественно вручил тогдашнему начальнику охраны СС Берхгольду самую священную реликвию нацистского движения — «знамя крови». То самое знамя, с которым члены НСДАП шли 9 ноября 1923 год во время «пивного путча», когда погибли шестнадцать партийцев, возведенных теперь в ранг мучеников и героев. Согласно официальной мифу, знамя было обогрено их кровью. Данная памятная дата использовалась для ритуала «освящения знамен», когда новые партийные штандарты рукой фюрера прикладывались к окровавленному знамени «пивного путча», как бы вбирая часть его сакральной энергии. Напряжение нарастало с каждым новым залпом, сопровождавшим прикосновение,

и, таким образом, «освящение» следующего штандарта тем самым окровавленным знаменем. Ежегодная церемония просчитывалась до тонкостей и вызывала массовую истерию, наподобие религиозной.

Постепенно обряд модифицировался. 9 ноября 1935 года Гитлер провел большое торжество в честь павших в ходе марша к Фельдхерхалле. Он распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в перестрелке с полицией, и поместить их саркофаги в Фельдхерхалле, ставшем национальной святыней. Его стены накануне основного действия затянули коричневой тканью и украсили горящими светильниками. «Во время церемонии в честь мучеников партии многочисленные оркестры играли «Похоронный марш», который я сочинил на смерть нашей маленькой дочери Герты. Это звучало очень впечатляюще, и Гитлер поздравил меня». (3).

Незадолго до полуночи Гитлер проехал на «встречу» с покойными соратниками, стоя в открытой машине. Факелы штурмовиков и эсэсовцев образовывали вдоль улицы две колышущиеся огненные линии, за ними стояла густая толпа. На следующий день после этой мистической церемонии «Фёлькишер беобахтер» описывала ночное «свидание» фюрера: «Он стоит неподвижно перед саркофагами. Человек, который уже перешагнул пределы всего земного» (4).

Спустя три года, 9 ноября 1938 года, саркофаги убитых участников путча на лафетах перевезли с кладбища в так называемый «Храм чести», выстроенный по приказу Гитлера на Кенигсплац. Ну и снова — «Город Мюнхен украшен красно-коричневыми знаменами, которые должны символизировать пролитую кровь. На знаменах три золотые руны, посвященные богу древних германцев Вотану. Пламя, поднимающееся над наполненными маслом чашами, установленными на многочисленных пилонах, символизирует жертвенные огни германских жрецов и костры, из огня которых, по древнему преданию, герои северных саг поднимались в Валгаллу — аркадию древних германцев» (5).

По пути следования марша 1923 года были установлены сотни обтянутых кумачом пилонов, на постаментах которых золотыми буквами организаторы начертали имена «павших за движение». Во главе колонны шагала рядом с Гитлером группа «старых бойцов» в коричневых рубашках или нацистской форме образца 1923 года (серая куртка и лыжное кепи «Модель-23», выданные службой по организации торжеств). Руководитель церемонии по очереди выкрикивал имена погибших партийных активистов, а из колонн формирований партии в ответ на каждое имя звучала соответствующая церемониальная фраза — «Здесь!» «Последняя переключка» в обязательном порядке транслировалась по радио²⁰. Открывая мемориал, Гитлер сказал:

²⁰ Идею «последней переключки» Геббельс заимствовал у итальянских фашистов,

«Отныне они обрели бессмертие. Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Заключительная часть траурного действия — переключка, оружейные салюты и т. д. — получила тогда официальное наименование «воскрешение из мертвых». Даже в кинотеатре театральность пышного действия и исполненный драматизма текст производили сильное впечатление. По свидетельству очевидца, люди сидели, охваченные благоговейным трепетом, никто не смел кашлянуть, не слышалось обычного шороха от кульков со снедью и вообще — ни звука (6).

Саги и мифические герои в ряду прочих символов описанной нами церемонии оказались отнюдь не случайно. Метафоры, и в частности поэтические метафоры, воздействуя большей частью в обход сознания, способны вызвать эффект «внутреннего озарения» и направлять мысли адресата в направлении, желаемом для автора (исполнителя, манипулятора). Именно так немецкие нацисты использовали великий труд Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» — оперный цикл, созданный на основе великого германского эпоса «Песнь о нибелунгах», который возвратил Германии, в частности Третьему рейху, много популярных германских легенд.

Эти легенды нацисты активнейшим образом задействовали для воссоздания оккультных ритуалов, языческих традиций (вроде нынешней Рун-веры) и подгонку древней истории под вкусы новой правящей верхушки, в числе которой можно особо выделить «доктора археологии» рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. В узком кругу Гитлер потешался над археологическими изысканиями «верного Генриха»: «Гиммлер приходит в восторг при виде каждого черепка и каждого каменного топора, которые удалость выкопать. Этим мы лишь показываем, что металы каменные дротики и сидели вокруг костра, когда Греция и Рим уже находились на высшей ступени культурного развития. У нас есть основания помалкивать насчет своего прошлого. А Гиммлер трезвонит о нем на весь свет. Воображаю, какой презрительный смех вызывают эти разоблачения у сегодняшних римлян» (7). Однако, повторяюсь, шутки в узком кругу посвященных не имеют никакого отношения к тому, что элита скармливает плебсу в качестве государственной идеи.

В замке Вевельсбург, главной резиденции СС, приказом рейхсфюрера были введены многие языческие (древненемецкие) обряды, обязательные для всего эсэсовского состава и местного населения. Например, праздники весны, урожая, летнего солнцестояния; особую церемонию разработали также и для эсэсовских свадеб — все по древнему, исконно которые таким образом чтили память своих погибших товарищей.

народному образцу. И напротив, обряд крещения новорожденного в семье эсэсовца представлял совершенно новый ритуал «наречения» младенца, проходивший перед портретом Адольфа Гитлера, его книгой «Майн Кампф» и знаком свастики. Вот как проистекали крестины в организации «Лебенсборн», созданной под патронатом СС для матерей-одиночек. «В комнате, украшенной бюстом фюрера, портретом его матери, знаменами национал-социалистского движения, цветами и лавровыми венками собираются матери, их дети и «крестные» от СС. Затем заведующий домом произносит речь о смысле и цели обряда «имянаречения». При этом он отсылал их к обрядам древних германцев, указывая, что христианская церковь лишь переняла эти обычаи, превратив их в крестины. После этого обращения под тихие звуки национального гимна Германии происходит само «имянаречение» детей. При этом заведующий задавал матери вопрос: «Немецкая мать, обязуешься ли ты воспитывать твоего ребенка в духе национал-социалистского мировоззрения?» После положительного ответа, заведующий обращался к «крестному эсэсовцу»: «Готов ли ты наблюдать за воспитанием этого ребенка в духе родовой общности охранных отрядов?» На что эсэсовец изъявлял согласие и пожимал протянутую руку заведующего. После чего заведующий домом касался эсэсовским кинжалом ребенка и произносил: «Настоящим я беру тебя под защиту нашей родовой общности и даю тебе имя! Носи это имя с честью!» Далее матерям выдавалось свидетельство о присвоении их детям имени, а затем следовало чаепитие» (8)²¹.

Большое значение для «наглядности» идеи, реальном воплощении ее силы имеет и внешнее оформление людей, то есть одежда. Еще в 1921 году в Италии молодые фашисты стали носить черные рубашки военного образца как обязательную боевую форму. Точно так же, как титул «фюрер» был только онемеченной формой «дуче», так нацистская коричневая рубашка — только модификацией черной. Общая униформа может производить впечатление, более того — нести пропагандистскую нагрузку. Гитлеровцы удачно использовали старую прусскую традицию, в соответствии с которой служебная униформа считалась почетной одеждой мужчины, а облачение офицера вообще имело культовое значение. Что, в общем-то, легко объяснимо — человеку в военной форме общественное мнение устойчиво приписывает такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, настойчивость. Плюс, разумеется, тевтонские милитаристские традиции.

В нацистском партийном учебнике облачению штурмовика посвящен

²¹ Кстати, эсэсовский кинжал — это тоже освященный сакральный символ для эсэсовца, и здесь мы можем наблюдать ассоциативную связь с партийной церемонией «освящения знамени».

особый раздел: «1. Служебный костюм штурмовика — это почетная одежда. Костюм и осанка (манера держаться) определяют отношение к штурмовикам со стороны народа... 4. Служебный костюм штурмовика носят на служебном месте СА. Кроме того, желательно, чтобы его носили по возможности часто и вне служебного места СА». Правда, из пункта 7 того же устава следовало, что «после часа ночи штурмовики в служебном костюме не имеют права посещать общественные кафе». Оргии, пивные пятна, ну и все прочее²².

Гражданская одежда национал-социалистов и сочувствующих им граждан тоже имела свои отличительные особенности — это и упомянутые нами ранее кеги с лыжными куртками, а позже униформа из реквизита автогонщика: шлем, очки-консервы, грубые перчатки-краги.

Такое внимание, которое мы уделяем внешнему виду нацистов, определяется тем, что деятельность, связанная с выполнением приказов и требований (солдаты, партийные функционеры и даже спортсмены), способствует внушаемости, а униформа наиболее декларативный признак принадлежности к той или иной структуре, объединенной общей дисциплиной. Но при этом униформа воспринималась как благодеяние и признак высокого доверия.

Более того, иногда наличие или отсутствие формы само по себе давало повод для грандиозных пропагандистских акций. В последние годы Веймарской республики власти, стараясь добиться гражданского мира, запрещали публичное ношение партийных униформ. На что штурмовики реагировали довольно остроумно: поскольку ношение партийных галстуков и портупеи не было запрещено, они надевали их прямо на голое тело. Смех, вызываемый видом марширующих полуголых колонн СА, также сработал на расширение популярности нацистской партии.

Вообще, важнейшим инструментом гитлеровской пропагандистской мобилизации было шествие колонн в ногу; оно принуждало всех к одинаковым движениям и одному ритму, имевшего порою опьяняющее воздействие. У человека в колонне отсутствовала собственная воля и собственные желания, он слушал команды, держал равнение на идущего рядом. Часто шествие нескольких колонн переходило в перестроение для митинга.

Сходство жестов людей в группе свидетельствует о сходстве их настроений, копирование жестов лидера характерно для его последователей. Например, одновременный взмах рук в нацистском приветствии во время массовых мероприятий. К слову сказать, «германское приветствие» было копией «фашистского», рожденного

²² То, что униформа была полувоенной (на заре Движения коричневые рубахи членов СА и гитлерюгенда являлись просто списанной колониальной формой кайзеровской армии), лишь облегчало введение необходимой дисциплины.

буйной фантазией поэта Габриэле Д'Аннунцио в 1919 году, когда он, при поддержке мятежных элементов итальянской армии, захватил город Фиуме (порт, переданный Югославии по Сен-Жерменскому договору). Позже этот ритуальный жест переняли итальянские фашисты и лишь потом германские нацисты и обольщенный ими народ.

В 1930-е годы почти всякая немецкая организация имела свою форму, практически весь народ оказался в форменной одежде, что стало действенным орудием ликвидации индивидуализма. Даже обычным строительным рабочим из организации Тодта из конфискованных запасов бывшей чехословацкой армии выдавалась единая форма оливкового цвета. Дело дошло и до секретарей: «По распоряжению Гитлера президент Объединения театральных художников Бенно фон Арент разработал для нас, секретарш, соответствующую униформу. Она представляла собой костюм из итальянского офицерского материала серого цвета с золотыми пуговицами и петлицами. На левом лацкане мы носили вместо круглого партийного значка серебряную эмблему, спроектированную самим фюрером. На ней был изображен стройный орел, держащий в руках свастику» (9). А вскоре и Риббентроп озаботился проблемой мундиров для Министерства иностранных дел: «Я удостоился чести появиться во время своей первой аудиенции у Папы Римского в забавной униформе с золотыми пуговицами, ремнем с португеей и в жесткой шляпе. Форма Риббентропа отличалась особым рисунком, на рукавах у него был вышит глобус, на котором сидело нечто, напоминавшее орла» (10).

Естественно, громадное значение нацистские пропагандисты уделяли одежде, или, как бы теперь сказали, «прикиду» подрастающего поколения. Помните уродливую школьную форму советского образца и все переживания, с нею связанные? Так вот — разработку формы для гитлерюгенда поручили лучшим модельерам тогдашней Германии. Дабы служить рекламой организации форма должна казаться красивой и удобной: знаки различия, шевроны были разработаны с учетом всех эстетических требований. Общий набор — коричневая форменная рубашка, черный треугольный галстук, черные шорты до колен, коричневые ботинки с гольфами (зимой — черные высокие сапоги). Причем шорты не воспринимались как детская одежда: «Дети носят матросские костюмчики с длинными брюками. Юноши одеты в шорты и открытые рубашки. Детей родители по воскресеньям водят на прогулки. Юноши в воскресенье отправляются в походы» (11).

Далее антураж дополняли коричневая фуражка, солдатский ранец, ремень с португеей и крепившимися на нем сахарным мешком, флягой и, что восхищало, походным ножом. Походный нож с рукояткой,

украшенный «руной победы» и свастикой, являлся настоящим оружием, с клинком 12-14 см. Девушки носили синюю юбку с ремнем, белую блузу (летом с коротким рукавом), черный галстук, платок на голову, коричневый жилет с четырьмя карманами и китель. В походе униформу дополняли солдатская фляга, планшет и ранец, а зимой — коричнево-зеленое приталенное пальто.

Разумеется, военная форма также была поручена лучшим дизайнерам. Обмундирование немецкого офицера конструировал сам Хьюго Босс — столь значимая психологическая нагрузка возлагалась на внешний вид солдата и офицера вермахта. Некоторые специалисты считают, что для поддержания боевого духа войска, а значит, и победы немцев на Западном фронте в конце 1930-х годов, внешний вид армии сыграл не последнюю роль.

Форма в частях СС, в свою очередь, разительно отличалась от армейской: они носили черные брюки, галстуки и фуражки, ремни с девизом «Моя честь — моя верность», загадочные знаки отличий. Кроме того, использовались алюминиевые нити и многочисленные шнуры, сплетенные из них. В целом, все это производило довольно эффектное впечатление. Карл Букхарт, верховный комиссар в вольном городе Данциге, вспоминал о посещении штаб-квартиры Гимmlера: «У входа в здание застыла черная стража. Казалось, люди в черном были лишены всего человеческого. Они порождение самого бога войны Ареса» (12). К этому описанию можно лишь добавить, что рядовые «Лейбштандарта "Адольф Гитлер"» (именно они обеспечивали охрану фюрера) набирались из юношей ростом от 184 см и выше.

Эффектную эсэсовскую форму охотно надевали не только модельные юноши. В стремлении заручиться симпатиями немецкой элиты Гимmlер начал раздавать чины группенфюреров СС важным лицам Третьего рейха — всяческим видным деятелям в области экономики, политики и культуры. Как результат, они получили не только чины, но черные эсэсовские мундиры. А потому порою самое невинное собрание гражданских руководителей стало походить на военизированное сборище.

Сам Гитлер регулярно появлялся на людях в некой изобретенной им для себя полувоенной форме, которая должна была олицетворять неугасимый военных дух, а именно в коричневом френче и высоких сапогах. Правда, можно предположить, что привычный Гитлеру френч помогал ему, в числе прочего, непринужденно держаться на публике (новая одежда сковывает).

Одетая в форму нация, и так склонная к конформизму и дисциплине, стала идеальной аудиторией для «раскованных и непринужденных»

народных праздников. И пусть режим требовал лишь ритуальных форм участия людей в различных массовых мероприятиях, но сознание они все-таки изменяли.

Для любых манифестаций, от школьных — на предмет встречи иностранного гостя — до мобилизации миллионов рабочих, специалисты разработали четкие схемы. Не без иронии отзывался статс-секретарь министерства (Карл Ханке) о «группах народного ликования», то есть специальных «засланных казачках», которые первыми начинали аплодировать, скандировать лозунги и использовать другие методы для раскочки аудитории (13). Хотя до 1939 года, то есть начала войны, потребность в таких приемах была невелика — энтузиазм масс казался неподдельным.

Многим современникам тридцатые годы в Германии запомнились как череда ярких праздников и сейчас мы кратко остановимся на некоторых из них. Особенно «народным» и красочным считался День урожая, праздник, который давал государству воздать должное крестьянам — основным кормильцам рейха. Для него стали естественными трибунами склоны горы Бюкельберг. В праздновании одновременно участвовали около миллиона человек. Многочисленные оркестры, танцевальные группы, море флагов, вымпелов и праздничных венков урожая, самолеты и дирижабли в воздухе — все это создавало непередаваемую атмосферу грандиозного гуляния. Культивировались народные танцы в местных нарядах, представления самодеятельных артистов, кукольных театров, самодеятельных хоров и оркестров, показательные выступления и соревнования спортивных клубов.

С прибытием Гитлера раздавался 21 пушечный залп, что означало начало праздника. Апогеем праздника урожая было прохождение Гитлера сквозь многотысячные шпалеры заранее построенных крестьян к «Алтарю урожая» (символа изобилия, подаренного крестьянами Германии). От подножия горы Гитлер шел 800 метров к вершине. В качестве второго по значению события дня фигурировало «чествование крестьян и крестьянок, ведущих героическую и самоотверженную борьбу за пропитание народа»; оно выражалось в хвалебных речах, адресованных селянам, в подарках передовикам. Ну, в общем, все нам это неплохо знакомо.

Узнаваем и праздник городских рабочих — День труда, Первое мая, которое тоже отмечалось с неопишуемой помпезностью: «В ту же ночь возник проект грандиозной трибуны, за ней три гигантских флага, каждый превосходит высотой десятиэтажный дом» (14). Циклопические декорации таки стали неотъемлемой чертой пролетарских гуляний на государственном уровне. В 1935 году в Германии начали отмечать и День

зимнего солнцеворота. Главным действующим лицом нового праздника являлись отряды СС. На горе Броккен зажигали огонь, и он шестью лучами от факелов, которые несли эсэсовцы, «расходился до границ рейха». Гитлерюгенд принимал обязательство хранить священное пламя до дня летнего солнцестояния, когда СС вновь повторяли свою факельную эстафету. Вообще, рассказывать о Третьем рейхе и не вспомнить факельные шествия было бы непростительной ошибкой — все-таки недаром они считаются одним из наиболее узнаваемых образов нацистского режима.

Когда-то, на заре существования партии, Гитлер устроил митинг в первой половине дня и не сумел установить никакой связи со своими слушателями, что повергло его в глубочайшее уныние. Этот отрицательный опыт он зафиксировал в «Майн Кампф», в своих рекомендациях о времени проведения мероприятий. С тех пор он назначал все собственные встречи с массами только на вечерние часы или на вторую половину дня и старался придерживаться установленного правила даже в период предвыборной гонки, хотя по мере роста числа выступлений время проведения митингов приходилось ужимать до минимума.

Однако вечерняя пора давала нацистским организаторам массовых действий нестандартные возможности для новых режиссерских ходов, таких как эффектные факельные шествия. Собственно, как мы помним, приход Гитлера к власти и начался с подобной огненной феерии — в ту памятную ночь 30 января 1933 года в течение четырех часов около 700 тысяч человек с факелами прошли по Вильгельмштрассе: «Ночью наблюдал за окном кабинета бесконечные колонны штурмовых отрядов, марширующих в факельном шествии, мимо рейхсканцелярии. Власти объявляют, что факельные шествия продлятся всю ночь». Через три года, 30 января 1936 года 35 тысяч старейших членов партии повторили «историческое» действо. В относительно скромных масштабах, но в значительно более комфортных условиях: организаторы факельного шествия 1936 года загодя позаботились о коксовых печках для обогрева зевак на зимних улицах Берлина.

Вспомним и еще один огненный парад, который стал едва ли не самым знаменитым в короткой истории Третьего рейха: вечером 10 мая 1933 года, около полуночи, в сквере напротив Берлинского университета завершилось факельное шествие, в котором приняли участие тысячи студентов. Свои факелы они побросали в собранную здесь огромную гору книг, а когда их охватило пламя, в костер полетели новые кипы. Всего подверглось уничтожению 20 тысяч томов. Были сожжены труды Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Стефана Цвейга,

Ремарка, Альберта Эйнштейна и др. Из иностранных авторов в костер полетели работы Джека Лондона, Эптона Синклера, Герберта Уэллса, Зигмунда Фрейда, Эмиля Золя, Марсея Пруста и др²³.

Кульминация всех нацистских праздников — партийные съезды в Нюрнберге. Четырехдневные, потом семидневные и, наконец, восьмидневные пышные и дорогостоящие торжества, начиная с 1933 года, носили характер государственных мероприятий: «Съезд победы», «Съезд труда», «Съезд триумфа воли», «Съезд свободы». На 1939 год нацисты запланировали проведение «Съезда мира», но он не состоялся, ввиду начала Второй мировой войны.

К 1936 году порядок проведения этих сборищ сложился окончательно. Первый день партийного съезда под звон колоколов начинался торжественным въездом Гитлера в Нюрнберг. Церемония открытия мероприятия похожа на литургию: огромное помещение бывшего выставочного зала, где заседали делегаты, задрапировано белым шелком, а стена за президиумом — красным, золотая свастика в обрамлении зеленых дубовых листьев осеняла собравшихся. «Гитлер возвращает пышную зрелищность, красочность и мистицизм в однообразную жизнь немцев XX столетия. Везде море разноцветных флагов. Даже приезд Гитлера обставлен театрально. Оркестр перестал играть. В зале, где собралось тридцать тысяч человек, установилась тишина. Потом оркестр заиграл, когда Гитлер совершал свой великий выход. Он появился в глубине зала и, сопровождаемый своими помощниками, медленно зашагал по длинному проходу, и в этот момент тридцать тысяч рук поднялись в приветствии. Затем огромный симфонический оркестр сыграл увертюру Бетховена «Эгмонт». Громкие прожектора освещали сцену, где сидел Гитлер в окружении сотни партийных чиновников и армейских и морских офицеров. За ними — «кровавый флаг», пронесенный по улицам Мюнхена во время злополучного путча. За ним — четыреста или пятьсот штандартов СА. Когда музыка закончилась, Рудольф Гесс медленно зачитал имена нацистских «мучеников» — коричневорубашечников, погибших в борьбе за власть. Это была переключка мертвецов, которая, судя по всему, сильно растрогала тридцать тысяч сидящих в зале. Естественно, что в такой атмосфере каждое брошенное Гитлером слово воспринималось как ниспосланное свыше» (15).

Под оглушительные фанфары Гитлер подходил к трибуне, и когда он ее достигал, вспыхивали прожектора, подсвечивая трибуну. Французский посол Франсуа-Понсе: «Прожекторы гаснут за исключением тех,

²³ Справедливости ради отметим, что организованное Геббельсом аутодафе берлинцам не понравилось, а Геринг публично возмущался сожжением огромного количества книг.

которые высвечивают фюрера, кажется, что он стоит над колыханием масс как в сказочном корабле» (16). Его рассказ подхватывает американский журналист Уильям Ширер: «Ослепительный свет выделяет главную трибуну, увенчанную сияющей золотом свастикой в дубовом венке. На левом и правом пилонах из огромных чаш пылает огонь» (17). После программной речи фюрера первый день работы съезда заканчивался оперой «Нюрнбергские мастерзингеры», обычно в исполнении знаменитого Берлинского филармонического оркестра под руководством Вильгельма Фуртвенглера.

На второй день рано утром Гитлер на балконе гостиницы принимает парад знамен гитлерюгенда, свезенных в город со всей страны. В это время на Луитпольд-арену постепенно сходятся партийные формирования. Гремит музыка, пространство и трибуны празднично убраны, все ожидают прибытия вождя. Приезжает Гитлер, и съезд начинает обычную работу... На секунду отвлечемся и отметим, насколько важно пребывание политика на фоне различных значимых символов. Первые лица страны находятся в окружении символов власти государства (флаг, герб и т. п.), политики выступают на фоне лозунгов своей партии и своих портретов. Участие в подобных постановках напрямую связывает нас с прошлыми этапами развития цивилизации, когда подъем человека на новый уровень общественного признания оказывался возможным только в рамках существующих магических ритуалов. Разумеется, и Гитлер, слушая выступавших, восседал на фоне государственных символов в окружении массы соратников.

Третий день начинался парадом имперской трудовой службы. Под колокольный звон и многоголосое пение поднимались бесчисленные знамена Немецкого рабочего фронта (ДАФ). Четвертый — посвящался всевозможным спортивным представлениям, также необыкновенно красочным и театрализованным. «Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Театральные представления, где образы предстают перед толпой в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние». (18).

Пятый день именовался Днем политического руководителя — то есть народу во всей красе демонстрировали себя партийные функционеры. Правда, если членов СА, ДАФ, СС и вермахта еще можно было показывать при дневном свете, то многие из партийных функционеров оказались неповоротливыми толстяками. Поэтому, по предложению Гитлера, колонны функционеров пускали в темноте — поздно вечером при свете факелов устраивался впечатляющий митинг. И излюбленные факелы задействованы, и животы спрятаны. А над стадионом, где происходило действие, с помощью направленных вверх зенитных

прожекторов моделировался грандиозный «Собор света». «130 резко очерченных световых столбов на расстоянии всего лишь двенадцати метров один от одного вокруг всего поля видны на высоте от шести до восьми километров и там сливались в сияющий небосвод. Порой через этот световой поток проплывало облако» (19). «Собор света» — это один из первых и наиболее удачных случаев применения поставочного электрического света в массовых мероприятиях²⁴.

Естественно, во время партийных съездов возможности электрической подсветки использовались весьма активно. Аккредитованный на съезде американский корреспондент Уильям Ширер: «Под звуки фанфар Гитлер выходит на высокий центральный блок главной трибуны, и по команде с трибун на другой стороне вниз на арену устремляется поток из более, чем тридцати тысяч знамен, серебряные наконечники и бахрома которых вспыхивают в огне прожекторов» (20). Альберт Шпеер: «Предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятью колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие» (21). И снова Ширер: «Сегодня вечером еще одно пышное зрелище. Двести тысяч партийных чиновников собрались на лугу Цеппелинов, украшенном двадцатью одной тысячей флагов, которые расцвели в свете прожекторов, как фантастический сад. И в этой залитой светом прожекторов ночи спрессованные, как сардины в банке, простые люди в Германии достигали высочайшего в понимании немецкого человека состояния. Происходило соединение душ и умов отдельных людей: до тех пор, пока под действием мистических огней и магического голоса австрийца они полностью не слились в единое германское стадо» (22).

Седьмой день знаменовался показом строевой подготовки СА и СС. Затем Гитлер совершал один из самых запоминающихся ритуалов Третьего рейха — в гордом и печальном одиночестве под звуки траурной музыки он шел по «улице фюрера» (т. е. через строй военнослужащих) и возлагал венки «мученикам» Движения. «В церемонии смерти его темперамент и пессимизм неустанно открывали все новые потрясающие эффекты; когда он под звуки скорбной музыки шел по широкому

²⁴ Во время одного из своих полетов по Германии, а именно после речи в Гёрлице, Гитлер случайно открыл для себя, какое магическое воздействие на десятки тысяч напряженно всматривающихся людей оказывает зрелище освещенного самолета на фоне ночного неба; он снова и снова стал прибегать уже намеренно к этому приему, чтобы вызвать в людях то настроение жертвенности и жажды вождя, которому он потакал.

коридору между сотнями тысяч собравшихся почтить память павших через Кенигсплац в Мюнхене или через Нюрнбергскую площадь партийных съездов, то это действительно были кульминации впервые разработанной им художественной демагогии» (23).

И, наконец, восьмой день — десерт — парад военной техники вермахта.

Дабы вынести такую насыщенную программу перед съездом Гитлер по несколько недель проводил в одиночестве в горах — отдыхал. А после съезда его опять увозили в горы, где он с чувством исполненного долга мог примерить к себе слова провозвестника современной пропаганды Гюстава Ле Бона: «Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять» (24). О чем, собственно, и говорим.

11. Работа с аудиторией

Один из факторов популярности Гитлера в своей стране состоял в том, что большинство жителей Германии имели хотя бы теоретическую возможность повидать его лично на массовых мероприятиях и таким образом соприкоснуться с его аурой, стать «ближе» к нему. В первые месяцы 1933 года под окнами рейхсканцелярии регулярно собирались толпы, которые громогласным хором изъявляли желание увидеть фюрера. И тому ничего не оставалось делать, как периодически появляться перед публикой к ее немалому удовольствию. Очевидец одной из подобных встреч вспоминал: «Я помню жителей Линца, которые, выстроившись перед гостиницей, непрерывно кричали до поздней ночи: «Один народ, один рейх, один фюрер» или «Мы хотим видеть нашего фюрера». Тем временем группа людей скандировала: «Любимый фюрер, будь так любезен, подойди к подоконнику». И Гитлер появлялся перед ними вновь и вновь» (1).

Важность такого периодического общения ощущал и сам рейхканцлер. На партийном съезде 1936 года он воскликнул, обращаясь к собравшимся: «Когда мы собираемся здесь, нас охватывает чувство чуда этой встречи. Не каждый из вас видит меня, и не каждого из вас вижу я. Однако я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Вера в наш народ сделала нас, маленьких людей, — великими, сделала нас, бедняков, — богатыми, сделала нас, робких, потерявших мужество, запуганных людей, — смелыми и отважными, дала заблуждавшимся прозрение и объединила нас» (2).

Еще в августе 1920 года Гитлер, рассуждая о перспективах партийной пропаганды сказал, что его целью является использование «тихого понимания», чтобы «разжечь и подтолкнуть... инстинктивное». «Способность восприятия масс очень ограничена и слаба, — писал он

в «Майн Кампф». — Принимая это во внимание, всякая эффективная пропаганда должна быть сведена к минимуму необходимых понятий, которые должны выражаться несколькими стереотипными формулировками. Самое главное: окрашивать все вещи контрастно, в черное и белое» (3). Соответственно, сами лозунги должны быть простыми, обладать способностями к бесконечным повторам и вариациям, иметь эмоциональную широту, которая позволяет каждому индивиду приписывать ему свои собственные ценности. «Когда все эти условия соблюдены, даже стенографический знак может воплотить в себе целую программу» (4).

Наглядным подтверждением тому служит история рождения нацистского лозунга (или приветствия) «Зиг хайль!» (Да здравствует победа!) После одного из выступлений перед огромной аудиторией Гитлер на какое-то время задумчиво замолчал, и в этот момент стоявший рядом Гесс, находясь под впечатлением от речи фюрера, вдруг начал скандировать: «Зиг хайль!» Многотысячная толпа тут же подхватила лозунг, который позже прочно закрепился в обиходе Третьего рейха (5). «Первое сформулированное внушение тотчас передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение» (Ле Бон).

Психологическое заражение аудитории во время массовых акций происходит как результат удачных, убедительных речей, например, когда персонаж «режет правду-матку» и яростно обличает виноватых. Для повышения эффективности речь изукрашивается и инсценируется, по сути, она — произведение искусства, которое предназначено для восприятия слухом и зрением, причем слухом — вдвойне, поскольку шум толпы, ее рукоплескания, гул недовольства и чувство единения действуют на отдельного слушателя с той же силой, что и сама речь. Заражение происходит, поскольку в толпе индивид менее склонен обуздывать и скрывать свои инстинкты — толпа анонимна и не несет никакой ответственности. Вопрос в пробуждении инстинктов.

Для полного достижения данной цели необходимо тщательно учитывать особенности аудитории. Таковыми являются состав слушателей, уровень их подготовки, интересы, социальное положение, пол, возраст, мотивы их участия во встрече. Особое значение имеют в связи с этим этнические и религиозно-культурные особенности аудитории. Мужчин в процессе общения интересует, прежде всего, доказательность, логика, факты. Их внимание привлекают примеры из истории, политики. На первом месте для них компетентность выступающего. Для женщин большое значение имеют эмоциональная сторона дела, проявление человеческих качеств. Их внимание сразу

привлекают примеры, касающиеся семьи, детей, мужчин, быта (6).

Средний человек мыслит, как правило, иррационально, значит, пропаганда должна быть обращена не к разуму человека, а к его эмоциям. Упрощения в пропаганде необходимы, и чем значительнее размер аудитории, тем больше потребность в упрощении. В практической политике действительно большого успеха можно добиться не академическими рассуждениями, а воспламеняющими речами и ударными лозунгами, например «Свобода, Равенство, Братство», «Вся власть Советам!» или «Бандитов в тюрьмы!»

Такие пропагандисты, как Гитлер, Геббельс, Штрайхер, постоянно держали руку на пульсе народа, в любой момент они могли точно определить, какие лозунги приведут в движение массы, какие слова разожгут воображение толпы. Гитлер: «Я знаю, что завоевать людей можно не столько написанным словом, сколько, в гораздо большей степени, — устным словом, что любое великое движение на этой земле обязано своей мощью именно великим ораторам, а не великим писателям» (7). Его успехи на данном поприще признавали и иностранные наблюдатели. «Таймс» 25 марта 1939 года констатировала: «Действительно, Гитлер является одаренным пропагандистом. Он знает, что нетренированная память слушателя повторяет его мысли, и из этой слабости он извлекает максимальную выгоду. В своих комментариях о массе он так же циничен, как наши собственные авторы рекламных текстов» (8).

«Меня часто спрашивают, в чем секрет необыкновенного ораторского таланта Гитлера. Я могу объяснить его лишь сверхъестественной интуицией Адольфа, его способностью угадывать желания слушателей, — рассуждал долгое время близкий к нему Эрнст Ханфштангль. — Вот Гитлер входит в зал. Принюхивается. Минуту он размышляет, пытается почувствовать атмосферу, найти себя». От себя добавим: пауза продолжительностью 5-7 секунд и внимательный взгляд на слушателей — первый прием привлечения внимания к оратору. Пауза позволяет аудитории настроиться на восприятие того, что ей предстоит услышать. Возникает и элемент любопытства: «А как он начнет?»

Первые слова Гитлер говорил негромко, словно ища опоры в слушателях. «Начало было монотонным, обычным, чаще всего связанным с легендой его восхождения. «Когда я, безымянный фронтовик, в 1918 году...» Таким формализованным началом он не только еще подстегивал ожидание уже во время самой речи, но и получал возможность почувствовать атмосферу зала и настроиться на нее. Какой-нибудь выкрик из зала мог вдохновить его на ответ или острое замечание, и тогда вспыхивали долгожданные первые аплодисменты. Они давали ему чувство контакта, ощущение восторга, и четверть часа

спустя «в него вселяется дух...» (9) «Внезапно он взрывается: «Германия растоптана. Немцы должны объединиться. (Статус обвиняющего всегда воспринимается как более высокий, нежели статус оправдывающегося. — К.К.) Интересы каждого должны быть подчинены интересам всех. Я верну вам чувство собственного достоинства и сделаю Германию непобедимой». Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая их коллективное бессознательное и выражая самые потаенные желания слушателей. Он говорит людям только то, что они хотят услышать». Опытный выступающий умеет создать у каждого слушателя впечатление, что он обращается лично к нему, встречи взглядами в течение нескольких секунд вполне достаточно для взаимопонимания. «Обращаясь к промышленным магнатам, в первые секунды он испытывает то же самое чувство неопределенности. Но вот глаза его загорелись, он почувствовал аудиторию, все в нем перевернулось: «Нация возрождается лишь усилиями личности. Массы слепы и тупы. Каждый из нас лидер, и Германия состоит из таких лидеров». — «Правильно» — слышались возгласы со всех сторон» (10).

Макс Домарус, собравший и опубликовавший речи Гитлера с 1932 по 1945 год, так отозвался о нем как об ораторе: «Свои речи Гитлер почти незаметно для других приспособлял к конкретной аудитории. Их содержание, может быть, было всегда одинаковым, но он любил менять жаргон, в зависимости от местности или от состава аудитории. Например, если он выступал перед интеллектуалами, университетскими профессорами или студентами, то в первой части он использовал абстрактный стиль, с множеством оговорок — то есть такой стиль, какой нередко применяется в академических аудиториях. Во всех своих речах Гитлер злоупотреблял иностранными словами, но применял их всегда правильно! Эти слова казались ему звучными и особо впечатляющими, а кроме того, способными вызвать симпатии у присутствующих в аудитории специалистов. Даже трудные названия титулов и церемониальные обращения он мог употреблять также безупречно, как шеф дипломатического протокола» (11).

Эту же мысль подтверждает и Ханфштангль: «Я посетил множество его публичных выступлений и начинал понимать их структуру, которая обеспечивала их привлекательность. Первый секрет заключался в подборе слов. У каждого поколения есть свой собственный набор слов и фраз, которые, если можно так выразиться, отмечают на календаре время мыслей и высказываний, принадлежащих этому поколению. Описывая трудности домохозяйки, у которой недостаточно денег, чтобы купить продукты для своей семьи, он пользовался точно теми же фразами, которые употребила бы эта домохозяйка, если бы могла

сформулировать свои мысли. Если от прослушивания других публичных ораторов создавалось болезненное впечатление, что они снисходят до своей аудитории, то у Гитлера был бесценный дар точно выражать мысли своих слушателей». Очень важное замечание, ведь постоянный рефрен, будто Гитлер говорил каждому собранию только то, что оно хотело слышать, лишь поверхностно отражает суть дела. Он выражал чувства тысяч людей — их потрясение, их страх и ненависть, превращая толпу в динамичный фактор политики. Именно глубинная связь с массами позволила Гитлеру подняться над образом уверенного в своих силах демагога и обеспечила ему несравненно больший успех, чем Геббельсу, хотя тот и действовал более тонко и хитроумно (12).

Продолжаем: «У каждой его речи было прошлое, настоящее и будущее. Каждая часть была полным историческим обзором ситуации. В его жестах было что-то от мастерства великого оркестрового музыканта, который вместо простого отстукивания тактов своей палочкой выхватывает в музыке особые скрытые ритмы и значения. Продолжая музыкальную метафору, первые две трети речи Гитлера имели ритм марша, постепенно их темп убыстрялся, и наступала третья, завершающая часть, которая представляла уже скорее рапсодию. Зная, что непрерывное выступление одного оратора может быть скучным, он блестяще изображал воображаемого оппонента, часто перебивая самого себя контраргументами, возвращаясь к исходной мысли, перед тем полностью уничтожив своего гипотетического противника. Все это переплетение лейтмотивов, вычурностей, контрапунктов и музыкальных контрастов с точностью отражалось в модели его выступлений, которые по своему построению были симфоническими и всегда завершались наивысшей кульминацией, похожей на рокот вагнеровских тромбонов» (13).

Речи Гитлера действовали на тщательно подготовленную аудиторию в первую очередь своим ритмом, мелодикой, структурой интонации, достигаемой темпом речи, динамикой, высотой и окраской голоса. Многие слушатели не понимали, что он говорит, но слышали, как он говорит. Тому же Ханфштанглю запомнилось впечатление, которое производил голос Гитлера: «Он говорил со странным акцентом, словно пришелец с баварских гор. И эта окраска голоса сообщала какую-то горную отдаленность от привычного: внушала нечто мистическое» (14).

Восприятие слова в большой степени зависит от того, каким тоном оно произнесено. Например, при хорошем расположении духа резонаторы расширяются, голос оратора становится глубже и богаче оттенками. Он действует на других успокаивающе и внушает больше доверия. Исследователи делают вывод, что значительная часть успеха

Гитлера как оратора объясняется манерой его речи — с необычными модуляционными способностями, позволявшими ему охватывать голосом 2,5 октавы. Подобные перепады давали возможность подавлять мыслительную функцию в коре головного мозга его слушателей и одновременно активизировалась эмоциональная область ствола мозга. Он был в состоянии в любой момент, чтобы подчеркнуть ритм речи, говорить на частоте колебаний звука между 200 и 300 Герц, хотя его нормальная тональность лежала в диапазоне 160-170 Герц (15). Кроме того, Гитлер всегда внимательно изучал акустику перед выступлением в зале.

Истинное мастерство оратора проявляется также в единстве слова и жеста. Лучший и самый совершенный жест — тот, который не замечают слушатели, так они увлечены содержанием речи оратора, а «жест» вписан в нее. Гитлер использовал ораторскую жестикуляцию, редко встречавшуюся до этого в Германии, которую скопировал у Фердя Вайсса, мюнхенского комедианта, специализировавшегося на выступлениях перед публикой в пивных (16). «Как оратор — удивительное триединство жеста, мимики и слова. Прирожденный разжигатель», — еще на заре их знакомства писал в своих дневниках о Гитлере Йозеф Геббельс. Сегодня установлено, что непосредственно с помощью слов передается 7% информации, с помощью звуковых средств (включая тон голоса, интонацию и т. п.) — 38%. На долю жестов, поз мимики говорящего, его внешнего вида и фона приходится 55%. Словесное общение в беседе дает $\frac{1}{3}$ информации, $\frac{2}{3}$ — невербальные сигналы (17).

«Меня всегда восхищало, как он играет своими руками, слегка женственными и очень артистичными, — отмечал Уильям Ширер. — Сегодня он работал ими красиво, казалось «говорил» руками, раскачиваясь при этом всем телом, не меньше чем словами и голосом. Я обратил также внимание на его умение использовать мимику, глаза (он их выпучивал), поворот головы для выражения иронии, которой в сегодняшней речи было предостаточно» (18).

Итак, подобно звезде немного кино, Гитлер интенсивно жестикулировал и гримасничал. Но, в отличие от актера, он сам писал свои тексты. Его речи были тщательно подготовлены и произносились по записям, всегда находившимся у него под рукой, но как феномен они рождались все же в импровизации, в обратной связи с аудиторией. Секретарь фюрера Криста Шредер подробно описала технологию их создания: «Шеф, как правило, находился рядом в рабочем кабинете, стоя над письменным столом и отмечая ключевые слова для своей речи. Затем он становился рядом с машинкой и, начиная издалека, диктовал тихим голосом. Он постепенно набирал форму, и речь его становилась быстрее. Безостановочно следовали предложения, тем временем он

прохаживался по комнате. Затем его словесный запал иссякал. Едва он приступал в своей речи к рассмотрению проблемы большевизма, им овладевало волнение. Часто у него срывался голос, что происходило и при упоминании Черчилля или Рузвельта. Краснота заливала его лицо, и глаза гневно блестели: он останавливался как вкопанный, будто перед ним непосредственно стоял упомянутый враг. Во время диктовки у меня возникало головокружительное сердцебиение, как будто волнение Гитлера передавалось мне» (19).

Ему требовалось от четырех до шести часов, чтобы набросать общую схему будущего выступления, которую он записывал на 10-12 больших листах, но в конечном итоге каждый лист превращался в 15-20 ключевых слов. Когда приближался час выступления, начинал ходить по комнате взад-вперед, репетируя про себя аргументацию. «Перед официальным выступлением Гитлер стал читать вслух наиболее резкие и действующие на психику немцев места из своей речи, подбирая при этом соответствующие интонации, жесты и мимику» (20).

Репетиции были необходимы, чтобы не терять по ходу выступления визуального контакта с аудиторией, что всегда воспринимается ею как равнодушие оратора к слушателям: «Говорит сам для себя, мы его не интересуем». (То, что мы так часто видим у нынешних политических деятелей). Затем следовали правки и несколько редакций текста. После сделанных исправлений, все следовало перепечатать начисто.

«Его политическая аргументация основывалась на том, что можно назвать «системой горизонтальной восьмерки». Он двигался вправо, критикуя, и поворачивал назад влево в поисках одобрения. Он продолжал обратный процесс и возвращался в центральную точку со словами «Германия превыше всего», где его ждал гром аплодисментов. Он нападал на бывшие правящие классы за предательство своего народа, их классовые предубеждения и феодальную экономическую систему, срывая аплодисменты левых, а затем набрасывался на тех, кто был готов забыть истинные традиции немецкого величия, к восторгу правых. К окончанию выступления все присутствующие были согласны со всем, что он говорил» (21). И, соответственно, под давлением общего мнения оставшиеся в подавляющем меньшинстве соглашались с внушаемым им суждением.

Гюстав Ле Бон, анализируя данный эффект в своей работе «Психология народов и масс», подчеркивал: «В толпе сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи отдельных единиц, образующих одно целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу общественному» (22).

Кроме продуманной аргументации. Гитлер придавал большое значение подчеркиванию ключевых слов. Всегда учитывая в своих выступлениях характер аудитории, Гитлер, тем не менее, производил впечатление волевого неконъюнктурного человека, постоянно употребляя эпитеты «непоколебимый», «решительный», «неумолимый» и «абсолютный»²⁵.

Тема уверенности оратора в своих силах прослеживается и в «Майн Кампф»: «Масса предпочитает господина, а не просителя. Бесстыдство такого духовного террора масса так же мало сознает, как и возмутительное нарушение своих человеческих свобод» (23). Иначе говоря, толпа склонна доверять человеку, доказавшему свое превосходство, как в силу своего ораторского мастерства, так и высокой нравственности преследуемых им целей. «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее» (24). Однако нацистские пропагандисты вскоре обнаружили, что массы, толпа, народ — не такие глупые, как их порой изображают интеллектуалы; что если к людям с улицы найти правильный подход, если их воспринимать серьезно, а не просто льстить их низменным инстинктам — у массы может появиться чувство жертвенности, великодушия, самоотдачи. (Вспомним хотя бы историю «оранжевого майдана»). «Толпа нередко преступна — это правда, но нередко она и героична» (25).

Установление контактов с новой аудиторией посредством заверений в искренности и объективности также можно рассматривать как один из исходных приемов нацистской агитационной методики. «Он не держится перед толпой с некоторой театральной властностью, которую я наблюдал у Муссолини, он не выдвигает вперед подбородок и не отбрасывает голову назад, как дуче, не делает стеклянные глаза. В его манере держаться даже чувствуется какая-то наигранная скромность» (26). Однако в арсенале фюрера наличествовала не только демонстративная скромность, но порою и некая ироничность: «Хотя Гитлер почти целый вечер был беспощаден и источал ненависть, в его речи имелись и юмористические моменты. Слушателям показалось очень смешным, когда он сказал: «В Англии все

²⁵ Современные политтехнологи расширили данный ряд, подкупая слушателей ключевыми словами о возможности выбора — все производные от глагола «мочь», «выбирать», «хотеть», «желать», слова «вариант», «свобода», «независимость» и др. Темы группируются по возможным точкам уязвимости: один набор должен подтолкнуть группу к разделению, эксплуатируя различие «мы — они», другой — акцентирует тему неизбежности. Неизбежности победы одних и проигрыша других. Третий — тему легитимности друзей и союзников и нелегитимности оппонентов. В данном случае уверенность оратора повышает вероятность того, что сообщение будет принято и одобрено аудиторией.

полны любопытства и без конца спрашивают: «Почему он не приходит?» (Оратор имел в виду самого себя — речь о возможном вторжении в Англию. — К.К.) Спокойствие. Спокойствие. Он идет! Он идет!». И этот человек голосом выжимал каждую каплю юмора и сарказма» (27).

Парадоксом можно считать, что насколько страстные и убежденные речи Гитлера завораживали очень многих его слушателей, настолько бессмысленно утомительными и неприятными оказывались они — часто для тех же самых людей будучи изложенными на бумаге. На раннем этапе Движения, по крайней мере, 80% речей Гитлера являлись импровизацией, в которой, как правило, ему не приходилось себя ограничивать в выборе слов, а реакция слушателей всегда вдохновляла Гитлера на еще более страстные обвинения в адрес своих оппонентов. Однако по мере роста политической популярности и, соответственно, цены каждого сказанного слова Гитлер стал осмотрительнее: «Я больше и лучше выступаю не по бумажке, но теперь в ходе войны я должен скрупулезно взвешивать каждое слово, ибо мир наблюдательный и чуткий. Если бы я однажды сказал несправедливое слово, руководствуясь стихийным настроением, это могло бы привести к большим осложнениям» (28).

Речи, которые Гитлер произносил без заготовленной бумажки, следовало тщательно редактировать, и перед публикацией он всегда требовал показать ему вариант, подготовленный для печати, дабы самому внести окончательную правку. Возможно, этим объясняется удивительный парадокс, что, будучи одним из величайших ораторов в истории, Гитлер не оставил ни одного запоминающегося крылатого выражения, точно так же нет ни одного яркого исторического анекдота о нем. Они просто вычеркнуты?

Геббельс откровенно врал, когда в своей классической работе «Фюрер как оратор» отмечал: «Отличительная черта хорошей речи в том, что она не только хорошо звучит, но и легко читается. Речи фюрера — это стилистические шедевры, импровизирует ли он с трибуны, заглядывает ли в короткую записку или читает ее с рукописи в важных международных случаях. Если кто-то не присутствует при этом непосредственно, он никогда не сможет сказать, была ли заранее написанная речь произнесена как неподготовленная, или незапланированная речь произнесена так, словно написана заранее. Его речи всегда готовы в печать» (29). На самом деле речи Гитлера были неудобоваримы для чтения из-за бесконечных повторов, свойственных его ораторской манере, и нуждались в тщательной редактуре (см. выше).

Хотя нам сейчас невозможно представить Адольфа Гитлера воплощением добродетели, но именно в этом состояла тайна его огромной популярности среди его немецких соотечественников. Будто

о нем писал Макиавелли: «Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность, благочестие, особенно благочестие, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим» (30). И волна народной любви к вождю, искусно направляемая, как и его собственными усилиями, так и работой Министерства пропаганды, достигала своей кульминации 20 апреля — в день рождения фюрера.

Ему дарили произведения искусства и посвящались оды. Торты с искусными украшениями и надписями, корзинки с деликатесами и прочие продукты питания по личному распоряжению Гитлера мгновенно доставлялись в различные больницы. Канцелярию фюрера заваливали горами комплектов для новорожденных, постельного белья, махровых полотенец, которые, в свою очередь, немедленно раздавались нуждавшимся супружеским парам.

Культ фюрера настолько проник в женское сознание, что женщины в его присутствии падали в обморок от восторга: «Сегодня около десяти часов вечера я оказался в толпе из десяти тысяч истериков, которыми был запружен крепостной ров перед отелем Гитлера. Они кричали: «Мы хотим нашего фюрера!» Я был слегка шокирован лицами этих людей, когда он появился на минуту на балконе. Они смотрели на него как на мессию, в их лицах появилось явно что-то нечеловеческое. Думаю, задержись он чуть подольше, большинство женщин попадали бы в обморок от возбуждения». (Уильям Ширер)

Конечно, главному герою культа тоже приходилось нелегко, а порою и неловко, но уж не нам его жалеть. Так, когда Гитлер выходил из туалета, «в коридоре уже было полно людей, и он должен был проходить словно сквозь строй до своей комнаты с поднятой рукой и несколько вымученной улыбкой». (Криста Шредер)

Если во время Нюрнбергских партийных съездов из-за туч выглядывало солнце, толпа приходила в восторг и кричала: «Погода фюрера!» Поскольку так получалось, что на дни его массовых митингов всегда выпадала хорошая погода, в народе прижилось выражение «гитлеровская погода». Однако самого Гитлера глубоко беспокоили счастливые атмосферные совпадения. Он боялся, что эта вера глубоко укоренится в народе, а неизбежные изменения подорвут его репутацию. Великий демагог прекрасно понимал, насколько может быть неустойчиво настроение толпы. «Высказанное подозрение тотчас превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии или неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивидуе, в толпе тотчас превращается у него в самую свирепую ненависть». (Гюстав Ле Бон)

Вторым по значению оратором Третьего рейха значился, безусловно, Йозеф Геббельс. И в силу своей должности руководителя нацистской пропаганды, и по неоспоримому таланту. Сам Гитлер признавал, оценивая своих соратников: «Я слышал их всех, но единственный человек, которого я могу слушать не засыпая, — это Геббельс. Он действительно умеет произвести впечатление». В устах серьезного профессионала такая оценка дорогого стоит.

Еще на заре национал-социализма, подстрекая берлинцев к недовольству республикой, Геббельс использовал язык, который называл «новым и современным, не имеющим ничего общего с устаревшими выражениями так называемых расистов». Он применял простые, но меткие метафоры и сравнения, сразу доходившие до слушателей. Все его речи пронизывал повелительный тон, призывы полагаться на силу и помнить об обязанностях. Они пестрят выражениями типа: «Продвинем вперед наше движение!»; «Вперед, ломая сопротивление врагов!»; «Мы маршируем и будем биться стойко и самоотверженно!»; «Массовая пропаганда — наше главное оружие!», создающими настроение постоянной активности, борьбы и движения к цели.

Порою речи Геббельса рождали ощущения, что их извергает исступленный фанатик, но в действительности «маленького доктора» никак нельзя назвать человеком с буйным темпераментом. Геббельс был прилежен, трудолюбив, крайне педантичен, а приверженность партийной доктрине сочеталась в нем с широким кругозором и ясным умом. А эмоциональное нагнетание необходимо профессиональному оратору для поддержания у человека постоянного интереса к тому, о чем рассказывает пропаганда, и чтобы информация легче входила в подсознание. Когда говорят эмоции и чувства, разум молчит. Возбужденный человек гораздо легче совершает необдуманные поступки, а именно к таковым его подталкивали руководители Третьего рейха.

В профессиональной карьере Геббельса, так же как и у его шефа, имелись немалые достижения в манипулировании сознанием огромных толп людей. Сознание могущества толпы, обусловленного ее численностью, дает возможность сборищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые невозможны для отдельного человека. Например, в начале тридцатых годов, выступая в Берлине, во Дворце спорта, Геббельс поразил молодого интеллектуала Шпеера тем, что, используя «фразы, из которых каждая поставлена на выигрышное место и четко сформулирована», сделал так, что «бушующая толпа, обуреваемая все более фанатичными взрывами восторга и ненависти, текла вниз по Потсдаммер штрассе. Исполнившись отваги под воздействием Геббельса, люди демонстративно заняли всю мостовую,

перекрыв движение машин и трамваев». (31)

Однако представлять теоретиков нацизма лишь партийными демагогами было бы абсолютным непониманием феномена их популярности. А значит, и затруднением в поисках противоядия на будущее. Тот же Геббельс активно пропагандировал передовые для своего времени идеи эмансипации и громил консерваторов, считавших, что женщина обязана появляться лишь со своим мужем, не может пить, курить или носить короткие волосы. Свободомыслие Геббельса доходило до обличения показного аскетизма, который исповедовали многие нацистские фанатики. По его мнению, люди должны красиво и празднично одеваться, да и вкусно питаться, интересно проводить досуг. И демонстративный «либерализм» одного из апостолов нацизма также укреплял социальную базу нацистского режима, во всяком случае среди интеллигенции Третьего рейха.

Вершиной ораторского мастерства Геббельса считается произнесенная им в феврале 1943 года речь о тотальной войне. Незадолго до того, потрясенный поражением под Сталинградом Гитлер, которому нечего было сказать своему народу в очередную годовщину прихода нацистов к власти, поручил министру пропаганды 30 января 1943 года прочитать в «Спортпаласте» (берлинском Дворце спорта) речь от имени фюрера. По ходу выступления Геббельсу сообщили, что в небе появились английские бомбардировщики. Геббельс понимал, что если он прервет митинг и поспешит в бомбоубежище до первых взрывов, это станет его поражением, поражением его пропаганды. Поэтому он остался на трибуне и объявил многотысячной толпе, что митинг откладывается на час. Те, кто хочет спуститься в укрытие, могут это сделать, добавил министр. Кто-то поторопился уйти, но основная масса не сдвинулась с места. Им явно пришлось по душе, что Геббельс остался с ними. Некоторое время слышались только отдаленные разрывы бомб. Тысячи глаз смотрели на Геббельса, он понимал настроение зала и сохранял полную невозмутимость. Затем он начал говорить. Его речь была откровенной до предела. Несколько раз он назвал войну «тотальной». Поведение аудитории в «Спортпаласте» безошибочно подсказало ему, что в будущем он мог позволить себе говорить о тотальной войне намного решительней, чем предполагал ранее (32).

И главный пропагандист рейха немедленно взялся за дело. Само понятие «тотальная» война подразумевало грандиозную мобилизационную программу в тылу, перестройку промышленности на военный лад и ряд других мер, которые, по мысли нацистского руководства, должны Германию привести к победе в той изнурительной войне против сильнейших государств мира, которую она же сама и

развязала.

«Геббельс задумал свою речь как своего рода опрос общественного мнения, в котором знаменитые «десять вопросов» (которые оратор периодически задавал залу. — К.К.) должны были выяснить отношение людей к тотальной войне. Он намеревался спросить, готов ли народ пойти на любые жертвы ради победы. И он очень надеялся, что люди ответят ему «Да!» Он перечитывал речь вслух, запоминая, где следовало выдержать паузу, а где прибавить пафоса и выразительности: снова удалялся к себе, вставал против зеркала, жестикулировал, смеялся, вновь напускал на лицо серьезное выражение, выкрикивал несколько слов, потом переходил на трагический шепот — он репетировал свое представление: Геббельс разместит в толпе несколько сотен своих людей, которые будут подыгрывать оратору. Так делалось на всех его выступлениях» (33).

Итак, 18 февраля 1943 года Геббельс в своей речи призвал народ Германии к «тотальной войне». Причем, он обращался не столько к рядовым гражданам, сколько к тем представителям привилегированных слоев, которые никак не хотели согласиться с программой мобилизации всех тыловых ресурсов. Германия по военным меркам жила слишком роскошно и это представляло опасность для государства в минуту напряжения всех сил нации. Нацистский режим, грабивший всю Европу ради социальной поддержки своих граждан, никак не мог решиться на радикальные меры. Даже Гитлер рекомендовал своему министру вооружений, как вспоминает сам Шпеер, вместо недвусмысленного запрета на бессмысленное модничанье немецких женщин в разгар войны, ограничиться «тайным созданием искусственного дефицита краски для волос и других косметических изделий» (34). И все же речь Геббельса вызвала грандиозный общественный резонанс, и партийные функционеры волей-неволей пошли навстречу его требованиям. Поздно вечером Геббельс разделся и встал на весы. Эта речь стоила ему потери почти трех килограммов веса.

Наконец-то были предприняты конкретные меры, сразу же горячо одобренные широкой общественностью Третьего рейха. В частности, Геббельс приказал закрыть в Берлине все дорогие рестораны и увеселительные заведения. Однако обращенный лично к партийным руководителям призыв Геббельса отказаться от излишне расточительного образа жизни не встретил восторга среди партийной верхушки. И когда Геббельс, как градоначальник Берлина, среди прочих закрыл любимый ресторан рейхсмаршала Геринга, это привело к острому конфликту между ними.

Сам Герман Геринг пользовался большой популярностью среди

немцев. В Берлине любят толстяков: здесь лишний вес воспринимается как синоним радости, как доказательство хорошего характера его обладателя. Да и вообще, если верить психологам, видя полного, с округлыми формами мужчину, люди чаще всего утверждают, что он болтливый, добродушный, сговорчивый человек, открытый людям, любящий житейский комфорт и большой любитель поесть. Одним словом, обаяшка.

Геринг тоже охотно предстал в образе храброго, добродушного человека, а в некоторых случаях даже защитника евреев. Кроме того, история любви Геринга и его рано умершей от рака первой жены Карин, так сказать, трогательная «лав стори» германского летчика и шведской дворянки, давно уже была взята нацистской пропагандой на вооружение и имела неизменный успех у сентиментальных немцев. Помнится, одна из таких публикаций, преисполненных возвышенной лирики, называлась «Высокая песня любви: становление Германии».

Берлинцы беззлобно посмеивались над страстью Геринга к медалям, но хотя он нередко становился жертвой их иронии, «Дядя Герман» оставался очень популярен. Это легко объяснимо, ибо люди инстинктивно тянутся к тому, у кого хорошее настроение, т. к. надеются, что оно передастся и им. Рассказывают, что развеселый Геринг обожал забираться на гигантскую фисгармонию и оттуда управлять, на радость своим маленьким племянникам, миниатюрной железной дорогой. Посол Франции и посол Соединенных Штатов застыли в изумлении, когда он однажды предложил принять участие в этой нехитрой забаве (35).

Если же речь заходила о приеме иностранных гостей, Геринг устраивал приемы и принимал своих гостей с императорской щедростью, порою эксцентрично одеваясь в костюм героя германского эпоса Зигфрида: «Геринг устроил грандиозный «нордический» праздник, праздник авиации! Берлинцы, приглашенные во дворец своего Нерона, восхищались его сказочными коллекциями. Финские всадники в меховых шапках и с копиями в руках охраняли ворота поместья. На поверхности озер покачивались ладьи викингов, в парках разыгрывались поединки средневековых рыцарей» (36). И среди всяческих излишеств у него во дворце имелась аскетичная келья, точно скопированная с кельи святого Иеронима, какой она изображена на гравюрах Альбрехта Дюрера. Но, невзирая на все эти «слабости» (а на самом деле тщательно выверенные пиар-ходы), Геринг тоже стал отличным партийным оратором, хотя все, что он делал, являлось подражанием стилю Гитлера и заимствованием его фраз.

Иной стиль поведения выработал нефотогеничный и мышастый Гиммлер, который набирал основные пропагандистские баллы не в

публичных партийных выступлениях, а в ежедневном личном общении. В подражание Гитлеру и его стилю работы с сотрудниками Гиммлер завел себе картотеку для распределения личных подарков и вознаграждений. В картотеке отмечалось, когда получатель родился, какое звание имеет и должность, какой чин и место в партии, сколько у него детей, какова девичья фамилия его жены, где он живет. И, что особенно мило, как к нему следует обращаться: как к близкому знакомому («ты»), «дорогой однопартиец» или просто «однопартиец», а то и вовсе «господин». Точно так же фиксировались все подарки. В их число входили тарелки, календари СС, фарфоровые фигурки. Дамы чаще всего получали полфунта шоколада или фунт кофе, консервированные сардины, масло или бекон. На Рождество Гиммлер нередко дарил полгуся или книги. При своей занятости рейхсфюрер никогда не упускал случая вручить подарок лично (37).

Естественно, кроме вышеперечисленных звезд первой величины из нацистского пантеона и другие вожди нацистской партии не оказались обделены актерским дарованием. Известен случай, когда на съемках знаменитого фильма «Триумф воли» в 1935 году по техническим причинам оказался забракован отснятый материал, где вожди партии приветствуют Гитлера, и потребовалась пересъемка в павильоне. Первым под свет софитов вышел Рудольф Гесс. «Точно так, же как перед 30 000 слушателей, он торжественно воздел руку. С присущим ему пафосом искреннего волнения он обратился именно туда, где на сей раз не сидел Гитлер, и, соблюдая выправку, вскричал: «Мой фюрер! Я приветствую вас от имени партийного съезда. Съезд объявляю открытым. Слово имеет фюрер». Говоря так, он производил столь убедительное впечатление, что с этой минуты я стал сомневаться в искренности его чувств. Трое остальных (Штрайхер, Розенберг, Франк. — К.К.) тоже правдоподобно разыграли каждый свою роль, обращаясь в пустоту павильона, и все проявили себя одаренными артистами» (38).

Кстати, о хозяине Нюрнберга и всей Франконии Юлиусе Штрайхере и его пиар-акциях. Об антисемитском издании «Штурмовик», которые он возглавлял, мы еще поговорим, но и прочие находки этого журналюги носили воистину поразительный характер. Так, в конце 1935 года Штрайхер публично пригласил к себе на роскошный рождественский ужин... 15 коммунистов, заключенных в Дахау (39). Видимо, по его мысли общая трапеза должна символизировать национальное примирение в праздничные дни. Интересно, как сложилась дальнейшая судьба обласканных ужином узников Дахау?

Более серьезные люди — из карательного аппарата — конечно, вели себя скромнее, как и должно законопослушным и честным бюргерам.

Например, легендарный шеф гестапо Мюллер был крайне набожен, ходил в церковь, отличался скупостью — больше 40 пфеннигов на «Зимнюю помощь» нацистам в копилку не бросал (40). Бережливость, видимо, какая-то особая черта нацистских людоедов.

Однако вернемся к публичной деятельности и выступлениям перед аудиторией. Ораторское искусство в нацистской Германии ценили высоко и для пропагандистской работы была разработана целая иерархия партийных ораторов, включавшая 6 категорий: «оратор-специалист» (экономика, международные вопросы, антисемитизм и пр.), «районный оратор» (каналы устной агитации на провинциальном уровне, данные специалисты особенно активно использовались для распространения всякого рода слухов), «областной оратор» (универсальные ораторы гауляйтерств), «ударный оратор-кадет», «ударный оратор» (эти обеспечивали централизованные кампании национального масштаба), «государственный оратор» («звезды» нацистской пропаганды); во время войны также было введено звание «фронтowej оратор». Причем рядовым агитаторам рекомендовалось избегать обсуждения таких щекотливых тем, как антисемитизм, подготовка к войне, принудительная стерилизация и негативное отношение вождей к организованной религии. Это считалось работой для специалистов более высокого уровня, которых готовили специальные курсы.

О размахе подготовки подобных профессионалов свидетельствует хотя бы то, что только в одном лагере, устроенном Бюро расовой политики в 1930-е годы неподалеку от Берлина, прошли восьмидневные курсы интенсивной подготовки почти полторы тысячи ораторов. И каждый год через курсы, где «миссионерское рвение сочеталось с военной дисциплиной», проходило более тысячи членов СС. Здесь готовили специалистов, которые могли «со знанием дела» обсудить любую расовую проблему — будь-то в школе или собрании домохозяек. Агитационная работа на местах осталась одной из немногих сфер, которую Министерство пропаганды отдало на откуп пропагандистским организациям НСДАП, вплоть до ортсгруппе — низовых звеньев НСДАП, отвечавших за работу в городских кварталах. Во главе их стояли ортсгруппенляйтеры, а, по сути, рядовые штурмовики, которые еще недавно занимались уличными побоищами и в новой ситуации строительства нацистского государства никак не могли найти себе достойного применения.

Вальтер Тислер, один из самых способных сотрудников Геббельса, придумал удачное обозначение для коричневых бойцов в их новой должности — «часовые пропаганды». Эти начинающие агитаторы ежемесячно получали профессиональное издание по пропаганде под названием «Воля и путь». Помимо организации собственно партийных

мероприятий, «часовые пропаганды» посещали митинги трудящихся, деловые конференции и собрания общественных организаций, а женщины-нацистки устраивали поэтические чтения, семинары по вопросам воспитания, кружки кройки и шитья. Пропагандистские мероприятия оказались довольно эффективным средством «наведения мостов» между нацистской партией и традиционным обществом. Об интенсивности работы, посвященной идеологической обработке населения в национал-социалистическом духе, свидетельствовал хотя бы такой факт, что лишь в рядовом западногерманском городе Висбаден за период с марта 1933-го по май 1934 года нацисты организовали 263 митинга, 600 вечерних лекций и около 400 мероприятий иного характера (41). Важно не то, насколько верна та или иная идея — решающим является вопрос: кто может представить ее массам столь эффективно, чтобы они стали ее приверженцами?

Не останавливались нацисты и перед тем, чтобы слегка приоткрыть перед рядовыми гражданами дверь на партийную кухню, естественно, в рамках своей якобы подотчетности перед обществом и гласности. Глава Немецкого рабочего фронта Роберт Лей заканчивал свое выступление объявлением о строительстве отелей туристической организации «Сила через радость»: «Две тысячи гостей в течение семи дней смогут не только отдохнуть среди великолепных ландшафтов, но и близко и по-товарищески пообщаться с кандидатами в высшее руководство, которые не пользуются закрытым от народа образованием, а находятся среди народа. Так в течение года 2 миллиона человек смогут побывать в орденсбургах»²⁶.

Партийная пропаганда в гуще масс стала делом маленьких, практически безымянных агитаторов. У нее имелось намного больше свободы, чем у официальной, государственной, чьи заявления находились в центре внимания. За упрощением следовало свехупрощение. И здесь на сцене появляется обычный агитатор, человек, который мог вещать все, что ему вздумается, потому что никто не стал бы проверять его болтовню на правдивость. В маленьких городках и деревнях они говорили, что Гитлер — новый мессия, что германская раса призвана повелевать другими народами, что фюрер готов использовать свое секретное чудооружие. Под конец войны партийная пропаганда оказалась едва ли не самым эффективным оружием устной пропаганды и недооцененной по достоинству современными исследователями.

Отдельной формой работы агитаторов на местах были т. н. утренники. С началом войны утренники стали самостоятельной формой публичных мероприятий нацистов, они проводились регулярно и должны были мобилизовать готовность к борьбе, самопожертвование, веру, чувство

²⁶ Школах для партийных руководителей.

долга, верность, храбрость, мужество. После вступительного слова партийного лидера следовали выступления поэтов, звучала музыка Генделя, Баха, Бетховена. Особенно ценилось хорошо скомпонованное действо: к примеру, в завершающей стадии праздника совершалась торжественная передача «короны урожая» высокому партийному начальству, награждение Почетным крестом в День матери, выдача партийных значков принятым в партию (42).

Большой успех имела также организованная Геббельсом пропагандистская кампания «Фронт обращается к тылу». В ее рамках Министерство пропаганды организовывало выступления фронтовиков перед рабочими и др. аудиториями. Например, в Кёльне 9 января 1943 года 36 фронтовиков (12 унтеров и 24 офицера, из них 6 кавалеров Рыцарского креста) выступили на 500 (!) собраниях. Эти выступления производили на публику значительно более сильное впечатление, чем жесткая и однозначная пропагандистская линия в СМИ (43).

Когда зимой 1942/43 года в результате яростного сопротивления советских войск тщательно выстроенное здание нацистской пропаганды начало давать первые трещины, в Министерство пропаганды зачастил руководитель партийной канцелярии Мартин Борман. Он вел долгие разговоры с Геббельсом с глазу на глаз и настойчиво требовал от специалистов министерства повысить уровень партийной пропаганды, обязать пропагандистов как можно больше беседовать с людьми в поездках по стране, вести себя напористо, обещать что угодно, а главное — скорую победу.

И подобная настойчивая работа шла до последних дней войны. За месяц до своей смерти Геббельс указывает в дневнике: «30 марта. (1945 г.) Я направляю на Запад около 30 лучших партийных агитаторов с задачей содействия приведению в надлежащий порядок морального духа войск и населения. Мы опять учимся работать методом импровизаций. Чтобы теперь добиться успеха, нужно снова разговаривать с каждым человеком» (44).

«Агитатор должен быть в то же время психологом — хотя бы этот агитатор был всего лишь демагогом» (45), — считал главный оратор Третьего рейха Адольф Гитлер. Более утонченно аналогичную мысль развивал и Геббельс: «Политическая пропаганда в принципе действенна и революционна. Она нацелена на широкие массы. Она говорит народным языком, поскольку хочет, чтобы народ ее понял. Ее задача — высочайшее творческое искусство выражения сложных событий и фактов достаточно простым языком, чтобы их мог понять человек с улицы» (46).

Речь агитатора будет убедительной, когда выполнены два условия:

1) уровень культуры, профессионализм оратора достаточно высок

(во всяком случае, не ниже, чем у слушателей);

2) оратор хорошо подготовлен к выступлению. Чтобы найти слова, аргументы, которые за это время «дойдут» до слушателей, нужно проделать огромную аналитическую работу, отобрать самое главное, выстроить доводы в убедительную цепочку, продумать психологические нюансы (47).

Кроме того, «автору сценария» нужно тонко чувствовать и понимать, какое именно значение может придать словесному символу предполагаемая аудитория. А также научиться использовать не только звук, текст, жестикуляцию, но и такой фактор, как тишина. На мышление, сознание и подсознание действует именно чередование звука и тишины.

Для предотвращения возможности зарождения собственных групп элиты (интеллигенции) в массе управляемых, ее нужно полностью лишить тишины — помните круглосуточную музыку популярных групп на Майдане во время «оранжевой» революции и бесконечные речевки? На современном Западе возникло явление, которое получило название «демократия шума». Создано такое звуковое оформление окружающего пространства, что средний человек практически не имеет промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и додумать до конца связную мысль. Постоянный фон — важное условие беззащитности против манипуляции сознанием. И хорошо, если это просто музыка, создающая праздничное настроение в супермаркетах. Здесь всего лишь страдает ваш кошелек. Элита, напротив, очень высоко ценит тишину и имеет экономические возможности организовать свою жизнь вне «демократии шума» (48).

Плюс бесконечные повторения. В разговорах с партийными пропагандистами Геббельс ссылался на опыт католической церкви: «Никто из прихожан не скажет: «Святой отец, вы это уже говорили в прошлое воскресенье». Дело обстоит как раз наоборот: люди идут в церковь и изо дня в день слушают одни и те же проповеди. Мало того, они слушают их с терпением и вниманием. То, что годится для церкви, годится и для пропаганды» (49).

Ну, и радость слияния народа со своими лидерами в рамках общих забот. Шесть раз в год в Германии проводились общенациональные праздники — т. н. «дни горшочка с мясом», во время которых раздавались бесплатные обеды. Нацистские лидеры, используя данные мероприятия в пропагандистских целях, часто усаживались за расставленные на улицах столы и принимали пищу вместе с рядовыми гражданами. Публике всегда импонирует, когда добившийся успеха человек не отрывается от простых людей, а участвует в общественном труде и живет их заботами. Когда, согласно требованию нацистской партии, почти все германские семьи в едином «патриотическом» порыве перешли на

похлебку по воскресеньям, дабы обеспечить Германии «пушки вместо масла», у рейхсканцлера Германии тоже начали к обеду ставить на стол лишь одну супницу. Фюрер, так сказать, делил тяготы с народом. Но, конечно, все это являлось чистой воды пропагандой. И тот же Гитлер на всех народных гуляниях пил (в целях безопасности и трезвости) пиво, сваренное эксклюзивно для него.

А накануне крушения режима фанфаронство потерявших всякое представление о действительности нацистских бонз приняло прямо-таки гротескные формы. И министр пропаганды агонизировавшего Третьего рейха флегматично записывает: «Как сообщает «Иоахимсталер цайтунг», Геринг застрелил зубра и передал его в распоряжение беженцев. Это сообщение полно психологических просчетов» (50).

Но вопрос не в просчетах, а в пропасти между страдающими простыми людьми и сильными мира сего. Впрочем, этот оборонительный ров существовал всегда. Для его надежной охраны служила и будет служить пропаганда.

12. Пропаганда XX века

Когда мы рассуждаем о достижениях нацистской пропаганды, описываем ее изощренность и умение использовать обстоятельства, мы должны понимать, что ее основные достижения все же находятся в умении приспособить технические достижения своего века к своим нуждам. Великие ораторы и красочные плакаты использовались в психологической борьбе и раньше, но только XX век своими техническими прорывами обеспечил абсолютно новые формы пропаганды, в которых национал-социалисты стали пионерами, незаурядными исследователями, а многие их креативные находки до сих пор вызывают изумление, а порою и ужас. Не будем забывать, что речь все-таки идет о величайших военных преступниках.

Мы слегка затрагивали тему технического сопровождения пропагандистских акций в предыдущих главах (самоподжигающиеся предвыборные плакаты, электрическая подсветка мероприятий). Однако это мелочи по сравнению с теми масштабными переменами в деле пропаганды, которые остаются актуальными до сих пор для всего цивилизованного (и не очень цивилизованного) мира.

В своем концептуальном подходе данные кампании весьма напоминали коммерческую рекламу, обращаясь к подсознанию потребителей, делая ставку на доходчивость и отделяя рекламный образ «продукта» от его реального содержания. И не без оснований специалисты рассуждают, что Гитлер, Геббельс, их сотрудники «первыми применили методы американской рекламной и военной пропаганды и,

связав со своей собственной агитаторской фантазией, превратили их в наиболее изобретательную к тому времени концепцию политической борьбы» (1).

Но еще до появления в своих руках широких технических возможностей НСДАП искала новые формы сплочения партийных рядов, т. е. способ спаять тот человеческий материал, который станет основой партии и верным подспорьем в реализации последующих, уже более мощных пропагандистских кампаний. Для сплочения использовались нетрадиционные подходы, что-то от жертвенной избранности участников первых христианских общин, что-то от опыта социалистических партий, вроде проведения маевок. Конкретно, НСДАП старалась тесно сводить своих членов вместе в их личном времяпрепровождении. Постепенно выработался ритуал еженедельных вечеров и бесед, явка на которые стала обязательной, совместных экскурсий, посещения концертов или участия в праздниках солнцестояния. Кроме того, неформальные мероприятия (репетиции хоров, кулинарные встречи либо совместные физкультурные упражнения), равно как и обстановка спокойного уюта любимого кафе, где проходили встречи членов партии, и отдых в общежитиях штурмовиков, были ориентированы на самые широкие нужды тех, кто оказался лишен человеческого общения. Именно здесь, среди круга избранных, многие находили свое, в том числе и обычное человеческое, счастье. Среди наиболее популярных мероприятий такого рода стали «Немецкие рождественские праздники», которые напрямую связаны с ритуалами первых христиан, ибо соединяли сентиментальность, сознание избранности и чувство укрытости от темного, враждебного окружающего мира (2).

Имея такой фанатично преданный человеческий материал, можно идти на риск и прибегать к самым дерзким формам общественной пропаганды — акции в любом случае подлежали массовому одобрению и поддержке.

Одна из самых прорывных идей нацистов состояла в применении электрического оборудования для озвучивания залов. Еще в 1928 году Геббельс отметил в своем дневнике: «Сегодня шеф использует во Дворце спорта громкоговоритель» (22.10.1928). Незначительная вроде запись, но за ней начало целой эпохи. Опередив конкурентов, Гитлер начал использовать самые современные тогда средства коммуникации. До изобретения электроусилителей любой политик (включая самого Гитлера) терял голос после 15-минутного выступления перед любой аудиторией примерно из ста человек; используя звукоусиливающую аппаратуру, Гитлер мог обращаться к десяткам тысяч. Годы спустя он вспоминал: «Без

громкоговорителя мы никогда бы не завоевали Германии» (3).

Нацистские пропагандисты смогли воочию и одними из первых убедиться – что, чем больше толпа, тем быстрее начинается ее экстаз, тем более она безвольна и внушаема. Митинги и пропагандистские фильмы всегда показывали одобительно вопящие, аплодирующие и салютующие массы сторонников нацистов, что создавало давление на потребителя данного продукта: если с этим соглашаются все, то я тоже должен согласиться. Таким образом, достигался социальный консенсус.

Нацисты начинают активно использовать для своих собраний громадный Дворец спорта в Берлине, который вмещал 15 тысяч человек. Всего лишь через месяц после первого использования громкоговорителя Геббельс записывает: «В 8 часов «Спортпаласт» огражден полицейскими. 16 000 человек. Переполнено. В 8.20 появляется Гитлер. Бесконечный восторг. Музыка. Вступают знамена. Затем говорит Гитлер. Под конец ураган. Все встают. «Германия превыше всего». Величайший успех за время моей работы» (17.11.1928) (4).

Хотя находились и скептики, считавшие, что Гитлер «становился пьян от металлического грохота своего голоса, который уже не был его собственным голосом. Динамики усиливают громкость человеческой речи, но делают ее абсолютно ненатуральной, похожей на гул жабы. Использование микрофона и громкоговорителей убило былую индивидуальность его голоса» (5). Однако мы должны признать: именно усиление звука позволило пропагандистским действиям стать действительно массовыми мероприятиями, объединенными единым сценарием и лидером.

О размахе нацистских сборищ свидетельствует митинг 21 июля 1932 года, когда на огромном Груневальдском стадионе, чтобы послушать выступление Гитлера, собралось 120 тысяч человек, а так как стадион не смог вместить всех желающих, еще 100 тысяч (!) человек внимали речи фюрера на прилегающей улице, где был установлен громкоговоритель. «Громкоговоритель — инструмент массовой пропаганды, который сегодня еще не вполне оценен в своем действии. Наши противники совершенно его не используют» (10.02.1933) (6).

Конечно, обыгрывались и многие другие находки. Весьма показательными в этом отношении стали президентские и парламентские предвыборные кампании 1932 года. Изощренность и изобретательность нацистов, впервые массированно применивших современные технические средства, дали им громадное преимущество над соперниками. Рассылались патефонные пластинки с записью наиболее удачных речей фюрера, те же записи передавали с помощью громкоговорителей, установленных на грузовиках: «Будет выпущено 50 000 экземпляров

граммофонных пластинок. Эта пластинка так мала, что ее можно послать в обычном конверте» (7)²⁷. Кроме того, Геббельс впервые в политике произвел корректировку человеческого голоса: всю ночь просидел с радиоинженерами и специалистами, пытаясь разными способами менять тембр голоса фюрера. Они его делали то мягче и спокойнее, то тверже, резче, выразительнее. Так он создал из Гитлера радиозвезду (8).

К слову сказать, позже Геббельс использовал записи речей фюрера для внутривнутрипартийных интриг. В узком кругу соратников он просто ставил их на прослушивание, чтобы убажить отдыхающего Гитлера. «Гитлер разваливался в большом кресле, в полудреме внимая этому звуковому отражению самого себя, утопая в нарциссическом любовании своим звуковым представлением» (9). А Геббельс тем временем мог высказывать льстивые мысли о гениальности вождя.

Сам шеф нацистской пропаганды отличился тем, что воспроизвел запись радиовыступления тогдашнего канцлера Германии Брюннинга в Кенигсберге и использовал ее для заочной дискуссии. Время от времени Геббельс останавливал запись, чтобы возразить своему невидимому оппоненту, ну и понятно, кто победил в том давнем споре. «Публика сходила с ума. Успех был потрясающий», — писал он (10).

Естественно, подобные прорывы происходили на фоне традиционных пропагандистских мероприятий, хотя нацисты и здесь достигли небывалого размаха — расклеили в больших и малых городах множество цветных плакатов, распространили восемь миллионов брошюр, выпустили двенадцать миллионов экземпляров дополнительного тиража партийных газет; а по улицам целыми днями разъезжали грузовики, в которых под развевающимися знаменами стояли штурмовики, распевая нацистские браурные песни или хором скандируя: «Германия, пробудись!»

Сторонники Гитлера проводили по три тысячи митингов в день — больше, чем когда-либо за всю историю НСДАП. Митинги они сопровождали показом пропагандистских кинофильмов и озвученных (только появилось звуковое кино) предвыборных роликов, которые навязывались владельцам кинотеатров в качестве вступления к основным фильмам.

С этой же серией предвыборных кампаний 1932 года связан один из самых знаменитых эпизодов в истории пиара. Накануне второго тура президентских выборов, в который вышли действующий президент Гинденбург и стремительно набиравший обороты Гитлер, правительство, со ссылкой на предстоящие пасхальные праздники, объявило некий «гражданский мир», ограничивший предвыборную борьбу приблизительно одной неделей. Наглядный пример применения административного ресурса.

²⁷ Великолепный, к стати, ход.

Только одной неделей! Но как всегда в ситуациях, когда его загоняли в угол, Гитлер, вдохновленный именно этой помехой, придумал особенно эффективный пропагандистский трюк. Чтобы как можно действеннее использовать свой ораторский потенциал и лично охватить наибольшее количество людей, он нанял самолет для себя и своего ближайшего окружения. «Решающая новость: фюрер использует для ближайшей предвыборной кампании самолет и будет выступать по три-четыре раза в день, по возможности на открытых площадках, стадионах» (18.03.1932).

Это ошеломляло. Стремительные перемещения Гитлера по воздуху с внезапными или объявленными появлениями на митингах и собраниях в разных частях Германии способствовали росту его популярности. Гитлер, буквально спускаясь с облаков, выступал перед огромными аудиториями больших городов.

В 1932 году во время президентской кампании за неделю в 21 городе Гитлера выслушало более 1 миллиона человек. Вскоре рекорд был побит: накануне выборов в местные органы власти в том же 1932 году Гитлер за 8 дней побывал в 25 городах (1,5 миллионов слушателей), а в октябре — накануне внеочередных выборов в рейхстаг — Гитлер посетил 49 митингов. За 5 кампаний на 200 митингах Гитлера выслушало 10 миллионов человек.

Недорогой буклет с фотографиями, снятыми во время этой воздушной одиссеи, отпечатанный тиражом 500 тысяч экземпляров, позволял тем, кто не побывал на выступлениях, почувствовать атмосферу великолепного шоу (11).

Воздушное турне имело и незапланированные последствия. «Во время трех летних агитационных кампаний мы посетили сотни немецких городов, но обошлось без малейших происшествий. Ни один из запланированных митингов не был отменен. Это достижение было замечено как специалистами, так и широкими массами населения. Билетные кассы сообщали об ажиотажном спросе на свободные места. Таким образом, Гитлер вольно или невольно способствовал неожиданному успеху гражданской авиации. Он стал лучшей рекламой для "Люфтганзы"» (12).

Мы должны помнить, что 1920-1930-е годы XX века стали эпохой стремительного развития авиации и неугасимого интереса к ее достижениям. Так что сам по себе летательный аппарат становился мощным орудием пропаганды. Вспомним хотя бы советский самолет-гигант «Максим Горький». Целая эпоха в политике и в воздухоплавании миновала между двумя записями в геббельсовских дневниках: «"Граф Цеппелин" приземлился после 112-часового перелета. Удивительное достижение немцев. Как примитивны против нас Россия и эти новые

маленькие наглые государствишки» (16.10.1928) и «Вчера над нашим офисом величаво проплыл новый цеппелин, который получит название «Гинденбург»... Вчера цеппелин проводил предвыборную агитацию, разбрасывая листовки, призывающие голосовать "за"» (9.03.1935). По ходу рассказа заметим, — для разбрасывания листовок с воздушных кораблей были разработаны специальные аппараты.

В данном случае Геббельс вспоминает о предвыборной кампании по плебисциту о воссоединении с Германией Саарской области, ранее отторгнутой у нее западными союзниками. Кто-то спросил конструктора одного из символов тогдашней Германии грандиозного дирижабля «Гинденбург» Экенера: как закончилось голосование на борту его воздушного судна, проходившего в воздухе (!). «Геббельс установил новый рекорд, — съязвил авиаконструктор. — На «Гинденбурге» находилось сорок человек. Насчитали сорок два бюллетеня «за»» (13)²⁸.

Да, мелкие подлоги надежно закрепились в арсенале манипуляторов сознанием. Например, вторжение в 2003 году США в Ирак объясняли необходимостью уничтожения имеющегося у Саддама Хусейна оружия массового поражения. После оккупации Ирака выяснилось, что данные разведки были фальсифицированы. Ну, и что — сильно скорбели тамошние СМИ об обмане, разродились ли мастера массовой культуры обличающими американский подлог произведениями?

Кстати, о культуре. После прихода нацистов к власти коммерческая культура быстро подхватила новую моду. Свастики стали украшать знамена, значки, цепочки для часов, обувь, брелоки, булавки, держатели для книг и даже детские мячики. Табачные фабриканты поспешили выпустить новые марки сигарет — «Команда», «Тревога», «Новый фронт», «Барабанщик», «Товарищество». Фотографии фюрера и его сподвижников помещались на премиальных купонах табачных компаний, и коллекционеры обменивались ими. Предлагались подставки для метелочек под названием «Добрый Адольф», копилки принимали форму фуражек штурмовиков, изображение Гитлера появилось на галстуках, а свастика — на пепельницах и круглых картонках под пивные кружки. Пришлось даже издать специальный закон «О защите национальных символов», запрещающий использование символики на игрушках и всю подобную чепуху. Но и доныне пропагандистский заряд, который заложен в аналогичных неожиданных средствах доставки информации, используется и политическими партиями, и обычными рекламодателями.

Смесь германской любви к истории и страсти к современной рекламе запечатлелась в почтовых штемпелях соответствующего ведомства Третьего рейха, на которых к названию города добавлялась его характеристика. «Город ярмарок Лейпциг» — сочетание достаточно

²⁸ После этого случая Геббельс запретил прессе упоминать имя Экенера.

старое, оно не изобретено нацистами, но вот штемпель «Клеве, здесь отличная детская обувь» — нацистская новинка», — подмечает филолог Виктор Клемперер и продолжает: «Неприкрыто политическую окраску и чисто пропагандистскую нагрузку несла надпись на «величальных» штемпелях: «Мюнхен — город «национал-социалистического» движения», "Нюрнберг — город партсъездов"» (14).

Но почтовое ведомство Германии прославилось на весь мир не нацистскими штемпелями, а технологической революцией, навсегда изменившей современный мир. 1 апреля 1934 года оно начало вести регулярные трансляции пробного теле вещательного предприятия. Программы выходили только три раза в неделю — звуковые художественные фильмы, музыка и еженедельное информационное обозрение. А 22 марта 1935 года, на год раньше Великобритании и США, нацисты первыми в мире начали регулярное пятидневное теле вещание — предприятие превратилось в полноценное телепроизводство. В мае того же года была осуществлена прямая трансляция с одного из фашистских праздников. А в связи с Олимпийскими играми 1936 года, проходившими в Берлине, немцы, кроме многочисленных прямых трансляций, впервые в мире для информационной поддержки теле вещания выпустили печатные телевизионные программы.

Телевизионный приемник той поры был очень дорог и стоил от 2500 до 3000 марок, экран его составлял всего 18×22 см, а само теле вещание было ограничено радиусом 50-60 км от Берлина. Чтобы расширить потенциальную аудиторию, 9 апреля 1935 года в Берлине открыли первый «телевизионный кинотеатр», в котором 30 человек по вечерам могли смотреть телепрограммы. Летом 1936 года таких просмотровых площадок насчитывалось уже 33.

Успехи берлинских телевизионщиков демонстрировались в немецком павильоне на Всемирной выставке в Париже в 1937 году и получили высокую оценку публики. Однако дороговизна приемников и последующая война застопорят развитие телевидения как мощного средства пропагандистского внушения. И слава богу, поскольку, имея в своих руках столь мощный инструмент манипуляции сознанием как телевидение, трудно даже представить, до какой степени ослепления и фанатизма могли бы довести свой народ Гитлер и его подручные. Хотя, куда уж дальше...

Основным орудием геббельсовской пропаганды останется радио — первое по-настоящему массовое средство информации XX века. В своей речи «Радио как великая восьмая власть» Геббельс сказал: «Радио будет для двадцатого века тем, чем пресса была для девятнадцатого. Его открытие и развитие имеют поистине революционное значение

для современной общественной жизни. Будущие поколения могут заключить, что радио имело такое же огромное интеллектуальное и духовное влияние на массы, как печатная пресса перед началом Реформации».

Действительно, через массовое и часто фоновое прослушивание радиопрограмм нацизм въедался в обиход рядовых жителей рейха — через отдельные словечки, обороты речи, вдальбываемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно. Так, чтобы унижить канувшую демократию и дискредитировать ее в глазах немцев, нацисты называли Веймарский парламент исключительно Quasselbude, или «говорильня». Для опровержения оппонентов, скорбевших о канувшей в Лету свободе слова, нацистскими пропагандистами настойчиво сообщалось, что если сложить стопку газет из ежедневного тиража всей германской прессы, то она вознесется на 20 км в стратосферу, и этот «факт» неоспоримо опровергает зарубежных клеветников, твердящих об упадке немецкой прессы. Или другой пример бессмысленной информации, которая придает событию ложный пафос: во время визита Муссолини в Берлин отмечалось, что на полотнища и транспаранты для украшения улиц, по которым ехал дуче, пошло 40 000 метров ткани. «Везде — будь то устная или письменная речь, речь образованных и необразованных слоев — это были одни и те же штампы, одна и та же интонация». (Виктор Клемперер)

Для достижения подобного эффекта бормочущая пропаганда должна быть вездесуща. «Мы используем знания о пропаганде, которых мы достигли в последние годы. Наша цель — удвоить количество германских слушателей. Это приведет к финансовому обеспечению²⁹, которое не только даст возможность радио выполнять свою миссию, но и поддержит всю интеллектуальную и культурную жизнь нации. В этом году выставка радио открывается в этом духе. Ее ключевая нота — народный приемник. Его низкая цена даст возможность широким массам стать радиослушателями» (15).

Подробнее о функционировании немецкого радиовещания мы расскажем в главе, посвященной средствам массовой информации, а сейчас просто маленькая зарисовка, которая, как мне видится, наглядно иллюстрирует приемы, накопленные в своем арсенале гитлеровской пропагандой, и в случае необходимости выдававшая их массам в сверхконцентрированных дозах. Итак, современник описывает радиорепортаж, где представлены и звуковые эффекты, и особые интонации, и вербальная информация.

«Действо открылось ревом гудков и минутой молчания по всей Германии — это, конечно, они позаимствовали у американцев,

²⁹ Немцы платили за использование радиоприемников 2 марки в месяц.

скопиравав торжества по поводу окончания мировой войны. Затем наступил черед звукового сопровождения речи Гитлера. Заводской корпус в Зименштадте. Целую минуту слышится шум производства, удары молота, гул, скрежет, грохот, свистки. Вслед за этим звучит гудок, раздаётся пение, постепенно замирают выключенные маховики. И вот, в полной тишине слышится спокойный низкий голос Геббельса, голос вестника. И только после этого — Гитлер, три четверти часа ОН: ОН проповедует мир, ОН призывает голосовать за мир, ОН хочет, чтобы Германия сказала «Да», не из личного тщеславия, а только ради возможности защитить мир от безродной международной клики дельцов, гешефтмахеров, готовых ради наживы безжалостно стравить между собой народы, миллионы людей» (16).

Гитлер говорил о мире, но уже шла подготовка к войне. 26 июня 1935 года на заседании рабочего комитета имперского совета обороны было принято решение создать архив по каждой стране, которая входила в сферу германских интересов. На случай возможного конфликта должен быть собран и заготовлен подходящий пропагандистский материал (книги, грампластинки, архивные материалы, фотографии, фильмы). Их надо дополнить картотеками о мировой прессе, радиостанциях мира, деятелях мировой пропаганды. Забегая вперед, подтвердим — эти воистину наполеоновские планы оказались во многом реализованы.

IV. УНИФИКАЦИЯ

13. Государственное строительство

После того как мы рассмотрели историю прихода к власти Гитлера и инструментарий его пропаганды, мы должны изучить, для каких целей он задействовал сконцентрированную в его руках огромную власть, т. е. рассмотреть процесс строительства самого нацистского государства.

После парламентских выборов в марте 1933 года Гитлер лично открыл заседание нового рейхстага в гарнизонной церкви в Потсдаме — государственной святыне Прусского королевства. Здесь покоились останки величайшего прусского правителя Фридриха Великого, здесь молились короли династии Гогенцоллернов, сюда, в 1866 году вернувшись с австро-прусской войны, положившей начало объединению Германии, пришел поклониться святыне будущий полководец и президент Гинденбург. Дата открытия — 21 марта — тоже была выбрана не случайно, поскольку совпадала с годовщиной открытия Бисмарком первого рейхстага Второго рейха в 1871 году.

После открытия сессии рейхстага Гитлер картинно сошел с трибуны, низко поклонился Гинденбургу и взял его руку в свою. Их торжественное рукопожатие — символ союза новой Германии со старым порядком — запечатлели для нации и мировой общественности многочисленные репортеры и кинохроникеры, и оно еще не раз использовалось нацистской пропагандой в своей повседневной работе.

Сначала Гитлер вел себя осторожно по отношению к правым партиям, в коалиции с которыми он находился. Авторитетнейший биограф Гитлера Иоахим Фест развивает очень важную мысль, иллюстрирующую ползучую тактику нового рейхсканцлера: «Гитлер в современном ключе осмыслил понятие революции. Она не завоевывает власть. А прибирает ее к рукам и пользуется не столько силовыми, сколько бюрократическими средствами. Процесс приобщения к господствующей идеологии 1933 года образовал новую форму слияния и конфронтации национал-социалистического движения со старыми руководящими силами в государстве и обществе. Подобное развитие являлось необходимостью, ведь только привлечение к сотрудничеству знающих специалистов и старых, опытных руководящих сил могло обеспечить преобразование пропагандистского движения в господствующую организацию. (Можно вспомнить симбиоз хозяйственной номенклатуры и национальных движений в первые годы после распада СССР. — К.К.) Относительно щедрая форма приобщения к господствующей идеологии по отношению к буржуазным, среднеклассовым и консервативным группам была условием успеха национал-социалистического захвата власти» (1). Сам же Гитлер изъяснялся значительно лаконичней: «Собственность и доходы — экая важность. Очень нужна нам социализация банков и фабрик! Мы социализируем людей!» (2).

В свою очередь, истинная политическая физиономия рейхсканцлера для правящих классов не являлась секретом. Они обеспечили национал-социализму финансовую и интеллектуальную поддержку, яростно приветствовали истребление левых партий и, в конце концов, признали легитимность тоталитарного режима. Иначе говоря, правящий слой, в данном случае буржуазия, в большинстве своем оказался готов на союз с Гитлером в обмен на сохранение своих привилегий и при соблюдении некой видимости приличий. И чтобы полностью развязать себе руки в вопросах идеологии, а значит, и сотрудничества с различными социальными группами, Гитлер в первые же месяцы пребывания у власти запретил печати самостоятельно публиковать цитаты из своей одиозной книги «Майн Кампф». Обосновывалось распоряжение тем, что мысли вождя оппозиционной партии могут не совпадать с соображениями главы правительства. Так было найдено поле для

маневра. Сомневающимся в действенности режима постепенно убедили стать лояльными националистическому государству — сыграли свою роль и реальные экономические достижения, и мощь пропагандистской машины. Упорствующим оставались эмиграция или репрессии.

Как уже сказано, залогом дальнейшего существования национал-социалистической партии стало сращивание партийного и государственного аппарата, создание в обществе двойной системы управления (партийной и государственной), а также навязывание стране общей национальной идеологии. Данный процесс получил официальное название «унификации». Попытаемся рассмотреть вышеперечисленные вопросы поподробней, тем более, что в каждом из них присутствовала социальная и пропагандистская составляющая.

Слияние партии и государства находило свое отражение как в кадровой политике режима, так и новых ритуалах. Уже в июне 1933 года в государственных учреждениях власти ввели т. н. «немецкое приветствие» — поднятие правой руки. При этом следовало говорить «Хайль Гитлер!» В 1934 году вошел в силу закон, согласно которому каждый немец был обязан приветствовать «немецким приветствием» нацистские знамена. По сути, речь шла о дрессировке навыков. Все официальные письма должны отныне заканчиваться словами «Хайль Гитлер». Поначалу некоторые «героические личности» еще подписывались «С германским приветом», чтобы только не писать «Хайль Гитлер», но потом и это робкое фрондерство в официальной переписке прекратилось. Началось повальное переименование улиц: в каждой мало-мальски уважающей себя деревушке появлялись, по меньшей мере, Гитлерштрассе и Гитлерплац. Как мы понимаем, связаны эти меры не с манией величия вождя, но с пропагандистским обеспечением его «вездесущности». По сути, при сегодняшней демократии портреты руководства в кабинетах чиновников играют ту же роль.

Украшали кабинеты тогдашних немцев и почетные грамоты, например, «Тиролец Михель на Королевской площади в Мюнхене в присутствии представителя фюрера, Рудольфа Гесса» дал присягу «беспрекословно повиноваться фюреру Адольфу Гитлеру и назначенным им начальникам. Грамота выписана в гау традиции, 26 апреля 1936 года» (3). То есть присяга вождю нации не просто произносилась, но и свидетельствовалась в письменном виде. Можно только представить, как действовал подобный документ на любого немца, с детства приученного к дисциплине. Вдобавок, в Третьем рейхе начала действовать обязательная прописка, которая заносилась в паспорт, и любой гражданин оказывался таким образом в каждодневном поле зрения полиции.

Одновременно наверху шли процессы полного сосредоточения

неограниченной власти в руках фюрера. В сентябре 1933 года на съезде партии в Нюрнберге, под бешеное одобрение нацистской верхушки, Гитлер в своем воззвании провозгласил борьбу против регионального «сепаратизма». Федеративное устройство Веймарской республики мешало фюреру на его пути к безраздельной власти, и дискредитации идеи федеративного устройства Германии посвящены целых две главы «Майн Кампф» (столько же, сколько основополагающему для режима искусству пропаганды). Предположение, что центр должен делиться властью с людьми на местах, да и сама возможность любых коллегиальных решений были глубоко чужды Гитлеру. В случае необходимости он брал кого-нибудь из специалистов либо советников и начинал обсуждать идею с ним. После чего Гитлер самостоятельно принимал решение, какой линии следует придерживаться. Подобным образом он быстро нейтрализовал влияние такого коллегиального органа, как правительство.

На уровне местной власти «старые борцы» (т. е. ветераны нацистской партии) заняли почти половину всех постов в городских администрациях. Еще позже число политических руководителей превысило 700 тысяч; 86% чиновников в Пруссии и 63% чиновников других земель являлись членами НСДАП (4). То есть власть оказалась под тотальным контролем партии. А рейхстаг при нацистах вообще стали в шутку называть «самым высокооплачиваемым мужским хором в Германии» — ведь все его функции фактически сводились к тому, чтобы петь гимн до и после формальных, пустых заседаний.

Презрение гитлеровцев к законам и их творцам хорошо иллюстрирует мысль Гиммлера о законодательной деятельности: «Разве вы не понимаете, что законы были превращены в своего рода тайное знание — невразумительное и полное загадок — лишь для того, чтобы обеспечить юриста заработком и оправдать обучение все новых и новых поколений адвокатов?» (5). И откровенно говоря: а что не так?

Законность постепенно подменялась правом государства, а точнее его руководителей, решать, кто прав и кто виноват в данный момент. Раз народ един, а именно так гласила официальная идеология, то обязанность каждого порядочного гражданина — доложить о паршивых овцах, рискующих погубить все стадо. Огромную роль во всесторонней унификации, то есть уничтожения разномыслия в нацистской Германии, сыграл обывательский конформизм, когда гражданин искренне считал своим долгом донести информацию соответствующим органам. Притом, что в Третьем рейхе не было законодательно оформленной обязанности политического доноса (!).

Типичными темами доносов являлись: связь с евреями 26%,

уклонение от армии — 22%, критика режима — 17%, уклонение от благотворительных пожертвований — 11%, пораженчество — 7%, политическая критика — 6% (6). Кроме того, гестапо установило цензуру на почте, всячески призывало граждан следить друг за другом и активно собирало обывательские слухи для составления аналитических «отчетов о настроениях».

Для работы с подобным материалом Гиммлер создал Службу безопасности — СД, при которой существовал особый отдел надзора, насчитывавший в 1939 году три тысячи сотрудников, анализировавших отчеты об общественных настроениях, получаемых от 50 тысяч доверенных нацистов. Глава СД Олендорф определил эту кропотливую работу следующими словами: «СД должна беспристрастно информировать вождей партии и правительства во всех сферах жизни — экономической, культурной и прочее. И в первую очередь СД должна поднимать тревогу, когда эти меры вызывают сопротивление. При диктатуре это имеет первостепенное значение. СД обязана выявлять то, что при парламентском режиме становится предметом открытых дискуссий» (7). Такая вот форма обратной связи с народом и, кстати, весьма эффективная — регулярные отчеты СД до сих пор считаются среди историков довольно авторитетными документами.

Чиновники из Министерства пропаганды, в свою очередь, тоже собирали данные по интересующим их родное ведомство вопросам — посещаемости фильмов, пьес, выставок, собраний, о читательском спросе в библиотеках, о продажах различных книг в магазинах.

В ужасе от новых методов управления, цензуры и террора против политических противников, а также массированных антиеврейских акций уже к лету 1933 года из Германии уехало 50 тысяч беженцев. Но руководители Третьего рейха хорошо понимали: для управления обществом необходимы не только силовые методы. Немцы всегда активно участвовали в общественной жизни, и нацисты, придя к власти, отнюдь не собирались подавлять эту активность — они ее реформировали и направили в нужное им русло. Для огромного большинства немцев, одобрявших политику Гитлера, открылись широкие перспективы применения их патриотической энергии. В стране активно действовали более ста общенациональных благотворительных, образовательных, развлекательных и профессиональных женских объединений, таких как могучее «Сословие кормильцев рейха» — многомиллионная организация, объединявшая немецких крестьян, рыбаков, землевладельцев и т. п. В 1937 году Гитлер заявил, что в нацистские организации вовлечены уже 25 миллионов немцев. А слой фюреров — местных вождей — составил к тому времени 30 тысяч человек (8).

По мысли нацистских идеологов, если политическая свобода ограничена, то природа и техника должны компенсировать эту потерю. Символами динамичного развития нацистского общества постепенно стали множество новых предметов потребления: современная мебель из стальных труб, 8-миллиметровая фотопленка, холодильники, электропечи, фены, обтекаемой формы автомобили, аэродинамические формы паровозных локомотивов. В целом, вошедший в моду футуристический дизайн придавал обществу чувство устремленности в будущее и уверенности в своих силах.

Конечно, в деле возрождения страны Гитлеру помог медленно начавшийся подъем всей мировой экономики, но еще важнее было его понимание того, что апатия общества обусловлена гнездящимся в сознании печальным представлением людей об устройстве мира, вытекающего из жизненного опыта каждого человека. Массы, как и экономика, требуют, прежде всего, импульсов, возвращающих высокий смысл происходящему. А потому в первые месяцы правления нацистов большинство экономических инициатив стартовали не столько в силу их экономической разумности, а потому, что они позволяли подать обществу позитивный сигнал.

Из всего этого — сочетания духовного и материального — формировалось целостное ощущение жизни, т. н. «Вельтаншаунг» — мировоззрение. Чрезвычайно популярный в Третьем рейхе термин использовался для обозначения национал-социалистической концепции мира, нацистской философии жизни. В марте 1934 года Гитлер на встрече со старыми партийными товарищами сказал, что его политическая победа — не более чем смена правительства, и только победа «мировоззрения» стала бы истинно революционной. Национал-социалистическая революция сумеет достигнуть окончательного торжества только тогда, когда ее примут все немцы.

В тезисах, разработанных Высшей политической школой нацистской партии, эта своего рода мистическая парадигма сформулирована так: «Национал-социализм не может быть доказан и не нуждается в доказательствах. Он обосновывает сам себя своей деятельностью, обеспечивающей жизнь общества. Тот, кто пытается прийти к национал-социализму лишь при условии ученических доказательств, тот не ощущает непознаваемого духовного смысла истины, т. е. национал-социалистической политики» (9).

«Вельтаншаунг» внушался всему немецкому народу ежечасно — с помощью общественных организаций, через пропагандируемый образ жизни, при поддержке средств массовой информации. «Я все внимательнее прислушивался, как разговаривали рабочие на фабрике,

как изъяснялись бестии из гестапо и как выражались в нашем еврейском «зоопарке» обитатели его клеток. Большого различия заметить было нельзя, да его, пожалуй, и не было. Все — и сторонники, и противники, и попутчики, извлекающие пользу, и жертвы — безвольно руководствовались одними и теми же клише. Я стремился отыскать эти шаблоны, и в некотором смысле это было крайне просто, ибо все, что говорилось и печаталось в Германии, проходило нормативную обработку в партийных инстанциях: в случае малейших отклонений от установленной формы материал не доходил до публики. Книги и газеты, служебная переписка и бюрократические формуляры — все плавало в одном и том же коричневом соусе» (10).

Следующим пунктом программы Гитлера приведения немецкого народа к единому знаменателю стала ликвидация внутрипартийных конкурентов, в первую очередь Грегора Штрассера и Эрнста Рёма. Еще в 1920-е годы Гитлер, стремясь ослабить влияние своего конкурента Штрассера в партии, переманивал его сторонников. Тот же Геббельс поначалу считался человеком из команды Штрассера и во время одной из острых партийных дискуссий 1920-х годов даже прославился тирадой: «Я требую, чтобы жалкий буржуа Гитлер был исключен из Национал-социалистической рабочей партии!» «Следует добавить, что ему громко аплодировали», — ехидно пишет об этом эпизоде младший брат Грегора Штрассера, Отто (11).

Руководитель штурмовых отрядов Рём, как и интеллектuala Штрассер, был сторонником большей социализации общества и требовал продолжения социальной революции. Когда начался процесс слияния нацистской партии и старой управленческой элиты, он обратился к своим подчиненным с призывом: «Фюреры СА! Мы ничего не хотим для самих себя. Оставьте свои посты и почетные должности другим. Те, кто заняли подобные должности, с удовольствием оставят эти посты и будут гордиться тем, что являются руководителями коричневой армии. Потому что от них одних зависит судьба Германии, они одни могут завоевать и удержать победу чистого незамутненного национализма и фашизма» (12).

В начале июня 1934 года руководство СА решило активизировать свою агитацию среди рабочих. Глава политического отдела СА проник на территорию завода Круппа и обратился к рабочим с подстрекательской речью, призывая прекратить работу, что они и сделали. Реакция деловых кругов Германии, тех, кто, по сути, привел Гитлера к власти, и пока еще могли лишить ее, оказалась мгновенной. Выступая с речью в Марбургском университете 17 июня 1934 года, вице-канцлер фон Папен многозначительно заявил: «Руководство партии должно следить за тем, чтобы в стране не развернулась вновь под новыми знаменами классовая

борьба». Говорил он, хотя и в завуалированной форме, и о нарушении законности, репрессиях, непредсказуемой политике режима.

Геббельс принял срочные меры с целью замолчать содержание сенсационной речи: отменил намеченные на вечер того же дня радиопередачи с ее записью, запретил упоминание о ней в печати, приказал полиции конфисковать уже вышедший номер «Франкфуртер цайтунг», в котором приводились выдержки из нее. Однако многоопытный Папен предусмотрительно разослал текст своего выступления иностранным корреспондентам и дипломатам в Берлине. Таким образом, выступление получило широкую огласку и вызвало восторг в широких кругах общественности, уже утомленной нацистской революцией. «Спустя пять дней после выступления в Марбурге я оказался в Гамбурге, куда меня пригласили на дерби. Не успел я появиться на крытой главной трибуне, как тысячи людей разразились в мой адрес криками приветствия и возгласами «Хайль Марбург!» (13).

Однако истинным автором спича Папена был его помощник, молодой писатель и адвокат д-р Эдгар Юнг, один из творцов теории «консервативной революции». Месть взбешенных нацистов не заставила себя долго ждать. Через четыре дня после выступления Папена Юнг исчез. Его жена случайно обнаружила на стене ванной комнаты нацарапанное мужем слово «гестапо». Тело Юнга нашли 30 июня 1934 года в придорожной канаве. Только через много лет стало известно, что после долгих допросов и страшных пыток его убили в тюремной камере. А пожинавший все лавры фон Папен за вольнодумную марбургскую речь позже лишь публично извинился.

Последний приказ Рёма по СА от 30 июня 1934 года гласил: «Я ожидаю, что 1 августа СА, полностью отдохнувшие и окрепшие, будут готовы к решению почетных и сложных задач, чего, вероятно, ждет от них народ и отечество. СА являются и остаются судьбой Германии». По этому приказу СА должны были служить не «фюреру и рейху», а «народу и отечеству». «Также, что бросилось мне в глаза, отсутствовало общепринятое приветствие «Хайль Гитлер», обычно использовавшееся в конце всех официальных бумаг» (14).

Летом 1934 года Гитлер оказался между двух огней — коричневыми революционерами и взбешенными консерваторами. Судьба его висела на волоске: президент Гинденбург в любой момент мог отправить его в отставку. Одновременно рейхсканцлеру доложили, что в узком кругу Рём назвал его «невежественным ефрейтором». «Гитлер — вероломный человек, его как минимум надо отправить в отпуск», — вроде бы сказал начальник СА. Не стало дело и за предателем: обергруппенфюрер СА Лутце посетил Гитлера и донес ему о ходе многочасового разговора.

Дальнейшее уничтожение верхушки штурмовых отрядов и прочих политических конкурентов Гитлера (вошедшее в историю как «Ночь длинных ножей») достаточно хорошо описано в исторической литературе и не имеет прямого отношения к теме нашего повествования. Эпилогом кровавой расправы может служить краткая запись в дневнике Розенберга: «Таким образом, первый военный советник фюрера и первый его политический советник нашли свою смерть» (15).

После устранения Рёма и Штрассера Гитлер потребовал от партийцев заодно с оппозиционерами покончить с коррупцией, дорогими лимузинами и пьянством, ибо, придя к власти, «они возвели взяточничество в ранг государственной нормы» (16). Но ограничились тем, что некоторым штурмовикам вменили в вину антисемитские выходки. Трех партайгеноссе, которые случайно как раз в этот день осквернили еврейское кладбище, исключили из партийной армии и приговорили к году тюрьмы (можно только представить их искреннее изумление).

13 июля 1934 года по радио прозвучала часовая речь Гитлера, обращенная к рейхстагу. Взяв на себя ответственность за чистку, он провозгласил, что избавил народ от опасности столь страшной, что только решительные и быстрые действия могли предотвратить ее — в подвалах штаб-квартиры СА в Берлине вроде бы нашли больше пулеметов, чем насчитывалось у всей прусской полиции.

Парадокс, но спустя всего лишь три года после расстрела Рёма Гитлер в кругу высокопоставленных партийных руководителей отметил весомейший вклад этого высокоодаренного организатора в восхождение НСДАП и завоевание ею власти: если когда-нибудь будет написана история национал-социалистического движения, надо будет постоянно вспоминать о Рёме как о человеке номер два рядом с ним³⁰. И уже много лет спустя после физического устранения верхушки СА в «Ночь длинных ножей» и накануне краха — 28 марта 1945 года — Геббельс признался: «То, что хотел Рём, было, по существу, правильно, разве что нельзя было допустить, чтобы это делал гомосексуалист и анархист. Был бы Рём психически нормальным человеком и цельной натурой, вероятно, 30 июня были бы расстреляны не несколько сотен офицеров СА, а несколько сотен генералов» (17).

2 августа 1934 года скончался последний человек, который мог остановить Гитлера, используя силу закона, — рейхспрезидент Гинденбург. Предвидя смерть великого старца, Министерство пропаганды уже долгое время не жалело усилий, чтобы насадить в умах немцев идею о неизбежности и желательности плавного перехода власти от Гинденбурга к

³⁰ Впрочем, я бы не усматривал здесь никакой лирики — бонзам показали, что каждый из них, независимо от заслуг, может оказаться на месте Рёма — то есть в гробу.

Гитлеру: сегодня сей маневр назвали бы «сохранением преемственности». Благодаря умелой пропаганде и подчеркнуто почтительному отношению к престарелому Гинденбургу, Гитлер выглядел в глазах общественного мнения естественным продолжателем дела покойного президента. На следующий же день после смерти президента вышло постановление «О проведении народного референдума о верховной государственной власти», т. е. об объединении полномочий канцлера и президента. Формулировка вопроса референдума гласила: «Согласен ли ты, германский мужчина, и ты, германская женщина, с нормой этого закона?»

Чтобы убедить немцев проголосовать «за» в ход пошли любые уловки, включая фальсифицированное завещание Гинденбурга. Историки отмечают, что весь тон опубликованного прямо накануне референдума завещания фельдмаршала, был слишком высокопарным для старого вояки, а иногда даже в нем встречались выражения вроде «знаменосец культуры Запада» или «юдоль страданий и слез, где царит угнетение и саморазрушение», что являлось типичными клише геббельсовской пропаганды (18).

Дабы развеять всяческие сомнения сын покойного президента Оскар Гинденбург накануне голосования по вопросу передачи президентских полномочий канцлеру лично выступил по радио: «Мой отец видел в Адольфе Гитлере своего непосредственного преемника в качестве главы Германского государства. Я, действуя в соответствии с желаниями своего отца, призываю всех немецких мужчин и женщин голосовать за передачу поста моего отца фюреру и канцлеру» (19).

19 августа 1934 года около 95% зарегистрированных избирателей явились в пункты голосования. Столь высокий процент объясняется тем, что голосование считалось обязательным: штурмовики и прочие партийные активисты патрулировали улицы, задерживая и заставляя принимать участие в референдуме всех, у кого на лацкане не было специального голубого значка, выдававшегося проголосовавшим. Более 38 миллионов человек одобрили присвоение Гитлером неограниченной власти. И лишь 4,25 миллиона человек имели мужество проголосовать «против».

А в сентябре 1934 года на партийном съезде в Нюрнберге фюрер торжественно провозгласил окончание национал-социалистической революции. «Эта революция достигла без исключения всего, что от нее ожидали. В ближайшие тысячу лет новых революций в Германии не будет!» Народ облегченно вздохнул, и с того момента выражение «Тысячелетний рейх» как синоним стабильности и благополучия стало использоваться в нацистской Германии особенно широко.

В знак столь великого свершения в стране была демонстративно

развернута борьба за укрепление национал-социалистической законности. Еще в феврале 1934 года прусскому гестапо при содействии центральной прокуратуры удалось закрыть созданный под Штеттином нелегальный концентрационный лагерь, в котором наблюдались многочисленные случаи издевательств над узниками. А через два месяца многих руководителей СС в качестве обвиняемых приговорили к многолетним каторжным работам и тюремным срокам. В 1934 и 1935 годах подобные процессы против членов СА и СС, из-за их жестокого обращения с политическими заключенными, стали относительно распространенным явлением. Даже на еврейском вопросе отразилась политика государственной стабилизации — в период между 1934 и 1937 годами еврейская эмиграция пошла на спад (1933-й — 63 400 чел., 1934-й — 45 000 чел., 1935-й — 35 500 чел., 1936-й — 34 000 чел., 1937-й — 25 000 чел., 1938-й — 49 000 чел., 1939-й год — 68 000 чел.).

Итак, рейхсканцлер был популярнейшей фигурой, и за одобрение закона, передававшего в его руки всю полноту государственной власти, высказалось 88,1% голосов, а плебисцит, посвященный германской внешней политике, устроенный в марте 1936 года, поднял цифру доверия до 95,8%. Имея такие баснословные результаты, Гитлер даже не посчитал необходимым отменять демократическую конституцию столь презираемой им Веймарской республики, и она формально являлась основным законом рейха до последних дней войны.

Каким же образом достигались столь впечатляющие результаты, а по сути — рейтинги популярности политики Гитлера среди народа? «Так называемый плебисцит прошел сегодня в довольно праздничной атмосфере. Я зашел внутрь одной из кабинок. На стене перед вами приклеен образец бюллетеня, на котором показано, где поставить значок с ответом «за» (20). Существовало (и существует до сих пор) множество других способов получить необходимый высокий результат. Так, прикрываясь демократическими процедурами, фюрер настойчиво продвигался вперед к конечной цели, имеющей совсем другой уровень измерения.

Осенью 1937 года, точнее, 5 ноября того же года, Гитлер начал закрытые консультации с руководством вермахта и ведомства иностранных дел, которые со всей определенностью продемонстрировали соратникам волю вождя нации к началу войны. Последовавшая за этим смена всех несогласных — руководства вермахтом и МИДом, отставка Шахта, а также быстрое увеличение количества концентрационных лагерей и вооруженных сил СС, сигнализировали власть имущим — период относительной стабильности заканчивается. Но широкая общественность еще ничего не подозревала.

После отставки сопротивлявшихся политике вождя военачальников Бломберга и Фрича, министра иностранных дел Нейрата и министра экономики Шахта 5 февраля 1938 года «Фёлькишер беобахтер» вышла с кричащими заголовками: «Концентрация всей полноты власти в руках фюрера!» И это было правдой.

14. Экономическое возрождение

Пропаганда — это не самоцель, но орудие достижения политических целей. А политика, как говаривал классик, концентрированное воплощение экономики. Приход Гитлера к власти, несмотря на его изобретательность, несмотря на глубоко национальные корни предрассудков, на которые он опирался, вряд ли мог стать явью, если бы не трагическая экономическая ситуация в Германии в 20-х годах XX века. «Хозяйственный кризис, безработица, страх перед будущим, пришибленное судьбой поколение», — так горько описывал Геббельс жизнь миллионов своих ровесников (1). Рано или поздно сухой порох должен был вспыхнуть.

После краха 1929 года ради защиты своих экономических интересов крупный капитал дал Гитлеру по-настоящему большие деньги для его боевой и напористой партии. Экономическая катастрофа содействовала резкому взлету популярности идей национал-социализма; и именно в сфере экономики в первую очередь люди ждали от новой власти чуда — то есть того, что обещала им все прошедшие годы партийная пропаганда.

К 1930 году вокруг Гитлера сгруппировались влиятельные промышленники, которые поддерживали, субсидировали и консультировали верхушку нацистской партии: Фриц Тиссен, Эмиль Кирдорф, Альфред Гугенберг и др. Тиссен в своих мемуарах емко определил сверхзадачу, поставленную перед собою этими людьми: «После 1930 года надежды немецкой промышленности можно было сформулировать одной фразой: "Здоровая экономика в сильном государстве"» (2).

После прихода нацистов к власти в июле 1933 года появляется централизованный орган — Генеральный совет германской экономики. В его состав вошли представители ведущих компаний, имена которых до сих пор на слуху: Крупп, Бош, Сименс, Тиссен и др. Вся экономика Германии была разделена на имперские группы: промышленности, ремесла, торговли, банков, страхования и энергетики. Параллельно с тем сохранялась территориальная структура в управлении хозяйством и образованы «хозяйственные округа», которыми управляли «окружные группы». (3)

Нельзя отрицать усиления вмешательства государства в экономику страны в период нацистского господства, но следует отметить и

усиление вмешательства промышленников во все государственные дела, касавшиеся экономической политики. Был также принят Декрет о принципе фюрерства в промышленности: из него явствовало, что рабочие и служащие обязаны выполнять приказы «командира предприятия», который, как правило, являлся его владельцем. А в 1935 году нацисты ввели систему трудовых книжек, что обеспечивало не только точный учет всех работающих людей, но и ужесточало контроль за работниками. Таким образом, Гитлер не просто сохранил сословие германских менеджеров, но и заставил его работать на себя. Финансово фирмы процветали и приходили в упадок точно в соответствии со степенью, в которой выполняли указания совета экономики, спускавшиеся к ним по исполнительной вертикали. Например, с июня 1934 года каждый предприниматель был обязан четыре раза в год передавать на благотворительные цели минимум 5 промилей (тысячных долей) от суммы доходов, полученных в предшествующем году (4).

В свою очередь, руководитель гитлеровской экономики Ялмар Шахт, стремясь придать инвесторам уверенность, зафиксировал низкие процентные ставки по кредитам и, ради облегчения финансового положения местных властей, отсрочил для них выплату долгов. С целью оживить фондовый рынок он предпринял крупномасштабный выкуп государством акций у частных владельцев, а долги фермерских хозяйств реструктурировал с отсрочкой или снижением процентной ставки. В рамках повышения интереса крестьян к сохранению индивидуальной собственности на землю «все фермы с земельными угодьями размером до 125 гектаров были объявлены наследственными владениями, попадающими под юрисдикцию древних законов о наследовании земли без права отчуждения. Владеть такими угодьями мог лишь немецкий гражданин арийского происхождения, доказавший чистоту своей крови вплоть до 1800 года» (5).

«Было очевидно, что они, — вспоминал о первых днях работы нацистов Тиссен, — жаждут достижения немедленных результатов в пропагандистских целях» (6). Будущий зодчий танковой мощи рейха Гейнц Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» описывал начало великой пропагандистской кампании: «Впервые я увидел и услышал Гитлера в начале февраля (1933 года. — К.К.) на открытии автомобильной выставки в Берлине. Необыкновенным был тот факт, что сам рейхсканцлер открывал выставку вступительной речью. Гитлер сообщил в своей речи об отмене налога на автомобили и о планах строительства автострад и производства дешевых автомобилей» (7).

Далее в политической жизни Германии последовала короткая и решительная схватка с левыми после инцидента с поджогом Рейхстага и

внеочередные выборы в парламент. Но уже в марте 1933 года, выступая в рейхстаге, Гитлер вернулся к экономике: «Не использовать миллиарды человеческих рабочих часов — это безумие и преступление» (8). И вскоре родилась одна из самых ярких легенд об экономическом возрождении Германии — сага о строительстве автомобильных магистралей при Гитлере, которые создали миллионы рабочих мест, вырвали Германию из нищеты и превратили ее в современную европейскую державу.

Согласно официальной нацистской пропаганде, когда после «пивного путча» Гитлер сидел в тюрьме, ему явилось откровение: он увидел Германию, пересеченную из конца в конец автомобильными дорогами, о которых тогда разоренная Версальским миром страна еще не могла даже и мечтать. Но, как во всякой пропагандистской сказке, все было не совсем так. Первый автобан в мире открыли еще в 1921 году в Берлине, а междугородний — в фашистской Италии в 1923 году — от Милана в сторону Швейцарии. На 1926 год в Германии было запланировано строительство автобана Кельн—Дюссельдорф, и в том же году зарегистрировано «Общество для подготовки автомобильного шоссе «Города Ганзы» (Гамбург—Любек—Киль) — Франкфурт—Базель». Когда Гитлер стал канцлером Германии, по всей стране уже строились автомобильные шоссе. Но большинство из них действительно закончили и запустили в эксплуатацию во времена гитлеризма (9).

Правдой также является и то, что Гитлер проехал на автомобиле сотни тысяч километров, он очень любил этот способ передвижения по стране, его скорость и комфорт. Еще до прихода Гитлера к власти генеральный директор «Даймлер-Бенц» Якоб Верлин предоставил ему в кредит автомобиль, за что Гитлер был ему особенно признателен. Однажды он сказал в шутку Верлину: «Между прочим, знаете ли вы, что именно вы — настоящий покоритель Германии? Если бы вы тогда не отдали мне автомобиль, мне было бы невозможно покорить Германию. Таким образом, настоящим покорителем являетесь вы» (10).

Став рейхсканцлером, Гитлер, ставший страстным автомобилистом, взял за правило каждый год появляться на германской ежегодной автомобильной выставке. Из соображений национального престижа он требовал постоянного совершенствования «Мерседеса», добываясь признания фирмы «Даймлер-Бенц» «главной автомобильной компанией мира». Превосходные экземпляры «мерседесов» стали стандартными подарками Гитлера главам государств и коронованным особам. Он также лично являлся инициатором различных автомобильных усовершенствований, с успехом воплощенных в жизнь этой фирмой. «Можно, сказать, он чувствовал некую искреннюю любовь к автомобилям и дорогам, результатом которой позже стала государственная программа

строительства автобанов» (11).

Уже в сентябре 1933 года фюрер появился на строительной площадке около Франкфурта-на-Майне. Хотя недоброжелатели считали, что в тогдашней Германии автомобилей насчитывалось слишком мало и было бы проще реконструировать старую дорожную сеть, но уже до сентября 1936 года нацисты проложили тысячу километров автострад, а за последующий год — еще тысячу. В 1930-х годах немецкая программа строительства автобанов не имела себе равных в Европе.

Автострады были объявлены «великой национал-социалистической стройкой». Для решения грандиозной задачи власти задействовали свыше 30 тысяч рабочих, а к началу Второй мировой войны их число еще удвоилось. О ходе работ сообщалось почти ежедневно на протяжении многих лет. К строительству «Дорог фюрера» (как их торжественно величала пропаганда) привлекались даже евреи. К примеру, на сооружении имперского автобана № 1, который получил имя вождя нации, евреи были заняты на подсобных работах, например, дроблении щебенки и т. д. Таким образом, Гиммлер откровенно врал, когда, мотивируя запрет евреям водить автомобиль, заявил, что еврей за рулем не только оскорбляет «германское транспортное сообщество», но и, дескать, евреи нахально пользуются «автодорогами рейха, построенными руками немецких рабочих» (12).

Но вообще, несмотря на перезвон официальной пропаганды, отношение к дорожно-сизифову труду в обществе оказалось неоднозначным. «Они строят дороги для богачей, — говорили бедняки, — ведь только у богачей есть автомобили. Рабочим никогда не будет никакой выгоды от автострад» (13). Страшнее того — на каждые 6,4 км проложенной трассы приходился один погибший строитель.

Считается, столь интенсивное строительство связано с подготовкой к грядущей войне, хотя немецкое верховное командование с самого начала утверждало, что для ведения боевых действий автобаны большого значения не имеют. Если разрушить один-единственный мост, можно перекрыть автостраду на сотни километров, а атакованному с воздуха крупному войсковому соединению такая дорога не давала почти никакой возможности уклониться. В ходе войны выяснилось также, что, несмотря на попытки замаскировать автострады, они всегда служили для авиации противника хорошими ориентирами. Однако строительство автобанов прекратилось только в 1942 году, и к тому времени их общая длина составляла 6500 километров.

К 1930-м годам относится и рождение торговой марки «Фольксваген». В 1938 году немцы взяли за строительство «крупнейшего автомобильного завода в мире» производительностью 1,5 миллиона

машин в год — «больше, чем у Форда», как утверждали нацистские пропагандисты. «Эти машины будут производиться для новых автострад. Целая семья может ездить в нем со скоростью 100 километров в час. Это автомобиль фюрера для дорог фюрера» (14). Само имя города, где планировалось построить завод, созвучно дружескому прозвищу Гитлера — Вольф (Волк). «По вам, мой фюрер, этот город должен быть назван Вольфсбург», — провозгласил Роберт Лей, открывая церемонию закладки предприятия (15).

«Трудовой фронт», созданный взамен распущенных профсоюзов, выделил 50 миллионов марок на строительство завода, но основной частью финансирования проекта «Народный автомобиль» стали взносы самих рабочих. Они вкладывали необходимые средства, выплачивая денежные взносы в счет будущей покупки в размере от 5 до 15 марок в неделю. План этот известен под названием «Выплати, прежде чем получить». Уплатив 750 марок, будущий покупатель приобретал номерной ордер, позволявший получить машину, как только она сойдет с конвейера. В рекламу проекта «Народного автомобиля» с помощью популярной настольной игры «Твоя машина» вовлекались даже дети. Играя, они узнавали о процедуре покупки «Фольксвагена», учились основам ухода за машиной, а заодно и правилам дорожного движения.

Однако ни один «народный автомобиль» с конвейера так и не сошел. К началу войны заводы «Фольксваген» власти переоборудовали на выпуск военной продукции. Но, несмотря на сей прискорбный факт, в 1939 году Германия имела огромный автомобильный парк, состоящий из более, чем 4 миллионов машин (плюс автомобили, реквизированные в Чехословакии и Мемеле). Причем, ради экономии бензина, значительная часть автотранспорта оснащалась газовыми двигателями, и страну покрыла густая сеть газовых автозаправок.

Параллельно расширялась и модернизировалась железнодорожная сеть, строились новые промышленные объекты. За период с 1933-го по 1936 год государственные капиталовложения утроились, а правительственные расходы выросли на 70%. Один только проект строительства автобанов в первый же год создал 84 тысячи рабочих мест. К концу 1934 года на общественных работах были заняты 1,7 миллиона человек.

Производство электроэнергии в 1938 году (55 млрд кВт·ч) в два с лишним раза превышало производство 1933 года. Производство алюминия выросло с 19 тыс. тонн в 1932-м до 194 тыс. тонн в 1939 году. Причем Германия производила его больше, чем капиталистические страны Европы, вместе взятые, и вышла по этому показателю на первое место в мире (16).

В 1920-е и 1930-е годы в Германию были привлечены громадные

зарубежные инвестиции, особенно из США. Знаменитый тогда во всем мире американский журналист Никербокер в своей вышедшей еще в 1932 году книге «Германия — так или иначе?» пророчески предсказывал: «Американские инвестиции на европейском континенте вкладываются в поле битвы» (17). Только за первые три года правления нацистов в Германии возвели свыше 300 новых военных заводов; из них 55-60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанковых, 70 химических, 80 артиллерийских, 15 военно-судостроительных (18). Но оборонные заводы поглощали многие миллиарды марок, которые не возвращались в государственную казну. И здесь затаилась одна из причин грядущей экономической катастрофы.

В эпоху расцвета нацистского режима благодаря масштабным общественным работам практически исчезла безработица, буржуазия и трудящиеся оказались объединенными в «Немецкий трудовой фронт», а на работодателей оказывалось прямое давление государственных инстанций с целью увеличения числа рабочих мест. «Гитлеровская теория диктаторской национальной экономики, — отмечал приближенный к Гитлеру Отто Дитрих, — была основана на идее, что занятость порождает новую занятость. Развивающаяся экономика создает для себя новые рынки, потому что ее потребности возрастают, и наемные рабочие потребляют больше. Гитлер создал занятость, заставил экономику работать, и она начала работать на полную мощность» (19).

Германия оказалась единственной крупной индустриальной державой, которая быстро и целиком восстановилась после Большой депрессии.

Основой для нового скачка германской экономики стал четырехлетний план, тамошний ответ нашим пятилеткам. С той только разницей, что мы создавали крупную промышленность там, где ее практически не было. План провозгласили 9 сентября 1936 года в Нюрнберге, во время очередного партсъезда. От имени Гитлера было заявлено: «В течение четырех лет Германия должна стать полностью независимой от поставок сырья и оборудования из зарубежных стран, которые могут быть произведены благодаря германским возможностям с помощью химической, машиностроительной и горнорудной промышленности. Великая перестройка немецкой сырьевой промышленности обеспечит занятость населения. Воплощение этого плана произойдет благодаря энергии и силе национал-социализма» (20).

Пропаганда представляла план как “призванный улучшить жизнь рядового гражданина” Третьего рейха, важное народное мероприятие нацистского режима. Однако за кулисами пропагандистской шумихи, на

одном из первых заседаний штаба уполномоченных по четырехлетнему плану Геринг так сформулировал истинные цели первой «четырёхлетки»: «Министр-президент (то есть он сам. — К.К.) считает своей задачей добиться того, чтобы через четыре года вся германская экономика была готова к войне» (21). И определенный резон в этом имелся: милитаризация дает стимулы современному производству, помогает смягчить безработицу. Некоторые страны, собственно, так до сих пор и живут.

С введением четырехлетнего плана государственное хозяйство подверглось еще большему укрупнению. Перевод экономики на военные рельсы осуществлялся при помощи регулирования производства и сбыта товаров, правильного распределения сырья, четкого руководства всеми работами и запрещения новых капиталовложений в некоторые области мирной промышленности. К 1939 году промышленное производство выросло по сравнению с 1933 годом примерно на 60%, а по производству станков Германия заняла второе место в мире.

Особое внимание было уделено производству нефти внутри Германии. Если в 1938 году добывалось ежемесячно 44 150 тонн нефти, то в 1939-м — уже 57 930 тонн в месяц, производство синтетического горючего в 1938 году достигло 1,7 миллионов тонн (22). Искались заменители и для других видов стратегического сырья. Чтобы избежать слова «эрзац», которое население плохо воспринимало еще со времен Первой мировой войны, журналисты ввели в оборот новый пропагандистский штамп — «новые производственные материалы». И действительно, немецкие ученые нашли несколько новых заменителей — всяческих пластмасс и искусственной резины. Не останавливаясь на достигнутом, с 1937 года в Германии власти развернули всенародную кампанию по сбору макулатуры, костей, вышедших из употребления монет, олова и другого вторсырья (что не помешало после начала войны конфисковать у населения всю медную утварь).

Не брезговало правительство и крупным мошенничеством. По совету хитроумного Шахта оно обесценило ценные бумаги Германии (акции, государственные обязательства), хранившиеся в банках других стран. Затем правительство тайно скупало эти бумаги по курсу 12-18% номинальной стоимости и вновь продало внутри Германии за настоящую цену. Прибыль от этой махинации составила 80 и более процентов — свыше 250 миллионов марок.

Внешнеэкономическая конъюнктура также складывалась благоприятно: доллар обесценивался, поскольку президент США Франклин Рузвельт отменил золотой стандарт, и, таким образом, Германия одним махом освободилась от значительной части своей

внешней задолженности. Доходы государства от налогов, составившие в 1933 году 6,9 млрд. марок, в 1938 году, благодаря экономическому подъему и усовершенствованной методике сбора налогов, поднялись до 17,8 млрд. марок (23).

Плюс грабеж внутри страны. Обреченные на разорение и бегство еврейские собственники за гроши продавали свои предприятия представителям титульной нации. 260 крупнейших еврейских фирм Германии были «ариизированы» влиятельными промышленниками, отдельные представители которых даже не принадлежали к нацистской партии. Тоже, своего рода, приватизация.

Грандиозные успехи давали богатейшую пищу нацистской пропаганде для превознесения социального строя, лично фюрера и его соратников, и помогали подстегивать народ к новым трудовым свершениям во имя возрождения Германии. Начиная с 1934 года, в Третьем рейхе начали проводить «Имперское профессиональное соревнование». Победителей соревнования чествовали, словно олимпийских чемпионов, а 1 мая приглашали в Берлин на личную встречу с вождем. Число людей, вовлеченных в подобные производственные состязания, постоянно росло: с 500 000 в 1934 году до 3 500 000 в 1939-м. В массы были брошены хлесткие лозунги, такие как «Труд — это капитал». К тому времени отошедший от Гитлера Фриц Тиссен язвительно комментировал сей популистский шедевр, не понимая его глубокой пропагандистской подоплеки: «Все те пышные лозунги вроде «Труд — капитал» внесли свой вклад в разрушение немецкой экономики. Поскольку их непрерывно повторяли люди, коих вполне можно было считать здравомыслящими, в конце концов, в них поверили. Во время поездки в Бразилию даже посол Риттер сказал мне тоже: «Труд — капитал». Я был ошеломлен, ведь Риттер много лет был начальником экономического отдела МИДа. Как он мог одобрять такую чушь?» (24) Не чушь, а подмена понятий, дезориентация масс и нивелирование классовых противоречий.

Одновременно Гитлер не уставал повторять, что национального возрождения можно достичь только социальными мерами на основе национализма. Национальной идеей, которую он проповедовал, стало создание бесклассового общества по признаку расовой принадлежности, уничтожения такого, на его взгляд, зла, как партийная система, и решение «еврейской проблемы».

«С помощью какого принципа может быть лучше всего достигнута социальная справедливость и гармония экономических интересов с учетом естественных различий между людьми? Ответ Гитлера являлся следующим: наиболее справедливое и успешное решение даст принцип социалистической эффективности, основанный на равных

для всех условиях экономического соревнования. Следовательно, он требовал равных условий для всех, упразднения каких-либо классовых привилегий, лишения состоятельных слоев общества преимущественного права на образование, ликвидации нетрудовых доходов, «подавление ростков материальной заинтересованности». В его экономической мысли труд, который, в свою очередь, порождает труд, заменяет золото; на смену капиталистическому интересу он выдвинул экономическую производительность труда человека» (25).

В 1939 году ускоренная милитаризация вела к одностороннему развитию экономики. Военные расходы Германии с 1934-го до 31 августа 1939 года составили 60 млрд. марок из 101,5 млрд. марок общих бюджетных расходов (т. е. 59,1%). А число рабочих в промышленности (включая аннексированные Австрию, Чехию и Моравию) превышало число рабочих, занятых в промышленности Англии и Франции вместе взятых. Неподъемные, по сути, военные расходы на фоне огромных социальных обязательств привели нацистское государство на грань финансового краха.

Опасаясь банкротства режима, чреватого серьезными последствиями для мировой экономики, едва начавшей оправляться после Великой депрессии, международные (в первую очередь английские и американские) банки оказали помощь национал-социалистам в преодолении финансового кризиса. Для начала они отдали им золотой запас оккупированной нацистами Чехословакии. В начале апреля 1939 года Банк международных расчетов выдал Германии 5 миллионов фунтов стерлингов чехословацкого золота (из 24 миллионов фунтов стерлингов, хранившихся в Английском банке и Банке международных расчетов) (26). Помощь международных банкиров временно облегчила положение Германии, казна которой к тому времени оказалась совершенно пуста. Но чтобы окончательно выправить ситуацию, фюреру срочно требовалось получить экономическое доминирование в Европе, позволяющее эксплуатировать ее ресурсы, либо взять то же самое силой. Другого выхода он не видел.

В конце 1930-х годов Германия занимала третье место в мировой торговле после США и Англии. Выступая 30 января 1939 года в берлинском «Спортпаласте», Гитлер прямо признавал: «Германия должна экспортировать или умереть». До 1914 года около 43% всего ввоза Германии составляла продукция, приобретенная ею вне Европы и доставляемая морским путем. В годы Первой мировой войны утрата возможности импортировать необходимые стратегические товары тяжело отразилась на экономике Германии. Учитывая полученные горькие уроки, послевоенные усилия Германии были направлены на то,

чтобы изменить направление своей внешней торговли и направить ее основной вектор на юго-восток Европы.

Из продукции стран Юго-Восточной Европы особую ценность для Германии представляли нефть, цветные металлы и продукты питания. Румыния — единственный в Европе крупный производитель нефти. Югославия занимала первое место в Европе (после СССР) по добыче меди, являлась важнейшим поставщиком в Германию бокситов, свинца, цинка, хрома. Венгрия имела богатейшие в Европе запасы бокситов, Греция — залежи никеля.

Кроме видов на природные богатства и рынки малых государств Восточной и Южной Европы, Гитлер не забывал о Советском Союзе: «Самой важной вещью в следующей войне будет захватить контроль над ресурсами зерна и продовольствия в западной России». Я ужаснулся. Розенберг и компания снова были у него в фаворе. Розенберг, который говорил по-русски лучше, чем по-немецки, обладал огромным влиянием на Гитлера и его соратников, когда начинал продвигать эту антибольшевистскую и антирусскую линию. Любой, кто считал себя экспертом по России, мог петь такого рода песню в партии целыми днями, а Розенберг был самым ярким сторонником этой идеи. За всеми их доводами стояло желание вернуть свои потерянные земли в Прибалтике» (27).

Ханфштангль упрощает. Вековые традиции колонизации Востока никак не зависели от желания Розенберга наказать большевистских обидчиков. Например, ведущий геополитик Германии того времени Карл Хаусхофер предполагал, что мировое лидерство постепенно должно перейти от атлантических государств к континентальным державам и, прежде всего, к Германии. Достижение цели предполагало расширение жизненного пространства для немцев, что неизбежно подталкивает перенаселенную Германию к территориальной экспансии на Восток. В Германии теория Хаусхофера стала необыкновенно модной, и Гитлер активно использовал положения его геополитики в качестве научного обоснования нацистской экспансии. В частности, он заимствовал у Хаусхофера его любимое выражение: «пространство, как фактор силы». В тексте «Майн Кампф» дословно говорится следующее: «Все мы теперь понимаем, что нам предстоит еще очень большая и тяжелая борьба с Францией. Но эта борьба была бы совершенно бесцельна, если бы ею исчерпывались все стремления нашей иностранной политики. Эта борьба с Францией может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, поскольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только

Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» (28).

То, что Советский Союз должен рассматриваться как объект экономической эксплуатации, ни у кого не вызывало сомнений. По мнению Карла Крауха (руководителя имперского ведомства экономического развития и председателя наблюдательного концерна «И. Г. Фарбениндустри»), которое совпадало с оценкой большинства экспертов, захват ресурсов России и Украины представлял неперемнное условие для успешного ведения войны Германией. Он представил масштабный «Общий план для Украины», который намечал ее экономическое освоение в германских интересах в рамках десятилетней программы. Подобные планы реализовывались во всех захваченных нацистами странах.

Погоня за прибылью любой ценой началась еще в аннексированной Австрии, которую, после присоединения к Третьему рейху, наводнили немецкие промышленники и банкиры, за бесценок скупая заводы и фабрики, конфискованные у евреев или противников нацистского режима. Именно там, в Австрии, финансовый директор Третьего рейха Ялмар Шахт гордо заявил: «Рейхсбанк всегда будет только национал-социалистическим, иначе я отказываюсь им управлять». После войны Шахт, да и другие финансовые воротилы были благосклонно оправданы судом, а значит, экономический грабеж вплоть до наших дней остался ненаказуем.

После поражения Франции в 1940 году мощную металлургическую и сталелитейную промышленность Лотарингии разделили между собой концерны «Герман Геринг», Флика, Клекнера, Рехлинга, Штумма. Французские авиационные заводы захватила компания «Юнкерс». В Польше оккупационная власть передала германским концернам 294 крупных, 9 тысяч средних и 76 тысяч мелких торговых фирм. В Норвегии захватчики конфисковали 80% рыболовного флота и т. д. и т. п. Как следствие, доходы крупнейших немецких компаний в 1941 году были в 15,7 раза выше, чем в 1933-м, и в 1,85 раза выше, чем в 1938-м (29).

Естественно, в Советском Союзе продолжалась та же практика. Дело доходило до официальных жалоб: «Представители крупных фирм следуют по пятам за войсками и требуют передачи им захваченных предприятий и сырья. Крупн, Рехлинг и другие магнаты тяжелой промышленности претендуют на львиную долю, ссылаясь на заслуги перед отечеством». (30).

Даже элитные нацистские организации стали заниматься коммерческой деятельностью. Своеобразного, впрочем, толка. Когда Гиммлер посетил концлагерь Освенцим, в его свите находилось несколько представителей одного из крупнейших химических концернов

«И.Г. Фарбениндустри». После того как выяснилось, что завод по производству каучука испытывает недостаток в рабочей силе для увеличения производства, руководитель СС распорядился создать по соседству с Освенцимом новый лагерь, находящийся исключительно в ведении «И.Г. Фарбениндустри». Так возник рабочий лагерь «Моновиц».

Рацион для заключенных, работавших на строительстве, состоял из одного литра жидкого супа, 375 граммов хлеба и 8 граммов маргарина. Рабочие носили деревянную обувь, мыло им вообще не выдавалось. Средняя продолжительность жизни этих рабов составляла два месяца. В качестве компенсации за даровую рабочую силу «И.Г. Фарбениндустри» выплатил в течение двух с половиной лет в кассу СС 20 миллионов марок. Прибыль же от труда заключенных составила более 330 миллионов марок (31). Фантастически выгодный бизнес.

Двигателем войны являются экономические расчеты. А далее начатая война умеет кормить себя сама. Из общих военных расходов Германии, составивших 683 миллиардов марок, значительная часть (87 миллиардов) вообще покрыта за счет платежей других государств. Каковы же были формы этого изысканного грабежа? (Направленного, кстати, на благо немецкого народа).

а) Германские кассовые кредитные билеты — средство платежа на оккупированных территориях;

б) оккупационные издержки (контрибуция);

в) клиринговые расчеты с оккупированными областями, союзными и дружественными государствами. В многосторонний клиринг входили все оккупированные и союзные государства, плюс такие торговые партнеры, как Швеция, Швейцария, Турция, Испания и Португалия. Они вступали между собой в экономические отношения только через центральную клиринговую расчетную кассу в Берлине. Причем, расчетная палата старалась денег принимать значительно больше, чем выплачивать, постепенно накапливая долги, которые никто не собирался закрывать (32);

г) матрикулярные взносы (для некоторых оккупированных стран за право пользоваться транспортом, почтой, телеграфом и т. п.) и взносы союзных с Германией государств (33).

Весь этот комплекс экономических взаимоотношений настойчиво подавался нацистской пропагандой как прообраз объединенной Европы — вековой мечты европейцев. И многие верили. Верят и сейчас.

В Третьем рейхе был даже создан ряд государственных учреждений для управления «Новой Европой». Например, 20 октября 1940 года «Фёлькишер беобахтер» сообщала немецким читателям, что в Варцбурге учредили специальный институт, который разрабатывал

проблему «строительства общеевропейской экономики под немецким руководством». Здесь изучались вопросы «новой организации» европейского сельского хозяйства, создания «общеевропейской» промышленности, немецкой политики «заработной платы и цен в Европе как фундамента европейской экономики» (34).

Очевидец тех давних событий — американский журналист Уильям Ширер пронизательно заметил: «Их долгосрочный план состоит не только в том, чтобы вечно держать подчиненные европейские народы безоружными, но и в том, чтобы сделать их экономически зависимыми от Германии. Поэтому тяжелые и высокотехнологические производства, которые пока действуют в поработанных странах, будут сосредоточены в Германии. Поработанные народы станут производить сырье и продовольствие для немецких хозяев» (35). Ну что тут еще скажешь?

15. Социальная политика

Те, может, не совсем относящиеся к сфере публичной пропаганды вещи, которые были рассказаны во второй части предыдущей главы, необходимо знать, поскольку часто рядовые граждане не понимают тайных пружин принятия экономических решений. Но именно от подобных непубличных действий зависит то, что они ежедневно ощущают на себе — уровень их жизни.

Мы должны признать, что во время расцвета нацистского режима, пришедшего на середину тридцатых годов прошлого века, многое было сделано для благополучия немецкой нации. Конечно, в национал-социалистическом понимании необходимого блага. «Кто сравнивал ужасы минувших лет, беспорядки, бесчинства, безработицу, произвол СА и унижения во внешней политике с впечатляющей контрастирующей картиной уверенного в своей мощи порядка, которая развертывалась теперь на парадах или партийных съездах, лишь с большим трудом обнаруживал свои заблуждения» (1). Можно ли людей строго осуждать за это? После многих лет лишений люди просто хотели стабильности, возможности реализовать свои способности при новом порядке вещей и получить за достижения общественное признание.

Если верить психологам и социологам иерархия ценностей рядового человека выглядит так: в самом низу — физиологические потребности (питание, питье, одежда, жилище, отдых и т. д.), потом — потребность в самосохранении (безопасность, здоровье), потребность в любви (привязанность, духовная близость, отождествление себя с другими, потребность принадлежать к некой общности), потребность в уважении (чувство собственного достоинства, престиж, одобрение со стороны общества) и, наконец, потребность в самоутверждении (самореализация,

самовыражение) (2).

На сто процентов удовлетворить все интересы невозможно, но если удерживать основную массу в комфортном решении первой части означенного списка, то со второй можно повременить либо минимизировать данные требования. Чему, в общем-то, и была посвящена социальная политика нацистов.

Ее истоки нужно искать еще в 1920-х годах, когда нацисты организовали кассу взаимопомощи НСДАП, страховавшей всех бойцов штурмовых отрядов. Страхование оказалось начинанием полезным, поскольку в ходе уличных столкновений дело нередко доходило до побоищ, заканчивавшихся травмами участников. Кстати, ведал страхованием штурмовиков молодой Мартин Борман. Советские пропагандисты часто утверждали: дескать, штурмовики были в основной своей массе мелкими лавочниками и деклассированными элементами, что не соответствует действительности. В рядах СА состояли 200 тысяч рабочих, а среди членов НСДАП их доля составляла 28% (почти в два раза больше, чем доля рабочих, состоящих в КПГ) (3).

Во времена Великой депрессии НСДАП резко усилила свое влияние именно среди пролетариата, и на выборах 1930 года за нацистов проголосовали 2 миллиона рабочих. Таким образом, когда национал-социалисты пришли к власти, в их рядах были весьма популярны идеи социальной справедливости. Соответственно — пропагандисты режима умело демонстрировали, что он не являлся господством одного социального слоя над всеми остальными, и во многих аспектах жизни общества режим реально проявлял свой внеклассовый характер.

Основной проблемой, стоявшей перед Германией того времени, являлась массовая безработица. Сразу же после захвата власти режим начал энергично проводить мероприятия, направленные на создание вакансий для миллионов безработных мужчин, в том числе и за счет существенного сокращения женской занятости. Женщин принуждали уступить свои рабочие места в обмен на брачные ссуды, детские пособия и другие социальные льготы. Уже в июне 1933 года правительство стало выдавать молодоженам беспроцентные ссуды в 1000 марок (для сравнения — промышленный рабочий получал 120 марок в месяц; 1 килограмм свинины — 1 марка, дом на семью — 6800 марок). Одним из условий получения ссуды был уход невесты с постоянного места работы (4). Так, табачная фирма «Реемстма» премировала своих работниц 600 марками, если они увольнялись после вступления в брак.

Десятки ранее соперничавших между собою профсоюзов нацисты насильно объединили в «Германский трудовой фронт», куда вошел также и «Союз предпринимателей». Пропаганда заговорила о «прекращении

классовой борьбы в Германии»: в «Трудовом фронте» в качестве рабочего рассматривался каждый, кто нанят на любую работу. При этом в уставе организации ясно указывалось: «"Германский трудовой фронт" является одной из организаций национал-социалистической партии», что, естественно, подразумевало и партийную дисциплину, и партийное руководство. Уже в 1934 году новая организация насчитывала в своих рядах 23 миллиона работников и предпринимателей.

Среди концептуальных наследников идеи социального симбиоза можно вспомнить политику «экономического партнерства» между бизнесом и трудящимися, которую проводил президент США Рейган. Хотя, как при Рейгане, так и при Гитлере, бизнесмены в накладе не остались. После установления фашистской диктатуры предпринимателей освободили от отчислений в фонд социального страхования, забастовки запретили, каждый владелец предприятия получил статус местного вождя — «фюрера производства» (работники именовались «следующие за лидером»). В феврале 1935 года власти ввели в практику «трудовые книжки», и ни один рабочий не мог быть принят на работу, если ее у него не имелось. Кроме того, правительство заморозило заработную плату рабочих на уровне 1929 года. Для бизнеса это означало, что рабочие руки стали значительно дешевле.

Естественно, было странно, если имеющий такой мощный пропагандистский потенциал режим не использовал бы сплочение людей на добровольно-принудительной основе для организации масс в духе преданности новой власти. Уже с апреля 1934 года можно говорить о всеобщей трудовой повинности для молодежи. Национал-социалистическая пропаганда утверждала: «Служба труда — это не учеба, это — жизнь. Не теория, а настоящее переживание». Притом делалось различие между «правильным» и «неправильным» подходом к прохождению «трудового года». Правильно — означает проходить практику с радостным сердцем, в переживании ощущения сопричастности к великому делу. Во главу угла ставился дух товарищества, преданности друг другу и взаимовыручки (5). «Сегодня»³¹ Гитлер впервые представил народу свой «Трудовой фронт», и это оказалась хорошо подготовленная полувоенная организация фанатично настроенной нацистской молодежи. Стоя в лучах утреннего солнца, искрящегося на их блестящих лопатах, пятьдесят тысяч юнцов (первая тысяча была обнажена до пояса) заставили немецких зрителей зареветь от восторга, когда неожиданно начали маршировать настоящим гусиным шагом: в то утро я впервые почувствовал, какую тайную струну затрагивает этот шаг в странной душе немца» (6).

Уже к началу 1934 года экономика Германии начала уверенно оживать

³¹ Имеется в виду партийный съезд в Нюрнберге в сентябре 1934 года.

и дала возможность вплотную заняться социальной сферой. Ликвидация политических и внутрипартийных противников, мощнейшая пропагандистская поддержка правительственных начинаний, искреннее желание граждан Германии участвовать в возрождении державы «все больше увлекали каждого отдельного индивида на форум национальных спектаклей». Очевидец отмечал: «Все деяния Адольфа Гитлера пропагандистские. Национал-социалистическая Германия создала совершенно новые методы пропаганды и использует их с огромной эффективностью, основываясь на глубоком знании психологии масс. Все, что он делает, он делает не ради народа, а ради рекламы. По этой причине его «социальная» политика в основе своей фальшива» (7).

Тем не менее, мощная идеологическая обработка населения, которая проводилась под лозунгом «Общие интересы выше личных», приводила к анестезии сознания, и урезание своих гражданских прав народ воспринимал довольно спокойно. Если человека долго убеждать в необходимости жертвы ради своего народа, во имя будущего нации, он рано или поздно согласится. Да и альтернативы не существовало — популярная в народе политика нацистов в области занятости окончательно разрушила остатки верности рабочего класса коммунистическим идеалам. Приходилось слышать, как рабочие, лишённые права создавать профсоюзы, после сытного обеда шутили: при Гитлере право на голод отменено (8). И нацистские осведомители, и антифашистские подпольщики единогласно сообщали, что немцы испытывают искреннюю благодарность режиму за ликвидацию безработицы, а позже — и за выход из ненавистного Версальского договора.

Теперь сверхзадача Гитлера состояла в том, чтобы отвлечь массы наемных работников, получающих жалованье «живыми» деньгами, от рынков. Вместо того, чтобы предложить им высококачественные товары и продукты питания (многие из которых ввозились в страну за дефицитную иностранную валюту), он убеждал людей покупать по доступным ценам нематериальные блага — развлечения, путешествия, искусство, а также недвижимость. Народу предоставлялся широкий доступ в лучшие театры, концертные залы и музеи.

30 января 1934 года по предложению Роберта Лея, руководителя «Германского трудового фронта», была создана организация по проведению досуга под вычурным названием «Сила через радость», занимавшаяся проблемой досуга, воспитания и улучшения условий работы для трудящихся. Шпеер вспоминал: «Мне было поручено возглавить там отдел «Эстетика труда». Сперва мы постарались воздействовать на фабрикантов, чтобы те заново переоборудовали фабричные корпуса, а в цехах всюду расставили цветочные горшки:

мы предложили увеличить площадь окон, учредить столовые, и не один замусоренный угол превратился в место, где можно отдохнуть и посидеть во время перерыва³². Потом мы спроектировали простую, хорошей формы стандартную посуду» (9).

Реальными улучшениями условий труда наслаждались не только работники, непосредственно занятые на производстве. В растиражированных кадрах кинохроники аналогичные многочисленные достижения производили неизгладимое впечатление на всю германскую аудиторию как пример истинной заботы режима о благе трудящихся. Главное, данная работа велась методически и заинтересованно. «Мне было велено соорудить барачный лагерь для рабочих только что начатого строительства автострады. С приличными кухнями, прачечными и душевыми, с клубным залом и комнатами, каждая на две кровати. Гитлер вникал в мельчайшие детали этого образцового сооружения и велел сообщать ему о реакции рабочих» (10).

Эта деятельность продолжалась и во время войны. Когда в связи с призывом большинства мужчин на фронт в промышленные цеха стали массово приходить женщины, производственный процесс был тщательно выверен, а заводские машины приспособлены к слабой физической силе женщины; возле станков даже начали устанавливать сиденья.

Другой важной обязанностью «Силы через радость» стала организация досуга трудящихся и развитие туризма. «Рабочий видит, что мы всерьез относимся к росту его социального положения. Он видит, что не только так называемому «образованному классу», с которым мы связываем представление о новой Германии, но и ему, германскому рабочему, мы стремимся показать мир. Через несколько лет рабочий человек избавится от чувства неполноценности, которое он унаследовал от прошлого» (Роберт Лей) (11). Для достижения этой цели организация получала огромные правительственные субсидии (24 миллионов марок в 1933-1934 годах, 17 миллионов в 1935-м, 15 миллионов в 1936 году).

Многие миллионы людей впервые в жизни смогли провести полноценный отпуск, в том числе на отечественных курортах и за рубежом. На побережье и островах Северного и Балтийского морей были обустроены огромные пляжи, а на известном курорте Рюген Гитлер приказал построить грандиозный отель на 25 тысяч человек. В зимнее время устраивались специальные поездки на лыжные базы в Баварских Альпах, что обходилось отдыхающим 11 долларов в неделю, включая проезд на автобусе, жилье, питание, прокат лыж и занятия с инструктором.

Из 10 миллионов человек, которые до начала войны воспользовались туристическими услугами «Силы через радость», почти каждый

³² Обеденный перерыв длился полтора часа.

двадцатый провел свое путешествие за границей. Нацистская Германия разрешала всем гражданам, кроме нескольких тысяч «невъездных», покидать пределы рейха. Нацистское государство демонстративно игнорировало опасность того, что на среднего немца, посещающего демократическую страну, антифашистская идеология подействует разлагающе. В 1938 году не менее 50% трудящихся Германии смогли поехать куда-нибудь во время отпуска или праздничных дней, в их числе 180 тысяч немцев, которые побывали за границей (12).

«Сила через радость» владела двумя первоклассными океанскими лайнерами, специально построенными для ее нужд. Круиз на остров Мадейра стоил всего 25 долларов, включая проезд по железной дороге до немецкого порта и обратно. Ну и конечно, пассажир на судне фактически попадал в зависимость от гостеприимных хозяев, которые были не прочь этим воспользоваться: вся культурная программа на теплоходе, начиная от утренней гимнастики заканчивая ночным пением народных песен, служила идее укрепления национального единства.

Сам Гитлер в мирное время дважды совершал круизы по Северному морю на одном из кораблей, принадлежавших организации «Сила через радость». Он побывал на островах Гельголанд и Боркум, где жил и развлекался наравне с остальными пассажирами судна. Так и представляется фюрер, который вместе с другими пассажирами демократично горланит народные песни над ночным морем.

Не простаивали в стороне от общего дела и немецкие железные дороги. В 1934 году железные дороги получали от туристических поездок всего около 7 миллионов марок. А уже через год организация смогла привлечь 3 миллиона туристов, которые выложили в кассы железных дорог 68 миллионов марок. Заработанные деньги пошли — обратите внимание — на развитие сельского хозяйства! «Народ, отдыхая, не просто тратит деньги, а направляет их на помощь сельскому хозяйству» (13).

Гebbельс, отвечавший и за развитие туризма, также хотел привлечь в Германию поток иностранных туристов. 14 июня 1938 года он лично участвовал в закладке Германского дома туризма в Берлине. В своей речи по этому поводу он восхвалял красоту немецкой природы и зазывал иностранцев почаще приезжать в Германию. «В стране процветал туризм, принося ей большое количество столь необходимой иностранной валюты. Иностранец, будь он каким угодно противником нацизма, мог приехать в Германию и смотреть, изучать все, что он хотел, за исключением концлагерей и, как во всех других станах, военных объектов. И многие приезжали. И, если возвратясь оттуда, не становились приверженцами нацизма, то, по крайней мере, начинали терпимо относиться к "Новой Германии"». (Уильям Ширер)

В предвоенной Германии множество вещей могло поразить приезжавших иностранцев. Улицы сияли чистотой, нигде не было безработных или нищих, транспорт прекрасно организован. До сих пор существует поговорка, что Гитлер «заставил ходить автобусы по расписанию» (14).

А некоторые достижения остаются актуальными и до ныне. Так, еще 18 января 1934 года по инициативе Геринга в Пруссии был принят охотничий закон, вызвавший восхищение далеко за пределами Германии: он предусматривал, например, уголовное наказание за убийство орла, применение в охоте яда или стальных капканов. Национальный парк Шорнхайде, в котором в то время охотилась верхушка Третьего рейха, стал предшественником национальных парков в других странах (15).

В Германии насчитывалось несколько десятков тысяч клубов, занимавшихся буквально всем, начиная с шахмат и футбола и кончая певчими птицами, но не разрешалось существовать ни одной группе, иначе как под контролем организации «Сила через радость» (которую, между прочим, Международный олимпийский комитет тогда же наградил специальным кубком). Кроме того, «Сила через радость» имела свой собственный симфонический оркестр в составе девяноста человек, который постоянно гастролировал по стране, часто давая концерты в небольших городах и селеньях, где серьезная музыка была, как правило, труднодоступна.

Любопытно отметить, что созданные в городских администрациях тысячи новых должностей способствовали расцвету городской ресторанной культуры. «Белые воротнички» могли себе позволить активно посещать рестораны и кафе, которые поддерживали и развивали кулинарные достижения за счет продуктов, которые не нормировались, — рыбы и дичи. Многим немцам тридцатые годы запомнились как бесконечная череда праздников, и это не удивительно. В состоянии грандиозного опьянения массовых праздников люди чувствовали, что на их глазах вершится история. Мало кто из них задумывался, что «когда-нибудь чудовищная инфляция, давно существующая в нацистской Германии, станет очевидной и в результате возникнут колоссальные трудности» (16).

К осени 1936 года с безработицей было покончено: почти каждый трудоспособный имел работу. Теперь возникла другая проблема — нехватка рабочей силы. Наибольший спрос на квалифицированную рабочую силу существовал в металлообрабатывающей промышленности, непосредственно удовлетворявшей нужды вермахта. В связи с ростом военного производства в машиностроительной

отрасли происходило удлинение рабочего дня, который официально достигал 50,8 рабочих часа в неделю. Распоряжением генерального уполномоченного по четырехлетнему плану Геринга с 12 марта 1939 года рабочий день углекопов увеличился с 8 часов до 8 часов 45 минут.

В 1939 году в промышленности не хватало 631 тысяч рабочих мест, а в ключевых областях, таких как металлургия или производство боеприпасов, работодателям было приказано не отдавать работнику при увольнении трудовую книжку. Программу сокращения рабочих мест для женщин пришлось срочно корректировать: женская занятость в 1933 году составляла 35%, а накануне войны выросла до 37%.

Дефицит кадров не могло восполнить даже то, что полтора миллиона крестьян в период 1934-1939 годов, невзирая на официальную пропаганду, воспевавшую прелесть жизни на природе, оставили село ради города и пополнили ряды пролетариев. При этом в Германии зарплата оказалась ниже, чем в любой развитой капиталистической стране, а забастовки строго запрещены.

На многие предметы потребления правительство установило нормы, а покупательная способность населения обеспечивалась системой твердых (низких) цен. В 1936 году была введена специальная должность комиссара, который не только контролировал, но и устанавливал цены на важнейшие товары. Повышение цен запрещалось законом и допускалось лишь в исключительных случаях и по разрешению этого комиссара. Чтобы сделать продукты питания дешевле, правительство ввело специальные надбавки к заработной плате.

Добавляя одним, государство активно забирало у других. Например, частным фирмам приходилось сдавать всю иностранную валюту, а каждого гражданина принуждали выплачивать взносы в различные нацистские благотворительные организации, главным из которых являлось общество «Зимняя помощь» («Винтерхильфе»).

Начиная с 1933 года, Геббельс ежегодно проводил благотворительную кампанию под девизом борьбы с голодом и холодом. Начало кампании по сбору средств отмечалось как День национальной солидарности. Эти ежегодные акции были результативны, поскольку проводились чрезвычайно энергично и с невероятным размахом. Представители Гитлерюгенда, «Союза немецких девушек», «Трудового фронта», СА, СС и прочих нацистских организаций ходили по домам и улицам — для того, чтобы, к примеру, обменивать на жертвования безработным искусственные эдельвейсы (якобы любимый цветок Гитлера), подсолнухи, брошки из янтаря, сувенирные коробочки с землей Мемеля и Саара.

«Сотрудники рейхсканцелярии установили несколько пунктов

сбора на Унтер-дер-Линден, — вспоминала об одной из таких акций секретарь Гитлера Криста Шредер. — Мы смогли насобирать примерно десять полных коробок. В тот вечер все артисты и артистки, которые принимали участие в сборе помощи, были приглашены в качестве гостей в рейхсканцелярию. Гитлер обычно клал чек на 100 марок в ящик для сбора пожертвований, который был в руках у мужчины, и чек на 1000 марок в ящик в руках женщины. Естественно, на этой церемонии присутствовали представители прессы и фотографы... поскольку этот день предполагалось широко осветить во всех газетах, журналах и даже кинохронике» (17).

Особым успехом среди жертвователей пользовался Герман Геринг. Он располагался у парадного входа в Министерство авиации и балагурил с прохожими, которые бросали монеты в его коробку. Люди выстраивались в длинные очереди, чтобы отдать Герингу свои гроши. Не пользовавшийся подобной популярностью Геббельс обычно стоял у гостиницы «Адлон». Когда к нему все-таки подошел репортер, желавший взять интервью, Геббельс раздраженно отказался: «Прошу вас, не надо, сегодня не мой день, а народа» (18). Естественно, участвовали в благотворительных акциях и представители крупного капитала. Например, промышленник Сименс устраивал частные концерты, на которых сам дирижировал симфоническим оркестром, чтобы собрать средства на благотворительность. В фонд помощи удерживалось также 10% от заработка рабочих в зимнее время. Кроме того, каждое воскресенье трех зимних месяцев вместо обычной трапезы из нескольких кушаний, немцы получали набор лишь из одного блюда, за который платили стоимость полноценного обеда.

На улице в такие дни иногда устанавливали специальные деревянные щиты, в которые за соответствующую плату прохожие могли забивать гвозди с разноцветными шляпками; когда забивали последний гвоздь — получался какой-нибудь партийный символ. Отказаться от предложения забить подобный гвоздь и продемонстрировать, таким образом, свою нелояльность было неосмотрительно, а подчас и стыдно, ибо сбор средств шел под лозунгами «Никто не должен голодать», «Никто не должен мерзнуть». Каждый день кампании «Фёлькишер беобахтер» выходила с крупно набранными заголовками, сообщая о количестве собранных денег.

Как средство воздействия на неосознательных граждан использовались «Доски позора» — выставлявшиеся в людных местах особые витрины, где вывешивались списки тех, кто, «имея финансовые возможности», тем не менее, отказывался делать взносы в фонд «Зимняя помощь». Во время кампании власти старались разрешить и проблему нищенства: плакаты призывали «говорить «нет» попрошайкам» и жертвовать вместо этого

деньги во все тот же национальный благотворительный фонд «Зимняя помощь».

Интенсивная пропаганда и пробужденное ею искреннее желание помочь ближнему давали свои плоды. Особенно это чувствуется в сравнении с другими странами. К примеру, за пять месяцев войны в пользу английского Красного Креста британцы собрали только 1 миллион фунтов стерлингов (10 миллионов рейхсмарок). В Германии же только в один из декабрьских дней 1938 года фонд «Зимняя помощь» за несколько часов собрал 15,8 миллион рейхсмарок (19). Каждую зиму нацисты в рамках благотворительной кампании получали несколько сот миллионов марок, часть из которых негласно расходовалась на вооружение и партийные нужды. Но, в основном, средства уходили по назначению — закупку угля и продуктовых посылок для нуждающихся. Так, в 1937 году около 10 миллионов человек получили посылки или наличные деньги.

Помогать действительно было кому. Избавиться полностью от последствий Великой депрессии в течение двух или трех лет нереально при любых темпах преобразований. Даже в условиях почти полной занятости населения более 10 миллионов человек (или 16% населения) по-прежнему получали посылки или пособия по программе «Зимняя помощь». Между 1927 и 1937 годами в рабочих семьях Германии потребление мяса снизилось на 18%, жиров — на 37%, белого хлеба — на 44%. Многие бедные немцы воспринимали социальную помощь как личное благодеяние именно Гитлера: «Мы были коммунистами. Но когда ты четыре года остаешься безработным, ты становишься радикалом. Уже два года муж работает в Тогинге. Посмотрите, теперь фотография фюрера висит в нашей когда-то коммунистической лачуге, и под этой фотографией я научила свою девочку молитве «Отче наш». Я, которая рассталась с церковью в 1932 году. Каждый день моя дочка произносит «Отче наш» перед фюрером, потому что он дает нам насущный кусок хлеба» (20).

Семьи получали поддержку и таким способом: шесть раз в год проводились общенациональные праздники — т. н. «дни горшочка с мясом», во время которых раздавались бесплатные обеды. Нацистские лидеры, используя эти мероприятия в пропагандистских целях, часто усаживались за расставленные на улицах столы и принимали пищу вместе с простыми людьми.

«Одно блюдо для всех, народная общность в сфере самого повседневного и необходимого, та же простота для богатого и бедного ради отечества, самое важное, заключенное в самом простом слове! «Айнтопф — все мы едим только то, что скромно сварено в одном горшке, все мы едим из одного и того же горшка». Пусть слово «Айнтопф» издавна было известно как кулинарный *terminus technicus*, все же нельзя

не признать гениальным, с нацистской точки зрения, внедрение такого задушевного слова в официальную лексику ЛТГ («Языка Третьего рейха». – К.К.). В той же плоскости лежит и словосочетание «зимняя помощь». То, что на деле было сдачей по принуждению, ложно толковалось как добровольное, дарованное от всего сердца». В целом, можно согласиться с автором цитируемых горьких строк Виктором Клемперером. Несмотря на общенациональный казенный энтузиазм, помощь соотечественникам не обогащала рядовых немцев — налоги и всяческие взносы составляли от 15% до 35% общего заработка рабочего.

В более поздние годы проект «Зимняя помощь» служил в первую очередь для обеспечения деньгами и вещами фонда помощи одиноким матерям «Мать и дитя». Из собранных зимой 1939/40 года 681 миллионов марок 434 были переданы фонду «Мать и дитя». Однако общенациональные проекты не мешали отдельным нацистским организациям устраивать и поддерживать собственные благотворительные акции. Так, эсэсовский журнал «Черный корпус» на своих страницах проводил рекламную кампанию другого проекта — «Источник жизни» («Лебенсборн»), которая проходила под девизом «Охранные отряды собирают строительные камни для возведения материнских домов». Данная кампания принесла в итоге 100 тысяч рейхсмарок.

Кроме того, для постоянной поддержки «Лебенсборна» и «Аненербе» (научный институт «Наследие предков») была основана собственная эсэсовская фабрика, которую возглавлял Антон Лойбль. Ежегодно доходы-пожертвования от ее работы составляли 100-150 тысяч рейхсмарок.

Кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает. Созданию праздничной атмосферы созидания и обновления страны содействовали такие пропагандистские акции, как проведение общенациональных торжеств. Насколько важна была организация праздников для нацистов, иллюстрирует создание специального Ведомства по организации торжеств, досуга и праздников. Также выпускался специальный журнал по их правильной организации — «Новая общность».

Итак, после новогодних празднеств следовало 30 января — День взятия власти. 24 февраля — День основания НСДАП. 16 марта — Национальный день траура (День памяти героев). 20 апреля — день рождения Гитлера. В этот день по всей Германии выставляли и вывешивали миллионы фотографий и портретов фюрера, устраивались грандиозные факельные шествия, происходили обряды посвящения.

1 мая с момента прихода Гитлера к власти стало Национальным днем труда. Стоит помнить, что в 1929 году в Берлине полиция веймарской

Германии расстреляла мощную первомайскую демонстрацию. 32 человека были убиты и умерли от ран, 150 ранены. Воспоминания о кровавом преступлении Веймарской республики были еще свежи в памяти народа, и назначение 1 мая государственным праздником имело глубоко символическое значение. В городах проходили торжественные марши рабочих колонн с развевающимися знаменами, а в сельской местности выступали фольклорные коллективы, устраивались народные танцы в национальных костюмах, проходило избрание королевы праздника. Французский посол Франсуа-Понсе: «На трибуну поднимаются баварские крестьяне, горняки, рыбаки в своем профессиональном одеянии. Все дышит хорошим, веселым настроением, всеобщей радостью, ничто не напоминает о принуждении» (21). Но не забывали нацисты и о материальной стороне дела. 1 мая на народных гуляньях в Темпльхофе собиралось до 1 миллионов человек, а за вход на праздник взималось по 2 марки.

Второе воскресенье мая, ближе ко дню рождения матери Гитлера — Материнское воскресенье. В этот день, во время всенародных торжеств, происходило награждение многодетных матерей Материнским крестом.

День летнего солнцестояния — разжигали огромные костры, в которые бросали венки в честь партийных «мучеников» и героев войны. Устраивались танцы, выступали хоровые коллективы, участники праздника прыгали через костры, устраивались факельные шествия. Партийные руководители к этой дате готовили особые «огненные речи».

Сентябрь — годовщина Имперского партийного съезда в Нюрнберге. Ежегодные торжества, кульминацией которых являлись фестивали в Нюрнберге.

Далее — День благодарения (День урожая). Отмечался в честь сбора урожая и как дань уважения германским крестьянам. Праздник благодарения за урожай проводился ежегодно в первую неделю октября в маленьком городе Бюкебурге.

9 ноября — годовщина «Пивного путча». Самая священная дата нацистского режима. Участники проходили улицами Мюнхена, повторяя свое тогдашнее шествие у Фельдхернхалле.

День зимнего солнцестояния (25 декабря) был введен, чтобы конкурировать с христианскими рождественскими праздниками, однако празднование самого Рождества не заменял.

Междубольшими нацистскими и местными народными праздниками проходили локальные мероприятия, заполнявшие будни: дни немецкой музыки, неделя немецкого театра, мюнхенские фестивали немецкого искусства и др. В пропагандистских целях нацисты использовали и некоторые национальные памятные даты: 26 мая — день гибели Лео

Шлаттера, 1 июня — годовщина Ютландского морского сражения, с 17 марта 1935 года стали отмечать день, когда в 1813 году королевским указом Пруссия была призвана к оружию (в этот же день Гитлер объявил о всеобщей воинской повинности), день рождения Фридриха Великого.

Были и второстепенные нацистские праздники — например, 28 марта объявлено в 1936 году «Немецким народным днем чести, свободы и мира». Естественно, что на всех этих празднованиях Гитлер присутствовать не мог, но всегда, как своеобразный алтарь и символ незримого присутствия на празднике вождя, на мероприятиях высились его бюсты.

К праздникам приурочивались различные поощрения и награждения. «В 1939 году Гитлер поручил главному сценографу рейха Бенно фон Аренту, который до той поры оформлял лишь оперы и оперетты, набросать эскизы орденов; такие ордена снискали бы успех на любой сцене» (22). Самое время вспомнить сентенцию Наполеона о том, что ордена — это побрякушки, но многие ради них готовы идти на смерть. С определенной натяжкой к таковым можно причислить участников «пивного путча», которых Гитлер наградил специальным «Блуторден» («Орденом крови»). Его удостоились 1500 нацистов, принимавших участие в «пивном путче». Он изготавливался из серебра, носился на правом лацкане, крепился к красной ленте с белой окантовкой. «Орденом крови» был награжден, к примеру, министр внутренних дел Вильгельм Фрик.

С 1938 года введена такая необычная для того времени награда, как Материнский крест, в День матери вручавшийся женщинам, родившим более четырех детей. Он имел три степени: 4 ребенка — бронзовая награда, 6 — серебряная, 8 — золотая. Надпись на оборотной стороне Материнского креста гласила: «Ребенок облагораживает мать». Женщинам, удостоенным награды, выдавали удостоверение с надписью: «Самое прекрасное в мире слово — мать». Предъявление удостоверения обеспечивало сидячее место в общественном транспорте, почет и уважение, а молодежь обязали приветствовать носительниц Материнского креста гитлеровским приветствием.

Награды были средством не только пропаганды определенных достижений и укрепления государственных институтов, но и инструментом международных отношений. Сколько денег пожертвовал американский промышленник и известный антисемит Генри Форд нацистской партии и жертвовал ли вообще, осталось, естественно, в тайне. Но, тем не менее, нацисты пожаловали Генри Форду к его семидесятипятилетию высший знак отличия, который присваивался иностранцам: Большой крест ордена Германского орла. (Кстати, об американцах. Помнится, относительно недавно после атаки на крохотный

остров Гренада бригада спецназа США численностью 6 тысяч человек подавила сопротивление нескольких десятков полицейских и кубинских добровольцев и получила за это — ни много ни мало — 8 тысяч орденов и медалей Соединенных Штатов). (23)

В отличие от бравых американских киновоjak и к большому несчастью для всего человечества, немцы тех лет действительно были прирожденными военными. Можно сказать, что они любили войну и, соответственно, очень точно понимали, что такое награда и зачем она. Основной их боевой наградой считался Железный крест разных рангов. Согласно принятым правилам, Железный крест вводился только с началом какой-либо крупной войны. С момента его учреждения это делалось трижды — в 1870-м, 1914-м и 1939 году. Сначала давался Крест второй степени, затем первой, после — на шею вешался Рыцарский крест. Затем к нему добавлялись дубовые листья, далее — мечи, и в конце — бриллианты. Как вершину абсурда можно вспомнить Рыцарский крест с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Куда уж дальше. Феноменальной награды удостоили лишь немецкого аса полковника Ханса-Ульриха Руделя.

Неожиданный ход — во время войны Геббельс инспирировал награждение передовых рабочих не гражданскими орденами (как это происходило у нас в стране), а боевыми Рыцарскими крестами, что имело весьма значительный пропагандистский успех.

Среди прочих наград можно отметить т. н. «Восточную медаль» — награду, присуждавшуюся военнослужащим, участвовавшим в боях на Восточном фронте во время Второй мировой войны. На солдатском жаргоне эту медаль называли «Орден мороза» или «Орден мороженого мяса» — в память о суровых климатических условиях России.

К 25 ноября 1942 года фюрер приказал разработать специальный орден за Сталинград. Приказ передали в 637-ю агитационно-пропагандистскую роту, военному художнику Эрнсту Айгенеру. В центре ордена Айгенер изобразил бункер с руинами волжского города, к которым обращено лицо мертвого солдата. Каску солдата обвивала колючая проволока (намек на Христа), а поперек всего проекта прямыми буквами было написано: «Сталинград». Проект был отклонен ставкой фюрера. «Слишком деморализующе», — гласила резолюция на краю проекта (24)³³.

Возвращаясь к социальной политике нацистов, можно сказать, что она пережила несколько этапов. Сначала стабилизация экономики позволила облегчить жизнь трудящихся, потом подготовка Германии к войне потребовала от общества новых усилий и, наконец, война. На первом ее

³³ На следующий день, 20 ноября 1942 года, в возрасте 37 лет военный художник Айгенер погиб. «Звезды вечны, но люди поступают так, будто завтра их здесь уже не будет», — написал он в дневнике за три часа до своей смерти.

этапе боязнь вызвать недовольство народных масс резким снижением уровня жизни заставляла правительство тратить на производство товаров народного потребления, выплату пособий участникам войны гораздо больше, чем тратили правительства прочих воюющих стран. Даже в разгар войны зажиточные берлинки всегда могли найти в магазинах «русскую икру, скандинавскую водку, карпатскую кабанину, датское сливочное масло, греческие оливки, югославские и голландские консервы» (25). Порой забота о народе принимала просто-таки гротескные формы. Так, по указанию берлинского гауляйтера и министра пропаганды Геббельса на берлинском вокзале партийные чиновники бесплатно раздавали зерно. В своем выступлении по радио Геббельс объяснял эту акцию так: «Партия столько раз сообщала гражданам плохие известия, столь много требовала от них, что будет только справедливо, если на сей раз она сделает для них что-то приятное» (26).

Только после того, как правительству удалось внушить немцам мысль, что война против СССР является борьбой немецкого народа за существование, оказалось возможным повысить социальные требования к немцам. В начале 1944 года главный орган нацистской партии «Фёлькишер беобахтер» писала: «Германия преодолела опасный момент в области военной экономики. Опасность эта заключалась в следующем: готово ли население на все время войны согласиться с существенным снижением своих доходов» (27).

Бюргеры согласились, но было уже поздно.

16. Государственный антисемитизм

Безусловно, антисемитизм являлся одним из стержней нацистской пропаганды, и этой темы мы постоянно касаемся в данной книге. Однако некоторые положения государственной пропаганды, построенной на юдофобии, следует отметить особо, ибо после прихода нацистов к власти антисемитские информационные поводы инициировало уже не националистическое движение, а само государство.

Для успешной манипуляции сознанием главный интерес представляет формирование неадекватного, иллюзорного страха. В этом отношении страх перед чужаком незаменим в руках власть имущих. Одной из главных опасностей для рейха — политических, экономических, расовых — было определено еврейство.

Как мы уже говорили, немецкий антисемитизм имеет весьма серьезные идеологические корни от Лютера до Рихарда Вагнера, которому принадлежат слова: «Еврей — это гибкий демон упадка человечества». Впрочем, великий композитор в своих философских рассуждениях пошел еще дальше: «Демократия — это вообще не

немецкое, а заимствованное понятие. Франко-иудейско-немецкая демократия — омерзительная вещь» (1). Позже евреи сыграли весьма значительную роль при создании т. н. Баварской Советской республики и продолжали активно действовать в области искусства, финансовой сфере, политической жизни и во времена Веймарской республики.

Немцы, активно подстрекаемые нацистами, пытались, в поисках внутреннего врага, изучить природу влияния евреев. К моменту прихода Гитлера к власти «Протоколы сионских мудрецов» издавались 33 раза. После Библии «Протоколы» оказались самой популярной книгой того времени. И, тем не менее, если верить сравнительной статистике актов антисемитизма и антисемитских высказываний в прессе Германии, Франции, Великобритании, Италии и Румынии между 1899 и 1939 годом, то оказывается, что до 1933 года немцы были одним из наименее подверженных антисемитизму народов Европы.

Влияние евреев на жизнь Германии носило весьма противоречивый характер, поскольку многослойной и разнообразной была жизнь самой еврейской общины Германии. Мирно жили добропорядочные еврей-буржуа, и после войны именно благодаря еврейским банкирам средние и мелкие предприятия Германии смогли добиться от американских банков необходимых кредитов на переоснащение — но среди молодежи случались и левацкие заскоки, и гремела революционная риторика, особенно в сфере искусства, что весьма травмировало традиционное народное самосознание, находившееся под впечатлением военного поражения и экономического развала страны. Иоахим Фест отмечал: «Постановка знака равенства между евреями и модерном и впрямь не была лишена оснований, равно и как утверждение об их особой приспособляемости к условиям капиталистической экономики, построенной на конкуренции» (2).

Сами немецкие евреи четко разделяли в своей среде представителей западного и восточного еврейства — сефардов и ашкенази соответственно. Еще в начале 1920-х годов еврейский банкир Варбург посоветовал президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. И позже, когда один из представителей американского бизнеса, собиравшийся просубсидировать Гитлера, засомневался и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил: «Гитлер — сильный человек, и он нужен Германии. Под евреями Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии» (3). Западноевропейские еврей-сефарды были не чужды того мнения, что нацистская машина готова действовать и в их интересах, изгоняя из страны чужаков-ашкенази. До ужаса «окончательного» решения еврейского вопроса оставалось всего десяток лет.

Хотя свои зубы режим показал довольно быстро. Уже 28 марта 1933 года НСДАП опубликовала призыв к бойкоту евреев: «Бойкот надо проводить не распыляясь, а одним мощным ударом. К нему надо тщательно готовиться. Даны указания СА и СС начиная с этого момента через почтовые отделения предостеречь население от участия в еврейской торговле. О начале бойкота будет дополнительно объявлено посредством плакатов, через прессу, листовки и т. д.» (4).

Через три дня, 1 апреля 1933 года, члены СА в униформе стояли перед входом в принадлежавшие евреям заведения и демонстрировали прохожим и потенциальным покупателям плакаты, гласившие, что «истинные немцы» не должны покупать у евреев: «Евреи всего мира хотят уничтожить Германию! Германский народ! Обороняйся! Не покупай у евреев!» Однако результаты бойкота оказались крайне разочаровывающими. Они показали, что навязчивые антисемитские меры вызывают у населения безразличие или прямую враждебность.

Тогда борьба с еврейским влиянием перешла из публичной политики в сферу непрекращающегося бюрократического давления. Шаг за шагом евреи вытеснялись из общественной жизни. Начиналось все с «инициатив на местах». Директива президента земли Гессен (март 1933) гласила: «Делом чести немецкой прессы является исключение чужеродного космополитического еврейского влияния на печать». Циркулярное письмо городского правления (март 1933) определяло: «В Кёльне спортсменам-евреям запрещается пользоваться спортивными площадками». Распоряжение обер-бургомистра Мюнхена (апрель 1933): «Врачи еврейской национальности в больницах городов имеют право обслуживать только пациентов-евреев». В августе 1933 года объявляется запрет на купание евреев на пляжах в Берлине. После того как общество не отреагировало на эти выходки, считая, видимо, их блажью отдельных ретивых чиновников, государственная антисемитская политика приняла осмысленный и четко наступательный характер.

В октябре 1933 года вышел «Имперский закон о редакторах»: «Редактором может быть лицо только арийского происхождения, не связанное браком с лицом неарийского происхождения». Таким образом, евреи отсекались от возможности влиять на важнейшее оружие режима — средства массовой информации. Через два года в общественных местах (кафе, ресторанах, магазинах) появились таблички «Евреи не желательны». Кроме того, всю Германию захлестнул поток доносов: многочисленные «патриоты-арийцы» всех чинов и званий усердно информировали вышестоящие инстанции о «неарийском происхождении» своих знакомых, сослуживцев, родственников³⁴.

³⁴ По ходу дела нацисты разрушили статую немецкого поэта еврейского происхождения Генриха Гейне в его родном Дюссельдорфе.

Одновременно, нацисты постоянно подчеркивали, что процесс вытеснения евреев идет в рамках закона, и требовали избегать публичных эксцессов. В апреле 1935 года Рудольф Гесс призвал «всех уважающих себя национал-социалистов не давать выход эмоциям, терроризируя отдельных евреев». А боевая песня штурмовиков «Хорошо, когда брызнет еврейская кровь с ножа» вообще оказалась под запретом! В июле того же года Гесс продолжил свои увещания: «Незаконные выходки против евреев должны прекратиться немедленно! Фюрер запрещает членам партии проявлять своеволие в отношении отдельных евреев». Частично такая лицемерная политика была связана с общей нормализацией ситуации в стране после «Ночи длинных ножей». Лидеры рейха также учитывали в своих расчетах и зарубежные связи еврейской общины. Например, долгое время никто не смел покушаться на банк Симона Хиршланда из-за иностранных кредитов, которые он исправно добывал для немецкого бизнеса (5).

Новой вехой в огосударствлении антисемитской политики стали «Нюрнбергские законы», определявшие расовые отношения внутри Третьего рейха. Они были публично оглашены в сентябре 1935 года на очередном партийном съезде в Нюрнберге. Гитлер сделал вид, что инициатива новых расовых законов принадлежит исключительно министру внутренних дел Фрику и его коллегам, и, дабы полностью дистанцировать фюрера от зловещей «инициативы», их публично зачитывал Геринг. Речь Геринга транслировалась и по радио, и через систему общественного оповещения города Нюрнберга, но перед тем, как Геринг приступил к чтению, собственно законодательный актов, сотрудники Министерства пропаганды отключили микрофоны, работавшие на радиотрансляцию, и пустили в эфир нацистские марши. Поэтому текст новых законов услышало всего около 500 депутатов рейхстага, находившихся в зале.

Согласно первому расовому закону, закону о гражданстве в рейхе, евреи лишались гражданства и определялись как «лица, относящиеся к рейху» (что-то вроде «неграждан» в сегодняшней Латвии); второй закон, закон о защите немецкой крови и чести, запрещал сексуальные отношения между евреями и гражданами рейха: «Заключение браков между евреями и лицами германской или родственной с ней крови запрещается. Внебрачная связь между лицами германской или родственной с ней крови запрещается» и т. д.

В Третьем рейхе появилось новое понятие — «Аненштайн», свидетельство о происхождении, необходимый каждому гражданину документ, удостоверяющий чисто арийское происхождение его владельца. Однако браки между немцами и «метисами второй

категории» не возбранялись, т. к. от этого ожидали эффекта восстановления германской крови. Молодым людям с четвертью еврейской крови предписывалось заключать брак только с арийцами, в целях «нордификации» империи. В то же время арийской молодежи внушалось, что заключение таких браков — дело, необходимое для страны (6).

В отчетах о Нюрнбергском заседании рейхстага партийная пресса в основном уделила внимание закону о государственном флаге, вынеся его на первые полосы. О расовых законах сообщалось мелким шрифтом как о чем-то второстепенном. Но стало очевидно, что Гитлер решил окончательно положить конец неконтролируемому произволу и решать «проблемы» чисто бюрократическими средствами. Несколько дней спустя «Штюрмер» сообщил, что «еврейский вопрос будет решен в ходе дисциплинированной просветительской кампании». Которая, разумеется, не заставила себя долго ждать. Например, спешно изданная в помощь агитаторам «просветительская» брошюра «Еврей и немец» описывала «физиологические особенности евреев» — «миндалевидные глаза с тяжелыми верхними веками, нависающими над глазным яблоком», или неуклюжая переваливающаяся походка; евреи не говорят, как нормальные люди, а бормочут с какой-то «особой интонацией», одновременно мелодичной и гортанной». (7)

Не оставались в стороне и гордость нации — педагоги-патриоты. Открывая задачник по математике, ученик легко мог столкнуться с подобной задачей: «Евреи в Германии — чуждая раса. В 1933 году в Германии было 66 060 000 жителей. Среди них 499 482 правоверных еврея. Сколько процентов это составляло?» (8)

Продолжилось изгнание евреев из сферы искусства. В развитие решений партии и правительства, в октябре 1935 года распоряжением Имперской палаты кинематографии «владельцам кинотеатров еврейской национальности» надлежало «продать свои кинотеатры арийцам до 10 декабря с. г.». Парадокс, но предостережения о расовой опасности почти не занимали места в массовой культуре. К примеру, только в двух комедиях и одной исторической драме среди приблизительно 2000 фильмов, одобренных Геббельсом и его окружением, за период 1933-1939 годов можно обнаружить открытый антисемитизм (9). Скорее всего, Министерство пропаганды стремилось лишний раз не привлекать внимание общества к положению евреев в нацистской Германии.

Брезгливое игнорирование еврейства, ввиду его огромного влияния на мировую культуру, не всегда получалось полностью соблюсти, и нацистам приходилось идти на всяческие ухищрения. «Примерно в то же время я, — свидетельствует очевидец, — прочитал историко-

культурный роман, переведенный с английского, «Хроника Аарона Кейна». На первой странице редакция приносит извинения за то, что библейские имена персонажей не могли быть изменены, поскольку они в духе времени и отвечали нравам пуритан» (10).

При этом государственный антисемитизм распространялся со скоростью лесного пожара. Ко всем женским еврейским именам было приказано добавлять Сара, а к мужским — Израиль. «В официальном языке я именовался только «еврей Клемперер»; и всегда можно было ждать тумачков, если, явившись по повестке в гестапо, я недостаточно «четко» докладывал: «Еврей Клемперер прибыл» (11). На левой стороне груди евреям было предписано носить желтую шестиконечную звезду на одежде во всех общественных местах, где есть возможность встречи с арийцами. Кроме того, евреям запрещалось нанимать слуг-христиан младше 45 лет. Повсюду в городах нацисты расклеили афиши, гласящие: «Евреи — наше несчастье», «Евреям вход воспрещен», «Чистый воздух леса несовместим с запахом евреев». Но даже в это жуткое время великая библейская нация находила силы улыбаться, хотя и очень печален анекдот того времени о еврее, который ехал в германском поезде и на длинной палке держал плакат с надписью: «Долой нас!» (12)

20 июля 1938 года евреям запретили участвовать в работе биржи, а чуть позже, с ноября 1938 года, все евреи были исключены из общегерманской системы социальной защиты. Для них создали отдельные пункты социальной помощи. Евреям запретили покупать газеты и держать животных. При этом в целях терминологической подмены понятий спешно организованные еврейские гетто в геббельсовских СМИ лицемерно назывались «еврейскими жилыми районами».

В середине 1938 года в Германии еще насчитывалось около 40 тысяч еврейских предприятий, дававших средства к существованию местной еврейской общины, но в еврейских ресторанах, кафе, закусочных разрешалось обслуживать только евреев. В Бреслау во время всегерманского спортивного фестиваля, дабы арийцы не скушали чего-нибудь не нордического, на фасадах всех еврейских заведений педантичные немцы установили плакаты желтого цвета (и стандартного размера — строго 30×80 см) с надписью «Еврейское предприятие». Размеры определены местным отделением СД и доведены до сведения владельцев через городскую администрацию (13).

Материальное положение оставшихся в Германии евреев непрерывно ухудшалось. В такой ситуации выходом могла быть только эмиграция, тем более, что Нюрнбергские законы не запрещали выезда из страны — при условии, что отъезжающие берут с собой не более 5% своего имущества. Собственно, к такому исходу имперское

правительство и подталкивало гонимых — по негласному договору с теми людьми, которые в то же время строили планы воссоздания еврейского государства в Палестине.

В феврале 1937 года руководитель еврейской организации самообороны в Палестине («Хагана») Файвел Полкес встречался с видным эсэсовцем Адольфом Эйхманом, который подписал письменное заверение: «На имперское представительство евреев в Германии будет оказано давление, чтобы оно заставляло эмигрирующих из Германии евреев ехать только в Палестину, а не какую-нибудь страну. Эта мера целиком в германских интересах и уже готовится с помощью мер, предпринимаемых гестапо» (14).

Позже, в октябре 1937 года, Эйхман под видом корреспондента «Берлинер тагблатт» побывал в Палестине и по возвращении доложил по инстанциям: «Радикальной немецкой политике в отношении евреев в еврейских националистических кругах очень рады, так как в результате еврейское население в Палестине настолько увеличилось, что в обозримом будущем в Палестине будет больше евреев, чем арабов».

Всячески усиливая давление на евреев внутри страны, нацисты одновременно организовывали государственные курсы, где молодые евреи обучались сельскохозяйственным и ремесленным специальностям, готовясь к новой жизни в Палестине. Подобные курсы были организованы в Вайдхофене на реке Иббс, в Альтенфельдене в Верхней Австрии, в Рюднице близ Берлина и в Швибихене (Силезия). Издание СС «Черный корпус» имело основание предсказывать: «Недалеко то время, когда Палестина снова может принять своих потерянных более тысячи лет назад сыновей. Мы шлем им наши наилучшие пожелания» (15).

Между Германией и Палестиной под нацистским флагом курсировал пассажирский лайнер «Тель-Авив» (название корабля писалось древнееврейскими буквами), а его капитаном был старый член нацистской партии Лейдиг. Фантасмагорическое сотрудничество между нацистами и борцами за основание еврейского государства увековечено специальной медалью, отчеканенной по указанию Геббельса после пребывания руководителя еврейского отдела СС в Палестине. На одной стороне медали изображалась свастика, а на другой шестиконечная звезда.

С теми же, кто не хотел ехать в Палестину, находившуюся тогда под управлением Великобритании, разговор шел иной. Летом 1938 года на французском курорте Эвиан прошла международная конференция, призванная разрешить вопрос еврейской эмиграции из Германии в различные страны мира. Можно сказать, что попытка спасти от смертельной опасности десятки тысяч человек закончилась грандиозным провалом. Из 50 приглашенных стран лишь 30 прислали

своих представителей. И все они искали (и находили) благовидные предлоги не пускать к себе еврейских эмигрантов. Посланник Швейцарии вопрошал: «Вы забыли, что Швейцария приняла в Первую мировую войну 150 000 детей? Теперь мы бедны и у нас много безработных. Многие из нас вынуждены эмигрировать. Поэтому мы не можем разрешить беженцам оставаться в нашей стране». Австралийцы боялись, что на их малонаселенном континенте из-за эмиграции евреев снизятся зарплаты, что вызовет протест профсоюзов. Никарагуа, Коста-Рика, Гондурас и Панама сделали совместное заявление: «Ни одно из государств не может взять на себя финансовую заботу об обустройстве хотя бы одного беженца. Коммерсантов и интеллектуалов у нас и так уже сверх всякой меры, для нас это нежелательные элементы» (16). Незадолго до окончания конференции Британская медицинская ассоциация пригрозила забастовкой: «Ни один член сословия медиков не хочет видеть нашу страну наводненной эмигрантами». (В то время на 1000 английских врачей приходилось всего три врача-беженца.)

После окончания провальной конференции «Фелькишер беобахтер» могла с удовлетворением констатировать: «К чести представителей большинства правительств следует сказать, что они старательно избегали антигерманской полемики в связи с тем, что большинство еврейских эмигрантов едет из Германии. Государства стараются защитить себя от притока евреев, потому что явственно осознают недостатки ожидания» (17). Никто не хотел ссориться с Германией из-за каких-то евреев. Сам Уинстон Черчилль в неформальной беседе заявлял в 1938 году гауляйтеру Данцига Форстеру, что антиеврейские законы не станут препятствием для союза между Третьим рейхом и Соединенным королевством (18).

Пользуясь попустительством Европы и стремясь разрубить “гордиев узел” еврейского вопроса, нацисты осенью 1938 года приступили к решительным действиям. Для начала из Германии стали изгонять евреев, которые были родом из соседней Польши. Но теперь уже польские власти отказались их принять и прибегли к бюрократическому трюку: паспорта всех граждан Польши, живших за рубежом, правительство объявило недействительными, причем паспорта евреев не продлевали.

27 октября 1938 года восемнадцать тысяч евреев, граждан Речи Посполитой, нацисты ночью привезли к границе и заставили покинуть территорию Германии. Польша, в свою очередь, их не приняла — люди оказались в лагере на нейтральной полосе между двумя государствами. Узнав о страданиях своих родственников, выброшенных из Германии и не принятых Польшей, семнадцатилетний еврей Гершель Гриншпан 7 ноября 1938 года пришел в немецкое посольство в Париже. Он хотел застрелить немецкого посла Иоханнеса фон Вельчека, но, не исполнив

своего намерения, выстрелил в первого же попавшегося на глаза сотрудника дипмиссии. Им оказался секретарь посольства Эрнст фон Рат, которого спецслужбы Третьего рейха ранее подозревали в антинацистских взглядах, а заодно и в гомосексуализме.

Тайная оппозиционность жертвы ни в коей мере не помешала нацистской пропаганде вознести его до ранга мученика и потребовать немедленного отмщения, которое вошло в историю как «Хрустальная ночь». Через 3 дня после убийства дипломата, в ночь на 10 ноября, Германия ответила волной еврейских погромов, организованных самим государством. «Хрустальной» эту страшную ночь назвали, поскольку в ходе погромов только стекол было разбито на пять миллионов марок.

Накануне акции Геббельс издал инструкцию о «стихийных демонстрациях», которые необходимо организовать и провести в течение ближайшей ночи. В результате 7500 магазинов было разграблено, 119 синагог сожжено, убито 36 человек, столько же серьезно ранено. Погромы носили тотальный характер. Например, в Мюльхайме еврейская община, стараясь спасти хоть что-то, за несколько недель до беспорядков продала синагогу городу. Но нацисты сожгли здание, даже, несмотря на то, что оно к тому времени стало муниципальной собственностью. Имелись случаи изнасилования. Постфактум нацистский партийный суд расследовал эти преступления и признал их весьма тяжкими, поскольку в этом случае нарушались Нюрнбергские расовые законы. Нарушителей публично исключали из партии и они представляли перед гражданским судом — еще один пример извращенной логики режима.

После «Хрустальной ночи» было арестовано 30 тысяч мужчин-евреев и их освобождение власти напрямую поставили от согласия покинуть Германию. Таким образом, нацисты не теряли из виду свою главную цель — «очистить» рейх от евреев. Эмиграция из Германии начала принимать характер бегства. Циркуляр Министерства экономики от 6 февраля 1939 года указывал: «Во всех случаях, когда имеются данные о том, что еврейские владельцы предприятий, земельных участков и другой недвижимости имеют намерение эмигрировать, применяется ускоренный порядок оформления продажи их имущества» (19). От себя добавим: «ускоренный» — значит, за копейки. К лету 1939 года, то есть к началу Второй мировой войны, практически вся еврейская община Германии обнищала. А именно бедным сложнее всего эмигрировать — в силу экономических барьеров, возводимых перед ними странами потенциальной эмиграции. Оставшиеся евреи фактически превратились в заложников в лапах разъяренного нацистского режима.

Наряду с евреями, врагами Германии объявили цыган. Основой

для восприятия цыган как врагов германского народа стала их чуждая немецкому народу культура и презрение к насаждавшейся в Третьем рейхе трудовой дисциплине. Начало кампании было положено указом «О преодолении цыганского бедствия», вышедшего 8 декабря 1938 года. Из 29 тысяч германских цыган в результате политики нацистов 22 тысячи были уничтожены³⁵. Однако имперская пропаганда почти не уделяла цыганам внимания. Причина такого отношения заключается, скорее всего, в том, что цыгане не являлись такой органичной частью социума, как евреи, «цыгане были этому обществу чужды, и национал-социалисты не нуждались в каких-то особенных обоснованиях уничтожения цыганского народа» (20).

Итак, немцев не надо было убеждать в необходимости «зачистки» общества от цыган — в отличие от полного разрыва вмонтированных в саму структуру общества христианством и другими институтами тесных связей с евреями. После «Хрустальной ночи» Германия пришла в ужас от прокатившихся погромов. В трамваях и метро немцы демонстративно уступали место евреям, в магазинах их пропускали вне очереди, оказалась шокирована и мировая общественность. В Германии на государственном уровне вновь возникла необходимость показать гражданам, что, несмотря на произошедшее, рейх является страной законопослушных граждан, в том числе и по отношению к евреям.

30 июня 1939 года немецкий суд вынес два решения в пользу евреев. В первом случае директор школы иностранных языков взял у еврея деньги вперед за курс английского языка, затем передумал, однако деньги вернуть отказался. Окружной суд Франкфурта обязал его вернуть предоплату. В другом случае дама, накупив товаров в магазине, отказалась платить, узнав, что продавец был еврей. Окружной суд Франкфурта обязал ее выплатить все сумму с процентами. В обоих случаях «арийцев» обязали также уплатить все судебные издержки (21). Конечно, это был пропагандистский трюк.

А дальше последовала Вторая мировая война и «окончательное решение» еврейского вопроса — от массовых расстрелов в Польше и Советском Союзе до форсированной эмиграции европейских евреев в Палестину. Главный раввин Берлина Иссаак Гольштейн, живший во время войны в Румынии, вспоминал: «Я должен сказать правду. С разрешения немецкого верховного командования мы отправили на кораблях под защитой Международного Красного креста более 30 000 евреев в Стамбул, откуда большая часть их через Сирию нелегально проникла в Святую землю, несмотря на тогдашние распоряжения англичан». Но и

³⁵ Причем, с точки зрения нацистов, цыган-полукровка был настоящим врагом, в то время как чистокровные цыгане заслуживали менее жестокого обращения; а с евреями было в точности наоборот.

на этом тернистом пути еврейский народ ждали неисчислимые жертвы. Так, 24 февраля 1942 года советскими торпедными катерами к северу от Босфора был потоплен перевозивший еврейских беженцев болгарский корабль «Струма». 763 несчастных утонули в Черном море. Спаслось только четыре человека. А 3 августа 1944 года из румынского порта Констанца под охраной немецкого сторожевого катера вышли еще три корабля с еврейскими беженцами — «Морина», «Бульбуль» и «Меркуфе». Ночью их атаковала советская подводная лодка, и «Меркуфе» вместе с несколькими сотнями людей утонул (22).

Почти за год до этой трагедии, 10 июня 1943 года, власти распустили последнюю еврейскую организацию в Германии — «Объединение евреев рейха». Ликвидировали за ненадобностью — еврейская община Германии перестала существовать. «Передовой» германский опыт борьбы с «еврейской опасностью» достиг поставленной цели. И убедил многих других антисемитов в своей действенности. Руководитель украинских националистов Ярослав Стецько писал: «Москва и жидовство — это самые большие враги Украины. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов истребления жидовства» (23).

Но об этом в следующих главах.

17. Борьба с церковью

После подавления всяческой политической оппозиции в Третьем рейхе последней серьезной структурой, имеющей собственные пропагандистские возможности, оставалась лишь церковь. Отношения нацистской партии с церковью всегда были весьма противоречивыми. С одной точки зрения, сама суть тоталитарного государства не позволяет свободное развитие других институтов, имеющих отличное от господствующей идеологии мировоззрение. С другой — нацисты никогда не отказывались от идеи использовать влияние церкви в своих интересах. Гитлер не чурался в своих выступлениях некой псевдохристианской риторики. Например, в своем выступлении 12 апреля 1922 года он проповедовал: «С безграничной любовью перечитываю я как христианин и человек то место, которое возвещает нам, как Господь, наконец, решился и взялся за плеть, дабы изгнать ростовщиков, это гадючье и змеиное отродье, из храма! Но какой титанической была эта борьба за мир, против еврейской отравы, это я вижу сегодня, две тысячи лет спустя, в том потрясающем факте, что расплачиваться ему пришлось своей кровью на кресте» (1).

И позже речи Гитлера часто оказывались пронизаны религиозной символикой. Иногда он даже заканчивал их словом «аминь». Ну и,

конечно же, фюрер не упускал случая разговаривать от имени Господа в грандиозных пропагандистских постановках после прихода к власти. Так, в день накануне выборов в рейхстаг в марте 1933 года Гитлер закончил предвыборную речь в Кенигсберге пафосным обращением к немецкому народу, который в прямом эфире транслировали все радиостанции страны: «Теперь опять высоко и гордо неси свою голову! Ты больше не закабален. Теперь ты опять волен — милостивой помощью Божьей» (2). Сразу зазвучала «Нидерландская благодарственная молитва», последнюю строфу которой режиссеры усилили колокольным звоном Кенигсбергского собора. А свою речь 1 мая 1933 года, в Национальный день труда, фюрер завершил прямым обращением к Богу: «Господь, ты видишь, мы преобразились. Немецкий народ более не народ без чести, опозоренный, разрываемый на части, малодушный, слабый в своей вере. Нет, Господи, немецкий народ снова силен в своей вере, в своей целеустремленности, в своей готовности к жертве. Господь, мы не оставили тебя. Благослови же нашу борьбу за свободу, наш народ и отечество» (3).

Любопытно, что сам Гитлер считал «достойными» религиями, существующими на прочной духовной основе, только конфуцианство, буддизм и ислам. Однако это не помешало ему заключить договор с Ватиканом, об основах взаимоотношений между рейхом и католической церковью, т. н. «Конкордат», а вице-канцлер Третьего рейха фон Папен, имевший репутацию человека консервативного и религиозного, удостоился личной аудиенции Папы Римского Пия XI: «Его Святейшество принял мою жену и меня весьма любезно, отметив свое удовлетворение тем, что во главе германского правительства стоит теперь человек, бескомпромиссно настроенный против всех разновидностей коммунизма и русского нигилизма. Атмосфера, окружавшая меня, была настолько сердечной, что мне удалось урегулировать все детали проекта соглашения с быстротой, совершенно необычной для отношений с Ватиканом» (4).

Пий XI также принял влиятельного мюнхенского архиепископа Михаэля фон Фаульхабера, который, вернувшись, разъяснил католическим священнослужителям Германии позицию Ватикана: «Вдумайтесь в слова святого отца. Он, не называя по имени, славит перед всем светом Адольфа Гитлера как государственного деятеля, который первым после Святого Отца возвысил свой голос против большевизма» (5).

Сотрудничество поначалу было взаимовыгодным, особенно в экономической сфере, в которой нацистское государство материально поддерживало церковь. 4 апреля 1942 года фюрер напомнил запямятовавшим: «Если церковь будет существовать только на пожертвования, она не наберет и трех процентов от той суммы, которую

ей (согласно договору с Римом. — К.К.) выплачивало имперское правительство» (6). Долг платежом красен, и в июле 1936 года, узнав о том, что швейцарские церковные руководители обратились к своей пастве молиться о смерти Гитлера, уже упомянутый нами Фаульхабер — наоборот — призвал всех немцев молиться за фюрера (7). Что, видимо, на какое-то время Гитлеру помогло.

Не стояли на месте и теологические изыскания, оправдывавшие ежедневную практику нацистского государства с церковной точки зрения. Иезуит и антрополог Герман Мукерман издал книгу «Основы учения о расе», где требовал избегать межнациональных браков: «Не следует ссылаться на крещение, которое из иудея делает христианина. Крещение обращает человека в дитя Божье, но не изменяет его наследственной структуры» (8). Логично.

Оставался, правда, еще один скользкий для немецких церковников вопрос — о национальном происхождении Иисуса Христа и его ближайших последователей. И здесь теологи и прочие ученые мужи Третьего рейха пришли к однозначному «научному» выводу: с расовой точки зрения, Христос оказался не иудеем, но арийцем. А один из главных тезисов по этому, действительно важному для всей нацистской пропаганды, исследовательскому проекту был призван доказать, что родителями Иисуса были не евреи... а армяне (9). Так что — поздравляю вас, дорогие мои соплеменники, ары... простите, арийцы. Попутно верующим терпеливо разъяснялось, каким образом «еврей Павел» извратил учение Христа. Вдохновителем подобных удивительных изысканий являлся профессор теологии Вальтер Грундманн из «Института по изучению и искоренению еврейского влияния в немецкой религиозной жизни» (имелся и такой).

Но, по мере укрепления нацизма у власти, наднациональная структура католической церкви вызывала все большее раздражение режима, и давление на нее постепенно усиливалось. Геббельс в своем дневнике отмечает: «Фюрер рассказал о разговоре с Фаульхабером. Он крепко взял его в оборот. Или вместе против большевизма, или война с церковью» (10.11.1936). Во время церковных служб и литургий здания церковей стали периодически окружать штурмовики. Они регистрировали присутствовавших, устраивали вокруг церковей парады с гимнастическими упражнениями, распевали нацистские песни — по задумке партийных пропагандистов такое мелкое хулиганство должно было «вернуть верующих в реальный мир». Пример беззакония по отношению к представителям церкви подавали сами руководители государства. В том числе и якобы добродушный Геринг. Как-то этот веселый толстяк зашел в ресторан. Все сидевшие посетители ресторана

встали, за исключением двух католических священников. «Я их проучил. Я отправил в концлагерь, — со смехом хвастал потом Геринг, — и приказал укрепить там шест с моей старой фуражкой, а их заставить целый день ходить мимо фуражки и упражняться в национал-социалистическом приветствии». «Гитлер, смеясь, одобрительно похлопал Геринга по плечу» (10).

Конфликт принял открытую форму, когда 14 марта 1937 года вышла энциклика папы Пия XI «С большой озабоченностью», в которой он осуждал «идолов расы, нации, государства», а также критиковал нацистский режим за его репрессивную политику. На демарш Ватикана немедленно откликнулся гитлеровский «Фёлькишер беобахтер»: «Последней энциклике папы безоговорочно аплодируют евреи, чехи, французы и франкмасоны, этого для нас достаточно» (11). Геббельс послал специального корреспондента в бельгийский монастырь, где монах на сексуальной почве убил ребенка — опубликованный репортаж стал поводом для обвинения всех монахов в гомосексуализме. «Большой процесс о безнравственности против католических священников. Все — 175 (175 — статья уголовного кодекса, карающая за гомосексуализм). Фюрер считает это характерным для всей католической церкви» (12).

Партийная пресса начала публиковать унижительные отчеты о тайных пороках. По всей Германии партия организовывала лекции, на которых ораторы пересказывали самые скандальные детали. «Они утверждали, что религиозные организации систематически нарушали законы, запрещающие экспорт иностранной валюты. Месяцами пресса в большом количестве публиковала истории о монахах и монахинях, скрывающих пачки банкнот в своих одеяниях и арестованных на границе бдительными таможенниками» (13).

30 апреля 1937 года травля превратилась в расправу: сразу несколько тысяч католических священников были арестованы по подозрению в гомосексуализме.

Немедленно последовала волна новых антикатолических статей, в которых утверждалось, что вина подозреваемых уже доказана. «Мы должны согнуть церковь и превратить ее в нашего слугу. Целибат отменить. Экспроприировать церковное имущество. Запретить изучать теологию до 24 лет. Этим мы отнимем у них лучшую смену. Но первоочередное — процессы. Они идут по плану и вызывают огромное внимание». (12.5.1937.) Несмотря на громкий шум, затея Геббельса провалилась. Люди, годами не бывавшие в церкви, демонстративно пошли к мессе, давая тем самым понять, кому они доверяют, а кому — нет.

И еще один любопытный пример пассивного сопротивления общества антирелигиозным мероприятиям нацистского режима.

23 апреля 1941 года гауляйтер Бадена Вагнер распорядился удалить из школ изображения распятия, но в обществе поднялась волна возмущения. Дело дошло до того, что матери-героини грозились сдать свои награды, а рабочие собирались устроить забастовку. Через полгода непрекращающихся протестов гауляйтер вынужденно отменил собственное распоряжение.

Однако давайте призадумаемся. А в чем формально Вагнер был не прав? Школа-то ведь учреждение светское. Гиммлер как-то заметил: «Вы не можете избавиться от впечатления, что вся эта система изобретена лишь для того, чтобы обеспечить власть церкви и ее иерархов. Приняв ее учение всерьез и, построив на нем свою жизнь, вы вынуждены в страхе и содрогании бороться за спасение души. Этого хочет церковь» (14). Хотя сам Гитлер, из соображений политической стратегии, никогда до конца не отказывался от католической церкви. Он неоднократно принимал участие в публичных христианских церемониях, таких как свадьбы, крещения и тому подобное. Гитлер также приказал, чтобы его ближайшие соратники, а прежде всего Геринг и Геббельс, опять вернулись в лоно церкви.

Однако же, давление продолжалось: архиепископа Мюнхенского кардинала Фаульхабера, несмотря на объявленную папским легатом его дипломатическую неприкосновенность, нацисты арестовали. В результате репрессий 110 немецких священников умерли в концлагерях, 59 были убиты до того, как туда попали. Цифры мрачные, но в то же самое время в Советском Союзе священнослужителей уничтожали тысячами.

Борьба с религией тогда шла в разных странах. Например, со стороны Польского государства подвергалась ожесточенным гонениям православная церковь — в тридцатые годы сотни православных храмов на территории Польши были уничтожены или закрыты. Только в Холмской области из 378 православных храмов, насчитывавшихся в 1914 году, к сентябрю 1939 года осталось 47. Причем 124 церкви поляки взорвали, 175 передали католикам, а 32 сожгли (15). А в охваченной гражданской войной Испании красные республиканцы казнили почти триста католических монахинь, многих предварительно изнасиловав. Некоторых из испанских священников сожгли, других — похоронили заживо.

Вернемся в рейх. Несколько другая ситуация, по сравнению с католиками, была с протестантской ветвью германского христианства, которое имело мощную опору в лице прусских консервативных слоев чиновничества и военных. Нацистский режим соблюдал по отношению к евангелической церкви терпимость, от которой давно уже отказался в случаях с другими оппонентами (в том числе и с католиками). «На сотни католических священников, много лет проведших в концлагерях,

приходилось несколько протестантских пасторов, которых иногда арестовывали нацисты» (16).

Основная идея евангелической церкви того времени — стремление к созданию национальной церкви во главе с имперским епископом. Эта вечно актуальная идея послужила поводом для острой внутрицерковной дискуссии, тон в которой задавали так называемые «немецкие христиане». Именно они определяли облик церковных собраний, щеголяя коричневыми рубашками и активно проповедуя нацистские идеи расового превосходства. На собрании в берлинском Дворце спорта 13 ноября 1933 года они публично выступили с требованиями, которые практически сводились к полной нацификации евангелической церкви и ее основ веры (введение единоначалия, параграф об арийском происхождении, устранение из Библии иудейских элементов). В 1933 году из 17 тысяч протестантских пасторов около 3 тысяч приходилось на долю «немецких христиан» (17).

Их противником считалась другая группа священнослужителей — «исповедальная церковь». В ней состояло примерно столько же пасторов, но поддерживало меньше прихожан. Во главе ее стоял пастор Нимеллер — яркий и необычный человек; интересно, что во время Первой мировой войны он служил командиром подводной лодки. «Исповедальная церковь» выступила против нацификации церкви, отвергла расовые теории и осудила антихристианские идеи Розенберга³⁶.

Кризис между спорившими до хрипоты протестантами попытались разрешить путем назначения имперского епископа. 27 сентября 1933 года им стал Людвиг Мюллер. Узнав о его назначении, Гитлер воскликнул: «И почему они назначили захудалого армейского пастора! Я охотно оказал бы ему поддержку. Он много мог бы тогда сделать. Евангелическая церковь стала бы благодаря мне государственной церковью, как в Англии!» (18). И действительно, неавторитетный Мюллер не смог уладить обострившийся конфликт, брожение среди протестантов продолжалось. Тогда государство приняло одну из сторон конфликта — легко догадаться, что режим поддержал «немецких христиан». 1 июля 1937 года Нимеллера арестовали. В том же году было арестовано 807 пасторов и мирян — активных приверженцев «исповедальной церкви».

А весной 1938 года епископ Мараренс предпринял последний завершающий шаг — приказал всем пасторам своей епархии принести личную клятву верности фюреру и сам подал тому пример. В скором времени этой клятвой связали себя большинство протестантских

³⁶ В феврале 1934 года главная идеологическая книга Третьего рейха «Миф XX века» Розенберга была внесена в папский индекс запрещенных книг, и Гитлер был вынужден публично заявить, что труды Розенберга выражают только его личное мнение.

священников. Таким образом, хотя первоначально в дискуссии между «немецкими христианами» и «исповедальной церковью» большинство протестантов заняли нейтральную позицию, но, в конце концов, они приняли как должное право Гитлера вторгаться в дела церкви и подчинились его приказам.

Используя право государства, соответствующие изменения были внесены, прежде всего, в школьные программы. Обращаясь к Господу Богу, школьники организованно, хором просили его «за народ, за вождя и за себя»: «Сохрани Гинденбурга и Гитлера, твердую опору нашего народа». По мере укрепления политических позиций НСДАП, соответствующим образом менялось и содержание молитв: «Фюрер, мой фюрер, данный мне Богом, оберегай моей жизни дорогу! Родину спасший от лютой нужды, хлеб мой насущный даруешь мне ты. Не покидай, будь со мной много лет, фюрер, мой вождь, моя вера, мой свет! Славься, мой фюрер!» С помощью школьных диктантов ученики зазубривали: «Как Иисус освободил людей от грехов и ада, так Гитлер спас немецкий народ от гибели. Иисус и Гитлер подвергались преследованиям, но в то время как Иисус был распят, Гитлер возвысился до канцлера. В то время как ученики Иисуса оставили его в беде, отрекшись от него, за Гитлера пало 16 товарищей. Апостолы окончили труд своего господина, мы надеемся, что Гитлер сам доведет свой труд до конца. Иисус строил для небес, Гитлер — для Германской земли» (19).

Не удовлетворяясь традиционными верованиями, нацисты пытались создать и свою собственную религию, наподобие современной рун-веры. Еще в 1928 году Геббельс писал: «Национал-социализм — это религия. Нам не хватает ритуала. Национал-социализм должен стать государственной религией немцев». А его поделщик Гиммлер утверждал: «Здравый смысл должен подсказывать вам, что за природой и тем чудесным порядком, который существует в мире людей, животных и растений, стоит некое высшее Существо — можете называть его Богом, Провидением или любым другим именем. Если мы откажемся признавать это, то станем ничуть не лучше марксистов. Когда я настаиваю, что все члены СС должны верить в Бога, это не притворство, не уступка... Я не хочу, чтобы меня окружали люди, отказывающиеся признавать высшее Существо» (20).

В развитие этих идей жена генерала Людендорфа — Матильда — организовала «истинно немецкую» новоязыческую церковь «Источник немецкой силы», среди апологетов которой числился влиятельный промышленник Кирддорф. А в Вестфалии целая деревня вышла из церкви, крестьяне объявили себя язычниками, заложили языческое кладбище и на нем воздвигли языческое капище. Возрожденные дохристианские ритуалы оказывали сильное влияние на пропагандистские акции и

государственные праздники Третьего рейха — будь то празднование солнцеворота или чествование героев. Порою на этой почве даже в унифицированном нацистском государстве случались конфликты. Так, в деревнях Вестервальда близ Кобленца молодые крестьяне-католики попросту избили язычников из гитлерюгенда, отмечавших на природе что-то пафосно-солнечное.

Можно сказать, что нацисты в своей религиозной политике использовали два момента. Первый — использование уже устоявшихся церковных структур в собственных интересах, в том числе пропагандистских. В качестве примера можно привести строительство в центре Берлина грандиозного православного храма Воскресения Христова, что произвело большое впечатление на верующих, особенно на фоне гонений на православную церковь в СССР и Польше. «Постройка церкви на средства рейха и «Трудового фронта» должна быть пропагандистки использована», — открыто заявили партийные чиновники 18 января 1936 года на межведомственном заседании, посвященном строительству храма (21).

На своих подобные поблажки не распространялись. Неофициально на рядовых партийных функционеров оказывалось сильное давление, чтобы те порвали со своими церквами. Используя борьбу против церкви, нацисты модернизировали общество, навязывая ему свой образ жизни. И не всегда это было во зло. Например, когда речь заходила об эмансипации женщин, что противоречило церковной традиции, рассматривавшей женщину как соблазнительницу и воплощение греховности. «Женщина в predetermined ее естеством роли не просто прекрасна — она священна. И каждый мужчина должен к ней питать почтение. Она — вершина арийской расы, чистая по своей природе. Она — не слуга немецкого мужчины, но его товарищ и друг по жизни. Наш фюрер вновь возвел женщину на пьедестал, отвел ей подобающее место в жизни нации» (22).

Подобные тенденции носили объективный характер. Христианство в новых политических условиях не смогло доказать массам свою актуальность, увлечь за собой взбудораженные народы Европы. «Весь пафос индустриальной цивилизации, связанной с технологией, культом огня и силы, эпосом переделки мира, носит не христианский, а титанический характер» (23). Культ героев ослепил тогдашнее общество.

Спорам между церковниками и нацистским государством положила конец Вторая мировая война, актуализировавшая тему сплочения нации. «Война скрывает в себе и без того достаточно воспламенителей. Поэтому приказываю немного прикрутить слишком резкую антицерковную пропаганду. Для этого будет достаточно времени после войны», —

констатирует Геббельс. Более того, религиозный фактор использовался весьма активно всеми противоборствующими сторонами, включая атеистический Советский Союз. Хотя, порою, национал-социалисты все же не могли отказать себе в острых шпильках: «Я запретил всю церковную литературу — из-за нехватки бумаги» (23.3.1941). Как видим, и для мелких пакостей у режима находились архисерьезные доводы.

V. СОЮЗ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

18. Арийская наука

Я бы начал эту главу со слов Виктора Клемперера: «Если бы судьба побежденных была в моих руках, я отпустил бы с миром обычных людей и даже некоторых из вождей, но я бы вздернул всех интеллектуалов, а профессоров повесил бы на три фута выше, чем всех остальных; они болтались бы на фонарях столько, сколько позволили бы соображения гигиены» (1). Гнев очевидца легко объясним, ведь именно нацистские ученые снабдили нацизм идеологическим оружием, без которого никакое движение не может добиться успеха.

В создании человеконенавистнических теорий всегда значительная роль принадлежит интеллектуалам. Так было, есть и, полагаю, будет. В Третьем рейхе академически оформленная дезинформация, обильно уснащенная примечаниями, ссылками, схемами и библиографическими списками, стала респектабельной витриной расовой доктрины нацистов. Еще до прихода Гитлера к власти университеты, и особенно профессура, в основном поддерживали германских националистов. Юристы, учителя немецкого языка и литературы сами были отъявленными националистами. «Особенно рьяными приверженцами «восточников»³⁷ из этой группы были историки. Академическая общность в целом была рассадником националистической мифологии. Вместо того, чтобы поощрять самокритику и скептицизм, профессора призывали к «духовному возрождению» (2). Их поддержка национал-социалистов усиливалась по мере падения уровня жизни среднего класса в результате Великой депрессии: в 1933 году каждый третий человек с высшим образованием остался без работы.

После прихода к власти Гитлера национал-социалисты и интеллигенция некоторое время приглядывались друг к другу. Чтобы принудить к сотрудничеству основную массу интеллектуалов, режим провел показательную пропагандистскую кампанию против неких

³⁷ Т.е. противниками либеральных ценностей.

«интеллигентов» и «высокомерных академиков». Сословие «академиков» и «интеллигентов» стали поносить на всех перекрестках, уничтожая их вклад в жизнь общества. В частности, руководитель «Трудового фронта» Роберт Лей, выступая на большом собрании рабочих военной промышленности, сказал: «Для меня любой дворник выше всякого академика. Дворник одним взмахом метлы сметает в канаву сотни тысяч бактерий, а какой-нибудь ученый гордится тем, что за всю жизнь он открыл одну-единственную бактерию» (3).

Одновременно научная среда подверглась чисткам от неблагонадежных еврейских и антифашистских элементов. В результате этой политической чистки 1628 доцентов были изгнаны с кафедр и исследовательских институтов. Это составило 9,5% всего преподавательского состава высших учебных заведений Германии (4). Интеллигенция капитулировала. К осени 1933 года около 960 человек, возглавляемые такими светилами, как хирург Зауэрбух, философ Хайдеггер, искусствовед Пиндер, публично присягнули на верность Гитлеру и национал-социалистическому режиму.

Однако нужно понимать, что кроме конформизма и желания сохранить за собой рабочие места, предоставляемые государством, многими из них двигала искренняя симпатия к национал-социалистическому режиму. Считающийся сегодня классиком философии и социологии Хайдеггер свои письма подписывал исключительно «Хайль Гитлер». Своим студентам-евреям он посоветовал найти себе других преподавателей и отказал им в финансовой помощи. Когда же в 1937 году умер его собственный наставник, Гуссерль, еврей по национальности, Хайдеггер не пришел на его похороны и не прислал соболезнований его вдове.

Являющийся, повсеместно признанию, одним из самых оригинальных политических мыслителей XX века, Карл Шмитт активно поддерживал нацизм и отказывался отречься от него даже после 1945 года. Когда в ночь на 11 мая 1933 года студенты-нацисты устроили показательное сожжение книг неугодных нацистам авторов, Шмитт активно поддержал проведенную акцию. Он публично выразил радость по поводу того, что сжигаются дотла «не-немецкий дух» и «германофобская грязь» декадентской эпохи (5).

Следующим вкладом Шмитта в партийное дело (он был членом НСДАП) стала брошюра «Государство, движение, народ: три аспекта политического единства», где он дал теоретическое обоснование диктатуры Гитлера. В сжатых и точных выражениях Шмитт заклеил политический либерализм и «культуру асфальта» как слабость, которую может упразднить лишь «неумолимая воля» решительного фюрера. По мнению мыслителя, основными характеристиками нацистского

общества будут «однородность» и «аутентичность». «Ничто чуждое не должно вмешивать в этот великий и в то же время глубоко внутренний, я бы даже сказал, интимный процесс роста. Наша главная задача — научиться отличать друга от врага: очистить общественную жизнь от неарийских элементов» (6). Вся концепция Шмитта основана на фундаментальной идее «Прав народа», которые он противопоставлял либеральной теории «Прав человека».

В 1942 году Шмитт опубликовал свой важнейший труд — «Земля и море». Смысл противопоставления Суши и Моря сводится к тому, что речь идет о двух совершенно различных и враждебных цивилизациях. Связь с землей, пространство которой легко поддается структурализации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и рельефных особенностей), порождает консерватизм в социальной, культурной и технической сферах. Водное пространство, соответственно, подвержено постоянному изменению. В нем не фиксированы пути, не очевидны различия ориентаций. Понятие Моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания — социальные, юридические и этические нормативы становятся «текучими». Таким образом, давалось глубоко философское обоснование неумолимых противоречий между традиционным немецким обществом и либеральной западной цивилизацией.

В один ряд с политической теорией Шмитта и философией Хайдеггера следует поставить и антисемитскую теологию Герхарда Киттеля. В терминологии Киттеля граждане еврейского происхождения должны вести себя, как «гости». Если «гости» не будут себя вести в Германии надлежащим образом, «мы безжалостно укажем им на дверь». Киттель прямо провозгласил, имея в виду новообращенных и их детей: «Церковь должна заявить, что крещение не затрагивает еврейской сущности: крещеный еврей не становится немцем. Правильнее будет назвать его иудео-христианином» (7).

Все три названных мыслителя, выступив апологетами утопии объединенного этноса, заложили прочный фундамент нацистской «Совести» (8). Опираясь на доктрину национального и расового возрождения, немецкие профессора и преподаватели должны были читать лекции по «германской физике», «германской химии», «германской математике» и т. д. Да и что им оставалось делать, если даже такие звезды первой величины, как лауреат Нобелевской премии Иоханнес Штарк, нахваливали кадровую политику нацистов, «освободившую» Германию от «расово чуждых ученых», и доказывали, что «арийской биологии» принадлежит приоритет во всех крупных научных открытиях. «Все великие открытия и научные достижения в области естественных наук

следует отнести на счет особых способностей германских исследователей к терпеливому, прилежному и конструктивному наблюдению природы. Германский исследователь в так называемой теории всегда видит лишь вспомогательное средство. Еврейский дух выдвинул на передний план догматически провозглашенную, оторванную от действительности теорию относительности» (9).

Его единомышленником стал еще один лауреат Нобелевской премии Филипп Ленард, который опубликовал в 1936 году статью «Германская физика». Он утверждал, что «арийская физика, или физика нордического человека», определила развитие этой науки во всем мире. «Если народы других стран создали научные ценности подобного типа как немецкий народ, то только потому, что у них на том или ином отрезке времени преобладал нордический элемент». Он именовал экспериментальную физику «нордической наукой», а теоретическую физику считал «всемирным еврейским блефом». Теорию относительности Эйнштейна Ленард называл «отвратительным порождением азиатского духа» (10). Директор института физики в Дрездене Рудольф Томашек утверждал: «Современная физика — есть орудие мирового еврейства, призванное уничтожить нордическую науку... По существу, вся европейская наука есть плод арийской или, точнее, германской мысли». А некий профессор Вильгельм Мюллер из технического вуза в Аахене, рассуждая о всемирном признании теории Эйнштейна, заявил, что это «явилось взрывом радости в предвкушении еврейского правления миром, которое необратимо подавит и навечно низведет дух немецкого мужества до уровня бессильного рабства» (11). На лекциях по физике в германских университетах того времени необходимо было не только воздерживаться от упоминания Эйнштейна, но пострадала даже и единица измерения Герц — эта еврейская фамилия также оказалась под запретом.

Немецкие ученые были полностью уверены в своей правоте и патриотизме. Когда лауреат Нобелевской премии профессор Франк оставил университетскую кафедру в знак протеста против антисемитизма, 33 профессора и преподавателя Гёттингенского университета расценили его поступок как акт саботажа. Массовый прилив «пивного» патриотизма вызывал ужас у немногих критически мыслящих людей. В частности, избегавший сотрудничества с нацистами Шпенглер провел остаток своих дней в самоизоляции. В 1936 году он скончался со словами: «Мне страшно за Германию. Она в смертельной опасности, и ей грозит гибель» (12).

Естественно, под предлогом научной дискуссии сводились, как это часто водится в научных кругах, и личные счеты. Уже упомянутый нами Штарк являлся президентом Германского научного общества и, пользуясь

случае, решил выяснить отношения с другим всемирно известным физиком — Гейзенбергом. В своей статье для журнала СС «Черный корпус» Штарк написал: «Гейзенберг принадлежит к заместителям еврейства в жизни немецкого духа, которые должны исчезнуть, как и сами евреи» (13).

Однако Гейзенберг тоже оказался не лыком шит. Доносчик не учел в своих расчетах, что отец Гимmlера и дедушка Гейзенберга преподавали в одной гимназии. Штарка обвинили в ненужной трате денег на финансирование проекта добычи золота из немецких болот, и в 1936 году ему пришлось подать в отставку с поста президента Германского научного общества.

Невиданный «расцвет» переживала гуманитарная сфера науки. Один известный лингвист говорил коллегам: «Сегодня национал-социализм стучит в дверь каждой научной дисциплины и спрашивает, что вы можете предложить мне?» (14) Научные общества активно поощряли исследовательские проекты, способствовавшие развитию расового мышления. Виктор Клемперер приводит лишь некоторые тезисы нашумевших научных работ той эпохи: «В рыцарстве во второй раз после германского героического эпоса княжеских залов рождается высокая творческая расово-чистая культура»; «Гуманизм за пределами Италии стал противоположностью народного расово-чистого начала»; «Народная лирика и балладное творчество» Уланда способствуют «новому пробуждению расового сознания»; «В зрелом реализме расово-близкое германское восприятие в который раз берет верх над французским *esprit* и еврейско-либеральной литературой-однодневкой».

Целых пять нацистских аналитических центров (Рейхсинститут новой Германии в Берлине, Франкфуртский рейхсинститут по изучению еврейского вопроса и др.) использовали весь арсенал солидных научных средств — роскошно иллюстрированные популярные издания, фильмы, конференции, выставки, чтобы подготовить общественное мнение к необходимости суровых мер по отношению к «низшим расам».

Пресс-конференции, освещение в СМИ, церемонии награждения повышали общественный статус расовой науки. Газетные заголовки, извещавшие о присутствии высших руководителей государства, превращали каждое академическое заседание в информационный повод, демонстрировавший тесное единение специалистов различных отраслей науки с партийными функционерами.

Партия стремилась к тому, чтобы наукообразные теории быстро переключались в область повседневной практики. Модным писком науки того времени стали специальные расовые таблицы для определения сути каждой отдельно взятой человеческой особи. Шесть очков по

данной системе признавалось максимальным количеством баллов. В таблице они вписывались как 6:0, но коль появлялось загрязнение, очко изымалось, балл снижался: 5:1, вторая примесь давала картину 5:2. Могло быть и так: 2:2:2.

И в учебниках, и в научных публикациях, предназначенных для учителей, как «еврейский вопрос», так и «расоведение» рассматривались просто как одна из многих биологических проблем, и спокойный, «объективный» академический тон оказался значительно эффективней разнузданной расистской брани. «Нордический человек обладает высоким ростом, он строен, длинноног. С первого же взгляда он кажется гибким. У него узкие бедра и широкие плечи. Голова у нордического человека: череп удлинённый, лоб высокий. Особенно характерен для этого лица нос, высоко посаженный, сильно выдающийся вперед. Так называемый орлиный нос относится к нордическим формам носа. Крылья носа узкие. Благодаря этому лицо приобретает особое выражение благородства. Нордический человек светловолосый, у него тонкие пушистые волосы. Глаза голубые, иногда серо-голубые или серые» (15).

Ученые не обделили своим просвещенным вниманием и других жителей Европы. По мнению специалистов, представители «фельтской» расы, наиболее близкой к германской, были хоть и смелые, но скрытные тугодумы (Бисмарк и Гинденбург). «Восточно-балтийская» раса — фаталисты, вечно всем недовольные и беспокойные. «Альпины» (восточная раса) рождались трезвыми работягами и скупердяями. «Динарская» раса отличалась хорошими солдатскими качествами, музыкальностью и надежностью. «Средиземноморская» раса — непостоянство при живом уме, болтливость, отсутствие творческих способностей, и т. д. (16).

Предложения ученых мужей о способах “национального возрождения” следовали одно за другим. Так, историки начали издавать академический журнал «Вопрос об ответственности за войны» — ежемесячник, предназначавшийся для международной пропаганды, печатавшийся с целью доказать, что Первую мировую войну начали противники Германии. А доктор Фридрих Бернгард Марби пришел к выводу, что немецких граждан можно лечить физическими упражнениями, которые повторяют «энергетическое движение рун». Основу для физических упражнений в национальном стиле он взял из популярной в тридцатые годы индийской йоги, добавил поз, внешне копировавших форму древнегерманских рун, и национальная гимнастика начала завоевывать популярность среди масс.

Все же, что не имело национальной окраски, подлежало изгнанию и забвению. Такая участь постигла и всемирно известного психолога

Зигмунда Фрейда, после присоединения Австрии оказавшегося в лапах нацистов. Понадобилось вмешательство Рузвельта и Муссолини (и выкуп в размере 250 тысяч австрийских шиллингов), чтобы старику разрешили выехать из страны. При отъезде Фрейд был вынужден подписать декларацию о том, что с ним хорошо обращались, в которой он дописал фразу: «Каждому от чистого сердца рекомендую гестапо». Немцы иронии не почувствовали.

Все эти несомненные «достижения» не могли не отразиться на уровне научного развития Германии. Упал не только уровень подготовки студентов, но и сократилось их количество: с 127 820 в 1933 году до 58 325 в 1939-м. По ходу дела продолжалась дискриминация в возможностях получения полноценного образования для представителей низших классов — выходцы из рабочих семей составляли лишь 5% студентов технических вузов. Желая сломать сложившуюся кастовую систему получения образования, Гитлер обдумывал принципиально новые формы обучения молодежи. Еще до войны он хотел вывести университетскую жизнь за пределы больших городов и основать особые университетские городки.

В какой-то степени его мечта начала воплощаться в принципиально новом типе студенческой самоорганизации. С лета 1935 года при университетах и институтах возникали «Мужские дома СС» (общежития, в которых проживало около 30 студентов). Кроме самой академической подготовки, они посещали занятия по идеологии и эсэсовскому мировоззрению, а также активно занимались военно-спортивной подготовкой. Благодаря этому проекту руководство СС планировало вырастить собственную академическую элиту. В начале 1939 года «Мужских домов» насчитывалось 16 (Гамбург, Кёльн, Мюнхен, Марбург, Берлин, Тюбинген, Гейдельберг, Брауншвейг, Галле, Йена, Киль, Данциг, Кенигсберг, Вена, Грац, Инсбрук). В частности, они готовили кадры и для знаменитого исследовательского института «Аненербе» — одной из самых удивительных организаций Третьего рейха.

Рейхсфюрер СС Гиммлер не раз провозглашал, что весьма важной задачей СС является исследование и популяризация германской культуры. Начиная с 1935 года этими вопросами и ведало исследовательское общество «Наследие предков» («Аненербе»). Его учредителями выступили три человека: Генрих Гиммлер, Вальтер Дарре и голландский ученый немецкого происхождения Герман Вирт. Начиная с 1938 года, все археологические раскопки проводились только с ведома «Аненербе». Солидное финансирование (до 2 миллионов марок ежегодно) позволило привлечь к научным исследованиям многих первоклассных университетских ученых, с помощью которых были

достигнуты определенные успехи: произведены раскопки укреплений викингов IX века, состоялись экспедиции в Тибет и на Ближний Восток, позднее осуществлялись исследования и охрана древних поселений и курганов в оккупированной части Южной Украины (17).

Приглашали и иностранных специалистов. Помните, на заре перестройки шумел знаменитый роман Д. Гранина «Зубр» о затравленном Советами генетике. Так вот, описанный в нем русский генетик Тимофеев-Ресовский тоже числился сотрудником «Аненербе». Уж не знаю, стоит ли он гранинских стенаний.

Подготовка к войне и сама война дала интенсивное развитие производственной сфере нацистской науки. Тот же проект реактивного истребителя имелся у них еще в 1939 году. При этом характерно, что министр науки Руст за всю войну, которая больше, чем все другие, являлась войной техники, ни разу не был на докладе у главы государства. Поначалу власти даже отправили на службу в вермахт несколько тысяч высококвалифицированных ученых из университетов, высших технических заведений и различных НИИ, в том числе незаменимых специалистов по исследованиям в области высоких частот, ядерной физики, химии, моторостроения и т. д.

Однако после поражений в России, которые обнаружили значительное отставание Германии в разработке многих типов вооружений, 10 тысяч ученых, техников, специалистов, инженеров были сняты с фронта и водворены на свои места для решения неотложных задач. С фронта отзывали даже 100 ученых-гуманитариев. Радикально изменилось и отношение к самим ученым. Геббельсу пришлось издать директиву о том, чтобы впредь в прессе, по радио, в кино, в театре и в литературе больше не звучали выступления против ученых и исследователей, против учителей и духовенства, а, напротив, подчеркивалось бы большое значение их деятельности.

По окончании боевых действий шокированные размахом нацистских научных исследований американцы подсчитывали трофеи. Вот каков, например, их анализ достижений военных лабораторий «И.Г. Фарбениндурии»: «Эти секреты относятся к производству жидкого и твердого топлива, к металлургической промышленности, к производству синтетического каучука, текстиля, химикалиев, искусственных тканей, медикаментов и красок... Немецкие патенты содержат способы 50 тысяч видов красящих веществ, и большинство из них — лучше наших» (18).

В американском официальном отчете приводится ряд отдельных изобретений и результатов исследований в области прикладной физики, в области исследования инфракрасных лучей, по изобретению новых

смазочных средств, синтетической слюды, методов холодной прокатки стали и т. д. Для того, чтобы новым немецким научным и техническим понятиям подыскать соответствующие английские термины, потребовалось бы составить немецко-английский словарь, куда вошло бы около 40 тысяч новых терминов. «Мы узнали из этих бесценных секретов способы изготовления самого лучшего в мире конденсатора. Этот конденсатор выдерживает почти в два раза большее напряжение, чем наши американские конденсаторы. Это настоящее чудо для наших специалистов-радиотехников» (19).

Наверняка американцы не знали, что не только в области инфракрасного излучения и конденсаторов немецкие ученые оказались впереди планеты всей. Они также разработали удивительный метод массовой стерилизации неугодных сограждан. Лица, подлежащие стерилизации, по задумке ученых должны были на некоторое время подходить к административному окну для заполнения документов. В течение этих нескольких минут они облучались рентгеновскими лучами и становились бесплодными. Таким образом, через это «окно» можно было бы пропустить до 4 тысяч человек за день (20).

После войны немецкие технари стали ценностью. В общей сложности странами-победительницами было вывезено в США, СССР, Великобританию более 2 тысяч немецких ученых и технических специалистов. Расоведы, философы, историки и прочие профессиональные радетели за народ пользовались куда меньшим спросом. А кому нужно витийствующее стадо в отсутствие своего главного кормильца — националистического государства?

19. Искусство

Геббельс как-то заметил, что в век политизации масс народами нельзя править, «вводя чрезвычайное положение и комендантский час с девяти часов вечера»: или даешь им идеал, предмет для их фантазий и привязанности, или они пойдут своей дорогой (1). Для этого идеально подходит использование, создание и эксплуатирование понятия «звезда». Лидеры мира досуга выглядят и говорят на порядок лучше, привлекая внимание миллионов. А звезд нужно зажигать, сорганизовывать, кормить, в конце концов. То есть вырастает проблема создания необходимой инфраструктуры. «Если театры, радиостанции и кинопроизводство принадлежат мне, то так или иначе я определяю, что именно нужно играть, говорить и снимать» (2). А значит, и влиять на социум.

22 сентября 1933 года в Германии законодательно оформлена Палата культуры рейха во главе с доктором Геббельсом. Ее назначение закон определил следующим образом: «С целью осуществления немецкой

культурной политики необходимо собрать творческих работников во всех сферах в единую организацию под руководством рейха. Рейх должен не только определить направление интеллектуального и духовного прогресса, но и организовать деятельность работников различных сфер культуры и руководить ею» (3).

Для руководства и контроля за каждой сферой культурной жизни власти учредили семь отраслевых палат: изобразительных искусств, музыки, театра, литературы, прессы, радиовещания и кинематографии. Государство обязало всех лиц, работавших в вышеперечисленных сферах, вступить в соответствующие палаты, решения и указания которых имели силу закона. Любая творческая деятельность без наличия соответствующих членских документов строго каралась, вплоть до тюремного заключения. Также рукопись любой книги или пьесы авторы представляли в Министерство пропаганды, чтобы получить разрешение на ее публикацию или постановку.

Членство в творческой палате не являлось чем-то обременительным, но обеспечивало ранее неимущим и вечно страдающим от безденежья художникам, музыкантам и писателям неплохие доходы. Нацистское государство добросовестно исполняло свои обязанности по отношению к творческим людям, и с голоду, в обмен на свою лояльность, они не умирали. Итого в 1936 году в Имперской палате культуры насчитывалось 15000 архитекторов, 14300 художников, 2900 скульпторов, 2300 мастеров художественных ремесел, 1260 художников-оформителей, 2600 издателей и т. д. (4).

Хотя и создание палаты не сняло всех противоречий в вопросах руководства культурой. Как и в других сферах деятельности Третьего рейха, здесь также шла непрерывная война полномочий. В сфере культуры ссорились беспрестанно Геббельс и Розенберг; в искусстве были соперниками Геринг и Геббельс; за контроль над немецкими писателями воевали друг с другом Геббельс, Розенберг и Бюхлер (5).

Геббельс всегда декларировал взаимосвязь пропаганды и искусства, подчеркивал ее творческое начало. «Пропаганда должна быть творческой. Она ни в коем случае не является объектом бюрократического или официального администрирования, но, скорее, объектом продуктивной фантазии. Настоящий пропагандист должен быть истинным артистом» (6). Собственно, Гитлера и Геббельса без особой натяжки можно причислить к богеме. Оба они считали себя писателями, а фюрер вдобавок еще и промышлял в юности художественным ремеслом.

В мирное время, стремясь окунуться в милую для себя богемную среду, Гитлер ежегодно устраивал пышные приемы для художников и артистов. Он также с удовольствием принимал творцов, приходивших

побеседовать на профессиональные или личные темы, у себя дома. Среди прочих, вождь любил посидеть за чашкой чая у камина с очаровательной женщиной и известным кинорежиссером Лени Рифеншталь³⁸. Можно сказать, что относительная компетентность руководителей, а именно Гитлера и Геббельса, в вопросах искусства долгое время обеспечивала им популярность в артистической среде, а значит, и передавалась через нее в широкие слои национальной интеллигенции.

Во всех своих налоговых декларациях в графе «Профессия» Гитлер указывал «Литератор». Литературные гонорары Гитлера, начиная с 1925 года, составляли значительную сумму. Только за первый год пребывания Гитлера у власти книготорговцы продали миллион экземпляров «Майн Кампф», а авторское вознаграждение фюрера составило около миллиона марок. Что неудивительно: в нацистской Германии считалось почти обязательным дарить «Майн Кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы. Плюс библиотеки, плюс армия и т. п. В 1936 году вышло даже издание для слепых.

До 1945 года «Майн Кампф» с ее общим тиражом 10 000 000 экземпляров и переводами на 16 языков принадлежала к числу наиболее широко печатаемых и переводимых книг в мире (7). Например, в США знаменитый издатель Хёрст купил права на издание книги за гигантскую в то время сумму в 25 тысяч долларов. Всего же за «Майн Кампф» автор получил 15 миллионов марок, из которых до своей смерти израсходовал лишь половину.

Литература в то время считалась главным и самым распространенным видом искусства. Геббельс в статье о поэтах и писателях объяснял сей феномен: «Для современников нет ничего более интересного и увлекательного, чем увидеть, какие слова нашел человек их поколения, чтобы передать, что они сами чувствуют, но не могут выразить в своей беспомощной немоте» (8). И литераторы не даром оказались на особом прицеле у власть имущих. Умных власть имущих. Хороший литератор (публицист) профессионально владеет метафорой — ярким образом, который может покорить воображение масс. Вспомните все эти «общеевропейский дом», «архитекторы перестройки», «дорога к храму», «столбовая дорога цивилизации».

Одним из наиболее известных писателей Третьего рейха считался Ханс Гримм. Он привлек к себе всеобщее внимание в 1926 году, опубликовав политический роман «Народ без пространства». Эта книга моментально приобрела популярность и разошлась полумиллионным тиражом. Гримм убеждал, что Германия обречена на голод и вымирание, если не расширит свои границы. Нацисты превозносили Гримма

³⁸ Благодаря этим неформальным связям Лени удалось оставаться независимой даже от Министерства пропаганды, пока не грянула война.

как ведущего «пророка германского литературного возрождения» и широко использовали в качестве лозунга название его книги «Народ без пространства». Бывало, правда, что голосом поколения ставал автор, который не разделял нацистские взгляды — более того, исповедовал противоположные. И тогда начиналась травля.

Настоящая фамилия Эриха Марии Ремарка — Крамер (Ремарк — его анаграмма). Впервые он привлек внимание Геббельса после опубликования ставшего культовым романа «На Западном фронте без перемен». «Читал «На Западном фронте без перемен». Ничего особенного. Через два года о книге никто и не вспомнит. Но она повлияла на миллионы сердец. Книга хорошо сделана. Потому так опасна» (21.06.1929). Как видим, реакция поначалу довольно спокойная³⁹.

Чуть позже, почуяв запах скандала, нацисты солидаризовались с военщиной и сорвали премьеру фильма по роману Ремарка, устроив массовые акции протеста. Дневник Геббельса свидетельствует: «Полиция симпатизирует нам. Снаружи атакуют кассы. Звенят оконные стекла. Демонстрация фильма отменена и следующая тоже. Мы выиграли» (6.12.1930). «На Ноллендорфплац большая демонстрация против фильма Ремарка. Сегодня вечером все снова начнется. Мы не допустим слабости» (8.12.1930). «Наши люди как одержимые. В 4 часа поступил запрет фильма за «искажение образа немцев перед миром». Это наш триумф. Сыпятся поздравления со всех сторон» (12.12.1930).

Давление, оказанное нацистами, и последовавшее в результате него запрещение на показ фильма впервые показали всему миру как силу НСДАП, так и их методы давления на неугодных деятелей культуры. После прихода нацистов к власти было запрещено творчество 149 писателей и 12 400 литературных произведений — огромная часть мировой и национальной культуры. Однако нацистские «черные списки» нежелательных и запрещенных книг были обязательны только для публичных библиотек, число которых, к слову сказать, при нацистском режиме существенно возросло: с 6 тысяч в 1933 году до 25 тысяч в 1942-м. На частных лиц и научные библиотеки запреты не распространялись (9).

Большинство известных писателей эмигрировали — среди них тот же Ремарк, Томас и Клаус Манн, Бертольд Брехт и многие другие. Но некоторые видные мастера остались — прежде всего, следует упомянуть крупнейшего немецкого поэта Готфрида Бенна. Все-таки произведения самого значительного немецкого поэта-лирика XX века никому и в голову не приходит считать пронацистской литературой. Правда, оставшиеся в Германии Ганс Фаллада, Бернгард Келлерман, Рикарда Хух практически

³⁹ К примеру, австрийским солдатам в 1929 году было вообще запрещено читать эту книгу, в демократической Чехословакии ее изъяли из армейских библиотек. За антивоенную пропаганду через три года перевод романа был запрещен и в Италии.

не участвовали в литературной жизни.

Классическими стали кадры кинохроники, запечатлевшие массовое сожжение книг нацистской молодежью в майскую ночь 1933 года. «Поздно вечером произношу речь на площади Оперы. Перед костром сжигаемых студентами грязных и бульварных книг. Я в наилучшей форме» (11.05.1933). Но следует заметить, что подобные демонстрации имели место и в других университетах. А в Мюнхене в демонстрации, во время которой сжигались запрещенные книги, даже приняло участие 5 тысяч детей.

Демонстративное аутодафе не было мимолетным капризом или самодурством — наоборот, власть продекларировала разрыв со старой эпохой самым наглядным и решительным способом. Какая же эпоха пришла? Национальная! Гитлер искренне полагал, что суть искусства заключается в его национальном характере. Что сегодня, собственно, считается аксиомой. Кроме того, Геббельс поделил литературу на «почвенную» и «асфальтовую», чуждую немецкому духу. Примерно то же деление мы увидим и в понятиях «деревенская» и «городская» проза, соперничеством которых определялось развитие советской литературы в 60-80-х годах прошлого века.

А ставшая хрестоматийной любовь писателей к родному языку и его носителю — народу. Знаменитое письмо упомянутого немецкого поэта Готфрида Бенна, адресованное эмигрировавшему антифашистски настроенному писателю Клаусу Манну: «Народ — это так много! Моим духовным и экономическим существованием, моим языком, моей жизнью, моими человеческими связями, всей суммой отложившегося в моем мозгу я обязан в первую очередь этому народу. Этому народу принадлежали предки, в этот народ вольются дети. Поскольку я вырос в деревне, посреди стад, я еще знаю, что такое Родина. Большой город, индустриализм, интеллектуализм, все тени, которые бросает век на мои мысли, все силы столетия, которым я даю отпор моим творчеством, — бывают моменты, когда вся эта мучительная жизнь исчезает и остается только равнина, простор, времена года, земля, простое слово — народ» (10).

Даже не знаю отечественного литератора, который не подписался бы под этими высокопарными фразами. Тем более, многие из них — выходцы из деревни. Но, как показывает практика, яростная критика гнилого «интеллектуализма» (читай «антипатриотизма») больших городов не вступает в противоречие с уничтожением любого интеллекта как такового.

Итак, оставшиеся в рейхе национальные писатели (всего около 3 тысяч литераторов) были обязаны зарегистрироваться в Имперской палате литературы. К 1939 году она подчинила себе работу 2500 издательств,

редакций и типографий и 23 тысяч книжных магазинов. Пряника ради правительство учредило 50 ежегодных национальных премий по литературе. Одним из кульминационных мероприятий литературной жизни Германии с 1938 по 1942 год стали Веймарские дни поэзии. Довольно показательны названия ежегодных тем этих мероприятий: 1938-й — «Пропаганда немецкой культуры за рубежом», 1940-й — «Поэзия в войнах Рейха», 1941-й — «Ведущая роль немецкой литературы в новой Европе», 1942-й — «Воин и поэт». В творческих слетах охотно принимали участие и поэты в униформе вермахта, а премии особенно часто получали романы, посвященные войнам прошлого (11).

Специальные инструкции предписывали литераторам работать в четырех жанрах. «Фронтовая проза» — призванная воспевать фронтовое братство и романтизм военного времени. «Партийная литература» — произведения, отражающие нацистское мировоззрение. «Патриотическая проза» — произведения, проникнутые национальным колоритом, с акцентом на германский фольклор, величие германского духа, национализм и народничество. И наконец, «Этнологическая (расовая) проза» — возвеличивание нордической расы, ее традиций и вклада в мировую цивилизацию, рекламирующая биологическое превосходство арийцев (12). В общем, министр пропаганды оказался прав, утверждая: «В тот момент, когда политика пишет народную драму, когда крушат прежний мир, когда исчезают старые ценности и возникают новые — в этот момент деятель искусства не может сказать: «Меня это не касается». Это его еще как касается» (13). Писатели сочиняли, обслуживая госзаказ, а пресса, школа, партийные структуры обеспечивали им читателя.

Не чурались большой литературы и партийные лидеры. Тот же Гиммлер не раз высказывал пожелание, чтобы обучение эсэсовцев происходило посредством исторических рассказов, которые по своей форме должны были напоминать северные саги. Благодаря пожеланию рейхсфюрера СС в Германии появился новый специфичный жанр художественной литературы — «эсэсовские саги». Геббельс в своем содействии искусству пошел еще дальше (запись от 26.10.1936): «Я совершенно запрещаю критику искусства. Никто в общественной жизни не будет больше критиковаться прессой, и люди искусства тоже не должны быть добычей прессы». И запретил.

Какие же результаты принесли усилия нацистских меценатов? Ну, во-первых, тиражи книг упали на 30% по сравнению с 1920-ми годами. Из сорока признанных бестселлеров Третьего рейха треть числилась подлинно национал-социалистической беллетристикой, а прочее — развлекательные романы. Обилие истинно арийской писанины читатели

компенсировали иностранной литературой. До начала войны культурная жизнь была не слишком регламентирована: большими тиражами выходили романы Хемингуэя, Фолкнера, Томаса Вулфа; огромный успех имела Маргарет Митчелл, много переводили и читали Андре Мальро, писателя-католика Поля Клоделя, лирика Жюль Ромена, большой популярностью пользовался «Ночной полет» Антуана де Сент-Экзюпери.

После начала войны журналист Уильям Ширер провел свое личное исследование на ту же тему: «Попробовал выяснить, что читают немцы в это мрачное время. Из романов три бестселлера: 1) «Унесенные ветром», 2) «Цитадель» Кронина, 3) «Вдали поют леса» Тригве Гулбранссена, молодого норвежского автора. Из научной и прочей литературы наибольшим спросом пользуются: 1) «Цветной фронт», анонимное исследование проблемы «белые против негров»; 2) «Все об Англии», пропагандистская книжка; 3) «Тотальная война», знаменитая книжка Людендорфа, весьма актуальная в данный момент; 4) «Пятьдесят лет Германии» Свена Гедина, шведского исследователя и приятеля Гитлера; 5) «Такова Польша» фон Ерцена, сведения о Польше, впервые опубликована была в 1928 году» (14). Особенно показательна вторая часть списка — военное дело, описание противников, расистские книжонки. Идеалы Ремарка и его антивоенный шедевр «На Западном фронте без перемен» были вычеркнуты из памяти народа. Тогда казалось, что навсегда.

Не оставались в стороне и люди, творившие фасад национал-социалистической Германии в самом буквальном смысле этого слова — архитекторы. Архитектура — видимое всеми лицо режима и правящего класса, наглядная декларация его целей и принципов, и в этом отношении она является сильнейшим средством пропагандистского воздействия.

Еще в 1930 году во имя «prestижа партии» Гитлер построил в Мюнхене помпезный «Коричневый дом», фасад которого украшала гигантская свастика — прообраз будущих партийных строений в Берлине. Его архитектором стал Пауль Людвиг Троост, человек, которого считают классиком национал-социалистической архитектуры. Он принадлежал к группе архитекторов, которые еще до 1914 года положили начало скупому по части средств архитектурной выразительности и почти лишенному декоративности направлению. Благодаря Альберту Шпееру, бывшему долгое время личным архитектором Гитлера и написавшему после войны прекрасные мемуары, мы можем подробно познакомиться с архитектурной мастерской Третьего рейха. «То, что провозгласили официальной архитектурой рейха, было всего лишь представленным Троостом неоклассицизмом, размноженным, видоизмененным,

преувеличенным. В классицизме в дорическом стиле Гитлер превыше всего ценил его вневременной характер, надеясь обрести некоторые точки соприкосновения с германским миром». (15)

В другом месте своих мемуаров Шпеер опровергает распространенное заблуждение, будто существовал некий особый архитектурный стиль Третьего рейха: «Нередко утверждали, что этот стиль (неоклассицизм) есть признак господствующего архитектурного стиля в тоталитарном государстве. Что неверно. Скорее, это признак эпохи, и он присущ Вашингтону, Лондону и Парижу в той же мере, что и Риму, Москве или нашим проектам реконструкции Берлина» (16). Побывав, в свое время, во всех вышеперечисленных городах, охотно с ним соглашусь. Назовем данный стиль «имперским» — декларирующим грандиозную мощь государства.

В начале 1939 года перед началом строительных работ на очередном объекте Гитлер сказал: «Почему всегда самое большое? Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому немцу чувство собственного достоинства. Чтобы в сотне различных областей сказать каждому: мы ни в чем не уступаем другим народам, напротив, мы равны любому из них». (17)

«Если однажды, — провозгласил фюрер на закладке первого камня Дворца конгрессов в Нюрнберге, — Движению суждено будет смолкнуть, то и спустя тысячелетия будет говорить этот свидетель. Посреди священной рощи древних дубов люди будут с благоговейным удивлением восхищаться этим первым колоссом среди сооружений Третьего рейха» (18). Так оно и получилось — здание до сих пор поражает туристов своими размерами. Сегодня в его амфитеатре проходят рок-концерты, располагается Документационный центр истории нацизма, репетирует городской оркестр, функционируют складские помещения, но все равно — большая часть дома пустует. Однако есть резон еще раз подчеркнуть: официальные сооружения в Вашингтоне (Мемориал Линкольна и вокруг него) по своему размаху соразмерны Нюрнбергскому проекту. Таков стиль эпохи, и он был востребован.

Здесь нам снова не обойтись без обильного цитирования Шпеера, который принимал самое активное участие в формировании архитектурной политики Третьего рейха. «Через два года после того, как Гитлер одобрил мой проект (партийный форум в Нюрнберге. — К.К.), его в виде макета показали на Всемирной выставке 1937 года, где он получил Гран-при» (19).

На той же выставке нашлось место и для неформального состязания среди диктаторских режимов — чья физиономия покажется симпатичнее стороннему наблюдателю. «На территории выставки (Всемирная выставка в Париже. — К.К.) строительные площадки

советского и немецкого павильонов лежали точно друг против друга — умышленное противопоставление со стороны французской дирекции. Во время одного из своих наездов в Париж я забрел в помещение, где был выставлен хранящийся в тайне проект советского павильона (так-таки и «случайно» забрел! — К.К.). Фигуры десятиметровой высоты торжественно шагали с высокого постамента прямо на немецкий павильон. После этого я набросал расчлененными тяжелыми колоннами монументальный куб, который как бы преграждал им путь, а с фронтона моей башни сверху вниз взирал на русскую пару орел, державший в когтях свастику. За павильон я получил золотую медаль, как, впрочем, и мои русские коллеги» (20).

Однако жизнь милитаристского государства диктовала архитекторам и свои специфические требования. В том же Нюрнберге незадолго до войны завершили грандиозный проект Триумфальной дороги. Она была выложена тяжелыми гранитными плитами, достаточно прочными, чтобы выдержать вес танка, а поверхность плит была нарочно сделана шероховатой, чтобы солдаты, проходя парадным шагом, не скользили по ним. И наоборот, часовые «Лейбштандарта "Адольф Гитлер"», дежурившие в резиденции рейхсканцлера носили сапоги со съемными войлочными подошвами, дабы не повредить драгоценные мозаики и мраморные плиты. К слову сказать, архитектура того времени в Германии сознательно отказывалась от строительных панелей и бетона. Сооружения возводились из натурального камня, и здесь тоже можно усмотреть элемент государственной политики возвращения к историческим и национальным истокам.

К числу приоритетных сооружений для строительства относились спортивные арены, гигантские залы для собраний, кинотеатры и театры — все, что можно использовать для политических и пропагандистских целей. Общественные здания должны были выглядеть как увеличенные греческие храмы, с возвышающимися ступенями и рядами колонн. Нацистский стиль, которому лучше всего подходит название «Нордического эллинизма», являлся классическим по замыслу, но гигантским по масштабам. Такой стиль укреплял образ нацистов как наследников великих культур прошлого.

Продолжали творить и архитекторы, находившиеся вне новых веяний, добываясь простоты и функциональности архитектуры. Многие из них (Э. Май, В. Гропиус и др.) экспериментировали в индустриальном дизайне и возвели множество зданий, получивших мировое признание. С другой стороны, чтобы угодить сентиментальному фюреру, нацистские архитекторы строили в лесах вокруг Берлина крытые соломой коттеджи с деревянными балкончиками, дубовыми перекрытиями грубой ручной

работы, напоминающие побеленные тирольские домики.

Главным архитектурным символом Третьего рейха стала новая рейхсканцелярия, резиденция Гитлера. На входе в нее стояли колоссы, символизирующие партию и армию, а далее следовал ряд помещений, непрерывно меняющихся по материалу и цветовой гамме и общей длиной 220 метров. В 1938 году признав лидера Германии «Человеком года», журнал «Тайм» сообщает: «На прошлой неделе герр Гитлер устроил рождественскую вечеринку для 7000 рабочих, строящих новую гигантскую Канцелярию в Берлине, сказав им: «Следующее десятилетие покажет этим странам с их патентованной демократией, где находится настоящая культура» (21). Он же, Адольф Гитлер, предвкусывая скорые и многочисленные посещения его резиденции иностранными посетителями, предусмотрел для них особую форму психологического давления: «Они уже при входе по дороге в зал ощутят мощь и величие германского рейха» (22).

Также при Гитлере начались работы по реконструкции Берлина. Возможно, ему не давал покоя сталинский опыт реконструкции Москвы. По распоряжению Шпеера срубили знаменитые липы на центральной берлинской улице Ундер дер Линден и повсюду воздвигли мраморные колонны, украшенные орлами, знаменами и прочими национал-социалистическими эмблемами. Уже накануне пятидесятилетия Гитлера открылась для движения часть оси «Запад-Восток», новой широкой магистрали, пересекавшей столицу Третьего рейха.

Всякая реконструкция исторической части города вызывает сопротивление общественности, особенно, если речь идет о разрушении исторических памятников. И здесь, памятуя о чрезвычайной чувствительности немцев к сохранению исторического наследия, режим поступил нестандартно. Для того, чтобы прозондировать мнение общественности касательно сноса башни берлинской ратуши, Шпеер инспирировал «Письмо в редакцию», в котором озвучил данную идею. «Из-за яростных протестов читателей я решил до времени отказаться от своего замысла» (23). Много ли времени осталось до того, как бомбы и снаряды союзников разнесут немецкие города и их исторические памятники в щепки?

Для реализации всех грандиозных замыслов Шпееру не хватило времени. В 1938 году начали строительство только одного здания — немецкого Дома туризма, разрушенного во время войны. Обратите внимание на функциональное и пропагандистское предназначение объекта, выбранного для первоочередного строительства.

Символично, что после войны в Москве возвели высотные дома, похожие на шпееровские проекты, и — улыбка истории — для цоколей

этих громадных строений использовали гранит, взятый с развалин гитлеровской имперской канцелярии (24).

Расхожей стала фраза, что архитектура — это застывшая музыка. Титанической архитектуре должна соответствовать такая же грандиозная музыка. Подобная музыка в Германии существовала и до появления нацистского режима. Более того, она оказала на него заметное влияние. «Тот, кто хочет понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера», — любил повторять Гитлер.

Рихард Вагнер — культовый композитор эпохи Третьего рейха. Его грандиозные произведения «Кольцо нибелунга», «Нюрнбергские мейстерзингеры» и другие составляли неотъемлемую часть культурной жизни Германии, партийных съездов, филармонических концертов. Способствовали тому и сама монументальная музыка Вагнера, и его широко известные политические взгляды (крайний национализм и антисемитизм), а также личное участие фюрера, хорошо знакомого с семьей композитора. В частности, Гитлер финансово поддерживал проходивший в Байрейте фестиваль музыки Вагнера. Из его личных и партийных фондов НСДАП ежегодно выделялось несколько сот тысяч марок, которые помогали сделать фестиваль вершиной оперного сезона.

Но это не было искусство ради искусства. Гитлер планировал привлечь на фестиваль представителей всех слоев немецкого общества. По линии организации «Сила через радость» для рабочих и служащих обеспечивалась возможность поездки в Байреит, музыкальную столицу Германии. Та идея, что серьезное искусство принадлежит народу, реализовывалась не только на оперных фестивалях, но и в повседневной жизни. Например, по приказу фюрера на всех значительных площадях Мюнхена в дни праздников большие оркестры играли классические произведения.

В годы Третьего рейха можно было повсеместно наслаждаться превосходным исполнением симфонической и оперной музыки. В отличие от писателей, большинство выдающихся деятелей немецкого музыкального искусства решили остаться в нацистской Германии. Не покинул страну один из самых выдающихся дирижеров XX века Вильгельм Фуртвенглер, возглавлявший филармонический оркестр. Остался и Рихард Штраус, ведущий из тогдашних немецких композиторов. Некоторое время он даже являлся президентом Музыкальной палаты. Всемирно известный дирижер Герберт фон Караян вступил в нацистскую партию еще в 1933 году, а в 1941-1942 годах возглавлял второй по значению в Германии (после Берлинского филармонического оркестра) симфонический оркестр — Прусскую

государственную капеллу. Игорь Стравинский (музыкант-авангардист, т. е. антагонист официального искусства Третьего рейха, однако, не скрывавший своих антисемитских и антикоммунистических взглядов) мог свободно выступать с концертами в Германии (25).

Всю войну, вплоть до штурма Берлина советскими войсками, 105 музыкантов главного оркестра страны — Филармонического — давали концерты. Коллектив подчинялся Министерству пропаганды, и поскольку нацисты считали, что Филармонический оркестр повышает боевой дух, его музыканты освобождались от военной службы. «В списке (освобожденных от службы в армии. — К.К.) архитекторы и скульпторы занимали лишь скромное место, подавляющее большинство освобожденных от призыва составляли певцы и артисты» (26). Справедливости ради отметим, Гитлер благоволил не только к музыкантам, но также защищал интересы танцовщиц и звезд эстрады. Он издал указ о повышении социального положения артистов балета и даже специальный закон, запрещающий представления в цирке на туго натянутой проволоке без страховочной сетки.

Что же касается прямого пропагандистского воздействия музыки, то здесь на первый план выступает такой жанр, как песня, как правило, хоровая. И исполняли их не напомаженные артисты, а колонны марширующих штурмовиков. Самым знаменитым из подобных произведений стала «Песня Хорста Весселя» — партийный гимн НСДАП. Сам Хорст был штурмовиком, храбро погибшим, по официальной версии, в драке с коммунистами. По другой — сутенером, убитым из-за проститутки. Однако сей лирик-сутенер писал стихи и вел дневник, который после его смерти попал в руки Геббельса. «Фрау Вессель отдала мне политический дневник Хорста. И как он пишет обо мне, сколько юношеского воодушевления. Мы опубликуем его в "Ангриффе"» (24.03.1930).

Геббельс принялся пропагандировать дневник Хорста Весселя, насаждать его имя в нацистской мифологии, таким образом, косвенно возвышая и себя. Куплеты песни Хорста, написанные им для штурмовых отрядов, стали нацистским гимном «Хорст Вессель». По свидетельству Ханфштангля, мелодия партийного гимна взята из песни, популярной в венских кабаре в начале XX века: «Вессель, безусловно, написал новые слова и взбодрил ритм, чтобы подогнать его к маршевому темпу, но корни этой песни именно оттуда» (27).

Для марширующей в едином строю нации крупными тиражами выпускались многочисленные песенники, такие как: «Наше солнце не заходит» или «Юный народ поднимается». В текстах проповедовалась ненависть к окружающим Германию врагам, личный героизм и готовность

к самопожертвованию: «Барабанщик, дай сигнал войскам, / Мы пойдем походом на Москву. / Путь наш легок, жребий наш велик, / Пусть бежит в испуге большевик». Или «Песня гитлерюгенд», предназначенная для исполнения на улицах и во время детских походов: «Господь, верни нам Моисея, / Пусть заберет своих евреев / В обетованную страну. / И моря воды в ключьях пены / Воздвигни по бокам, как стены, / Путь, проложив через волну. / Когда пойдут меж них евреи, / Обрушь на них валы скорее» (28).

Печатались и специальные песенники для солдат вермахта, вроде карманного издания «Наш военный песенник». «Среди песен, рекомендованных к исполнению штабом группы армий, попадались очень грустные, проникнутые тоской по родине... При упоминании о песнях Гитлер сразу насторожился и спросил об их содержании. Я вынул из кармана текст, он пробежал его глазами и даже слова не сказал. Лишь после войны я узнал, что он приказал отдать под трибунал всех, кто распорядился напечатать тексты этих песен»(29). Характерный пример, насколько серьезно Гитлер относился к репертуару своих головорезов, включая, казалось, самые мелочи.

Для психологической обработки населения использовались и другие музыкальные находки. С появлением разных театров боевых действий через музыкальные заставки выпуска новостей по радио уже с первых секунд начала передачи слушатель мог представить, о какой части Европы и мира пойдет речь. Подготовка к нападению на Советский Союз включала в себя и эту необычную сферу воздействия на подсознание. 21.06.1941: «Испытывал новые фанфары. Теперь нашел нужные. Фюрер очень доволен нашими фанфарами, он приказывает кое-что добавить. Из "Песни Хорста Весселя"». (Геббельс)

В музыке врага, соответственно, отслеживали потенциальную угрозу. В начале боевых действий против Советского Союза Геббельс издал директиву, запрещающую исполнение классической и современной русской музыки. «В развитие приказа № 121 от 2.8.1941 запрещается петь русские песни: «Катюша», «Полюшко», «Три танкиста» и другие» (30).

Война потребовала от Министерства пропаганды определенной гибкости в музыкальной политике. Эстрадная музыка (без опер, классической и духовой музыки) составляла в 1938 году 45% программного времени, а летом 1943-го — 70% от всего времени трансляции (31). Таким способом нацисты старались смягчить неудовольствие слушателей от надоедливой военной пропаганды, а также отвлечь внимание от вражеских радиопередач. Что оказалось невозможно без трансляции переживавшего в ту пору свой расцвет джаза.

А ведь относительно недавно Геббельс о джазе не хотел и слышать: «Слушал омерзительное радио (негритянство, искусство недочеловеков)» (32). Воспитанник элитного учебного заведения Уве Лампрехт вспоминал: «Нам показывали пропагандистские фильмы о «еврейско-негритянском джазе» и джазисте Бенни Гудмане, который «своими преступными еврейскими руками» дурно обращался с кларнетом» (33). Однако пропагандистская необходимость брала свое. Власти слово «джаз» запретили, его стали именовать «подчеркнуто ритмическая музыка» — но, обходя таким формальным образом запреты, немцы слушали джаз все больше и больше. И проиграли войну они вовсе не из-за него.

Только в наши дни музыка действительно стала по-настоящему страшным и мощным оружием. Когда американцы выкуривали панамского диктатора Норьегу, который укрылся от них в резиденции папского нунция, они использовали для этой цели грохот невероятно громкой рок-музыки. И через несколько суток круглосуточного аккомпанемента в стиле хэви-металл злобный Норьега таки не выдержал мучений и сдался.

И все же для Третьего рейха основным средством пропаганды в искусстве и через искусство оставался кинематограф. Еще задолго до прихода к власти Геббельс четко осознавал пропагандистскую силу кинематографа: «Вчера смотрели «Потемкина». Надо сказать, замечательно сделано. Прекрасные массовки, пейзажные и технические съемки точного воздействия. Лозунги сформулированы так точно, что не найдешь возразить. В этом опасность фильма» (30.07.1928).

19 января 1934 года был опубликован указ о запрете кинопроизводства под общественным или частным руководством кому бы то ни было, кроме членов Имперской палаты кинематографии и, разумеется, истинных арийцев. Вскоре вышел закон о кинематографе, согласно которому все кинофильмы подлежали классификации по своим политическим, художественным и просветительским качествам. Набравшие максимальное количество баллов, удостоивались и максимального благоприятствования со стороны государства. Также в рамках Палаты кино власти создали экспертный совет для оценки пригодности кинолент для демонстрации в детской аудитории или использования в качестве учебного пособия.

Поначалу новые правила игры, установленные нацистами, вкупе с общей неуверенностью производителей привели к тому, что выпуск кинопродукции в Германии снизился на четверть, однако позже потери наверстали. Всего же за всю историю Третьего рейха было выпущено 1363 полнометражных фильма, из которых около 150 носили явную пропагандистскую направленность. Повседневная пропаганда

обеспечивалась в основном новостийными киножурналами.

Накануне войны в Германии было 5500 кинотеатров, а после аннексий их число выросло до 8600 (34). В каждом столичном районе находился, по крайней мере, один кинозал вместимостью более тысячи мест. За первые девять лет существования Палаты кинематографии число посещений кинотеатров выросло в четыре раза, достигнув миллиарда в 1942 году. Кроме того, огромное количество передвижных установок для показа фильмов числилось за армией.

Кинокритикам, помимо простого описания, разрешался лишь краткий позитивный комментарий художественных сторон фильма. «Критики делают ошибку, давая оценку эстетической стороне фильма без оценки политического контекста увиденного. При любых обстоятельствах нельзя говорить ничего такого, что оттолкнуло бы зрителей от дверей кинотеатров», — Геббельс потребовал от киноиндустрии большего, нежели самокупаемость, она должна активно пополнять нацистскую казну (35).

Но попадались такие зрители и критики, которым не мог отказать даже всесильный министр пропаганды. Сначала Геббельс попытался организовать для узкого круга гитлеровских приближенных в Оберзальцберге предварительный просмотр новых фильмов перед их выпуском на широкий экран. Конечно, в таких случаях кинопродукцию рассматривали особенно критическим взглядом. То Ева Браун придиралась к какой-нибудь сцене, то Борману (или другому иерарху) не нравилось чья-нибудь роль, и т. д. Геббельс с ума сходил от злости и вскоре вообще перестал присылать новые фильмы: «Мне, мой друг, нисколько не интересно выслушивать, как мои фильмы критикует какая-то дурочка и вертихвостка (Ева Браун. — К.К.) или возвеличенный мясник (Мартин Борман. — К.К.)» (36).

Экономический контроль Геббельса за киноиндустрией усиливался, благодаря беспрестанным покупкам акций. Так, студия УФА была анонимно приобретена в марте 1937 года. В декабре этого же года настал черед студии «Тобис». К 1942 году все оставшиеся киностудии перешли в полное управление государства.

Технически студии в Берлине и Мюнхене считались лучшими в Европе. Берлинская киностудия Нойбабельсберг слыла «европейским Голливудом». После беседы с некой итальянской артисткой Геббельс записывает: «Все они хотят работать в Германии. Мы должны расширить наш типаж, потому что после войны мы будем обеспечивать фильмами гораздо большее число национальностей» (37). И он же: «Самые видные актеры должны перебраться в Германию». В погоне за Голливудом и для пропаганды достижений немецкого кино в 1938 году нацисты основали

Германскую киноакадемию.

Министерство пропаганды тщательно следило за всеми возможными конкурентами — производителями аналогичной продукции из других стран. «Смотрели русский фильм о финской войне. Жалкое зрелище. Чистый дилетантизм» (10.08.1940). Спустя неделю: «Фильм о красной спортивной олимпиаде в Москве. Он хорош. Он показывает живую и жизнерадостную Россию. Другое лицо большевизма. Большие организаторские способности. Большевизм всегда будет для нас загадкой» (16.08.1940). По отношению к своим союзникам Геббельс также чужд сентиментальности, он жестко инструктирует своего сотрудника, направляя его представителем германской кинематографии в союзную Италию: «Не давать итальянскому кино слушком развиваться. Германия должна оставаться руководящей кинодержавой и еще больше укреплять свое доминирующее положение» (38).

Прокат немецких фильмов за границей обеспечивался целой сетью кинотеатров, принадлежавших, напрямую или через подставных лиц, немецким властям. «Нам принадлежат уже сейчас самые лучшие и крупнейшие (кино-) театры в Париже и Марселе, а главным образом на Балканах. Владение кинотеатрами является лучшей гарантией проникновения немецких фильмов за границу» (39). Приобретаются они «совершенно бесшумно и незримо, в большинстве случаев через подставных лиц».

В своей киноэкспортной политике Геббельс в пике Голливуду поначалу делал упор на «духовность» немецкого кино. Однако остальной мир проявлял мало интереса к «духовности», исходившей из Третьего рейха, и германский киноэкспорт с треском провалился. Однако и на родине зрители находили эти страстные пропагандистские фильмы чересчур утомительными.

Первый из них (начало 1933 года) — «Гитлерюгендонец Квекс», еще пользовался определенной популярностью. «Квекс» был снят по мотивам популярного (за предыдущие два года было продано 200 тысяч экземпляров) романа о юном нацистском мученике. Он рассказывал о жизни реального человека — пятнадцатилетнего члена гитлерюгенда Герберта Норкуса, распространявшего нацистскую предвыборную литературу в Берлине и убитого группой боевиков-коммунистов. Его отец, всю жизнь состоявший в компартии, изображен как алкоголик, грубиян и бездельник, который делает несчастными Гейни (главный герой фильма) и его мать. Мать в отчаянии совершает самоубийство, зато Гейни вступает в гитлерюгенд и находит там настоящих товарищей и цель в жизни. Умирая, он говорит: «Знамя значит больше, чем смерть» (40).

«Важно, чтобы история писалась нами, поскольку тот, кто пишет

историю, контролирует настоящее» — эта мысль принадлежит не кому-нибудь из лидеров нацистской Германии, как вы могли бы подумать, а вполне современному и прогрессивному английскому кинематографисту Кену Лоху (41). Фамилия странная, а мысль режиссера верная — кино вполне может создавать необходимые исторические образы для актуальных пропагандистских потреб. После «Гитлерюгендовца Квекса» последовали другие фильмы на темы недавней германской истории в трактовке нацистов — «Штурмовик Брандт» и «Ханс Вестмар» (которые, впрочем, в прокате провалились).

«Брандт» — малобюджетный фильм, прославляющий погибшего штурмовика. По сюжету молодой герой из рабочей семьи порывает с нею, связывает свою судьбу с бандой отчаянных нацистских молодчиков и погибает от рук головорезов-коммунистов. Героическая гибель обеспечивает ему место в нацистском пантеоне.

Третий фильм воспевал штурмовика Хорста Весселя, погибшего в 1930 году, и вышел на экраны 13 декабря 1933 года под названием «Ханс Вестмар: один из многих». Если в предыдущем фильме прославлялся образ боевика, рискующего в схватках с коммунистами, то в данном случае Гитлер напоминал своим последователям о том, что существует не только честь бойцов и мучеников, но и честь дисциплинированных, преданных своему делу идеалистов. Ханс Вестмар, выросший в семье среднего достатка, вовсе не думает порывать с нею, ни затевать драки с коммунистами — напротив, он проповедует классовое примирение. Ханс разъясняет: «Мы уже не можем больше говорить о каких-то «классах». Мы тоже рабочие, просто мы работаем головой. Наше место рядом с нашими братьями, которые работают руками» (42).

Как «классовое примирение» происходило в действительности летом 1933 года, хорошо проиллюстрировал Эрнст Ханфштангль, также принимавший участие в работе над фильмом. Он напоминает фантазмагорический случай, случившийся во время съемок: «В одной из сцен должен был происходить бой между бригадой СА, к которой принадлежал Хорст Вессель, и коммунистами. Сцену должны были снимать в берлинском пригороде Веддинг, где происходили эти события. Проблема оказалась в том, что большинство жителей Веддинга были коммунистами, как и прежде, и когда они услышали толпу статистов, выкрикивающих их старые боевые кличи, то по-настоящему решили, что началась контрреволюция. Они высыпали из домов, побили героев СА из фильма, швыряли цветочные горшки из окон, напали на полицию и вообще устроили отличное представление» (43). Все это неплохо сочеталось с кульминацией фильма — зверским убийством Вестмара разъяренными коммунистами.

В середине 1930-х годов освидетствование подобных пропагандистских шедевров в темных залах кинотеатров стало столь обычным явлением, что министр внутренних дел Вильгельм Фрик издал строгое предупреждение против «изменнического поведения со стороны кинозрителей».

Перелом восприятия кинозрителями отечественной продукции произошел после выхода на экраны документального фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли» о партийном съезде 1935 года в Нюрнберге, в котором режиссер убедительно доказывала, что объединенная Германия способна достичь своих целей. Фильм начинается кадрами, где красивые юноши готовятся стать солдатами. Гитлер вдохновляет народ и призывает его к новым свершениям. К концу фильма юноши превращаются в мощную нацистскую военную машину. Главная идея: лишь работая вместе, мы можем снова стать сильными.

Всемирно признанный шедевр документального кино, насыщенный режиссерскими, техническими и художественными находками, до сих пор считается классикой мирового кинематографа. Хотя критики до настоящего времени изыскивают в фильме все новые и новые пропагандистские трюки: «Большинство лиц, выхваченных из толпы крупным планом, — женские; это объясняется, вероятно, желанием подчеркнуть, что дело мужчин — маршировать, а дело женщин — приветствовать их» (44). Но лично я такого не заметил, хотя пронацистский идеологический заряд фильма очевиден каждому. И, тем не менее — это шедевр.

Когда после премьеры фильма смолкли продолжительные аплодисменты и очарованный фюрер поднес режиссеру букет сирени, вконец обессиленная напряженной работой над лентой Рифеншталь упала в обморок. Геббельс после премьеры писал: «Мощный ритм нынешней великой эпохи преобразован в нечто в высшей степени художественное; это — эпопея, выбивающая ритм марширующих колонн, стальная в своей убедительности и воспламененная страстным артистизмом» (45). В том же 1935 году картина завоевала золотую медаль на Венецианском бьеннале и получила Гран-при французского правительства на Всемирной выставке в Париже в 1937 году.

Следующая картина Лени Рифеншталь «Олимпия» об Олимпийских играх 1936 года в Берлине получила главную награду на Венецианском бьеннале — «Кубок Муссолини», оттеснив диснеевскую ленту «Белоснежка и семь гномов» на второе место. Интересно, что один из основных образов фильма — обнаженного античного атлета — воплотил не какой-нибудь мускулистый ариец, а сын русских эмигрантов Анатолий Добрянски. Впрочем, характер у идеально сложенного прекрасного

юноши оказался довольно гнусным. Он уверял, что Рифеншталь буквально похитила его из Греции, где он жил с родителями, на съемках периодически устраивал скандалы и вообще вел себя кое-как (46).

Одним из крупнейших немецких мастеров кино того периода был также Луис Тренкер, создавший свои самые знаменитые фильмы в 1933-1938 годах. Тренкер заигрывал с нацистами и внес большой вклад в создание образов, которые станут стереотипами и в псевдонародных нацистских фильмах: веяние зерна, размахивание флагами, шествие небесных духов.

Справедливости ради отметим, что не все мастера кинематографа склонили голову перед режимом. Для всемирно известного кинорежиссера Фрица Ланга, автора «Нибелунгов» и «Метрополиса», ветерана Первой мировой войны, который был сыном еврейки, могущественный шеф пропаганды сделал исключение, разрешив ему не представлять арийское свидетельство и продолжить работу в Германии. Он даже предложил Лангу высокий пост. Однако Ланг уклонился от этой чести и эмигрировал в США. Так же поступила и мегазвезда немецкого кинематографа Марлен Дитрих, но они стали лишь исключением из правил.

После провала чисто пропагандистской серии фильмов, о которых мы рассказывали выше, Геббельс поставил перед лояльными кинематографистами совсем иную задачу: развлечение прежде всего! Любое послание, которое необходимо донести до народа, следовало аккуратно облечь в более приятные на вкус формы: ежедневные комедии, мюзиклы, костюмированные драмы. Огромное впечатление на немецких зрителей произвел первый цветной фильм с Марикой Рёкк, которая снялась в целой серии беззаботных, веселых лент — особенно прославились «Дочь Евы» (1938), «Кора Торе» (1940) и «Девушка моей мечты» (1944).

Из исторических фильмов можно выделить работу режиссера Тобиса «Великий король» о человеке, ставшем символом стойкости, короле Фридрихе Великом. Премьера картины состоялась 4 марта 1943 года перед специально подобранной публикой: кавалерами ордена Рыцарский крест, ранеными солдатами и офицерами, рабочими военных заводов. Фильм показывал, насколько ледяная и недоброжелательная атмосфера окружала великого короля и сколько непопулярных решений он вынужден был принимать. Можно расценить эту ленту как намек на атмосферу вокруг Гитлера, попытку пробудить у народа сочувствие к его «гениальному» одиночеству.

С разрешения фюрера Геббельс присвоил кинокартине почетный титул «Фильм нации», а актера Отто Гебюра, исполнившего главную роль,

наградили званием «Государственный актер». «Фильм имеет сенсационный успех, — записал Геббельс после премьеры. — Он был принят так, как я и предполагал. Несомненно, он поможет во многом просветить и воспитать германский народ, с учетом нынешнего положения» (47).

Воспитывали немцев и на других исторических примерах. В 1940 году по указанию министра пропаганды сняли костюмированный фильм «Еврей Зюсс» — о Зюссе Оппенгеймере, министре герцога Вюртембергского в XVIII веке. Для съемок привлекли самых известных актеров нацистского периода — Эмиля Яннингса (лауреата премии «Оскар») и Кристину Седербаум (секс-символ эпохи). Историческая драма «Еврей Зюсс» завоевала невероятную популярность — ее просмотрели 20 миллионов зрителей. Антисемитский заряд драмы оказался столь мощным, что берлинцы покидали кинотеатр скандируя: «Долой евреев с Курфюстендамм!» (главной торговой улицы Берлина. — К.К.) В Германии не должно остаться ни одного еврея!» Позже фильм использовали в прикладных целях и особенно часто показывали накануне депортации евреев (48).

28 ноября 1940 года партия обратилась с призывом к населению принять участие в съемках фильма «Вечный жид». «Фелькишер беобахтер» опубликовала объявление, приглашающее всех желающих собраться на студии УФА и рекомендуящее «подавить свою жалость, которая более чем опасна». Это был мрачный как бы строго документальный фильм, устрашавший зрителей кадрами, запечатлевшими забой скота в кошерной бойне, уродливыми еврейскими типажам и историческими картами, уподоблявшими «блуждания евреев» нашествию крыс.

Откровенно заказной характер носили также антикоммунистическая лента «Белые рабы» (1936) и антибританская картина «Папаша Крюгер» (1941), с тем же великим актером Яннингсом.

Значительной популярностью у публики пользовались военные фильмы, наиболее удачными из них считаются «Концерт по заявкам», «Враги», «Эскадра Лютцова», «Подлодки берут курс на Запад», «Разведотряд Хальгартена», «Штуки». Например, в «Концерте по заявкам» немецкий солдат во время боя — чтобы дать ориентир своим товарищам, заплутавшим в темноте, — играет на органе во французской церкви. Сам он гибнет, но товарищей спасает. За три года «Концерт по заявкам» посмотрело 25 миллионов зрителей.

Среди прочих лент можно отметить «Большую любовь» с Сарой Лендер. Эта же великолепная шведская актриса снялась с Гансом Штрюве в популярном музыкальном фильме, посвященном 100-летию со дня рождения Чайковского, который назывался «Среди шумного бала случайно». В сезоне 1937/38 года он стал третьим по кассовым сборам.

Правительство заботилось о своих режиссерах и артистах, и кинематографисты постоянно теребили правительство с просьбами в решении тех или иных проблем. Популярный киноактер или кинорежиссер зарабатывал в Третьем рейхе больше 100 тысяч марок, средний заработок киноактера составлял 20 тысяч, что равнялось годовому окладу статс-секретаря или 10 годовым окладам квалифицированного рабочего.

Кроме того, существовали и творческие премии — актерам Вольфгангу Либенэйнеру и Генсу Церлетту государство выделило по 30 тысяч марок; Фейту Харлану (постановщику картины «Еврей Зюсс») — 40 тысяч марок; Карлу Фрелиху и Эмилю Яннингу — по 60 тысяч марок и т. д. (49). Не говоря уже о мелких привилегиях — все, кто имел отношение к миру кино, завтракали и обедали в столовой общества «Универсум-фильм» (УФА) без продовольственных карточек.

Хотя в почти идеальных отношениях между людоведским режимом и национальной творческой элитой случались скандалы. Осенью 1941 года Геббельс приказал составить списки актеров, состоявших в браке с евреями, и поставил их перед выбором: либо они разводятся со своими супругами, либо им запрещается сниматься в кино и играть на сцене. «Министр пропаганды проявлял снисходительность ко всем, за исключением Готтшалька. Молодой красавец актер стал кумиром для миллионов немецких женщин, и Геббельс говорил: «Невыносимо даже думать, что он спит с еврейкой! Готтшальк получил последнее предупреждение: если он не разведется с женой, и она, и их ребенок будут немедленно арестованы и высланы в Польшу (читай Освенцим. — К.К.). В ту роковую ночь Готтшальк и его семья покончили с собой, отравившись газом. Возмущение и гнев охватили театральные круги. На следующее утро, словно по сговору, были сорваны со стен кинотеатров портреты Геббельса. Вскоре Геббельс давал прием и разослал приглашения многим актерам, но ни один из них не почтил его своим присутствием — в глазах людей искусства он выглядел убийцей» (50). До сего конфуза они его таковым не считали.

Тем временем события на фронте принимали неблагоприятный для Германии оборот и в 1943 году, после разгрома под Сталинградом, Гитлер для подъема духа нации решает снять фильм о реальном сражении с англичанами — близь города Нарвик, прямо на месте событий, разворачивавшихся здесь тремя годами ранее. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в которое они тогда проиграли. Реальные военные действия, проводимые как спектакль! Однако замысел сорвался — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма (51).

Укреплению дисциплины не помог и документальный фильм о казни осужденных за покушение на Гитлера 20 июля 1940 года офицеров-заговорщиков. Курсанты военных училищ во время просмотра падали в обморок, а публика в кинотеатрах высказывала симпатию к осужденным, и вскоре широкий показ фильма запретили.

Проблему поднятия боевого духа народа попытались решить с помощью фильма «Кольберг» (режиссер Фейт Харлан), в которой речь шла о героической обороне маленького прусского городка графом фон Гнейзенау во время наполеоновских войн. Геббельс так озаботился созданием кинокартины, что для участия в массовых батальных сценах даже отозвал в 1944 году с фронта 200 тысяч солдат и 6 тысяч лошадей. Также строится серия каналов для сцены затопления Кольберга. Для имитации снега на съемочную площадку завозились целые составы соли и возвели целый город под Берлином, чтобы разрушить его «пушками Наполеона».

Премьера «Кольберга» состоялась в марте 1945 года одновременно в Берлине и в кинотеатре города Кольберг, который к тому времени вновь осадили советские войска. Где жизнь, а где искусство в этом случае действительно было трудно разобрать — именно таким способом оказался достигнут высший пропагандистский эффект: «На экране разворачивалось действие картины, созданной по заказу Министерства пропаганды Геббельса. Это был цветной исторический фильм под названием «Кольберг». Его заворожил не столько фильм, сколько поведение окружавших его солдат. Они были в полном плену иллюзий. Кричали «Ура!», аплодировали, окликали друг друга».

Однако даже высококачественная пропаганда уже ничем не могла помочь немецкому народу. «19 марта. Мы вынуждены теперь оставить Кольберг. Я позабочусь о том, чтобы об оставлении Кольберга не упоминали в сводке верховного командования. Мы не можем в настоящий момент делать этого из-за серьезных психологических последствий для фильма о Кольберге» (52).

Ну что ж, спасибо нашим предкам за то, что на своем пути к победе, они смели и это препятствие, на которое так рассчитывала нацистская пропаганда.

Общество спектакля, а именно таковым следует считать нацистский режим, всегда уделяло большое внимание театральному искусству. В его рамках опробовались новые формы непосредственного воздействия на аудиторию, изобретались ходы, позднее использовавшиеся в массовых действиях. Гитлер много сделал для немецкого театра, энергично поддерживая его собственными идеями. «Мы обсуждали проблемы

театра. Фюрер очень заинтересован. Объясняет такие явления, как Малер или Макс Рейнгардт, чьи заслуги и способности он не отрицает. Воспроизводить чужое евреи порой умеют» (53). Вот такие идеи и мысли.

Президентом Имперской театральной палаты являлся драматург-экспрессионист Ганс Йост, прославившийся своей пьесой «Шлагетер» (1933) о молодом немецком патриоте, убитом французами во время оккупации Рура после Первой мировой войны. Именно в этой пьесе прозвучала фраза, которую ошибочно приписывали и Геббельсу, и Герингу: «Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к пистолету». В 1933 году Йост сменил Томаса Манна на посту президента Академии немецкого искусства. В 1935 году он был назначен сразу президентом Имперской палаты литературы и президентом Имперской театральной палаты.

Когда-то большинство его друзей по литературе симпатизировали коммунизму, но теперь на своем посту Йост преследовал только две цели, страшно далеких от идеалов интернационализма. Первая — «немец должен рождаться по крови и по сути в германизме». Вторая — «театр является последней педагогической возможностью для спасения германской нации от полного материализма исключительно реалистического мира».

Тональность нацистского театра была героической. Таковыми являлись драма «Марш ветеранов» Фридриха Бетже (1935) — история о ветеранах наполеоновских войн, искавших лидера; или пьеса Курта Хейнике «Дорога к империи» (1938) — о судьбе решительного нациста, уничтожившего предателя и сумевшего объединить немцев. В классической национал-социалистической пьесе Рихарда Ойрингера «Немецкие страсти Господни», которая с большим успехом поставлена летом 1935 года, фюрер являлся в современный мир как воскресший Неизвестный солдат. С терновым венком из колючей проволоки на голове, он окунался в мир спекулянтов, акционеров, интеллектуалов и пролетариев и т. п., потому что ему было «жалко народ». Когда бешеная толпа хочет исхлестать его, он останавливает ее, явив чудо, и ведет нацию «к винтовке и станку», затем его раны «засияли лучезарным светом», и он возносится на небо со словами: «Свершилось!» (54)

Понятно, что подобные агитки не слишком привлекали искушенную немецкую публику, и театры пробавлялись в основном классикой — Гете, Шиллером, Шекспиром. Но и здесь находились возможности для актуализации затронутой темы. Весной 1937 года в Берлинском государственном театре режиссер Фелинг поставил «Ричарда III» Шекспира. История властолюбивого циника была инсценирована таким образом, что очень напоминала Гитлера и обстоятельства его прихода к

власти. Гвардия короля облачилась в черную униформу с серебряными галунами (что напоминало об СС), а убийцы герцога Кларенса появлялись на сцене в коричневых рубашках (цвета униформы СА) (55).

Специфически немецким и чрезвычайно любопытным проявлением театральной культуры стал народный театр «Тинг». Речь идет о т. н. «Тингшпильштаттен» — нацистских пропагандистских представлениях на открытом воздухе. Представления проходили в естественных природных декорациях, на склонах холмов, в средневековых замках или на местах сражений, а то и среди древних руин. «Тингшпильштаттен» — особого рода зрелище, включавшего военные построения, языческие оратории, демонстрации искусства верховой езды и цирковые представления. Особое внимание уделялось языческим верованиям в землю, воздух, огонь, воду. Привычная драматургия в этих представлениях отсутствовала, да и многое зависело от погоды. Хотя масштабы «Тингов» впечатляли — на отдельные представления порой собиралось до 60 тысяч человек и целые батальоны гитлерюгенда участвовали в батальных сценах, изображая сражения.

Детишки помладше ходили, как и все дети, в кукольные театры. Которые, впрочем, тоже не обошло своим вниманием бдительное око режима. В программу традиционных кукольных театров вносились «актуальные» изменения: в частности, устранены «расово чуждые» и христианские (ангелы, дьявол и т. п.) персонажи, шутки о жизни в нацистской Германии и т. д.

С шутками и юмором в Третьем рейхе вообще происходили удивительные вещи. Геббельс записал в своем дневнике: «Я велел понаблюдать за кабаре комиков. Там в ходу анекдоты против государства. Это нетерпимо» (56). В мае 1935 года нацистская пресса опубликовала сообщения о том, что два берлинских кабаре — «Катакомбы» и «Балаган» — закрыты, а их актеры отправлены в концлагерь, ибо позволили себе «неуважительные шутки» по адресу НСДАП и государства. Угодил в концлагерь и популярный конферансье Вернер Финк, разрешивший себе состричь насчет «возвышения» правой руки (т. е. нацистского приветствия) и «низведения» прав немецкого народа (57). И после всего этого, в феврале 1939 года заскучавший Геббельс объявил конкурс на «лучшую шутку года». Однако результат сего удивительного конкурса так никогда и не был обнародован.

Из легкого жанра у населения остался цирк. Сам Гитлер любил смотреть фокусы и в качестве развлечения иногда даже приглашал к себе домой первоклассных фокусников. Домашние представления настолько нравились ему, что он издал указ, строго запрещающий газетам публиковать «разъяснительные» статьи, раскрывающие секреты иллюзионистов.

После начала войны индустрия зрелищ в Германии продолжает успешно работать. Но сам Гитлер посетил театр только один раз. В Байрейте в июле 1940 года он в последний раз слушал оперу. Давали — что за символ! — «Гибель богов» Рихарда Вагнера.

В воюющей Германии, по свидетельству современника, «один из самых популярных ныне здравствующих авторов — Бернард Шоу. Единственная немецкая пьеса, которая пользуется успехом, — это новая вещь Гауптмана «Дочь собора» (58). Геббельс извлек из литературных достижений великого старца грандиозный пропагандистский эффект, не устывая напоминать немецкому народу и всему миру, что крупнейший современный немецкий драматург не только остался в Третьем рейхе, но продолжает писать пьесы, которые идут на сценах театров.

И еще об одном литературном даровании — лауреате Нобелевской премии по литературе 1920 года Кнуте Гамсуне. Живой классик литературы Гитлера обожал: «Он, крестоносец и реформатор, желал создать новую эпоху и новую жизнь для всех стран, прочное международное единство на благо каждой страны. Вот чего он хотел. И труды его не пропали даром, народы и нации поддержали его, стали с ним плечом к плечу, народы и нации решили бороться с ним и победить!» (59) В благодарность за плодотворное сотрудничество, в 1943 году Кнут Гамсун лично преподнес Геббельсу драгоценный подарок — собственную нобелевскую медаль, а его сын Арилд сражался добровольцем в составе дивизии СС «Викинг» на Восточном фронте. Сразу после смерти Гитлера Гамсун написал некролог германскому фюреру, которого назвал борцом за права народов.

Нацистское общество спектакля скончалось в страшных конвульсиях с грохотом советской артиллерии на улицах Берлина. Накануне штурма, чтобы спасти гордость немецкого искусства Берлинский филармонический оркестр от гибели, Альберт Шпеер договорился с дирижером оркестра, что пришлет партитуру, которая послужит сигналом для всеобщего бегства.

Музыка, выбранная Шпеером как сигнал к последнему концерту и последующему бегству, несомненно, имела свой смысл. Партитура, которую дирижер оркестра приказал поставить на пюпитры музыкантов, называлась «Гибель богов» — трагическая музыка Вагнера. Та же самая музыка, которую слушал Гитлер во время своего последнего посещения театра в 1940 году (60).

Гитлер был художником и до Первой мировой войны зарабатывал себе на жизнь рисованием акварелей. «Нужно признать, что его акварели были намного выше среднего уровня, — отмечал друг Гитлера

и его личный фотограф Генрих Гофман. — Я сам опубликовал альбом с репродукциями его картин, и в 1936 году известный американский журнал «Эсквайр» напечатал статью о Гитлере-художнике с цветными репродукциями его картин» (61). Одновременно сотрудники Главного архива НСДАП, пытавшиеся собрать картины Гитлера для будущих поколений, разыскали множество его ранних работ, стоимость которых к тому времени выросла у коллекционеров от 2000 до 8000 марок (62).

Вся политика Гитлера в искусстве имела своей сверхзадачей пробуждение в народе интереса к прекрасному и эстетическому (в собственном, разумеется, понимании). В соответствии с этим он требовал от художников блестящего мастерства, техники исполнения, понятности темы произведения. Для достижения поставленной цели возрождения национального искусства около 42 тысяч живописцев, скульпторов, декораторов и т. п. были объединены в Имперскую палату изобразительного искусства. Ее директивы имели силу закона и любого могли исключить из палаты за политическую неблагонадежность. Кроме того, для художников существовал целый ряд мер принуждения: запрет на преподавательскую деятельность, лишение права выставляться, и вообще — лишение права заниматься живописью. А чтобы поощрить «истинных германских художников», Гитлер учредил несколько сот творческих премий.

Первая «Большая немецкая художественная выставка» открылась 18 июня 1936 года в специально отстроенном «Доме германского искусства» в Мюнхене. Открытие сопровождалось костюмированным шествием под девизом «Две тысячи лет немецкому искусству». В шествии приняли участие около 500 всадников и тысячи одетых в костюмы разных эпох мужчин и женщин. Отбор картин и скульптур, как в первый, так и последующие разы, происходил следующим образом: ежегодно Гитлер назначал своего друга Генриха Гофмана предварительным экспертом. Работы, достойные, по мнению Гофмана, внимания фюрера, поднимали в экспозиционные залы и располагали так, что бы Гитлер мог сложить свое собственное впечатление о них.

Полотна в основном представляли сцены трудовых будней и праздников немецкого народа, «героического» прошлого и настоящего национал-социалистического движения, живописные пейзажи с видами милого сердцу Отечества. Согласно статистике, из 900 отобранных для первой выставки произведений 40% составляли немецкие ландшафты, 20% — изображения расово безупречных крестьян, женщин и спортсменов, портреты конкретных людей — 15,5%, животные — 10% и натюрморты — 7% (63).

Обильно демонстрировалось обнаженное тело. «Обнаженные женские натуры имели функцию подчеркнуть господство мужчин:

женские «ню» всегда представляли собой стоящие фигуры; полностью открытые взору, незащитные, они не содержали никакой тайны, в этих образах не было ничего недоступного» (64). С данным категорическим суждением нельзя согласиться. К примеру, самая скандальная картина национальных выставок «Леда» Падуа была, несмотря на подчеркнутую эротичность сюжета и исполнения, весьма далека от упомянутых шаблонов. «Леда» вызвала много споров, она долго привлекала всеобщий интерес, а многие из ведущих членов партии, включая дам, требовали вообще ее убрать. Однако нашлось столько же меценатов, которые хотели ее приобрести, но всех опередил Мартин Борман, купивший работу от имени фюрера.

Другим символом эпохи стала картина, изображающая Гитлера в средневековых доспехах. Ее репродукцию видели многие, однако для полного понимания символичности самой знаменитой картины Третьего рейха мы должны знать, что в Германии широко известна средневековая (1235 г.) скульптура из песчаника, которая хранится в готическом соборе Бамберга, неподалеку от Нюрнберга. Гитлер на холсте — это и есть воплощение Бамбергского всадника, иллюстрация к детскому рассказу (опубликован в мюнхенской газете 22 июля 1934 года), «Бамбергский всадник и Инга».

Суть — 9-летняя девочка Инга ходила в собор, где ее зачаровало изображение всадника, она вообразила его Парцифалем и хотела, чтобы он с ней заговорил, но, несмотря на ее мольбы, всадник молчал. Однажды Инга заблудилась в лесу. Неожиданно к ней приехал Бамбергский всадник и отвез ее домой. По дороге он расспрашивал девочку, как дела в Германии, как живут немцы, счастливы ли они. Инга отвечала, что Германия вновь едина и счастлива; она его спросила — разве он не видел на домах и соборах флагов, знаменующих освобождение? Всадник отвечал девочке утвердительно. На вопрос Инги, чем он занимается, всадник ответил, что стережет покой Германии. Когда они добрались до места, всадник ссадил девочку и помчался в сторону Рейна. Инга крикнула ему вслед: «Парцифаль!», на что эхо принесло ей: «Германия!» Метафоричный и многослойный пропагандистский проект, в котором нацистская мораль удачно переведена в этой сказочной истории на детский язык (65).

Я уже говорил о том, что Гитлер требовал, чтобы искусство не носило снобистский характер, а было доступно для понимания широких масс. Антитезой данного устремления являлось творчество модернистов — искусство для избранных. 18 июля 1937 года фюрер заявил: «Произведения искусства, которые невозможно понять и которые требуют целого ряда пояснений, чтобы доказать свое право на существование и найти свой путь к неврастеникам, воспринимающих такую глупую и наглую чушь,

отныне не будут находиться в открытом доступе» (66).

Почти 6500 полотен современных Гитлеру художников, таких как Оскар Кокошка и Георг Гросс, а также картины Сезанна, Ван Гога, Гогена, Матисса, Пикассо и многих других, власти изъяли из экспозиции немецких музеев. Соответственно, любое хвалебное упоминание о них в нацистской прессе запрещено. За исполнением поручения фюрера следил лично министр пропаганды: «Статью о Ван Гоге во «Франкфурте» написал полуеврей. Видно мягкое отношение с этими типами невозможно» (21.01.1938); «Против франкфуртской газеты: оба виновных редактора вычеркнуты из списка журналистов. Одного я велю посадить. Полуеврея» (27.01.1938).

В галерее на окраине Мюнхена Геббельс учредил выставку «Вырожденческого искусства». На ней были представлены 736 картин, включая полотна Ренуара, Гогена, Ван Гога и др. Геббельс снабдил картины специальными табличками: «Музейные крысы назвали это искусством», или — «Немецкий крестьянин глазами евреев», или — «Так душевнобольные видят природу» (кстати, в случае с Ван Гогом это чистая правда) и т. д. Выставку открыли одновременно с экспозицией в «Доме германского искусства» и специально подобранная толпа зрителей, осматривая экспозицию при свете софитов кинохроники, громко гоготала и поносила художников. Но когда официоз рассосался, простые люди толпами устремились смотреть на картины запрещенных художников. Причем, число посетителей стремительно росло и вскоре достигло 2 миллионов человек (67). Галерею «Вырожденческого искусства» пришлось закрыть.

Неожиданная реакция публики встревожила Гитлера и Геббельса. Последний записывает: «Обсуждал с фюрером документы по вырожденческому искусству. Ни одна картина не заслуживает пощады. Фюрер за то, чтобы окончательно избавиться от них. На некоторые мы можем выменять за границей картины хороших мастеров» (14.01.1938); «Картины вырожденцев посылаем на международную выставку. Авось заработаем денег на дерьме» (29.07.1938); «То, что можно продать — за границу, остальное на выставку ужасов или уничтожить» (13.12.1938). Наконец, не зная, что делать с творениями модернистов, 30 марта 1939 года их попросту сжигают во дворе главной пожарной команды Берлина. Всего в тот день было уничтожено 5 тысяч произведений искусства (68).

18 июля того же года в Мюнхене открылись очередные «Дни немецкого искусства». В напечатанной «Программе праздника» говорилось: «Мюнхен, столица немецкого искусства, вместе с гостями со всего рейха и из других стран с праздничной торжественностью и искренней радостью отмечает День немецкого искусства. Великая

Германия отмечает свой артистический праздник в то время, когда во всем мире самым странным образом проявляется воинственный настрой народных масс и политиков. Немецкий народ спокойным языком немецкого искусства и ликованием всего народа вновь демонстрирует всем людям доброй воли свое стремление к миру» (69).

До начала Второй мировой войны оставалось всего полтора месяца.

Произведения искусства, даже официального, надо где-то хранить и выставлять. Еще 15 октября 1933 года Гитлер торжественно заложил первый камень «Дома германского искусства» в Мюнхене. Как его использовали после окончания строительства, уже рассказано. Но, кроме того, Германия имела массу прекрасных музеев, куда вход был бесплатным или стоил совсем недорого. А Музейный остров в Берлине являлся на то время самым большим музейным комплексом в мире.

Однако любимым детищем фюрера стал музей на его родине — в Линце. Для его постоянного наполнения Гитлер законодательно установил «преимущественное право фюрера» на покупку картин. Ни одно полотно, представлявшее большую историческую и художественную ценность, нельзя было продавать или покупать без согласования с рейхсканцлером.

Одной из картин, на которую он распространил данную директиву, стал знаменитый «Художник в его студии» Вермера Дельфтского. Картину предназначили для Линцской галереи, а средства на покупку полотна выделила почтовая служба рейха. Деньги получили от продажи особого выпуска «гитлеровских почтовых марок» с портретом фюрера, принесшего многомиллионную прибыль. Вождь получал роялти за право использовать свое изображение. «Я сам однажды присутствовал при том, как Онезорге, министр почты, передал Гитлеру чек на 50 миллионов марок, полученных из этого источника» (70).

А из тех средств, которые он получил от продажи «Майн Кампф», Гитлер, среди прочего, приобрел «Леду с лебедем» Леонардо да Винчи, «Автопортрет» Рембрандта, «Медового вора» Кранаха-старшего, «Танцующих детей» Вагто и работу Адольфа Менцеля под названием «Строительство в Силезии». Знаменитая статуя Мирона «Дискобол» была приобретена у итальянского княжеского дома при посредничестве Муссолини и также предназначалась для Музея фюрера.

«Однажды я спросил, почему он относится к Линцу с таким предпочтением. "Возможно, на меня повлияли воспоминания о том времени, которое я провел там молодым человеком, — ответил он, — но главная причина в том, что я считаю, что у величайших столиц мира не должно быть монополии на сокровища искусства"» (71). Полагаю,

многие искусствоведы мира разделяют его убеждение.

Всего Гитлер успел насобирать для своего музея 4731 экспонат (картины, гобелены, предметы мебели, фарфор). И в течение двух лет — с 1942-го по 1944 год — часть собрания таки успели выставить в музее Линца. Сегодня данная уникальная коллекция каталогизирована и ее можно найти в Интернете.

Не отставали от фюрера и другие высокопоставленные коллекционеры — Геринг, Риббентроп, Геббельс. «Мы уже собрали удивительную коллекцию. Постепенно министерство (пропаганды. — К.К.) превратится в художественную галерею. Так оно и должно быть, к тому же ведь здесь управляют искусством» (72). Однако художественные пристрастия нацистских бонз не являются предметом исследования данной книги.

Мне кажется, что больший интерес у современного зрителя вызвали бы иные музеи нацистского режима, которые активно использовали для пропагандистской работы среди масс. Например, Анτικοминтерновский музей, где обычно демонстрировали экспонаты, иллюстрирующие ужасы большевизма, и который тихо прикрыли после заключения пакта Молотова — Риббентропа.

Или масонский музей, о котором сохранились интересные, хотя и отрывочные сведения: «Здесь были скелеты, подвешенные к потолку, они приводились в движение специальными механизмами, создавалось впечатление, что они прямо хватают за руку посетителя» (73). Масонство считалось весьма важным, хотя и не столь афишируемым противником национал-социализма, а значит, просветительская работа среди сограждан являлась необходимой. «Меня привели в настоящий масонский храм, где объяснили масонский ритуал и прочли лекцию о мнимой опасности этого движения. В храме был гроб с масонскими знаками, множество черепов, фартуки и регалии — не слишком-то приятное зрелище. Все это вместе с достаточно умело оформленными стендами о деятельности масонов производит известное впечатление. До того, как разразилась война, в департаменте ежедневно проводились экскурсии. Здесь побывали тысячи лидеров партии, гитлерюгенда, офицеров армии и гражданских служащих. Офицерские курсы в Берлине обычно заканчиваются визитом в масонский музей» (74). Интересно, а кому сегодня помешала бы такая экспозиция?

И в конце главы еще чуть-чуть о самом симпатичном — о моде. С началом войны кроме тайных масонов на культурном фронте у немецкого народа появился враг явный, но не менее коварный: «парижская проститутка, которая обшивалась у еврейских портных,

диктуют моду немецким женщинам». Французская мода стала серьезной угрозой для и так из кожи вон лезущей экономики Третьего рейха. (И действительно, до прихода гитлеровцев только в 1932 году во Францию ушло 8 миллионов марок за тамошнюю парфюмерию) (75). Теперь использование французской косметики даже провозглашалось преступлением против немецкой экономики, а в книге «Советы для немецких девушек, готовящихся стать матерями и домохозяйками» патриотично утверждалось, что «немецкая промышленность ничем не уступает французской». Чтобы окончательно поставить на колени французских модельеров, руководитель «Трудового фронта» Роберт Лей открыл в Берлине «Дом культуры и красоты», заботящийся о повседневной моде. Но идиллия продолжалась недолго: «Я дал указание, чтобы наша мода прекратила пропагандировать одежду, на которую требуется много материала. Только этого нам в войну не хватает» (76). Пришлось обходиться собственным разумом и эстетическими вкусами.

И действительно, под влиянием нацистов чувство прекрасного развилось в немецком народе до неимоверного. Так опытным путем было определено, что кожа узников концлагерей имела всего лишь декоративную ценность. Из нее, как выяснилось, они изготавливали отличные абажуры. Особым спросом пользовалась татуированная кожа. На Нюрнбергском процессе узник лагеря Бухенвальд немец Андреас Пфаффенбергер под присягой дал следующие показания: «После осмотра заключенных с наиболее художественной татуировкой умерщвляли посредством инъекций. Их трупы доставляли в патологическое отделение, где от тела отделялись лоскуты татуированной кожи, подвергавшиеся затем соответствующей обработке. Готовая продукция передавалась жене Коха (начальника лагеря. — К.К.), по указанию которой из кожи выкраивались абажуры и другие декоративные предметы домашней утвари» (77).

Справедливости ради заметим, что, после обнаружения его галантерейных художеств, Коха повесили на плацу перед узниками концлагеря сами же гитлеровцы. Но, насколько мне известно, сегодня на Западе трупы людей снова выставляют в художественных галереях, и это считается вполне современным искусством.

20. Средства массовой информации

Легенда о «свободе слова» в журналистике относится еще к временам Наполеона. Не представляя журналистам полной свободы творчества, Наполеон вместе с тем стремился внушить читателю уверенность в том, что эти журналисты свободны. А полтора века спустя один из американских президентов с обезоруживающей откровенностью

заметил, что «успех президентства зависит от умения манипулировать прессой, но не дай вам бог показать журналистам, что вы ими манипулируете» (1). Для достижения данной цели заинтересованные силы часто «помогают» журналистам «верно» определиться и используют их вслепую.

Когда в 1920-х годах партия поставила перед свежее испеченным берлинским гауляйтером Йозефом Геббельсом задачу завоевать «красный» Берлин, он долго размышлял над путем решения проблемы. Он решил опереться на влияние СМИ. «Берлин живет сенсациями, — заключил Геббельс, — он не может существовать без них, как рыба не может жить без воды; и любая политическая пропаганда, игнорирующая эту истину, не найдет здесь ни слушателей, ни сторонников» (2). Ему любой ценой понадобилось привлечь внимание пишущей братии, а значит, и берлинцев к своей политической силе.

Профессионально жаждущей информационных поводов прессе Геббельс предложил две побрякушки. Первая заключалась в устройстве ссор, провокационных стычек и драк со злейшими врагами — марксистами; вторая предполагала изобретение все новых пропагандистских трюков, вроде вбрасывания мышей в зрительный зал на премьере фильма «На Западном фронте без перемен». И пресса, хватаясь за сенсации, добросовестно делала рекламу нацистской партии.

Иностранные журналисты также преуспели в освещении деятельности НСДАП, создавая нацистам международное реноме. Когда в ноябре 1931 года местные власти в Гессене в местной штаб-квартире партии захватили сразу ряд документов, в которых содержалась открытая угроза государственного переворота, разразился грандиозный скандал. «Я собрал на пресс-конференцию иностранных журналистов в отеле «Кайзерхоф». Гитлер пришел и говорил блестяще, ясно, аргументировано и с абсолютной убежденностью. Репортажи зарубежных корреспондентов произвели такой эффект, что немецкие газеты были вынуждены сами перепечатать их под огромными заголовками. Это был настоящий прорыв: раньше они изрыгали потоки клеветы, либо хранили гробовое молчание во всем, что касалось Гитлера» (3). Таков один из первых примеров успешной работы с иностранной прессой во внутриполитических целях, а также изворотливого умения нацистских пропагандистов превращать поражения в триумф.

Самое смешное, что некоторые до сих пор утверждают, будто пресса является объективным источником информации. Но эти граждане не учитывают, что, освещая реальность, журналист неизбежно вычленяет из всего многообразия фактов какие-то единицы. Тем самым он подчеркивает важность указываемых событий. Известный журналист,

позже ставший итальянским диктатором, Бенито Муссолини любил в узком кругу вспоминать, как научился всевозможным трюкам журналистского ремесла, включая навыки высасывания новостей из пальца и раздувания какого-нибудь незначительного события в огромную статью. Информационные журналистские сообщения ВСЕГДА выступают инструментом пропаганды определенных политических воззрений, ибо уже на начальном этапе создания новости существует элемент отбора. В арсенале опытного профессионала всегда имеется масса приемов, чтобы подать информацию в необходимом для него ключе.

Геббельс в своей книге «Борьба за Берлин» отмечал: «Публицистической остроты и бесцеремонности журналистов все боятся». С ними все хотят иметь хорошие отношения, поскольку мнение журналиста часто определяет отношение общества к той или иной проблеме. Учитывая это, накануне утверждения Гитлера рейхсканцлером будущий министр пропаганды лично — с четырех часов утра — обходил редакции и «тактично, но настойчиво» уговаривал подготовить назревавшую сенсационную новость к печати еще до официального назначения Гитлера. Разумеется, редакции — дружественные, а тон статей — благоприятный. Тогда он еще просил — и многие соглашались. Но уже через 48 часов, едва ли не первым распоряжением нового правительства закроют газеты оппозиционной нацистам коммунистической партии.

В том же году вступил в силу «Закон рейха о прессе» от 4 октября 1933 года, который провозгласил журналистику общественной профессией. В соответствии с законом предусматривалось, что издатели должны иметь немецкое гражданство, арийское происхождение и не состоять в браке с лицами еврейской национальности. Тогда же для постоянной работы с журналистами власти организовали «Пресс-конференцию рейхсуправительства», куда редакции обязаны направлять своих представителей. Таким образом, нацистский режим создал условия, гарантировавшие именно ему роль первичного источника новостей, легко доступного для верных разносчиков информации. Если же журналистам сообщалась доверительная информация не для публикации, то даже в случае ее неумышленного разглашения это классифицировалось как предательство и каралось законом.

Итак, каждое утро редакторы ежедневных берлинских газет и корреспонденты газет, издававшихся в других городах рейха, собирались в Министерстве пропаганды, чтобы выслушать наставления доктора Геббельса или одного из его заместителей: какие новости печатать, а какие нет, как подавать материал и озаглавливать его, какие кампании свернуть, а какие развернуть, каковы на сегодняшний день наиболее

актуальные темы для передовиц. Подобная работа до сих пор является неотъемлемой частью деятельности многих СМИ и пропагандистских штабов. Занимаясь подобного рода деятельностью почти каждый день, я даже не подозревал, как на сухом языке политтехнологов описывается эта рутинная работа: «Концептуализация переводит результаты анализа аудитории и выбора средства в конкретный рабочий план и в коммуникативную программу. Здесь рассматриваются следующие вопросы: «Как привлечь внимание (например, поместить на листовке привлекательное изображение женщины); как обеспечить иллюзию достоверности (например, путем включения в текст фактов, доподлинно известных аудитории); как обеспечить запоминание (например, разработать броские заголовки, удачные слоганы и т. д.); как возбудить нужные эмоции; как повторить сообщение (для лучшего воздействия следует планировать многократное повторение) и т. п.» (4). Не правда ли, дивный образчик описания обычной планерки?

После совещания у Геббельса во избежание недоразумений распечатывалась письменная директива на день, находилось место и устным указаниям. Материалы закрытых пресс-конференций по специальным телефонным каналам рассылались в 32 местных отделения министерства; для небольших сельских газет и периодических изданий директивы передавались по телеграфу или отправлялись по почте. Все указания министерства подлежали обязательному выполнению. А для оперативной информации о непосредственных решениях самого вождя в автоколонне, с которой Гитлер передвигался по Германии, имелся специальный радиофицированный автомобиль для представителей информационных агентств.

Продолжим. Редакторы получали свежую информацию по телетайпу и другим, современным тогда средствам связи. Как правило, это были циркуляры, отпечатанные на желтой или зеленой бумаге и содержащие различные комментарии, вплоть до обзоров киноэкрана и рецензий на литературные новинки. К ним прилагалась инструкция с указанием, что выносить на первые полосы, а что помещать на последних страницах. Однако читатели быстро заметили удручающее сходство немецких газет, и их общий тираж стремительно снизился с 19 до 18 миллионов экземпляров. Геббельс пришел в ярость от бессмысленной исполнительности своих подчиненных. Последовали новые циркуляры и указания не просто тупо перепечатывать официальные материалы, а хотя бы предварительно переписывать их по-своему.

К началу войны порядок работы со средствами массовой информации сложился окончательно. Ежедневно в 11 часов Геббельс лично проводил инструктажи для самых высокопоставленных

сотрудников своего министерства. Позже эти сотрудники проводили две пресс-конференции — в час дня и пять вечера. На пресс-конференциях газетчиков «просвещали», о чем и в каком ключе следует писать, а какие вопросы опустить. Делавшиеся во время инструктажей записи и заранее отпечатанные инструкции по факту использования подлежали уничтожению или возвращению в министерство.

Отлаженный механизм работал до самого конца войны, о чем свидетельствуют «Последние записи» Геббельса: «17 марта (1945 г.). В полдень я принял у себя дома германских журналистов, сотрудников и пропагандистов радио, работающих в Берлине. В течение полутора часов я рассказывал им о нынешнем военном положении и соответствующих задачах руководителей информационной и пропагандистской политики. Думаю, я был в хорошей форме и дал господам некоторые дельные советы для их работы» (5).

Об эффективности системы вспоминал в своих мемуарах Шпеер: «Летом 1942-го я попросил Геббельса использовать свою пропагандистскую машину — кинохронику, иллюстрированные журналы, газеты — для поднятия моего престижа. Достаточно было министру пропаганды отдать приказ своим подчиненным — и слава обо мне прокатилась по всему рейху» (6).

Хваленую оперативность нацистской информационной машины на Нюрнбергском процессе поминал и советский обвинитель, обращаясь к заместителю министра пропаганды Гансу Фриче: «Вы организовали в составе руководимого вами отдела прессы специальную службу «шнельдинст» — «службу скорости», — которая снабжала немецкую прессу провокационным материалом. Вы это признаете?» — «Если вы согласитесь вычеркнуть выражение «провокационным» и заменить его выражением «материалом для пропаганды», то я это признаю» (7)⁴⁰.

Контролируя внутреннюю информационную политику, нацисты особенно тщательно отслеживали реакцию на их действия зарубежных СМИ. Гитлер требовал, чтобы в течение всего дня ему доставляли последние новости, переданные по зарубежному радио, и самые свежие статьи из иностранной прессы. Наглядным примером желания Гитлера сохранить свое реноме за границей стало его решение о проведении открытого процесса над «поджигателями» Рейхстага (плюс, конечно, давление консервативных кругов в самой Германии). Хотя про себя он был крайне раздражен необходимостью соблюдения юридической процедуры. Гитлер справедливо опасался, что разбор в суде выявит лживость предыдущих сообщений, дескать, поджог Рейхстага служил

⁴⁰ Вообще, сам факт попадания на скамью подсудимых в Нюрнберге видного немецкого журналиста говорит о том, какое значение придавали союзники разоблачению приемов нацистской пропаганды для послевоенной Германии.

сигналом для коммунистического восстания, а иностранная пресса получит новую пищу для критических выступлений. «У крикунов из прессы было бы выбита почва из-под ног, если бы виновных сразу же повесили», — раздраженно бросил рейхсканцлер на заседании кабинета 2 марта 1933 года (8).

Но самому Гитлеру, по свидетельству его пресс-секретаря Отто Дитриха, даже в голову не приходило наладить настоящие контакты с прессой, подобные тем, что ежедневно ради блага своих стран осуществляли Рузвельт, главы других государств, да и его собственный министр пропаганды. Несмотря на многочисленные просьбы, он так и не снизошел до того, чтобы регулярно проводить пресс-конференции. Гитлер предпочитал поддерживать репутацию, давая многочисленные интервью, основная тема которых была оговорена заранее. Но здесь Гитлер проявлял себя словоохотливым и откровенным собеседником, порою даже посвящая иностранных журналистов в суть своих пропагандистских ходов. Например, отвечая на вопрос о нарочитой театральности партийных съездов, Гитлер откровенно сказал: «Полмиллиона человек, побывавших здесь в течение этой недели (сентябрь 1934. — К.К.), вернутся в свои города и деревни и будут с новым фанатизмом проповедовать новую доктрину» (9).

Отдельно от прочих проводились пресс-конференции для иностранных журналистов, аккредитованных при Министерстве пропаганды. Однако спокойно работать с границей Геббельсу не давали. Как и всегда при вопросе распределений полномочий в работе с зарубежными СМИ фюрер прибегал к своему излюбленному приему — «разделяй и властвуй». И война за полномочия бушевала нешуточная.

Однажды, будучи в штабе у Гитлера, Риббентроп убедил фюрера поручить именно ему ведение всей пропаганды, предназначенной для зарубежных стран. «Утром следующего дня энергичные молодцы, посланные Министерством иностранных дел, появились в различных берлинских офисах Геббельса, чтобы забрать к себе весь персонал, занимающийся зарубежной пропагандой. Люди Геббельса забаррикадировались в своих кабинетах, а сам министр пропаганды позвонил к Гитлеру и обратился к нему за помощью. Гитлер приказал Геббельсу немедленно лететь к нему. Когда тот прибыл, он велел ему вместе с Риббентропом запереться в купе своего специального поезда и не выходить оттуда, пока они не разрешат свои разногласия. Три часа спустя оба появились с красными лицами и сообщили Гитлеру, что не пришли к соглашению. Разъярившись, Гитлер удалился и продиктовал компромиссное решение, которое в значительной степени отменяло недавний письменный приказ» (10).

Заграничная пропаганда действительно была лакомым куском, за который стоило бороться. Министерство пропаганды приобрело или содержало более 350 газет во всем мире, не считая еще 300 немецкоязычных изданий. Только в 1934 году на иностранную пропаганду Германия потратила 262 миллиона марок. Частично затраты покрывали члены немецких клубов и прочих организаций, объединенных в Ассоциацию немцев за границей. Но и накопившиеся долги правительственные инстанции часто списывали. «Если даже самая малая газета, являющаяся подписчиком Германского информационного агентства, окажется не в состоянии оплатить информационные услуги, представляется возможным возмещать им услуги» (11).

Геббельс в своих тайных циркулярах требовал: «Необходимо постоянно и настойчиво создавать для информационных агентств, находящихся в оппозиции к нам, соответствующие «материалы» и «новости» с тем, чтобы при их публикации указанные агентства утратили доверие. Материалы должны отбираться таким образом, чтобы у нас всегда имелась возможность не только отрицания, но и убедительного опровержения перед лицом общественного мнения» (12).

Естественно, промахи иностранной прессы нацисты обращали в свои пропагандистские победы. Когда авторитетный американский журналист Никеборгер опубликовал статью, в которой говорилось, что «нацистская верхушка припасает за границей золото на черный день (пишет в дневнике его коллега Уильям Ширер. — К.К.), Геббельс предложил Нику десять процентов от любой суммы, которую ему удастся найти на счетах нацистов за границей. Забавное предложение» (13). Современные политики, говоря о своих банковских счетах, до сих пор часто применяют подобный кульбит.

Та же практика убедительных и наглядных опровержений применялась во время войны. «Немецкие власти позвонили мне и сообщили, что приглашают меня и еще двух человек лететь в Гамбург. Англичане только что сообщили по Би-би-си будто Гамбург превращен в пыль королевскими ВВС. При том, что немцы не сдержали своего обещания показать мне все, что я захочу, очевидно, какой незначительный ущерб был нанесен» (14).

Использовала связи с иностранной прессой и скрытая оппозиция режиму: «По мере усиления контроля нацистов над прессой становилось все труднее критиковать их мероприятия и оповещать общество о допущенных ими случаях злоупотребления властью. Поэтому мы передавали сведения о наиболее вопиющих случаях иностранным корреспондентам, поскольку выяснили, что даже простая угроза публикации их за границей могла служить полезным оружием

в отношениях с Гитлером» (15). Пример понятный нам, если мы вспомним движение советских диссидентов или борьбу третируемых нацменьшинств в постсоветских странах.

Желая задобрить иностранную прессу, Риббентроп открыл на Фазаненштрассе клуб, где корреспонденты могли вкусно поесть, там всегда имелась хорошая выпивка, и желающие могли провести время с приятными девушками. Взбешенный Геббельс в противовес открыл свой клуб иностранной прессы на Лейпцигерплац. Кроме того, для иностранцев обустроивались специальные публичные дома; нечего и говорить, что они были на шпигованы различной шпионской аппаратурой, а девочки соответствующим образом проинструктированы. Тот же Уильям Ширер вспоминает: «Гейдрих спросил, не хочется ли мне нанести визит в его недавно открытый «Дом галантности» на Гизебрехтштрассе. Он был организован по соглашению с Риббентропом специально для иностранцев, оказавшихся в Берлине», — и далее Гейдрих лицемерно убеждает американского журналиста: «Открыть такой дом было необходимо, иначе иностранцы в Берлине попадали бы в руки проституток худшего пошиба» (16).

Нежная забота о зарубежных гостях заключалась не только в их обеспечении женской лаской. После начала войны иностранных журналистов приравнивали к рабочим, занятым тяжелым физическим трудом, они получали двойную норму продуктов и их снабжали табаком в количестве 20 сигарет ежедневно. В двух клубах для представителей иностранной печати корреспондентов превосходно кормили; Министерство пропаганды доплачивало им еще по 400 марок, 300 давали рекламные агентства промышленных концернов, а ежемесячная дотация от кинокомпании УФА составляла 200 марок. Кроме того, корреспондентам разрешалось заказывать в Швейцарии и Дании продукты, которые можно было с большой выгодой перепродать на черном рынке (17). К тому же они получали ценные подарки от Геббельса ко дню рождения и Рождеству. И это не считая мелких радостей жизни: «Завтра я еду на увеселительную прогулку в Гармиш, которую организует пресс-секретарь и доверенное лицо Гитлера доктор Дитрих (чтобы поддержать в нас дружественные чувства)» (18).

Естественно, что в таких условиях между иностранными журналистами и функционерами Министерства пропаганды часто возникали неформальные отношения, что отражалось на тональности репортажей из Третьего рейха — консолидированной неприязни к сталинской России и общем понимании ценностей западного мира. «12 марта 1944 г. на пресс-конференции одного из руководителей пропагандистской службы Германии доктора Шмидта был задан

вопрос об идущих из Стокгольма слухах о внезапной смерти Сталина 12 марта. Доктор Шмидт при веселом оживлении зала привел немецкую поговорку: «О ком часто говорят, что он умер — живет долго». Впрочем, добавил он, не исключено, что Кремль готовится чудо для того, чтобы причислить Сталина к лику святых. Один корреспондент, комментируя эту реплику, сказал, что при мнимой смерти бывает только мнимая святость. На этом конференция, при веселом оживлении зала, закрылась» (19). Как видим, идилическая сценка свидетельствует о дружеском взаимопонимании, которое удалось наладить в совместной работе Министерства пропаганды и аккредитованной зарубежной прессы.

Нельзя недооценивать влияния на публику таких вроде бы обыденных вещей, как пресс-конференции и прочее общение с пропагандистскими структурами власти. Подача информации в СМИ достаточно хорошо отработана, и только для непосвященного она может выглядеть, как неуправляемый поток новостей. Много позже Второй мировой войны, в 1973 году, ученые провели исследование на основе 1000 сообщений «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон Пост», чтобы установить, по каким каналам эти сообщения появились в печати. Три основных канала получения информации в СМИ: рутинный (через официальную информацию о пресс-конференциях, официальных событиях, пресс-релизах и т. д.), неформальный (утечки информации, сообщения из других информационных структур и т. д.) и свободный канал (интервью репортеров с людьми или рассуждения о событиях, свидетелем которых репортер был сам). Оказалось, что свободный канал стал источником лишь для 25% сообщений, в то время как рутинный — 60% (20). И это в современном демократическом обществе, а представьте контроль за информационным потоком в Третьем рейхе!

«Насколько же изолирован мир, в котором живет сейчас народ Германии! Об этом напоминает просмотр вчерашних и сегодняшних газет. В то время, как все вокруг считают, что Германия вот-вот нарушит мир, что именно Германия угрожает напасть на Польшу из-за Данцига, в мире, который создают местные газеты, трактуется все наоборот. «Польша? Будьте настороже!» предупреждает заголовок в берлинской газете и добавляет: «Ответим Польше, охваченной бешеным желанием нарушить мир и права в Европе!» (21)⁴¹.

Дезинформация в чистом виде — прием слишком примитивный. В то же время доза клеветы, подмешанная к правдивому сообщению, часто

⁴¹ Кстати, о значении заголовков. Лучше всего человек запоминает первые 5% текста, включая название. Считается, что людей, которые читают названия, в пять раз больше, чем читателей основного текста. Так что к заголовкам, как одной из основных форм воздействия печатных СМИ, мы будем еще не раз возвращаться.

принимается на веру и усвоена вместе с ним. Авторитет германской прессы поддерживался посредством подстраховки лживых сообщений правдивыми, а еще точнее — такими, в которые читатели и слушатели легче могли поверить: «(1 августа 1940) Сегодня Геббельс заставил германское радио исказить заявление министра обороны США Стимсона. Оно процитировало Стимсона таким образом: «Британия будет скоро побеждена, и британский флот перейдет под контроль противника». Это часть новой пропагандистской кампании, направленной на то, чтобы убедить немецкий народ, будто даже Соединенные Штаты распрощались с надеждой спасти Англию» (22). На самом деле в оригинале выступления американского министра говорилось о тех проблемах, которые возникнут у Соединенных Штатов, если Британия в перспективе будет побеждена. Здесь также любопытна ссылка нацистских пропагандистов на мнение стороны, которая не сочувствовала победам Третьего рейха. Это создавало иллюзию объективности данной информации.

Вообще, двусторонняя аргументация способствует упорному внушению читателю мысли о непредвзятости коммуникатора. На том стояли и стоят современные СМИ, имеющие в своем арсенале такие способы манипулирования сознанием, как искажение и утаивание информации, метод частичного освещения фактов или избирательной подачи материала. Всегда предпочтительнее не лгать, а добиться, чтобы человек не заметил «ненужной» правды. Она просто теряется в мутном потоке светской жизни знаменитостей, криминальных происшествий, псевдонаучных открытий и гороскопов. Преобладание сенсационно-развлекательных новостей в информационном блоке не что иное, как искажение объективной картины социального бытия. Опираясь реальными фактами, журналисты ставят их в такой контекст, в котором искажается или непомерно гипертрофируется их истинное значение.

Пропагандистская деятельность СМИ в любом современном обществе строится на внедрении в сознание людей его «ценностей» в виде стереотипов — стандартов поведения, социальных мифов, политических иллюзий. Для этого необходимо подогнать строй мыслей человека под определенную кальку, что в принципе не сложно. Логическое мышление прозрачно, и его структура прекрасно изучена. Если удастся исказить программу так, что человек «сам» приходит к нужному умозаключению — тем лучше. У значительной части населения удается отключить способность к структурному анализу сообщений и явлений — анализ сразу заменяется яростной идеологической оценкой. Например, в постсоветских странах под воздействием многолетней антикоммунистической пропаганды даже разумные предложения коммунистов отвергаются только потому, что

их инициировала партия, имеющая определенный негативный имидж. Имидж, закрепленный бесконечным повторением. «Фриче до сих пор не понимает необходимость повторения в пропаганде, — распекал Геббельс своего заместителя. — Надо вечно повторять одно и то же в вечно меняющихся условиях. Народ в основе очень консервативен. Его полностью нужно напитать нашим мировоззрением через постоянное повторение» (03.01.1940).

За пределами повторяющихся «истин» огромный поток противоречивой, искаженной и часто просто ненужной информации приводит к расщеплению сознания — люди не способны увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать. И здесь выходит на первый план роль ведущего. В эпоху, описываемую нами, это были радиоведущие, поскольку именно радио являлось основным средством массовой информации. Их основным оружием являлись приемы речевой динамики — мягкость и сила голоса, богатство интонаций, паузы, использования эффекта неожиданности. Продуманная речевая динамика способна придать любому сообщению предельную убедительность, даже если оно весьма далеко от действительности.

«Радиочеловеком» 1938 года в США стал Орсон Уэллс, который своей знаменитой радиопостановкой по фантастическому роману Герберта Уэллса «Война миров» продемонстрировал, что радио может быть невероятной силой в деле возбуждения эмоций у масс. Его радиопостановка «Вторжение с Марса» передавалась как репортаж с места событий. Население восточных штатов США, на которые вещало радио, в массе своей поверило, что речь идет о реальном событии, и испытало приступ паники. Одним из условий для такой странной и заразной внушаемости американцев стала общая неустойчивость эмоциональной атмосферы, вызванная длительным экономическим кризисом и ожиданием новой войны.

Впоследствии, по сути, в порядке эксперимента над живыми людьми, радиопостановку «Вторжение с Марса» повторили в странах, переживающих социальную нестабильность или кризис, — и с тем же результатом. В ноябре 1944 года эта передача спровоцировала массовую истерию в Сантьяго де Чили. А в феврале 1949-го в столице Эквадора Кито вызванная передачей паника закончилась человеческими жертвами, увечьями и сожжением здания радиостанции (23). Если идет кампания нагнетания психоза в СМИ и предсказывается апокалипсис в какой-либо сфере, посмотрите внимательно, что за этим стоит.

И еще одна важная деталь для понимания действенности средств массовой информации той эпохи. Для мощи воздействия своей

пропаганды нацисты старались создать вокруг СМИ ореол мистической потусторонности, вездесущности и — главное — непогрешимости. В наши дни некоторые журналисты также усиленно работают над поддержанием этого мифа.

Я приведу вам лишь короткий отрывок из выступления Геббельса, посвященного значению радио в нашей жизни, подчеркнув слова, определяющие, по мнению министра, роль этого СМИ в жизни общества: «Его (радио. — К.К.) долг придавать сиюминутным событиям постоянный смысл. 21 марта и 1 мая оно дало впечатляющие свидетельства своей способности доносить до людей великие исторические события. В первом случае оно ознакомило всю нацию с важным политическим событием, во втором — с событием социально политического значения. Оба достигли всей нации, независимо от класса, положения и религии. Это был, в первую очередь, результат тесной централизации, своевременных репортажей и осведомленности Германского радио. Осведомленность приближает к народу» (24).

Видите, сколько эпитетов использовал Геббельс, чтобы в одном абзаце показать размах влияния данного СМИ и его профессиональной информированности — это явление эпическое, подразумевающее заоблачное величие (и влияние). А потому нацисты не собирались просвещать народ по поводу того, как обыденно делается газета, готовится радиопередача и т. п. На инструктаже 9 июня 1940 года Геббельс учинил страшный разнос еженедельнику «Ди Вохе», опубликовавшему фотографию пластинки, с которой шли в эфир фанфарные позывные, предварявшие специальные радиосообщения об особо эффектных победах. И по-своему Геббельс был прав, поскольку речь идет о десакрализации воздействия музыкальных позывных на слушателей. «Он требует известить прессу, что в случае повторения подобной вещи он велит отправить редактора, виновного в преступном расколдовывании национальных событий, в концлагерь, о чем бы ни шла речь — о кино, радио и т. д. Министр не остановится перед тем, чтобы велеть арестовать цензора, который еще раз пропустит подобный расколдовывающий снимок» (25).

Стремление сохранить журналистскую кухню в тайне — это забота о доверии потребителей. Авторитет газеты базируется на том убеждении, что ее создали все же солидные люди и газета в определенной степени несет ответственность за предоставляемую читателям информацию. Читателям не нужно знать, сколь отличается работа и светлый образ журналистов от грязных реалий. А какие случаются повороты в их убеждениях! Вспомним, к примеру, групповые раскаяния целых журналистских коллективов во время т. н. «оранжевой революции». Что, уверяю вас, среди пишущей братии вовсе не является исключением.

Так, осенью 1939 года, после заключения советско-германского пакта о ненападении, нацистский издатель журнала «Contra-Komintern» разослал своим подписчикам глубочайшие извинения за невыход номера в сентябре и сообщил, что далее журнал станет выходить под другим названием. Издатель дал понять, что серьезные и заслуживающие доверия люди убедили его в том, что подлинные враги Германии все-таки не большевики, а евреи (26).

Журналистика создается живыми людьми, и правда у каждого из них своя.

«Радио в доме! Немец забудет для радио профессию и отчизну. Радио! Новый способ обуржуазивания! Все есть дома! Идеал обывателей» (27), — в далеком 1925 году Геббельс прокликает «помеху» для революционной активности масс, что не мешает ему, придя к власти, использовать именно радио в качестве основного средства пропаганды национал-социализма.

До нацистов радио почти не использовалось с пропагандистскими целями. В Германии, как и в других странах Европы, радиовещание являлось монополией государства, чем, после прихода к власти, нацисты немедленно воспользовались. И Гитлер, и Геббельс были глубоко убеждены, что устное слово оказывает на население более сильное воздействие, чем печатное. «То, чем была пресса в девятнадцатом веке, радиовещание станет в двадцатом, — говорил министр пропаганды. — Мы живем в эру масс; массы справедливо требуют своего участия во всех великих делах дня. Радио наиболее влиятельный и важный посредник между духовным движением и нацией, между идеей и народом» (28).

Радио, считал шеф пропаганды, должно обслуживать массовую аудиторию, а не избранное меньшинство, и его программы нужно строить в расчете на средний уровень слушателей, а не на вкусы немногочисленных интеллектуалов. Геббельс внушал своим подчиненным, ответственным за передачи германского радио, что дикторы и продюсеры должны считать своей аудиторией «весь народ, а не его отдельные группы». По словам Геббельса, диктор, появляясь перед микрофоном, должен решить две главные задачи: «информировать массы, а также развлечь и успокоить их. Можно и нужно сочетать идеологическую обработку с развлечением» (29).

После прихода к власти и спешно проведенной чистки кадров в государственной радиовещательной корпорации, Геббельс и его подручные успешно организовали общенациональную церемонию принесения присяги Адольфу Гитлеру по радио. 8 апреля 1933 года 600 тысяч штурмовиков по всей Германии одновременно вытянулись в

струнку перед радиоприемниками, повторяя слова клятвы. Еще через год, встав перед своими радиоприемниками, поклялись в верности Гитлеру уже 750 тысяч партийных вождей, 180 тысяч членов гитлерюгенда, почти 2 тысячи руководителей студенческих объединений и 18 с половиной тысяч членов «Трудового фронта» (30).

Помимо «часовых пропаганды», о которых мы уже рассказывали, появились и «часовые радио», получавшие инструкции, написанные все тем же отрывистым языком военных приказов: «определять стратегически важные» перекрестки для установки громкоговорителей; «координировать» время выхода программ с временем наиболее активного посещения магазинов и т. д. То есть неизбежное фоновое воздействие на граждан обеспечивалось как в общественных помещениях, так и на улицах.

Проблема фонового воздействия на подсознание является одной из важнейших в психологии. Мы также затрагивали уже тему «демократии шума» — бормочущее фоном радио или телевизор, музыка в супермаркетах, рекламные призывы на улицах. Фоновый шум — важное условие беззащитности человека против манипуляции сознанием. Более того, шум для многих стал условием комфортного существования, бегства от одиночества и своих мыслей. Современный человек «жаждет быть одним из многих одинаково думающих, одинаково чувствующих, одинаково реагирующих на происходящее» (31).

Тот же Гитлер никогда не слушал радиопередач, он полностью отдавал себе отчет, какое имеет значение радио для обработки сознания: «Я не желаю, чтобы кто-то оказывал на меня влияние, — заявил он, — и по этой причине принципиально отказываюсь слушать какие-то бы ни было политические речи по радио». Этим принципов он придерживался неукоснительно, избегая слушать даже речи иностранных государственных деятелей (32).

В первую очередь нацистам необходимо было решить вопрос доставки своего радиопослания до каждого немца не только в общественных местах, но и настичнуть рядового гражданина в его собственном доме. К августу 1933 года немцы запустили в производство первую модель дешевого народного радиоприемника, который не мог принимать передачи из-за рубежа. Он стоил 76 марок. Потом в продаже появился «Народный приемник 301» за 35 марок (прозвище — «немецкий малый») — в то время самый дешевый радиоприемник в мире. Эти аппараты по одинаковым чертежам и технологии изготавливали 28 заводов. Интересно, что номер его модели — «301» — символизировал 30 января, дату прихода гитлеровцев к власти. Так на уровне подсознания в обывателя закладывались нацистские символы.

Уже в 1934 году Германия имела самое большое количество радиоприемников на душу населения, к началу войны ими располагали 70% немецких семей. По их числу этих устройств Германия занимала первое место в Европе, и только в США их насчитывалось больше. Один из ближайших сотрудников Геббельса Ойген Хадамоский (Евген Адамовски в другом написании) имел полное основание сказать: «Сегодня впервые в истории радио превратилось в средство, способное ежедневно и ежечасно оказывать формирующее влияние на многомиллионные народы» (33).

В 1939 году нацисты вещали через 15 радиостанций, их передачи принимали 11 миллионов радиоприемников, причем каждый владелец приемника был обязан платить две марки в месяц за лицензию. Позывными берлинского радио они сделали популярную мелодию «И верность и честность храни до конца!» Поначалу программы формировались в основном из речей и бравурной музыки, прерывавшиеся редкими выпусками новостей, а партийные мероприятия освещались подробнейшим образом. Непрерывно транслировались политизированные передачи, план которых утверждался лично Геббельсом. Но, безусловно, бесконечные лекции о нацистском мировоззрении и расовой теории ровным счетом никого не интересовали. Заскучавшие радиослушатели начали испытывать тоску по радиовещанию времен Веймарской республики.

Хорошо информированный о настроениях граждан Геббельс предпринял очередной маневр. Однажды он сказал: «Господа, важны не слушатели, важен Слушатель с большой буквы. Вы должны готовить свои программы не для тайного государственного советника, а для лесоруба из Бад-Айблинга» (34). С тех пор «лесоруб из Бад-Айблинга» (маленького городка к востоку от Мюнхена) стал легендарной фигурой. «Неужели вы всерьез считаете, что ваш лепет может заинтересовать лесоруба из Бад-Айблинга?» — саркастично спрашивал министр пропаганды своих подчиненных, когда какая-либо программа вызвала его недовольство. По дороге Геббельс всегда слушал радио, а потом спрашивал своего шофера, что тот думает о той или иной передаче. Водитель отвечал откровенно — как правило, передачи ему не нравились.

После нескольких месяцев тяжеловесной пропаганды Геббельс решил ослабить идеологический нажим и придать национальному радио более развлекательный характер. «Мы не собираемся использовать радио только в наших партийных целях. Мы хотим места для развлечений, народного искусства, игр, шуток и музыки. Но все должно быть связано с сегодняшним днем. Все должно включать тему нашей великой реконструктивной работы, или, хотя бы, не стоять у нее на пути.

Более всего необходимо четко централизовать всю деятельность радио, поставить духовные задачи впереди технических, ввести принцип личного руководства, обеспечить ясное мировоззрение и представить его гибкими способами» (35).

Еще осенью 1934 года Геббельс своим указом постановил, что после сильнейшего эмоционального воздействия, которое слушатели получили после партийного съезда в Нюрнберге, радио в течение нескольких недель должно передавать легкую музыку. На коротких волнах вновь появились радиотрансляции оперных спектаклей из Берлина, Дрездена и Мюнхена, передавались симфонические концерты из Лейпцига. Популярная музыка, выпуски новостей, радиопостановки, литературные чтения, советы покупателям, домохозяйкам, молодежи и фермерам снова оказались на первом месте. Стараясь не отставать от старших товарищей, нацистские радиостанции в провинции также выпускали собственные радиопередачи с местной тематикой и броскими музыкальными заставками. В этот поток общенациональной и местной продукции искусно вплеталась нацистская пропаганда.

Каковы же были способы геббельсовской пропаганды на радио? Да те же, что используются и сегодня: официальные сообщения, в которых выгодные сведения излагались подробно, а невыгодные — бегло; сенсационные передачи, в которых внимание сосредотачивается на одной важной в пропагандистском отношении теме или событии; выступления известных комментаторов с официальными материалами и выступления комментаторов под псевдонимами. Последние делали вид, что их точка зрения отличалась от правительственной. Особым образом обставлялись речи вождя нации. Перед выступлением Гитлера по радио на территории всей Германии, привлекая внимание заинтригованной аудитории, звучали сирены. Ради счастья услышать голос фюрера, немцы собирались вместе у домашних радиоприемников, громкоговорителей на фабриках, в конторах и общественных местах.

Отмечались в эфире не только речи лидера, но и его дни рождения — эксклюзивной праздничной радиопрограммой. Например, подобной, составленной германским радио на 50-летие фюрера: 16.20 — выступление оркестра; 17.00 — «Борьба за народ»; 17.30 — классические оперетты; 18.20 — всегерманская присяга членов гитлерюгенда Гитлеру; 18.30 — струнный квартет Моцарта; «Хорст Вессель», радиопостановка; 21.00 — филармонический концерт (36). Не очень, конечно, танцевально, а что вы хотели в день рождения вождя?

Но все это информация, как говорится, для внутригерманского пользования. Не удовлетворяясь территорией рейха, Геббельс осуществлял информационную экспансию и за пределы Германии. Уже в

1933 году началось вещание на США, в 1934 — на Южную Африку, Южную Америку и Дальний Восток, в 1935 — на Ближний Восток и Центральную Америку. После прихода к власти ежедневный объем вещания на зарубежные страны составлял от силы 1 час 45 минут. Годом позже он увеличился до 21 часа 15 минут. В 1935 году — до 22 часов 45 минут, в 1936-м — до 43 часов 35 минут, а 1937-м — его станции вещали в сумме 47 часов в день (37). Во время войны двести сорок различных программ вели трансляцию на тридцати одном языке, что вместе означало 87 часов эфира ежедневно.

Технические возможности для распространения необходимой ему информации у Геббельса имелись самые отменные. В Цезене базировалось 12 коротковолновых станций мощностью по 100 000 киловатт. Для сравнения — Англия в то время располагала 16 станциями, но всего по 50 000 киловатт. Соответственно в Италии их было 4, в СССР — 6, в США — 11, а в Японии и Франции — по 3 (38).

Конечно, вся эта пропагандистская мощь активно использовалась во внешнеполитических целях. Как справедливо отмечал Отто Штрассер: «Нет другого столь эффективного средства, которое могло бы деморализовать противника и дать возможность слову правды быть услышанным во вражеской стране» (39). Передачи немецких радиостанций всемерно способствовали развитию духа непокорности у немецкого национального меньшинства (например, в той же Польше). Чему способствовали как внешнеполитические успехи, одержанные Гитлером в 1938 году, так и усиление репрессий со стороны поляков. Впрочем, угнетать немцев полякам оставалось недолго. Дневники Ширера запечатлели трагическую радиохронику конца лета 1939 года:

«Все произошло в понедельник (21 августа) в двадцать три часа. Германское радио неожиданно прекратило вещание в середине музыкальной программы, и диктор объявил, что Германия и Россия решили заключить пакт о ненападении» (40).

(31 августа) «В двадцать один час радио прекратило обычную программу и передало условия германских «предложений» Польше. В частности:

1. Возратить Данциг Германии;
2. Провести референдум, кому будет принадлежать Данцигский коридор;
3. Осуществить обмен национальными меньшинствами;
4. Гдыня остается польской, даже если результаты референдума будут в пользу Германии. В официальном заявлении Германии содержалась жалоба на то, что поляки даже не приехали в Берлин, чтобы обговорить их. Понятно, что у них на это не было времени» (41).

«Сегодня Германская радиовещательная корпорация вела свой первый репортаж с фронта, и он показался достаточно достоверным» (42).

«Через громкоговорители (а они имеются повсюду, даже в кронах деревьев) объявляют, что Германия вот уже час как находится в состоянии войны с Великобританией и Францией». (43)

Во время войны немецкое радиовещание наполнилось новым содержанием. Начиная с 5 час. 30 мин. утра и до полуночи, радиослушатель прослушивал девять передач последних известий. Главная из них начиналась в 20 часов и продолжалась нередко до 20 минут. Практиковались также регулярные обзоры радиокomentаторов сухопутных сил, ВМФ, авиации.

В нацистском справочнике для работников радио существовало слово «Hoerfang» — слуховой захват. Это означало, что радиокomentатор должен уже во второй или третьей фразе смешать факт и мнение, и выдать одно за другое — в духе «национально-социалистического народного просвещения» (44). Данный стиль подачи информации связан с особенностями временного объема памяти человека: целостное сообщение должно укладываться в промежуток от 4 до 10 секунд. Чтобы воспринять рассуждение, которое не умещается в 8-10 секунд, человек уже должен делать особое усилие, и мало кто пожелает его сделать. Поэтому и сегодня квалифицированные редакторы передач доводят текст до примитива — их проще воспринимать на слух. Иначе сообщение будет отброшено памятью.

Кроме того, не теряет своей пропагандистской привлекательности еще одно изобретение гитлеровцев. Еще во время войны (в 1943 г.) американские авторы Сингтон и Вэйденофилд отметили: «Намеренная попытка создать в представлении иностранной аудитории атмосферу непринужденной веселости и компанейского духа в студиях была предпринята немцами в надежде вызвать у слушателей стран, еще не вовлеченных в конфликт, любовь к немецким программам и дикторам. Одной из таких уловок был комичный обмен репликами дикторов в студии. Диктор, допустив какой-нибудь промах, шуточно говорил что-нибудь по этому поводу своему коллеге. В другой раз можно было слышать, как диктор звонил по телефону технику с просьбой посоветовать, как стереть плохую запись... А наиболее исключительный пример этой техники создания атмосферы сердечности был продемонстрирован, пожалуй, тогда, когда диктор извинился перед радиослушателями, что прервется на минутку, чтобы закрыть окно, потому что там где-то собака лает» (45).

Специальные радиосообщения могли прервать любую передачу. Сначала шло короткое обращение к слушателям: «Внимание! Внимание! Прослушайте специальное сообщение службы радиовещания!» Затем

раздавался гром фанфар. Звучал целый оркестр из ста фанфаристов (как мы помним, с пластинки), и в целом получалось впечатляющее представление. Мощные позывные заставляли прислушиваться даже тех, кто не проявлял к лопотанию приемника никакого интереса и кто полностью отвергал всякую пропаганду. «Программа прерывается, звучат фанфары, потом зачитывают коммюнике, а после этого хор исполняет хит сезона: «Мы идем вперед на Англию». В случае больших побед дополнительно звучат два национальных гимна» (46). На особо важные сообщения фанфар вообще не жалели: «Париж пал. Мы узнали эти новости по радио в час дня, перед этим четверть часа трубили фанфары, призывая правоверных слушать последние известия» (47).

Мелодии позывных варьировались в зависимости от страны, над которой брали верх германские войска — над Францией, над Англией в морской войне, позже над Советским Союзом. В последнем случае использовались «Русские фанфары» или «Победные фанфары» из прелюдий Ференца Листа — на радио эта мелодия сразу ассоциировалась у немцев с Восточным фронтом. Сами сводки с Восточного фронта 7 июля 1941 года Геббельс приказал подавать «ухарски и дерзко». Таким образом он стремился успокоить народ, встревоженный перспективой длительной войны с огромной Россией.

Другим способом достигнуть успокоительного эффекта служило опосредованное прославление мощи, а значит, непобедимости Третьего рейха. «Я услышал на фабрике по радио несколько фраз из трансляции какого-то митинга, проходившего в берлинском «Спортпаласте». Вначале было сказано: «Великий митинг транслируется всеми радиостанциями рейха и Германии, к трансляции подключились радиостанции протектората (Чехии и Моравии), а также Голландии, Франции, Греции, Сербии, стран-союзниц Италии, Венгрии и Румынии...» Перечисление продолжается довольно долго. Тем самым, несомненно, оказывалось суперлативное воздействие на фантазию публики, подобное воздействию газетной шапки: «Мир слушает вместе с нами», ибо здесь перелистывались страницы переброшенного на нацистский лад атласа мира» (48).

Кроме выпусков новостей и военных обзоров большим успехом у слушателей пользовались «Фронтовые репортажи» репортеров Министерства пропаганды с передовой линии фронта, с подводных лодок и бомбардировщиков, находящихся в момент передачи над территорией противника. Подобные материалы ловко увязывались дикторским текстом, часто использовали натуральные шумы (взрывы, команды, лязг военной техники) и производили очень сильный эффект. Этим приемом не брезговали и корифеи. Так, в полночь 24 июня 1940

года гости Гитлера слушали речь Геббельса по радио, в начале и конце которой передавались записанные на пленку звуки сражения, которые радиослушатели принимали за передачу с фронта. В действительности же шум боя был инсценирован в берлинской радиостудии.

Затем появилось «Зеркало времени» — программа, рассказывавшая в той же документальной манере о событиях, не связанных с войной. Но самым успешным нововведением оказались редакционные статьи Геббельса в «Рейхе», которые передавались по радио вечером каждой пятницы. Новый стиль Геббельса, мягкий и успокаивающий, соответствовал настроениям немцев в условиях затянувшейся битвы. Тем же целям служил и изменившийся музыкальный репертуар — обилие развлекательной музыки и джаза (см. главу «Искусство»). Кроме того, радиовещание выполняло и вполне прикладные функции — незадолго до налетов авиации союзников оно пунктуально извещало население Германии о направлении и скорости полета бомбардировщиков противника, что было жизненно важно в самом буквальном смысле слова, и также заставляло аудиторию следить за радиопрограммой.

Нацистская радиопропаганда подарила миру и своих звезд журналистики, приобретших мировую известность, таких как Ганс Фриче. Он стал самым популярным комментатором Третьего рейха. Его четкий гортанный голос (как считалось, похожий на голос Геббельса) и тщательно подобранные аргументы привлекали внимание немцев, которым поднадоели заурядные нацистские ораторы. Обычно принципом военной пропаганды является наступательный дух и стремление никогда не ссылаться на сообщения и аргументы противника, потому что аудитории, таким образом, лишний раз становятся понятны доводы врага, однако Фриче предложил совершенно другой метод. Он постоянно цитировал, иногда правильно, иногда тенденциозно, сообщения радио и прессы противника, пытаясь одновременно апеллировать к государственным и общественным деятелям противной стороны.

Его передача начиналась четким посылом аудитории: «Говорит Ганс Фриче». Узнавание в таких случаях играет ключевую роль, потому что рождает ложное чувство знакомства. Это становится предпосылкой согласия аудитории с коммуникатором (отправителем сообщения) — он воспринимается аудиторией как «свой». И аудитория охотно разделяла его негодование, когда Фриче цитировал лондонскую «Ньюс кроникл»: «Мы за уничтожение всего живого в Германии — мужчин, женщин, детей, птиц и насекомых». И немцы снова и снова находили в себе силы сражаться с противником с неослабевающей яростью (49).

1 февраля 1943 года Верховное командование вермахта признало окружение южной группировки 6-й армии на Восточном фронте.

Через два дня последовало официальное признание в поражении под Сталинградом. И теперь Геббельс решил сознательно запугать немцев. О страшных несчастьях на фронте говорили в специальных сообщениях германского радио, и к выпуску новостей звали не торжественные фанфары — их заменила печальная солдатская песня «У меня был товарищ» в сопровождении глухого барабанного боя. В остальное время по радио транслировали только похоронные марши и серьезную классическую музыку. На следующий день все германские газеты вышли с траурной каймой на полях. Народ Германии был потрясен. По империи покатила волна ужаса и скорби.

Такой пропагандистской кампании Третий рейх еще не видел. За границей и внутри страны гадали, не сошел ли Геббельс с ума, доведя драматический эффект от поражения до такого критического накала. Однако опыт увенчался успехом. «Растерянные люди пришли в себя, печаль переросла в фатальный мистицизм, дескать, и поражения, и потери имеют свое значение. Шеф пропаганды взывал, обращаясь к своему народу: «Погибшие не сдаются! Они продолжают сражаться плечом к плечу с живыми солдатами!» И люди ему верили. Мало того, они опять начали доверять правительству, которое открыто говорило им горькую правду. Отныне Геббельс вновь мог их обманывать» (50).

Но все ухищрения пропаганды сломила военная сила и героизм союзных войск. Реальность уплывала от Геббельса в последние дни его жизни. Его вера, что силой слова можно сломить мощь орудий, носила уже какой-то потусторонний характер: (1 марта 1945) «Вечером в 7 часов будут передавать мою речь по радио. Дикция и стиль великолепны, и я льщу себя надеждой, что речь до некоторой степени произведет впечатление, хотя я не был в состоянии использовать в качестве аргументов какие-то конкретные успехи. Но народ довольствуется уже и тем, что сегодня имеет возможность послушать, по крайней мере, часовую хорошую речь»; (4 марта) «Вечером по радио передавалась из осажденной крепости Бреслау речь гауляйтера Ханке (бывшего заместителя Геббельса. — К.К.). Она захватывает силой воздействия и преисполнена достоинства и высокой политической морали» (51). До последних часов войны находился у микрофона и Ганс Фриче, и в этом смысле он свой долг пропагандиста выполнил полностью, как и Геббельс.

Последнюю речь «маленького доктора» жители города услышали уже во время штурма Берлина. Он призывал к сопротивлению. Когда Геббельс читал перед микрофоном свое обращение к защитникам немецкой столицы, рядом разорвался снаряд, который выбил стекла в импровизированной студии. Он не прервал чтение ни на секунду. Узнав, что звук взорвавшегося снаряда хорошо слышен на записи, министр пропаганды выразил звукорежиссеру свое полное удовлетворение.

В студийных инсценировках звуков сражения необходимости больше не было.

С двадцатых годов все большее распространение получал жанр документального кино. По сути, уже первые фильмы, вроде «Прибытия поезда» братьев Люмьер, были документальными роликами, однако по мере развития кинематографа документальное кино выросло в сложную систему; не просто фиксацию события на пленку, но режиссерское осмысление событий жизни, выстраивание их определенной последовательности и — как цель — оказание художественного и пропагандистского воздействия на кинозрителя.

Фотографическая документальность повествования и театральная изысканность постановочных кадров открыли перед кинематографистами широчайшее поле для развития новой эстетики и необозримые возможности для манипуляции сознанием с помощью подобранных образов, противопоставления различных символов, создания определенного темпоритма. Достаточно вспомнить одного из пионеров этого жанра, великого советского режиссера Дзигу Вертова и его с триумфом прошедшие на европейских экранах фильмы «Человек с киноаппаратом» и «Симфония Донбасса».

Воздействие документального кино нацисты осмыслили довольно быстро, и не только в рамках масштабных кинолент, вроде «Триумфа воли», но и в ежедневной пропагандистской деятельности. Еще в середине 1930-х годов Бюро расовой политики выпустило ряд документальных фильмов: «Грехи против крови и расы», «Наследственность», «То, что вы наследуете», «Вся жизнь — битва», «Прочь из порочного круга», «Дворцы для слабоумных», «Генетически ущербные». Движущиеся на экране образы «дегенератов» и «расово нежелательных» индивидуумов оказывали сильное воздействие на зрителей. В некоторых случаях изображения людей с тяжелыми наследственными заболеваниями сопровождались графическим дизайном, имитировавшим «дегенеративные» эстетические стили (52). Эти короткометражные ленты демонстрировались наравне с выпусками новостей перед показом художественных кинофильмов. Не меньше 20 миллионов кинозрителей в год просматривали, по меньшей мере, один фильм Бюро расовой политики.

После начала войны военные документалисты создали три полнометражных ленты — «Крещение огнем», «Марш на Польшу», «Победа на Западе», которые активно использовались для обработки общественного мнения как внутри страны, так и за рубежом. «Он пригласил Геббельса и меня на просмотр документального фильма о

бомбардировке Варшавы. На экране горели дома, бомбардировщики заходили на цели, можно было проследить всю траекторию полета бомбы. В конце фильма на белом полотне неожиданно появлялись контуры Британских островов. Самолет с германскими опознавательными знаками спикировал на них; взрыв — и острова буквально разлетаются на куски» (53). «Вечером Министерство пропаганды показало нам полнометражную хронику, со звуковыми эффектами, о разрушениях в Бельгии и Франции. Крупные планы потрескивающего пламени, уничтожающего дома, вырывающегося из окон, из-под крыш и стен. Энтузиазм немецкого комментатора возрастал по мере появления все новых сожженных городов. Голос у него был безжалостный скрипучий. «Посмотрите на это разрушение, дома объаты пламенем! — орал он. — Вот что бывает с теми, кто противостоит германской мощи!» (54)

Однако основным средством аудиовизуального воздействия на массы стали еженедельные выпуски хроники. С 20 июня 1940 года 4 еженедельных выпуска новостей (Ufa-Tonwoche, Deulig — Tonwoche, Tobis-Wochenschau, Fox Tonende Wochenschau) объединены в единый киножурнал «Ди Дойче Вохеншау» («Германское воскресное обозрение»). Объединение касалось как журналистских кадров, так и технических средств.

Немецкая хроника производилась на высоком уровне. Профессиональная работа операторов и качественная озвучка фильмов до сих пор представляют интерес, и не только для специалистов. Темами еженедельного выпуска новостей становились официальные мероприятия, события партийной жизни, жанровые сценки, рождения очередных детенышей в берлинском зоопарке, ну и, разумеется, боевые действия вермахта. Выпуски кинохроники снимали операторы, входившие в состав рот пропаганды. Отснятые пленки специальным курьером доставлялись в Берлин, проходили цензуру в Министерстве пропаганды и включались в очередной выпуск кинохроники. Даже в начале 1945 года кинооператоры рот пропаганды еще присылали в Берлин по 20 тысяч метров отснятой еженедельной хроники, в то время как объем еженедельного хроникального выпуска военной поры составлял 1200 метров (55) (45-минутный сеанс).

Два вечера в неделю Геббельс лично посвящал редактированию «Вохеншау». Один вечер он просматривал и компоновал сырой материал, а во второй вечер редактировал готовый выпуск. Между этими вечерами выпуск предварительно просматривал сам фюрер, без его личной цензуры киножурнал на экраны не выходил. Выпуски доставлялись Гитлеру в неозвученном виде. Его адъютант Гюнше во время просмотра читал составленный Геббельсом текст к кадрам хроники и вносил

изменения, согласно замечаниям Гитлера.

Каждый раз для показа в кинотеатрах Германии изготовляли сотни копий еженедельного обозрения. С мая 1940 года даже начали создавать специальные кинотеатры для демонстрации «Вохеншау». В них ежедневно с 10.00 до 22.00 каждый час показывали очередной выпуск, к которому прилагался короткометражный документальный фильм. Большое значение придавалось демонстрации выпусков немецкой хроники за границей. В начале войны для иностранного проката еженедельно изготавливалось 1000 копий с дикторскими текстами на 15 языках, но уже на январь 1942 года общий тираж составлял 2400 копий.

Первые документальные ролики о наступлении вермахта в России вызвали среди зрителей огромный ажиотаж — в кинотеатры было просто не попасть. Удивление немецкой публики вызвала национальная пестрота военнопленных Красной армии, плохое обмундирование советских солдат, а их неопрятный и жалкий внешний вид вызывал отвращение. Операторы «Вохеншау» специально подбирали для съемок военнопленных «преступного типа», часто снимали женщин-военнослужащих, по отношению к которым, по сведениям СД, большинство немцев были настроены крайне негативно и считали, что им не следует давать статус военнопленных. Общественное мнение гласило, что эти «бой-бабы» — преступницы, и их нужно расстреливать на месте (56).

Со временем настроение немецких кинозрителей изменилось. Правду о тяжелой битве на Востоке оказалось полностью скрыть невозможно: «В кинохронике показывают «Взятие Севастополя»: немцы, наконец, одержали крупную победу, однако солдаты в форме вермахта выглядят смертельно уставшими, отощавшими, почти такими же измученными, как и их русские пленники» (57).

К сильным сторонам немецкой хроники стоит отнести беззаветную работу операторов, регулярно оказывавшихся в центре сражения (за что они, как и их советские коллеги, часто расплачивались жизнью), отличное озвучивание фильмов, а также широкое применение технических новинок — таких, как подводные съемки, иллюстрировавшие репортажи о походах германских подлодок в Атлантику.

По мере уничтожения материальной базы и становившегося катастрофическим военного положения выпуск «Вохеншау» постепенно сокращался: «12 марта (1945 г.): Вечером показывают новую кинохронику. В нее включены поистине захватывающие короткие репортажи из Лаубана и Герлица. Показывается и посещение фронта фюрером. Короче говоря, эта хроника — такой документ, с которым мы снова можем развернуть пропаганду. К сожалению, кинохроника может появляться

теперь только нерегулярно, поскольку у нас нет необходимого сырья и нет возможности рассылать ленты для проката» (58).

Однако следует напомнить, что эта последняя поездка Гитлера на фронт являлась фактически инсценировкой. Фюрер и близко не приближался к театру боевых действий, чтобы своим ужасным физическим состоянием не деморализовать готовившиеся к обороне войска: «...Такова была (последняя. — К.К.) поездка Гитлера на фронт, которую распропагандировали в печати и кино под заголовком «Фюрер среди своих солдат на фронте у Одера». На снимках красовались офицеры из штабов Буссе и Хюбнера, Борман, Фегеляйн, Морель, эсэсовские офицеры, солдаты из личной охраны Гитлера и его адъютанты» (59).

Сегодня нацистская хроника вновь в цене. Поучительное зрелище как для профессионалов, имеющих возможность проанализировать сильные стороны работы своих предшественников, так и для простых зрителей, желающих понять мощь и эстетику гитлеровской пропагандистской машины.

Ну и, естественно, фундамент, на котором покоится все величественное здание современных СМИ, — печатная пресса. Основным печатным органом нацистской пропаганды являлась газета «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). Она основана в 1919 году на базе выходившей еще до Первой мировой войны еженедельной газеты националистического характера «Мюнхенер беобахтер». Вначале «Фёлькишер беобахтер» выходила дважды в неделю под патронатом общества «Туле», но после того, как в конце 1920 года газета оказалась в трудном финансовом положении, ее выкупили члены Немецкой рабочей партии (будущей НСДАП) Эрнст Рём и Дитрих Эккарт. Для этой цели они получили от командующего рейхсвером в Баварии генерал-майора фон Эппа — от имени его богатых друзей и из бюджета немецкой армии — 60 тысяч марок. С начала 1923 года газета стала выходить ежедневно, проповедуя идеи и взгляды национал-социалистической партии.

После смерти Эккарта непосредственным куратором «Фёлькишер беобахтер» стал Розенберг. Ведущий идеолог партии и главный редактор газеты стремился к тому, чтобы «Фёлькишер беобахтер» стала подлинной трибуной национал-социализма, однако постоянно наталкивался на противодействие Макса Амана, управляющего финансовыми делами партии и финансового директора издания. Аман считал, что газета должна быть, прежде всего, сенсационной и, тем самым, приносить деньги для партии. «Плевать я хотел на членов партии! — кричал Аман. — Бизнес — прежде всего». Их неприятие друг друга доходило до того, что в качестве аргументов в ход пускались ножницы и

чернилницы. Как видим, коренные противоречия между светлыми идеалами и холодным бизнесом отнюдь не являются проблемой лишь отечественной интеллигенции (60).

Понятное дело, если даже ведущие партайгеноссе выясняли между собой отношения с помощью скандалов, то о других газетчиках и говорить нечего — с ними вообще не церемонились. В информационной войне нацисты не брезговали угрозами, шантажом, а то и рукоприкладством. Геббельс: «Редактор бульварного листка постыднейшим образом задел честь моей жены. Человек из СС явился к нему и бил его плетью, пока тот, обливаясь кровью, не рухнул на пол» (10.10.1932).

Крупнейшим медиа-магнатом в Германии 1920-х годов являлся политик правого толка Альфред Гугенберг. Немецко-национальная народная партия Гугенберга то блокировалась с НСДАП, то порывала с Гитлером, однако его влиятельные СМИ, среди которых выделялась газета «Таг» («День»), всегда активно пропагандировали среди широкой немецкой общественности крайне националистические взгляды. По мнению немецкого историка И. Биска, именно медиа-холдинг Гугенберга, его печать «подготовила крушение Веймарского строя и расчистила нацистам путь к власти» (61).

Что, впрочем, Гугенбергу не помогло. После прихода нацистов к власти его партию распустили в числе прочих, а СМИ принудительно выкупило государство — так, за приобретение огромного гугенберговского издательства «Шерл-ферлаг» партия заплатила 64,1 миллионов марок.

Происходило это в рамках процесса, инициированного Максом Аманом, который всеми возможными способами стремился ограничить непартийную прессу. Со временем он добился своего — к 1939 году Аман через несколько холдинговых компаний контролировал 150 издательств. Он же ввел правило: «одно издательство — одна газета», а «нерентабельные» издательства массово закрывались. Сам Гитлер владел большей частью акций в партийном издательстве «Франц Эхер», которое печатало «Фёлькишер беобахтер» и всю партийную периодику.

Пользуясь своим привилегированным положением, самая читаемая ежедневная нацистская газета «Фёлькишер беобахтер» (в конце 1930-х годов она выходила в берлинском, мюнхенском и венском изданиях) монополизировала всю рекламу, прежде появлявшуюся в деловых изданиях, что приносило колоссальные доходы. Кроме того, подписка на партийную прессу являлась моральным обязательством для всех чиновников и видных деятелей, поскольку она — доказательство лояльности режиму, и это также способствовало получению стабильных доходов. К концу эпохи Третьего рейха в Германии выходило 350 принадлежащих партии газет, что составило почти 80% от общего

числа изданий (62).

Поскольку все газеты Германии получали стандартный набор указаний, немецкая пресса неминуемо стала вызывать у читателей скуку. Мелочный контроль принимал порой самые неожиданные формы. Например, Геббельс издал приказ о том, что все работники публичных фотоагентств должны носить особую нашивку на рукаве. Заметный значок в виде жестяного щита предназначался для того, чтобы самозванцы не могли выдавать себя за профессиональных фоторепортеров. Даже партийным небожителям порой приходилось сталкиваться с ограничениями, исходившими от их собственных коллег. «Я разыскал старую фотографию, на которой Геринг с ликующей улыбкой обнимал меня за плечи. Подведомственный Герингу отдел печати сразу же выразил протест, ибо такого рода указы и фотографии разрешено было публиковать лишь с разрешения их шефа» (63). Вследствие воцарившегося конформизма и однотипности изданий немецкий читатель стал охотно экономить на покупке прессы, в которой нечего читать. Ведущие нацистские газеты, включая утреннюю «Фёлькишер беобахтер» и вечернюю «Дер Ангрифф», вынужденно сократили тиражи.

Стараясь спасти ситуацию и сохранить пропагандистское влияние на рабочий класс, Геббельс распорядился продолжить выпуск ряда изданий (бывших коммунистических) под теми же названиями, но с другим содержанием. Сохранились также имеющие широкую известность в Европе газеты «Франкфуртер цайтунг» и «Дойче альгемайне цайтунг»: германское Министерство иностранных дел хотело, чтобы эти авторитетные издания являлись чем-то вроде витрины нацистской Германии за рубежом. В пантеоне немецких СМИ нашлось место и для нацистского смеха, представленного издававшейся партией юмористической газетой «Бреннесзель» («Жгучая крапива»). Кроме того, многие издания, стараясь повысить общий тираж, выпускали развлекательные приложения, например, если мы говорим о «Фёлькишер беобахтер» — «Иллюстриртер беобахтер»⁴².

Но все же лицо германской прессы того периода определяли не массовые газеты с шаблонным набором информации, а «серьезные» издания для избранной публики. Уже в 1933 году главный расолог Третьего рейха Вальтер Гросс приступил к выпуску популярного иллюстрированного журнала «Новый Народ» (мы уже вкратце говорили о нем в седьмой главе). Тематика этого великолепно иллюстрированного журнала была весьма разнообразна — один день в молодежном лагере, очерк о «Муссолини, отце своего народа», советы, где лучше провести

⁴² Очень часто издатели предпочитают маскировать пропагандистскую сущность своих изданий размещением кроссвордов, анекдотов, карикатур, а также всевозможных полезных советов.

отпуск, репродукции классического немецкого искусства. Живописные крестьяне, доблестные штурмовики, пышущие здоровьем лыжники, сияющие от счастья матери, крепкие, упитанные дети заполняли страницы. Туристическая, спортивная, гигиеническая реклама давала понять, что журнал предназначен для прогрессивного и патриотичного читателя, стремящегося к здоровому образу жизни. Антропологические снимки американских индейцев и афроамериканцев зримо подчеркивали расовые различия. Занимательные, не обремененные академическими терминами статьи по расовым вопросам приходились по вкусу читателям. Тираж журнала (в 1933 году — 70 тысяч экземпляров) к 1939 году превысил 300 тысяч (64).

Всемирную известность получил весьма успешный, но при том одиозный даже по нацистским меркам, журнал «Штюрмер», издававшийся Юлиусом Штрайхером (позже казненным по приговору Нюрнбергского трибунала). Между тем, «Штюрмер» имел огромный для Германии тираж — в разное время расходилось от полумиллиона до восьмисот тысяч экземпляров. Подписчиков «Штюрмера» также увещевали передавать прочитанные экземпляры знакомым, а около 15% каждого тиража вообще раздавалось бесплатно. Роскошные, издавека заметные витрины для свежих выпусков местные отделения СА устраивали возле автобусных остановок, у газетных киосков, на рынках, так что прохожим волей-неволей приходилось на них обращать внимание. Пышные церемонии рекламного характера и конкурсы на лучшее оформление создавали вокруг журнала еще большую шумиху.

В год выходило 22 выпуска. А девять специальных выпусков 1930-х годов (каждый подробно излагающий обстоятельства очередного преступления, например, «Ритуальное убийство, совершенное евреями» или «Альберт Хиршланд, расовый изменник из Магдебурга») разлетелись двухмиллионными тиражами (65).

Штрайхер отказался от платных корреспондентов и сообщений информационных агентств. Подписчики считали себя своего рода рабкорами и селькорами на общественных началах. Редакция специализировалась на интерактивной журналистке, охотно вела диалог с читателями, с удовольствием отвечала на письма. Скажем, читатель, задолжавший еврею, обращался в редакцию за советом: нельзя ли ему, как настоящему арийцу, просто не возвращать долг? Бдительные граждане присылали в редакцию доносы, которые печатались под рубрикой «Чего не может понять народ»: учительница Мария Шмидт поцеловала свою золовку, чистокровную еврейку, на виду у всех на улице; представительница немецкого народа фрау Бройер регулярно дружески беседует с евреем Рандератом; пастор Шюнеман в Гарце принадлежит к

местной масонской ложе «Храм согласия» (66).

Почти каждая обложка бросалась в глаза крупными красными заголовками и карикатурами на всю страницу, принадлежавшие графику Филиппу Руппрехту, подписывавшемуся псевдонимом Фипс. На рисунках Фипса плотоядно скалящиеся «лица еврейской внешности» подкрадывались к белокурым девушкам. Рептилии, вампиры, грызуны и пауки со звездами Давида нападали на мирные арийские дома; страдающие от ожирения еврейские семьи смотрелись нелепо в баварских народных костюмах; смуглые политические ораторы призывали рабочих к беспорядкам, а банкиры, дымящие сигарами, совещались, как лучше надуть наивных арийцев. «Штюмер» с успехом апеллировал к сознанию читателей через эмоции, которые пробуждал обилием иллюстраций, сопровождаемых простым текстом.

Юлиус Штрайхер охотно раскрывал секреты успеха: «Я помещаю на первую страницу своей газеты рассказ о сексуальном преступлении, совершенным каким-нибудь евреем, как в начале обеда подают восхитительный коктейль или паюсную икру» (67). Сексуальная тематика в журнале приобретала гротескные и извращенные формы, что опять-таки находило своего читателя. «При совокуплении мужское семя частично или полностью впитывается стенками матки и таким образом поступает в кровь. Достаточно одного-единственного полового сношения еврея с арийской женщиной, чтобы навсегда отравить ее кровь. Вместе с чужеродным белком она впитает в себя и чужеродную душу. У нее никогда уже не будет чисто арийских детей, а только метисы». Читатели были в восторге: «Штюмер» — прекрасный журнал, и папа часто дает его мне почитать. Надеюсь, все народы скоро увидят, что во всех несчастьях виноват еврейский сброд. Мне тринадцать лет» (68).

Если есть издание для штурмовиков, должно быть и для эсэсовцев — решил рейхсфюрер СС Гиммлер. И насколько разнужданные штурмовики отличались от дисциплинированных эсэсовцев, так и различались предназначенные для них журналы. Каждый номер «Направляющих тетрадей СС» имел центральную тему, имевшую большое значение для эсэсовского мировоззрения. Первые четыре выпуска были посвящены следующим темам: «Учение о наследственности», «Крестьянство», «Иудаизм», «Масонство и большевизм». При этом теоретические статьи перемежались незамысловатыми рассказами и чисто практическими советами («Из практики родового отделения», «Выбор эсэсовцем супруги» и т. д.). Важным воспитательным элементом считались фотографии и иллюстрации. Это выражалось в постоянном противопоставлении образов светловолосых и голубоглазых арийцев и омерзительными изображениями представителей «неполноценных рас».

(Как раз тот случай, когда, спекулируя на таком качестве фотографии, как ее документальность, и сопровождая снимок заведомо ложным текстом, пропагандисты превращают ее в мощное средство пропаганды.) Кроме того, к каждому очередному номеру сотрудники СД готовили рубрику «Враги рейха». Название, полагаю, говорит за себя. Работу над изданием курировал лично Гиммлер.

Другое издание эсэсовского медиа-холдинга «Черный корпус» также публиковал аналитические обзоры новостей, статьи, посвященные вопросам внешней политики, нацистской теории. Первоначальный тираж — около 80 тысяч — быстро возрос до 340 тысяч в 1937 году и 700 тысяч к началу войны. Следует помнить, что гиммлеровская свора в какой-то степени считалась интеллектуальной элитой Третьего рейха: 20% всех генералов СС были представителями аристократии, а 41% офицеров СС — выпускниками университетов (притом, что только 2% немцев имело высшее образование) (69). Еженедельник СС должен был вызывать уважение не только образованных нацистов, но и вообще любого мыслящего (расово мыслящего) читателя.

Исходя из того, что читатели еженедельника могут ездить за рубеж и иметь представление о враждебной зарубежной прессе, редакция «Черного корпуса» регулярно цитировала ее и разъясняла, каким образом следует опровергать критические нападки. В рубрике «Откуда берется ненависть к немцам?» перепечатывались карикатуры на нацистов и критические высказывания в их адрес. Снимки конных прогулок офицеров СС и реклама курортов подчеркивали элитарный характер журнала. Фотоочерки, посвященные особенностям облика узников концлагерей, знакомили читателей «с дегенеративными и преступными подонками общества» и резко контрастировали с классической элегантностью обнаженных статуй на страницах, посвященных искусству (70).

Естественно, не мог остаться в стороне от медиа-моды и главный пропагандист эпохи. 26 мая 1940 года впервые вышел в свет его собственный журнал «Рейх». Центральное место среди материалов каждого номера предназначалось для статей самого Геббельса. В них он собирался беседовать с немецким народом как бы в неформальной обстановке и неофициальным тоном комментировать злободневные вопросы дня, чтобы установить более тесные отношения с миллионами своих читателей. (Статьи с самыми резкими своими заявлениями Геббельс подписывал псевдонимом Сагакс). Это издание тоже нашло свою нишу — «Рейх» стал очень популярен среди немецкой интеллигенции и офицеров вермахта. Страницы личного журнала шефа пропаганды заполняли рецензии на спектакли, фильмы и книги, спортивные новости, сообщения

о политической ситуации в Британии, США и странах Оси, репродукции шедевров искусства, забавные карикатуры и драматические военные фотографии. Как выразился сам Геббельс, «Рейх» должен выглядеть респектабельно, поскольку «чем радикальнее высказываемое мнение, тем с более солидным и взвешенным видом оно должно подаваться» (71).

«Когда Геббельс редактировал «Ангрифф», он мог под впечатлением последних событий за несколько минут продиктовать текст любому сотруднику, оказавшемуся под рукой. Он диктовал из головы: ни на минуту не прерывал поток слов и без всякой паузы говорил: «Конец. Все». Но теперь он подходил к задаче совершенно иначе. Он заранее делал предварительные заметки. Для него готовили цитаты или краткие выдержки из необходимых книг, и он их внимательно изучал. Теперь он свои статьи редактировал по два-три раза, а некоторые и по семь. В результате Геббельс выработал блестящий, ясный, почти аскетичный стиль, построенный на отточенных фразах и прекрасно подобранных словах, передающих все нюансы мысли» (72).

Все другие статьи, печатавшиеся в «Рейхе», также были написаны не без таланта. Авторам запрещалось прибегать к грубому жаргону, не допускались также истерические заголовки, которыми пестрела остальная германская пресса. В нем публиковались философ Карл Шмитт, Теодор Хойс (позже ставший первым президентом ФРГ) и Рудольф Аугштайн (после 1945 года издававший популярный еженедельник «Шпигель»).

Все современники сходятся на том, что «популярность д-ра Геббельса была очень высока», и косвенным подтверждением тому служит резкий рост тиража его журнала. К 1941 году тираж «Рейха» вырос до 1,5 миллионов, почти сравнявшись с «Фёлькишер беобахтер». И вдобавок к тому, дважды в неделю, в пятницу вечером и в воскресенье утром, передовые статьи из «Рейха» транслировались по радио в тылу и на фронте. А порою нацистские пропагандисты находили уж совсем парадоксальные формы распространения мыслей своего шефа — текст одного из первых выступлений Геббельса распространялся среди населения в виде приложения к продовольственным карточкам.

В целом можно сказать, что вплоть до 1945 года германская пресса чувствовала себя вполне сносно. А геббельсовский «Рейх» выходил даже тогда, когда Германия превратилась в груды развалин и Берлин был взят в кольцо, о чем мы еще расскажем.

И немного о стилистике подачи информации в нацистских СМИ. Со свойственной ему пронизательностью Клемперер отмечал: «В серьезных газетах (я имею в виду, прежде всего «Reich», «DAZ»⁴³, преимицу «Frankfurter Zeitung») часто попадают статьи, для которых характерны

⁴³ «Дойче Альгемайне Цайтунг».

напыщенный глубокомысленный стиль, претенциозный и туманный, важничанье посвященных. Я называю это нацистским глубинным стилем, применимым к любой области науки, философии и искусства. Он не исходит из уст народа, он не может и не должен быть понят народом, наоборот, с его помощью хотят подольститься к образованным людям, стремящимся к духовному обособлению» (73).

Умный человек, как правило, не чужд иронии. Она дает возможность автору и читателю быть как бы заодно: «Ну, мы-то понимаем, о чем идет речь», — словно бы подмигивает журналист читателю. «В ЛТГ (Языке Третьего рейха) иронические кавычки встречаются во много раз чаще обычных. Ведь для ЛТГ нейтральность невыносима, ему всегда необходим противник, которого надо унижить. Когда речь заходила о победах испанских революционеров, об их офицерах, генеральном штабе, то это всегда были «красные победы», «красные офицеры», «красный генеральный штаб». То же самое произошло позднее с русской «стратегией», с югославским «маршалом» Тито». Чемберлен, Черчилль и Рузвельт — всегда «политики» в иронических кавычках, Эйнштейн — «ученый», Ратенау — «немец», Гейне — «немецкий» поэт» (74). От себя добавлю, что автор этой книги также использует кавычки довольно обдуманно.

Немецкие СМИ жестко и централизованно управлялись Министерством пропаганды и профильными отделами организаций-основателей. Что позволяло, дирижируя ими, проводить крупные пропагандистские кампании, фокусируя внимание общественности на тех событиях, которые представлялись актуальными руководству страны. И здесь нацисты опирались на проверенную временем аксиому — вынос сенсации в заголовок: «Купил утренние берлинские газеты. Кричащий заголовок на всю первую полосу «Германская Австрия спасена от хаоса». И невероятная история, созданная дьявольской, но богатой фантазией Геббельса, в которой описаны устроенные вчера красными разрушительные беспорядки на главных улицах Вены, драки, стрельба, грабежи. Полнейшая ложь. Но как люди в Германии узнают, что это ложь?» (75) Так пропаганда готовила немецкую общественность к предстоящему аншлюсу Австрии. Потом — к захвату Чехословакии: «Нацистские газеты полны истерических заголовков. Сплошная ложь. Вот некоторые примеры: «Чешские броневики давят женщин и детей» или "Кровавый режим — новые убийства немцев чехами"» (76).

Более сложная задача ставилась перед немецкими СМИ, когда потребовалось в один день, после подписания пакта Молотова—Риббентропа, сменить многолетнюю антисоветскую риторику на доброжелательный тон по отношению к восточному соседу. «Любо-

дорого было созерцать на следующий день германскую прессу. Геббельсовская газета «Ангрифф», самая свирепая в преследовании «красных», писала: "Мир поставлен перед выдающимся фактом: два народа нашли общую позицию в международной политике, которая, основываясь на длительной, традиционной дружбе, обеспечит фундамент для всеобщего взаимопонимания!"» (77).

Всеобщее взаимопонимание привело к стремительному скатыванию к всемирной войне. «Заголовок в «Фелькишер беобахтер»: «Вся Польша в военной лихорадке! 1 500 000 мужчин призвано в армию! Непрерывная переброска войск к границе! Хаос в Верхней Силезии!» (78).

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. По Льву Толстому — свершилось то, что противно человеческому разуму. Но не коллективному разуму СМИ, ведь плохая новость — лучшая основа для сенсации. «На улице появились экстренные выпуски газет. Их раздают мальчишки-газетчики. Вот заголовки: «Британский ультиматум отвергнут», «Англия объявляет себя в состоянии войны с Германией», «Сегодня фюрер отправляется на фронт». Типичный заголовок над официальным сообщением «Германский меморандум доказывает вину Англии» (79).

В заголовках германских газет чувствуется определенная отстраненность, высокомерное холодное спокойствие. Позже по поводу нараставшего Соппротивления французских партизан немецкая пресса сообщала: столько-то было уничтожено. «Глагол «уничтожать» говорит о ярости по отношению к противнику, который здесь все же рассматривается еще и как ненавистный враг, как личность. Но затем ежедневно стали писать: столько-то было «ликвидировано». «Ликвидировать», «ликвидный» — это язык коммерции, а будучи иностранным, это слово еще на какой-то градус холоднее и беспристрастнее, чем любые его немецкие аналоги» (80).

Но вскоре могильным холодом повеяло со страниц германских газет и в заметках, касавшихся непосредственно немцев. Следуя традиции, они были вынуждены публиковать извещения о гибели солдат под рубриками «В гордом трауре», «За фюрера, народ и Отечество», «Геройская смерть ради будущего Германии». После вторжения в СССР обилие подобных объявлений, занимавших целые страницы, даже вызывало тревогу у Геббельса: «Я предприму соответствующие меры к тому, чтобы сократить до терпимого уровня число траурных объявлений о павших солдатах» (81). Наверняка ему это удалось, но, уменьшив количество объявлений, нельзя воскресить убитых немцев, французов, русских. В этом самое страшное противоречие между виртуальной и настоящей реальностью. К сожалению, увлеченные своей профессиональной деятельностью

журналисты и политтехнологи часто забывают об этой разнице.

Зимой 1945 года Третий рейх агонизировал. Журналист берлинской газеты «Ангрифф» после очередной бомбардировки, когда в редакции взрывной волной выбило все стекла, обнаружил на своей пишущей машинке оторванную по локоть руку английского пилота, в совершенно целом рукаве (82). Но я не думаю, что наряду с ужасом и отвращением шокированного журналиста посетила мысль о его персональной вине за царившие повсюду смерть и разрушение — всего лишь слово было вначале.

21. Пропаганда семейных ценностей

Как известно, воспитание человека начинается в семье. И сколь бы ни старалась государственная пропаганда приручить отдельного гражданина, влияние семьи на него, как правило, остается доминирующим. Соответственно, перед нацистами стояла задача заставить институт семьи действовать параллельно с режимом в воспитании нового человека. Благо, сама почвенническая идеология национал-социализма исповедовала возвращение к истокам, крестьянской общине, а значит, призывала к укреплению семейных ценностей. Более того, нацисты утверждали, что их оппоненты — коммунистическая и демократическая пресса, «еврейски ориентированные» литература, театр и кино — якобы вели активную борьбу против брака, семьи и деторождения. И в этих утверждениях имелась доля истины, если мы вспомним революционные (и провокационные) эксперименты в искусстве 1920-х годов (см. главу «Ранний этап. Пропаганда в «Майн Кампф»).

ВСМИ, в пропагандистской литературе, в педагогических программах нацистской Германии красной линией проходила мысль о различии между арийской любовью (Liebe) и еврейской сексуальностью (Sexualitat). Хотя при этом наличие эротических мотивов вовсе не исключалось: в том же журнале СС «Черный корпус» достаточно активно печатались фотографии, изображающие обнаженных арийских амазонок. Геббельс, намекая на номер статьи уголовного кодекса, карающего за мужеложство, отмечал: «Немного эротики надо оставить, не то у нас все станут 175-ми» (1).

Более того, в своей прессе Геббельс высмеивал консерваторов, считавших, что женщина обязана заниматься исключительно детьми, должна избегать современных увлечений, интересоваться модой. Истоки «демократизма» министра пропаганды можно усмотреть еще в тех временах Веймарской республики, когда нацистская партия была вынуждена бороться за голоса избирателей, в том числе и немок. «Фюрер развивает совсем новые мысли о нашем отношении к женщине.

Для предстоящих выборов это весьма важно. Мужчина — организатор жизни, женщина — его помощник и исполнительный орган (? — К.К.). Эта точка зрения современна и поднимает нас высоко над сентиментализмом немецких народников» (29.03.1932). Вопрос популярности любого режима во многом определяется мнением женщин, и социальная политика гитлеровцев это тщательно учитывала.

Сразу после прихода к власти нацисты предприняли ряд мер, которые можно истолковать двояко. С одной точки зрения — воскрешение института семьи путем поощрения домохозяек, другой — давление на женщин, чтобы они освобождали рабочие места, уступая их мужчинам. Уже в июне 1933 года правительство стало выдавать молодоженам беспроцентные займы в размере 1000 марок. С 3 ноября 1937 года эта ссуда выделялась в форме купонов, по которым различные фирмы выдавали мебель и домашнюю утварь (2).

Одним из условий получения ссуды являлся уход невесты с постоянного места работы. Обеспечивалась финансовая поддержка молодых семей (т. н. «детские деньги» — пособие на каждого новорожденного). Государство поощряло ранние браки, каковыми считались браки, заключенные в возрасте 24-26 лет. На предприятиях юноши и мужчины, вступившие в брак, стали получать более высокую зарплату, нежели их холостые коллеги.

Для вступления в брак нужно было пройти некоторые процедуры, призванные, в первую очередь, выяснить статус молодоженов, определяемый, прежде всего, их происхождением. Еврей, умудрившийся жениться на арийке, а таковых до прихода нацистов к власти насчитывалось немало, получал небольшую льготу. Если еврей имел в этом браке детей, для него было необязательно надевать опознавательную желтую звезду на одежде. Скорее всего, подобным образом, нацисты старались сохранить лояльность детей от смешанных браков — т. н. «мишлинге». Ну, а для недопущения подобных казусов в будущем, брачующихся обязали тщательно изучать происхождение предков. Имперский комитет по защите здоровья нации опубликовал памятку будущим супругам: «Помни, что ты немец. Все, чем ты являешься, это не твоя заслуга, а твоего народа. Поэтому, чтобы ты ни делал, думай, полезно ли это твоему народу. Как немец выбирай себе супруга только той же крови. Где супруги подходят друг другу, там царит согласие. Где смешиваются неравные расы, там случается раздор. Помеси различных рас ведут к вырождению и упадку, держись подальше от неполноценных» (3). Для уточнения родословной желающим вступить в брак приходилось прибегать к услугам специалиста по генеалогии, что породило массовый спрос на подобных изыскателей. Видите, и для архивариусов занятие

нашлось.

Беременные женщины отправлялись в отпуск за полтора месяца до родов. Крестьянки переводились на более легкие работы. После рождения кормящие матери не могли наниматься на работу, которая предполагает занятость более 8 часов в день, а также имели дополнительный часовой перерыв для кормления ребенка. Подобная забота государства о семье и женщинах широко рекламировалась СМИ, вызвала одобрение в обществе, и донныне аналогичные социальные льготы лежат в основе системы защиты материнства (4).

С июля 1936 года семьям, где месячный доход был меньше 185 марок в месяц (что касалось $\frac{2}{3}$ семей рабочих и служащих), выплачивалось по 10 марок в месяц за пятого и каждого последующего ребенка. Так государство поддерживало многодетных сограждан. В 1938 году им выплачивалось уже по 20 марок, начиная с третьего ребенка. В марте 550 тысяч семей получили в среднем 330 марок на семью (5). Основная идея нацистского государства состояла в том, что «в каждой семье должны расти минимум четыре ребенка».

Врачу, сделавшему аборт, давали 15 лет тюрьмы или лагерей. Одновременно в 1938 году власти объявили, что еврейки могут делать аборты беспрепятственно. Пуританское отношение к матерям-одиночкам отошло в прошлое. Государство оказывало им любую возможную помощь и поддерживало финансово. В 1937 году женщинам разрешили именоваться «фрау» независимо от их семейного положения. Пропагандируя новую семейную мораль, Гиммлер провозгласил: «Для германских народов женщины были так же священны, как и очаг» (6). И вторил ему Геббельс: «Нам нужны не несущки яиц, а женщины — надежные товарищи в жизни» (7). Хотя и здесь не обошлось без либеральничания министра пропаганды. В отличие от мрачного пафоса Гиммлера, он приходит к неожиданным выводам, игриво замечая: «Ведь нет ни одной женщины, которая бы полностью отказалась от косметических средств для поддержания своей красоты... Мы предпочитаем видеть женщин, которые в отдельных случаях прибегают к пудре, чтобы, скажем, слегка припудрить свой маленький носик, если он лоснится» (8). Прямо «добрый» и «злой» следователи, и общественное мнение Германии, внимательно следящее за поведением вождей, это также учитывало.

Нацистская пропагандистка Гуида Диль заявляла: «Женщина — это борец. Но свое сражение она ведет при помощи материнской любви» (9). А что же за битва без грядущих почестей. С 1938 года в рейхе учредили такую специфическую награду, как Материнский крест, вручавшийся женщинам, родившим более четырех детей. Впрочем, о нем мы уже

рассказывали. Кроме того, многодетные фрау получали льготы при начислении налогов, а членам гитлерюгенда вменялось в обязанность приветствовать их на улице и уступать место в транспорте. Не забывали о сильном поле — многодетным отцам на производстве полагался продленный отпуск. Одновременно, в том же 1938 году, власти ввели «штрафной налог» на пары, не имевшие детей после пяти лет брака.

Основным до конца войны оставалось и так называемое «посемейное» снабжение — выделение продуктов, исходя из расчета на одну семью. За счет такого снабжения достигался не только более экономный расход продуктов, но и, что важнее, сохранялась моральная и духовная спаянность семьи. Культ семьи и желание пользоваться определенными льготами привели к невиданной до сих пор практике бракосочетаний с убитыми на поле боя солдатами. «Попадались объявления о странных бракосочетаниях, о которых с тем же успехом можно было бы сообщать на страницах с некрологами: женщины извещали о заключении брака задним числом с погибшим женихом. Из газеты «Фелькишер беобахтер»: «Извещаю о своем бракосочетании задним числом с павшим обер-ефрейтором, танковым радистом, студ.-инж., кав. Ж[елезного] К[реста] II степени...» (10) Воистину сюрреалистическая картина — брак с мертвецом.

Даже в годы военных испытаний нацисты максимально пытались сохранить для своих дам возможность заниматься домашним хозяйством и семьей. Во время Второй мировой войны в Германии женский труд использовался в гораздо меньшей степени, чем в той же Англии. Сравнивая ситуацию с тогда недавней историей, Альберт Шпеер отмечал, что «в период Первой мировой войны трудовой повинностью было охвачено значительно больше женщин, чем теперь» (11).

Один из основных вопросов, стоящий перед семьей, имеющей желание обзавестись детьми, — это жилищная проблема. Семьям, жившим в старых квартирах с неудовлетворительными условиями, режимом предоставлялось дешевое жилье — новые квартиры, частные дома, садовые и земельные участки. Социологи Третьего рейха рассчитали, что среди граждан, имеющих в собственности землю, многодетных в два раза больше, чем среди тех, кто земли не имеет. Поэтому немецкие пропагандисты не только уговаривали немцев не оставлять свои деревни, но и проводили многолетнюю кампанию по возвращению к земле.

Городской житель, желающий обрабатывать землю, мог получить практически любой надел как в самой Германии, так и, позже, на оккупированных территориях. Чтобы новоявленные поселяне не испытывали страх перед возможностью жизни в деревне и

крестьянским трудом, в рамках учебных программ каждый юноша проходил производственную практику, т. н. «Сельский год». Цель — получить навыки крестьянской жизни в тех областях Германии, где сельское хозяйство особенно развито. Предполагалось создать нечто, напоминающее сословие казаков в царской России — сообщество крестьян, живущих по границам рейха и способных с оружием в руках защищать его границы.

Кроме «Сельского года», т. е. непосредственной работы в хозяйствах, молодые люди изучали образ жизни предков, например древнегерманские обряды, связанные с плодородием земли, и выходящие из употребления народные ремесла. Для девушек программу дополнили проектом «Вера и красота», в результате которой они обучались обращению с домашним скотом, раскрою и шитью одежды, приготовлению простой пищи. В цели проекта также входила спортивная подготовка девушек, сексуальное просвещение, получение навыков по уходу за ребенком. Проект охватывал всех входивших в БМД («Союз германских девушек») девушек от 17 до 21 года. Ну и, наконец, самое главное: «Их (девушек. — К.К.) учат также, как читать нацистские газеты и слушать радио. В спальнях девушек Марвин заметила только две книжки: «Вера в нордическое государство» и «Мужчины...» (12).

Естественно, при такой разнообразной, но строго продуманной системе воспитания, ничего не стоило подвести молодого человека к пониманию и вере в главный посыл национал-социализма — расовую теорию. Молодежь податлива для целенаправленной обработки, особенно, если эта обработка маскируется под патриотическое воспитание. «Рассказ учительницы об арийской расе, апология нордической женщины «сшироким тазом, оптимально приспособленным для деторождения, с прямыми плечами, светлыми волосами и голубыми глазами» производит на Маргот ошеломляющее впечатление» (13). И уже на этом этапе к воспитанию верных своей стране бойцов подключалась организация СС. При их непосредственном участии организовывались и проходили все многочисленные языческие обряды, в которых принимала самое активное участие восхищенная их красочностью и романтической атмосферой молодежь.

Молодые люди, юноши и девушки, в результате многолетней планомерной обработки смешивали воедино семейные и националистические ценности и не видели себя вне данной системы координат. Они были готовы воевать (и убивать) за свои патриотические и, как им казалось, высокоморальные идеалы. Личный врач Гимmlера Феликс Керстен записал в своем дневнике после плотного общения в компании офицеров СС: «Каждый из тех, с кем я говорил, уже видел

себя в роли аристократа-землевладельца на Востоке, главы типично немецкой семьи не менее чем с семьей детьми» (14). Иначе говоря, их влекла перспектива заполучить личный бизнес, помогающий прокормить большую и счастливую семью. Вопрос, от кого и как придется «освободить» эту землю, волновал их только в военном аспекте его решения.

Немецкая семья тридцатых годов жила в атмосфере пропагандистской эйфории, социальной активности населения, веры в прекрасное будущее. Окончание мирового кризиса, национальное возрождение, быстро повышающийся уровень жизни нацистская партия использовала в собственных интересах, эксплуатируя народную энергию для достижения своих сверхзадач.

«Атмосферу горячечной активности, в которой мы жили, вполне подытоживает шутка, известная во всей Германии.

— Как поживают твои родные, где они сейчас?

— Спасибо хорошо. Я здесь, папа в СА, мама в НСНБ (нац.-соц. Народная благотворительность), Хайнц в СС, сестра Гертруда в БНП, а маленький Фриц в ГЮ, однако каждый год мы встречаемся в Нюрнберге на Дне партии!» (15)

Довольно мило, но мы должны четко различать — что являлось пропагандой для масс, а что характеризовало истинную физиономию нацистских заправил. Многие деятели национал-социализма околачивались весьма далеко от семейных ценностей — будь то алкоголик Лей или не пропускавший ни одной юбки Борман. И прямо-таки фантастическую картину рисует очевидец, описывая посещение публичного дома в Италии заместителем рейхсфюрера СС Рейнгардом Гейдрихом: «Гейдрих достал свой набитый золотом кошелек и стал разбрасывать монеты по мраморному полу. Широким жестом Гейдрих предложил девушкам собирать монеты. Началась оргия вальпургиевой ночи. Толстые и тощие, тяжеловесные и юркие «провинции» (проститутки из разных регионов страны. — К.К.) опустили на четвереньки и в исступлении принялись ползать по салону. Золото, золото...» (16) Естественно, подобные симпатичные сценки оставались глубочайшей тайной для народа, как всегда окуриваемого фимиамом нравственности и патриотизма.

Для укрепления пропагандистского воздействия, в частности в рекламе ценностей новой национал-социалистической семьи, особенно важен личный пример вождя. Ситуация однако осложнялось тем, что фюрер, опасаясь десакрализации своего образа в глазах масс, предпочитал демонстрировать на людях некое «публичное одиночество» гениального вождя нации. Таким образом, первой леди Третьего рейха

директивно назначили Магду Геббельс.

После прихода нацистов к власти именно Магда обращалась по радио к женщинам Германии, активно занималась благотворительностью, часто появляясь перед камерой, демонстрировала своих детей, и вскоре семья Геббельсов стала символической образцово-показательной семьей нацистской Германии⁴⁴. Публика видела многодетную, любящую пару, где муж является убежденным национал-социалистом и интеллектуалом, а жена — красавицей-аристократкой, тонко чувствующей и понимающей заботы всех матерей Третьего рейха.

И только близкие знали, что у первой леди государства характер оказался архискверный. Магда экономила на всем — детей одевали со спартанской простотой, прислуге не оплачивали отпуск, питались Геббельсы скудно и невкусно. Иногда почти всю неделю на столе не появлялось ничего, кроме жареной картошки и селедки. Из-за убогого, скудного питания дом министра пропаганды пользовался дурной славой и многие звезды берлинской сцены и кино, приглашенные к нему на обед, предпочитали предварительно перекусить у себя дома.

Возможно, подсознательно чувствуя фальшь статуса Магды Геббельс как первой леди государства, а также прирученный к монархическим традициям наследования власти, немецкий народ хотел лицезреть настоящую спутницу жизни самого вождя и ребенка-наследника его дела. Когда газеты поместили снимок, где Гитлер на приеме склонился к руке актрисы Ольги Чеховой, реакция была невероятной. Актриса получала письма мешками: «Какое счастье узнать, что вы выходите замуж за Адольфа Гитлера!», «Наконец-то он встретил свою истинную любовь!», «Сделайте его счастливым — он заслуживает этого!» (17)

Сексуальные образы имеют для пропаганды огромное значение, и, как это ни странно звучит для дня сегодняшнего, главным секс-символом Третьего рейха являлся сам Адольф Гитлер. Во время одного из выступлений на партийном собрании 1937 года, на котором присутствовало 20 тысяч женщин, Гитлер закончил свою речь словами: «Что дал вам я? Что дал вам национал-социализм? Мы дали вам мужчину!» — и присутствующих просто захлестнула волна экстаза. Немецкие дамы приветствовали Гитлера как Адониса — над головами неслись истеричные крики «Прекрасный Адольф!», он получал тысячи писем от женщин, желающих родить от него ребенка (18).

Ну и, конечно же, роль отца нации неотделима от пропагандистских картинок общения с будущим этой нации — детьми. «Общаясь с детьми, он (Гитлер. — К.К.) прилагал некоторые старания, он даже пытался уделять им некоторое внимание, как добрый и снисходительный отец,

⁴⁴ Многочисленные любовные интрижки «маленького доктора» и его жены не являются темой нашего повествования.

хотя и не выглядел при этом убедительно. Он воспринимал детей как молодую смену» (19). Здесь я позволю себе не согласиться со Шпеером. Наоборот — фотографии, кинохроника, да и то, что мы знаем из других источников о любви детей к «дядюшке Адольфу», позволяют утверждать: в данной роли фюрер смотрелся вполне органично, а восприятие детей как наследников своего дела совершенно естественно для вождя Движения.

Впрочем, работа вождей с молодым поколением не ограничивалась картинками для прессы. В 1936 году Гиммлер создал довольно странную организацию — «Лебенсборн» («Источник жизни»). Она действовала под девизом «Подари вождю дитя» и стремилась к улучшению германской нации путем селекции, тщательного подбора супружеских пар. В уставе организации о ее целях говорилось следующее: «1. Поддерживать ценные с расовой и наследственно-биологической точки зрения многодетные семьи; 2. После тщательной проверки: заботиться о наиболее ценных будущих матерях, дабы на свет появлялись не менее ценные дети; 3. Заботиться об этих детях; 4. Заботиться о матерях этих детей» (20).

Чтобы не растранировать драгоценный, с его точки зрения, расовый фонд германской нации, Гиммлер распорядился не посылать на фронт бездетных эсэсовцев раньше, чем они обзаведутся потомством. Для этой цели и служила, в частности, упомянутая программа «Лебенсборн». В ее рамках была создана система элитных родильных домов для рожениц особо чистого арийского происхождения. Суть проекта довольно проста: «качественные» немецкие девушки пытались зачать детей от эсэсовцев, обладающих «биологически ценными наследственными качествами». Поначалу немцы смеялись над нововведением: «Ножки, девочка, раздвинь — фюреру нужны солдаты!» (21) Однако по мере того, как проект набирал обороты, насмешки прекратились, а в роддома выстроились очереди.

Вообще, в развитии семейных ценностей Гиммлер существенно опережал официальную науку и пропаганду Третьего рейха. Широко известен факт, что рейхсфюрер лично вникал в подробности взаимоотношений своих подчиненных с прекрасным полом и собственноручно выписывал разрешение на брак того или иного эсэсовца: «Гиммлера постоянно огорчало, что лидеры СС продолжают жениться на брюнетках, несмотря на то, что пропаганда прославляла женщин голубоглазых и светловолосых» (22). Для смотрин будущих жен командиров СС снимали в купальниках, дабы лучше оценить их стати. И до сегодняшнего дня в федеральных архивах ФРГ содержится около 240 тысяч разрешений на вступление в брак, выданных эсэсовцам.

Рейхсфюрер все время придумывал новые ритуалы, призванные символически спаять элиту нового государства в единое целое,

и особыми приказами вводил их в действие для всех чинов СС. Самыми главными эсэсовскими праздниками считались собственно бракосочетание и праздник по случаю рождения ребенка. На свадьбу приходили сослуживцы эсэсовца и обязательно его начальник. Он держал речь, молодоженам преподносили хлеб-соль и вручали серебряную чашу. Новорожденный также получал эсэсовский подарок — серебряную чашу, серебряную ложку и голубой бант. На похоронах командир эсэсовского отряда опять же произносил речь. В заключение церемонии все присутствующие, взявшись за руки, образовывали круг и, глядя на могилу, пели эсэсовскую песню о верности (23).

Экономической основой существования организации «Лебенсборн» стали членские взносы, которые платили эсэсовцы, денежные поступления от Министерства финансов, а также производственная деятельность СС. Членские взносы в «Источнике жизни» варьировались в зависимости от возраста, семейного положения, общего семейного дохода и количества детей. Самые большие взносы платили холостые эсэсовцы, у которых не было детей. В 1936 году в организации числилось 6896 человек, в 1939 году — 15 520, в 1945-м — членские взносы уплачивало 17 тысяч человек (24). Однако денег постоянно не хватало, и, чтобы сэкономить на персонале, в годы войны в «Лебенсборн» даже направили группу женщин «Толковательниц Библии» (немецкое название «Свидетелей Иеговы»). Притом, что не желающие держать в руках оружие мужчины-иеговисты отправлялись прямиком в концлагеря.

К 1939 году «Источнику жизни» удалось открыть 6 роддомов на 263 места для женщин и 487 мест для детей. Если беременная женщина не соответствовала жестким критериям расового отбора, то ей отказывали в помощи, несмотря на то, что она могла в ней остро нуждаться. 56% матерей, подавших заявление о приеме в «Лебенсборн» получали по тем или иным причинам отказ. За все время правления нацистов в этой системе родилось 18 тысяч детей (25).

Женщины, на несколько недель, а иногда и месяцев, изолированные от внешнего мира, являлись идеальным объектом для идеологической обработки. С июня 1938 года во всех домах «Лебенсборна» стали проводиться специальные «мировоззренческие занятия», которые имели своей целью воспитать не только отличных матерей, но и убежденных национал-патриотов.

Гиммлер с восторгом разглагольствовал о своем детище: «Сперва средний класс относился к «Лебенсборн» с недоверием и неодобрением. Теперь они вызывают огромное уважение. Они обеспечивают защиту и духовную помощь матерям незаконных детей. Даже замужние женщины

рожают в «Лебенсборн»; сегодня они составляют пятьдесят процентов их клиенток. Но никакой разницы между замужними и незамужними там не делается — ко всем обращаются просто по имени, без всяких «фрейлейн» и "фрау"» (26).

Не делалось особой разницы и между рабынями в гиммлеровских концлагерях, которые в те же годы существовали на всей территории Европы. Заключение женщины не обследовались медиками, и беременность охранниками нередко замечалась лишь на седьмом месяце. В этом случае охранники избивали несчастную до тех пор, пока у нее не случался выкидыш. Как правило, мать умирала со своим ребенком. А если кому-то все-таки удавалось родить, то новорожденного тут же убивали.

Доктрина превосходства одной нации над другой не предполагает заботы о чужих детях.

22. Педагогика

Говорят, Гиммлер очень любил детей. «При виде светловолосых детей — и мальчиков и девочек — он бледнел от охватывавших его чувств. Когда я ехал с ним, частенько бывало, он останавливал машину, брал детей на руки, говорил с ними, записывал имя и адрес родителей, дарил им что-нибудь» (1). Как показывает практика, безмерная любовь к отпрыскам собственного племени легко оборачивается уничтожением чужих детей. Такова, по сути, история любого геноцида.

И теперь мы переходим к весьма существенной части нашего исследования. Ведь в конечном итоге главной целью нацистской пропаганды являлось создание нового человека, и в чем-то, признаем, это нацистам удалось. Описывая миллионы рядовых солдат, прибывавших на фронт в твердой уверенности в необходимости уничтожения расового противника, историк Омер Бартов замечает: «Создание подобного консенсуса настроений в армии — может быть, самое значительное достижение нацистской образовательной программы» (2).

Гebbельс небезосновательно утверждал: «Будущее принадлежит тому, кому принадлежит молодежь!» (3) Попытки манипулировать обществом сегодня в значительной степени опираются на молодежное сознание, на ее стремление к подражательству, с одной стороны, а с другой — попыткой определить идеалы именно своего поколения, противопоставляя их «устаревшим» взглядам отцов. К. Лоренц отмечал: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие, сделав презревшего напуганного юношу жертвой самых бесовских шарлатанов. Я уж не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают

с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы» (4).

Фантастический эксперимент, который происходит на постсоветском пространстве, по созданию «иной» молодежи (замена критически мыслящего широко образованного индивидуума на производство узких специалистов в своей области, стремящихся к удовлетворению подсказанных рекламой нужд) в самом разгаре. Крах современной украинской исторической науки, которая в школьном образовании подменена политическими нелепицами, вроде неразрывной связи между древними трипольцами и украинцами, будет иметь громадные последствия.

Собственно, многие манипуляции сознанием опираются на псевдонаучную историю какого-нибудь избранного народа, и работа с немецкой молодежью также поначалу начиналась как поиск и осмысление своих исторических корней.

Еще в начале XX века первым молодежным движением в Германии стало объединение «Вандерфогель» («Перелетные птицы»). К 1912 году оно насчитывало 20 тысяч членов. В основу идеологии движения легли традиции немецких вагантов, а цель его воспитательной работы носила отчасти краеведческий, отчасти патриотический характер. Многие члены этого общества храбро воевали в Первую мировую войну и, вместе с большинством немцев были шокированы ее результатами. Второй предтечей более поздних молодежных объединений стала организация скаутов, возникшая в 1907 году в Лондоне. Идеология скаутов сводилась к трем базовым принципам:

1. Долг перед Богом — верность своей религии;
2. Долг перед другими — ответственность перед обществом в различных аспектах;
3. Долг перед собой — ответственность за собственное развитие (5).

По мере развития нацистской партии перед ней стала необходимость создания молодежного крыла, важной составляющей политической силы, которая стремится к дальнейшему развитию. 8 марта 1922 года в «Фелькишер беобахтер» Гитлер призвал к созданию юношеской организации под эгидой НСДАП. Она сначала получила название «Юношеские штурмовые отряды Адольфа Гитлера». С 1926 года организация переименована в гитлерюгенд («Гитлеровская молодежь»). Новым названием она обязана редактору «Штюрмера» Юлиусу Штрайхеру. Кстати, любопытно, что и Штрайхер, и издатель пресловутого «Штюрмера» Хирмер в прошлом работали школьными учителями.

В партии был создан специальный департамент, управлявший

всей деятельностью организации — Имперское руководство по делам молодежи. После прихода НСДАП к власти департамент получил статус министерства, а фюрер гитлерюгенда Бальдур фон Ширах стал Имперским Руководителем молодежи Германской империи.

Осенью 1933 года Гитлер сказал: «Когда наш оппонент говорит: "Я перейду на вашу сторону", — я спокойно отвечаю: "Твой сын уже на нашей стороне... Ты пройдешь мимо, но твои дети уже в новом лагере и в скором времени они забудут обо всем, кроме новых товарищей"» (6). Гитлеровцы прилагали колоссальные усилия, чтобы эти слова не превратились в пустой звук. Детские игрушки и школьные учебники, одежда и спортивный инвентарь — все теперь служило воспитанию молодого человека «в духе национал-социализма».

В 1933 году власти организовали «Германский институт помощи молодежи», который, используя научные методики, занимался вопросами планомерной работы с подрастающим поколением и, прежде всего, борьбой с беспризорностью. Был принят «Закон о детском труде и рабочем времени молодежи», в котором запрещалось использование труда детей до 14 лет, а рабочий день молодежи сокращался до 8 часов. Кроме того, время, затраченное молодым человеком на учебу (без отрыва от производства), засчитывалось как проведенное на работе и оплачивалось обычным порядком. Также запрещалось продавать крепкие спиртные напитки подросткам, не достигшим 18 лет, и любое спиртное и табачные изделия детям младше 16 лет.

С целью усиления национал-социалистической составляющей в школьной программе 13 сентября 1933 года министр науки, искусства и народного образования Бернхард Руст издал приказ: «В выпускных классах всех школ, а также в 9-х классах классических учебных заведений приступить к преподаванию основ таких предметов, как генетика, расовое учение, расовая гигиена и демографическая политика. В случае плотного расписания эти учебные часы должны быть выделены за счет занятий по математике и иностранным языкам» (7). Методические указания для учителей разъясняли: «В основу понимания коренных различий масс и опасности расового смешения должны быть положены зоология и ботаника» (8).

Естественно, занятия по истории также преподносили все исторические события с точки физического развития и борьбы нордической расы за прогресс. В качестве примера можно привести учебник Якоба Графа «Учение о семье и расовая биология»: «Во II тысячелетии да нашей эры арийцы (нордическая раса) овладели Индией и создали там арийскую культуру (ну, как тут не вспомнить пресловутых трипольцев, научивших земледелию весь цивилизованный мир! — К.К.). Вместе с тем они заложили основы усиления и процветания Персидской

империи. Античная эллинская культура наложила отпечаток на нордических иммигрантов. Рисунки, дошедшие до нас, а также описания того периода свидетельствуют, что эллины, пока поддерживали чистоту своей расы, были людьми высокого роста со светлым цветом лица, светлыми глазами и волосами. Повсюду нордическая созидательная сила создавала мощные империи с высокими идеалами, этнологические исторические исследования показали, что нордическая раса дала миру гораздо больше высокоталантливых представителей человечества, чем любая другая» (9).

Детям также предлагалось методическое пособие «Как научиться распознавать расовую принадлежность отдельных людей». Вот отдельные выдержки из него: «п. 6. Сделайте подборку пропагандистских плакатов и карикатур на расовой схеме. Какое представление красоты подчеркивается: а) в публикациях о спорте и путешествиях и б) в косметической рекламе? Как изображены охотники, скалолазы, пастухи; п. 7. Соберите вырезки из иллюстрированных журналов, газет и других публикаций с фотографиями крупных ученых, государственных деятелей, артистов, художников и других выдающихся лиц (в области экономической жизни, политики, спорта). Определите их расовую принадлежность и примесь, исходя из физических данных; п. 13. В каких профессиях евреи заняты не бывают? Попытайтесь объяснить это обстоятельство характером еврейской души» (10).

Из расовых построений нацистов прямо вытекали антисемитские выводы. Уже в младшей школе занятия часто заканчивались хорovým чтением речевок:

«С еврейского лица на нас
Ужасный дьявол пялит глаз,
Известен он любой земле,
Как тварь, погрязшая во зле» (11).

Одним из важнейших исторических документов эпохи является опубликованная в 1938 году издательством Штрайхера детская книжка «Der Giftpilz» («Ядовитый гриб»). Краткое содержание: мама и ее маленький сын собирают грибы в лесу. Сын нашел поганки, и мама объясняет отпрыску, что бывают хорошие грибы, а попадаются и ядовитые: «Смотри, Франц, люди в этом мире как грибы в лесу. Есть хорошие грибы, и есть хорошие люди. Есть ядовитые, плохие грибы, и есть плохие люди. И мы должны уметь отличать таких людей, также как и ядовитые грибы. Тебе это понятно?» — «Да, мама, — отвечает Франц. — Я понимаю, что плохие люди до добра не доведут, также как и ядовитые грибы. Можно даже умереть!» — «А знаешь ли ты, кто эти плохие люди, эти ядовитые грибы человеческого рода?» — продолжила мать. Франц с гордостью хлопнул себя по груди: — «Конечно, я знаю, мама! Это жи́ды!

Наш учитель часто говорит нам о них» (12).

Согласно новой школьной программе по истории, несмотря на все усилия врагов, в частности евреев, Германии всякий раз удавалось сохранить величие — в нужный момент появлялся национальный герой, способный отвести опасность. Герои настоящей эпохи, говорилось в учебниках, вышли из хаоса Веймарских лет, дабы спасти Германию от катастрофы.

Уже букварь открывался заповедью «Фюрер говорит — учись приносить жертвы во имя отечества. Мы все смертны. Но Германия должна жить вечно». Механическому заучиванию национал-социалистических символов способствовали даже упражнения на правописание: «Н» пишем в таких словах Hitler, Hess, Himmler, а «К» — Kriegerpilot (военный летчик), Kamerad (товарищ), Kiel (военно-морская база)» (13). Специально для школьников издавались буклеты с фотографиями Гитлера в различные периоды жизни — для младших классов подбирались фотографии «доброго дядюшки» Адольфа в окружении детей. На фотографиях, предназначенных для старшеклассников, фюрер уже не улыбался, но был строг и требователен: «Высшая и самая славная из жертв — посвятить свою жизнь общему благу», — цитировали его слова учебники (14).

Сложно отделить в нашем рассказе собственно образовательный процесс от идеологической подготовки учащихся, но, так как для темы книги важнее все же пропагандистская сторона вопроса, с нее и начнем. Причем, прямо с игрушек, ведь многие из них несли серьезную идеологическую нагрузку. Например, игрушечный автомобиль мог представлять собой действующую модель лимузина, в котором выезжал сам вождь. Механизм лимузина приводился в действие при помощи пружины, небольшой аккумулятор давал энергию для светящихся фар, а в автомобиле, в сопровождении двух членов партии и шофера в униформе СС, был изображен сам Гитлер. Фигура Гитлера изготавливалась с подвижной правой рукой, которую можно зафиксировать в нацистском приветствии. Или кукольный домик — достаточно точное изображение идеальной, в представлении домохозяйки 1930-х годов, квартиры. Отличие заключалось лишь в том, что все три помещения, воспроизведенных игрушкой, были переполнены нацистской символикой. Даже на кухне обои украшались изображениями сцен из жизни гитлерюгенда (15).

Также для детей до 10 лет специально создавались настольные игры, такие как «Полевые учения гитлерюгенда». В ходе игры ребенок активно знакомился с самыми интересными моментами работы молодежной организации: совместными походами, лагерными кострами, хорovým пением, спортивными соревнованиями.

Была разработана настольная игра с кубиками и фигурками «Мы завоевываем Англию». Игрок получал роль командира подводной лодки или самолета. Цель игры — уничтожить английский флот. Выигрывал тот, кому удалось потопить больше кораблей противника⁴⁵. Так просто, без затей, день за днем воспитывались солдаты вермахта.

Ну и конечно, хит сезона! Как значилось в рекламных проспектах, «замечательная забава для детей и взрослых» — игра «Выгони евреев!» Суть заключалась в том, чтобы как можно быстрее из стен нарисованного города вытеснить цветные фигурки, выполненные в форме еврейских ермолок. Условия гласили: «Если вам удалось прогнать шестерых евреев, вы одержали чистую победу» (16).

Мальчики в возрасте от 6 до 10 лет проходили что-то вроде курса ученичества и в десять лет после сдачи зачетов по физкультуре, навыкам жизни в полевых условиях и по истории они вступали в «Юнгфольк». Перед вступлением малыша давала следующую присягу: «Перед лицом этого стяга цвета крови, который олицетворяет нашего фюрера, я клянусь посвятить всю свою энергию и все мои силы спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я стремлюсь и готов отдать мою жизнь за него. Да поможет мне Бог!» В 14 лет юноша вступал в гитлерюгенд, где числился до 18 лет и далее призывался государством для отбывания трудовой или воинской повинности.

Немецкие девочки в возрасте от 10 до 14 лет зачислялись в организацию «Юнгмедель». Они носили одинаковую форму, состоявшую из белой блузки, длиной синей юбки, носков и тяжелых военных ботинок. Упор делался на главную роль женщины в Третьем рейхе — стать здоровой матерью здоровых детей, а значит, особое внимание уделялось физической подготовке. Обычная зарисовка девичьих занятий: «Преподавательница гигиены и гимнастики, в течение 30 минут она наблюдает, как девочки выполняют комплекс упражнений, похожих на военную муштру. Каждый день вместе с ней лицеистки занимаются бегом в лесу Груневальд» (17). Позже, по достижении 14-летнего возраста, девушки вступали в «Лигу немецких девушек», а после 18 лет (они состояли в ней до 21 года) были обязаны отработать год на фермах, о чем мы уже рассказали. Дальнейшее образование для них искусственно тормозилось — квоты для женщин и девушек в немецких университетах ограничивались 10% от общего числа абитуриентов.

Но и после этого нацистское государство не оставляло своими заботами молодых немцев. Например, в университетах функционировал «Рейхсштудентверк» — государственная благотворительная

⁴⁵ Игра подкреплялась жизненной практикой — когда началась война, по распоряжению Геббельса учителя, входя в класс, громко говорили: «Боже, покарай Англию!», а ученики хором отвечали: «Он ее обязательно покарает».

организация, созданная для улучшения бытовых условий и материальной поддержки студентов-нацистов. Как и гитлерюгенд и «Союз немецких девушек», она также уделяла внимание физическому, моральному, интеллектуальному и расовому воспитанию молодого поколения. В целом, к 1939 году под контролем партийных молодежных организаций находилось 8 700 000 молодых немцев при общей численности германской молодежи 8 870 000 человек.

Основная задача подобных структур — следить за идеологической обработкой молодежи вне учебных классов — будь то школа или институт. Так, внеклассная воспитательная работа среди школьников проводилась в «Домах гитлерюгенда» — помещениях для ежедневных сборов членов местных отделений организации. В этих своеобразных детских клубах собирались ребята, желая скоротать вместе время — за игрой, за прослушиванием политинформации или в подготовке к очередному мероприятию. Одетые в униформу члены гитлерюгенда были равны между собой и вместе, по-товарищески несли то, что называли службой. В понятие службы входило участие в отрядных вечерах, агитационных и вербовочных мероприятиях, праздниках общины и демонстрациях, в одном спортивном мероприятии в неделю, постановке спектаклей, организации концертов самодеятельности, а также участия в линейках (летом — ежемесячно, зимой — один раз в два месяца).

Особой статьей в нацистской пропагандистской системе числились «Югендхерберген» — молодежные лагеря отдыха, созданные в 1933 году для путешествующих по Германии членов гитлерюгенда (например, направляющихся на родину вождя в Браунау, объявленного «местом паломничества немецкой молодежи»). В этих лагерях за небольшую плату молодые немцы могли получить ночлег, питание и минимальные удобства. Позже лагеря переросли в устоявшуюся модель отдыха немецких ребят. День в лагере начинался в 6.30. Молодые люди делали зарядку, принимали душ, завтракали, потом, с 8.45 до 13.00, они занимались военно-полевыми упражнениями. После обеда и отдыха, с 15.15 до 18.30 — учебные занятия. Среди тем — «Национально-политическое воспитание в «Государстве» Платона», «Доисторическая Германия», «Ты и твои гены», «Армейская служба Адольфа Гитлера в Первую мировую войну» и т. п. В 18.30 устраивалась линейка. После ужина в 19 часов наступало время костров, песен и занимательных историй, которые рассказывали воспитатели и старшие воспитанники. В 21.45 объявлялся отбой (18).

Так, вместе маршируя, вместе учась и вместе отдыхая, школьники приучали себя к внутренней дисциплине и к духу солидарности. Военная дисциплина закладывала надежную структуру, «в рамках которой участники могли испытывать коллективные эмоции». В воспитательном

процессе отводилась огромная роль пению, причем оно должно быть, как правило, общим. Большой хор, исполняющий военную песню, наглядно демонстрирует, каким образом разные голоса могут «органически» сотрудничать в достижении общей цели. Помимо того, лагеря летнего отдыха формировали у молодежи бесклассовое сознание, ощущение равенства, а в школьных спортивных командах популяризировался девиз «Один за всех и все за одного» (19).

Занятия спортом сопровождали отдыхающих весь день, а все возможные промежутки между ними заполнялись пропагандистской работой. Прямому пропагандистскому воздействию уделялось в день всего сорок минут, и эти занятия проходили всего пять раз в неделю: четыре — как уроки, один — как отрядный сбор. Например, в течение одной недели изучались следующие темы: «Причины Первой мировой войны», «Еврейство», «Большевизм», «Англо-американское стремление к наживе». Тема отрядного сбора — «Наша борьба за свободу» (20). Все остальное время детям внушались основные постулаты национал-социалистического мировоззрения легко и ненавязчиво, часто в игровой форме — в виде песен, девизов, лозунгов дня, в качестве которых служили обычно цитаты из речей Гитлера. В результате молодежь проходила в лагерях гораздо более полный курс идеологической обработки, чем это стало бы возможно в других условиях.

После начала войны лагеря гитлерюгенда начали еще и выполнять чисто прикладную функцию, служа местом эвакуации для детей Германии. Причем, по свидетельству современника «гигиенические условия в лагерях были настолько хороши, что, например, противотифозные прививки были совершенно излишни» (21). В целом, за здоровьем членов гитлерюгенда постоянно следили 4 000 врачей, 800 стоматологов, 500 аптекарей и 75 000 санитаров и санитарок. А питание в лагерях отдыха было сбалансировано согласно последним достижениям науки (22).

Особое внимание уделялось антицерковному воспитанию в рядах гитлерюгенда. «Нацисты не признают никакого Бога, кроме Гитлера. Не уйдут ли наши дети от нас маршевым шагом в поисках новых богов?» — вопрошал, обращаясь к согражданам-американцам, в своих радиообращениях к нации встревоженный президент Рузвельт (23). И ответом ему неслась по германским просторам задорная маршевая песня гитлерюгенда: «Мы — бодрая «Гитлеровская молодежь», и христианские добродетели нам не нужны, потому что наш великий вождь Адольф Гитлер всегда за нас представляет. Никакой зловредный поп не в силах помешать нам чувствовать себя детьми Гитлера. Мы идем не за Христом, а за Хорстом Весселем; долой кадило и святую водичку!» (24)

Не могу удержаться, чтобы не привести еще один образчик песенного творчества, передающего дух эпохи (сборник школьных песен немецкой молодежи «Товарищ-песня», изданный Имперским управлением национал-социалистического союза учителей», 1934 г.):

«Трясутся трухлявые кости
Земли перед красной войной.
Мы переломили страх,
Для нас это была большая победа.
Мы будем маршировать и дальше,
Когда все будет разбито вдребезги,
Ведь сегодня нам принадлежит Германия,
А завтра — весь мир» (25).

После изучения всего пласта нацистской пропаганды, лично я не нахожу ничего удивительного в том факте, что немецкие дети делали своим родителям замечания, если те вдруг не здоровались с ними гитлеровским приветствием.

Конечно, молодые люди более подвержены подражанию и с годами это проходит. Но в том-то и секрет нацистской пропагандистской машины, что она ни на секунду не забывала о своих питомцах — во время учебы, досуга, работы, любви, оказывая на них непрерывное и часто не прямое воздействие, формируя стереотипы поведения и моральные установки. В какой-то степени подобная работа ведется заинтересованными силами и сегодня — через электронные СМИ, Интернет и т. п., но все же такого массового и планомерного характера, как в нацистской Германии, она, слава Богу, не достигла. Пока во всяком случае.

«Современное общество стало создавать важнейший для будущего господства класса собственников механизм — школу нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» — одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) — чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции», — обращает наше внимание социолог Сергей Кара-Мурза на одну из главных проблем современности (26).

Наглядной иллюстрацией его тезиса служит образовательная система Третьего рейха. При нацистах преподавание в базовых школах строилось по упрощенной схеме: упор делался на изучение предметов технического цикла, гуманитарный цикл сильно сокращался, а иностранные языки не преподавались вовсе.

После четырех лет обучения в общей «Народной школе» происходил отбор наиболее перспективных учеников, обладавших необходимыми признаками арийской расы и проявивших определенные успехи в

учебе, для Национально-политических воспитательных учреждений («Наполас»). Их задачей являлось воспитание партийной элиты среднего уровня — для тех, кто мог представлять интересы партии в народе: на фабриках и заводах, в армии и т. п. На время обучения в «Наполас» ученики («юнгманы») получали приемных родителей, что должно было усилить чувство связи с различными социальными слоями, при этом социальное происхождение детей не играло вообще никакой роли. Такие вещи, как форменная одежда, приобреталась на деньги СС.

В первой половине дня в «Наполас» шли занятия по предметам с интеллектуальной нагрузкой, затем — по эстетическому воспитанию, и, наконец, спортивные занятия. Таким образом, дети, постоянно перемещаясь по зданию, не находились долгое время в одной аудитории. Оригинальной идеей нужно признать также ремесленные занятия. В частности, ученики подробно изучали все, что связано со строительством, начиная с характеристик материалов, их применения и заканчивая культурно-историческим рассмотрением отдельных памятников архитектуры.

В предпоследний год обучения, когда «юнгманы» считались уже достаточно воспитанными в духе национал-социализма, они могли получить на руки произведения политических противников национал-социализма — сионистов, большевиков, либералов, католических авторов или «монархистов-реакционеров». Разумеется, не ради собственного удовольствия — по их прочтении «юнгманы» должны были выискивать пути и средства опровержения прочитанного. К примеру: «В Германии царит диктатура и тирания! Германия готовится к войне! Немецкая культура раздавлена! Что вы можете ответить на эти провокационные обвинения за границы?» (27)

Кроме Национально-политических воспитательных заведений существовали и особые школы Адольфа Гитлера. Основная разница состояла в том, что выпускники «Наполас» могли выбирать для себя в дальнейшем любую профессию, в то время как ученики школ Адольфа Гитлера готовились исключительно к партийной работе. Все обеспечение этих школ, от учебных материалов и униформы до карманных денег, выдававшихся учащимся, брала на себя партия.

В учебном процессе 15 часов в неделю отводилось занятиям спортом, 22 часа — другим предметам. Среди физических упражнений особенно приветствовались боевые виды спорта — бокс, борьба, фехтование и т. д. Математика, естествознание и прочее преподавались в виде «основ». Больше, чем в обычных школах, уделялось внимание идеологическим предметам и пропаганде: расовое учение, история национал-социалистического движения, биография вождя. Особо в этих специфических учебных заведениях практиковалось изучение

иностранных языков — НСДАП готовила функционеров для управления новыми территориями.

Американский корреспондент Говард К. Смит, работавший на радиостанцию Си-би-эс и газету «Нью-Йорк таймс», едко заметил о выпускниках школ Адольфа Гитлера: «Они покидают школу, будучи технически грамотными, сильными, чистоплотными и развитыми физически молодыми людьми, но в плане обладания моральными ценностями их развитие едва ли превосходит развитие орангутанга. Высшая цель, к которой они стремятся, — это героическая смерть» (28). Но, собственно, такой результат и был необходим режиму.

По завершении обязательного школьного образования, всем молодым людям, следовало пройти обязательное трехлетнее обучение в профессиональном техническом училище или техникуме. Данное правило не касалось тех, кто шел служить в вооруженные силы, имперскую службу труда, поступал в университет или «Орденский замок» («Орденсбург»).

«Орденские замки» представляли собой учебные заведения, рассчитанные на лучших учеников школ Адольфа Гитлера. Главными направлениями образования в «Замках» стали расово-политическое, геополитическое и историко-политическое. Кроме того, проводилось спортивное воспитание и обучение верховой езде. Руководитель «Трудового фронта» Роберт Лей считал, что молодые нацистские лидеры должны обучаться верховой езде, поскольку она дает «почувствовать, что ты полностью способен подчинить себе живое существо» (29).

«Орденсбурги» нарушали все общепринятые правила обучения: в них не практиковались экзамены и оценки, по окончании обучения не выдавались аттестаты. Неуспевающие исключались из «Орденского замка» сразу. Романтический ореол этих учебных заведений, располагавшихся в настоящих средневековых рыцарских замках, их малое количество (всего 4), ограниченный прием (250 человек на каждый замок), искусственное нагнетание атмосферы таинственности вокруг ритуалов, окружавших учащихся, вызывали неподдельный интерес у молодежи (30).

Однако интеллектуальный уровень юнкеров «Орденсбургов» оказался весьма низким: лишь один из десяти выпускников впоследствии смог поступить в университет и лишь один из ста заканчивал его. Элита старая — представители дворянских родов Германии — относилась к выпускникам «Орденских замков» с некоторым презрением, т. к. ни школы Адольфа Гитлера, ни «Орденские замки» не давали собственно образования, а лишь подготавливали учеников к жизни партийных бюрократов. Даже такой фанатичный член партии, как гауляйтер Заукель, ни одному из своих многочисленных сыновей не пожелал избрать эту карьеру. А Борман, напротив, демонстративно определил

туда одного сына — в наказание (31).

Типичного представителя новой германской духовной элиты с искренним изумлением описал в своем фронтовом очерке «Учитель музыки» Евгений Петров, один из соавторов той самой диалогии об Остапе Бендере. Во время допроса немецкого военнопленного выяснилось, что он учитель музыки. Писатель начинает разговаривать с ним и с удивлением убеждается, что педагог вообще не знает о существовании иной музыкальной культуры, нежели немецкая. «Гитлер получил то, что хотел. Он воспитал невежду, который убежден, что в мире есть одна лишь Германия, что ни одна страна в мире не имеет и не может иметь своего искусства, что все страны могут быть лишь рабами Германии. Этот молодой невежда совершенно искренне убежден в том, что во Франции нет музыки, подобно тому, как миллионы других молодых немецких невежд совершеннейшим образом убеждены, что и во Франции, и в России, и в Англии, и в Америке, и даже в Италии нет ни живописи, ни науки, ни театра, ни кино, ни литературы» (32).

Изумление писателя можно понять, но в том-то все и дело, что Гитлер не ставил перед собой задачу вырастить просвещенное поколение. Ему были необходимы молодые патриоты, готовые погибнуть за идеалы, которые он им предложил. Что ему с блеском и удалось. Великолепно свидетельство солдата вермахта о боевом настрое немецкой молодежи, которой предстояло стать пушечным мясом Второй мировой войны: «Еще один солдат из «Гитлерюгенда» (так называлась одна из дивизий СС. — К.К.) подскочил к ветерану. Он был крепко сложен, а в глазах цвета стали сквозила непреодолимая решимость:

— Ты говоришь, мы маменькины сынки? Мы несколько месяцев проходили учения, нас всех испытали на выносливость. Рюммер, — он повернулся к товарищу, — ударь меня.

Рюммер вскочил на ноги, и его крепкий кулак заехал другу в лицо. Тот покачулся от удара, а затем подошел к ветерану. С губ «молодого льва» сочились две струйки крови, сбегавшие на подбородок: "И не только я способен переносить удары!"» (33)

Молодое поколение Третьего рейха росло сильным и здоровым, исполненным веры в будущее своей страны и в самих себя, в дружбу и товарищество, способным сокрушить все классовые, экономические и социальные барьеры. И, что важно, самоотверженный настрой распространялся не только на нацистские организации. Существовали, пусть и немногочисленные, но оппозиционные группы молодежи. Например, неформальные объединения «Свингующая молодежь» или «Пираты эдельвейса», которые представляли соответственно средний и рабочий класс. Юные неконформисты демонстративно

одевались в цветные шорты, клетчатые рубашки и галстуки, слушали заграничный джаз; иногда они даже нападали на группы гитлерюгенда. Пожалуй, их можно сравнить с советскими стилягами. И, конечно, подобное фрондерство во время войны нацистский режим терпеть не собирался. 7 декабря 1942 года за один день в только Дюссельдорфе было разгромлено 28 молодежных групп, в которых состояло 729 человек. Позже всех лидеров этих неформальных молодежных группировок повесили (34).

Показательно, что последнее появление Гитлера на публике состоялось именно ради молодежи, до последних дней защищавшей своего фюрера. «20 марта. Фюрер принял группу членов гитлерюгенда, заслуживших Железный крест в боях на Восточном фронте. Он обратился к ним с исключительно трогательной и воодушевляющей речью, которую мы публикуем в бюллетене для печати» (35). Знаменитые кадры кинохроники, запечатлевшие одичалого фюрера, медленно бредущего вдоль строя храбрых подростков, стали символом агонии Третьего рейха и фанатичной преданности ему обманутого поколения.

23. Спортивное воспитание

Нацистский министр образования Бернгард Руст в одной из радиопередач для школьников сказал: «Бог создал мир как место труда и битвы. Тому, кто не понимает законов жизненных битв, будет объявлено поражение, как на боксерском ринге. Все, что есть хорошего на этой земле, — это призовые кубки. Их завоевывает сильный, слабый их теряет» (1). Собственно, сегодняшняя жизнь, который пропагандирует буржуазное общество, насквозь пропитан духом соревнования. Бесконечное распределение «призовых» мест, рейтинги продаж, индексы покупки. Момент состязательности всячески подчеркивается вне зависимости от того, идет ли речь о культуре, бизнесе или внешности какого-нибудь актера.

Спортивная терминология прочно вошла в наш обиход, обозначая различные формы противостояний и достижений. Но для начала она должна была стать популярной среди широких слоев населения, что и произошло после Первой мировой войны, когда Европу захватила мода на спорт и спортивный образ жизни.

Спорт тоже относился к ведению Министерства пропаганды, и, по мнению Геббельса, он являлся превосходным средством поддержания народного энтузиазма и международного престижа рейха. Впрочем, таковым он остается до сих пор, и не только в Германии.

После установления гитлеровского режима спортивная деятельность также шла в русле общего процесса унификации страны — все спортивные

клубы перешли в подчинение Имперской спортивной ассоциации рейха. Одновременно предпринимались меры для расширения базы массового спорта. Нацистские пропагандисты выдвинули лозунг: «Ударим по предрассудкам! «Нет» феодальным видам спорта». Благодаря финансовой поддержке государства перестали считаться сугубо элитарными видами спорта теннис, гольф, верховая езда, горные лыжи. Национал-социалистическая организация «Сила через радость» учредила многочисленные спортивные секции, с годовым взносом около 30 марок. Недельный курс плавания под парусом стоил 30 марок, час верховой езды или игры на теннисном корте — одну марку, 8-дневный курс горных лыж, включая дорогу в Альпы, питание, гостиницу и инструктора, стоил 52 рейхсмарки. В большой моде числились также бокс, автомобильные гонки и фигурное катание. Позже за выдающиеся достижения в популяризации здорового образа жизни «Сила через радость» была удостоена специального приза Международного олимпийского комитета. При этом западноевропейские «олимпийцы» преспокойно закрыли глаза на то, что в нацистской, такой замечательно-спортивной Германии все евреи планомерно изгонялись из бассейнов, с беговых дорожек и из прочих спортивных сооружений.

Гитлеру импонировала связь современного ему олимпийского движения с античной Грецией, которую он во многом считал идеалом. Он говорил: «Лишь в нашем столетии молодежь, благодаря спорту, приближается к идеалам эллинизма» (2). Впрочем, лично для себя он спорт отвергал. «Я никогда от него не слышал, чтобы он занимался в юности хотя бы одним видом спорта», — свидетельствует Шпеер (3). Что, однако, не мешало фюреру ясно осознавать значение физической культуры для воспитания народных масс и содействовать систематизации этой работы. Дабы прищучить всех уклоняющихся и ленищихся, физическим занятиям придавался идеологический оттенок. «Нам нужны девушки, которые, сохраняя свое здоровье и воспитывая свое тело, создают предпосылку для влияния и дальнейшей передачи нашего мировоззрения, — говорилось в спортивном ежегоднике «Лиги немецких девушек». — Наши тела принадлежат не нам самим, а нашему народу» (4). Иначе говоря, добропорядочная немка (да и немец) просто обязаны вести спортивный образ жизни и следить за собой. Целые заводы практически останавливались на время специального перерыва, который длился до получаса, чтобы заняться растяжкой, силовыми упражнениями или аэробикой. А германские железные дороги вообще принимали на работу только обладателей национального спортивного сертификата. Попутно была создана Высшая спортивная школа, выпускников которой приравняли к выпускникам университетов.

Пропаганда спорта имела две цели: важнейшей целью нацистских манипуляторов являлось создание поколения, привычного приказам и дисциплинированности, что культивировались на тренировках и состязаниях. Ну и, разумеется, само государство получило многие миллионы здоровых и боевитых немцев для службы в армии. Физическая подготовка в значительной степени определяла победы вермахта на первом этапе войны. Послевоенный анализ показал: в тех случаях, когда немецкие войска встречались с войсками союзников примерно равной боевой силы, у союзников бывало на 50% больше раненых и убитых, нежели у немцев (5).

Для поощрения учащихся еще в мае 1934 году вождь нацистской молодежи Ширах учредил бронзовые и серебряные спортивные значки гитлерюгенда. В 1940 году для организации спортивной работы с молодежью была создана Имперская академия физической культуры. Медики тщательно вывели и установили спортивные нормативы для немецкой молодежи. Скажем, четырнадцатилетний мальчик должен был пробежать 60 метров за 11 секунд, прыгнуть в длину на 3 метра, бросить мяч на 30 метров, уметь складывать солдатский ранец и успешно пройти полуторадневный пеший поход (6). Старшие ребята в школах и молодежных лагерях в обязательном порядке занимались боксом и стремились развивать идеальные физические кондиции. Понимаемые, впрочем, весьма своеобразно: например, юным кандидатам на прием в СС строгая экзаменационная комиссия засчитывала, потеет ли абитуриент под мышками, ибо пот является признаком нордической расы (7).

Однако неумеренное увлечение спортом, как и все излишества, порою приносит отрицательный эффект. Спортивные травмы превратились в массовую проблему для германских школ. Физические перегрузки часто приводили к негативным последствиям для растущего организма подростков, особенно часто страдали т. н. «пластинки роста» в костях. В 1936 году около 37% призванных на военную службу 18-летних немцев страдали плоскостопием, развившимся в результате травмы свода стопы (8).

Конечно, неотделима от данных усилий и борьба за здоровый образ жизни. Столь модная сегодня война с курением впервые на государственном уровне началась в нацистской Германии. Надо помнить, что курение в те годы рассматривалось, особенно с точки зрения эмансипированных женщин, как нечто прогрессивное и освобождающее. И даже фактор, благоприятный для здоровья. Популярными стали рекламные призывы «Протяни руку за «Лаки», а не за конфеткой»; «Худейте разумным способом» и т.п., а сигареты и сигарки получали соответствующие названия — «Студент-спортсмен», «Спорт для обороны», «Спортивный стяг», «Спортивная русалка».

Русалка особо умиляет.

Но, конечно, ни серьезные врачи, ни нуждающиеся в здоровом пушечном мясе нацисты не могли с этим согласиться. Вред от курения в пропагандистской литературе тридцатых годов оценивался в 2,3 миллиарда марок ежегодно, что соответствовало стоимости 2 миллионов легковых автомобилей. Гигантские цифры впечатлили даже Гитлера, курившего в молодости 25-40 сигарет в день (9).

Государство шло на всяческие меры по ограничению торговли сигаретами, в частности, запрещая их продажу подросткам. В начале войны был установлен сигаретный паек, и, чтобы уменьшить потребление никотина в армии, Гитлер приказал сократить норму выдачи до 6 сигарет в день. Некурящим в качестве поощрения выдавали шоколад. И только накануне нападения на СССР, не желая раздражать солдат-курильщиков, Геббельс приказал ослабить антеникотиновую пропаганду.

Пропаганда спорта и здорового образа жизни невозможна без прославления спортивных достижений, создания культа спортивных звезд и массового желания им подражать. Клемперер вспоминал, что стильная амуниция автогонщиков — перчатки, шлем, защитные очки — порой воспринимались как вторая униформа нацистов. Какое-то время в народе были очень популярны фотографии героев дня — победителей международных автогонок, сфотографированных за рулем своих «боевых» машин или стоящими в картинной позе, опираясь на борта гоночных автомобилей, а порой и погребенными под их обломками. На некоторое время героем и образцом для подражания коричневой молодежи стал автогонщик Бернд Розенмайер, который после своей гибели занял в нацистском пантеоне место рядом с «мучеником» Хорстом Весселем (10).

Но для использования в пропагандистской работе для нанимателей все же предпочтительнее звезды живые, так их удобней использовать в рекламных целях. Одной из самых ярких страниц спортивной истории нацистской Германии стала победа немецкого боксера Макса Шмеллинга над знаменитым американским коллегой Джо Луисом на нью-йоркском стадионе «Янки» летом 1936 года накануне боя. Шмеллинга сильно недооценивали в США. Хотя он был чемпионом в тяжелом весе в 1930 и 1932 годах, но тогда букмекеры ставили против него 10:1.

19 июня 1936 года в присутствии 45 тысяч зрителей немец раунд за раундом избивал своего противника, пока в 12-м раунде не отправил его в нокаут. Исход боя стал большим сюрпризом для многих знатоков, предрекавших, что у Джо Луиса не возникнет больших проблем во встрече с немцем, который значительно старше его. Геббельс тут же воспользовался случаем и устроил Шмеллингу триумфальную встречу

на родине. Когда победитель возвращался в Германию на дирижабле «Гинденбург», то на границе рейха его встречали истребители Люфтваффе. Пропагандистский триумф нацистской Германии усиливался еще и тем фактом, что Луис был темнокожим. Шмеллинг, правда, отказался от почетного кинжала СА, не вступил в НСДАП и демонстративно общался с актерами-евреями.

Матч-реванш между двумя легендами мирового спорта произошел 22 июня 1938 года. На сей раз Луис, серьезно подготовившийся к матчу, одолел противника за две минуты и четыре секунды (40 ударов). Результат привел германские власти в смятение, и они быстро дистанцировались от Шмеллинга. А после войны между американским и немецким боксерами даже завязалась прочная дружба. Более того, Джо Луис, работая последние годы жизни швейцаром в казино, регулярно получал денежные переводы от Шмеллинга, который, уйдя из большого спорта, открыл представительство «Кока-колы» в Европе (11).

Политический символизм спортивных побед придумали не сегодня. Еще в тридцатые годы среди европейских альпинистов развернулось соперничество, особенно желанной целью считалась гора Эйгер в Швейцарии. Когда в 1938 году вершина Эйгер покорилась немецкому альпинисту Хекмайру и его трем спутникам, лучшего подарка нацистской пропаганде нельзя и придумать. Альпинисты совершили не просто поражающий воображение подвиг — два немца и два австрийца сотворили его буквально за считанные месяцы до аншлюса. Ничто не могло в большей степени символизировать непобедимость союза двух братских народов, зримое подтверждение пророчества Гитлера. В официальной книге, посвященной восхождению, была помещена фотография всех четверых героев вместе с фюрером и под заголовком: «Самая великая из всех наград» (12).

Но, безусловно, наиболее значительной пропагандистской акцией Третьего рейха, связанной со спортом, стала Олимпиада 1936 года в Берлине. Само решение о том, что в 1936 году столицей Игр станет Берлин, принято на Олимпийском конгрессе в Барселоне в 1931 году (т. е. еще в период Веймарской республики). А вызывавшая мало симпатий за рубежом репрессивная политика гитлеровской Германии вообще поставила под сомнение целесообразность проведения Игр в Берлине. В 1936 году недоброжелатели нацистского режима попытались даже организовать альтернативную «Народную олимпиаду» в испанской Барселоне, но ее проведению помешала «вовремя» вспыхнувшая в Испании гражданская война.

Генеральной репетицией летней Олимпиады в Германии стали зимние Олимпийские игры, которые состоялись на полгода раньше в местечке Гармиш-Партенкирхен, что в Баварских Альпах. Очевидец состязаний,

американский журналист Уильям Ширер отмечал: «Нацисты проделали великолепную пропагандистскую работу. Они произвели огромное впечатление на иностранных гостей тем, с каким размахом и как гладко провели эти игры, а также понравились своими хорошими манерами, которые нам, приехавшим из Берлина, показались наигранными» (13).

Но то оказалось лишь прелюдия. Пользуясь тем, что на несколько месяцев Германия очутилась в фокусе внимания мировой прессы, нацисты прилагали титанические усилия для создания за рубежом положительного образа миролюбивой и цветущей страны. С целью привлечения туристов летом 1936 года Германия объявила о невиданных (до 60%) скидках на железнодорожные билеты, а сам год по всему рейху объявлен Международным фестивальным годом. Молодежь толпой хлынула в Германию, горя желанием увидеть происходящую там «великую социальную революцию», — Олимпиада служила лишь приманкой.

Немецким газетам на период Олимпиады запретили печатать рассказы и статьи антисемитского содержания, а жителям Берлина приказано с 30 июня по 1 сентября не говорить ничего плохого о евреях. Надписи со словами «Евреи нежелательны» потихоньку убрали, власти приостановили действие законов против гомосексуалистов и гонения на христианские конфессии, и страна приобрела вполне respectable облик. Накануне Олимпиады даже негров перестали поносить как «неполноценных», напротив, их стали называть «феноменом из феноменов, которые должны стартовать в собственном классе» (14).

«Нацисты из кожи вон лезут, чтобы произвести благоприятное впечатление на иностранных гостей. Они построили потрясающий спортивный комплекс со стадионом на сто тысяч мест, плавательный бассейн на десять тысяч зрителей и так далее» (15). Впрочем, затраты, включая строительство олимпийского стадиона, довольно быстро окупились. Это грандиозное сооружение обошлось стране в 77 миллионов марок, а всего за несколько дней спортивного праздника рейхсбанк получил доход в иностранной валюте, эквивалентный 500 миллионам марок (16).

1 августа 1936 года под торжественный звон олимпийского колокола в окружении королей, принцев, министров и многочисленных почетных гостей Гитлер открыл Олимпийские игры. На церемонии открытия присутствовало около 110 тысяч человек. Когда бывший чемпион-марафонец из Греции Спиридон Луис передал фюреру оливковую ветвь как «символ любви и мира», хор запел созданный Рихардом Вагнером гимн, а в небо были выпущены 20 тысяч почтовых голубей, символизировавших стремление народов к мирной жизни. Все это время над стадионом кружил один из символов нацистской Германии дирижабль «Гинденбург» длиной почти 304 метра с гигантским

олимпийским флагом на буксире.

В первый же день ликующая немецкая публика приветствовала Ганса Вельке, завоевавшего первую золотую медаль в толкании ядра и ставшего первым в истории немцем, получившим олимпийскую награду в легкой атлетике⁴⁶.

Ни одна предшествующая Олимпиада не была так великолепно организована, как игры в гитлеровском Берлине. Многие олимпийские ритуалы, которые до сих пор используются в Олимпийских играх, придуманы Министерством пропаганды нацистской Германии — олимпийский огонь, факельная эстафета, строительство олимпийской деревни, торжественное открытие и закрытие Олимпиады, создание условий для нормальной работы СМИ. Неудивительно, что и отзывы иностранных журналистов оказались восторженными.

Немецкая радиовещательная корпорация обеспечила возможность 67 репортерам из 32 стран вести из Берлина прямые радиорепортажи. Всего было передано 2500 репортажей на 28 языках (17). Для того времени это стало феноменальным достижением. На немецком, английском и французском языках выходило специальное издание «Олимпиа цайтунг» («Олимпийской газеты»). Заплатив 20 пфеннигов, любой желающий мог узнать все последние спортивные результаты. Более того, молодым немецким телевидением во время Олимпийских игр было показано 48 программ о состязаниях спортсменов, в ходе которых зрительская аудитория «телекинотеатров» составила 190 тысяч человек (18).

Во время проведения соревнований, стремясь избежать явных конфузов, Министерство пропаганды распорядилось, чтобы в спортивных комментариях не говорилось о расовой принадлежности спортсменов. Одна из самых распространенных легенд, связанных с Берлинской Олимпиадой, гласит, что после победы темнокожего американского бегуна Оуэнса, который выиграл 4 золотых медали, Гитлер демонстративно покинул трибуну, не желая его поздравить. На самом деле, после того, как в первый день соревнований во время вручения медалей Гитлер обменялся рукопожатиями с победителями, президент Международного олимпийского комитета граф Байе-Лятур заметил ему, что это нарушает олимпийский протокол. Рейхсканцлер, согласно регламенту, должен впредь пожимать руки либо всем, либо не пожимать никому — и фюрер подчинился принятым правилам (19). Так что не один только Оуэнс не удостоился поздравлений фюрера после победы. Другое дело, что Гитлер охотно ухватился за предоставившуюся возможность.

⁴⁶ Позже Ганс Вельке был убит белорусскими партизанами, и именно смерть национального героя послужила поводом для зверской расправы над населением близлежащей деревни Хатынь.

С целью избежать обвинений режима в расизме, в изданном вскоре после игр фотоальбоме «Олимпия—1936» (тираж 600 тыс. экземпляров) чернокожие атлеты даже поставлены в пример немецкой молодежи. На страницах 17, 23, 26, 27 и 29 упомянутого альбома чернокожие атлеты вообще выдвинуты на первый план (20). Так что не будем приписывать фюреру то, чего не было — у него настоящих преступлений хватает. Как, впрочем, и конфузов — какая-то американская девица во время Олимпийских игр не отказала себе в удовольствии притереться к фюреру и публично его поцеловать. Гитлер был ошарашен (21).

Но все же немецкое гостеприимство, как правило, принимало более традиционные формы. Команды спортсменов и официальных лиц сопровождали немецкие девушки, облаченные в костюмы эпохи Возрождения. Они работали сопровождающими, официантками, поднося гостям пиво, шампанское, холодные закуски и, скорее всего, по ходу дела информировали СД об услышанном. Сам «Наци № 2» Герман Геринг специально для иностранных гостей построил подобие деревни XVIII века с пекарней, гостиницей, крестьянскими домами и ярмаркой. Геринг хотел соответствовать укрепившейся за ним славе весельчака, а потому пил с иностранными гостями пиво, катался с ними на каруселях и даже танцевал, насколько позволяло его тучное телосложение. Не отставали от него в демонстрации радушия и другие партийные лидеры. Тем временем потребление куриных яиц для рядовых берлинцев власти ограничили, чтобы приехавшие могли есть привычный омлет без ограничений. Так что к олимпийскому гостеприимству, в той или иной его форме, вынужденно оказались причастны все жители немецкой столицы.

Игры завершились в субботу 16 августа 1936 года. После вручения последних медалей в ночное небо вознесся уже ставший традиционным для гитлеровских массовых мероприятий «Храм света» Шпеера. «Огромное поле стадиона было освещено с помощью электрических генераторов, находившихся в верхних рядах сидений по всему контуру, и необыкновенными потоками электрического света, возносящимися на высоты двух-трех сотен футов над действием», — писал очевидец, добавив, что никогда прежде не видел такого изысканного шоу (22). Собственно спортивный итог Олимпиады стал триумфом, как для немецких спортсменов, так и для режима, который они представляли. Германия — «золото» — 33, «серебро» — 26, «бронза» — 30 (181 очко); занявшие второе место США, соответственно: 24, 20, 12 (124 очка).

Но главную — пропагандистскую — ценность Олимпиады невозможно измерить никакими очками. Даже розовыми. Вид внешне счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера,

далеко не соответствовал тревожным ожиданиям иностранных гостей, накануне Игр предвкушавших встречу с мрачным нацистским режимом. «Боюсь, что нацисты преуспели в своих пропагандистских трюках. Во-первых, они провели игры с невиданным размахом, и это впечатлило спортсменов. Во-вторых, они показали весьма приятный фасад для широкого зрителя и особенно для бизнесменов» (23).

Ну что ж, это было правдой. Запад действительно решил: с Гитлером можно иметь дело.

VI. ПРОПАГАНДА ИДЕТ НА ВОЙНУ

24. Внешняя политика

Возможно, если бы не Вторая мировая война, определившая дальнейшую историю XX века, т. е. выход национал-социализма на мировую арену, мы знали о нацизме не больше, чем о современных ему режимах Пилсудского в Польше или Ататюрка в Турции. Однако претензии нацистов на мировую гегемонию обязывали вести их активную внешнюю политику. А значит, и мы обязаны исследовать инструментарий Гитлера и К^о, обеспечивший им стремительное наступление на внешнеполитическом фронте, его взаимосвязь с внутренней и заграничной пропагандой.

Прежде всего, нацисты планировали реализовать основной пункт своей партийной программы, имевший как политическую, так и экономическую важность, — обеспечить перевооружение немецкой армии современным оружием и аннулировать ограничения, накладываемые на Германию Версальским договором.

Напомним, что по условиям договора после поражения в Первой мировой войне Германия потеряла значительные куски своей территории, ее армия оказалась разоружена, на страну налагалась огромная контрибуция. Уинстон Черчилль свидетельствовал, что «экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными» (1).

Гebbельс в одной из своих речей имел все основания заявить: «Они утверждали, что союзники не хотят навязывать Германии мир, что ни одна из воюющих сторон не должна платить репарации или потерпеть иной ущерб, потерять национальную честь или территорию. Союзники всего лишь требуют заменить кайзера республикой, после чего для всех наступит почетный мир... Мы попались в ловушку. Мы сделали все, чего хотела Англия, а в конце расплатились по счетам» (2).

Хотя Версальский договор и оставлял за Германией право на национальное существование, но вывел ее за пределы числа мировых держав. Более того, во многих случаях раздел кусков страны победителями проходил без учета естественных географических и этнических границ. Огромное количество немцев неожиданно для себя оказались отрезанными от своей Родины, а германское этническое пространство союзники принудительно разделили между остатками Германской и Австро-Венгерской империй, невзирая на ясно выраженную после войны волю немецкого народа жить в одном государстве.

Все рассуждают о незаконном аншлюсе Австрии в 1938 году, но мало кто помнит, что еще Австрийское национальное собрание, созванное 12 ноября 1918 года, единогласно постановило дать своей стране конституцию демократической республики в рамках Большой Германии. 21 марта 1919 года Веймарская ассамблея новорожденной германской демократии приняла предложение, по которому «германская Австрия должна войти в состав германского рейха на правах союзной земли». Союзные державы ответили на это единодушное решение статьей 88 Сен-Жерменского договора: «Независимость Австрии нерушима и может быть изменена исключительно решением Совета Лиги Наций» (3).

В те годы полная экономическая зависимость Австрии от победителей позволила им навязать условия Женевского протокола от 4 октября 1922 года, по которым от Австрии, в обмен на международный заем, требовалась декларация о нерушимости ее границ и независимости. Тем не менее, в обеих странах продолжало существовать сильное общественное движение в пользу объединения. Похожая ситуация с двумя Германиями сложилась и после Второй мировой войны, когда победители использовали для разделения мощного германского этноса новосозданные ФРГ и ГДР.

Подобными минами замедленного действия стали заложенные Версальской системой границы национальных государств, созданных на обломках разрушенных европейских империй — Польши, Югославии, Венгрии, Чехословакии и др. Возьмем, к примеру, последнюю, поскольку в истории гитлеровских завоеваний падение Чехословакии последовало сразу после аншлюса Австрии. Еще на мирной конференции в Париже в 1919 году госсекретарь США Р. Лансинг предлагал передать Германии значительную территорию, где проживали т. н. судетские немцы, и избежать, таким образом, возможных этнических конфликтов. Однако политики оставили между Германией и Чехословакией старую границу, существовавшую ранее между Германией и Австро-Венгрией. На конференции Лансинг заявил, что новая германо-чешская граница

«прямо противоречит духу Лиги Наций, тенденции к международному разоружению и политике Соединенных Штатов» (4). Более того, делегаты критику встретили с пониманием, поскольку, в соответствии со всеми признанными «14 пунктами» американского президента Вильсона, первоначально положенными в идеологическую основу перемирия между воюющими сторонами, ожидаемый мир должен покоиться на праве народов самим выбирать свою судьбу⁴⁷. Однако в случае с Чехословакией миллионы немцев так и остались на внезапно ставшей для них чужой территории.

И возможно все бы обошлось благополучно, но в истории часто случается так, что национальное возрождение одних народов приводит к угнетению и ассимилированию других. Тогда, впервые за многие века, таковыми оказались немцы. Ранее угнетаемые ими чехи и поляки в рамках «полонизации» и «чехизации» немецких сограждан сознательно уничтожали и третировали все, что напоминало им о годах, проведенных в германских империях. И не только в германских. В Польше также массово уничтожались православные храмы, оставшиеся со времен Российской империи, и подавлялось украинское национальное движение.

Вдобавок ко всему, в результате передела Европы создано несколько территориально оторванных от Германии анклавов, таких как Данциг (Гданьск) или Мемель (Клайпеда) — чисто немецких городов, отторгнутых от метрополии «Версальской системой». В результате неразумных переделов третья часть немецкого народа оказалась за пределами территории Германии. Например, в Венгрии проживало около 500 тысяч немцев, в Румынии — 745 тысяч, а в Югославии — 500 тысяч (5). И почти все они стали благодарной аудиторией, трепетно следившей за событиями на исторической родине, разделявшей ее скорби и радости. В другое время и в другой стране гениально выразил это чувство безнадежной ностальгии великий русский поэт Борис Чичибабин в горьких стихотворных строках: «Я с Родины не уезжал — за что же ее лишен?».

Национальное унижение и беспрерывные попытки ассимилировать немцев агитировали за Гитлера, возрождавшего мощь единого рейха, сильнее всяких уговоров. И конечно, нацисты не могли не воспользоваться подобным козырем, подойдя к решению данного вопроса с присущей нации педантичностью и расчетом. В пропагандистской деятельности среди соотечественников за границей была установлена терминологическая градация, определявшая их статус в глазах нацистского государства. К «фольксгеноссе» принадлежали лица

⁴⁷ Так что ленинское «право на самоопределение народов» являлось не большевистской выдумкой, но доминирующим течением в современной ему европейской политике.

«чисто арийской расы». «Фольсгеноссе» считался и тот, «кто верил в существование арийского кровного родства и связан с деятельностью германской общности». Вторая категория, попроще, числилась просто «немцами». Прежде всего, это касалось людей немецкой национальности, которые проживали постоянно за границей и, вместе с тем, были «связаны по крови и мировоззрению с немецким народом».

Национализм и «национальная государственность», «право на самоопределение народов» и тезис «Один народ — одно государство» считались в Европе первой половины XX столетия почти политической религией. Выступив с лозунгом новой Германской империи, границы которой «включали бы всех до единого немца», Гитлер нащупал слабое место в европейской политике. В целом здесь не возражали против подобного лозунга, и поэтому Гитлер активно оперировал им в первые годы своего господства.

Вторым важным фактором внешнеполитического успеха Гитлера стали нараставшие противоречия между бывшими союзниками — Англией и Францией. Черчилль свидетельствовал: «Озлобление англичан против Германии, столь сильное вначале, очень скоро уступило место столь же сильному противоположному чувству. Возник разлад между Ллойд Джорджем и Пуанкаре, неуживчивый характер которого служил помехой его твердой и дальновидной политике. Обе страны разошлись как во взглядах, так и в действиях, и англичане стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею» (6). Никто не может спровоцировать войну в будущем легче, утверждал британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон перед палатой общин 13 мая 1932 года, чем «хорошо вооруженная Франция» против плохо вооруженной Германии.

Даже после того, как Гитлер пришел к власти, Британия продолжала оказывать давление на Францию, требуя сокращения ее вооруженных сил. В тот же вечер, когда рейхстаг принял закон о совмещении полномочий президента и рейхсканцлера, дававший Гитлеру фактически неограниченную власть, Энтони Иден от имени правительства Его Величества объявил: основной задачей британской политики является заставить Францию сократить свою армию с 694 тысяч на 400 тысяч солдат. Сам же Иден при личной встрече с Гитлером приятно удивился его «светскими, почти элегантными» манерами. К изумлению британского дипломата, он увидел приветливого человека, «который с пониманием прислушивался ко всем возражениям и отнюдь не был мелодраматическим актером на проходных ролях» (7). Немецкий канцлер полностью владел предметом переговоров и экспромтом парировал доводы оппонента. Например, на многозначительный

намек Идена, что англичанам нравится, когда договоры соблюдают, он изобразил полное иронии удивление и ответил: «Так было не всегда. В 1813 году договоры запрещали иметь немцам армию. Но я что-то не припомню, что Веллингтон сказал при Ватерлоо Блюхеру: «Ваша армия незаконна, извольте удалиться с поля битвы!» (8)

А упомянутый выше бывший британский премьер Ллойд Джордж после своей поездки в Германию и встречи с Гитлером разливался соловьем на страницах «Дейли экспресс»: «Германия теперь снова полна надежд и преисполнена решимости устроить свою жизнь без вмешательства каких-либо внешних сил. Впервые после войны налицо общее чувство уверенности. Народ стал более радостным. Это более счастливая Германия» (9).

Да и будущий премьер-министр Его Величества не брезговал германофильством: «Мне принесли одно эссе Черчилля о фюрере, написанное в 1935 году. Это эссе чрезвычайно характерно для Черчилля. В нем он выражает свое истинное восхищение личностью и достижениями фюрера, но при этом подчеркивает, что только от его дальнейших шагов — это говорится с позиций 1935 года — будет зависеть, сумеет ли он сохранить свое место в истории» (10). И это не случайно оброненная Черчиллем фраза. «Если бы Англию постигла такая же национальная катастрофа, как Германию в 1918 году, я молил бы Бога ниспослать нам человека с Вашей силой воли и духа», — писал великий британец в открытом письме Гитлеру в 1938 году (11). А Темпл, влиятельный архиепископ Йорка, считал, что Гитлер внес «огромный вклад в надежное укрепление мира». В общем, лондонской элите Гитлер, если даже в чем-то и не нравился, но возможность договориться с ним считалась целиком реальной и приемлемой.

Однако среди широкой общественности западных стран приход к власти гитлеровцев с их пропагандой территориальной экспансии и расистскими установками вызвал нескрываемое беспокойство. Вначале Гитлер пытался препятствовать заграничной «пропаганде ужаса». Особенно впечатляющей стала его речь на заседании рейхстага 17 мая 1933 года, когда фюрер выступил в рейхстаге с «мирной речью». Он произнес ее через день после того, как президент Рузвельт обратился к главам сорока четырех государств с посланием, призвав запретить всякое наступательное оружие. В частности, Гитлер сказал: «Германия целиком и полностью за запрещение всякого наступательного оружия, если вооруженные страны, в свою очередь, уничтожат наступательное оружие... Германия также готова ликвидировать все свои вооруженные силы и уничтожить те небольшие запасы оружия, которые у нас еще имеются, если так же поступят соседние государства...» Но в речи

прозвучало одно предупреждение. Германия требует равенства с другими странами и, прежде всего — в области вооружений (12).

В исторической литературе гитлеровская внешняя политика с 1933 по 1935 год получила наименование политики «много миролюбия». Как там писал Макиавелли: «Благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово. И всегда в выигрыше оставался тот, кто имел лисью натуру. Однако эту натуру надо еще уметь прикрывать, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены своими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить» (13).

Ради маскировки своих истинных намерений Гитлер часто изменял текст «Майн Кампф» в тех местах, которые можно считать особенно вредными для международной политики Германии. В феврале 1936 года он лицемерно говорил французскому публицисту де Жувенелю: «Когда я писал книгу «Моя борьба», я находился в тюрьме. Это было время, когда французские войска удерживали Рурскую область. В тот момент напряженность между двумя странами достигала наивысшей точки, мы были врагами... Но сегодня больше нет основания для конфликта» (14). И действительно — немецкие союзы фронтовиков организовывали поездки к бывшим противникам во Францию и встречные визиты. Гитлерюгенд и французская молодежь вместе проводили каникулы в палаточных лагерях. А совместный праздник спорта — незабываемая Берлинская Олимпиада, где французская команда на церемонии открытия салютовала фюреру нацистским приветствием! 5 апреля 1940 года Геббельс откровенничал перед узким кругом придворных журналистов: «(Если бы) В 1933 году премьер-министр Франции сказал: «Рейхсканцлером стал человек, написавший книгу «Моя борьба», в которой написано это и это. Такого человека мы не можем терпеть по соседству с нами. Либо он уйдет, либо мы начнем наступление». Это было бы совершенно логично. Но они от этого отказались. Нас не тронули, нам разрешили беспрепятственно пройти через зону риска, и мы смогли обогнуть все опасные рифы, и теперь, когда мы готовы, хорошо вооружены, лучше их, они начинают войну» (15).

В самом деле, непонятно, до какой степени ослепления дошли западные союзники, чтобы игнорировать то, что фюрер не слишком скрывал. Потому что не мог скрыть. А именно: разницу между пропагандой, направленной за рубежи рейха, и внутренней информационной политикой. Разрыв между ними был поистине вопиющим. Берлин передавал по одной программе, рассчитанной на за границу, самые

миролюбивые и дружественные слова, например о Франции. И в тот же день немецкое радио внутри страны изрыгало дикую брань и инсинуации по адресу той же страны. Официально Польша объявлялась «лучшим другом и союзником» Германии, а в это время пропаганда, рассчитанная на рейх, вела яростную шовинистическую антипольскую кампанию.

Одновременно, в поиске реальных союзников. В июне 1934 года Гитлер попросил о неформальном свидании могущественного тогда Муссолини, крестного отца европейского фашизма. На конфиденциальную встречу, решив поразить воображение своего гостя, Муссолини пригласил чуть ли не всю мировую прессу. Не ожидавший такого хода событий, «рядом с одетым в парадную форму дуче Гитлер — в плаще, мягкой шляпе и патентованных кожаных туфлях — был похож на коммивояжера. Но, к стыду итальянцев, публичный спектакль провалился. Военный парад прошел в ошеломляющем беспорядке, а праздничный концерт превратился в фарс, так как музыку заглушали организованные крики «Дуче! Дуче!» (16). Единственное, что искренне понравилось в Италии Гитлеру, стала прекрасная Флоренция. Ему здесь пришлось по нраву все: и дворцы, и музеи, и ликующие толпы, и улицы, вдоль которых стояли люди, одетые в костюмы ушедших времен. «Даже 30 января 1943 года, когда мысль о неминуемом падении Сталинграда наполняла тоской его душу, он завел с флорентийцами, входившими в состав итальянской делегации, долгий, полный ностальгии разговор об их родном городе» (17).

Первым серьезным шагом Гитлера на внешнеполитической арене стал успешно проведенный нацистами в ноябре 1933 года референдум на тему выхода страны из Лиги Наций. Те дни в Германии (кроме прочих пропагандистских акций) запомнились развезжающими по улицам в своих инвалидных колясках искалеченными фронтовиками с плакатами «Павшие за Германию требуют твоего голоса!» 95% немцев поддержали решение своего правительства, забившего первый гвоздь в крышку гроба Версальской системы.

Положительное решение немецкого народа по выходу из Лиги было необходимо Гитлеру для свободы рук в деле перевооружения Германии. И что особенно важно, вовлекло рядовых граждан в процесс одобрения внешнеполитических инициатив нацистского режима. В феврале 1934 года на секретном совещании гауляйтеров Гитлер сказал: «Именно в области внешней политики важно, чтобы весь народ действовал как бы под гипнозом и безоговорочно поддерживал свое руководство; необходимо, чтобы вся нация по-спортивному страстно следила за борьбой; это необходимо, ибо, если вся нация участвует в борьбе, она ответственная и за проигрыш. Если же нация ни в чем не заинтересована, то проигрывают лишь руководители. В первом случае

гнев народа падает на противников, во втором — на вождей» (18). Тезис архиважный. Война в Южной Осетии, когда организовав истребление мирных жителей в Цхинвали, режим Саакашвили, тем не менее, получил безоговорочную поддержку своего народа, прекрасно иллюстрирует умозаключение фюрера.

В субботу, 16 марта 1935 года (большинство сюрпризов Гитлер преподносил по субботам) канцлер издал закон о всеобщей воинской повинности и создании армии, состоящей из 12 корпусов и 36 дивизий — около полумиллиона человек. В ночь с субботы на воскресенье последовал демонстративный ввод немецких войск в созданную для безопасности Франции и Бельгии демилитаризованную Рейнскую зону. На следующий день Гитлер объявил о том на заседании рейхстага, вызвав восторженную реакцию зала: «...Ему не дают продолжить. Для истерической толпы «парламентариев» это новость, что немецкие солдаты уже движутся в Рейнскую область... С громкими воплями они вскакивают на ноги. То же делают зрители на галерке... их руки подняты в рабском приветствии, лица искажены истерией, без конца орущие рты широко раскрыты. Мессия же играет свою роль потрясающе. Он склоняет голову, само воплощение скромности, и спокойно ждет тишины. Затем по-прежнему тихим, но полным эмоции голосом произносит две клятвы: «Первое, мы клянемся, что бы ни случилось, не жалеть сил на восстановление чести нашего народа, предпочитая умереть с честью в жестоких лишениях, чем капитулировать. Во-вторых, мы торжественно обещаем, что мы будем прилагать все усилия для достижения понимания между народами Европы, особенно с соседними западными государствами... У нас нет территориальных претензий в Европе! Германия никогда не нарушит мир!» (19) После вступления в Рейнскую область Гитлер выдвигает следующие предложения: подписать с Бельгией и Францией пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет, подписать военно-воздушный договор, заключить пакты о ненападении со своими восточными соседями, вернуться в Лигу Наций и т. д.

Праздничная атмосфера похорон Версальской системы усиливалась тем, что как раз в тот день в Германии отмечался День памяти героев, и здесь с пропагандистской точки зрения все оказалось рассчитано идеально. «Так День памяти героев, погибших в войне, вылился в празднование похорон Версальского договора и возрождения немецкой армии» (20).

Уже много после войны очевидец тех давних событий многократно поминаемый нами Уильям Ширер в своей классической работе «Взлет и падение Третьего рейха» дал емкий анализ последовавших событий: «Победа Гитлера в Рейнской зоне привела к таким роковым

последствиям, которые в то время было трудно предугадать. В Германии популярность Гитлера резко возросла, поставив его на высоту, которой не достигал в прошлом ни один правитель Германии... Для Франции это явилось началом конца. Ее восточные союзники — Россия, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия были поставлены перед фактом: Франция не будет воевать против Германии в случае агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над созданием которой она так кропотливо трудилась... Даже если Франция не будет столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке начала возводить на франко-германской границе Западный вал... Остальные войска могли быть использованы против восточных соседей» (21).

Вскоре после восстановления немецкой армии, вечером 21 мая Гитлер выступил в рейхстаге с очередной мирной речью: «Любая победа приведет в лучшем случае к количественным изменениям населения. Но если нация считает эту цель столь важной, то достичь ее можно без слез, более простым и естественным способом — надо проводить такую социальную политику, чтобы нация горела желанием иметь детей. Национал-социалистическая Германия не хочет войны в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны, потому что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации» (22). В результате Гитлер предложил всем странам заключить с Германией пакты о ненападении. Общественность была окончательно сбита с толку, а режим получал необходимое время для укрепления своей власти. Когда 30 января 1937 года в своем выступлении в рейхстаге Гитлер заявил, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора», это был уже ничего не значащий жест — договор к тому времени уже похоронили. Германия вступала в полосу решительных действий.

На небосводе немецкой внешней политики возшла звезда Иоахима фон Риббентропа. До Первой мировой войны будущий министр иностранных дел Третьего рейха работал в Англии, США и Канаде коммерческим представителем небольшого экспортно-импортного предприятия по торговле вином. Жизнь за границей дала ему определенный кругозор, жизненный опыт и отличное знание иностранных языков, что в нем впоследствии высоко ценил фюрер. Во время предыдущей войны Риббентроп вступил добровольцем в гусарский полк, участвовал в боях на Восточном фронте, получил ранение, награжден Железным крестом I степени и дослужился до звания оберлейтенанта. Именно в его доме велись переговоры о назначении Гитлера рейхсканцлером между лидерами НСДАП и представителями Гинденбурга. «Риббентроп был человек ярко выраженной элегантности, всегда безупречно одетый и в совершенстве говоривший по-английски и

по-французски. Он был невообразимо трудолюбив, но совсем не умен» (23). Через несколько дней после его назначения Третий рейх совершил свой первый территориальный захват.

Начальной и самой очевидной жертвой пропаганды о воссоединении с рейхом стала родина Гитлера и второе германское государство на европейском континенте — Австрия. Внутриполитическая ситуация во владениях «младшего брата» целенаправленно раскачивалась. При этом нацисты опирались как на искреннее стремление к объединению, жившее в австрийском народе, так и на свои военизированные заграничные структуры. Гитлер велел поддерживать все пропагандистские и террористические акции австрийских НСДАП и СА. Использовались средства, хорошо зарекомендовавшие себя в Германии во время экономического кризиса: те же призывы к досрочным выборам под тем же предлогом, будто существующее правительство больше не выражает волю народа. А Третий рейх, подыгрывая оппозиции, усиливал давление и провоцировал дополнительные экономические трудности, например, ограничивая для своих сограждан свободный въезд в Австрию с помощью введения пошлины размером в 1000 марок.

Сложная дипломатическая и пропагандистская многоходовка в результате и привела к так называемому «аншлюсу» — государственному воссоединению германских и австрийских земель, восторженно принятого большинством австрийцев. «Украшение танков флажками и зеленью вполне оправдало себя. Население видело, что мы идем, имея мирные намерения, и повсюду нас радостно встречало. На дорогах стояли старые солдаты — участники Первой мировой войны с боевыми орденами на груди и приветствовали нас. Повсюду можно было видеть рукопожатия, объятия, слезы радости», — генерал Гудериан не преувеличивает (24), радость действительно была всенародной, если под народом, как это водится, не подразумевать евреев и коммунистов. А для темы нашей книги особо отметим упомянутые трогательные украшения военной техники пацифистскими букетиками и праздничными флажками.

Следующим объектом внимания Гитлера стала населенная преимущественно немцами Судетская область Чехословакии. В Судетах жило более трех миллионов немцев и всего 800 тысяч чехов. При этом самая экономически развитая область Чехословакии давала 66% добычи угля, 86% химической продукции, 80% цемента, 70% чугуна, 70% выработки электроэнергии (25). Иначе говоря, регион являлся локомотивом чешской экономики, в то время одной из самых передовых в Европе. Судетские немцы жили в Чехословакии относительно зажиточно — лучше, чем любое другое меньшинство в этой стране или немецкое меньшинство в Польше и даже фашистской Италии. Однако их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные

меры, принимаемые против них правительством в Праге.

В 1933 году образовалась национальная судето-немецкая партия. Возглавил ее, что символично, учитель физкультуры по имени Конрад Генлейн. Уже в 1935 году партию тайно финансировало Министерство иностранных дел Германии, причем субсидии составляли 15 тысяч марок в месяц. По ходу дела заметим, что для финансирования пропаганды за рубежом привлекались, наряду с государственными, и возможности частных структур. Тот же концерн «И.Г. Фарбениндустри» оказал Третьему рейху в той работе огромную помощь, в частности, оплачивая штат нацистских пропагандистов за рубежом. Все эти расходы компенсировались в Германии кредитами в немецких марках.

Кроме поддержания собственно партийных структур, полученные деньги активно расходовались на разнообразную пропагандистскую деятельность. В частности, издана брошюра по истории Чехословакии. Цель работы состояла в том, чтобы посчитать, опираясь на официальные статистические данные, «потери», понесенные судетскими немцами за двадцать лет, прошедших после Первой мировой войны, и доказать — в потерях повинно чешское правительство. Можно вспомнить о том, как по заданию Министерства пропаганды была подготовлена статья о судетских немцах для английской прессы или подобраны из чешских источников материалы для пропагандистской кампании против Чехословакии, и всякое прочее.

24 апреля 1938 года Гитлер публично выступил с требованием предоставить автономию судетским немцам. Непоколебимая вера чехов в надежность их военных союзов позволила им пренебречь предложением Гитлера об автономии немецкого меньшинства и продолжить «чехизацию». Ситуация стала стремительно обостряться. «В июле 1938 года Гитлер присутствовал на крупном спортивном фестивале в Бреслау (главном городе земли Нижняя Саксония. — К.К.). Неопишущая сцена, когда, проходя мимо трибуны, немецкие жители Судет буквально кричали Гитлеру, чтобы он их освободил, произвела на него неизгладимое впечатление. Он почувствовал, что народ поддерживает его планы вооруженного вторжения в Прагу» (26).

Надежды чехов на помощь западного альянса развеялись лишь после предательства союзников на конференции в Мюнхене, когда они, во имя поддержания собственной безопасности, пошли на сделку с Гитлером за счет Чехословакии. 14 февраля 1945 года, уже накануне краха, анализируя причины произошедшего, Гитлер сказал: «Не моя вина, что англичане и французы в Мюнхене приняли все мои условия» (27). И в чем-то он прав. Во всяком случае, не он рекомендовал чехам по результатам мюнхенской встречи уступить давлению Германии

и расторгнуть советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

Ну и, конечно, вся мюнхенская махинация прикрывалась якобы борьбой политиков за благо народов Европы, за общий мир и процветание. «Как вы думаете, какой лозунг появился сегодня вечером в Берлине? Его можно прочитать в вечерних газетах. Вот: «С Гитлером и Чемберленом за мир!» А «Ангрифф» добавляет: «Гитлер и Чемберлен трудятся день и ночь в интересах мира» (28).

Выше цитируются заголовки нацистских газет — вроде бы, что с них взять? Но на Западе реакция прессы и общественности оказалась еще более бурной. В историю навсегда вошла крылатая фраза Невилля Чемберлена, провозглашенная им по возвращении из Мюнхена: «Я привез вам мир». Всем также известно, как Чемберлен появился на балконе Букингемского дворца вместе с королем и королевой (а также миссис Чемберлен) и как его вновь и вновь вызывали на балкон собравшиеся толпы лондонцев. Люди непрерывно кричали «Невиль! Невиль!», а Чемберлен, часто моргая в луче мощного прожектора, приветственно махал рукой и улыбался. Это трогательное зрелище продолжалось три минуты. Одна женщина из толпы, как это водится, нашла самые точные слова, чтобы описать причину массового ликования: «Благодаря этому человеку мой сын останется жив» (29).

Не менее бурная встреча ждала французского умиротворителя Гитлера — Даладье. После возвращения из Мюнхена в Париж его машина с трудом пробивалась сквозь ликующую толпу французов. Сенат поддержал его, а в палате представителей против соглашения с Гитлером проголосовали только коммунисты. Откликнулась и Америка. Президент Рузвельт в послании Чемберлену приветствовал итоги конференции, а Государственный департамент США заявил, что ее результаты позволят миру «впервые за два десятилетия достигнуть нового мирового порядка на основе справедливости и законности» (30).

Всеми вышеперечисленными государствами управляли опытнейшие политики, прекрасно информированные о тех оборотах, которые набрала гитлеровская экономика, о ее военных успехах и финансовых трудностях. Значит, эта преувеличено-восторженная реакция западноевропейских политиков имела и свою конкретную цель. Российский социолог Сергей Кара-Мурза считает, а я склонен с ним согласиться, что «идеологи Запада провели блестящую кампанию по манипуляции общественным мнением в Европе, убедив свой средний класс поддержать Мюнхенские соглашения и «разрешить» Гитлеру поход на Восток» (31). Зато у немецкого народа после подписания Мюнхенских соглашений появилось основание с добродушной фамильярностью прозвать своего лидера «генерал Бескровный». «Блуменкриге» — «цветочные войны», термин, использованный Геббельсом для описания

захвата Австрии и Чехословакии в 1938 году. «Не пули, а цветы встречали наших солдат», — ликовал министр пропаганды.

СССР стал единственным государством, выступившим в защиту Чехословакии, выразив готовность оказать ей немедленную военную помощь. Однако помощь можно было оказать только через территорию Польши, которая действовала заодно с Гитлером (за что, менее чем через год, поплатилась). 21 сентября 1938 года польское правительство, подстрекаемое из Берлина, потребовало плебисцита в чехословацкой области Тешин, где проживала большая польская диаспора, и стянуло свои войска к границе района. На следующий день с аналогичным требованием к Чехословакии выступило венгерское правительство. Черчилль в своем выступлении в палате общин 5 октября 1938 года мрачно констатировал: «Британский и французский послы посетили министра иностранных дел полковника Бека, чтобы просить о некотором смягчении тех жестких мер, которые применяются против Чехословакии в связи с проблемой Тешинской области. Перед ними захлопнули дверь... Поистине, это — печальный эпизод в истории страны, свобода и права которой в течение длительного времени вызывали у многих из нас горячее сочувствие» (32). Это к вопросу о соучастниках в развязывании Второй мировой войны.

И он же: «Героические черты польского народа не должны заставлять закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и позор в периоды триумфа» (33).

В результате Чехословакия уступила пиратским требованиям соседей. Польше досталась территория в районе Тешина площадью 650 квадратных миль с населением 228 тысяч человек, из которых 133 тысячи были чехами. Венгрия получила 7500 квадратных миль с населением 500 тысяч венгров и 272 тысячи словаков (34).

В качестве дружественного жеста по отношению к Германии незадолго до Рождества 1938 года чешский кабинет запретил Коммунистическую партию и уволил из немецких школ всех учителей-евреев, но беспомощное лизоблюдство уже не могло спасти агонизировавшее чешское государство, преданное своими союзниками и собственным правительством. «Берлин, 15 марта 1939 года. Сегодня фюрер принял Президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе... Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны

быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов верить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и Германского рейха» (35).

Чтобы понять суть приобретения Гитлера и его важности в скором развязывании Второй мировой войны, достаточно сказать, что только чешские заводы «Шкода» представляли собой военно-индустриальный комплекс, который произвел между сентябрем 1938-го и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Великобритании. Оккупировав Чехословакию и разоружив ее армию, Гитлер сразу смог поставить под ружье 2 миллиона человек (36).

После захвата Чехословакии политическая атмосфера в Европе резко изменилась. Внутренняя политика правительства Франции сдвинулась вправо, был разогнан Народный фронт и запрещена компартия. На Советский Союз, в свою очередь, произвело огромное впечатление отношение западных держав к оккупации Чехословакии. Особенно осознание того факта, что, приняв помощь СССР и попытавшись спасти свою независимость, Чехословакия стала бы врагом всего «миролюбивого» Запада и подверглась бы общему остракизму. Надежда на эффективное военное сотрудничество с Англией и Францией в случае конфликта с Германией стала рассматриваться Сталиным как призрачная.

Через пару дней объявила о независимости восточная часть растерзанного государства — Словакия. Немцы даже не поленились помочь тогдашнему словацкому лидеру Тисо составить проект телеграммы, которую он отправил Гитлеру из Братиславы. В послании провозглашалась независимость Словакии и содержалась просьба к фюреру взять новое государство под свою защиту. 16 марта Гитлер любезно ответил, что рад «взять на себя защиту Словацкого государства». Попытки обсуждения текста декларации о независимости жестко пресекались Кармазином, лидером немецкого меньшинства в Словакии, который предупредил, что в случае проволочек с провозглашением независимости немецкие войска войдут в страну. Перед лицом этой угрозы сомневающиеся депутаты сдались (37). А на десерт небывалого пиришества Гитлер с триумфом вошел, точнее, приплыл в очередной воссоединенный с родиной город — Мемель и выступил в местном «Штадттеатре» с речью перед неистовствовавшей толпой «освобожденных» немцев.

Непрерывная череда успехов стала зримым подтверждением «мудрости» политики, выбранной фюрером, а значит, его пропаганда

получала все новые и новые импульсы для убеждения сограждан в правоте национал-социализма и в других сферах жизни. Оппозиционный Гитлеру младший брат его репрессированного соратника Грегора Штрассера, Отто, с безнадежной грустью отмечал: «Никто из людей, никакая армия не восстает против системы, которая одерживает такие победы, как Соглашение с Ватиканом, «Договор о дружбе» с Польшей, «Военно-морское соглашение» с Англией, возвращение Саарской области, восстановление германской военной мощи, полное освобождение Рейнской области, воссоединение с Австрией, поглощение Судетской области, возвращение Мемеля, даже установления правления над богемцами, моравами и словаками «без пролития единой капли крови». Каждый из этих успехов Гитлера за границей Германии — был поражением немецкой оппозиции» (38).

Хотя свои трудности возникли и у Гитлера. Осенью 1938 года он столкнулся с нежелательными последствиями эффективности собственной пропаганды: годами фюрер вынужденно разглагольствовал о мире, из чего сформировалось настроение народа, который совсем не рассчитывал на войну. 10 ноября 1938 года в секретной речи перед особо приближенными представителями прессы Гитлер наконец начал раскрывать карты: «Сила обстоятельств была причиной того, что я долгие годы говорил только о мире. Но затем появилась необходимость постепенно перестроить немецкий народ и не спеша внушить ему, что существуют дела, которые, если их нельзя решить мирными средствами, надо разрешать с помощью силы. Но для этого было необязательно пропагандировать насилие как таковое. Потребовалось освещать для немецкого народа определенные внешнеполитические события таким образом, чтобы его внутренний голос постепенно сам (! — К.К.) стал взывать к насилию. Это значит, что определенные события надо было освещать так, чтобы в сознании широких масс народа постепенно автоматически выработалось убеждение: если этого нельзя добиться по-хорошему, тогда надо пустить в ход силу, ибо дольше это продолжаться не может» (39).

В конце такого насыщенного года американский журнал «Тайм» признал Гитлера «Человеком года—1938»: «Поколение назад казалось, что западная цивилизация переросла основные злодеяния варварства, кроме войн между государствами. Российская коммунистическая революция дала толчок злу классовой войны. Гитлер добавил другую, расовую, войну. И фашизм, и коммунизм воскресили религиозную войну. Эти многочисленные формы варварства к 1938 году дали повод, по которому люди, возможно в ближайшем будущем, прольют немало крови: вопрос противостояния цивилизованной свободы и варварского авторитаризма» (40).

Итак, мы подошли к вопросу сосуществования нацизма и коммунизма, гитлеризма и сталинизма, о чем и в наши дни любят порассуждать журналисты. Антикоммунизм и часто связанная с ним русофобия далеко не сразу утвердились в германском национал-социализме. На раннем этапе развития НСДАП фактически второй человек в партии Грегор Штрассер решительно выступал против антибольшевизма, так как считал его «классическим примером искусной работы капитализма». Он писал в передовице «Фёлькишер беобахтер»: «Место Германии на стороне грядущей России, так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она — союзник Германии» (41). В 1925 году находившийся под сильным влиянием Штрассера Геббельс в той же «Фёлькишер беобахтер» опубликовал статью «Беседа с другом-коммунистом»: «Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства» (42). В своих дневниках Геббельс отзывался о русском коммунизме еще более восторженно: «Свет с Востока. В духовной жизни, деловой, государственной, политической. Западные власти коррумпированы. С Востока идет идея новой государственности, индивидуальной связи и ответственной дисциплины перед государством. Национальная общность — единственная возможность социального равенства» (30.7.1924). Хотя не обходилось и без споров. «Выступал перед 2000 коммунистов. Спокойный деловой разговор. В конце собрания яростная перебранка. 1000 пивных кружек разбито. 150 ранено, 30 тяжело, 2 убитых» (23.11.1925). И снова покаяние: «Помоему, ужасно, что мы и коммунисты разбиваем друг другу головы. Где мы можем встретиться с вождями коммунистов?» (31.01.1926)

Дискуссия об отношении к СССР шла в Германии постоянно. Это было связано с активным военным сотрудничеством двух стран, их экономической заинтересованностью друг в друге, политическими соображениями правящих кругов. Еще в 1926 году оба государства заключили договор о дружбе, а через пять лет — особый протокол. Тысячи инженеров, коммерсантов и других экономических экспертов могли во время своих поездок по Советской России составить личное впечатление о стране и людях. Однако в ходе подобных разносторонних встреч «положительной» картины Советской России не возникло. В конце концов, в экономической публицистике 1920-х годов победило мнение, что для возврата Германии на данное экономическое пространство необходимы политические перемены в самой России. Буржуазное неприятие коммунистического эксперимента перевесило

доводы идеалистов, вроде юного Геббельса.

Не стояли в стороне от этих дискуссий и лидеры национал-социализма. Находившийся вне содружества европейских держав Советский Союз являлся изгоем. Поэтому считалось, что его можно безнаказанно превратить в главный объект нападков для пропаганды расширения германского жизненного пространства. «Гитлер выступает два часа. Я пришиблен. Русский вопрос абсолютно неудачно. Италия и Англия — наши естественные союзники! Ужасно! Наша задача — уничтожение большевизма. Большевизм — еврейская сила! Мы унаследуем Россию! Бессмыслица, ты победила! Величайшее разочарование» (15.02.1925).

В то время марксисты рассматривали русскую революцию как классовый конфликт, а нацистские ученые преподносили ее как расовую борьбу «низших» евреев-большевиков и «высшего» белого российского дворянства. Гитлер заявлял: «Правители современной России это — запятнавшие себя кровью низкие преступники, это — накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история... Русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства» (43).

Фактически в нацистской идеологии большевизм и еврейство слились в единое целое, став антиподом национал-социалистического движения. «Большевизм ведет к смешению рас, мы же боремся за чистоту крови» (44). Напряжение внутренней борьбы с еврейским влиянием и немецким коммунизмом (в котором довольно сильно был представлен еврейский элемент) во внешней политике соответствовало концентрации сил для борьбы с врагом внешним — русским большевизмом. На другой день после пожара в Рейхстаге прусское правительство выпустило воззвание, в котором излагалось содержание якобы найденных при массовых обысках коммунистических документов: «Правительственные здания, музеи, особняки и важные промышленные предприятия должны быть сожжены. Женщины и дети поставлены в качестве заслонов впереди террористических отрядов... Поджог Рейхстага — это сигнал к кровавому воскресенью и гражданской войне... Установлено, что сегодня по всей Германии должны произойти кровавые акты в отношении отдельных лиц, частной собственности и жизни мирного населения, а также должна начаться всеобщая гражданская война» (45).

Однако в Европе «нельзя обойти Россию. Россия — альфа и омега любой целенаправленной внешней политики» (Гейбельс). И как это ни парадоксально звучит, одним из первых внешнеполитических решений Гитлера стала ратификация советско-германского протокола 1931 года. Рейхсканцлер во внешней политике был прежде всего жесткий прагматик и мосты за собой не сжигал, даже невзирая на огненное «Рейхстаг-шоу». Ратификация протокола 1931 года — логическое звено, которое связывает Берлинский договор 1926 года и пакт Молотова - Риббентропа.

Гитлер долгое время сохранял свободу маневра и в «еврейском вопросе». Несмотря на антисемитскую истерию в государстве, став канцлером, Гитлер практически не высказывался на публике о своих планах на сей счет. Разумеется, прилагательное «еврейский» нередко добавляло остроты его политическим выпадам, но программных заявлений фюрер избегал. К примеру, отдавая дань памяти нацистскому чиновнику, убитому евреями в Швейцарии в начале 1936 года, он ни разу не упомянул слово «еврейский». На следующий день после погрома 9-10 ноября 1938 года («Хрустальной ночи») Гитлер более двух часов беседовал с журналистами, но о «еврейском вопросе» разговор так и не зашел.

И только 30 января 1939 года в своем выступлении в рейхстаге Гитлер дал полную волю своему антисемитизму: «Европа не обретет мира, пока не будет решен еврейский вопрос». С сарказмом он отозвался «о демократических странах, то и дело вздыхающих о бедных замученных евреях, но не проявляющих ни малейшего желания помочь этим ценнейшим представителям рода человеческого» (вспомним конференцию в Эвиане. — К.К.) «Сегодня я снова буду пророком: если международные еврейские финансовые круги сумеют ввергнуть народы мира в очередную мировую войну, результатом станет не большевизация земного шара и, соответственно, победа еврейства, но уничтожение еврейской расы в Европе» (46).

Основным военным, дипломатическим и, в конечном итоге, мировоззренческим конфликтом в Европе в середине 1930-х годов явилась Гражданская война в Испании. Нам, знающим из учебников трагедию Второй мировой, трудно представить, какое впечатление на современников произвели ужасы предшествовавшей ей гражданской бойни в европейском государстве. В первые шесть месяцев войны испанские националисты, поднявшие мятеж против Республики, убили практически всех схваченных ими депутатов Народного фронта, шесть генералов и одного адмирала, губернаторов, врачей и директоров школ — всего около 50 тысяч человек. Как выразился генерал Мола в Памплоне

(19 июля 1936 года): «Необходимо распространить атмосферу ужаса. Необходимо создать впечатление, что хозяева — это мы... Каждый, кто открыто или тайно поддерживает Народную республику, должен быть расстрелян» (47). Аресты производились по ночам, а расстрелы — во мраке, часто после ужасных пыток. Церковь настаивала, чтобы сначала все были исповедованы (10% отказывались). В Ранде 512 человек брошены в пролом, глубоко рассекавший город (эпизод, использованный Эрнестом Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол»). Наиболее известной жертвой националистов стал поэт Гарсия Лорка, зять которого был мэром-социалистом Гранады. Его расстреляли около 18 августа 1936 года, но его могила не найдена и доныне. Красные республиканцы также массово убивали священников, насиловали и скальпировали монахинь, подвергали нечеловеческим пыткам захваченных в плен (подробнее см. в главе «Борьба с церковью»).

Мятежников открыто поддерживали Италия и Германия, которая направила в Испанию до 10 тысяч солдат. Националисты также использовали помощь нескольких тысяч португальцев, 600 ирландцев, ведомых генералом О'Дафи, и небольшого числа французов, русских белогвардейцев, англичан, американцев и латиноамериканцев плюс, разумеется, 75-тысячное марокканское войско, считавшееся «добровольным». Республиканцам помогали Советский Союз и левые силы Европы (в том числе, т. н. «Интербригады»). И, разумеется, каждая из противоборствующих сторон находила в разыгравшейся кровавой драме свои пропагандистские изюминки, тиражируемые соответствующими службами для создания образа непримиримого и страшного врага.

Главная ошибка межвоенного периода заключалась в том, что демократические страны не смогли или не захотели преодолеть ту идеологическую, политическую, морально-психологическую несовместимость, которая разделяла их с Советским Союзом. Черчилль, выступая 9 мая 1938 года, сказал: «На востоке Европы находится великая держава Россия, страна, которая стремится к миру; страна, которой глубочайшим образом угрожает нацистская враждебность... Какими близорукими глупцами мы были бы, если бы сейчас, когда опасность так велика, мы чинили бы ненужные препятствия присоединению великой русской массы к делу сопротивления акту нацистской агрессии» (48). Через три месяца, когда советский посол в Лондоне Майский обедал у Черчилля, гостеприимный хозяин сообщил ему, что придумал новый лозунг: «Пролетарии и свободомыслящие всех стран, объединяйтесь против фашистских тиранов!» Тем западные демократии и ограничились.

В то же время действующий британский премьер Невиль Чемберлен в частном письме откровенно писал: «Должен признаться, что Россия

внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действенное наступление, даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением» (49). Вот корни Мюнхенского сговора.

Ну что ж, «советская (русская, коммунистическая, москальская) угроза» — это удобный предлог, который внутри страны позволяет требовать от населения разнообразных жертв, а во внешнеполитической сфере всегда обеспечивает единый фронт заинтересованных в таком положении дел стран. А что касательно коммунизма как идеологии? В 1987 году согласно опросу, посвященному Конституции США, почти половина населения США была уверена, что фраза «От каждого по способностям и каждому по потребностям» — статья Конституции США, а вовсе не лозунг из «Коммунистического манифеста» Маркса (50). Устойчивой идеологии без рационального зерна не существует, в том числе и в либерализме. Вопрос в плевелах.

Ни один из пунктов Версальского договора не раздражал Германию так, как тот, по которому был образован Польский коридор, дававший Польше выход к морю и отсекавший Восточную Пруссию от рейха. И в то же время, пожалуй, никакая европейская нация не была настроена против Третьего рейха столь непримиримо, как польская. Франц фон Папен в своих воспоминаниях подчеркивает: «Польско-немецкий конфликт по поводу меньшинств не стал изобретением Гитлера. Я сам видел, как ни одна встреча в Лиге Наций не проходила без серьезных трений или кризисов, случавшихся между поляками и немцами. Ситуация не улучшилась и во времена Третьего рейха. Хотя Гитлер запретил упоминать эту тему в немецкой прессе, подавление немецкого меньшинства администрацией польских воеводств не прекратилось» (51).

Невзирая на глеющий конфликт, Гитлер в 1934 году выступил с инициативой по заключению польско-германского договора. В Германии идея рейхсканцлера не вызвала восторгов. Не нашел он поддержки и у немецкой армии, которая со времен главнокомандующего рейхсвером фон Секта была настроена прорусски и антипольски. Но со временем этот шаг очень пригодился Гитлеру. Дружественные отношения с Польшей помогли ему снова занять Рейнскую область, уничтожить независимость Австрии и Чехословакии.

В те годы Польша являлась авторитарным государством с сильными антикоммунистическими, антирусскими и даже антисемитскими

тенденциями. Сам же Гитлер считал выдающимися политическими деятелями лидеров Польши Пилсудского и Бека. Первого он уважал вплоть до того, что после оккупации Варшавы немецкими войсками в 1939 году фюрер посетил бывшую резиденцию Пилсудского и возложил венки на его могилу. Но то случится позже.

А пока наследовавшая Пилсудскому военная хунта самоуверенно вела большую дипломатическую игру и на западе и на востоке. Один из ключевых деятелей хунты Юзеф Бек выдвинул планы «Третьей Европы»: он хотел создать нейтральный блок стран от Балтийского моря до Геллеспонта под польским, разумеется, руководством. Расчеты строились на надежде «не только на безоговорочное включение Данцига в состав польского государства, но на гораздо большее — на всю восточную Пруссию, Силезию, более того — на Померанию... нашу Померанию» (52). Немцы и лично Гитлер внимательно следили за этими маневрами и готовили свои меры противодействия.

Никто не знал точного количества немцев, оставшихся после версальских переделов проживать в Польше, а потому цифры разнятся от 750 000 до 1 000 000 человек. Польскими властями на них все время оказывалось сильное давление, вызывавшее постоянное напряжение во взаимоотношениях двух стран. Фон Папен: «Мы предложили правительству в Варшаве подписать специальное соглашение об уважении прав этнических меньшинств. Они отказались. Наконец, в ноябре 1937 года было решено, что оба правительства издадут сходные декларации по правам этнических меньшинств, о чем было заявлено в торжественной обстановке. Однако в результате ничего не изменилось» (53).

Постепенно сопротивление этнических немцев начало принимать организованные формы. Летом 1936 года в Катовице 119 местных немцев попали на скамью подсудимых за создание секретной организации. Им предъявили обвинение в том, что они сотрудничают со спецслужбами Третьего рейха, подготавливая восстание в Верхней Силезии. 99 обвиняемых признали виновными. Шестью месяцами позже 42 участника другой тайной немецкой молодежной организации были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Летом 1937 года та же участь постигла еще 48 юношей и девушек.

Отношения сознательно обострялись обеими сторонами, и уже 24 февраля 1939 года в германское посольство в Варшаве полетели камни. Нацистская пропаганда настойчиво рассказывала своим слушателям и читателям об убитых поляками немецких младенцах и беременных женщинах, и, в конце концов, накопившееся негодование в немецком обществе дало Гитлеру желанный общественный консенсус и повод к насильственному вторжению в Польшу 1 сентября 1939 года,

хотя подготовка к нему велась заранее.

Весной 1939 года в отношениях между Германией и СССР наметился важный поворот. В своей речи в рейхстаге 28 апреля Гитлер старательно избегал традиционных нападок на Советский Союз. Далее, после провала попыток договориться с западными союзниками о действиях против Гитлера, раздела Чехословакии и падения Испанской республики, ушел в отставку министр иностранных дел Советского Союза еврей по происхождению Литвинов и его сменил Молотов. Что также не осталось незамеченным в Берлине. 13 мая 1939 года в корреспонденции из Москвы германская газета «Националь-цайтунг» опубликовала статью «Литвинов-Финкельштейн и Молотов»: «Фанатичный антифашизм сильно помутил взгляды еврея Финкельштейна на действительность. Несомненно, что его готовность к слишком крепкой связи с интересами демократии привела его к роковому для него конфликту с Кремлем» (54). С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес «плутодемократий», опираясь и на примеры трагического для Германии поражения в Первой мировой войне и последовавшего за ним многолетнего позора Версальского договора. «Доктор Геббельс со своим аппаратом пропаганды по-своему излагает события. Послушать их, так можно подумать, что это Бельгия вторглась в Германию. Жили себе мирные пруссаки, собирая свои урожаи, как вдруг злая Бельгия, по наущению Англии и евреев, напала на них... После четырех лет войны на суше и на море, когда Германия уже должна была одержать решительную победу, евреи снова набросились на немцев, но уже с тыла» (55).

И через те же газеты нацистские пропагандисты заверяли Советы, что германское «жизненное пространство» не распространяется на русскую территорию. Сигналы шли и по другим каналам. Уорд Прайд (симпатизировавший нацистам корреспондент лондонской «Дейли Мейл») писал: «Хочу добавить от себя лично, что, хотя господин Гитлер в «Моей борьбе», написанной десять лет назад, рекомендовал Германии захватить земли России в качестве дома для будущих переселенцев, падение рождаемости в Германии сделало необходимость в увеличении территории не столь актуальной» (56). Завалы на пути к совместным договоренностям быстро расчищались.

Тем временем, инцидент в вольном городе Данциг, во время которого был убит один штурмовик, дал новую пищу антипольской агитации. Польское правительство реагировало на трудности в отношениях с этническими немцами с нарастающей непримиримостью, несдержанностью и настойчиво говорило с рейхом ледяным тоном возмущенной великой державы. В частности, поляки ужесточили инструкции для пропуска товаров на данцигской таможне. Между тем,

наблюдатели отмечали, что Данциг полностью находился под контролем местных нацистов и «создать «квазиреволюционную» ситуацию там будет нетрудно» (57). Гитлер положил палец на спусковой курок.

В середине августа поляки провели аресты сотен этнических немцев. На немецкие издательства и их органы печати наложили запрет. 24 августа восьмерых немцев, арестованных в Верхней Силезии, застрелили по пути в тюрьму⁴⁸. Одновременно в разговоре с мирным посредником Биргером Далерусом один польский дипломат заявил: «Если начнется война между Германией и Польшей, то в Германии вспыхнет революция и польские войска маршем войдут в Берлин» (58).

Чем тревожней становились известия о достижении германо-советского взаимопонимания, тем нервнее Запад нажимал на Варшаву, требуя от нее уступчивости в вопросе принятия возможной военной помощи от Советского Союза в случае агрессии Германии. Однако 19 августа Бек заявил — Польша не может даже допустить «дискуссию о том, чтобы какая-то часть нашей территории использовалась иностранными войсками. Для нас это вопрос принципа. У нас нет военного соглашения с СССР, и мы не хотим его иметь». Послу Франции польский маршал Рыдз-Смиглы сказал: «С немцами мы утратим нашу свободу. С русскими мы утратим нашу душу» (59). Сегодня я думаю: может, надо было оставить польских ура-патриотов навсегда при этом гордом мнении и не тратить в 1944 году на них сотни тысяч бесценных жизней наших солдат?.. Чего не скажешь в полемическом задоре.

«Поляки проявили непостижимую глупость. 18 августа, после первой англо-французской попытки открыть полякам глаза, министр иностранных дел Польши заявил французскому послу Леону Ноэлю, что «русские не заслуживают внимания с военной точки зрения», а генерал Стахевич, начальник польского главного штаба, поддержал его, заметив, что Польша не получит «никаких выгод от того, что Красная армия будет действовать на ее территории». Утром 20 августа польский начальник главного штаба сообщил британскому военному атташе, что «согласия на допуск в Польшу советских войск не будет». Вечером того же дня Бек официально отклонил англо-французскую просьбу». (60) На фоне всеобщей озабоченности информационная политика рейха выглядела как образец стойкой строгости и невинности. «Завтрашняя «Фёлькишер беобахтер» призывает людей к сдержанности: "Фюрер все еще требует проявить терпение, потому что хочет использовать последние возможности для выхода из кризиса. Это означает бескровное выполнение требований Германии"» (61).

Ныне польская пропаганда делает из своей страны абсолютно

⁴⁸ После окончания военных действий во множестве обнаруживались безобразно изуродованные группы местных немцев; иногда их зарывали с дохлыми собаками.

невинную жертву раздела между хищными Германией и СССР. Трагедия польского народа вновь и вновь становится объектом разнообразных спекуляций. Шляхетные политики и официальные историки сознательно игнорируют факты польского сотрудничества с официальным Берлином в уничтожении Чехословакии, ультранационалистическую политику польских правящих кругов, официальный отказ Варшавы от возможной помощи третьих стран. Молотов, вспоминая советско-германский пакт о ненападении, имел все основания сказать: «Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границ. Поэтому мы с ними договорились. Они должны были согласиться. Это их инициатива — пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хотя бы ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу» (62).

Итак, пакт о ненападении между Германией и СССР был заключен и мгновенно стал мировой сенсацией. В какой-то степени он таковой остается и в наше время. В Москве при заключении договора разыгрывались трогательные сцены братания новых друзей, которые из кожи вон лезли, чтобы обаять друг друга: «Сталин хлопнул в ладоши, и немедленно воцарилось молчание. Все взгляды были прикованы к русскому диктатору, который повернулся ко мне, поднял бокал и сказал на ломаном немецком: «Хочу приветствовать... Генриха Гофмана... величайшего фотографа Германии: да здравствует... да здравствует Генрих Гофман!» Потом посол сказал мне, что Сталин очень веселился, пока учил наизусть это приветствие» (63).

Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повел себя не честно и не благородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи? Я уже не говорю о некоторых «особенностях» британской политики, о которых было хорошо известно современникам тех давних событий. «Германский посол вручил ему (Молотову. — К.К.), в качестве подарка Сталину, граммофонную пластинку с высказываниями Чемберлена в Мюнхене в том момент, когда он уговаривал Гитлера выступить против России» (64).

В конце 1939 года раздраженная Англия отозвала своего посла из Москвы, и западные союзники начали разрабатывать военный план действий против Советского Союза. После падения Франции в 1940 году «в архивах, захваченных во французском Министерстве иностранных дел, люди Риббентропа обнаружили доклад французского посла в Анкаре месье Массильи. В нем он описывал свою беседу с турецким министром иностранных дел, в которой месье Сараджоглу

выдвинул идею воздушного нападения на русские нефтяные промыслы в Баку. Публикация этого документа вызвала ужас Москвы и большое замешательство в Анкаре» (65). Политика западных союзников и до заключения пакта Молотова—Риббентропа была явно антисоветской, а после него и подавно. Вплоть до того, что 14 июня 1941 года распоряжением президента Рузвельта все советские денежные средства в США оказались заморожены.

В пику западным союзникам добросердечные отношения между Германией и Россией подчеркивались всеми доступными средствами. Когда Сталин обнял военного атташе Германии в Москве и публично сказал: «Если мы будем держаться вместе, как братья, нам ничто не грозит в будущем», его слова перепечатали все германские газеты. Уильям Ширер записывает в своем дневнике: «Гитлер и Риббентроп направили рождественские поздравления товарищу Иосифу Сталину. Какая глупость. Телеграфирует: «Наилучшие пожелания благополучия лично вам счастливого будущего народам дружественного Советского Союза». На что Сталин ответил: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» (66).

Молотов откровенничал перед писателем Феликсом Чуевым: «Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, из их союза ничего толком не получилось» (67). И действительно — во время подписания пакта Молотова - Риббентропа шли ожесточенные бои с японскими войсками на Халхин-Голе. И откровенное предательство Гитлером своего партнера по Оси в значительной мере объясняет поведение Японии, которая не открыла второй фронт против СССР⁴⁹. Прямым следствием пакта Молотова - Риббентропа стало подписание обиженными японцами договора о нейтралитете с Советским Союзом весной 1941 года, заключенного в самой дружелюбной обстановке: «Говорят, вы с Мацуокой пели «Шумел камыш...», когда его провожали в 1941 году?» — «Было, было дело... — самодовольно улыбнулся Молотов. — Да, он еле стоял на ногах на вокзале...» (68)

Может, вам показалось, что мы уж слишком отвлеклись от непосредственной темы нашей книги, однако живое понимание атмосферы тех времен, безусловно, поможет нам лучше почувствовать

⁴⁹ А ведь всего год назад, после вступления Японии в Антикоминтерновский пакт Гитлер даже согласился получать всего 5% выручки от продажи «Майн Кампф» на территории Японии, вместо своих обычных 10% — так хотел понравиться новым союзникам.

остроту пропагандистских баталий и доводы различных сторон. После заключения договора с СССР пропагандистская машина нацистской Германии на полном ходу сделала умопомрачительный разворот. Еще 25 августа 1939 года в Мюнхене должна была состояться лекция на тему «Обвиняется Москва — Коминтерновский план мировой диктатуры», которую в последний момент пришлось заменить концертом русской музыки (69). Стамбульская газета «Тан» 28 августа сообщала: «Публика шутит на улицах Берлина по поводу советско-германского договора и, приветствуя друг друга, вместо обычного — «Хайль Гитлер», говорит — «Хайль Сталин» (70). Но далеко не все воспринимали заключенный союз как шутку. В те дни множество возмущенных до глубины души идейных нацистов в знак протеста бросили сотни своих нарукавных повязок со свастикой через ограду «Коричневого дома» в Мюнхене. Такой волны неповиновения нацистский режим не видел со времени Рёма. Впрочем, через несколько дней всё под себя подмяла разразившаяся война.

«Прежде чем Гитлер покинул Берлин, чтобы лично возглавить Польскую кампанию, он строго-настрого наказал Министерству пропаганды и прессе быть сдержанными по отношению к Англии и Франции. Следовало избегать всяческих нападок на эти страны по радио и в прессе, даже в целях самозащиты...» (71) Гитлер рассчитывал на то, что западные союзники не хотят воевать за Польшу. В Англии к гарантиям безопасности, выданным Польше британским правительством накануне войны, никогда не относились с большой симпатией. Между двумя странами не существовало традиционной дружбы, Польша считалась одним из тех диктаторских режимов, которые проявляли лишь присущие авторитарному господству ограниченность и притеснения. И, наоборот, в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов и мощное прогерманское лобби.

И конечно, против развязывания полномасштабной войны на континенте выступали весьма влиятельные представители деловых кругов. Характерен в этом отношении ответ, прозвучавший в английской палате общин, на требования одного из депутатов поджечь зажигательными бомбами немецкий город Шварцвальд: «Что вы, этого нельзя делать, это — частная собственность. Этак вы в следующий раз попросите, чтобы мы бомбили Рурскую область» (72). Тот же американский бизнес вложил огромные средства в восстановление немецкой экономики после Первой мировой войны и вовсе не желал потерять свои инвестиции.

В самих Соединенных Штатах доминировали настроения «партии мира» — в начале сентября 1939 года опрос показал, что за политикой строжайшего нейтралитета высказываются 67,4% американцев.

При неофициальной поддержке Германии в США интенсивно пропагандировались идеи комитета «Америка — прежде всего», объединявшего сторонников нейтралитета. 12 июня 1940 года немецкий посол в Вашингтоне Томсен сообщил в Берлин, что «хорошо известный бизнесмен-республиканец... просит 30 тысяч долларов, чтобы оплатить рекламу в американских газетах на всю полосу под заголовком «Держать Америку вне войны!» (73) В ноябре 1940 года комитет уже имел 450 отделений на местах и, помимо 800 - 850 тысяч зарегистрированных членов, среди которых числился и знаменитый американский летчик, известный покоритель Атлантики Линдберг; движение охватывало 15 миллионов сочувствующих граждан. Конфиденциальные сведения о связях нацистов с американскими оппозиционерами дали возможность Рузвельту прямо заявить в своем обращении к американской нации от 29 декабря 1940 года: «Тайные агенты активно действуют и в нашей стране, и в соседних странах. Они стремятся посеять внутренние раздоры, создать обстановку взаимной подозрительности и раскола. Они стараются восстановить капитал против труда и наоборот. Они пытаются оживить давно забытую расовую и религиозную вражду, которой не место в нашей стране. Они используют для своих целей присущее нашей нации отвращение к войне» (74).

Однако не только эстетическое отвращение к войне двигало народом США или подачи иностранных спецслужб американским политикам в их антивоенной риторике. Именно известие о войне в Европе, вызвавшее в предвкушении финансовых прибылей грандиозный рост котировок на американской бирже, окончательно вернуло американскую экономику к жизни после разрушительной «Великой депрессии».

Против изоляционизма и нейтралитета Америки, а значит и в поддержку Рузвельта, выступали те представители крупного бизнеса, для которых внешняя экономическая экспансия имела жизненное значение. В их руках находились базовые отрасли американской экономики — тяжелая промышленность, энергетика, транспорт. Ведущее место в этой группировке принадлежало финансовым кланам Морганов и Рокфеллеров, контролировавшим треть всех капиталов в США, центром их влияния считался Нью-Йорк. Оппонирующую им команду составляли монополии, слабее связанные с внешним рынком. Они занимались в основном производством товаров потребления, и их экономические интересы ограничивались главным образом внутренним рынком. Центром экономического влияния изоляционистов являлся Чикаго, вторая финансовая столица США в то время. Рядовым американцам оставалось только ждать, какая из группировок возьмет верх в конгрессе и наблюдать за событиями в Европе.

А в Старом Свете тем временем не угасала надежда на скорый мир. После скоротечного разгрома Польши 30 сентября 1939 года «Фелькишер беобахтер» писала: «Вся Европа ждет из Лондона слов о мире. Будь проклят тот, кто отвергает его. Когда-нибудь они будут побиты камнями собственным народом» (75). Гитлер искренне не понимал, зачем Франции и Англии воевать за ненужную им и уже ликвидированную Польшу. Как показал дальнейший ход «странной войны», так оно и было. Отто Дитрих вспоминал в своих мемуарах: «Его предложение о мире с западными силами после завершения Польской кампании было вполне искренним. Прежде чем Гитлер сообщил в рейхстаге о своем мирном предложении, я созвал специальную конференцию иностранных корреспондентов, призвал к журналистской солидарности и попросил пустить в ход на спасение мира все свое объединенное влияние» (76). «(6 октября) Сегодня в рейхстаге Гитлер известил о своих «мирных предложениях». Гитлер предложил мир на западе с условием, что Британия и Франция оставят Германии ее жизненное пространство в восточной Европе... это будет поработанная Польша» (77). «Завтрашний выпуск «Фелькишер беобахтер» чуть ли не принесен голубем мира. «Стремление Германии к миру», «Отсутствие военных планов против Франции и Англии», «Предложения по мирной конференции в Европе». Современные пропагандисты назвали бы подобный поток деморализующих противника инициатив «мирным наступлением».

Не отставали в обработке общественного мнения западных стран и другие участники общеевропейского процесса. На Рождество в декабре 1939 года Папа Римский Пий XII выступил с обращением к нациям, в котором содержались все необходимые условия примирения. Причем содержание его речи от немецкой общественности тамошние СМИ скрыли. И Геббельс знал почему: немцы полностью одобрили бы мысли понтифика, а ведь большая игра еще только начиналась. Летом 1940 года венгерская пресса, науськиваемая Берлином, начала яростную антирумынскую кампанию, требуя передачи Венгрии Трансильвании. Во время итало-германо-венгерских переговоров 17 июля 1940 года венгерские требования поддержали Гитлер и Муссолини. После германо-итальянского ультиматума румынское правительство согласилось на их арбитраж, по решению которого Венгрия отторгла от Румынии Северную Трансильванию — территорию около 43,5 тыс. кв. километров и населением 2,4 миллиона человек, в основном венгров. Логическое обоснование решения арбитража базировалось на все том же «принципе самоопределения наций». Чуть позже, 21 августа того же года под давлением Германии было подписано румыно-болгарское соглашение о возвращении Болгарии Южной Добруджи в границах

1913 года, населенной преимущественно болгарами.

О, хороша страна Болгария! Немецкие пропагандисты настойчиво заговорили в то время о «сердцевинной стране Болгарии» (Herzland Bulgarien). На первый взгляд, это словосочетание указывало на центральное по отношению к группе соседних стран расположение, но за ним стояло и дружеское заигрывание — невысказанная, но все-таки проговоренная симпатия к «сердцевинной-сердечной стране» — давешнему союзнику по Первой мировой войне. Тонкое использование вроде бы нейтральных географических понятий в создании позитивного имиджа государства. После всех унижений деморализованному румынскому правительству ничего не оставалось, как 23 ноября 1940 года в Берлине покорно подписать договор о присоединении к «тройственному пакту».

Как видим, за счет раздувшейся после Первой мировой войны «Великой Румынии» полакомились все ее соседи, но сегодня почему-то активно вспоминают лишь о Советском Союзе, вернувшем в свой состав Бессарабию, оккупированную румынами после Октябрьской революции. Значит, это тоже кому-нибудь нужно.

Впрочем, Советский Союз не сидел сложа руки и, пользуясь благоприятной политической конъюнктурой, быстренько присоединил Прибалтику. «Прибалтийские государства были самими яркими антибольшевистскими государствами в Европе, — писал Черчилль в своем эпохальном труде «Вторая мировая война». — Грубыми методами, свойственными революциям в этих районах, (они) создали общества и правительства, главным принципом которых была враждебность к коммунизму и России. 20 лет отсюда, в частности из Риги, по радио и всевозможным другим каналам на весь мир шел поток острой антибольшевистской пропаганды» (78). Но все же стоит признать за улыбку истории тот факт, что те же литовцы, большие любители порассуждать о советской оккупации, в своей нынешней столице Вильнюсе оказались исключительно благодаря штыкам Красной армии, изгнавшей поляков.

Советы с новыми подданными не церемонились. Невзирая на «дружбу» с Германией, однако памятуя о роли «фольксдойчей» в покорении европейских стран и, говоря казенным языком, «в целях ликвидации немецкой агентуры на советских территориях — Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине, Бессарабии», все этнические немцы были в кратчайший срок выселены из свежесобретенных территорий в Германию. Исходя из опыта других стран, можно предположить, что резон в данном перемещении имелся. Например, в 1940 году в Дании, несмотря на заключенный пакт о

ненападении с Германией, засекли и арестовали группу из девяти местных немцев, которая занималась шпионажем, собирая сведения о морских перевозках. Подобных случаев работы этнических немцев на свою родину насчитывались десятки, и мы еще расскажем о них.

Но, понятное дело, для достижения пропагандистских и военных целей Третий рейх использовал не только местных «арийцев». Для укрепления своих позиций на стратегически важном Ближнем Востоке Германия провозгласила себя защитницей против англичан всех угнетенных арабских народов. Как результат, 1 апреля 1941 года в Ираке, патронируемом в то время британцами, произошел переворот и к власти пришло правительство, возглавляемое немецким ставленником Рашидом-Али-Гайлани. Правда, продержалось оно на плаву всего два месяца. Позже нацисты также активно использовали в своей пропаганде и тот факт, что в разгар войны — 12 августа 1942 года — Индийский национальный конгресс, вдохновляемый великим непротивленцем Махатмой Ганди, потребовал у Британской империи полной автономии Индии, увода английских войск и т. п., угрожая в противном случае кампанией гражданского неповиновения. Разъяренное изменой английское правительство разогнало конгресс, арестовало его лидеров (в том числе и Ганди) и начало расправляться с зачинщиками и активистами кампании, давая тем самым неубиенные козыри своим противникам в психологической войне.

Но вернемся в жаркое лето 1940 года. После разгрома Франции, стремясь добиться определенного пропагандистского эффекта, Гитлер лично продиктовал так называемую «преамбулу» к мирному договору. Она должна была психологически подготовить французов к принятию тяжелых германских условий, поэтому в ней давалась высокая оценка храбрости и «героической борьбы» французской армии. А во-вторых, Гитлер мотивировал огромные германские требования необходимостью продолжения войны с Англией, пытаясь таким образом обратить острие договора не против Франции, а против коварного Альбиона.

Лесть и потакание национальной «свидомости» сыграли свою роль — большинство французов «цивилизованно» восприняли факт своего военного поражения, а некоторые, понимавшие гнилость довоенного государства, и не очень-то винули немцев. «Как сказал мне один французский бизнесмен: «Мы нанесли себе поражение изнутри, пытаясь четырехдневную рабочую неделю противопоставить шести-, семидневной рабочей неделе немцев» (79). Многие местные жители активно сотрудничали с оккупационными властями, а порой с оружием в руках французы сражались с союзниками — как на Восточном, так и на

Западном фронте. Вот что значит пряник в умелых руках.

После бегства из-под Дюнкерка на Британские острова остатков английского экспедиционного корпуса заместитель фюрера Рудольф Гесс рассуждал: «Мы помиримся с Англией точно так же, как и с Францией. Германия и Франция вместе с Англией должны выступить против врага Европы — большевизма. Именно по этой причине фюрер позволил английской армии спастись из Дюнкерка» (80). 19 июля 1940 года Гитлер, выступая с речью в рейхстаге, снова официально предложил Великобритании заключить мир. Но не сложилось — англосаксонские страны не собирались мириться с переделом мира в пользу Третьего рейха.

Рузвельт заявил: «Предлагаемый «новый порядок» по своей сути прямо противоположен идее Соединенных Штатов Европы или Соединенных Штатов Азии. Это не то правление, которое основано на согласии подданных. Это нечестивый стовор власти и «золотого тельца» с целью подавить, поработить человечество» (81). Занятно, когда лидер крупнейшей капиталистической страны осуждает «золотого тельца», но в целом суть гитлеровской экспансии президент США уловил верно. Хотя перед началом похода на Советский Союз нацистская пропаганда еще пыталась маскировать экономический характер завоеваний традиционными идеологическими штампами — естественно, расистскими и человеконенавистническими. Цитата из первого выпуска «Сообщений для войск» (издание ОКВ и его отдела пропаганды): «Речь идет о том, чтобы ликвидировать красное недочеловечество, воплощенное в московских властителях. Германский народ стоит перед величайшей задачей в своей истории» (82).

Командующий 6-й армией Вальтер фон Рейхенау, октябрь 1941 года, приказ по армии: «Важнейшей целью войны против еврейско-большевистской системы является полное разрушение механизма власти и ликвидация азиатского влияния на европейскую культуру. Солдат на востоке — носитель негибкой народной воли и мститель за все зверства по отношению к германскому и всем родственным ему народам... Поэтому солдат должен проявлять полное понимание необходимости суровой, но справедливой кары в отношении недочеловека-еврея» (83). Любимец современных западных историков Эрих фон Манштейн, приказ по 11 армии, 20 ноября 1941 года: «Солдат должен проявить понимание суровой кары над еврейством, духовным носителем большевистского террора» (84).

И только после неудачи блицкрига против Советской России Геббельс, стараясь сделать сопротивление германских войск более осмысленным и действенным, публично признал в статье «За что?» («Дас Райх», 31 мая 1942 года), что цели внешней политики Германии,

в том числе и война на востоке, питаются не только эфемерной идеологией. Немцы сражаются «за зерно и хлеб, за стол, накрытый для завтрака, обеда и ужина: война за сырье, за резину, железо и руду... На необозримых полях Востока колышутся желтые колосья, которых достаточно и сверхдостаточно, чтобы прокормить наш народ и всю Европу... Это и есть цель нашей войны» (85).

За высокопарными словами о патриотизме, национальном возрождении и народе, льющимися из государственных уст, стоят, как правило, экономические интересы — стран, регионов, классов и отдельных людей. Прикрытию этих интересов и их незаменимым оружием служила и служит пропаганда. Нацистская Германия исключением не была.

25. Эстетика войны

Многие исследователи отмечали широко представленный в нацистской пропаганде культ смерти. Это связано как с цивилизационными страхами немецкого народа, о чем мы уже писали в первой главе, так и с развивавшим заложенную предрасположенность планомерным обучением граждан. Высшим смыслом воспитания стало умение и желание принести свою жизнь на алтарь фатерлянда, т. е. возможность придать неизбежной смерти осмысленное высокое значение.

Высший идеал самопожертвования — готовность отдать собственную жизнь за родину, за свой народ — является основой патриотического воспитания во всех странах, но, пожалуй, лишь в Германии молодых солдат комплексно, начиная со школьной скамьи, готовили именно к этому: от всевозможного вбивания идеологических и расовых догм до соответствующего физического воспитания и штудирования учебного материала. Милитаризм прививался детям даже с помощью школьных математических задачникков: «Самолет летит со скоростью 240 км/час в район, отстоящий на дистанции 210 км, с приказом сбросить бомбы. Когда можно ожидать его возвращения, если бомбометание занимает 7,5 минуты?» (1) Военный министр фон Бломберг в приказе от 16 апреля 1935 года указывал: «...Служба в вооруженных силах — последняя и высшая ступень общего образования молодого немца: от родительского дома, через школу, гитлерюгенд и "Трудовой фронт"». Образовательная цель вермахта — не просто подготовленный солдат, мастерски владеющий оружием, но человек, сознающий свою национальность и свой долг перед государством» (2).

Патриотическое воспитание базировалось на основополагающем тезисе «Майн Кампф», который гласил: «Народы, не желающие отставать

свою честь, раньше или позже потеряют свою свободу и независимость, что, в конце концов, будет только справедливо, ибо дрянные поколения, лишенные чести, не заслуживают пользоваться благами свободы» (3). Данный пассаж склоняли на разные лады воспитатели и пропагандисты, партийные лидеры и журналисты, но наиболее емко, как мне кажется, его обыграл популярной в Третьем рейхе военный писатель Эвальд Банзе: «Война получает подпитку из духовной и экономической мощи страны, а деятельность вождей претворяет ее в жизнь в форме боевых действий. Война предоставляет куда лучшие возможности для управления государством, чем можно было бы ожидать» (4).

Одним из основных компонентов военного воспитания стала мифологизированная пропагандистами битва у Лангенмарка. 24 октября 1914 года более 10 тысяч немецких солдат, большей частью необученных и неопытных, вчерашних гимназистов и студентов, были брошены в лобовую атаку на английские пулеметы. Бессмысленная (вследствие бездарного командования) бойня в немецкой традиции долгое время интерпретировалась как подвиг молодого возвышенного энтузиазма и преданности родине. По своей нелепости смерть немецких студентов можно сравнить разве что с битвой под Крутами, где украинские военные отправили в бой необученных гимназистов. Однако для людей, создающих национальные мифы, оба трагических случая стали сущим подарком. С той только разницей, что нацисты, в отличие от националистов, оказались щедрее в своем патриотизме. С 1934 года они организовали т. н. «курсы Лагенмарка» для особо одаренных молодых немцев — что-то вроде немецкого варианта советских рабфаков с последующим зачислением учащихся в университеты.

Основным государственным праздником, связанным с военно-патриотическим воспитанием народа, можно считать День памяти героев, который отмечался 16 марта и поначалу посвящался павшим в Первой мировой войне германским солдатам. День памяти традиционно проходил пышно и торжественно, пробуждая в немцах ощущение величия своей военной истории. «На первом этаже Оперного театра море униформ и удивительно много старых армейских офицеров... Мощное освещение сцены было направлено на взвод солдат рейхсвера, застывших подобно мраморным статуям с развевающимися военными знаменами. Над ними на безбрежном занавесе висел громадный серебряно-черный железный крест. Соответствующая атмосфера возникла тотчас же, как только оркестр заиграл «Похоронный марш» Бетховена, трогательная вещь, такая, что тронет каждую немецкую душу» (5). Как мы помним, ко Дню памяти порой приурочивались и особые мероприятия, вроде осуществленного Гитлером ввода войск в Рейнскую зону.

После начала Второй мировой войны новые боевые потери актуализировали значение 16 марта. «Генерал фон Рунштедт пишет в «Фелькишер беобахтер»: «День памяти — 1940. Конечно, мы искренне думаем о павших, но мы не скорбим». А на первой полосе газеты красными буквами читателям был явлен загадочный призыв: «Через могилы — !» (6). Действительно, а чего скорбеть. Истребление себе подобных, если верить нацистской пропаганде, дело настоящих, не боящихся смерти благородных мужчин.

Важную роль в процессе создания представления о немецком «блицкриге», как о чистой и рыцарской битве, играли киножурналы «Вохеншау», пользовавшиеся у публики огромной популярностью. Жестокостей в этих фильмах не случалось, крайне редко — трупы врагов, еще реже — украшенные цветами солдатские могилы. Целенаправленно формировался обывательский стереотип, дескать, у войны есть свои отрицательные стороны, но значительно больше романтических. Война подавалась как захватывающее дух приключение: взять, к примеру, историю немецкого лайнера «Бремен».

На момент начала боевых действий лайнер оказался на стоянке в США. Британские власти немедленно попросили наложить арест на «Бремен» в счет каких-то германских долгов, однако капитан корабля Аренс воспользовался нерасторопностью американцев. Ночью «Бремен» незаметно отшвартовался, вышел из Гудзона и исчез в волнах Атлантики. Англичане организовали погоню, но тщетно. Потом выяснилось, что «Бремен» круто повернул на север, в густом тумане счастливо миновал айсберги и, осторожно продвигаясь за полярным кругом, добрался до советских территориальных вод. На подходе к Мурманску Аренс прервал радиомолчание и связался с Берлином. Оттуда обратились в Москву и получили согласие на заход немецкого лайнера в советский порт. Позже лайнер под прикрытием полярной ночи вдоль берегов тогда нейтральной Норвегии вернулся в Гамбург. Капитан и команда стали национальными героями.

Или другой случай. После успешного вначале рейда немецкого военного корабля «Графа Шпее», который терроризировал торговые линии союзников и потопил множество союзных транспортов, Геббельс провел ширококомасштабную кампанию, стараясь, по свидетельству современника, «наэлектризовать общественное мнение накануне первого военного Рождества; в магазинах даже продают хлебные батоны и сдобные булочки в форме «карманных линкоров» (7). Правда, «Шпее» вскоре изловили английские корабли, и он затонул, но хлебобулочный креатив нацистской пропаганды остался в анналах истории.

Кроме того, немцы огромное внимание уделяли юмору и сатире,

официальной рукой аккуратно направляемой на высмеивание трудностей войны. Например: во время войны в Германии ощущалась огромная нехватка кофе, столь привычного и необходимого для бургера. В журналах появляются карикатуры примерно такого содержания: по улице у складов стоит толпа женщин, заглядывающих в щели, окна, двери и т. д. Под карикатурой надпись: «Стены складов, в которых раньше помещалось кофе, до сих пор испускают ясный кофейный запах, привлекающий к себе множество горожан и приезжих». С фронта проникают слухи о том, что бойцы вермахта утопают в грязи, о чем пишут почти все солдаты. Население начинает беспокоиться. Появляется серия карикатур, рисующих, как немец приспосабливается к грязи. Здесь и грязевая ванна, полезная для здоровья, и дождевой душ — счастье пехотинца, омывающий его от походной пыли, и удобства для бритья — голый солдат сидит в луже, а в другой луже кисточкой разводит мыло для бритья, и другие веселые благоглупости на заданную тему.

Порою воспевание воинских доблестей настигало немецких граждан в таких укромных закутках, что невольно заставляло человеческое сознание врасплох, а значит, не давало ему защититься от назойливой пропаганды. Так в рождественской листовке лидера «Трудового фронта» доктора Лея обычное поздравление вдруг по ходу трансформировалось в диковатую агитку: «Мать — высшее проявление женственности. Солдат — высшее проявление мужественности. Бог не наказывает нас этой войной, он дарует нам возможность доказать, достойны ли мы нашей свободы» (8).

Благородному немецкому солдату-идеалисту противопоставлялся его противник — воюющий за золото наемник. Нацисты подняли на щит старый тезис о том, что англичане — это евреи среди арийских народов, что со стороны немцев война окутана ореолом романтической борьбы и героизма, а для англичан она осталась простым капиталистическим предприятием. И, в общем-то, основания для подобной трактовки имелись: бизнес-подход всегда присутствовал в англосаксонской традиции. Например, президент Рузвельт, 5 июня 1944 года убеждая нацию в необходимости очередных денежных трат, не мог избежать в разговоре с соотечественниками деловой стороны вопроса: «Некоторые наши граждане, возможно, озабочены финансовой стороной дела. По существу нашу деятельность в Италии можно сравнить с оказанием помощи от стихийного бедствия. Однако мы надеемся, что эта помощь станет своего рода и капиталовложением, которое в будущем принесет дивиденды в виде очищения Италии от фашизма... Такие дивиденды послужат делу мира во всем мире и тем самым вполне оправдают для нас вложенные средства» (9). Подобный бизнес-сленг в рассуждениях

о человеческой трагедии может нас шокировать, но обращение было рассчитано на целевую американскую аудиторию и вполне достигло своей цели.

По правилам игры горечь потерь и гибели нескольких отдавших жизнь за нацию героев обязательно должна сменяться всенародной радостью заслуженной победы, для чего первоначальная история «блицкригов» Третьего рейха предоставляла все возможности. Особенно после поражения Франции. Идея заключить новое перемирие с французами в том самом месте, где 7 ноября 1918 года было признано поражение Германии, и тем самым даже внешне перечеркнуть Версальский мир, высказана Гитлером в начале июня 1940 года, накануне падения Франции. Когда французскую делегацию, уполномоченную подписать соответствующие бумаги, привели в тот же музейный вагон в Компьенском лесу, где победой союзников завершилась Первая мировая война, гордые галлы окаменели. Эта символическая инсценировка произвела огромное впечатление и на немецкое общество, а исторический вагон по окончании действия укатил в качестве трофея в Германию.

6 июля 1940 года огромные толпы людей вышли на улицы с бумажными флажками, выражая свою радость и энтузиазм в момент триумфального возвращения фюрера с Западного фронта. «Кортеж автомобилей приветствуют овацией десятки тысяч берлинцев, выстроившихся вдоль всего пути следования Гитлера — от вокзала до рейхсканцелярии. Какие-то группы поют «Теперь восхвалите Господа...» Все это можно слышать в прямой радиотрансляции. С точки зрения берлинцев, присутствие немецких воинских соединений в Париже означает, что Третий рейх стал хозяином в Европе» (10).

И, разумеется, в лучших античных традициях триумфатор отмечает отличившихся соратников. Люди часто представляют себе национального героя в виде отважного воина, который завоевал новые земли или вернулся домой с богатой добычей. Покорение жизненного пространства обнаружилось в переименовании польской Лодзи в Лицманнштадт в честь генерала, захватившего этот город в Первую мировую войну. А щедрость победителя в перераспределении добра поверженного противника символизировал поток трофейных товаров, который заполнил прилавки немецких магазинов, давно отвыкших от подобной роскоши.

На публику производят впечатление реальные победители из плоти и крови, и, в подражание Наполеону, фюрер создал собственную когорту «непобедимых» маршалов. 19 июля 1940 года Гитлер объявил о назначении 13 новых генерал-фельдмаршалов: Браухича, Кейтеля, Рундштедта, Рейхенау, Бока, Риттера, Лееба, Листа, Клюге, Вицлебена,

Мильха, Шпеерле и Кессельринга, а Герингу вождь присвоил специальное звание рейхсмаршала. Небывалый каскад наградений, особенно учитывая то, что за предыдущих три века в германской истории числилось всего 100 прусских и германских фельдмаршалов. Но вернемся к простым солдатам, которые только мечтают стать маршалами.

Солдат в нацистской патриотической мифологии — высшее проявление мужественности и преданности. В нацистском исполнении «фанатичной преданности» — излюбленное словосочетание партийных пропагандистов. Расчет простой: если человек достаточно долго использует слово «фанатически», вместо того, чтобы сказать «героически» или «доблестно», то он, в конечном счете, уверует, что фанатик — это просто доблестный герой, а без фанатизма героем стать нельзя.

Настоящими фанатиками и элитой среди немецких вооруженных сил по праву считались части СС, и, естественно, воинское воспитание там было поставлено отменно. Уже сама церемония посвящения в эсэсовцы пробуждала в душе неопита готовность к беспредельному самопожертвованию. Ее приурочивали годовщине «пивного путча» и проводили в Мюнхене на Аллее полководцев в десять часов вечера, то есть в глубокой темноте, поскольку стоял ноябрь. Очевидец вспоминал: «Превосходные молодые люди, серьезные, с безукоризненной выправкой, безукоризненно вооруженные. Истинная элита. У меня на глазах выступали слезы, когда тысячи людей при свете факелов давали клятву верности. Словно молитву» (11). Правда, упоминание молитвы здесь не совсем уместно, поскольку церковь являлась одним из заявленных противников национал-социализма и, безусловно, отрядов СС. «Христианство было взято из еврейской религии. В отличие от национал-социализма оно не знает рас, а его пароль гласит: перед Богом все равны, и к тому же исходной точкой считается еврейство» (12). Прочими противниками, согласно учебным материалам для воспитания эсэсовцев Службы имперской безопасности, провозглашались евреи, масонство, марксизм и либерализм.

Если говорить о других принципах воспитания в СС, то они изложены уже в передовице самого первого номера «Черного корпуса» (6 марта 1935 года): только умеющий сдерживать себя член СС являлся подлинным наследником тех неизвестных солдат, что сражались и погибали, не думая о себе. С одобрением отзываясь о романе Ремарка «На Западном фронте без перемен», автор статьи уподоблял молодых эсэсовцев «мальчишкам-новобранцам», учившимся в окопах «железной дисциплине». Читатель, разумеется, прекрасно знал, что во времена Веймарской республики СА яростно критиковали пацифизм Ремарка и беспорядки, устроенные штурмовиками, помешали премьере

экранизации его романа. Прославляя окопных солдат Ремарка, автор статьи косвенно противопоставлял готового к самопожертвованию эсэсовца задиристому и наглому штурмовику (13).

Значит, дисциплина и самопожертвование. Известно: Гейдрих подбивал Гиммлера на то, чтобы ваффен-СС проводили тренировки, стреляя друг в друга боевыми патронами. «Гиммлер случайно упомянул об этом Герингу, который ответил абсолютно серьезным тоном: «Мой дорогой Гиммлер, я уже так делаю в своих Люфтваффе». Рейхсфюрер живо заинтересовался и попросил Геринга рассказать о деталях военного воспитания летчиков. Геринг с невозмутимым видом продолжил: «Проверка на храбрость — часть обязательной тренировки летчиков — небольшое испытание с парашютами. Два раза прыгаешь с парашютом, третий раз без него» (14).

С тех пор разговоры о проверке на храбрость в СС больше не велось, однако эсэсовцам разрешили дуэли, а проштрафившийся имел право покончить жизнь самоубийством. Правда, и в том, и другом случаях только с разрешения начальства и с соблюдением массы бюрократических формальностей. Не думаю, однако же, что самоубийства в пору расцвета рейха стали распространенным явлением — армия находилась в апогее мощи и в нечеловеческом блеске своей красоты. В самом прямом значении упомянутого слова, ибо на внешний вид солдата и офицера возлагалась огромная психологическая нагрузка. Так, мы помним, форму немецкого офицера конструировал знаменитый модельер Хьюго Босс, и специалисты считают, что внешний вид сыграл в психологическом настрое немецкой армии огромную роль.

Еще более серьезные мотивы для спаянности гитлеровского воинства давали последствия многолетней социальной политики национал-социалистов. Уильям Ширер, побывав на военно-морской базе в Гамбурге, отмечал: «Когда мы зашли в один из кубриков, никто не вскочил и не застыл по стойке «смирно». Командир, похоже, заметил наше удивление. «Таков новый дух на нашем флоте, — сказал он с гордостью. Командир пояснил мне также, что на этой войне все военнослужащие получают такой же рацион питания, как офицеры» (15). И там же: «Произвел впечатление высокий моральный дух экипажей подводных лодок, а еще больше поразило полное отсутствие прусской кастовости» (16).

Нацистская Германия готовилась к триумфальному покорению исторического врага — Советской России. «Во все времена народ видит в решительном нападении на противника доказательство собственной правоты, а отказ от уничтожения других рассматривает как неуверенность в собственной правоте, если не как знак собственной неправоты», — гласила библия национал-социализма (17). Таким

образом, вопрос, правое ли дело нападение на нас, на наши земли, на наши спящие города, не стоял на повестке дня ни перед нацистской идеологией, ни перед пропагандой. «Понемногу разворачиваем тему вторжения. Я приказал сочинить песню о вторжении, новый мотив: Марш вперед!» (18) Молодые солдаты вермахта, изумительно вымуштрованные и адресированные, рвались в бой: «Что мы знали о линии фронта? Мы знали, что нам дадут медали, а противник будет сдаваться толпами. Наши ребята захватили Польшу, а потом Францию. На фронте они чертовски хорошо сражались: в их глазах не было и тени страха, и всегда была великая цель впереди. То, что совершили они, было и нам по плечу» (19).

Развернутую характеристику вторгшихся на нашу землю «героев» дает прошедший войну фронтовым корреспондентом Константин Симонов. И, сознаюсь, его подробный анализ качеств обычного нацистского солдата я считаю близким к действительности, а потому даю развернутую цитату: «Это был нахальный голубоглазый парень, фельдфебель со сбитого самолета. Он не казался мне ни глупым, ни ничтожным, но он был человеком, чьи суждения, мнения, представления, размышления раз и навсегда замкнуты в один навсегда установившийся круг, из которого наружу не вылезает ничего — ни одна мысль, ни одно чувство. В пределах этого круга он размышлял. То есть даже был изворотлив. Он не говорил, что Россия напала на Германию. Он говорил, что Германия сама напала. Но напала, потому что точно знала, что Россия через десять дней нападет на нее. (Вспомните творения Виктора Суворова. — К.К.) В пределах этого круга он был образован. То есть читал несколько стихотворений Гете и Шиллера, читал «Майн Кампф» и был вполне грамотен. В пределах этого круга он не был лишен чувств. То есть чувства товарищества, патриотизма и так далее. Все, что выходило за пределы этого круга, его не интересовало. Он не знал этого. Не хотел и не умел знать (словно современные «узкие» профессионалы. — К.К.). Словом, это была отличная машина, приспособленная для того, чтобы наилучшим образом убивать. А больше всего меня бесило в нем то, что он явно воспринимал наше мягкое обращение с ним за признак нашей слабости и трусости. В его мозгу не умещалось, что можно быть мягкосердечным не от слабости, человеколюбивым не от трусости и добрым не по расчету. В системе воспитания, которую он прошел, об этом не было сказано» (20).

Таковы обычные выпускники системы военно-патриотического воспитания по рецепту нацистской пропаганды. Но плох и бесполезен (в роли качественного пушечного мяса) тот рядовой, который не стремится стать маршалом. И с самого начала войны Геббельс искал

на потребу массового сознания «героя для подражания», желательно выходяца из народа. Самой большой удачей в настойчивых поисках министра пропаганды стал образ фельдмаршала Эрвина Роммеля. Сравнительно молодой, он не принадлежал к родовой аристократии и клике генералов кайзеровской формации. «После впечатляющих побед Роммеля во Франции Геббельс начал методично раздувать его известность до сияющего ореола славы. Партийные ораторы вдруг обнаружили, что Роммель — старый член НСДАП и член СС и что он был знаком с Гитлером еще в пору зарождения нацистского движения. Ни один из этих фактов не соответствовал действительности, и, тем не менее, они стали основой для популярности Роммеля. Снова и снова военные корреспонденты описывали его как генерала, который сражается на передовой бок о бок со своими солдатами, совершенно не заботясь о личной безопасности... Для Геббельса успехи африканского корпуса стали долгожданным событием, поскольку отвлекали от сражений на просторах России» (21).

Отвлекать действительно понадобилось. Упорный русский противник оказал вермахту сопротивление, доселе невиданное им на Западе, Севере и Юге. Меры по сокрытию правды о Восточном фронте тесно переплетались с поддержанием в глазах общественности образа непобедимого немецкого солдата. Почта тщательно перлюстрировалась на предмет пораженческих настроений (о чем солдат на линии фронта откровенно предупреждали). Более того, о реалиях войны на территории СССР фронтовикам не рекомендовалось рассказывать и во время отпуска. Наоборот: «Нам приказали до блеска натереть сапоги и начистить кители: глядя теперь на нас, все решат, что в России царит стерильная чистота! А в конце нас ожидал приятный сюрприз: женщины в форме раздали деликатесы, завернутые в бумагу с изображением орла и свастики. На обертке красовалась надпись: «Храбрые солдаты! Счастливого вам отдыха!» Милая родина: она никогда не забывала о нас!» (22) Понятное дело, деликатесы предназначались не для скорейшего пожирания голодными солдатами, но для гостинцев родным.

Находившиеся в отпусках фронтовики часто запускались в пропагандистскую машину для агитации и воспроизводства все нового пушечного мяса, чему придавалось огромное значение. Даже такая важная фигура, как начальник Генерального штаба Франц Гальдер озаботился поиском достойных лекторов-фронтовиков. «Требуются офицеры-докладчики для гитлерюгенда, желательно награжденные Рыцарским крестом», — помечает он в своем военном дневнике в числе первоочередных задач (23).

А чтобы близкие не скучали, когда кого-нибудь из кормильцев

убьют, Гитлер выпустил тайное (поначалу) распоряжение о заключении браков с павшими на фронте женихами, если до их смерти имелись доказанные намерения жениться. Другое распоряжение Гитлера давало возможность развода погибшего солдата с «недостойной его женой» (!). К «бракам с мертвецом» прибегали довольно часто для различных целей, например, для узаконения детей и получения материальной помощи.

Кроме «брака с мертвецом» еще одно выражение необходимо зафиксировать как специфически нацистское. «Однажды — это был декабрь 1941 года — Пауль К. пришел с работы, сияя от радости. По дороге он прочитал военные сводки. «В Африке дела у них плохи», — воскликнул он. «Что, неужели они сами это признали, — спросил я, — ведь они всегда только кричат о победах?» Пауль ответил: «Они пишут: «Наши героически сражающиеся войска». «Героически» звучит как поминание, уж можете мне поверить». С тех пор слово «героически» не раз звучало в военных сводках как поминание и никогда не обманывало» (Виктор Клемперер) (24).

Однако в начале 1943 года после поражения под Сталинградом скрывать истинное положение дел на фронте стало невозможно. Нацистская пропаганда провозгласила новую этическую и эстетическую концепцию боевых действий, вошедшую в историю под названием «тотальная война». «Мы вытрем кровь с глаз, чтобы лучше видеть, и когда начнется следующий раунд, мы опять будем крепко держаться на ногах», — Геббельс сознательно снова и снова использует боксерскую терминологию, стараясь вызвать у народа единый образ. «Народу, который до сих пор бил только левой и намерен уже бинтовать правую, чтобы беспощаднее разить ею в следующем раунде, нет нужды идти на уступки» (25).

Яростная борьба подстрекаемого Геббельсом народа и его армии дала истории массу примеров героизма. Будем справедливы — враг тоже может быть героичен, и это самая важная заслуга перед режимом продуманного военно-патриотического воспитания. Лишь фрагмент, яркая вспышка истории: советские войска штурмуют Севастополь, погрузка в последнюю баржу — места больше нет. «Майор Тешнер приказал офицерам сойти на берег. Молча, как будто это было абсолютно естественно, все офицеры вышли обратно. Майор повел оставшихся в укрытие. Там они окопались для своего последнего боя. Спинай к воде, небольшая ударная группа 50-й дивизии заняла оборонительную позицию. Они держались еще шесть часов, потом их раздавили» (26).

Таково было умение идти на жертвы у нацистских полчищ, таковым оказалось фанатичное лицо «Тотальной войны». Кстати, этот удачный термин придумал не Геббельс, а ближе к концу Первой мировой войны,

генерал Людендорф, когда он попытался убедить кайзера подчинить всю экономику Германии военным целям. В 1935 году, обобщив свой боевой опыт, генерал выпустил книгу, которая так и называлась «Тотальная война». По мнению Людендорфа, беспощадная битва на истребление требует крайнего напряжения всех сил нации, из чего следует необходимость ее скорейшего завершения. Соответственно, «тотальная война» неразрывно связана с излюбленным нацистами понятием «блицкриг».

Ну что ж, оставим поверхностный символизм взаимосвязанных понятий, тем более, что под конец нацистская верхушка уже рассуждала не в категориях быстрых наступлений и даже не тотальной войны, а скорее, обыкновенного чуда внезапного избавления. Настоятельно убеждая сограждан, что судьба Германии внезапно переменится, Геббельс заклинал измученных немцев: «Фюрер знает точный час перемены. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы, в это время величайшего внешнего и внутреннего стресса, стали свидетелями чуда» (27).

Чуда, как известно, не произошло.

26. Немецкий народ и война

Уильям Ширер писал: «Любое правительство, когда-либо начинавшее войну, старалось убедить свой народ в трех вещах:

- 1) что правота на его стороне;
- 2) что война ведется исключительно в целях защиты страны;
- 3) что оно уверено в победе.

Конечно, и нацисты стараются вбить это в сознание своих граждан. Современные средства информации, особенно радио, помогают им» (1).

Аналогичные задачи ставят перед собой и нынешние правители. Правда, служит им теперь для достижения подобных целей не только радио, пресса и широкомасштабные пропагандистские акции, но и телевидение, Интернет, прочие средства коммуникативного воздействия, например, смс-рассылки. Причем, далеко не всегда основной целью манипуляторов является враг внешний, весьма часто боевые действия разворачиваются в интересах внутренней политики. Геринг за кулисами Нюрнбергского процесса обронил важнейшую для понимания политических реалий мысль: «Народ вне зависимости от того, наделен он избирательным правом или же нет, всегда можно заставить повиноваться фюреру. Это нетрудно. Требуется лишь одно — заявить народу, что на его страну напали, обвинить всех пацифистов в отсутствии чувства патриотизма и утверждать, что они подвергают страну опасности. Такой метод срабатывает в любой стране» (2). История знает множество примеров, когда «маленькая победоносная война»

помогает сплотить общество, которое часто даже не задумывается, а что же послужило первопричиной разразившегося конфликта.

Германское правительство не являлось исключением из правила, хотя цели его являлись значительно более обширными, а готовили немцы свое стратегическое наступление исподволь и в глубочайшей тайне. Еще 5 ноября 1937 года в Берлине Гитлер провел секретное совещание, на которое он пригласил всего шесть человек: военного министра фельдмаршала фон Бломберга; главнокомандующего сухопутными войсками фон Фрича; главнокомандующего ВМФ адмирала Редера; главнокома ВВС Геринга; министра иностранных дел фон Нейрата; стенографировал ход совещания полковник Хоссбах, адъютант фюрера. Эта важнейшая для истории встреча началась в 16.15 и закончилась в 20.30. Именно сейчас Гитлер объявил своим приспешникам о принятом им решении стать на путь войны: «Германские проблемы могут быть решены только силой», — безапелляционно заявил он.

Мнения среди нацистской элиты разделились. Большинство партийных функционеров и государственных управленцев отнеслись к идее скорой драки отрицательно. Но молодые приверженцы фюрера приняли воинственные намерения режима восторженно: «Мы, люди из ближайшего окружения Гитлера, считали Геббельса, равно как и Геринга, который точно так же выступал за сохранение мира, слабаками» (3).

Однако, кроме суждений правителей, существовал германский народ, и в своей основной массе он войны не хотел. Пока не хотел. Еще в разгар первого чехословацкого кризиса, 27 сентября 1938 года Ширер записал в своем дневнике: «Этим вечером в сумерках по улицам города в направлении чехословацкой границы пронеслась моторизованная дивизия. Несомненно, этот час был выбран сегодня, чтобы застать сотни тысяч берлинцев, выходящих из своих учреждений в конце рабочего дня, но они быстро исчезали в метро, отказываясь смотреть на все это... Это была самая впечатляющая демонстрация, которую я когда-либо видел». Шпеер подтверждает увиденное американцем: «Население с необычной молчаливостью пропускало кортеж с Гитлером. Почти никто не махал ему» (4).

Фюрер сделал необходимые выводы. Перед пропагандистскими службами Третьего рейха возникла безотлагательная задача активизировать психологическую подготовку народа к грядущей войне. Чему, собственно, и были посвящены последовательно проведенные Министерством пропаганды антиеврейская и антипольская «информационные» кампании 1938-1939 годов. И, тем не менее, патриотический подъем в полной мере организовать не удалось⁵⁰.

⁵⁰ Скорее всего, Геббельс, выступавший против войны и рассчитывая на благоразумие фюрера, не очень-то и старался.

Народ шел на войну с тяжелым сердцем, если не считать энтузиазм национал-социалистической молодежи. И пусть Гитлер накануне нападения на Польшу бахвалился: «Я найду пропагандистские причины для начала войны, пусть вас не волнует, правдоподобны они будут или нет. Победителя не будут потом спрашивать, правду он говорил или нет» (5). Но мы должны понимать, благо у нас есть собственный советский опыт, что пропагандистские картинки ликования — это одно, а реальная жизнь — другое.

«Как часто слышал я шлепанье картами по столу и громкие разговоры о кино, о мясных и табачных пайках под пространные речи фюрера или одного из его паладинов. На следующий день в газетах значилось: весь народ жадно ловил каждое их слово. Рабочие и подавно не были настроены в нацистском духе, а уж к зиме 1943/44 года этот дух выветрился совершенно. Можно было опасаться старосты и двух-трех женщин, которых подозревали в доносительстве, и когда кто-нибудь из них появлялся на горизонте, люди предостерегали друг друга толчком или взглядом», — но далее Виктор Клемперер делает важный, хотя и вроде бы противоречащий вышесказанному вывод: «Никто не был нацистом, но отравлены были все» (6).

Да, суть пропаганды состоит в том, чтобы заразить общество в целом. Если человек вроде бы и не бьется в истерику на каком-нибудь митинге, все равно общий настрой окружающих, целенаправленная постоянная обработка дадут о себе знать, даже если он и сохраняет на первых порах остатки здравомыслия.

Когда 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, в отличие от того, что было двадцать пять лет назад, ни один полк не уходил на войну украшенный цветами. Улицы оставались пустынными и стихийных патриотических манифестаций не происходило: «Я стоял напротив рейхсканцелярии, когда по громкоговорителю вдруг объявили, что Англия объявила Германии войну. На улице находилось человек двести пятьдесят. Они молча и внимательно слушали. Когда диктор кончил читать, никто не проронил ни звука. Люди стояли ошеломленные» (7). Более того, уже со следующей недели начались разрозненные акции протеста, правда, не особенно многочисленные, и их мгновенно подавили войска СС.

Учитывая настроения населения, Геббельс не собирался без крайней необходимости пробуждать энтузиазм масс. Министерство пропаганды не приукрашивало сообщения генштаба, излагаемые простым и повоенному лаконичным языком. Предполагалось, что немецкий народ должен думать следующим образом: нам подаются факты и ничего, кроме фактов, они говорят сами за себя, следовательно, все обстоит именно так,

как нам сообщают, фактам можно доверять. Сегодня к аналогичному пропагандистскому приему активно прибегают ведущие телевизионных новостей.

Но чем сдержанней и напряженней была первоначальная реакция пропагандистской машины Третьего рейха и ее многомиллионной аудитории на новые условия жизни в государстве, тем радостней — по контрасту — стала радость скорой победы над Польшей. После падения Варшавы Гитлер приказал семь дней между 12.00 и 13.00 часами звонить в колокола по всей стране.

«Поддержание в народе хорошего настроения» германское правительство постаралось обеспечить посредством специального «циркуляра фюрера», в котором всем театрам, варьете, кино, циркам, спортивным клубам и кружкам предписывалось продолжать свою работу, невзирая на войну. Любопытно, что при посещении театра выдавался вкладыш в программку с инструкцией, как действовать в случае воздушной тревоги: «Поскольку в здании Оперы нет бомбоубежища, на карте было показано, как добраться до моего бомбоубежища, которое значилось под номером один. Тревога будет объявлена со сцены. После этого необходимо соблюдать спокойствие, взять свою шляпу и пальто в гардеробе. И следовать в бомбоубежище. Когда она закончится, я должен вернуться в Оперу, сдать пальто и шляпу, и опера будет продолжена с того места, где спектакль прервался» (8). Чем же была навеяна такая забота о зрелищах? Ну, конечно же, вопросами хлеба! Гитлер совершенно ясно осознавал стоящую проблему: «Я должен предоставить рабочему, зарабатывающему деньги, возможность тратить их, если он ничего не может на них купить» (9).

И это диктовалось жизненной необходимостью — сразу после начала боевых действий правительство предприняло целый ряд мер по регулированию внутреннего рынка и ограничению внутреннего потребления. Так, 4 сентября 1939 года, то есть через четыре дня после начала войны, был обнародован закон об увеличении подоходного налога на пятьдесят процентов, а также о значительном увеличении акцизов на табак и пиво. Кроме того, вышел декрет о замораживании цен и заработной платы. Впрочем, когда обнаружилось, что декрет от 4 сентября, фактически уменьшавший заработную плату и надбавки за ночную и сверхурочную работу, вызвал серьезное недовольство в обществе, его отменили. Боязнь вызвать недовольство народных масс заставляла германское правительство тратить на производство товаров народного потребления и выплату пособий участникам войны гораздо больше, чем тратили правительства демократических стран. В конце концов, руководитель «Трудового фронта» Роберт Лей

заявил, что впервые в истории «война ведется за интересы рабочих» («Фелькишер беобахтер», 2.02.1940). Забота о комфорте воюющей нации дошла до того, что, согласно изданному в январе 1941 года секретному приказу партийной канцелярии, для создания санаториев и домов отдыха гауляйтеры получили право реквизировать всю монастырскую недвижимость. Жертвами этой акции за полгода стали 120 монастырей.

Щадящий режим власти установили и в вопросе привлечения в военную экономику немецких женщин. За первые четыре года войны, когда в военном производстве Великобритании было занято 2,25 миллиона женщин, в Германии в аналогичную деятельность вовлекли всего лишь 182 тысячи работниц. Число дам, служивших домашней прислугой, — 1,5 миллиона, оставалось неизменным на протяжении всей войны. Но нужно учитывать, что по мере захвата новых территорий, в рейх согнали миллионы рабынь из оккупированных стран. «Много русских женщин и девушек работает на фабрике «Астра Веерке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы ходят под конвоем. Моя соседка на днях приобрела домработницу. Она внесла деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России» (10). Об использовании рабского труда мы еще поговорим, а пока вернемся к хлебу насущному.

Введенные еще в тридцатые годы ограничения в потреблении способствовали тому, что у населения в Германии выработалась стойкая привычка к экономии. А с началом войны нормирование пищевых продуктов началось гораздо раньше, чем появилась какая-то нехватка в них. Также поначалу оправдывала себя система замораживания цен и заработной платы. Уровень оптовых цен поднялся к июню 1944 года только на 9%, уровень жизни — на 12%, заработная плата — на 11% (11). Основой ведения хозяйства были обязательные поставки пищевых продуктов государству. Уже с 27 августа 1939 года (за несколько дней до войны) растительные продукты подлежали обязательной сдаче государству с момента «отделения их от земли», продукты животноводства — с момента их получения.

Наряду с обычными карточками, имелся еще целый ряд различных специальных продовольственных купонов: от карточки отпускника и карточки, выдаваемой по случаю бракосочетания, до особых талонов дополнительного питания, выдававшихся при налетах вражеской авиации. Со временем система распределения принимала все более изощренный вид. Появились карточки на грудных детей и детей младшего возраста, для рабочих, занятых на тяжелых работах, беременных женщин, кормящих матерей, вегетарианцев (!), больных

туберкулезом и т. д. Некоторые продукты (например, простоквашу и мороженое) продавали вообще без ограничений, а фрукты в основном шли на производство мармелада.

Однако по мере продолжения войны проблемы населения — как с хлебом, так и со зрелищами — постепенно возрастали. Уже 2 мая 1940 года власти распорядились закрывать кафе в одиннадцать часов вечера вместо часа ночи. Предполагалось, что подобные меры вынудят людей расходиться по домам до начала воздушных тревог. Заодно на некоторое время запретили и танцы. 15 мая 1941 года германские газеты сообщили, что с июня сокращается рацион мяса с 500 до 400 грамм в неделю (кроме ненормированной конины). По понедельникам мясные магазины закрывались вообще. В 1941 году возросла квартирная плата, увеличились всевозможные сборы с населения: на «Зимнюю помощь», в «фонд нацистской партии», в «фонд Гитлера», муниципальный налог, взносы на социальное страхование, на «Трудовой фронт». Удержания из зарплаты составляли 18% и более. Попутно власти всячески рекламировали обувь на деревянной подошве, а также другие товары, производимые из всевозможных эрзацев.

Тем с большим воодушевлением приветствовали немцы улучшение снабжения по мере расширения территории, находящейся под контролем Третьего рейха. Вообще, с начала до конца войны немцы оценивали положение, исходя, прежде всего, из материальных потребностей. И совесть их при этом не мучила. Например, почти сразу после оккупации Дании и Голландии с 1 июля 1940 года дополнительно к обычным нормам по карточкам стали выдавать по 100 грамм масла на человека. После падения Франции страну наводнило французское вино и шампанское; омары и устрицы в изобилии имелись в продаже вплоть до 1944 года. «Норвежские шпроты, арденнская ветчина, перигорские паштеты из гусяной печени продаются повсюду» (12). Продуктами, качество которых снизилось, стали животное масло и маргарин (где повысилось процентное содержание воды), молоко (жирность которого сильно снизилась) и колбаса (в которую добавляли различные примеси). Значительно ухудшилось качество пива — заводы, стремясь найти заменитель ячменю для производства пива, начали использовать сыворотку из отходов молочных предприятий. Но, в целом, грамотная продовольственная политика помогала режиму поддерживать боеспособность как армии, так и населения в тылу, что позволило нацистскому государству избежать внутреннего кризиса, подобного революционным событиям в России и Германии на излете Первой мировой войны.

В эпоху расцвета могущества Третьего рейха, оккупировавшего

большую часть Европы, в Германии по линии Министерства пропаганды побывал главный редактор одной из оккупационных газет «Голос народа» Н. Вошило, который осенью 1942 года опубликовал восторженные «Записки о Германии». Зывая русскую молодежь ехать на заработки в Германию, автор рисует прямо-таки райские, по понятиям советского человека, картинки: «В Германии чистота, аккуратность и порядок — прежде всего. В раздевальной, где рабочие перед работой и после работы переодеваются, каждому отведен отдельный ящик с вешалками и местом для обуви. За раздевальной находится душ с ванной, где рабочий может по окончании работы хорошо вымыться горячей водой. Раздевальная и умывальная так отделаны и обставлены, что нисколько не отличаются от ванн русских больниц. В цехах предприятия также полный порядок. Рабочим выдаются премиальные... «за чистоту». Все механизировано, и ручной труд применяется только в исключительных случаях. В столовой предприятия столы покрыты чистыми скатертями. На столах — цветы. В одну из стен вделана сцена, рабочие во время обеденного перерыва имеют возможность посмотреть выступления любителей, работающих тут же, на предприятии; часто предприниматель для культурного обслуживания рабочих приглашает артистов из театра. В выходной день рабочий может поехать с семьей в дом отдыха (в Германии все предприятия имеют свои дома отдыха) и там культурно провести время: покататься на лодке, побродить по красивым долинам, проехать по автостраде...» (13)

Прошу прощения за развернутую цитату, но нужно отметить, что фашистский прихвостень не слишком-то и преувеличивал, рисуя успехи германского национал-социализма в его сотрудничестве с рабочим классом: «Продолжительность рабочего дня в Германии — от 8 до 10 часов, а до войны работали от 6 до 8 часов, причем за два часа, введенные в военное время, рабочий получает дополнительную оплату. Средний заработок рабочего составляет от 200 до 500 марок в месяц; при существующих в Германии ценах на товары (костюм примерно стоит от 40 до 60 марок, велосипед — 50-60 марок, ботинки, туфли мужские и женские — от 10 до 20 марок, шляпа — от 3 до 10 марок, пальто — от 5 до 70 марок; цены на продукты питания также очень низки) за свою месячную зарплату рабочий имеет возможность одеться, обуться и культурно провести время — сходить в театр, что так доступно для рабочего в Германии, в выходной день выехать куда-нибудь за город и т. д. Рабочий по карточке имеет право получать продукты и товары в первом попавшемся магазине, он не закрепляется за определенной торговой точкой. Обеды в ресторанах вкусны и дешевы. Немец без пива никогда не садится кушать... Живут рабочие в отдельных домах (по 6-8 комнат)

с электрическим освещением и водопроводом. Дома утопают в зелени и фруктовых деревьях. Возле каждого дома разбиты клумбы, имеется огород, на котором рабочий выращивает всевозможные овощи. Дома бывают собственные, но есть дома, принадлежащие предпринимателю, которые с течением определенного времени переходят в собственность рабочего» (14).

Ощущение кризиса и приближающегося краха пришло только в 1944 году, когда немцы стали довольствоваться двумя третями того, чем могли воспользоваться в 1938 году, при одновременном катастрофическом ухудшении качества. В связи с поступлением на работу представителей все новых и новых слоев населения, а также поддержкой семей военнослужащих и компенсацией ущерба, понесенного в войне, покупательная способность неимоверно выросла, а количество товаров все ограничивалось. С середины 1944 года началось быстрое и угрожающее развитие инфляции. Денежное обращение было подорвано и заменено «валютой материальных ценностей». Но и в эти отчаянные времена нацисты находили возможности проводить пропагандистские акции вроде бесплатной раздачи зерна на берлинском вокзале (15).

Говоря о необходимости вести с народом откровенный диалог, когда речь идет о его материальном обеспечении, Геббельс утверждал: «Ваша хитрость обернется против вас, если начать сообщение с приятной, но незначительной новостью, чтобы подсластить пилюлю и затушевать принимаемые жесткие меры... Лучше сообщить предельно откровенно: «Да, мы отлично представляем себе, как сокращение рациона ударит по вас, и мы не можем сказать, когда его отменят, но, с другой стороны, этот шаг совершенно необходим, потому что...» И здесь должно следовать объективное и разумное разъяснение, основанное на фактах, чтобы каждый читатель сказал себе: «Да, я понимаю, ничего не поделаешь» (16).

Вообще Геббельс имел строго продуманную стратегию отношений его, главного пропагандиста рейха, с немецкой публикой. Она подразумевала соблюдение четырех принципов. Первый заключался в стремлении иметь всегда самую точную информацию о настроениях, мыслях и чувствах населения. Он просматривал много специальных отчетов на эту тему, комментировал и оценивал их с точки зрения практической пользы для своего дела.

Второй важный принцип Геббельса состоял в его настойчивом желании пользоваться доверием своих читателей и слушателей, то есть быть не просто информированным, но и понимающим собеседником.

Третий пункт гласил, что людей ни в коем случае нельзя оставлять наедине с их размышлениями о трудностях жизни и отвратительной изнанке войны; напротив, нужно направлять их мысли в необходимом

направлении, распалая ненависть к врагам, в том числе используя психологические возможности, создаваемые интенсивными воздушными налетами союзников.

Четвертый принцип: аудитории следует преподносить легко усваиваемую смесь из пропаганды и развлекательной информации. Подобный подход дает возможность, не доводя потребителя до полного отравления, все же инфицировать его необходимой дозой пропагандистского яда.

Конечно, начавшаяся война диктовала разные подходы к подаче изменчивой информации. Здесь и триумф первых побед, и драматизм переломного этапа, и жертвенный пафос последних месяцев режима. Поэтому, рассуждая об особенностях нацистской пропаганды, мы должны учитывать, что Геббельс постоянно маневрировал и, как правило, не действовал шаблонно, а потому его рецепты не могут подходить под все возможные случаи жизни современного пропагандиста.

В своих мемуарах уцелевшие гитлеровские военачальники охотно рассуждают о том, как тщательно ими была спланирована скоротечная война против французской армии. Однако, на самом деле, в 1940 году никто не думал, что поход на Запад закончится столь стремительно. Глупость французов, невероятная удача немцев и отсутствие должной координации между руководителями различных маршевых колонн германской армии, которые не выполнили приказ остановиться, отданный генеральным штабом, неожиданно привели к быстрому разгрому растерявшихся французских войск. «И лишь когда война против Франции была выиграна, нацистская пропаганда подала эту кампанию как великолепно спланированный стратегический маневр. И до сих пор многие люди верят в это» (17).

Но — так или иначе — в ходе войны с мощнейшей Францией Германия утратила всего 45 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести (110 тысяч были ранены). В то же время Франция только военнопленными потеряла около 800 тысяч человек, которых вывезли на принудительные работы в Германию. А дальше — больше: в течение короткого времени (10 месяцев) немцы поработили или поставили в зависимое положение большинство европейских государств с территорией 5 миллионов квадратных километров и с населением 290 миллионов человек. Быстро завоевав Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию, Гитлер — он же Генерал Бескровный — подтвердил в глазах народа справедливость своего прозвища. А общенациональная эйфория оказалась столь тесно связана с мифом о фюрере, что зрители чувствовали себя обманутыми, если в сводке новостей не было упоминания о Гитлере (18).

Реальные военные победы, сопровождаемые фанфарами чрезвычайных сообщений, все же пробудили шовинистический угар у значительной части немецкого народа. Того самого народа, который еще недавно войны не хотел и осуждал за нее своего лидера. Информаторы сообщали о жесткой позиции немецкой общественности в отношении условий мира с Францией. Большинство считало, что Франция должна безоговорочно вернуть немецкие колонии, потерянные рейхом после Первой мировой войны, передать Германии весь флот и, разумеется, вернуть аннексированную ранее провинцию Эльзас. С другой стороны, в более поздней сводке состояния общественного мнения СД обращало внимание на восторг большинства граждан рейха от «рыцарского» поведения германской делегации на немецко-французских переговорах об условиях перемирия (19). Это вполне соответствовало представлениям немцев о себе как о строгих, но справедливых солдатах и цивилизованных европейцах.

Но тот факт, что победы над европейскими государствами одерживались с поразительной легкостью, производил парадоксальное воздействие на обывателя: ему казалось, что война — не более чем прогулка, и солдаты на фронте живут припеваючи, в то время, как мирное население в тылу необоснованно терпит лишения (а лишения всегда вызывают общественное раздражение). Чуткий к настроениям народа Геббельс тут же отдает приказ своим агентам успокаивать рабочих обещаниями: дескать, после войны Гитлер намерен построить 6 миллионов домов, где поселятся рабочие, и прекрасные гостиницы, где они смогут отдыхать во время отпуска, существенно повысит заработную плату и т. д.

Но уж кто-кто, а министр пропаганды точно знал, что война еще только начинается, поскольку Англия отклонила мирные предложения Германии. 11 мая 1940 года, то есть на другой день после того, как Черчилль возглавил военный кабинет, английская авиация атаковала город Фрейбург (в Бадене). Вскоре дошла очередь до Берлина и команда Геббельса без труда смогла направить общественное возмущение против англичан, изображая их трусливыми террористами, убивающими женщин и детей. «23 июля. Утром пресса стремительно начала кампанию, направленную на то, чтобы настроить народ на войну с Британией. Практически все газеты в Берлине вышли с одним и тем же заголовком: "Ответ Черчилля — трусливое убийство незащитного населения!"» (20)

Геббельс изобрел термин «воздушный терроризм». Обывателю внушали, будто командование союзнических армий решило прибегнуть к безжалостным бомбардировкам с воздуха, ради уничтожения немецкого мирного населения, стремясь таким способом повергнуть всю Германию в ужас (что, откровенно говоря, было недалеко от истины).

Статьи самого министра пропаганды содержали страшные подробности бомбовой войны, но как профессионал, он видел в воздушных налетах и положительную сторону: они вызывали в народе гнев и возмущение, благодаря им в людях крепла решимость продолжать войну. А чтобы решимость не пропала, пострадавшим от бомбежек социальные службы выдавали «налетный» кофе. «Так его прозвали. Это добавка, которую мы получаем в экстренных случаях, особенно после тяжелых бомбежек. Иногда выдают сахар, или шоколад, или по пачке сигарет» (21).

Немецкие хроникеры событий, оправдывая воздушное наступление на Англию, положившее начало тотальным бомбардировкам мирного населения, утверждали: «Лишь пятью месяцами позже, 4 сентября 1940-го, после того как многие другие города, в том числе и Берлин, восемь раз подверглись налетам, немецкая авиация предприняла ответный контрудар, совершив свой первый дневной налет на Лондон» (22). Хочется переспросить, а бомбежки немецкой авиацией Варшавы и Роттердама не считаются? Или там жили не мирные граждане? Впрочем, рядовые немцы о том не знали или не задумывались. Хотя понятие «не знали» вряд ли подходит — нацистская кинохроника переполнена кадрами пикирующих немецких бомбардировщиков. Просто оболваненный бюргер рассуждал по принципу украинского анекдота «а нас-то за что?». «Германская пресса без конца твердит о том, атаки Люфтваффе на Англию — это «репрессалии». Публику уже просто тошнит от этого термина. По городу ходит шутка, что, покупая вечернюю газету за десять пфеннигов, простой берлинец говорит газетчику: "Дай-ка репрессалий на десять пфеннигов"» (23).

Впрочем, после проигранной немцами «битвы за Англию» шутки прекратились — разворачивалось массированное воздушное наступление союзников на города Германии. 10 мая 1942 года Уинстон Черчилль, говоря об уничтожении уже немецких городов, заявил: «Я прославляю как пример высшей военной и поэтической справедливости тот факт, что люди, которые развязали и обрушили на человечество все эти ужасы, теперь у себя дома, на собственной шкуре почувствуют сокрушительные удары справедливого возмездия» (24).

Правда, «сокрушительные удары справедливого возмездия» почему-то сначала не коснулись экономического потенциала Германии. Военное командование союзников объясняло подобную выборочность целей своеобразно: «Поскольку над Рурским индустриальным районом постоянно висит облако пыли и копоти, а навигационные приборы и радиолокационные установки того времени были несовершенными, все операции, проводившиеся союзниками во второй половине 1942 года, оказывались безуспешными» (25). Хотя лично мне почему-то кажется, что промышленное лобби атлантических партнеров

стремилось любыми путями сохранить в целостности то, что приносило им доходы — собственность, куда вложены их немалые капиталы. А потому предприятия Порше на протяжении длительного времени почти беспрепятственно выпускали танки «Тигр», а фирма МАН — «Пантеры». Бренды производителей успешно пережили войну и сегодня продолжают пользоваться коммерческой привлекательностью.

Значительно безопасней истреблять рядовых обывателей. С ужасом внимали немцы ежедневным радиосводкам — «каждые две-три минуты по радиосети передавался отчет об обстановке в воздухе: «Авиационное соединение повернуло на юго-запад. Новая группа самолетов приближается с севера. Опасность налета на Дрезден сохраняется». 28-29 августа 1943 года союзники разрушили Гамбург. Тогда пожар вызвал сильнейшую тягу, которая срывала крыши, вырывала с корнем деревья, даже поднимала в воздух железнодорожные вагоны. От жара плавилось стекло и мостовая. Заживо сгорели 50 тысяч человек, по большей части женщин и детей. Около миллиона жителей Гамбурга остались без крова. «В психологическом отношении разрушение Гамбурга стало для немцев таким же ударом, как поражение под Сталинградом. Однако, к изумлению союзников, моральный дух нации не был подорван, наоборот, совместная тяжелая работа и напряжение сил для сплочения страны делали больше, чем все пропагандистские усилия вместе взятые» (26). И упрямые англосаксы продолжили методичное разрушение Германии. В Касселе погибло 9 тысяч человек, в Гейльбронне — 7,5 тысяч, в Дармштадте — 5 тысяч человек. В Дрездене — от 60 до 100 тысяч за одну ночь (27).

Некоторые города были напрочь сметены бомбардировками, например Эммерих (91% разрушений) или Юлих (97%). 495 архитектурных памятников оказались совершенно уничтожены, а 620 повреждены настолько, что их восстановление признано абсолютно невозможным либо весьма сомнительным. Порою Геббельсу, который превратился в своего рода главного германского колумниста, ничего не оставалось делать, как просто искать в руинах некое поэтическое вдохновение: «Среди развалин и руин снова вьется дымок из печных труб, с любопытством высовывающих свои носы из дощатых сараюшек». Читателя просто тянет побывать в таком романтическом уголке. К концу войны общий объем развалин в поверженной Германии составил 400 миллионов кубометров. Наиболее грандиозные по площади разрушения зафиксированы в Берлине, Гамбурге, Кёльне, Дортмунде, Эссене, Франкфурте, Нюрнберге, Дюссельдорфе, Ганновере и Бремене.

Мы дали такой подробный отчет по бомбардировкам союзников, ибо именно они, наряду с вопросами снабжения, оказывали влияние на самочувствие немецкого народа в тылу. Однако для нас была и остается важнее тема Великой Отечественной войны, которая, в конечном итоге,

и привела к краху гитлеровского государства.

22 июня 1941 года начался новый этап Второй мировой войны, и нам, как жителям бывшего СССР, это, к сожалению, очень хорошо известно. Сегодня много пишут о неподготовленности Советского Союза к битве с рейхом, о близорукости Сталина, недооценившего нависшую угрозу и саму личность Гитлера. Как Сталин относился к Гитлеру? Писатель Феликс Чуев, хорошо знавший Молотова, задал ему такой каверзный вопрос, на который сталинский соратник раздумчиво ответил: «Сказать — недооценивал, это было бы неправильно. Он видел, что все-таки Гитлер организовал немецкий народ за короткое время. Была большая коммунистическая партия, и ее не стало — смысл! А Гитлер вел за собой народ, ну и дрались немцы во время войны так, чувствовалось. Поэтому Сталин, как человек хладнокровный при обсуждении большой стратегии, он очень серьезно относился к этому делу» (28).

Отметим очень важную логическую связку в рассуждениях многоопытного политика: «Народ — Гитлер». И действительно, ко времени нападения на Советский Союз немецкий народ уверился в непобедимости своей армии и гении фюрера. Он не рвался в бой, как и в 1939 году, но уверенность в собственных силах и понимание исторической необходимости завершить многовековой марш на Восток давали ему мощный стимул, поддерживаемый государственной пропагандой. На ту же идею работали все интеллектуалы Третьего рейха, и не доверять им у народа оснований не имелось.

А средства массовой информации, в свою очередь, продолжали совершенствовать приемы воздействия на подопечных: «В последнее воскресенье июня 1941 года по радио с интервалом примерно в час были переданы 10 «специальных коммюнике». Этот странный метод информирования публики путем оглашения коммюнике, быстро следующих одно за другим, с целью произвести впечатление, был и глуп, и безуспешен. Он вызвал сильную неприязнь. Гитлер считал эту идею блестящей. В воскресенье радиослушатели были очень расстроены необходимостью оставаться дома в такой прекрасный день» (29). То, что консервативные немцы не восприняли тогда, сегодня является основой вещания информационных каналов, передающих новости каждый час или полчаса, так что идея действительно была неплохой.

Другое дело, что благодаря яростному сопротивлению советских войск, которое почему-то до сих пор недооценивается отечественными историками и в результате которого вермахт самые понес ужасные потери со времени начала Второй мировой войны, перед рейхом и его народом стала перспектива затяжной и беспощадной войны

на уничтожение. Потребовалась полная мобилизация духа нации. В конце 1941 года Геббельс приказал вызвать представителей всех пропагандистских учреждений, чтобы дать им новые указания: отныне их репортажи должны быть максимально реалистичными, ничто не должно приукрашиваться. Он ставил новую задачу — население в тылу должно понять, что значит идти вперед по крови и грязи, что значит вспыхнувший от вражеского снаряда танк, что значит голод и трескучие русские морозы (30).

Зимой 1941/42 года тяжесть боев на Восточном фронте стала очевидной для многих — газеты заполнились официальными сообщениями о смерти, которые публиковали семьи погибших. Почти в половине из них немцы избегали выражения «пал за фюрера», писали просто — «пал за Отечество» (один из фрондерских способов выразить свое отношение к Гитлеру). «Окаменелым взором германский народ смотрит на своего вождя и приглушенным шепотом, не смея говорить громко, задает этому вождю страшный вопрос: "Зачем ты туда пошел? Зачем ты вторгся в Россию?"» (31)

Положение складывалось далеко не благополучное, и Геббельс это понимал. Кроме ежедневных отчетов СД об обстановке внутри страны ему доносили также гауляйтеры. Кроме того, о настроениях он узнавал из потока анонимных писем, тоннами доставлявшихся в Министерство пропаганды. Геббельсу ежедневно готовился обзор полученной почты — от шести до десяти страниц, в котором точно указывалось количество одобрительных и неодобрительных откликов, а также процентное соотношение писем из тыла и фронта.

Впрочем, хватало и личных впечатлений. Так, в 1942 году, во время очередной кампании «Зимней помощи» жены Геббельса и Геринга, вместе с супругами менее известных нацистов, проводили сбор пожертвований на улицах Берлина. Возможно, фрау слишком броско нарядились, и люди остро прочувствовали, что все это чистой воды фарисейство: укутанные в меха роскошные женщины не могут бороться с холодом и голодом бок о бок с обнищавшим народом. Из толпы понеслись оскорбительные и издевательские реплики. Холеные дамы испуганно переглядывались, а потом, не выдержав насмешек, пустились в бегство на своих автомобилях (32).

Кстати, с началом боевых действий благотворительная помощь от государства приобретала тоже довольно специфичный вид — для нее все чаще стали использовать одежду убитых на оккупированных территориях или концлагерях людей. Именно их одежду, спарывая метки и по возможности очищая от крови, отправляли хозяйственные немцы в Германию в фонд «Зимней помощи». Помните огромное количество

документальных фотографий и свидетельств о том, как жертв перед их убийством предварительно раздевали донага? Так вот — в глазах палачей это не было особенно изощренным издевательством, а просто обычной необходимостью «материально поддержать» свой народ в трудные времена. Кое-что перепадало и подручным.

Той же зимой появился еще один серьезнейший противник — Соединенные Штаты Америки. Не желая травмировать немецкую публику появлением у Германии нового врага, Министерство пропаганды распорядилось не выносить в заголовки фразы вроде «Объявление войны Германией и Италией США», но ограничилось лишь нейтральной лексикой: «Большая речь фюрера», «Окончательное сведение счетов с Америкой» и т. д.

Маскируя тему начавшейся войны с США, Геббельс знал, что делает, ибо даже в немецкой пропаганде заокеанская держава часто представлялась не только мощным экономическим гигантом, но и неким критерием далекой холодной объективности. Так, незадолго до нападения на СССР Геббельс давал указания своим газетам повторно опубликовать отчет Американского института общественного мнения за июль 1940 года, согласно которому только 34% американцев верили в победу Британии⁵¹.

Но до активных боевых действий американской армии на европейском континенте было еще очень далеко, и «маленький доктор» мог продолжать направлять свои усилия на «правильное» освещение грандиозных событий на Восточном фронте. Благо, наши предки заставляли Геббельса это делать чаще, нежели ему того хотелось.

16 января 1943 года в сводке Германского Верховного Командования говорилось: «В районе Сталинграда наши войска уже несколько недель ведут оборонительные бои против наступающего со всех сторон противника». Обтекаемая формулировка — «со всех сторон» — стала элегантной заменой для жесткого военного термина «окружение». В мемуарах немецкого фронтовика приводится любопытная зарисовка с натуры (дело происходит в венской гостинице): «Администрация отеля старалась вести себя по отношению к посетителям отеля очень тактично — громкоговоритель был почти всегда выключен, но, когда передавали сводку новостей, его приходилось включать. Среди посетителей ресторанов появилась привычка прекращать все свои разговоры, когда зачитывалось очередное коммюнике вермахта. Первым делом сообщили новости из Сталинграда. Всем, знакомым с терминологией, использовавшейся в подобных коммюнике, было ясно, что конец

⁵¹ Зато он тщательно скрывал от немцев результаты более позднего опроса населения, который был проведен Институтом Гэллага весной 1941 года и по которому эта цифра выросла до 50%.

окруженной там группировки близок» (33). Забегая вперед, скажем — после Сталинграда большинство немцев приспособились распознавать в военных сводках новые формулировки (например, «подвижная оборона», «планомерный отход»), различать нюансы, научились читать между строк. Во всяком случае, об этой тенденции своим получателям, в том числе и Геббельсу, сообщали сводки СД.

Когда на Волге для немцев все уже было кончено, наступила праздничная для режима дата — 30 января, День взятия власти. Уже отмечалось, что не найдя в себе сил выступить с традиционным обращением к народу, Гитлер поручил Геббельсу прочитать речь в берлинском «Спортпаласте» от имени фюрера. «Его речь была откровенной до предела. Несколько раз он назвал войну тотальной...» (34)⁵² (Подробнее см. главу «Работа с аудиторией»). А вскоре, 3 февраля ОКВ опубликовало специальное коммюнике, причем его обнародованию предшествовала вторая часть Пятой симфонии Бетховена и приглушенная барабанная дробь: «Сталинградское сражение завершилось. Верные своей клятве сражаться до последнего вздоха, войска 6-й армии под образцовым командованием фельдмаршала Паулюса были побеждены превосходящими силами противника и неблагоприятными для наших войск обстоятельствами» (35). Гитлер объявил четырехдневный национальный траур, на время которого закрывались все кино, театры и варьете. А уже 7 февраля 1943 года свет увидела статья Геббельса «Горький урок». Лейтмотивом в ней стала фраза «мы слишком хорошо жили, несмотря на войну». Он вспоминает, как в прошлую зиму немцы собирали теплые вещи для фронта, и добавляет: «Сегодня фронт нуждается не столько в теплой одежде, сколько в людях». Он повторяет: «В бесчисленных письмах буквально ото всех слоев нации звучит настойчивое требование перейти к тактике тотальной войны» (36).

Знаменитая речь Геббельса о «тотальной войне» многократно описана, в том числе и в этой книге, и в данной главе мы ее касаться не будем. Заметим лишь, что аналитики СД, изучив общественный резонанс, отмечали — на народ большое впечатление произвела информированность министра пропаганды и то, что он полностью в курсе настроений немецкой общественности. Рейтинг доверия к главному пропагандисту страны значительно вырос. Возросшее доверие дало ему возможность с новыми силами взяться за идеологическую

⁵² Кстати, термин «тотальная война», изобретенный Людендорфом, Геббельс использовал в своей речи еще на Рождество 1939 года, но тогда он прозвучал в его устах как всего лишь громкая фраза. Однако зимой 1943 года то, что могло ранее показаться выслезностью, превратилось в один из самых ярких символов Второй мировой войны.

обработку немецкого народа. Бомбардировки германских городов, требование безоговорочной капитуляции, отношения между западными державами и Советским Союзом — все шло в работу и являлось козырями в руках немецкой пропаганды, которыми она пользовалась весьма эффективно.

Но время продолжало безвозвратно уходить, а похвастаться нацистским пропагандистам, по большому счету, было нечем — долгожданное наступление вермахта летом 1943 года под Курском и Орлом, так называемая «Операция "Цитадель"», провалилось. Немецкие войска после десяти дней атак были вынуждены отступить. Впрочем, об этой операции широкие массы даже и не узнали (37).

Параллельно менялись представления немцев о своих самых яростных врагах — русских. В 1943 году СД передавала: немцы, сталкиваясь с работниками с востока и советскими военнопленными, с удивлением констатировали, что: «1. Русские в большинстве оказались религиозными людьми; 2. Рабочие с востока изобретательные и интеллигентные труженики, часто высказывающие техническую одаренность; 3. Лишь небольшой процент из них является неграмотными; 4. Большевизм вовсе не разрушил семью — семейные узы и твердая семейная мораль русских были очевидными; 5. Русские не подвергались у себя на родине физическому наказанию и принудительной работе» (38). Ну, насчет принудительной работы — это смотря где. А вот многие штампы нацистской пропаганды о недочеловеках явно дали трещину. Черви сомнений, похоронные марши военных сводок и грохот бомбардировок способствовали отрезвлению немецкого народа, чего нацистам допустить было никак нельзя.

25 июля 1944 года неподражаемого Геббельса фюрер назначил на должность Имперского руководителя по проведению тотальной мобилизации и министр пропаганды развил на новом посту нереально бурную деятельность. Призывались на работу все женщины до пятидесяти лет. Поездки по стране допускались только в случае самой крайней необходимости. Все приемы, выставки и публичные празднества запрещены. Почта стала доставляться адресатам только один раз в день. Количество домашней прислуги сокращалось. Мелкие газеты и издательства закрывались. Выплаты неработающим женщинам отменялись. Инвалидов войны привлекали к усиленному участию в военном производстве. Прекращались занятия в школе для всех мальчиков и девочек в возрасте от четырнадцати лет, что высвобождало 80 тысяч человек для службы в частях противовоздушной обороны. Молодые актеры театра и кино направлялись в цеха по производству оружия. Вводилась шестидесятичасовая рабочая неделя. Выпуск всей

журнальной периодики приостанавливался. Закрывались все театры. Ладно, устал перечислять.

Под руководством министра пропаганды и по совместительству гауляйтера немецкой столицы берлинцы активно готовились к обороне. В частности, наполнились новой жизнью огромные башни противовоздушной обороны, стоявшие по периметру центра Берлина. Всего башен было три, и каждая из них могла предоставить убежище 30 тысячам гражданских лиц. В них имелись запасы провианта, боеприпасов, автономное электро- и водоснабжение. Там же, в залах с кондиционированным воздухом хранились сокровища 14 берлинских музеев. Громадные бетонные монстры оказались почти неразрушимы, и понадобились огромные усилия, чтобы снести их после войны.

«Фёлькишер беобахтер» 7 сентября 1944 года взывала: «Ни один выросший на немецкой земле колос не должен давать пищу врагу, ни слова не должен он услышать из немецких уст, и ни один немец не смеет протянуть ему руку помощи». И вскоре после этой программной передовицы (21.09.1944г.) последовал приказ о «фанатизации» борьбы: «...В этой суровой борьбе за существование немецкого народа не должны щадиться даже памятники искусства и прочие культурные ценности» (39). «Фанатизм» снова приравнивался к высшей форме героизма.

Для поддержания боевого духа немецкого народа использовались не только прямолинейные призывы к фанатизму, но и более изощренные методы. По словам Фриче, Министерство пропаганды задействовало как инструмент воздействия на общественное мнение даже гороскопы. В сфабрикованных предсказаниях говорилось о том, что препятствия, возникшие на пути, будут неизбежно сметены, предрекались грядущие неожиданные перемены и внушалась вера в благополучный исход битвы. В общем, то, что и желает слышать обыватель в период кризисов.

В декабре 1944 года в «Рейхе» появилась утешительная статья о текущей ситуации, написанная именитым в то время литератором Шварцем ван Берком. Рассуждения его выдержаны в подчеркнуто бесстрастном тоне. Статья называлась «Может ли Германия проиграть эту войну по очкам? Держу пари — нет». Но что могло убедить в этом основную массу немцев, если с 1 января по 8 мая 1945 года (т. е. почти за четыре месяца) в тылу погибло больше немцев, чем за пять предыдущих лет войны. Очевидцы происходящего фиксируют прямо-таки апокалипсические картины: «Она рассказывает о недавнем пожаре в берлинском зоопарке, о том, как вырвавшиеся на волю тигры — будто на охоте — неслись за антилопами, одна из которых горела живьем, вся охваченная зеленым фосфорным пламенем» (40). Согласно оценкам, еще почти миллион человек стал жертвой холода, голода и мести Красной армии.

И еще об этой долго замалчивавшейся у нас теме. Нельзя отрицать — бойцы Красной армии не раз совершали эксцессы на оккупированной немецкой территории. Но они стали всего лишь ответной реакцией на зверства, совершенные немцами. Возможно, есть смысл вспомнить, что только в первый же день пребывания французских войск в Штутгарте зарегистрировано 1198 случаев изнасилования немецких женщин. А после окончания битвы за Монте-Кассино, которой так гордятся западные союзники, марокканские солдаты изнасиловали всех женщин и девочек в округе (3000 чел.). Они также убили 800 мужчин-селян, пытавшихся защитить своих родных. Несколько сотен местных жительниц погибли. Сейчас западные историки не акцентируют внимание на подобных «неуместных» фактах (41).

С начала 1945 года все население Западной Германии стало считать неоправданным безумием каждый следующий день войны, в то время как миллионы немцев на Востоке страстно желали ее продолжения, по крайней мере, до тех пор, пока они сами не скроются от русской опасности. Геббельс, говоря о событиях на Западном фронте, отмечал: «В некоторых городах и деревнях население даже активно выступает против наших войск, если те оказывают сопротивление противнику, что, разумеется, действует на наши войска крайне угнетающе» (42). Он прилагал колоссальные усилия, чтобы успокоить население перед лицом страшной угрозы возмездия со стороны Красной армии: «Мы все находимся в одной лодке»; «Мы сейчас переживаем трудный момент»; «Давайте сохраним солидарность».

И, удивительная вещь, его сверхчеловеческие усилия порою приносили какие-то плоды. В марте 1945 года Альберт Шпеер на одном из хуторов вступил в разговор с крестьянами: «Неожиданно выяснилось, что за последние годы их настолько приучили доверять Гитлеру, что даже в такой ситуации они нисколько не сомневались в победе. "У фюрера наверняка есть в запасе последний козырь, который он пустит в последний момент. А пока он заманивает противника в ловушку!"» (43)

Рейх действительно был побежден мощью оружия, а не силой слова и убеждения. И это можно считать огромным достижением немецких интеллектуалов, мастеров психологической обработки. «В годы Второй мировой войны Германия потеряла более семи миллионов действительно своих лучших, наиболее преданных ей сыновей и дочерей, формально убитых советской пехотой, британскими и американскими летчиками... Но истинными убийцами этих немцев были немецкие журналисты и ученые — немецкая интеллигенция, которая лгала своему народу ради получения подачек фашистского режима» (44).

27. Жизненное пространство для единой Европы

«Поистине, страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при том свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям любой ценой» (1). Итак, «естественное» дело осуждается Николо Макиавелли только в том случае, если насильник, не учитывая меры своих возможностей, замахивается на слишком многое — в мире политики осуждают лишь неоправданные аппетиты. Все остальное — зона интересов, сфера влияния, экономическая экспансия оправдывается, при соблюдении определенных правил игры. При этом судьба тех, кто является объектом экспансии, сильных мира сего, как правило, не интересует. Что же является оправданием для применения насилия?

Гитлер считал, что таковой целью должно стать значительное пространство для расселения этнических немцев и родственных им народов. В «Майн Кампф» он довольно емко формулирует свою мысль: «Только достаточно большое пространство гарантирует народу свободу существования». Ну, свобода существования при тоталитарном обществе носит характер условный, а вот экономическую независимость, если народ контролирует достаточно большую территорию, чтобы обеспечить себя природными ресурсами, обеспечить вполне реально. Собственно, экономические причины из века в век толкали жителей перенаселенной Европы на колонизацию других земель, в том числе и на восток собственного континента. Особенно здесь выделялась именно германская традиция покорения менее развитых в экономическом отношении, нежели сама Германия, восточных территорий.

Шовинизм по отношению к восточным соседям являлся составной частью немецкого воспитания еще задолго до прихода нацистов к власти. Даже в школьном учебнике демократической Веймарской республики, изданном в 1925 году, подчеркивалось: «Русский дух как таковой, видимо, не приспособлен к созидательной деятельности; почти всем, что создано Россией во внешних и внутренних делах, она обязана немцам, состоявшим на русской службе, или прибалтийским немцам» (2). По сути, Гитлер выступил лишь наследником традиции многовековой экспансии германской нации — пресловутого «Дранг нах остен».

Однако главари Третьего рейха прекрасно знали ханжеские правила современного общества, а потому свои истинные мысли особо не афишировали, подменяя их то антикоммунистической, то и антидемократической риторикой. В 1940 году Геббельс перед избранной аудиторией нацистских журналистов заявил: «Если кто-нибудь спросит нас, как мы себе представляем новую Европу, мы скажем, что не знаем

этого. Конечно, у нас есть свои представления. Но если их выразить словами, то это умножит ряды наших врагов. Мы говорим сегодня «жизненное пространство». Каждый может подразумевать под этим что хочет. То, чего мы сами хотим, мы раскроем лишь тогда, когда настанет время» (3).

Конкретное решение Гитлера нападения по плану «Барбаросса» в значительной мере продиктовано экономическими факторами. Еще накануне агрессии, 29 апреля 1941 года, генерал Томас создал экономический штаб «Ольденбург». Главная задача его состояла в организованном захвате сырья и важнейших промышленных предприятий на территории СССР. «Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании» (4). Отдельно на Геринга как руководителя 4-летнего плана были также возложены вопросы экономической эксплуатации России. Шедевром откровенности можно назвать его речь перед нацистскими комиссарами на оккупированных территориях от 6 августа 1942 года: «Обычно это называется грабежом. Но сегодня обстоятельства стали более гуманными. Однако, вопреки этому, я намерен грабить и буду делать это со всем старанием» (5).

Новый экономический порядок нацисты уже опробовали в Польше, где сотни тысяч сельскохозяйственных ферм, принадлежавших полякам, были просто захвачены и переданы немецким поселенцам. Исходя из полученного опыта, главный «крестьянин» Третьего рейха Вальтер Дарре сделал концептуальный «набросок» по созданию немецких поселений на захваченной территории СССР. «Естественное пространство заселения немецкого народа — это область к востоку от нашей имперской границы до Урала. На юге она ограничивается Кавказом, Каспийским и Черным морями, а также водоразделом, который разделяет бассейн Средиземного моря от Балтийского до Северного морей» (6).

Гиммлер, в редкие минуты досуга разглядывая архитектурные макеты, мечтал: «Это план военно-крестьянской деревни, какие мы будем строить на востоке. Такая деревня будет включать от 30 до 40 хозяйств. Каждый крестьянин получит до 300 акров земли, в зависимости от качества почвы. В любом случае, мы создадим класс финансово крепких и независимых землевладельцев» (7). Предполагалось и участие европейцев в разделе богатой добычи: «Мы не станем ограничиваться одними немцами, мы призовем представителей германской расы из всех стран — норвежцев и шведов, голландцев и датчан. Где бы ни нашлись юные и предприимчивые элементы, мы пообещаем им лучшие земли на востоке и полную защиту их собственности» (8).

Если же людских ресурсов Германии и всей Европы не хватит

для заселения «освобожденных» от нас территорий, Гиммлер в секретном обращении к офицерам СС в Познани 4 октября 1943 года предусматривал дополнительные меры: «Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, мы примем. При необходимости сделаем путем похищения их детей и воспитания в нашей среде. Процветают ли нации или погибают голодной смертью, подобно скоту, меня интересует лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса. Погибнут ли от истощения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых окопов или нет, меня интересует лишь в том смысле, отроют они эти окопы для Германии или нет...» (9) В общем, такой себе экономический расчет.

Явной ошибкой советских лидеров стала недооценка алчности новоявленных хозяев Европы. Возможно, Советы идеализировали деловой подход как бы умеющих считать деньги немецких капиталистов. Ведь экономически война Германии не была выгодна. По советско-германскому пакту при минимальных материальных затратах и без всяких людских потерь немцы получали столько же, сколько позже при оккупационном режиме; к тому 80-90% продовольствия, собранного на Востоке, потреблялось самой воюющей немецкой армией. Не говоря уже о людских и материальных потерях. Немецкий дипломат Эрнст фон Вайцзеккер совершенно резонно отмечал мотивы взвешенного поведения СССР накануне войны: «Очевидно, Россия думала, что для Германии, находившейся в трудном положении, неразумно открывать второй фронт и игнорировать такой положительный для нее фактор, как нейтральная Россия, снабжавшая ее сырьем» (10). Но кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума и — вспомним Макиавелли — чувства меры.

В первые же дни Великой Отечественной войны перед пропагандистскими службами Третьего рейха стала задача очевидную экономическую пользу от нейтралитета Германии подменить идеологической выгодой от вторжения в Советскую Россию. Грандиозное сражение в пропагандистском отражении представлялось битвой двух образов жизни, двух цивилизаций. С точки зрения геббельсовской пропаганды начальный тезис определялся следующим образом: «Только решение фюрера нанести своевременный удар спасло нашу родину от вторжения этих недочеловеков и спасло наших мужчин, женщин и детей от тех невыразимых ужасов, которые им предстояли, если бы стали их добычей» (11). Хотя, на самом деле, Гитлер говорил диаметрально противоположное, что засвидетельствовал в своем «Военном дневнике» Франц Гальдер: «30 марта 1941 года, большое совещание у фюрера:

«Борьба против России. Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть социалистическими государствами, но без собственной интеллигенции. Не следует допускать, чтобы у них образовалась новая интеллигенция. Здесь будет достаточно лишь примитивной социалистической интеллигенции... Это война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания» (12). И «пожертвовали», добавлю я от себя.

Незадолго до начала агрессии против СССР в войска поступил приказ верховного командования, который отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях над гражданским населением, и передавал наложение наказания на усмотрение непосредственных начальников и командиров. Например, для лейбштандарта (личной гвардии фюрера) «Адольф Гитлер» были изданы особые приказы, суть которых сводилась к девизам «Пролома русским череп, и ты обезопасишь себя от них навек!», «Ты безграничный властелин в этой стране! Жизнь и смерть населения в твоих руках!», «Нам нужны русские пространства без русских!» (13)

А гитлеровские интеллектуалы на своих политзанятиях изъяснялись без излишнего солдафонства, зато и менее абстрактно: «Борьба за народность — это не что иное, как продолжение войны другими средствами под маской мира. Она ведется не с помощью газов, снарядов и пулеметов — это борьба за дом и двор, за школу и душу детей. Это борьба, длящаяся поколениями, с единственной целью — истребление». (Теодор Оберлендер, учебные материалы для программы «Германский Восток») (14).

Для массового германского радиослушателя те же истины доносились в более обтекаемой форме, сформулированной популярными комментаторами: «Письма, доходящие до нас с фронта от представителей рот пропаганды и солдат, находящихся в отпуске, свидетельствуют о том, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого. Не одно мировоззрение — против другого, а культура, цивилизация и человеческая порядочность сопротивляются дьявольским принципам мира "недочеловеков"» (15).

Итак, по мнению нацистской пропаганды, сражение шло между двумя несочетаемыми цивилизациями, и официальное мнение в целом разделялось немецким народом. Косвенно подтверждает наличие консенсуса в германском обществе то, что начало войны с СССР было встречено положительно целым рядом церковных деятелей Германии. Так, руководящий орган Германской евангелистской церкви отправил

30 июня 1941 года Гитлеру благодарственное послание: «Собравшись первый раз после начала решающей борьбы на Востоке, Духовный совет... в эти захватывающие бурные часы вновь заверяет Вас, наш фюрер, в неизменной верности и готовности к действию всего евангелистского христианства рейха. Вы предотвратили большевистскую опасность в собственной стране и теперь призываете наш народ и народы Европы к решающему походу против смертельного врага всего порядка и всей европейской культуры. Германский народ и с ним все его христианские члены благодарят Вас за это Ваше дело» (16).

Даже выделявшиеся своей активной борьбой с нацистской идеологией католические архиепископы, мюнстерский Гален и фрейбургский Гребер, теперь направляли острие своих выступлений против угрозы большевизма, призывая германских солдат на фронте вести борьбу против безбожия и коммунизма.

Сараджоглу, министр иностранных дел Турции, после начала ВОВ, пронизательно заметил: «Это не война, это крестовый поход!» (17) И действительно — по сути, Гитлер объединил Западную Европу в Крестовый поход против русских — во имя идеологических целей, которые маскировали вековые экономические интересы Германии.

Благими намерениями выложена дорога в ад. 15 января 1943 года Гитлер не побрезговал изложить свои мысли о будущем Европы, и поверьте, рассуждал он о нем вполне здраво. Европейская империя, полагал фюрер, примет форму конфедерации свободных государств, включая Великую Германию, Венгрию, Хорватию, Словакию, Голландию, Фландрию, Валлонию, Люксембург, Норвегию, Данию, Эстонию, Латвию и Литву. Эти страны станут самоуправляющимися, но объединенными единой европейской валютой и единой администрацией, курирующей внешнюю политику, полицию и армию, в которой различные нации представлены национальными формированиями. Торговые отношения в конфедерации станут регулироваться особыми договорами. Германия, как экономически сильнейшая страна, пойдет на уступки, чтобы создать условия для развития более слабых стран. Если другие государства захотят присоединиться к империи, это будет только приветствоваться, однако союз будет заключен лишь в том случае, если три четверти населения империи выскажутся «за» в ходе тайного голосования (18). Собственно, все вышеперечисленное мы видим в нынешнем устройстве Евросоюза, многие государства которого еще тогда помогали Гитлеру строить объединенную Европу. И кто же эти счастливицы?

Когда мы говорим о союзниках Гитлера в деле создания нового европейского устройства, нельзя не вспомнить его предтечу, зодчего

фашистской Италии Бенито Муссолини. Именно Муссолини явился тем человеком, который подарил миру слово «фашизм», и многие его наработки в области пропаганды и работы с общественным мнением стали примером для начинающего политика Адольфа Гитлера. Однако, в отличие от немецкого фюрера, дуче пользовался определенной популярностью и среди либеральной интеллигенции. Так, сам Зигмунд Фрейд подарил Муссолини в 1933 году свою книгу, назвав в посвящении дуче — ни много, ни мало — «Героем Культуры» (19).

Гитлер относился к Муссолини со смешанным чувством зависти и действительного дружеского участия. Он даже решил, что берлинской площади Адольфа Гитлера после ее перестройки будет присвоено имя Муссолини. «Я уже набросал эскиз памятника Муссолини», — поделился он творческими планами со Шпеером. Не отставал в комплиментах и итальянский диктатор. Летом 1937 года в Мюнхене Муссолини после приятельской встречи с Гитлером и — к тайному удовольствию огромного множества людей — произвел фюрера в почетные капралы фашистской милиции. Дуче явно не подумал, что подобное награждение лидера дружественного государства может иметь двоякий смысл.

Муссолини вступил во Вторую мировую войну позже, нежели Германия, наслаждаясь ролью человека, за которым ухаживали все противоборствующие силы Европы. Итальянцев, которые в последней фазе войны с Францией выступили на стороне Германии, немецкая общественность расценивала как «захребетников». Однако, понимая роль наличия союзников для внутренней и внешней германской пропаганды, Геббельс распорядился поставить дело так, будто Италия до сих пор не вступала в войну лишь по стратегическим соображениям фюрера. «Несколько чиновников из МИДа уполномочили отправиться в итальянское посольство, чтобы выразить нашу радость в связи с появлением «нового помощника в сборе урожая», как говорили в Берлине, и принять мощные аплодисменты толпы, собравшейся вместе с Геббельсом перед посольством» (20).

Однако радость обретения боевого союзника длилась недолго. Итальянцы потерпели сокрушительное поражение от англичан в Ливии. Причем разгром итальянцев в Северной Африке в 1940 году носил прямо-таки позорный для них характер. Они сдавались в плен толпами, и часто не дожидаясь начала боевых действий. Например, английский 1-й полк королевских фузилеров наступал на позиции итальянцев, гоня перед собой футбольный мяч. Один британский командир не без юмора сообщил, что захватил «5 акров офицеров и 200 акров рядовых» (21).

Но если об альянсе держав Оси — Германии и Италии — знает любой, интересующийся историей Второй мировой войны, то вопрос

«Войска какого именно государства приняли первыми участие в качестве союзника фашистской Германии?» может вызвать недоумение. А первыми товарищами Гитлера по оружию стали неприметные и тихие словаки, совместно с Германией напавшие на Польшу в сентябре 1939 года. Независимая Словакия незадолго до того возникшая на руинах Чехословацкой республики, ухватила свой кусок от поверженной Польши, заслужив его боевыми действиями против северного соседа.

Вместе со Словакией не упустили своего шанса полакомиться польским трупом и венгры, возглавляемые регентом государства адмиралом Хорти⁵⁴. Эти партнеры Германии в строительстве объединенной Европы отличались феноменальной жестокостью. При истреблении мирного населения в Нови Саде (Югославия) венгры не пользовались немецкими «технологиями» массовых убийств, предпочитая топить обреченных людей в Дунае. Радует лишь то, что 13-я венгерская дивизия, учинившая эту расправу в январе 1942 года, через несколько месяцев была переброшена на Восточный фронт, где ее почти полностью уничтожили советские войска.

Вообще, после поражения под Москвой вермахт отчаянно нуждался в пушечном мясе, чтобы компенсировать свои потери, которые к концу зимних боев 1941/42 года составили 1 167 835 человек, исключая больных. Верховное командование обратилось к союзникам Германии за дополнительными войсками. Кейтель спешно направился в Бухарест и Будапешт, в надежде набрать румынских и венгерских солдат для приближающейся летней кампании. Геринг, а затем и сам Гитлер обратились к Муссолини за итальянскими формированиями. Верховное командование рассчитывало иметь 52 союзнических дивизий для летнего наступления — 27 румынских, 13 венгерских, 9 итальянских, 2 словацких и 1 испанскую. Из 41 свежей дивизии, которые должны были усилить южный фланг Восточного фронта, где предстояло наносить главный удар, половину (21 дивизия) составляли венгерские, румынские и итальянские соединения (22). Причем из-за того, что венгры и румыны ожесточенно враждовали друг с другом, то в промежутке между ними командование разместило итальянскую армию.

Вражда венгров и румын вытекала из предыдущего раздела Румынии, кусок которой, наряду с прочими территориальными приобретениями, Венгрия обеспечила через Трианонский международный арбитраж при поддержке Гитлера. Тогда же от Румынии оторвали свои куски добычи и Советский Союз и Болгария. Пройдя через национальное унижение,

⁵⁴ Морским адмиралом сухопутной Венгрии Хорти стал еще во время Австро-Венгерской монархии. Когда-то при дворе императора Франца-Иосифа Хорти был адъютантом императора, а во время Первой мировой войны он стал героем военного флота Австро-Венгерской монархии.

румыны серьезно относились к делу и воспринимали битву на востоке как свою войну. А потому симпатии немецких военных склонялись больше на сторону румын, нежели венгров.

Но вояками они оказались теми еще. Маршал артиллерии Николай Воронов, участвовавший в присоединении Бессарабии к Советскому Союзу, так вспоминал румынских офицеров, с которыми ему пришлось столкнуться в этом походе: «Впервые в жизни мне встретились королевские офицеры-щеголи с подведенными бровями и ресницами, напудренными и подкрашенными лицами, а у одного была даже черная мушка на щеке. Персонажи из оперетты и только!» (23) В трагические первые дни начала Великой Отечественной войны, когда на других фронтах советские части откатывались под чудовищным напором вермахта, на советско-румынском фронте пограничники, моряки Дунайской флотилии и армейские части не только удерживали государственную границу, но и высаживали десанты на румынскую землю. Так что сталинский тезис о войне на чужой территории кое-где частично выполнялся.

Человеколюбцами румынские оккупанты также себя не проявили. После взрыва, уничтожившего 22 октября 1941 года штаб румынских войск в Одессе, Антонеску приказал расстрелять за каждого убитого офицера — 200, за каждого солдата — 100 евреев (всего по этому приказу убиты 25 тысяч одесских евреев). Кроме расстрельных художеств, в захваченных Румынией областях румынский язык вводился в качестве официального и обязательного для изучения в школах, а на занятые земли направлялись переселенцы (24).

Ну и совсем уж фантастическим зверьем считались хорватские усташи. Они могли, скажем, в качестве отчета о работе прислать немцам двадцать килограмм человеческих глаз. Усташский палач Йосо Орешкович вспоминал на суде: «Наши командиры приказали нам отобрать 200 заключенных, отвести их к морю и уничтожить. Я и некоторые мои товарищи не могли этого сделать. Нас ругали, высмеивали. Какие же, мол, вы хорваты и усташи. Говорили, что тот не усташ, кто не может с улыбкой убить серба, еврея и коммуниста. Чтобы приобщить нас к убийствам, нам, юношам, давали вино и ликер. Подводили к нам девушек из числа заключенных, раздевали их догола, говорили, что мы можем взять любую, но после полового акта должны убить ее. Так, некоторые юноши, опьяненные вином и страстью, начали убивать» (25).

Воевали хорваты охотно, и когда командование объявило набор добровольцев на Восточный фронт, рассчитывая набрать максимум 3900 добровольцев и сформировать один полк, на призывные пункты явились 9000 мужчин. Немецкие фронтовики отмечали почти детскую

любовь хорватов к различным воинским наградам: «Награды посылали хорватам воздушным путем, даже когда окруженные войска Паулюса умирали от голода. Но, несмотря на чрезмерную любовь к побрякушкам, воевали хорваты хорошо» (26). Такие вот сентиментальные убийцы.

Из иностранных оккупантов, вторгшихся на советскую территорию, еще стоит отметить финнов, которые в нашей историографии считаются чуть ли не пострадавшим народом. Действительно, поскольку немцы вели активные боевые действия с территории Финляндии, советское командование нанесло массированный удар по финским аэродромам. Ожидаемых ударов советские авианалеты не дали, но именно это позволило финнам объявить себя жертвами советской агрессии. «Финляндия якобы захватила лишь те территории, которые были ею утрачены в ходе советско-финской войны. На самом деле они пошли значительно дальше потерянных территорий. В захваченной советской Карелии финны создали целую сеть концлагерей, в которые отправили едва ли не все русское население, включая детей» (27).

Любопытно, что даже после того, как Италия, Венгрия и Румыния вышли из союза с Германией и объявили ей войну, многие итальянские, венгерские и румынские части продолжали сражаться на стороне нацистов, а хорваты так вообще прекратили сопротивление даже позже немцев.

Стремление европейской молодежи избавиться от европейской разобщенности народов немецкая пропаганда использовала в своекорыстных политических целях. Юнцы из разных концов континента стали пешками в грандиозной пропагандистской игре под названием «Объединенная Европа против азиатских варваров», которую затеял Геббельс.

Откуда же такая нелюбовь к далеким заснеженным большевикам? Гиммлер, рассуждая о поверженных Германией странах Запада, утверждал: «Их собственные войска были разбиты в 1940 году. Поражение ошеломило их. Достаточно было поговорить с бельгийскими, голландскими и французскими офицерами в те дни. А сейчас поражение забыто, потому что мы дали им новую цель — борьбу Европы с большевизмом» (28). Другой нацистский функционер, Бергер, подхватывал эту мысль: «Признание того факта, что они сражаются за Европу, обеспечит им нравственную цель и почетный статус» (29).

И надо сказать, обработка в соответствующем духе огромных масс западноевропейцев нацистским агитаторам вполне удалась. Зарисовка из фронтовых воспоминаний, датированная 20 июля 1942 года: «Шейх спросил их без обиняков: почему это они, бельгийцы, добровольно пошли на Восточный фронт? Они, казалось, были удивлены, что он

задал этот вопрос. — Почему мы здесь? — переспросили они. — Ну, это же очевидно: чтобы не допустить приближения большевизма к нашей Родине! Разве вся Европа не старается этого добиться изо всех сил?» (30) В конце концов, Гиммлер смог сообщить своему фюреру, что «в ваффен-СС служит уже почти 50 тысяч голландцев и все больше фламандцев, французов, датчан, шведов, испанцев и швейцарцев. Это доказывает, какое распространение получила идея об объединенной германской Европе». Фюрер выразил, естественно, по данному поводу большое удовлетворение.

Почему именно СС? Дело в том, что вермахт считался армией собственно Германии, поэтому там, с юридической точки зрения, могли служить только граждане рейха. А войска СС формально являлись волонтерскими формированиями. Итого в ряды легионов СС вступили, причем в большинстве своем вполне добровольно, 38 000 бельгийцев, 11 300 датчан, 20 000 итальянцев, по одной тысяче испанцев, болгар и финнов, 3000 албанцев, 5000 румын, 15 000 сербов, 8000 французов, 22 000 голландцев. Кроме этого, были сформированы две хорватские и одна венгерская дивизии СС (31). После войны в советском плену оказалось 464 147 представителей объединенной Европы — французы, бельгийцы, чехи и многие представители прочих, вроде бы не воевавших с нами наций (32).

Тем не менее, несмотря на широко декларируемую европейскую общность народов, браки между немцами и иностранцами считались нежелательными, и даже дипломатов, имевших жен иностранного происхождения, вынуждали уходить со службы. Лишь для жителей северных «нордических» народов делались определенные послабления. Так, в Норвегии и Дании почти каждый десятый солдат имел возлюбленную из числа местного населения. После войны только в Норвегии от подобной связи родилось около 9 тысяч детей. А с июля 1942 года норвежские и голландские молодые матери, засвидетельствовавшие немецкое отцовство своего ребенка, могли пользоваться особыми условиями проживания и обслуживания. Это касалось выплаты денежного пособия, размещения в клиниках и больницах, поиска более привилегированной работы.

Развивалось сотрудничество европейских союзников и в других, менее интимных сферах. Например, в немецком Гармиш-Партенкирхене, известном тем, что в нем проходили последние довоенные зимние Олимпийские игры, в феврале 1940 года состоялись соревнования по зимним видам спорта, в которых участвовали страны-сателлиты Германии. Еще один прекрасный информационный повод показать народам привлекательное лицо Европы, объединенной под немецким руководством.

Подобной цели служили не только спортивные соревнования, но и вполне конкретные хозяйственные проекты. В той же Болгарии в рамках экономического сотрудничества две деревни были перестроены по германским планам в качестве образца сельскохозяйственного производства.

Использовались и информационные мощности стран-сателлитов. В рамках психологической войны они выдавали скоординированный с ведомством Геббельса информационный продукт. В качестве примера можно привести акцию радио Виши, которое 2 июня 1944 года опубликовало обращение фиктивного «Подпольного союза советских офицеров»: «Солдаты и офицеры Красной армии! Граждане СССР! Продолжение войны неизбежно ведет к катастрофе. Наши союзники, англичане и американцы, хотят, чтобы война между Германией и Россией тянулась как можно дольше, чтобы обе стороны ослабели, а силы американцев и англичан оставались нетронутыми. Подпольный союз советских офицеров призывает свергнуть сталинскую тиранию и сформировать новое национальное правительство, которое немедленно подпишет договор с Германией» (33).

Кроме неустанных хлопот о судьбах объединенной Европы немецкие пропагандисты не прекращали серьезную работу и с представителями мусульманского мира. В начале 1943 года Геббельс выпустил предписание «Об обращении с европейскими народами», в котором запретил пропагандистам «прямо или косвенно унижать представителей восточных народов и оскорблять их чувство собственного достоинства»: «Нельзя квалифицировать этих людей — представителей восточных народов, которые надеются на свое освобождение с нашей помощью, как бестий, варваров и т. п., и после этого ожидать, что они будут заинтересованы в победе Германии» (34). Очевидец вспоминал: «Был издан строгий приказ, в котором говорилось, что кавказские народы — наши друзья и что обращаться с ними следует соответствующим образом при любых обстоятельствах, даже в мелочах. Предпринимались и немалые усилия пропагандистского характера для налаживания взаимопонимания и — за малым исключением — с неизменным успехом» (35).

Немцы уделяли большое значение изучению и пониманию обычаев мусульманских и, в частности, кавказских народов, налаживанию доверительных отношений с ними: «В полученной нами памятке о поведении при контакте с местными жителями особо подчеркивалась необходимость воздерживаться от выражений похвалы. Если вы скажете кавказцу: «Какие на вас красивые шаровары!» или «Что за чудесный конь!», то владелец шаровар или коня тотчас же подарит вам

понравившийся предмет, каким бы он дорогим ни был, разумеется, ожидая от вас равноценного подарка. Сначала, читая инструкцию, мы много смеялись, но потом неоднократно вспоминали о ней с искренней благодарностью» (36).

Личный врач Гимлера Феликс Керстен в своих широко известных мемуарах свидетельствовал и о других методах работы с мусульманскими ополченцами, для чего немцы активно использовали религиозный фактор: «Мы вступили в контакт с верховным муфтием Иерусалима и нашли с ним общий язык. Набор добровольцев ведет исключительно мусульманское духовенство. Сейчас в каждой роте есть свой аман, а в каждом полку — свой мулла, священники с офицерским чином. Верховный муфтий лично инспектирует их. Эти визиты оказывали колоссальный эффект, так как борьба с Тито и коммунистами для мусульман стала священной войной. Их войска такие же стойкие, как лучшие немецкие дивизии в начале войны. Свое оружие они считают священным. Его винтовка всегда должна быть рядом с ним, даже когда он на операционном столе» (37).

Мусульманские формирования использовались в основном для борьбы с сербскими партизанами. В результате немецкой оккупации погибло около 1,5 миллиона сербов, то есть каждый пятый серб сгинул в боях против немцев, русских охранных отрядов и казаков, либо от рук боснийских мусульман и хорватских фашистов-ушастей. Так засевались зубы дракона, взошедшие кровавым урожаем уже в наше время в странах бывшей Югославии.

Кроме общеевропейского альянса народов, возглавляемого Германией, всемирное значение рейха в глазах общественности подчеркивалось и наличием ее, можно сказать, «заокеанских» союзников. Стремясь отвлечь немцев от бедственного положения армий вермахта в России, нацистский пропагандистский аппарат сосредоточился на рекламе растущей военной мощи Японии, которая в середине декабря 1941 года довольно успешно включилась в войну против США. Франклин Рузвельт в своем обращении к нации обратил внимание американцев на то, что «Адольф Гитлер никогда не считал господство в Европе самоцелью. Покорение Европы было для него только ступенью к осуществлению агрессивных планов в отношении всех других континентов» (38). И действительно, фюрер мыслил глобально, на много лет вперед — он не исключал в будущем даже военного столкновения со своим нынешним японским союзником где-нибудь в азиатских степях. Ну, а пока все тот же Геббельс, в своем интервью японским журналистам, от имени всего народа Германии отдал японцам дань искреннего уважения за их труды по преобразованию Восточной Азии, а победы Японии в немецкой

печати стали приравнивать к победам Германии, поскольку означали поражение Британии или Америки.

Но вернемся в Восточную Европу. Принимая во внимание трудности, создаваемые партизанской войной и яростным сопротивлением советских войск, можно сказать, что немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке не смогли бы продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не помогала немецким войскам. Конечно, в первую очередь стоит отметить население прибалтийских республик — Литвы, Латвии, Эстонии, вплоть до того, что литовцы, латыши и эстонцы сами трудолюбиво уничтожили своих евреев. Например, подразделение латвийской вспомогательной полиции, известное как команда Арайса, расстреляло в Латвии около 26 тысяч евреев. Вот характерное свидетельство казней в Рижском гетто: «Несчастную вели за ворота, заставляли копать неглубокую могилу. Затем она становилась на колени, и ей стреляли прямо в затылок. Но часто стреляли прямо над ухом, чтобы оглушенная женщина падала в могилу, карабкалась наверх и вновь становилась на колени» (39). Теперь даже некоторые мои знакомые считают этих подонков борцами за независимость.

На стороне нацистской Германии в общей сложности сражались до 40 тысяч латышей, из них 20 тысяч в добровольческих формированиях войск СС. 10 тысяч латышей немецкое командование отметило Железными крестами I и II степеней (40).

Прочие «борцы за независимость», такие как 2-й литовский батальон под командой Антанаса Импулявичуса в Минске уничтожил около 9 тысяч советских военнопленных, а в Слуцке — 5 тысяч евреев. Литовская милиция в количестве 335 человек также принимала участие при подавлении восстания в Варшавском гетто и служила охранниками концлагеря Майданек (41).

По мере укрепления нацистского режима со всеми его строгостями, искренняя готовность местного населения помогать «освободителям» в истреблении евреев и большевиков сменяется в прибалтийских республиках разочарованием: «Литцманн рассказал мне, с каким энтузиазмом встречали в Эстонии немецкие войска. Каждый эстонец демонстрировал свою благодарность и приветствовал их как освободителей. Это продолжалось долго, но затем партийное руководство добилось того, что отношение эстонцев изменилось: друзья превратились во врагов. Издаются приказы — и каждый суровой, чем предыдущий. Теперь эстонцы говорят: "Немцы ничуть не лучше русских"» (42).

Да и русские попадались разные, те же белоэмигранты. В 1935 году

русская эмиграция в Германии насчитывала от 80 до 100 тысяч человек, и, конечно же, многие из них, озлобленные на советскую власть, изъявили готовность воевать на стороне немцев. Пропаганда настойчиво убеждала их, что Гитлер всего лишь желает освободить Россию от большевизма. Например, в боевых действиях на Балканах активное участие принимали русские казахи и охранные отряды. Нацистские пропагандисты выпускали даже журнал «На казачьем посту», который издавался для всех казаков, воевавших на стороне Германии, и к ноябрю 1944 года вышло 37 номеров этого издания. Разумеется, об истинных целях нацистов, а именно расчленении великого Российского государства в нем не писалось. Более того, Директива начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил по вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз от 6 июня 1941 года прямо указывала: «...пропаганда должна вообще способствовать распадению Советского Союза на отдельные государства. Но на первом этапе вести ее по этой линии не следует. Правда, в различных частях страны немецкие органы пропаганды должны пользоваться тем языком, который здесь наиболее употребителен; однако отдельные пропагандистские материалы не должны преждевременно привести население к мысли о нашем намерении расчленить Советский Союз» (43).

Собственно, нацисты так и работали с представителями наиболее многочисленных народов, попавших под их пяту на оккупированных территориях Советского Союза, — белорусами и украинцами. Так, чтобы усилить влияние националистических и сепаратистских элементов в Белорусской церкви, нацисты привезли на оккупированную территорию белорусских националистов (частично православных) из Польши, Чехословакии, Германии. И не без их ведома происходил геноцид белорусского народа, в результате которого погиб каждый четвертый белорус, — почти 2,5 миллиона человек. Сам же геноцид осуществлялся в основном под видом борьбы с партизанами в ходе карательных акций немцев, прибалтийских и украинских частей.

Всерьез о борьбе против большевизма говорят сегодня и те, кто утверждает, что украинские националисты на самом деле сражались за независимость Украины, якобы используя в своих интересах гитлеровскую Германию. Ситуативные союзники Гитлера, помогавшие ему очищать Западную Украину от Советов и евреев, скорее всего не знали о существовании плана «Ост», в котором дословно говорилось следующее: «... б) К вопросу об украинцах. По плану Главного управления имперской безопасности на территорию Сибири должны быть также переселены западные украинцы. При этом предусматривается депортация 65 процентов населения; в) К вопросу о белорусах.

Согласно плану предусматривается выселение 75 процентов населения с занимаемой ими территории». И о прочих славянах: «К вопросу о чехах. 3,5 миллиона, не предусмотренных для онемечивания, должны быть постепенно удалены с территории империи. Следует подумать о том, чтобы переселить этих чехов в Сибирь, где они растворятся среди сибиряков, и тем самым будут способствовать дальнейшему отделению сибиряков (? — К.К.) от русского народа» (44).

От того, что полуграмотные националисты не знали об истинных намерениях Гитлера по отношению к собственному и другим народам, их вина не становится меньше. Тем более, что на местах нацистские правители были куда более откровенны, нежели берлинские небожители. 5 марта 1943 года рейхскомиссар Украины Эрих Кох во всеулышание заявил в Киеве: «Мы пришли сюда не для того, чтобы осыпать их (украинцев. — К.К.) манной небесной. Мы пришли сюда, чтобы заложить основы победы. Мы — раса господ и должны помнить, что последний немецкий труженик в расовом и биологическом отношении представляет в тысячу раз большую ценность, чем местное население» (45). Даже немецкие мемуаристы признавали: «Мы не только не привлекли на нашу сторону миллионы украинцев, которые, безусловно, помогли бы перевесить чашу весов на Востоке в нашу пользу, а, напротив, сделали все, чтобы оттолкнуть их и разочаровать. Вместо национальной независимости и свободы немцы принесли еще более тяжелое ярмо. Мы стали вести себя как балтийские феодальные бароны, сметенные Октябрьской революцией» (46). Так вот, мы должны не забывать, кто усердно помогал этим новоявленным баронам, а памятуя, не простить.

Вообще, на украинцев у нацистского руководства имелись особые планы. Во время оккупации Польши при проведении антипольских акций тамошний губернатор Франк стремился активно опираться на украинских националистов. Газета «Последние новости» (26.04.1940) в статье «Гитлер и Украина» свидетельствовала: «Украинская национальность объявлена привилегированной на территории, занятой немцами. Весь остаток прежней Малопольши объявлен официально украинской землей. Здесь восстановлен украинский желто-голубой флаг, и все управление передано украинцам. Создана украинская полиция, на которую местное население смотрит как на «кадры будущей украинской армии» (47). Но при этом Франк не забывал предостерегать, что украинцы «хотя и друзья, однако не близки немецкому народу» (48).

Именно на территории оккупированной Польши немцы сформировали специальный отряд «Нахтигаль» («Соловей»), приданный 1-му батальону дивизии «Бранденбург». «Домашнее войско Канариса» (как его называли в Абвере) в 1940 году стало полком, в 1942-м —

дивизией. «Бранденбург» задумывался как диверсионный отряд из лиц, хорошо знавших язык и обычаи страны, против которой готовилась агрессия. 1-й батальон предназначался для «Восточного театра военных действий», 2-й (эльзасцы, бельгийцы, французы и голландцы) — для Запада, 3-й — проводил операции в Юго-Восточной Европе (49).

Позже из «Нахтигалья» и «Роланда» нацисты сформировали 201-й батальон, на кровавом счету которого, кроме десятков белорусских хуторов и деревень, волынское село Кортелисы, где было расстреляно 2800 жителей.

Надо сказать, советская власть, утвердившаяся в Западной Украине и Белоруссии, многое сделала для того, чтобы зерна недовольства проросли и дали обильный урожай массового сотрудничества с немецкой оккупационной администрацией. После объединения этих земель с БССР и УССР атмосфера в Западной Белоруссии и Западной Украине стала меняться к худшему, что связано с решением Сталина провести ускоренную советизацию новых территорий. Началось раскулачивание, насильственная коллективизация, ликвидация частных предприятий и кустарных мастерских.

Особенно ударило по местному населению то, что рубль приравняли к польскому золотому, который в действительности котировался куда дороже. Цены на многие товары в Советском Союзе были гораздо выше, чем в западных областях. Скажем, наручные часы в Москве стоили 300-400 рублей, а во Львове — 30 злотых. Аналогичный разрыв существовал и на другие предметы. В итоге буквально за несколько недель полки в западноукраинских магазинах опустели. Наши офицеры и работники различных советских ведомств скупали все, что в Москве являлось дефицитом. Цены подскочили до небес, а заработная плата у местного населения оставалась прежней и выплачивалась в злотых.

Все это, естественно, вызвало протесты. Вспыхнули студенческие демонстрации. Недовольство носило главным образом экономический характер. Но «компетентные» органы, возглавляемые бериевским сатрапом генералом Серовым, объявляли стихийные протесты контрреволюционными акциями. Начались аресты, жестокие расправы с участниками демонстраций, депортации, еще больше обострившие ситуацию. Стала обычной практикой, когда советские органы госбезопасности занимали в освобожденных районах помещения бывшей жандармерии, что многим украинцам и белорусам, ненавидевшим секретную службу панской Польши, представлялось особенно зловещим (50).

В результате, после вторжения немецкие солдаты оказались даже слегка удивлены тем горячим приемом, который оказывали им

западноукраинцы: «Как только местные жители заметили, что я стараюсь установить с ними контакт, сотни мужчин и женщин обступили меня. Интеллигентного вида юноша ухватил меня за рукав: «На протяжении многих лет мы, украинцы, страдаем и умираем, — сказал он. — Теперь мы можем расквитаться. От вас, немцев, нам ничего не нужно, мы же готовы на все. Дайте нам только винтовки и боеприпасы». Волнуясь, юноша произнес последние слова по-украински, и толпа мгновенно дружно подхватила: "Пушек! Пушек!"» (51)

В глазах местного населения советская власть неразрывно ассоциировалась с еврейскими элементами, а потому, наряду с традиционными народными предубеждениями, публичные проявления антисемитизма стали просто демонстративными. Осенью 1941 года в сообщении оперативной команды СС об уничтожении 229 евреев в г. Хмельник докладывалось также о том, что «население города с таким энтузиазмом восприняло весть об избавлении от них, что отслужило благодарственный молебен» (52). Полагаю, именно подобные изъявления искренней радости дали возможность одному из рейхскомиссаров утверждать в своем отчете за 1942 год, что «пространство «Украина» никогда за последнюю тысячу лет не управлялось так справедливо, великодушно и современно, как при великогерманском национал-социалистическом руководстве» (53).

Какие же еще примеры «великодушия» можно припомнить? Ну, например, в интеллектуальной столице Галичины Львове, который германские войска заняли 30 июня 1941 года, уже на следующий день тысячи проживавших в городе евреев были согнаны украинцами в немецкой форме во двор тюрьмы и почти все там расстреляны. Митрополит Андрей Шептицкий вспоминал, что на исповеди один молодой человек признался ему, что «однажды во Львове он лично убил 75 человек» (54).

Немецкий очевидец трагических событий — директор строительной фирмы на Украине Герман Грабе — 5 октября 1942 года в украинском городе Дубно стал свидетелем того, как солдаты при содействии местных полицейав устроили массовую казнь пяти тысяч евреев. «Без криков и плача люди раздевались, собирались семьями, целовали друга друга, прощаясь. Какая-то старая женщина с белыми как снег волосами держала на руках годовалого ребенка, развлекала и веселяла его. Ребенок что-то лепетал от удовольствия. Родители со слезами на глазах смотрели на своих детей. Отец мальчика лет 10 держал его за руку и что-то тихо говорил. Мальчик изо всех сил старался не заплакать. Отец показывал на небо, гладил его по головке и, казалось, что-то ему объяснял. Я хорошо помню одну девушку, тоненькую, черноволосую. Проходя мимо меня, она сказала: «Мне двадцать три года». Я обошел вокруг насыпи

и увидел перед собой огромную могилу. Люди плотно лежали друг на друге рядами. Видны были только головы. Почти у всех кровь стекала из головы на плечи. Некоторые еще шевелились. Котлован был заполнен примерно на две трети...» (55)

По ходу военных действий озлобление сторон только нарастало. В 1943 году в результате наступления советских войск значительная часть украинского духовенства, поддержавшего оккупационный режим (Украинская автокефальная церковь), эвакуировалась в западную часть республики, где началась открытая межцерковная борьба. Причем бандеровцы развернули кампанию террора против прорусски настроенных священников. 7 мая 1943 года украинские националисты убили митрополита Алексия, а в августе захватили и повесили в лесу епископа Владимиро-Волинского Мануила. В течение лета 1943 года только на Волини были убиты 27 священников. В некоторых случаях казнили и членов их семей (56).

О серьезнейших проблемах, с которыми сталкивались советские войска на территории Западной Украины, свидетельствует и военный дневник корреспондента «Правды»: «Вчера долго разговаривал с Коробовым (коллега автора дневника. — К.К.). Он вернулся из партизанского отряда Ковпака. Рассказывает про украинских националистов: «Сначала лизали жопу немцам. Потом увидели, что никакой самостийной Украины немцы им не дадут. Обиделись. Ушли в полуподполье. Так как гнили по натуре, то просто страдают без предательства, и чуть что узнают — продают немцам. Но играют в оппозицию. Вот мерзкие бляди!» (57) Или другая запись из того же источника: «7 апреля 1944. Пеккерман недавно летал в Ровенскую область. Рассказывает, что там шайки по 1000-1500 человек. Пришлось выделить войска на охрану коммуникаций. Борьба с ними ведется и мечом и разложением. Блядское население кое-где поддерживает бандитов. Сейчас там проводится призыв. В одном селе надо было призвать 250 человек. 30 пришли сами, 220 привезли с автоматчиками. Вот гады!» (58)

Выразительный язык военных дневников используется их автором не только по отношению к украинским националистам: «20 декабря 1944. Поляки бьют воеву. Стреляют из-за угла. Банды. Нападают на небольшие гарнизоны. Если пьяный пойдет ночью — укокошат наворачья. Оглушают (стрелять — переполах) и утаскивают добивать» (59).

Летом 1944 года боевики Армии Крайовой вырезали в городе Минске-Мазовецком наш госпиталь, убив 200 раненых и весь персонал (а в госпиталях он был по большей частью женским). Почему бы вечно скорбящим о своей нелегкой судьбе полякам не снять высокохудожественный фильм об их очередном национальном

подвиге — убийстве беззащитных медсестер? (60)

Мы освободили Польшу — самую пострадавшую, если не считать нас, оккупированную нацистами страну. И что же? Оказалось, что у нас вместе с немцами в плену в 1947 году сидело 60 280 поляков, воевавших против нас. Выяснилось, что вместе с нападшими на нас немцами мы взяли в плен 10 173 еврея в немецких мундирах, так называемых «мишлинге» (61). Сведения о захваченных в плен французах, бельгийцах и прочих уже приводились. Вплоть до того, что в составе дивизии «Нордланд», оборонявшей Берлин, числились и несколько десятков человек из английских добровольцев. Прибавьте к этому прочих официальных союзников нацистской Германии и коллаборационистов всех мастей, и мы получим удивительную картину многонационального нашествия, связанного единой целью захватить территории к востоку от традиционной Европы, спаянного общей пропагандистской риторикой и воинским командованием.

Воистину, Великая Отечественная война обернулась борьбой против общеевропейского крестового похода. Чтобы сплотить такую массу людей в едином порыве требовалась серьезнейшая подготовка и грандиозные усилия. Практическому использованию нацистской пропаганды для достижения этой цели, когда на чашу весов был брошен весь накопленный ею за долгие годы опыт обмана, муштры и дьявольской изобретательности, мы посвятим заключительный раздел нашей книги.

VII. СИЛА СЛОВА

28. Пропаганда в войсках

Колоссальной бедой для всего мира обернулась прекрасная выучка и боевое искусство солдат Третьего рейха. Но еще страшнее была их искренняя убежденность в своей правоте, воспитанная нацистским режимом за такой невероятно короткий срок. Тому имело множество причин — и предрасположенность нации к самовозвеличиванию, и последствия Версальского мира, и социальные достижения нацистского правительства. И, конечно же, планомерная пропагандистская работа, не прекращавшаяся ни на минуту — в тылу и, особенно, в армии, что помогало поддерживать ее высочайшую боеспособность. «Без сомнения, идеи диктатора, так или иначе, довели над многими. Только крошечное меньшинство солдат понимало реальное положение дел, большинство было отравлено официальной пропагандой» (1).

Гитлер придавал вопросам воинского воспитания исключительное

значение, считая себя специалистом в данной области. Говоря о военной пропаганде, он особо подчеркивал: «Задача пропаганды состоит не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту» (2). Для достижения поставленной цели в основных военных учебных заведениях, готовивших офицеров вермахта, командование организовало курсы политического обучения. На них партийные специалисты по пропаганде давали будущим офицерам необходимые навыки для проведения еженедельных политических уроков для солдат, причем, наряду с другими лекторами, перед слушателями выступали также Геббельс, Геринг и сам Гитлер.

В 1938 году дело даже дошло до формирования особого рода подразделений, призванных вести агитацию непосредственно в частях вермахта, а также обеспечивать психологическую обработку войск и населения противника. В состав «рот пропаганды», как они назывались, входили военные журналисты, фото-, кино- и радиореporterы, персонал по обслуживанию агитационных автомобилей и киноустановок, специалисты по созданию и распространению листовок, плакатов, литературы. Высшей точкой развития «рот пропаганды» стал 1943 год, когда их общая численность достигла 15 тысяч человек, со списочным составом каждой из них в 115 человек (3).

Отдельная «рота пропаганды» придавалась каждой армии. Этих же специалистов привлекали к изданию солдатских газет в местах дислокации, вроде «Солдат Атлантики», «Солдат Вестфалии», «Фронт за Полярным кругом», «Лапландский курьер», «Орлы Этны» и т. п. Особый статус имел «взвод пропаганды» при корпусе «F», предназначенном для вторжения в ближневосточные страны. В его снаряжение входила передвижная типография с набором арабских шрифтов, а контингент включал наборщиков-арабов и квалифицированных арабских дикторов.

Солдатские газеты выходили почти до последних дней войны, о чем свидетельствует дневниковая запись Геббельса от 1 марта 1945 года: «Я очень рад, что газета «Фронт и родина» доставляется теперь фронтовым частям в гораздо большем количестве. Мне предлагают выпускать теперь газету три раза в неделю. Я также считаю это необходимым, но этому, вероятно, помешает положение с бумагой» (4).

Но, разумеется, не всегда нацисты страдали от недостатка сырья для своей писанины. С самого начала войны, отправляясь на польский фронт, солдаты, полицейские и члены СС гордо несли в ранцах напоминание о своем этническом превосходстве — иллюстрированные книжки карманного формата по истории немецкого искусства и фотоочерки, посвященные истории партии и биографии фюрера. Для

армии напечатали также тонкое издание «Майн Кампф» толщиной около 20 миллиметров и обеспечили бесплатное — за счет правительства — распространение газеты «Фёлькишер беобахтер».

Разговорники, которыми снабдили завоевателей, давали представление, как надо обращаться с «низшими народами», а в карманном путеводителе по Варшаве имелся раздел, посвященный Варшавскому гетто, где излагалась краткая история длившегося на протяжении веков «заражения чуждой кровью». По свидетельству немецких историков, «если до начала этой войны у кого-нибудь еще и были сомнения в отношении ее справедливости, то уже в первые дни они полностью развеялись под впечатлением зверств, совершаемых поляками над польскими немцами, как это случилось в «кровавое воскресенье» 3 сентября 1939 года в польском городе Бромберг. Таким образом, фронтовой солдат получил полное оправдание своим действиям» (5).

О том же заботились воинские институты пропаганды и политическое руководство страны. После объявления западными державами войны Германии Гитлер обратился в своем воззвании к солдатам: «Солдаты Западной армии! Правительство Великобритании, подстрекаемое поджигателями, которые известны нам современнейшей войны, решило сбросить маску и объявить войну под ничтожным предлогом...» (6) (Интересно, что о Франции не говорилось ни слова, в чем угадывалось желание посеять недоверие между союзниками). Хорошо прослеживается роль политического воспитания в частях вермахта в указаниях главнокомандующих сухопутных войск на зимнее полугодие 1940/41 года: «Решающее значение придается выработке в сухопутных войсках единого понимания национал-социалистических принципов, которые должны войти в плоть и кровь всех военнослужащих...» И далее следует перечисление тем, обязательных для изучения германскими солдатами: «Тема 1: «Германский народ». Основные тезисы: Чистая раса. Здоровые и работающие женщины. Много детей. Необходимость пополнения рядов армии (внутренняя военная сила). Сколько призывников получит Германия, скажем, через 20 лет? Эмиграция — опасность для народного дела. Литература: Книга фюрера «Моя борьба»; «Народ в опасности» Отто Гельма; «Народ и раса», иллюстрированный ежемесячник; «Расоведение немецкого народа» профессора Ганса Гюнтера; «Развитие народонаселения третьей империи» Бургдёрфера; «Шулунгсхефт» («Инструктивная тетрадь»), орган верховного главнокомандования вооруженных сил, 1939, № 5; закон о предотвращении рождения детей с нездоровой наследственностью...» (7) Среди прочих тем, отметим: «Партия и вооруженные силы», «Организация партии», «Внешняя политика», «Четырехлетний план», «Почему мы победили во Франции»,

«Речь фюрера от 19 июля 1940 г.», «Поведение немецкого солдата в оккупированных областях», «Наши союзники», «Почему запрещается слушание иностранного радио» и т. д. (8).

Отправившийся на фронт У. Ширер бегло описывал картинку с натуры: «Моральный дух германских войск фантастически высок... Солдаты сидели на опушке леса и читали свежий номер ежедневной армейской газеты «Western Front» (9). Далее он анализирует причины непобедимости вермахта в битвах на Западном фронте: «Гитлер сам разработал для немецких офицеров подробные инструкции, как они должны проявлять интерес к личным проблемам своих подчиненных. Одним из самых эффективных подразделений германской армии на фронте является полевая почта, доставляющая солдатам письма и посылки из дома, независимо от места их расположения, и заботящаяся о своевременной отправке писем и посылок с фронта. В последние дни редкий солдат не отправил домой бесплатно по полевой почте шелковые чулки и духи. Одна из причин высокого морального духа солдат заключается в том, что они осознают: все самое лучшее, что может, страна отдает им... Гражданские лица... могут не видеть апельсинов, кофе, свежих овощей, но войска получают их ежедневно. В прошлое Рождество солдаты отправляли домой продовольственные посылки, а не наоборот» (10). К вышеописанному можно еще добавить, что германская армия была единственной армией в мире, в которой офицеры и рядовые в полевых условиях ели одинаковую пищу. Вроде мелкая деталь, но очень показательная.

Что и говорить, снабжение для солдата — альфа и омега его воинского бытия. В то время, когда жители блокадного Ленинграда умирали от голода, один из осаждавших город немцев, Вольфганг Бух, записал в своем дневнике: «С военной пунктуальностью прибыли рождественские подарки от командования сухопутных войск для солдат-фронтовиков. Каждому выдавалось: 1 бутылка красного вина, 1 бутылка коньяка, 1/3 бутылки шампанского, 1 банка консервированных фруктов, 2 яблока, 60 сигарет, табак, сигары, пачка бритвенных лезвий, 27 плиток шоколада, кекс, 4 пакетика с леденцами и почти фунт кондитерских изделий» (11).

Хорошее снабжение солдат на фронте стало даже объектом внимания немецких писателей. Например, Ремарк в романе «Время жить и время умирать» описывал поездку домой солдат-отпускников: «Он (Гитлер – К.К.) хочет, чтобы каждый отпускник отвез домой подарок, поэтому все они получают пакеты с продовольствием. Пусть передадут своим семьям как доказательство, что солдатам на фронте живется хорошо, и они даже могут привозить домой подарки» (12).

В свою очередь, солдаты из провинции, которых отправляли на

Восточный фронт, имели право посетить перед отъездом столицу рейха: «Для военных все развлечения бесплатны (или стоят какую-то мелочь) — даже театр, цирк, стадион» (13). Работали передвижные театры для выступлений и непосредственно в германских воинских частях.

Ну и, конечно же, вопросы гигиены и здравоохранения. Германским военнотружущим выдавался пакетик «дуста» для борьбы с вечным спутником войны — вшивостью⁵⁴. Во многих оккупированных городах, включая Ялту, для войск были открыты дома отдыха, для которых использовались даже бывшие царские дворцы. Немецкий фронтовик Питер Бамм вспоминал в своих мемуарах: «Так уж случилось, что капрал Самбо и сержант Германн играли в «скат» на той же самой террасе, на которой Черчилль, Рузвельт и Сталин будут запечатлены сидящими два года спустя» (14). Или другое свидетельство — немецкого солдата Бенно Цизера, встретившего однополчанина: «Он лежал в госпитале в глубоком тылу: "Я вам скажу, было здорово! Хорошая жратва, первоклассное отношение, масса кинофильмов, даже театр. Они устроили нам чертовски классные представления. А эти девочки!"» (15) Оставим жизнелюбивого однополчанина (о девочках мы еще поговорим), но, я думаю, уже понятно — немецкая армия не испытывала недостатка внимания со стороны государства, и взамен была ему полностью предана.

Непосредственно накануне нападения на Советский Союз командующим немецкими войсками предписывалось немедленно спустить в войска приказ следующего содержания: «Солдаты немецкого Восточного фронта! Смертоносная еврейско-большевистская орда собирается нанести последний удар. Враг пытается уничтожить Германию и наш народ. Солдаты Восточного фронта, вы знаете, какая участь грозит вам, немецким женщинам, девушкам и детям. Стариков и детей убьют, женщин и девушек сделают армейскими шлюхами. Остальных отправят в Сибирь... Торжественно поклянитесь защищать не отвлеченную концепцию фатерланда, а свои дома, своих жен, своих детей и, следовательно, наше будущее...» (16) Гитлеровской пропаганде удалось добиться своего, и ненависть нацистских фанатиков к врагу чувствуется даже сквозь прошедшие десятилетия: «Атаковать предстояло 18-й роте 4-го батальона. Через несколько минут тишина должна взорваться и нашим войскам предстояло с боевым кличем добыть очередную победу над краснотрехзвездными марионетками» (17). Какова риторика мемуариста!

Как бы то ни было, наши войска наносили ужасные потери новоявленным арийцам. Начальник германского Генерального штаба Франц Гальдер записал в своем дневнике: «30 ноября 1941 года.

⁵⁵ После войны, в счет репараций, и мы получили от них огромные запасы этого зелья и к 1947 году покончили с вшивостью в нашей деревне, принудительно проведя санобработку людей и домашних животных.

Некомплект на Восточном фронте составляет 340 000 человек, то есть половину боевого состава пехоты. Сейчас роты имеют в среднем по 50-60 человек» (18). Надвигалась катастрофическая для немцев битва под Москвой.

Что касательно причин поражения немцев в грандиозном сражении под Москвой, они достаточно проанализированы в специальной литературе, естественно, по аналогии с отступлением Наполеона из России в конце 1812 года. Однако данное сравнение не является корректным, хотя бы потому, что никаких из ряда вон выходящих морозов во время отступления Наполеона не наблюдалось. В середине октября 1812 года температура в Риге и Ревеле — 7 градусов выше нуля. К концу ноября при переходе через Березину лед реку еще не сковал. Самая холодная ночь случилась под Смоленском, когда температура упала до -8 градусов. Ужасные потери наполеоновской армии оказались predetermined nowhere by planning. А поверили Наполеону потому, что сильные холода действительно наступили в России, но только в декабре, через несколько недель после бегства наполеоновской армии.

Аналогичная ситуация сложилась и в немецкой армии. Провал идеального во многом снабжения германской армии связан с нежеланием ее руководства считаться с новыми реалиями — яростной борьбой защищавших свою землю советских войск. В июне 1941 года генерал-фельдмаршал фон Браухич указал на необходимость снабжения Восточного фронта зимним обмундированием, да и позже административно-хозяйственное управление сухопутных войск требовало зимнюю одежду для фронта, однако обращение ставка отклонила, поскольку фюрер не допускал мысли, что дело дойдет до зимнего похода. А «в декабре начались жуткие морозы, температура упала до пяти градусов ниже нуля», — вспоминал бывший военнослужащий вермахта Ги Сайер (19). У нас его неподдельный ужас может вызвать только улыбку.

19 декабря 1941 года фюрер, а теперь и верховный главнокомандующий, обращает свой призыв к войскам Восточного фронта: «Армии на Востоке, после их непреходящих и еще небывалых в мировой истории побед над опаснейшим врагом всех времен, должны быть отныне, в результате внезапного наступления зимы, переведены из порыва движения в состояние позиционного фронта. Мои солдаты! Вы поймете, что сердце мое всецело с вами, что мой ум и моя решимость направлены только на уничтожение противника, т. е. победоносное окончание этой войны. Господь Бог не откажет в победе своим храбрейшим солдатам!» (20) И солдаты услышали своего фюрера. Буквально вгрызаясь в каждый участок фронта, они осатанело отбивали атаки советских войск, которые буквально вырвали победу из рук

захватчиков.

И еще раз — вечная память сотням тысяч безвестных советских героев, павших в тяжелейших для нас битвах 1941 и 1942 годов. Именно они, а не пресловутый «Генерал Мороз» истощили физическую силу вражеских полчищ. Советские бойцы и далее продолжали наносить противнику ужасный урон: «25 июня 1942 года. Общие потери на Восточном фронте (не считая больных) — 1 299 784 человека, что составляет 40,62% средней численности войск на востоке (около 3,2 млн. человек)» (21). И, заметим, все это происходило в наиболее успешный для гитлеровцев период борьбы с Советским Союзом.

И еще один из мифов Второй мировой войны связан с тем, что мы якобы одолели врага, лишь завалив его своими трупами. Средняя численность наших действующих фронтов и армий в IV квартале 1941 года составляла всего 2,82 миллиона человек — почти вдвое ниже, чем наличествовало у немцев. И до уровня 6,0-6,5 миллионов человек (количество, с которым мы выиграли войну) численность Красной армии удалось довести только в четвертом квартале 1942 года (22).

Но в декабре 1941 немецкой нации срочно было необходимо найти логическое объяснение внезапного поражения, понесенного от официально поверженного противника. 21 декабря Геббельс начинает пропагандистскую кампанию и призывает население Германии собирать зимнюю одежду для фронта. Ввиду особого значения и крайней откровенности этого документа, его текст тщательно выверялся и несколько раз переписывался. Геббельс признавал, что тыловые службы вермахта не смогли обеспечить войска подходящей одеждой. «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы». И он перечисляет вещи, срочно необходимые армии: одеяла, ботинки, шерстяные носки, свитеры, теплое белье, наушники, шапки, наколенники, варежки и так далее. «Немцы пришли в изумление. Неужели положение на фронте до такой степени отчаянное? Остальные страны изумились не меньше... Германские генералы пришли в ужас, они были категорически против сбора зимней одежды на том основании, что это окажется сокрушительным ударом по настроению немецкого народа. Но Геббельс того и добивался: «Я поверг людей в шок, когда сказал им — катастрофа неминуема, если они не начнут тотчас действовать. Я привел весь народ в состояние шока, и люди, осознав опасность, застыли, как парализованные. Затем загремел наш призыв: «Сдавайте теплую одежду!» И все они, как один, побежали к нам с шерстяными и меховыми вещами, лыжами и бог знает, чем еще. Но испуг у них уже прошел!» (23)

«Ужасы Восточной кампании порядком встряхнули нас, вывели нас из состояния благодушия и самоуспокоенности, вновь напомнили

нам о тех идеалах, ради которых мы выступили; они вновь обрели былое величие, и любая мелочь только подтверждала правоту наших национал-социалистических идей», — писал эсэсовец Эрих Керн (24). С замиранием сердца немцы слушали передачи о страданиях своих солдат на русском фронте. Геббельс взывал к их чувству национального достоинства, и те, кто оставался в тылу, стремились показать: они готовы пойти на жертвы, ради спасения своих соотечественников⁵⁵. Шерстяные вещи, собранные для оказания помощи немецким войскам, поступали на тыловые участки войск в течение всего 1942 года, однако следующей зимой аналогичная ситуация повторилась уже под Сталинградом. На складах недалеко от линии фронта хранились 200 000 форменных рубашек, 102 000 пар валенок, 83 000 кальсон, 61 000 суконных брюк и т. д., но могучие тевтоны продолжали дрожать от холода. «Все есть, но только не для нас», — ворчали они. В отличие от запасов вермахта, стихийные склады собранной в тылу различной одежды располагались гораздо ближе к действующим частям. «Голубые, красные, зеленые шали в полоску и клетку, меховые жилеты с вязаными узорами в виде корон, вязаные кофты, дамские пальто, муфты, перчатки, чепчики с лентами и без них, тапочки, домашние туфли из верблюжьей шерсти, грелки для кофейника, полусапожки для коньков, футболки. Кто приходил — набирал всего вдоволь, что считал необходимым. Все пехотные подразделения, входившие в состав 100-й пехотной дивизии, уходили со склада в таком виде, словно им нужно было выступать в цирке, а не идти на передовую» (25).

12 июля 1942 года Франц Гальдер высокомерно заметил в своем дневнике: «Жалобы войск частично оправданы, а частично объясняются их избалованностью в прежних кампаниях». Но это что подразумевать под избалованностью - многие гитлеровские полководцы также не являлись образцом воинской доблести, коими они предстают в собственных мемуарах. Взять, к примеру, самого известного из них — покорителя Севастополя генерал-фельдмаршала Манштейна. Немецкий офицер Бруно Винцер, служивший в тридцатых годах под командой Манштейна, вспоминал: «Нам импонировало, что в каждом походе он носил точно такую же каску, как и мы, солдаты. Это было непривычно, и мы были довольны, что он подвергает себя таким же испытаниям, какие выпадают на долю воинской части, ему подчиненной». Далее Винцер пишет о том, как он зашел к денщику Манштейна: «Я заметил каску

⁵⁵ Русских военнопленных человеколюбие не касалось. И когда осенью 1941 года русские белоэмигранты собрали благотворительную помощь для своих соотечественников и подготовили 1100 больших ящиков с верхней одеждой и бельем для военнопленных, все вещи власти реквизируют и передали организации «Зимняя помощь».

обожаемого нами командира батальона. Шутки ради или из озорства я вздумал надеть эту каску, но едва не выронил ее в испуге из рук. Она была сделана из папье-маше, легка, как перышко, но выкрашена под цвет настоящей каски. Я был глубоко разочарован. Когда у нас на солнцепеке прямо-таки плавилась мозги под касками, головной убор господина фон Манштейна служил ему защитой от зноя, подобно тропическому шлему» (26).

Но подловатость высших чинов, которые, сколотив заговор, едва не растерзали своего любимого фюрера, когда тот начал терпеть поражения, изрядно компенсировалась высочайшим воинским духом рядовых и младших офицеров национал-социалистической армии. Виктор Клемперер ехидничает: «Я специально выписал тогда одну фронтовую сводку: на предложение русских сдаться, говорилось в ней, солдаты на передовой хором ответили отказом, подтверждая непоколебимую верность Гитлеру и своему долгу» (27). Конечно, хоровой отказ это что-то новое в истории переговоров, но и советские источники констатируют высокие боевые качества солдат вермахта: «В описании немецких действий, которое дало командование партизанской бригады Охотина, чувствуется уважение к тому грозному противнику, каким был вермахт: не было ни одного случая, чтобы противник не принял навязываемый ему бой. Даже нарвавшись на партизанскую засаду, никогда не бежал в панике, а, с боем отходя, забирал своих убитых, раненых и оружие. В таких случаях противник с потерями не считался, но своих убитых и раненых не оставлял» (28).

Однако ярость советского народа вздымалась воистину, словно волна, уничтожая захватчиков беспощадно и жестоко, повергая в ужас врага: «Русский десант высадился в гавани Феодосии. После захвата города русские повыбрасывали раненых из местного госпиталя на улицу, а затем облили их водой. Я всегда слушал подобные истории с большим недоверием. Было известно, что у «других» (т.е. истинных нацистов — К.К.) был особый отдел, в котором придумывали подобные ужасные истории. Но в данном случае: остались свидетели, которым чудом удалось выжить» (29).

Условия сражений в России, боев с настоящим противником вызвали у будущей нации господ настоящий шок. К примеру, особенности рукопашного боя. Начиная с прусского короля Фридриха Великого, принципом немецкой армии считалось уничтожение врага не холодным оружием, а оружейным огнем. Перед Второй мировой войной тактика немцев совершенно не предусматривала никаких сближений с противником до расстояния рукопашной схватки. Все рукопашные схватки тех сражений навязывались Красной армией, в полевом уставе

которой прямо говорилось: «Победу приносит только атака, начатая с безудержным стремлением уничтожить врага в ближнем бою». Вот в каком духе мыслили русские, устремляясь в атаку и часто неся при этом огромные потери (30).

Немцы абсолютно справедливо критиковали подобные методы боя, но признавали, что русская пехота неужерима в ближнем бою. Вообще, по мере продолжения Восточной кампании отношение немцев к противнику подвергалось существенной корректировке. Так, в аналитической сводке СД от 17 августа 1942 года отмечалось: «Вполне вероятно, что люди на Востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к Отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны» (31). Опомнитесь! А ведь еще недавно в оккупированных деревнях немецкие солдаты, не стесняясь, мылись голыми и даже оправляли свои надобности при русских и украинских женщинах. Не из хулиганства или невоспитанности, а просто потому, что не считали их вполне за людей.

В результате корректировки пропагандистских установок в учебной брошюре «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны», изданной в мае 1943 года, особо подчеркивалось: «Все немецкие солдаты, в первую очередь офицеры, должны проникнуться чувством глубокой ответственности за правильное обращение с русским населением. Они должны знать, что для окончательного завершения войны на Востоке необходимо, чтобы восточные народы сочувствовали Германии. Достижение хозяйственного, военного и политического сотрудничества населения оккупированных областей с великой Германской империей как основой нового государственного порядка Европы является главной политической задачей немецкого солдата на Востоке». И дальше: «Нельзя отрицать талантливость русского народа... Характерной чертой русских является богатство чувств и аффектов, иначе говоря, интенсивность внутренней жизни. Богатством внутренней жизни и объясняется удивительное сочетание противоположных черт русского характера. Честность, правдивость, доброта и верность сочетаются с замкнутостью, ложью, хитростью, насилием, жестокостью и фантастической ненавистью. Худшим оскорблением для русского является взгляд на него как на человека низшего класса — получеловека. Поэтому русский не переносит телесных наказаний, в особенности со стороны немцев, так как видит в этом оскорбление своего национального достоинства. Русский восторженный. В своих действиях они всегда ищут идеи. Особенно популярны патриотические идеи, так как русские — патриоты. Простой человек в большинстве случаев подсознательно

настроен патриотически, поэтому большевики с очевидным успехом апеллировали к национальному чувству русского народа» (32).

Из самого названия брошюры явствует, что она издана после Сталинградских событий, когда нацистский зверь получил смертельный удар и напрягал все силы, в том числе и интеллектуальные, чтобы победить в схватке. Вот откуда в нацистской пропаганде появилось не свойственное «арийцам» либеральничанье. Мы не раз возвращаемся в нашем рассказе к Сталинградской битве именно потому, что лишь тогда наметился психологический перелом в настроениях немецкого народа и армии. Сталинград стал первой военной катастрофой, официально признанной таковой гитлеровским режимом.

Стараясь оттянуть момент истины, нацистское руководство поддерживало жизнь окруженной группировки воздушным мостом, через который в город доставлялись боеприпасы, продовольствие и прочее, порою ненужное и случайное. «В один день были доставлены пять тонн леденцов, несколько дюжин ящиков презервативов; затем прилетели еще два самолета, нагруженные майораном и перцем, всего четыре тонны. Была доставлена громоздкая и абсолютно бесполезная инженерная техника, громадное количество документов отдела пропаганды вермахта, одна тонна целлофановых пакетов для хранения ручных гранат, шнуры, приправы и т. д.» (33)

Не добавило окруженным солдатам радости и напыщенное выступление Геринга вечером 30 января 1943 года по случаю 10-й годовщины прихода нацистов к власти: «Тысячу лет теперь немцы будут говорить об этом сражении с глубоким почтением и благоговением и, несмотря ни на что, будут помнить, что именно там была predetermined конечная победа... В грядущие годы будут говорить об этом героическом сражении на Волге: когда придете в Германию, скажите, что видели нас, polegших у Сталинграда, как того требовали наша честь и наши вожди, во славу великой Германии». В ответ на болтовню рейхсмаршала 31 января из котла пришла лаконичная радиотелеграмма: «Преждевременные надгробные речи нежелательны» (34).

В одном из солдатских писем говорилось: «Солдаты 6-й армии пожертвовали Германии 3,5 миллиона марок, не получив необходимую «зимнюю помощь». Эта сумма соответствует восьмимесячному денежному довольствию. Не часто встретишь в военной истории такой случай, чтобы армия финансировала собственную гибель» (35). По распоряжению штаба оперативного руководства вермахта, приказавшего изучить настроения войск, последняя почта из Сталинграда до адресатов так и не дошла — ее изъяли для социологического анализа. Результаты исследования таковы: положительное настроение в отношении войны высказали

2,1% «респондентов»; сомневающееся — 4,4%; отрицательное — 57,1%; оппозиционное — 3,4%; без какой-либо оценки — 33,0%. Психологический надлом пострадавших людей был очевиден (36).

Очень показательны в этом смысле слова одного из немецких врачей, работавшего в Сталинграде: «Мы допустили большую ошибку, считая себя превыше всех, и за это высокомерие должны расплачиваться своей жизнью. Жертв в этой войне будет больше, чем побед, и, если бы кому-либо удалось убедить Гитлера в правоте этих слов, он смог бы считать себя спасителем Германии» (37).

И, тем не менее, гибель 6-й армии не стала, если верить немецким историкам, напрасной. Благодаря ее упорному сопротивлению, захватчики успели отойти с Северного Кавказа и не угодили в еще более обширный котел. Таков, дескать, истинный план спасения кампании, реализованный Гитлером, о чем неумолчно нашептывала неофициальная пропаганда. Из письма лейтенанта Ренатуса Вебера: «Мы, без сомнения, обязаны своим спасением упорству 6-й армии у Сталинграда, они перекрыли железную дорогу и сковали огромные силы русских» (38).

В те же дни на конференции в Касабланке (14-24 января 1943 года) западные союзники громогласно объявили о безоговорочной капитуляции как непрременном условии мирных переговоров с Германией. Генерал Гудериан захлебывается: «Это наглое требование было встречено германским народом и особенно армией сильным возмущением. Отныне каждому солдату стало совершенно ясно, что наши противники преисполнены страстью уничтожить германский народ, что их борьба направляется не только против Гитлера и так называемого нацизма, как они тогда утверждали с пропагандистской целью, но и против деловых, а потому и неприятных промышленных конкурентов» (39). Ну, не знаю, что Гудериан мыслит в конкурентной борьбе, но повторяет он клише нацистской пропаганды. Началась эпоха тотальной войны и фанатического героизма.

Самой опасной в германских вооруженных силах считалась служба в СС: в войну погибло около 34% личного состава этих элитных войск, в воспитании которых особенно явственно прослеживалась идеологическая составляющая. Вот образцы вопросов и ответов, которые был должен выучить каждый эсэсовец: «Почему мы верим в Германию и в фюрера?» — «Мы верим в Господа Бога и потому верим в Германию, которую он сотворил по своему подобию, и в фюрера, которого он нам ниспослал». — «Кому мы должны служить прежде всего?» — «Нашему народу и нашему фюреру Адольфу Гитлеру». — «Почему ты послушен?» — «Из внутреннего убеждения, из веры в Германию, в фюрера, в Движение, в охранные отряды и из верности» (40).

При этом членство в партии вовсе не являлось обязательным условием для вступления в СС — большое значение придавалось именно моральной составляющей, разумеется, в понимании нацистских главарей. Гиммлер 22 мая 1936 года определил: «Либо ты умеешь управляться с алкоголем, либо тебе присылают пистолет, и ты ставишь точку. Стало быть, подумай». Он же, год спустя: «Эсэсовец должен быть бережлив. Когда он посылает поздравление к Новому году или к Рождеству, то должен отправлять не телеграмму, а письмо с маркой за 12 пфеннигов. И писать свое поздравление не на сложенном листе, а на половинке. Подобным образом экономится масса бумаги» (41). В сентябре 1938 года рейхсфюрер заявил, что эсэсовцам запрещено делать долги и обращаться к ростовщикам. Эсэсовцы обязаны копить деньги. «В ваффен-СС нет ни одного запечатого сундука. Там никто не осмеливается взять без спроса даже сигарету у товарища, — утверждал Гиммлер. — Я издал специальную «Памятку о конфискации вражеской собственности». Отбирать у безоружного гражданского населения вещи и имущество неблагородно и недостойно СС. Солдат может реквизировать продовольствие, одежду, одеяла, топливо и медикаменты, но это следует делать лишь в соответствии с «временными и личными потребностями отдельного бойца». Им абсолютно запрещено забирать столовое серебро, гражданскую одежду, материю, шелковые чулки и т. д. — то есть все, что берут не для себя лично, а для домочадцев. Такое поведение представляет собой мародерство и карается смертью. Смертный приговор выносится и в случаях изнасилования» (42).

Однако беспрерывные убийства, массовые казни, полная безнаказанность уродовали даже самую устойчивую психику — многие эсэсовцы становились алкоголиками, наркоманами, психопатами, патологическими ворами, словом, совершенно «неуправляемыми» отморозками. Немецкие фронтовики эсэсовцев не любили и были неплохо осведомлены об их «деятельности». Служба СД описывала эпизод в Берлинском метро, произошедший в разгар пропагандистской кампании, развернутой в Германии после обнаружения в Катинском лесу трупов польских офицеров, расстрелянных энкаведистами. Четыре фронтовика с боевыми наградами за кампании 1941-1942 годов вслух обсуждали газетные материалы о расстрелах в Катинском лесу и возмущались жестокостью большевиков. Один из них сказал: «Судьба евреев не лучше, и если в километрах ста от Смоленска покопаться в земле, то можно будет найти десять тысяч трупов евреев, убитых эсэсовцами». Все услышали эти слова, и промолчали (43).

На секунду отвлечемся и напомним, что в вермахте служило довольно много людей с примесью еврейской крови, так называемые

«мишлинге», о которых мы уже подробно говорили в главе «Государственный антисемитизм». Характерно, что даже тех, кто скрывал свое еврейское происхождение, сослуживцы, как правило, не выдавали, говоря примерно следующее: «Знаешь, с евреями, конечно, что-то не так. Но ты не такой, как другие евреи. Ты правильный парень». Оставшиеся в армии «помеси» старались доказать, что они настоящие немцы, и на фронте часто демонстрировали свое мужество. Американский военный историк Брайан Ригг изучил судьбы 1671 солдата вермахта с примесью еврейской крови. Он установил, что из них 244 были награждены Железным крестом, 19 — Золотым германским крестом и 18 — Рыцарским крестом, а это высшая военная награда рейха (44).

Простым эсэсовцам за участие в умерщвлении людей полагался дополнительный рацион: десять сигарет в день, четверть литра водки, полкило колбасы. Аналогичные льготы получали и другие убийцы. Приказ французского гестапо в Гавре: «Принять меры к тому, чтобы члены карательной команды в перерывах между отдельными карательными акциями получали дополнительный паек для освежения. Рекомендуется иметь наготове сигареты или шнапс для укрепления нервов» (45). Кстати, о спиртном. Очень быстро завоеватели оценили все достоинства и недостатки «русского шнапса» (самогона). 8 июня 1944 года командир 889-го охранного батальона капитан Лемке издал специальный приказ по этому поводу: «Выгоняемый русскими шнапс содержит в себе много ядовитых примесей, делающих его очень вредным для здоровья. Поэтому употреблять его военнослужащим и вольнонаемным лицам запрещено. Несоблюдение этого приказа будет рассматриваться как непослушание в военное время» (46). Но, разумеется, подобные приказы игнорировались. Также офицерский состав СС отменно кормили: «Сегодня прекрасный воскресный обед — томатный суп, половина цыпленка с картофелем и красной капустой, чудесное ванильное мороженое» (47). Последняя сентенция принадлежит одному из руководителей нацистского концлагеря.

Надо отметить, сама будничность массового уничтожения людей, которым занимались СС, была хорошо продумана и имела определенный психологический подтекст. Если бы распоряжения (например, о депортации), отмечали, скажем, красным грифом «совершенно секретно», они привлекали бы излишнее внимание, могли вызвать сомнения, а то и протесты. А так их обычное оформление делало как бы само собой разумеющимся их рутинное выполнение. И, понятное дело, возможность получить заслуженную награду за слепую исполнительность.

Согласно приказу «О поселениях СС», на оккупированных территориях создавались специальные населенные пункты, куда

направлялись раненые в боях полицейские и эсэсовцы. В официальном печатном органе РСХА «СС-Ляйтхефте» («Направляющие тетради СС») появилась едва ли не постоянная рубрика, в которой эсэсовцы отвечали на вопрос: «Как я стал поселенцем на немецком Востоке?» Впрочем, не только немцы раздавали нашу землю своим солдатам. В союзной гитлеровцам венгерской армии обещали, что солдат, подбивший советский танк, получит 30 гектаров земли на Украине, а за захват советского военнопленного выдавали всего-то 1000 папирос (48).

В армиях захватчиков поощряли военнослужащих и другими способами. Таковым мог стать талончик в публичный дом в качестве награды за вражеского офицера выше командира роты или пулеметный расчет. За нарушения дисциплины солдата могли лишить полагающегося по графику посещения борделя. «И вот я снова в Ростове, опять перешедшем в наши руки и сильно разрушенном после необычайно сильной бомбардировки немецкой авиацией. Поперек главной улицы над головой — ярко освещенный транспарант: "Солдаты, остерегайтесь смертельных азиатских венерических болезней!"» (49).

В каждой «комнате для свиданий» должен висеть плакат «Половые отношения без противозачаточных средств — строго запрещены!» Но, не доверяя наглядной агитации и сознательности солдат, для предотвращения заразы оккупанты издавали и драконовские постановления: «Смертью караются женщины, заражающие немцев или лиц союзных наций венерической болезнью, несмотря на то, что они перед половым сношением знали о своей венерической болезни. Тому же наказанию подвергается проститутка, которая имеет сношения с немцем или лицом союзной нации без резинового предохранителя и заражает его» (50).

Некоторые солдаты сознательно стремились подцепить венерическую болезнь, надеясь оттянуть момент возвращения на фронт, о чем они откровенно пишут в своих мемуарах: «Ты хочешь сказать, поскольку он (триппер) настолько безобиден, то есть смысл подцепить его намеренно?

— Ну, конечно, ты просто лопух, если не знаешь этого! Что ты мне дашь, если я тебя сведу с местной шлюхой, которая абсолютно надежна? Все, что ей нужно — это несколько сигарет, и дело в шляпе. Лучше всего подцепить болезнь как раз перед тем, как тебя собираются выписывать» (51).

В офицерских публичных домах имели право работать только истинные немки, выросшие в исконных германских землях Баварии, Саксонии или Силезии, ростом не менее 175 см, обязательно светловолосые, с голубыми или светло-серыми глазами и хорошими манерами. В борделях должны иметься ванны с горячей и холодной водой и обязательный санузел. Со временем в публичных домах стали

работать и местные украинские и русские девушки. Как правило, их туда приводил голод. Денег девушки обычно не брали. Буханка хлеба — плата гораздо более щедрая, чем быстро обесценивавшиеся рубли. Иногда дефицит женщин восполняли жительницы Прибалтики.

Во Франции, Скандинавии, Бельгии и Голландии цена похода в публичный дом составляла от 2 до 5 марок. Чтобы получить в конце месяца зарплату, солдатская проститутка обязана была обслужить в месяц не менее 600 клиентов (из расчета, что каждый солдат имеет право расслабиться с девочкой пять-шесть раз в месяц). В некоторых ресторанах и столовых, где обедали немецкие солдаты, также имелись «комнаты свиданий». Официантки, посудомойки, помимо основной работы на кухне и в зале, дополнительно оказывали сексуальные услуги.

Завоеватели не ощущали дискомфорта в сексуальной эксплуатации покоренных стран — живой товар, как и все прочее, служил на удовлетворения потреб победителей. Известный советский писатель Евгений Петров писал в своем военном очерке «Военная карьера Альфонса Шолля»: «Военная карьера этого молодого человека началась два года назад. Ему посчастливилось — он попал в Краков, в караульную часть, и целый год занимался тем, что стоял на часах у солдатского публичного дома: «Разве это хорошо — сказал я, — что немцы на завоеванной земле сгоняют женщин в солдатские публичные дома?» — «Солдатский публичный дом — это как воинская часть. Меня поставили — и я стоял» (52). Эту армию нельзя перевоспитать, но только уничтожить — таково было мнение подавляющего числа советских солдат и офицеров.

Аналогичные настроения по отношению к своему заклятому врагу главенствовали и у нацистской верхушки. В речи перед группой войск «Север» 13 июля 1944 года Гиммлер заявил: «Против нас стоит восьмидесятимиллионный народ — смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады. Это звери: с ними нельзя обращаться как с порядочными солдатами» (53).

Но заклинания — ненадежное оружие против пушек. Под влиянием бесчисленных поражений рядовые вермахта начали меняться. «Инструктор 7 отдела ПУ майор Шемякин, в прошлом профессор психологии МГУ, говорил, что первый его немец молчал, пока он, профессор, не дал ему в ухо. «Немец тогда становится человеком, — говорил Шемякин, — когда почувствует себя рабом». Он проводил любопытную дифференциацию: а) немец 1941—1942 годов — полное молчание в плену, горделивый, высокомерный, говорит только после оплеухи; б) немец 1943 года, периода Сталинграда: «Ефрейтор,

построить мне пленных! Как вы построили, е... вашу мать, подравнять!» И тот не только выравнивает, но у левофлангового становится на корточки, высматривает линию и рукой подравнивает выпятившихся; в) немец 1943-1944 годов — полное безразличие, апатия» (54). Обращаю ваше внимание, что это наблюдения профессора психологии. И другое свидетельство: «Видел много пленных немцев. Так они, папа, не знают, что наши наступают на юге, и успехи хорошие. Офицеры им не говорят, боятся» (55). Действительно, подавляющее большинство событий в стране и за ее пределами не доходило до сведения военнослужащих вермахта, опутанных жесткой военной цензурой. Однако антифашистский «Правдивый рассказ о казни Х. и С. Шолль», повествующий о студенческом сопротивлении в Германии, уже попал на разные фронты, а солдаты все чаще просят, чтобы им присылали текст песни «Лили Марлен», запрещенной за пораженчество. Армия разделилась на уставшее от бойни молчаливое большинство и яростных национал-социалистических фанатиков.

Еще 11 марта 1945 года Геббельс бахвалился: «Американские и английские газеты называют поведение наших военнопленных на западе образцовым. По сообщениям корреспондентов, пленные по-прежнему считают, что Германия обязательно должна выиграть войну. Все пленные, говорится в этих сообщениях, полны мистической веры в Гитлера». Но его заочный оппонент, военный врач вермахта Питер Бамм, вспоминая о таких фанатиках, писал: «Если кто-то становился приверженцем этой совершенно антигуманной системы, у него полностью менялось мировоззрение — массовые убийства советских граждан оправдывались политической целесообразностью, а месть становилась правом. Была еще одна вещь, которую они упустили из виду...» (Ну-ка, ну-ка, любопытно!) «Это может показаться странным, но мы никогда особо не задумывались о том, какой гнев может вызвать у русских наше вторжение в их страну» (56).

Но землю Германии уже топтали сапоги советских солдат, миллионов людей, полных желания мести — за расстрелянных родных и близких, за свои уничтоженные города, за поруганных женщин. Теперь русский солдат стал полноправным завоевателем. (Кстати, со вступлением Советов на германскую землю в Красной армии появился довольно интересный приказ: «Солдату разрешают посылать на Родину посылку трофеев до 5 килограммов в месяц, а офицеру — 10 килограммов. Сначала не верилось нам. Конечно, это нехорошо, поощрение мародерства. Но, оказывается, немецкому солдату разрешалось посылать посылки в 16 килограммов с захваченной ими территории») (57). И, разумеется, разнообразные эксцессы давали определенные возможности нацистской

пропаганде будить угасавшее сопротивление немецкой армии: «22 марта 1945. Фюрер чрезвычайно доволен нашей антибольшевистской пропагандой. Ведь она оказала свое влияние, заставив наши войска на востоке вновь обрести сравнительно хорошую форму» (58). Но все это уже не имело большого значения. Немецкая армия, покорившая столько стран и народов, в конечном итоге защитить свой собственный народ не смогла.

29. Дезинформация и слухи

Одной из важнейших функций пропаганды на войне является скрытие истинных намерений и положения дел — как от противника, так и от собственного народа. Это сегодня считается, что дезинформация в чистом виде прием слишком примитивный. (Впрочем, ради эффективности манипуляции, не возбраняется подмешивать к правдивому сообщению дозу клеветы). Каноны же геббельсовской пропаганды требовали, чтобы ложь была огромной и даже «чудовищной» — тогда люди легче поверят ей. Но практика показала, что с развитием сознания люди освобождаются от излишней доверчивости.

В описываемое нами время до таких тонкостей еще не доходили. Не откажу себе в «удовольствии» снова повторить слова Гитлера на совещании 22 августа 1939 года: «Я найду пропагандистские причины для начала войны, пусть вас не волнует, правдоподобны они будут или нет. Победителя не будут потом спрашивать, правду он говорил или нет. Когда начинаешь и ведешь войну, главное не право, а победа» (1). Данная цитата ярчайшим образом характеризует суть нацистской пропаганды. В соответствии с заказом, предлог для начала агрессии был не просто найден, но и сконструирован от начала до конца.

Речь идет о якобы захвате поляками радиостанции в приграничном немецком городе Глейвице. Один из соучастников провокации, послужившей предлогом для начала военных действий против Польши и начала Второй мировой войны, некий Альфред Науйокс на Нюрнбергском процессе дал ценные показания: «...Мне предписывалось захватить радиостанцию и удерживать ее достаточно долго, чтобы немец, говорящий по-польски, а такой у меня в группе был, мог выйти в эфир с речью на польском языке. Гейдрих сказал мне, что в речи должно быть утверждение, что настало время для конфликта между немцами и поляками... Мюллер также сказал, что направит в мое распоряжение человек 12-13 уголовников, которых переоденут в польскую военную форму; этих людей следует убить и оставить на месте инцидента, чтобы создалось впечатление, будто они убиты во время нападения» (2).

Созданный информационный повод немедленно подхватила

вся немецкая пресса. Германское информационное бюро сообщало: «Нападение на радиостанцию было, со всей очевидностью, сигналом для общего наступления польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим польские партизаны, как удалось установить, перешли границу еще в двух местах. И в этих случаях также идет речь об оснащенных тяжелым оружием отрядах, поддерживаемых, по-видимому, польскими регулярными частями. Отряды полиции безопасности, несущие пограничную службу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточенные боевые действия продолжаются». Газеты откликнулись сенсационными заголовками: «Полнейший хаос в Польше — немецкие семьи спасаются бегством», «Польские солдаты движутся к самой границе Германии», «Три германских пассажирских самолета обстреляны поляками», «В Данцигском коридоре множество немецких сельских домов в огне!» (3)

После совершенного провокаторами набега на радиостанцию Германия получила долгожданный предлог для боевых действий, причем война была объявлена с такой скоростью, что многие депутаты, проживавшие вне Берлина, даже не успели прибыть на заседание рейхстага ввиду срочности его созыва. Их места заняли эсэсовцы из личной охраны Гитлера и Геринга, которые играли роль депутатов и «голосовали» за войну с Польшей. При этом Гитлер и верховное командование называли войну «контрнаступлением», что по их мысли камуфлировало истинный характер затеянного ими конфликта. Однако историки знают: нападение готовилось Германией давно и исподволь. Накануне конфликта с Польшей кадровые дивизии вермахта командование передислоцировало из Германии на учебные плацы в Восточную Пруссию якобы для «учебных целей», а также под предлогом того, что они должны принять участие в праздновании 25-й годовщины битвы под Танненбергом — наглядный пример применения дезинформации в целях военной маскировки. Оставшимся в польской армии немцам германские спецслужбы рекомендовали заниматься пораженческой пропагандой. Подобные же инструкции давались и представителям украинского меньшинства, которые, как и немцы, подвергались в Польше национальному угнетению (4).

Информационная война между Германией и западными союзниками разгорелась с ошеломляющей скоростью. Уже 3 сентября 1939 года в Атлантическом океане на пути следования в США был торпедирован и затонул английский лайнер «Атения». Геббельс, не давший противнику времени найти подтверждение тому, что британский лайнер атаковала немецкая субмарина, выступил с сенсационным «разоблачением»: англичане, по его словам, сами пожертвовали «Атенией», чтобы

представить немцев настоящими преступниками в глазах всего мира. Как утверждал Геббельс, хитроумный пропагандистский маневр разработал лично Черчилль, первый лорд Адмиралтейства. Министерство пропаганды сделало расчет на то, что кто первый выдаст информацию, тот и прав.

Известно, что на войне в первую очередь страдает правда. Вследствие односторонней пропаганды и отсутствия объективной информации резко возрастает значение слухов. Как говорил Геббельс: «Слухи — хлеб наш насущный». Немцы называли слухи «пропагандой шепотом». К примеру, в специальной инструкции 559-й немецкой тыловой комендатуры от 24 июня 1943 года подчеркивалось: «Пропаганда шепотом является одним из наиболее действенных средств устной пропаганды. Заниматься ею должны агенты. Материал для пропаганды шепотом будет постоянно сообщаться районным комендатурам. Самовольное проведение пропаганды шепотом запрещается» (5).

Много позже описываемых событий, наука подтвердила — значение полученной непосредственно от других людей информации весьма велико. Социологические опросы, проведенные в США после убийства Джона Кеннеди, показали: не менее половины опрошенных узнали о случившемся от других людей, а не из СМИ. И это в стране, где у всех есть и радио, и телевизоры! (6)

Слухи психологически направлены на снятие напряжения. Они имеют ряд особенностей, которые необходимо учитывать для их эффективной эксплуатации:

1. Источник слуха должен пользоваться доверием аудитории;
2. Содержание слуха должно вызвать доверие;
3. Получатель слуха становится его передатчиком по мере передачи слуха дальше.

Есть даже разные виды слухов. Например, «слух-желание» — в нем содержится то, что отражает актуальные потребности и ожидания аудитории, в которой он распространяется. «Слух-пугало» несет в себе угрозу, вызывает негативные настроения и эмоциональное состояние страха и ужаса, отражает некоторые актуальные, но крайне нежелательные ожидания для аудитории, в которой возникает и распространяется. Вспомнилось, как во время «оранжевой революции» один уважаемый киевский журналист с выпученными от ужаса глазами рассказывал мне о том, что дети «донецких» массово терроризируют местных ребятишек в детских садиках. И кошмары эти, разумеется, происходили с отпрысками его личных знакомых, буквально «вчера».

В немецкой пропагандистской машине существовало особое ведомство — т. н. «Контора Шварц ван Берка», во главе которой стоял

известный нацистский публицист — упомянутый Шварц ван Берк. Его агентство обеспечивало, в частности, «пропаганду шепотом», в которой Берк считался крупнейшим специалистом. «Продукция» его организации была рассчитана главным образом на внутреннее потребление и восполняла вакуум информации в стране, где закон о предательстве от 21.03.1933 следил за тем, чтобы даже устная критика нового режима попадала под наказание (тюрьма, в тяжелых случаях — каторжная). И люди попросту боялись знать лишнее, однако все же нуждались в некоем информационном заменителе.

Распространение слухов активно использовалось и во внешней пропаганде. После начала Второй мировой войны, во время так называемой «войны слухов», население Франции подвергалось психологической обработке, до мельчайших подробностей продуманной Министерством пропаганды. Многие люди охотно слушали искусное словоблудие Геббельса и передавали полученную «информацию» дальше в виде сплетен и слухов. Тысячи частных лиц получали по почте странные письма, среди публики распространялись листовки с предсказаниями Нострадамуса, в которых предрекалась скорая победа Германии (на самом деле их сочинил сам Геббельс). Кроме того, в его распоряжении имелись десятки тысяч поддельных экземпляров бельгийского журнала «Ля герр де 1939». Все статьи в них до последней запятой соответствовали настоящим. Единственным отличием от подлинника были кроссворды и шарады, в ответах которых пропагандисты заложили деморализующий смысл (7). Их пересылали французским солдатам через Швейцарию. А вынужденное безделье французской армии во время «странной войны» и долгие зимние месяцы ожидания предоставили сроки и возможности для разлагающего действия яда.

Накануне решающего вторжения во Францию 17 мая 1940 года Геббельс отдал на инструктаже новое распоряжение: «Секретному передатчику надлежит тотчас всеми средствами заняться созданием панических настроений во Франции. Для этой цели он должен работать с абсолютно французской тенденцией и в тоне величайшего возмущения и замешательства протестовать против упущений французского правительства. В частности, он должен для этого подхватывать и распространять курсирующие во Франции слухи. Он должен настоятельно предупреждать об опасности «пятой колонны», в которую, несомненно, входят и все немецкие эмигранты, и все евреи из Германии. Далее, он должен распространять слух, что первое, что немцы имели обыкновение делать в оккупированных городах, — это конфисковывать деньги в банке, так что подлинные французские патриоты уже теперь должны в угрожаемых областях снять свои деньги с банковских счетов»

(8).

На следующий день министр пропаганды не без самодовольства записал в своем дневнике: «Паника в западных странах. Я усиливаю ее с помощью тайных передатчиков, которые выдают себя то за подлинно английские, то за подлинно французские новости. К тому же мы бросаем подозрение на эмигрировавших немецких евреев как на шпионов» (9). «Сообщения» о действиях «пятой колонны», запускавшиеся по разным каналам, подхватывала и подавала в сенсационном ключе французская пресса. «Трое детей умерли, съев отравленный шоколад», «Гамелен застрелился», «Аррас захватили парашютисты, спустившиеся ночью с зажженными факелами в руках» — вот примеры слухов, распространявшиеся для того, чтобы посеять панику во французском обществе. А что такое паника? Это следствие внушенной или неожиданно привитой мысли о неминуемой опасности, и, как правило, никакие рассуждения и убеждения не способны устранить ее, пока сама очевидность не рассеет внушенную идею.

Одновременно осуществлялись провокации и против нейтральных стран. 10 мая 1940 года, в день начала наступления вермахта на Западе, германская авиация подвергла бомбардировке немецкий университетский городок Фрейбург, причем было убито 24 человека. Провокационный налет нацисты приписали авиации Бельгии и Голландии и использовали в качестве предлога для нападения на эти страны. И, конечно же, на войну с ними в числе других отправились и хитроумные немецкие пропагандисты. «12 и 13 мая в западной части Голландии царил повышенная нервозность. Распространялись слухи: мясные продукты и питьевая вода отравлены, по улицам разбрасывают отравленные сигареты и шоколад, целые города уже стерты с лица земли и т. п. 12 мая в Амстердаме распространился слух, будто выведены из строя сирены для предупреждения населения о налетах авиации противника. «Я как сейчас вижу перед собой человека, бегущего по улице и выкрикивающего эту тревожную весть. «Откуда вы об этом узнали? — спросили у него. «Это предупреждение полицейского управления! Сообщайте другим!» Распространение данного слуха является наглядным примером организованной работы пятой колонны» (10).

Использовалась и сознательная «утечка информации». Например, 11 сентября 1940 года Геббельс на инструктаже якобы случайно обронил фразу о том, что за время английских налетов на Германию с 10 мая по 10 сентября погибли даже не 1500 немецких граждан, как где-то упоминалось, а всего 617; однако эту цифру публиковать нельзя, т. к. в Лондоне такое число людей погибает от немецкой бомбежки за сутки. Министр рассчитывал, что через его ближайших сотрудников это

«доверительное» утверждение станет достоянием оптимистических слухов в немецком народе и произведет впечатление на дипломатический корпус (11).

В рамках подготовки к вторжению в Советский Союз нацисты также подготовили целый комплекс специальных мероприятий. Зимой 1940/41 года в Берлине были отпечатаны листовки, которые предназначались якобы для использования при вторжении в Англию. При перевозке их по железной дороге на аэродром органы контрразведки организовали «случайную» поломку некоторых ящиков с листовками, в результате чего содержание листовок стало известно присутствовавшим там рабочим и служащим. С той же целью в массовом количестве печатались топографические карты Англии, в войсках появились переводчики английского языка, оцеплялись некоторые районы Ла-Манша, Па-де-Кале и Норвегии, на побережье устанавливались ложные ракетные батареи, генеральный штаб даже разработал операции по захвату Англии «Акула» и «Гарпун» и организовал «утечку информации».

Не отсиживалось в стороне и Министерство пропаганды: «Теперь полностью переключаемся на легкую художественную программу радиопередач. Снят также запрет с танцев. Это все в целях маскировки» (12 июня 1941). В те же дни: «Совместно с ОКВ и с согласия фюрера я разрабатываю мою статью о вторжении. Тема — «Остров Крит в качестве примера». Довольно ясно. Она должна появиться в «Фелькишер беобахтер» и затем быть конфискована. Лондон узнает об этом через 24 часа через посольство Соединенных Штатов. В этом смысл маневра. Все должно служить для маскировки действий на востоке». Или: «Я даю секретное поручение Винкелькемперу передать по радио на иностранных языках английское мнение о вторжении и неожиданно на середине прервать эту передачу. Как будто в передачу вмешались ножницы цензуры. Это тоже будет содействовать тревоге» (14.06.1941).

Своего апогея «пропаганда шепотом» достигла непосредственно накануне вторжения: «Я приказываю распространить в Берлине сумасбродные слухи: Сталин якобы едет в Берлин, шьются уже красные знамена и т. д. Доктор Лей звонит по телефону, он целиком попался на эту удочку. Я оставляю его в заблуждении. Все это в настоящий момент служит на пользу дела».

Для вовлечения в войну против СССР третьих государств не забыли и проверенный метод провокации. 26 июня 1941 года три неизвестных самолета нанесли бомбовый удар по венгерскому городу Кошице. Несколько горожан погибли. Венгерские власти немедленно объявили — город бомбили именно Советы. Сохранился снимок неразорвавшейся в Кошице бомбы, на которой видна надпись «Путиловский завод». Хотя

еще в 1922 году завод был переименован в «Красный путиловец», а в 1934 году — вообще в «Кировский завод» (12). Устаревшими сведениями пользовались организаторы провокации.

Да что там неверные названия — в арсенале нацистской пропаганды находилось место и для фальшивых цитат. Например, в брошюре «Коммунизм без маски» Геббельс использовал научно точные, вплоть до указания страниц, фальшивые ссылки на источники. А во время боев в Арденнах, уже на излете существования Третьего рейха, нацистские агитаторы «запустили» на волну Би-би-си фальсифицированное интервью с самим английским фельдмаршалом Монтгомери.

В октябре 1942 года руководитель партизанского движения Пономаренко в своем докладе Сталину отметил любопытный провокационный прием немецкой пропаганды: «Очевидцы, вышедшие из немецкого тыла, рассказывают, что при вступлении в города и села немцы, уничтожая портреты вождей партии и советского народа, оставляли в первые дни нетронутыми портреты Молотова и Ворошилова, заявляя: "Это наши люди, они уже в Берлине"» и т. п. (13)

Вскоре после начала войны в плен немецким войскам попал сын Сталина Яков Джугашвили, и мимо такого подарка судьбы немецкая пропаганда просто не могла пройти. На советские войска посыпались многочисленные листовки, на которых сын Сталина был изображен рядом с высокопоставленными деятелями фашистской Германии. Здесь же публиковались призывы к советским солдатам и офицерам прекратить бесполезное сопротивление и сдаваться в плен. Однако в действительности эти фотографии являлись фотомонтажом.

Более того, немцы начали «изобретать» других родственников советских правителей для использования их в психологической войне. 27 ноября 1941 года появилось сообщение о том, что в плен сдался «сын» Молотова. «Обращаются с пленными хорошо, — заявлял «сын» Молотова. — Разрешите всем вам персонально передать свой пламенный братский, чисто русский привет и пожелать долгих лет жизни для будущей счастливой, освобожденной от большевиков и жидов России» (14).

«28 ноября. Представители иностранной печати в Берлине имели возможность присутствовать сегодня вечером при допросе сына Молотова». В сообщении подробно излагались ответы «сына Молотова» на многочисленные вопросы корреспондентов. Откровенные призывы к советским солдатам сдаваться в плен, пропаганда «хорошего обращения» с пленными, призывы очистить СССР от «большевиков и жидов» — все это позволяет сделать вывод, что на этот раз гитлеровские пропагандисты запустили в эфир и на встречу с журналистами типичного «сына лейтенанта Шмидта» (15).

Немцы прибегали к маскараду и в иных случаях, в частности создавали ложные партизанские отряды из полицейских или власовцев, переодетых в красноармейскую форму или гражданское платье. Они вступали в контакт с небольшими группами или одиночными партизанами, побуждали их присоединиться к отряду, а затем, выждав удобный момент, уничтожали или брали в плен.

И еще о родственниках. До сих пор считается, будто Гитлер хотел выручить из плена генерал-фельдмаршала Паулюса в обмен на Якова Джугашвили, а Сталин ему отказал. На самом деле фюрер предложил обменяться ближайшими родственниками: лейтенанта на лейтенанта. Так что приписываемая Сталину фраза «Я простого солдата на маршала не меняю» — миф (16).

Но, конечно же, не является мифом эпохальная победа советского народа под Сталинградом, в результате которой означенный Паулюс очутился в советском плену. Незадолго до того Отто Бройтигам, высокопоставленный чиновник министерства Розенберга, в секретном докладе начальству от 25 октября 1942 года писал: «Обладея присущим восточным народам инстинктом, простые люди вскоре обнаружили, что для Германии лозунг «Освобождения от большевизма» на деле был лишь предлогом для покорения восточных народов немецкими методами. Не составляет отныне секрета ни для друзей, ни для врагов, что сотни тысяч русских военнопленных умерли от холода и голода в наших лагерях... Сейчас сложилось парадоксальное положение, когда мы вынуждены набирать миллионы рабочих рук из оккупированных европейских стран после того, как позволили, чтобы военнопленные умирали от голода словно мухи... Наша политика вынудила как большевиков, так и русских националистов выступить против нас единым фронтом. Сегодня русские дерутся с исключительной храбростью и самопожертвованием во имя признания своего человеческого достоинства, ни больше, ни меньше» (17).

А днем раньше Геббельс (на инструктаже 24 октября 1942 года) отдал распоряжение распространить в народе слухи о применении немцами в Сталинграде «неслышанно эффективного оружия». Через месяц пошли разговоры: дескать, в Сталинграде объявились немецкие огнемётные танки, способные повергать в море пламени дома по шесть этажей и выше, что там солдатами вермахта впервые применили автомат со скорострельностью 3 тысячи выстрелов в минуту. Однако при всех этих «точных» деталях речь шла о чистейших измышлениях.

Когда же немецкие войска оказались в окружении, для поддержания боевого духа среди солдат распространяли сплетни о том, что вскоре в котел доставят на самолете секретное оружие, с юга ожидаются две танковые армии, корпус СС движется маршем с севера, а фюрер прибыл

в Сталинград, Москва уничтожена какими-то непонятными силами, Испания и Китай объявили войну союзникам и тому подобное. Один из немецких фронтовиков вспоминал: «Среди нас распространилась идея — и она мгновенно возобладала, — что все это не катастрофа, а блестящий маневр верховного командования. Говорили о новых танках, о наступлении с севера, о секретном оружии, превращающем все в пыль» (18). В действительности же максимальное растягивание агонии 6-й армии явилось одним из факторов, благодаря которому стало возможным соединение 1-й и 4-й немецких танковых армий и спасение ситуации на всем немецком южном фланге фронта.

Но далеко не всегда нацисты использовали ложь во спасение, скорее, наоборот. Ложь цинично прикрывала самые изощренные злодеяния, например для планомерного уничтожения евреев. Когда поезда с узниками прибывали в лагеря смерти (хотя по прибытии и происходили душераздирающие сцены разлучения), никто из узников не подозревал, что их ждет впереди. Некоторым из них даже вручали красивые открытки с видами Вальдзе, которые оставалось только подписать и отправить домой родственникам. Заранее напечатанный на открытке текст гласил: «Мы тут хорошо устроились, получили работу, и с нами хорошо обращаются. Ждем вашего приезда».

Сами по себе газовые камеры и примыкающие к ним крематории отнюдь не производили зловещего впечатления. Было невозможно определить истинное предназначение этих зданий: вокруг них раскинулись хорошо ухоженные газоны и цветочные клумбы, надписи при входе гласили «Бани». Ничего не подозревавшие жертвы считали, что их просто ведут в парилку, дабы избавить от вшей — распространенного явления во всех лагерях. Всё действие сопровождалось приятной музыкой. Оркестр молодых симпатичных девушек, одетых в белые блузки и темно-синие юбки, набирали из узниц. Пока шел отбор кандидатов в газовые камеры, ансамбль наигрывал бравурные мелодии из «Веселой вдовы» и «Сказок Гофмана». Вот наглядный пример нацистского обмана, доведенного до свой высшей, можно сказать, дьявольской сути.

Действенность нацистских приемов пропаганды, в числе прочих, отмечал и президент Рузвельт. В своем обращении к нации 23 февраля 1942 года он, критикуя поддавшихся панике соотечественников, резко заметил: они «дошли до того, что, оказывая большую услугу вражеской пропаганде, стали распространять невероятные рассказы: будто в нью-йоркскую гавань вот-вот должны прийти целые корабли, груженные телами павших американских воинов, для захоронения их в общей могиле. Почти в каждой радиопередаче из Берлина, Рима или Токио прямо цитируют американцев, которые в устных выступлениях

или в печати распространяют подобную отвратительную ложь» (19). Показателен пример организованной немцами дезинформации с целью распыления материальных ресурсов союзников. Немецкими войсками танк «Шерман» расценивался как не очень боеспособный, однако «Германским информационным бюро» он представлялся как особо опасное оружие противника. Цель — побудить американское руководство продолжать производство заведомо слабой машины (20).

Теперь Геббельсу необходимо было убедить союзников, что вторжение в Европу обречено на провал. На инструктаже 22 апреля 1942 года Геббельс велел организовать якобы английские радиопередачи на Францию, в которых следовало подчеркивать, какие разрушения и жертвы навлечет на французов открытие Второго фронта, а также изучить вопрос о заброске во Францию будто бы английских листовок с аналогичным содержанием. Тем временем, немецкий гарнизон в Париже периодически устраивал демонстративные марши с новыми танками, со всем снаряжением и обозами через весь город. При движении колонны максимально растягивались, дабы произвести на обывателей и вражеских разведчиков впечатление большой силы. Фоторепортеры и журналисты преподносили военно-пропагандистский маневр как демонстрацию мощи немецких войск на Западе.

В Министерстве пропаганды поспешно создали серию документальных фильмов об оборонительных сооружениях немцев на побережье Франции, т. н. «Атлантическом вале». Геббельс наставлял немецкую прессу подчеркивать надежность укреплений, в частности, газета «Рейх» писала: «Немецкий народ опасается скорее не самого вторжения, а того, что его не будет. Если враг действительно вынашивает планы начать с беспредельным легкомыслием предприятие, где все будет поставлено на карту, то тут ему и крышка!» (21) А газетам сателлитов Германии и оккупированных стран предписывалось перепечатывать подобные статьи. Иностранцев корреспондентов из нейтральных стран возили на осмотр фортификационной линии, и по возвращении они все неизменно говорили, что оборонительные бастионы немцев выглядят неприступными. Когда союзники овладели побережьем Нормандии, они были весьма удивлены, насколько слабой (относительно слабой) оказалась оборона немцев на самом деле.

После падения «Атлантического вала» вопрос о существовании «Тысячелетнего рейха» стал лишь вопросом времени — союзные армии неуклонно приближались к Берлину. Особый страх у немецкой расы господ вызывали исполненные жаждой мести русские армии. В атмосфере ужаса и паники, нагнетаемой рассказами беженцев, действительность искажалась, а слухи побеждали факты и здравый смысл. По городу

ползли жуткие истории о кошмарнейших зверствах. Русских описывали узкоглазыми монголами, безжалостно и без раздумий убивающими женщин и детей. Говорили, что священников заживо сжигают огнеметами, монахинь насилуют, а потом голыми гоняют по улицам. Пугали, что девушек превращают в проститутку, переезжающих за воинскими частями, а мужчин отправляют на каторгу в Сибирь.

Подобные слухи, усиленные официальной немецкой пропагандой, нервировали и обывателей на демократическом Западе. И вновь вмешался Рузвельт. В одном из своих последних выступлений (6 января 1945 года) он отметил: «То тут, то там возникают злонамеренные, беспочвенные слухи, порочащие русских, или британцев, или наших собственных военачальников. Если проследить происхождение этих слухов, на них всегда можно обнаружить одно и то же клеймо: "Сделано в Германии"» (22).

Распускаемые сведения о русских зверствах, кроме всего прочего, имели и вполне прикладную функцию — добровольного перемещения населения с территорий, которые могли быть захвачены неприятелем. Хотя это и не всегда приносило успех, о чем свидетельствует меланхоличное замечание «маленького доктора»: «Несмотря на нашу устную пропаганду, начатую несколько недель назад, эвакуация из Берлина имеет совсем незначительные масштабы. Ежедневно столицу рейха покидают примерно две с половиной — три тысячи человек. Это капля в море» (23).

В начале 1945 года Геббельс поместил в одной из норвежских газет «Откровения предсказателя судьбы Грюнберга», некоего астролога из Швеции. Грюнберг пророчил, что еще в течение некоторого времени война продолжит приносить Германии новые тяготы и беды, но закончится все же победой Гитлера. А потом Германия вместе с западными странами пойдет в поход на Советскую Россию. Не успела статья появиться, как уже разошлась по рукам по всей Германии, распечатанная на тонкой папиросной бумаге. Люди жадно читали предсказание в поисках долгожданного утешения. Невольно вспоминаются некие предсказания Нострадамуса о даме-спасительнице, размноженные в современной Украине одной из политических сил в рамках предвыборной кампании 2007 года.

Но люди верят сейчас, и люди верили тогда. Ошеломленный Клемперер приводит свой диалог с неким солдатом вермахта: «...Но противник так глубоко вклинился в Германию, да и наши ресурсы на исходе».

— «Вот уж не говорите, пожалуйста, — отвечает солдат. — Потерпите еще четырнадцать дней.

— А что может измениться?

— Да ведь будет день рождения фюрера. Многие говорят, что тогда начнется контрнаступление, а мы для того позволили противнику продвинуться так глубоко внутрь, чтобы уничтожить его наверняка.

— И вы в это верите?

— Я ведь только ефрейтор; моего разума в этих делах не хватает, чтобы судить. Но фюрер только что заявил — мы обязательно победим. А уж он-то никогда не врет. В Гитлера я верю. Нет, Бог его не оставит, в Гитлера я верю» (24).

Вера. Слепая вера, с которой начинаются все религии, и с нею, питаясь слухами о грядущем спасении, умирают. И до последних дней Геббельс активно использовал приемы подобной устной пропаганды, многократно доказавшей свою эффективность. «Мы намерены опубликовать ряд пророчеств, которые сейчас в народе обретают большую силу. Следует также интенсифицировать пропаганду с помощью таких средств, как листовки и «письма по цепи». Чего только не сделаешь в эти критические времена, чтобы сохранить хорошее настроение народа!» (25) «Хорошее настроение народа». Прекрасное определение выдал Йозеф Пауль Геббельс за месяц до своего самоубийства.

30. Пропаганда на оккупированных территориях

Мы приступаем к теме и горькой, и унижительной. Ведь, в конце концов, что бы ни делали нацисты, они считали, что трудятся на благо своего народа — обманывали, убивали невинных, разрушали города и целые страны, «расчищая» жизненное пространство для грядущего тысячелетнего Рейха. Но как быть со своими собственными предателями, теми, кто аплодировал захватчикам, сотрудничал с оккупантами, а порою и сам проливал кровь беззащитных жертв?

«Поощрять слабость и коррупцию. Так лучше всего управлять побежденным народом», — считал Геббельс, и его мысль остается актуальной до сих пор. Собственно, пропаганда на оккупированной территории является невоенизированным средством поддержания раздробленности сил сопротивления, удержания территории в повиновении с наименьшими затратами. Изучая историю, мы видим два разных типа управления и, соответственно, пропаганды, которые использовали гитлеровцы — на «цивилизованном» Западе и «диком», усмиряемом Востоке.

Оккупационная власть редко пользуется популярностью. И понимая это, в Норвегии, Голландии и Греции немцы зачастую немедленно отпускали захваченных военнопленных на свободу. Германское правительство считало, что подобным жестом доброй воли оно способствует примирению немецкого народа с народом оккупируемой

страны. Хотя не обходилось без трений, следы которых, присмотревшись, можно заметить и доныне. Так, когда в Амстердам приезжает сборная Германии по футболу, самая популярная кричалка у голландских болельщиков звучит как: «Верните нам наши велосипеды!» Дело в том, что во время войны немцы конфисковали их для нужд вермахта. И сей лютой национальной обиды голландцы не могут простить им до сих пор (1).

Лоьяльным на первых порах было отношение оккупационных властей к населению в Бельгии и Дании. После поражения Бельгии германское радио заявило: «Леопольд (король Бельгии — К.К.) действовал как солдат и как человек», после чего «фюрер приказал, чтобы обхождение с королем бельгийцев и его армией было достойным храбрых солдат, каковыми они себя проявили. Поскольку король бельгийцев не высказал пожеланий для себя лично, ему будет предоставлен замок в Бельгии...» (2). А Дания, по сути, стала протекторатом рейха, сохраняла ограниченный суверенитет, и сам Гитлер, исполненный любезности, находил время для поздравлений тамошнему королевскому семейству по случаю рождения дочери у кронпринцессы.

После победы над Францией, в качестве подарка французам Гитлер распорядился перевезти из Вены в Париж останки герцога Рейхштадтского, сына Наполеона. В самом Париже продолжалась нормальная жизнь: печатались журналы, работали театры, проходили выставки. Все эти Эдит Пиафы и Жан-Поль Сартры родом из эпохи оккупации. И еще один малоизвестный факт: в те годы в Париже функционировал самый мощный в мире телецентр, передачи которого принимали даже на берегах Ла-Манша. Пользуясь данным обстоятельством, в 1943 году нацисты наладили восьмичасовое вещание оккупационного телевидения во Франции. Его программа состояла из немецкого информационного обозрения, новостей культуры (!), детского часа, трансляций представлений варьете и балета, художественных фильмов (3).

Немецкий ставленник маршал Петен быстро стал самым популярным французским правителем со времен Наполеона. Он воплощал в себе буржуазный прагматизм, стремление к тихой и обеспеченной жизни, которые тогда завладели Францией, и притом волочился за каждой юбкой: «Секс и пища — единственные вещи, которые имеют значение», — говаривал дряхлый маршал. Однако церковь боготворила его. Кардинал Жерлиес, примас Франции, объявил: «Франция — это Петен, и Петен — это Франция» (4). К нему относились как к королю. Крестьяне выстраивались вдоль железнодорожных путей, по которым проходил его поезд, а женщины подавали ему своих младенцев, чтобы он коснулся их. Выбор Гитлера оказался весьма удачен.

Тем временем около 40% промышленного производства Франции, 1,5 миллиона рабочих и половина дохода французского государственного сектора работали на германскую военную экономику, производя на потребу победителям все необходимое — от грузовиков до шампанского. Главнокомандующий экспедиционным корпусом союзников генерал Эйзенхауэр не смог скрыть своего шока, убедившись, насколько мало знали и интересовались событиями в мире жители Франции и прилегающих стран. «В целом освобожденные народы были поразительно не осведомлены об участии Америки в войне. Наши усилия были настолько преуменьшены и высмеяны нацистской пропагандой, что очевидная мощь американских армий, появившихся в Европе, привела в полное изумление население Западной Европы» (5).

В свою очередь, масштабы Сопrotивления в Западной Европе сильно преувеличены в идеологических целях послевоенной реабилитации народов. В движении Сопrotивления во Франции за пять лет погибли 20 тысяч (из 40 миллионов) французов. Однако за тот же период времени от 40 до 50 тысяч (в 2-2,5 раза больше) французов сложили головы, воюя на стороне Германии против стран антигитлеровской коалиции (6).

Хотя без репрессий не обходилось — режим все-таки не санаторный, а оккупационный. Для иллюстрации: 22 октября 1941 года французская газета «Лё Фар» опубликовала следующее объявление: «Утром 20 октября трусливые преступники, состоящие на службе Англии и Москвы, убили коменданта города Нанта. Убийцы до сих пор не задержаны. В порядке отмщения за это преступление я приказал расстрелять 50 заложников. Еще 50 заложников подлежат расстрелу в случае, если виновные не будут арестованы до полуночи 23 октября» (7). Подобные публикации, помещенные в черную рамку, стали обычным явлением на страницах газет или красных уличных тумбах в городах Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии. Соотношение жертв, публично объявленное немцами, неизменно составляло 100:1, то есть сто заложников за каждого убитого немца. Во Франции за время войны гитлеровцы расстреляли 29 600 французских заложников. Но, с другой стороны, только во время высадки союзных войск в Нормандии, во время плановых бомбардировок союзников, погибло более сорока тысяч французских мирных жителей.

Несколько иначе вели себя гитлеровцы, если территория, где они хозяйничали, считалась ими полностью своей. Например, в той же Австрии после ее оккупации вместо слова «Австрия» во всех официальных документах рекомендовалось использовать название отдельных областей, на которые ее расчленили, либо термином «Альпийские и Дунайские имперские области» — наглядный пример

понимания нацистами значения исторической топонимики⁵⁶.

Протекторат рейха «Чехия и Моравия» попал в жесточайшие тиски «онемечивания». На чешские заводы назначались немецкие управляющие, в учреждениях вводился немецкий язык, изменялись названия улиц, населенных пунктов. Массовый характер приняло выселение местных жителей из квартир и заселение их немцами. В ряде пунктов закрывались чешские школы и открывались немецкие, которые финансировались чешским правительством.

Сегодня много говорят о том, что Польша незаслуженно пострадала от действий диктаторских режимов Гитлера и Сталина, но забывают о том, что Польша накануне войны являлась государством-угнетателем национальных меньшинств, притом враждебное большинству окружающих ее стран. В свою очередь, немцы учредили на оккупированной ими территории «Генерал-губернаторство», подлежащее безжалостной эксплуатации. С 1 сентября по 26 октября 1939 года группы уничтожения расстреляли здесь 50 тысяч человек, преимущественно представителей местной интеллигенции. Были закрыты все польские книжные магазины, научные институты и вузы. Запрещены польские газеты и журналы, и даже вывески на польском языке, запрещено само преподавание польского языка. Закрыты зоологические сады, а звери отправлены в Германию. Отдельно запрещен Шопен (8).

Кое-кто подобную политику одобрял. Уже 5 ноября 1939 года члены Украинского комитета в Холме в письме рейхсминистру Розенбергу подчеркивали: «Слава Богу, что Польша разрушена по высшей воле фюрера. Наши жертвы и страдания окончены, и мы принадлежим сейчас к крупнейшей мировой культурной державе» (9). «Культурная политика» на оккупированной территории, кроме всего прочего, состояла и в государственной поддержке православной церкви. 5 февраля 1942 года уполномоченный германского МИДа писал своему руководству: «В отношении обеих Украинских православных церквей в Генерал-губернаторстве — православной и униатской — со стороны правительства генерал-губернатора занята доброжелательная позиция: в то время как выплачиваемые бывшим польским государством Римско-католической церкви дотации были упразднены, обе православные церкви в Генерал-губернаторстве об ограниченном объеме и без признания официальных обязательств получают государственные дотации» (10). Церковь, находящаяся на содержании Третьего рейха, разумеется, всячески демонстрировала ему свою лояльность и удерживала крестьянские массы от возможных эксцессов.

⁵⁶ Сегодня мы видим продолжение подобной практики в сознательном искажении географических названий и национальных имен.

Сегодня польское сопротивление героизируется. И, конечно же, честь и хвала тем, кто не щадил своей жизни в борьбе с общим врагом, но преувеличивать размах битвы тоже не стоит. В ходе польского сопротивления погибли 33 тысячи (из 35 миллионов) человек; югославы, между тем, потеряли около 300 тысяч (из примерно 16 миллионов жителей страны); потери албанского сопротивления — 29 тысяч человек (из 1 миллиона населения). Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью, в Польше в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании (11).

А ведь условия борьбы в Югославии были самыми что ни на есть чудовищными. Именно здесь в основном лютовали хорваты-усташи, наводившие ужас на самих немцев. Лидер Хорватской крестьянской партии Влатко Мачек (заключенный усташами в концлагерь) пишет, что он увидел, как один из лагерных охранников-усташей, который целый день убивал людей, постоянно крестится перед сном. "Я спросил его — не боится ли он Божьей кары? — «Лучше не говорите об этом, — ответил он, — я прекрасно понимаю, что меня ожидает. За все мои прошлые, нынешние и будущие прегрешения я буду гореть в аду. Но я буду гореть в аду ради Хорватии!"» (12). Такова людоедская логика всех националистов. Да и с адом — еще не факт, поскольку Хорватская католическая церковь фактически благословила геноцид сербов. Из всех хорватских иерархов только епископ Мостарский Алоизие Мишич выступил с осуждением резни и запретил своим священникам отпускать грехи тем католикам, которые запятнали себя человекоубийством (13). Средневековые зверства хорватских националистов вызвали возмущение даже у командования итальянских оккупационных войск, которое специально ввело своих солдат в Герцеговину для защиты сербского населения.

В свете полученного в предыдущих завоеваниях опыта, вторжение в Россию планировалось особенно тщательно — и в пропагандистских, и в экономических, и в социальных аспектах. Весной 1941 года на стыке двух министерств (пропаганды и оккупированных восточных территорий) было организовано особое учреждение под названием «Бинета» (или «Винета»). Оно занималось разработкой и переводом пропагандистских материалов, предназначенных для Красной армии и населения СССР. Позже ведомству поручили заниматься пропагандой в лагерях для военнопленных и «остарбайтеров». В 1944 году его бюджет достиг 5 миллионов рейхсмарок, а штат насчитывал около 400 немецких сотрудников и более 1,5 тысячи переводчиков из стран, на которые велось радиовещание и печаталась текстовая пропаганда (14).

Перед началом вторжения Геббельс лихорадочно записывал:

«Директивы пропаганды на Россию: никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма, не говорить открыто о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию), против Сталина и его еврейских приспешников, земля — крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях» (05.06.1941 г.). Все эти идеи находили свое воплощение в военных приказах. Накануне войны командование вермахта издало «Указания о применении пропаганды по варианту “Барбаросса”», где наряду с запрещением проговариваться о намерениях расчленить Советский Союз, запрещалось также ставить вопрос о разделе земли и роспуске колхозов. Здесь же указывалось, что «пресса должна видеть свое призвание в том, чтобы оказывать на население успокаивающее действие, удерживать от каких бы то ни было актов саботажа» (15).

Перед началом операции «Барбаросса» министр пропаганды снова обращается к своему дневнику: «Будет отпечатано около пятидесяти миллионов листовок. Упаковку производят 45 солдат, которые до начала операции не будут отпущены». (12.06.1941 г.). Наряду с этим, Геббельс приказал изготовить плакаты, изображающие хорошее отношение немецких солдат к коренному населению. Причем стиль плакатов должен был резко отличаться от наглядной агитации, тиражируемой на Западе, потому что «восточный человек знает лишь систему, в которой есть господа и слуги» (16).

В целом система немецкой пропаганды на оккупированных территориях действовала умело, эффективно, а численность советских коллаборационистов в вермахте, СС и полицейских частях составила свыше одного миллиона человек. Косвенным подтверждением живучести среди советского народа тезисов нацистской пропаганды служит то, что люди, оказавшиеся волею судеб на оккупированных территориях, еще долго ходили у коммунистической власти в «неблагоденствующих».

В систему пропаганды включались также низовые звенья оккупационной администрации — старосты, бургомистры и др. чины. Существовали специальные пропагандистские школы, и их посещение считалось обязательным для учителей, врачей, служащих оккупированных территорий. Большую подмогу в пропагандистской деятельности на оккупированных территориях играли местные средства массовой информации, как правило, газеты. Еще до вторжения Геббельсу не терпелось приступить к изданию газет в Киеве, Москве, Ленинграде: «Кадры, которым поручено подготовить это дело, уже отправлены. Они находятся частично за войсками в палатках и сразу возьмутся за дело, как это только станет возможным». (24.06.1941 г.) Или: «Аман занимается

уже созданием крупных газет в оккупированных областях. «Фёлькишер беобахтер» в Москве — вот это было бы что-нибудь новое!» (3.07.1941 г.).

В первые дни ВОВ на руку пропаганде вермахта играло доверие советских людей к печатному слову, отсутствие у них альтернативных источников информации. Ради привлечения внимания читателей, привыкших с уважением относиться к местным изданиям, зачастую логотип и название оставляли прежними. «Голос народа» издавали в Смоленске, «За Родину» в городе Дно Ленинградской области, «Белгородскую правду» в Белгороде и т. п. Большинство газет выходили тиражом 5-10 тысяч экземпляров. Однако тираж некоторых достигал и 50-150 тысяч («Белорусская газета», например, — 50 тысяч, «Немецкая украинская газета» — 150 тысяч экземпляров) (17). Порою кроме нацистского официоза и воспевания коллаборационистов в них появлялись и любопытные публикации. Так, 23 мая 1943 года в симферопольской газете «Голос Крыма» появилась статья некоего И. Сельского «Писатель под запретом», посвященная Михаилу Булгакову и выдержанная в строго искусствоведческих рамках.

Интересны воспоминания очевидца о некоей «Северной газете»: «Помню напечатанную статью: «В Гатчине выступал выдающийся артист — певец Пичковский. Его прекрасный тенор радует зрителей». Пичковский до войны был артистом Мариинского театра. В то время он считался лучшим певцом театра. Его коронной ролью стала роль Ленского. Красивый тенор Пичковского особенно пленял женщин. «В 1941 году, когда немцы приблизились к Гатчине, за ним дважды посылали легковую машину, а он грязно выругался и заявил, что проживет неплохо и при немцах. После войны он заявился в Мариинский театр, но весь коллектив театра запротестовал, и он был отстранен. Из двух квартир, которые он имел до войны, ему дали лишь одну. Больше он нигде не выступал, и все его забыли» (18).

Активно работало в захваченных областях и местное радио. Для примера — радиопрограмма Псковского радиоузла, который выходил в эфир до 6 раз в день: последние известия, сводки германского командования и статьи из оккупационных газет; три-четыре раза в день — концерты и записи на грампластинках (19). Радио на оккупированных территориях вело активную контрпропагандистскую работу против Москвы. Так, 12 ноября 1943 года специальная передача из Берлина на русском языке была посвящена критике доклада Сталина о 26-й годовщине Октябрьской революции. В передаче брались основные положения доклада и к ним давались комментарии, выдержанные в резко антисоветском, антисталинском плане. "Советский строй оказался не только лучшей формой организации", — говорит Сталин. Да. Да.

В течение всех 5 тысяч лет нашей исторической эры мир еще не знал такой организации. Ни Египет, ни Древний Рим, ни Византия, ни Средние века, ни эпоха инквизиции — никто не знал организации, которую подарил Сталин народам Советского Союза. Предатели и провокаторы, палачи и шпионы, пытки и убийства, застенки, концентрационные лагеря, сексоты на улицах, сексоты на службе, сексоты в собственной семье, плеть и приклад, пуля и яд, деньги, пахнувшие кровью, и кровь, пахнущая деньгами, — вот лучшая форма сталинского строя» (20). Или передача от 17 ноября 1943 года, в которой радио Берлина особо отмечало, что сотрудничество союзников — это «новые поставки советского пушечного мяса англо-американским пушечным королям» (21).

В работе радиостанций часто принимали участие известные в СССР люди. Среди них числились Эрнст Тоглер (один из руководителей Коммунистической партии Германии, депутат рейхстага; обвинен в поджоге Рейхстага, потом сотрудничал с нацистами) и Карл Альбрехт (в 1930-е годы возглавлял наркомат лесной промышленности СССР, был репрессирован, но бежал и сумел перебраться в Германию; опубликовал книгу «В подвалах ГПУ»). Они, и подобные им «проверенные» кадры использовались в работе таких средств массовой дезинформации, как радиостанция «Старая гвардия Ленина». Она вела свои передачи, используя в качестве маскировки свою якобы принадлежность к старым большевистским кадрам, недоистребленным Сталиным.

Национальное радиовещание также не оставалось в стороне от внимания нацистских агитаторов, в чем им охотно помогали местные журналисты. Впрочем, помогают и до сих пор. 28 октября 1943 года на волнах львовской радиостанции украинские националисты вопрошали: «Так куда же стремится «рать-освободительница», где снова хочет топтать украинскую землю сапог красной Москвы, куда снова хотят попасть большевистские вшивые «освободители» с портретом Сталина вместо православной иконы, с энкаведистами, как учителями советской правды и освободителями нас от брэнной жизни, мастерами по отправке на тот свет после пыток и мук людей?! В этом энтузиазме раскрывается нутро прожорливого Иосифа Виссарионовича и его прихлебателей. Они хотят захватить всю украинскую землю в свои руки и завести на ней на свой советский лад сеть памятников-могил» (22).

Упоминание НКВД вовсе не случайно. Репрессии тридцатых годов дали нацистам серьезный довод в психологической войне. Советский подпольщик К. Ю. Мэттэ вспоминал: «Фашистская агитация делала очень большой упор на то, что в СССР нет почти ни одной семьи, в которой бы кто-либо из родных или родственников не был осужден или не преследовался бы органами НКВД. Это оказалось одним из самых

выигрышных козырей в руках фашистов, так как почти все население соглашалось с этим, хотя впоследствии и говорило, что... немцы своими зверскими расправами, небывалыми в истории человечества, оставили большевиков далеко позади» (23).

Тема репрессий тщательно смаковалась и в контексте антисемитской пропаганды. По сути дела, ставился знак равенства между сталинскими палачами и евреями. «Линия нашей пропаганды вполне ясна: мы должны по-прежнему разоблачать совместную работу большевизма и плутократии, выставляя все более и более еврейский характер этого фронта» (Геббельс). (24) И, выполняя указания своего шефа, нацисты всемерно разжигали в Советском Союзе антисемитизм, используя все средства, включая радиовещание. «Защищайте свободу русского народа и помогайте нашей родине выполнять дело Сталина, Кагановича, Берии», — язвительно говорилось в радиопередаче, комментировавшей призывы ЦК ВКП(б) к годовщине Октябрьской революции: «Вот это лозунг, так лозунг! Требуйте от русских людей, чтобы, не жалея своей крови и жизни, они защищали родину от врагов русского народа... То, что тут говорится о победе, это жидовская фирма, это нигде не виданная кабала и тюрьма подлинной родины и русского народа. И приходится дольше истошно звать на помощь братьев-славян, забывая, что кому-то, а Сталину и Кагановичу славяне не братья» (25).

Уже 9 июня 1941 года немцы издали на русском языке бессмертный бестселлер антисемитской литературы — «Протоколы сионских мудрецов». Этот памфлет, выдаваемый за подлинный план всемирного еврейского заговора, открывался цитатой из «Майн Кампф», где утверждалось, что «"Протоколы" — очень нужная и актуальная книга. «Протоколы сионских мудрецов», столь ненавистные евреям, несравненным образом показывают, насколько все существование этого народа построено на непрерывной лжи. То, что многие евреи, может быть, делают бессознательно, здесь излагается с полным сознанием... Кто просмотрит исторические события последних 100 лет в свете этой книги, тому сразу станет понятно, почему еврейская пресса подняла такой гвалт. Ибо в день, когда эта книга станет достоянием народов, еврейская опасность может считаться преодоленной» (26).

Вслед за изречениями Гитлера шли антисемитские высказывания Вольтера и Гёте, Пюго и Наполеона. Вольтер, например, утверждал: «Эта маленькая нация не скрывает своей непримиримой ненависти ко всем остальным народам. Ее представители всегда жадны к чужому добру, подлы при неудаче и наглы при удаче». Здесь же, в обоснование «окончательного решения еврейского вопроса», цитировалась статья «Еврейский вопрос» из «Дневника писателя за 1877 год»

Ф.М. Достоевского: «Что если бы не евреев было в России три миллиона, а русских, и евреев было бы 160 миллионов? Ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы их прямо в рабов? Хуже того, не содрали бы кожу совсем, не избили бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали с чужими народами в старину?» Исследователь Б. Соколов отмечает, что в оригинале у Достоевского написано «80 миллионов», не 160. Но численность населения страны нацистские агитаторы сознательно увеличили вдвое — для придания цитате большей актуальности (27).

В 1933-1945 годах на территориях, находившихся под нацистским контролем, жило около 3 миллионов евреев, что, к слову сказать, дает возможность современным исследователям оспаривать официальную цифру жертв среди евреев — 6 миллионов человек. Но сейчас разговор не о количестве жертв — в любом случае они чудовищны. На востоке гитлеровцы окончательно отбросили маску цивилизованных людей и приступили к физическому истреблению всего еврейского народа. Были сформированы т. н. айнзатцгруппы, в которые отобрали 3 тысячи добровольцев, задачей которых стало убийство гражданского населения за линией фронта. Расчет также делался на привлечение местных кадров, вроде батальона из бывших военнослужащих польской армии украинской национальности, сформированного зимой 1940/41 годов. Этот батальон назвали «Нахтигаль» («Соловей»), поскольку он имел хор, сравнимый с лучшими, получившими международную известность казачьими хорами.

Первый акт трагедии разыгрался в захваченном в начале войны Львове. Вот как описывает приход немецких войск во Львов один из чудом уцелевших узников гетто Д. Кахане: «Когда советские войска оставляли Львов, в городе было три тюрьмы, забытые арестантами... Многих из них приговаривали к смертной казни, а трупы закапывали во дворе тюрьмы... Гестапо решило использовать то, что происходило в тюрьмах при советской власти, для своей пропаганды. Евреев заставили вскрывать могилы в тюрьмах в присутствии специально созданных комиссий... Началась бесовская игра. Немцы хватили евреев прямо на улицах и в домах и заставляли работать в тюрьмах... Украинцы и поляки охотно помогали немцам. В три или четыре дня операция была завершена. Каждое утро сгоняли около тысячи евреев, которых распределяли по трем тюрьмам. Одним приказывали разбивать бетон и выкапывать тела, а других заводили во внутренний тюремный двор и расстреливали» (28).

Убивали не только евреев. В воспоминаниях министра иностранных дел союзной немцам Словакии о львовской резне говорилось: «Группы

украинских националистов врвались в квартиры 36 ученых с мировым именем: педагогов, ректоров, геологов, хирургов, между ними профессора математики, бывшего председателя польского правительства Казимира Бартеля, писателя и академика Бой-Желенского. Их привели в свой штаб, где зверски мучили, а ночью вывезли за город в Вулецкий парк, заставили себе вырыть общую могилу, а затем их расстреляли». И там же: «Местному фотографу носили проявлять фотопленки, на которых было запечатлено позирование возле убитых, застреленных, повешенных и замученных» (29). Откровенно говоря, я не слышал, чтобы кто-нибудь из преступников, устроивших львовский погром, покался, а современная украинская историческая наука его замалчивает из-за слишком явного участия в нем формирований украинских националистов.

Вскоре те же «национальные кадры» отличились в Киеве при расстрелах во всемирно известном сегодня Бабьем Яру. По правде говоря, убийства на том скорбном месте начались еще до 29 сентября (официальной даты скорби по жертвам Бабьего Яра), и их первыми жертвами стали плененные офицеры и политработники Юго-Западного фронта. Казни осуществлял состоявший из националистов-оуновцев Буковинский курень под командованием Петра Войновского, а вояки куреня позднее составили элиту командных кадров УПА. Позже, когда началось уничтожение еврейского населения Киева, им в помощь был придан Киевский курень Петра Захвалынского, ставшего вскоре комендантом киевской полиции. Позднее Буковинский и Киевский курени преобразованы в 115-й и 118-й штурманшафты батальоны СС. 118-й батальон особенно «прославился» зверским уничтожением белорусской деревни Хатынь (30).

В целом по количеству наград СС киевская полиция лидировала среди аналогичных формирований на оккупированной территории. Мало было повода для гордости перед земляками у бывшего петлюровского министра Ивана Огиенко (он же — митрополит УАПЦ Илларион). «Люди злые, враждебно смотрят на нас, как когда-то, очевидно, смотрели киевляне на татар-завоевателей. Никакого уважения к нам. Всех приезжающих украинцев, то есть нас, называют фашистами, сообщниками Гитлера, хотя это, в известной мере, правда. Немцы действительно поручают нам, честно говоря, самые мерзкие дела» (31).

Несколько иначе, хотя и с тем же трагическим результатом, развивались события в Минском гетто. «В первое время немцы даже создавали видимость внимательного отношения к гетто. Снабжали гетто хлебом через управы. В гетто были созданы учреждения медицины, детские больницы и отпускали для больниц продукты. Работали здесь еврейские врачи. Для детей даже отпускали дополнительное питание»

(32). В районе существовала специальная еврейская полиция (!), которая надзидала за порядком и периодически проводила облавы. Вырвавшийся из Минского гетто Рафаэль Моисеевич Бромберг оставил описание погрома 2 марта 1942 года: «...привезли евреев из гетто на машинах, держали сутки во дворе под навесом. Затем приказали снять с себя всю одежду и привели к краю вырытых ям. Выстроили в шеренгу 1-ю роту украинского батальона и приказали солдатам открыть огонь. После первой команды не было ни одного выстрела. Подали вторую команду «огонь» — раздалось 2-3 выстрела в воздух. После этого немцы отвели украинцев, привезли две бочки спирта и напоили их, затем вторично построили украинцев, за их спинами встали немецкие автоматчики. Тогда украинцы открыли огонь» (33).

Ужасная сцена, но все же в описании очевидца мы не наблюдаем того упоения кровью, что случилось во Львове. Не будем и мы мазать всех одним цветом — кто знает все обстоятельства жизни? Сложнее понять тех, кто, уже зная страшную истину (а на оккупированной территории правда о массовых казнях стала известна очень скоро), продолжал в псевдопатриотическом угаре свои преступные разглагольствования. Так, в брошюре В. Лужского «Еврейский вопрос», изданной в Смоленске в 1943 году, утверждалось: «Антисемитизм, т. е. ненависть к еврейству, противоядие против разлагающего влияния еврейства, живет инстинктивно в каждой здоровой арийской нации. Антисемитизм — явление не книжное, а глубоко народное — это самооборона народного духа против еврейского засилья. Сами евреи, и только они, повинны в том, что ариец питает к ним ненависть и презрение... Мы видим, что Провидение даст силы германскому народу в содружестве со всеми народами Европы уничтожить навсегда на земле кровавый еврейский кошмар и освободить мир от власти «золотого тельца», провозгласив единственной ценностью человечества — труд» (34).

Интересно, входил ли автор опуса Лужский (хотя, скорее всего, это псевдоним) в существовавший в то же время в Смоленске местный кружок культурно-нравственного просвещения? Кружок занимался религиозной пропагандой и даже добился разрешения зачитывать по радио доклады на религиозные темы. К марту 1943 года было проведено 9 таких радиодокладов, из них 4 на тему «Религиозные мотивы в русской поэзии», опубликовано 11 статей в газетах, организованы передвижные библиотеки религиозной литературы и т. д. В сентябре 1942 года кружок подготовил к выпуску и напечатал 30 000 молитвенников (35).

Вообще-то Геббельс не очень ратовал за религиозное возрождение на занятых территориях: «Я возражаю против применения церковной или царской пропаганды. Народы Советского Союза так далеки от

церковной и царской России, что здесь вряд ли можно рассчитывать на успех» (36). Однако лучше знавший Россию Розенберг не разделял его мнения, и вскоре на захваченной немцами территории ключом забила церковная жизнь, чему имелись свои предпосылки.

Даже в разгул репрессий, безбожничества и подавления любых форм инакомыслия, по результатам переписи 1937 года, на содержащийся в анкете вопрос о вере в Бога положительно ответили 56,7% населения СССР (37). А в годы войны, как признавали даже советские ученые, религиозность выросла еще больше. Но Советский Союз считал себя страной воинствующего атеизма — культовые обряды запрещались, священников массово репрессировали, церкви закрывали. Дефицит полноценной религиозной жизни иногда принимал самые причудливые формы. Так, в Витебской области, по сообщению СД от 8 октября 1941 года, с приходом немцев крестьяне даже раскапывали погребенные трупы, чтобы они задним числом были отпеты священниками. Местная зондеркоманда СД запретила такого рода действия (38).

Германские органы власти получили команду терпеть Русскую церковь, но одновременно содействовать ее максимальному дроблению на отдельные течения. Также ставились задачи пропагандистского использования православия как духовной силы, преследуемой Советами. Весьма выразителен в этом смысле проект приказа министра восточных территорий Розенберга рейхскоммисару Украины Коху, датированный январем 1942 года: «Русскую православную церковь в рейхскоммисариате Украины ни в коем случае нельзя поддерживать, так как она является носителем великорусской и панславянской идеи. Автокефальную же Украинскую церковь, напротив, следует поддержать в качестве противовеса Русской православной... Если епископы по причине различного понимания догматов станут друг с другом враждовать или вступят в конфликт со своим патриархом, то со стороны немецкого гражданского управления не должны предпринимать попытки их примирения или достижения договоренности. Также не следует возражать, если отдельные епископы будут подчиняться различным патриархам» (39). Звучит вполне актуально.

Многие деятели православного мира охотно сотрудничали с нацистским режимом и приветствовали начало его антикоммунистического крестового похода. Скажем, архимандрит Иоанн (Шаховской), впоследствии епископ Сан-Францисский, 29 июня 1941 года в газете «Новое слово» (№ 227/356) весьма пафосно приветствовал нападение Германии на СССР: «Кровь, начавшаяся проливаться на русских полях с 22 июня 1941 года, есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч русских людей, которые будут скоро выпущены

из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение. Кровавая операция свержения Третьего интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно» (40).

Панегирик, а иначе не назовешь, был пропет и в надежде на возрождение в районах, очищенных от большевиков, религиозной православной жизни. Действительно, лишь в районах РСФСР, оккупированных немцами, отрылось 2150 церквей, а на Украине в одной только Харьковской епархии при немцах работало 155 храмов (41). Особенное значение для верующих имела передача в январе 1942 года в Троицкий собор Пскова чудотворной Тихвинской иконы Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой и вывезенной немцами из Тихвина. А в декабре того же года оккупационные власти вручили экзарху 1026 русских Библий, Евангелий и церковных рукописей XVI-XIX веков. Во время торжественного акта передачи представитель ведомства Розенберга заявил: «Я передаю сегодня спасенные Библии и молитвенники православной церкви; она — под защитой германских военных сил — снова может совершать богослужения... Мы ведем одинаковую борьбу! Поэтому разрешите... вручить вам еще одно духовное оружие борьбы, являющейся также и нашей борьбой» (42). Подобные акции были рассчитаны, естественно, на пропагандистский эффект. Впрочем, и о прикладных целях пропаганды немцы не забывали. Можно процитировать хотя бы характерную листовку-молитву, распространяемую среди парафиан: «Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле» (43).

Но, как известно, основная — Московская ветвь русского православия — осудила нашествие захватчиков. Более того, многие ее пастыри вели активную борьбу против безбожного насилия оккупантов. В донесении СД от 6 марта 1942 года сообщалось о расстреле бургомистра города Кременчуга Синицы за то, что он, с помощью местного священника, укрывал евреев. Священник крестил их и давал христианские имена, спасая от уничтожения. Подобные случаи далеко не единичны. Соответственно, перед нацистскими пропагандистами появился еще один фронт психологической войны — религиозный, на котором они весьма активно сражались. Так, когда руководитель РПЦ митрополит Сергей поздравил Сталина с 26-й годовщиной Октябрьской революции, это послужило причиной специальной передачи немецкого радио от 13 ноября 1943 года: «Никакие религиозные маскарады, которые

организует Сталин, не помогут настоящей свободе религии, пока она будет существовать под советской властью. Она восторжествует только после гибели большевизма» (44). И, скажем откровенно, так ведь оно и получилось!

Распад СССР, современниками которого мы стали, связан, в том числе, с деятельностью различных национальных движений. Недаром аббревиатура СНГ некоторыми расшифровывалась как «Сбылись Надежды Гитлера». Для многоэтничного Советского Союза национальный вопрос всегда имел первостепенное значение. И это постоянно учитывалось в работе немецкой пропаганды на советские республики. Разумеется, мысль о развале Советского Союза по национальному признаку посещала не только Гитлера и Геббельса. Даже обычный коммерческий эксперт Рихард Ридль в своей аналитической записке («Мысли о переустройстве Восточной Европы», март 1943) указывал, что речь должна идти о том, как через раскол России по национальному признаку и сотрудничество с различными народами на территории СССР, гарантировать германское господство и обеспечить позицию рейха как мировой державы (45). На Нюрнбергском процессе правая рука Геббельса Ганс Фриче свидетельствовал: «Поскольку я мог наблюдать за тем, как проводилась пропаганда в Советском Союзе, я могу сказать следующее: эта пропаганда старалась призвать отдельные национальности к самостоятельности — Украину, Белоруссию, Прибалтику и т. д.» (46).

За красивыми словесами о свободе, независимости и демократии таились планы настолько нехитрые, что даже и расписывать запланированное истребление жителей захваченных немцами регионов как-то неловко. Но все это — искусственный голод, геноцид евреев, уничтожение военнопленных — действительно было, и стоило нашему народу 27 миллионов человеческих жизней. И реализовывали кровавый кошмар вроде бы нормальные люди, патриоты своей страны, образованные, а порою и забавные.

Возьмем, к слову, Муссолини, весьма колоритная фигура диктатора, журналиста и, вы удивитесь, воздушного пилота. Однажды, пролетая с Гитлером над землями оккупированной Украины, дуче стал просить своего закадычного друга, чтобы ему разрешили сесть за штурвал их самолета. Напрасно Гитлер и его помощники старались отговорить его от опасной прихоти. «Личный пилот фюрера, очень встревоженный, пробормотал что-то об этих «чокнутых итальянцах», а потом добавил: «Разбивайтесь, если хотите». Даже в самом страшном кошмаре Гитлер не мог представить, что ему придется лететь над только что завоеванной Украиной в самолете, который будет пилотировать не кто иной, как

итальянец, но он только молча сцепил зубы и про себя, на чем стоит свет, проклинал дуче до тех пор, пока машина благополучно не коснулась земли...» (47)

Здесь мы обратим ваше внимание на продолжение забавного исторического анекдота, который ничего не имеет общего с официальной как советской, так и немецкой пропагандой: «Гитлер так намучился, слушая рассказы о завоеваниях императора Траяна, а также во время упражнений своего друга в летном деле, что уже не мог себя сдерживать. Он вкратце описал будущее положение России и Украины под властью Германии: не допускающая никаких побегов рабовладельческая система под надзором местных, районных и региональных администраторов, наделенных безграничными полномочиями, по сравнению с которыми царский режим покажется жителям потерянным раем. Но больше всего германский царь возмущался безобразными дорогами и плохо возделанными полями. Он предложил привезти сюда нескольких немецких коммунистов, чтобы они воочию убедились, как сильно их российские идолы изгадили свою землю» (48).

Очень милая история, которая, однако, лишний раз подтверждает ту мысль, что в случае победы Германии нас, без сомнения, ждала бы участь рабов и, соответственно, все, кто помогали немцам в их борьбе против нас, вольно или невольно содействовали в достижении поставленной ими цели. Коллаборационисты, которых густо использовала немецкая пропагандистская кухня, были и остаются нашими врагами, вне зависимости от причин, толкнувших лично каждого из них на сотрудничество с оккупантами, ибо целью сотрудничества являлось безусловное закабаление и истребление нас, всех жителей Восточной Европы.

А помощников у гитлеровцев в достижении поставленных задач хватало. Немцев поддержало большинство крымских татар. В знак своей доброй воли оккупанты открыли все мечети на полуострове и предоставили татарам самоуправление на уровне деревень и поселков. Аналогичную работу они начали проводить и на Кавказе. Издававшаяся для кавказцев газета «Газават» выходила под лозунгом «Аллах над нами — Гитлер с нами». «"Под священным знаменем газавата мы или умрем, или снова вернемся в родной Карачай", — говорит Кады Байрамуков (герой одной из статей. — К.К.). И в его глазах горит непреклонная решимость. «Да, мы вернемся в наши аулы», — вторят вождю его испытанные друзья, ставшие под знамя газавата, — бойцы горского легиона» (49).

«Газават», в частности, публиковал очерки истории сопротивления Советам на Кавказе. Так, в номере от 11 августа 1943 года в передовице

«Мы отомстим!» некто Гобашев задавал товарищам по борьбе риторический вопрос: «Не нам ли мстить, когда наш родной Кавказ за годы большевистской ежовщины похоронил в тюрьмах НКВД 46000 лучших своих сынов, наших братьев и отцов?!» Такие доводы привели к сотрудничеству с немцами основную массу балкарцев. Их борьбу описал на страницах «Газавата» офицер горского легиона Я. Халаев, бывший колымский узник: «Но смирить балкарцев не удалось, балкарцы возненавидели коммунистов, колхозы и «остро отточенный меч» Сталина — ГПУ. Не горе, а злоба угнетала балкарских орлов, и они усердно готовились к битве. Клятву, данную у могил павших сынов Балкарии, балкарские патриоты выполняли честно, а особенно активно в 1941-1942 годах с помощью освободительной армии Адольфа Гитлера. Деятельность балкарских партизан — абреков и всего населения Балкарии хорошо известна германскому командованию» (50).

Справедливости ради необходимо заметить, что о преступлениях Гитлера те же карачаевцы или балкарцы, преподнесшие фюреру золотую сбрую, не имели не малейшего понятия. И когда «Газават» в одном из первых номеров писал: «Над Эльбрусом гордо реет германское военное знамя — символ свободы народов!» — эти слова отражали подлинные чувства многих кавказских горцев. Попутно заметим, что германские альпинисты из горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс» вряд ли смогли бы установить на Эльбрусе флаг со свастикой без помощи проводников-балкарцев.

Немецкая пропаганда вкупе со свежей памятью о советских репрессиях давала богатые всходы и на украинской земле — далеко не везде Красную армию встречали как освободительницу. «17 сентября 1943. Любопытную вещь отмечают ребята, побывавшие в Шостке, Конотопе, Бахмаче. Местные жители подавлены. У них какой-то надлом. Они не говорят «наши», а «русские», «красные» или «ваши». У всех чувствуется боязнь возвращения немцев»; «5 октября 1943. (Район Прилук.) Сильно развит тут национализм — немцы постарались всюю!»; «17 октября 1943. (Район Киева.) Деревушка грязна и, по сравнению с другими селами Украины, бедная. Настроения, однако, наши. Это проявляется во всем, вплоть до того, что говорят «наши», а не «красные» или «русские» (51).

Многие русские или украинцы, вкусившие «прелестей» оккупационного режима, все же включались в борьбу с оккупантами, однако многие из национальностей Советского Союза занимали если не враждебную (как в Крыму и на Кавказе), то выжидательную позицию. В Молдавии из 2892 действовавших там партизан этнических молдаван было лишь... семеро, а основную массу составляли русские, украинцы и белорусы. Песня про «смуглянку-молдаванку», собирающую

партизанский молдавский отряд, — не более чем поэтическая фантазия (52).

И, безусловно, над всей национальной пропагандой нацистов висел густой чад юдофобства. Гитлеровские агитаторы могли рассуждать о вещах мало известных обычному потребителю их варева, но вывод следовал, как правило, один для всех. Характерный пример: 26 ноября 1943 года в немецкой трансляции на эстонском языке на Таллинн говорилось, что польская дивизия им. Костюшко якобы переходит на сторону вермахта. Дивизия не хочет сражаться на стороне коммунистов, что дает повод к дальнейшим расстрелам поляков в СССР. (Пока понятно — немцы рассказывают эстонцам про поляков.) И дальше: «Роль преследователей поляков в Советском Союзе исполняют главным образом, польские евреи» (53). Ну, как же без евреев.

Осенью 1941 года, когда победоносные части вермахта под командованием Гудериана захватили Орел, немецкий военачальник попросил привести ему для беседы старого царского генерала. Возможно, он хотел узнать у коллеги по цеху причины столь упорного сопротивления русских армий, защищавших режим, который, по уверениям фюрера и Геббельса, должен рассыпаться, словно карточный домик, лишь немцы войдут в пределы СССР. «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно, — ответил Гудериану старый генерал. — Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать все с начала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины» (54).

В самом начале войны простые люди думали, что минет их чаша сия и репрессии коснутся только инородцев и коммунистов. Но чудовищные зверства, совершаемые оккупантами именно против простых людей, быстро изменили эту наивную точку зрения. На нашу землю ввалились не «цивилизованные» немцы образца 1918 года, как полагали некоторые, но воинство профессиональных убийц, убежденных нацистской пропагандой в своем физическом, умственном и моральном превосходстве. Даже если кто-то из менее распропагандированных немцев и думал иначе, директивы начальства снимали с него ответственность за негуманное отношение к попавшим к ним в лапы людям. Еще 20 декабря 1941 года Гитлер приказал: «У пленных и местных жителей безоговорочно отбирать зимнюю одежду. Оставляемые селения сжигать». (55) И буквально через неделю начальник его генерального штаба Гальдер, один из тех, кого западные историки называют «честными солдатами», добавил в своем военном дневнике: «Местное население:

наши войска слишком щадят местных жителей. Необходимо перейти к принудительным мероприятиям в отношении местных жителей» (56). Неудивительно, что пламя партизанской войны разгоралось на русских, белорусских и некоторых украинских территориях неудержимо, вынуждая оккупантов густо «украшать» улицы захваченных немцами городов антипартизанскими плакатами. (Плакаты обращались даже к детям, требуя не приближаться к лесу и не разговаривать с незнакомыми людьми).

По признанию вышеупомянутого советского подпольщика Мэттэ, вначале Советам было непросто противостоять немецкой пропаганде: «Сразу после прихода немцев основная масса крестьян говорила, что ей колхозы надоели, особенно надоели своей плохой организованностью, плохим руководством, которое очень часто бывало бестолковым, занималось пьянками и разбазаривало колхозное имущество, своевольничало и т. д. Поэтому открыто выступать на защиту колхозного строя было нецелесообразно, а разъяснялось, что и по вопросам земли фашизм преследует только свои цели, цели помещиков и кулаков» (57). И, как следует из дальнейших воспоминаний, «через несколько месяцев хозяйничанья немцев основная масса крестьян убедилась в этом и повернула против них». Можно только представить, что стоит за словом «хозяйничанье». «Забота о хлебе насущном превалирует над всем остальным, килограмм картофеля скорее завоеует их сердце, чем самая зажигательная листовка», — так расписывались пропагандисты вермахта в собственном бессилии осенью 1942 года (58).

Пытаясь проанализировать и исправить ошибки первого этапа войны, 11 июля 1943 года разведотдел 61-й пехотной дивизии, действовавшей в составе группы армий «Север», отмечал: «При нашем первом соприкосновении с русскими мы произвели на них хорошее впечатление. Однако неуважение к их душевным особенностям, наше господское поведение с кнутом и многочисленными расстрелами пленных, часто в присутствии других русских, наша болтовня о колониальном народе сильно ослабили это хорошее впечатление и подорвали наш авторитет. Воспитанные в духе равенства всех людей, они не могут понять — почему мы, поющие хвалебные гимны жизни немецких рабочих, заставляем их самих работать больше прежнего при самых плохих условиях питания. Наши пропагандистские учреждения в своей работе пытаются учитывать указанный опыт, чтобы завоевать симпатии русских, чтобы завоевать их души. В этой работе они часто наталкиваются на равнодушие или даже на непонимание или противодействие. Такие замечания, как «Вы своей бумагой войны не выиграете» — нередки и показывают узость политического мышления.

Они проходят мимо того факта, что война в России происходит не только в военной плоскости, но и в философской и в политической плоскостях. Мы имеем в России только две возможности: или уничтожить всех русских, или включить их, связать с политикой Бисмарка» (59). Здесь еще стыдливо замалчивается и экономический аспект проблемы.

А надо бы понимать, что некоторая часть немецкого управляющего персонала, старалась относиться к оккупированным территориям не только как к раю для расовых фанатиков и садистов, но как к экономической колонии. Порою, Германия даже осуществляла поставки сельскохозяйственной техники в оккупированные районы — в целях наибольшего производства продуктов питания (естественно, для нужд рейха). За время войны в СССР из Германии было ввезено сельскохозяйственных машин на сумму 173 миллионов марок, в том числе тракторов на сумму 48 миллионов марок (60). Свобода торговли и частичный раздел земли между крестьянами вызвали некоторое оживление экономической жизни в тех районах страны, которые не подвергались нападению партизан и не становились ареной боевых действий вермахта и Красной армии. 26 октября 1942 года оккупационная газета поведала об успехах рыночной экономики Дмитриевского района Курской области: «Город Дмитриев вновь начинает процветать. За сравнительно короткое время там организовано четыре магазина, восемь ларьков, две столовых, ресторан, две парикмахерских, две бани, дом для приезжающих, базары. Восстановлены и работают начальная и средняя школы, а также радиозузел, больница и разные мелкие промышленные предприятия. Предстоит организовать детсад. Город чистый. Рано утром тротуары центральных улиц убираются, мусор вывозится в определенное место; на некоторых улицах тротуары асфальтируются...» (61). Подчеркиваю, что газета оккупационная, и она попросту обязана нахваливать новые порядки, но и в других местах после страшной и голодной зимы 1941 года местные власти пытались наладить жизнь населения, так что картина складывается более или менее типичная: «Торговля в Дмитриеве исключительно денежная. На базаре можно встретить самые различные товары, начиная от кондитерских и галантерейных и кончая мукой, зерном, пшеном. В магазинах также торгуют за деньги, хотя цены очень высокие. Ассортимент товаров чрезвычайно разнообразный: обувь, платья, железные изделия, школьные принадлежности, табак, спички, булочные изделия и проч.» (62). Разумеется, речь шла не о благотворительности, а о попытке прагматично настроенной части нацистской элиты наладить экономическую эксплуатацию завоеванной территории.

И, в том числе, для использования ее как неисчерпаемого источника

рабочей силы. По мере призыва в армию немецких рабочих и роста дефицита рабочих рук в Германии, на оккупированных территориях появлялись специальные комитеты по вербовке местных специалистов. Началась усиленная кампания среди советских трудящихся, дабы убедить их ехать в рейх — работать на немецких заводах. К числу методов убеждения относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего трудиться в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо того, в некоторых случаях тех людей, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек, увольняли с работы, лишали их пособий по безработице и возможности трудиться в другом месте или угрожали репрессиями.

Неожиданным для нацистской пропаганды эффектом массового завоза советских специалистов в Германию стало крушение многие годы вдальбивавшегося в головы рядовых немцев мифа о неполноценности славян. По сообщению СД, емко подвел итоги внезапного «открытия» некий рабочий из Байройта: «Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и совсем не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе двух русских, чем пять итальянцев» (63). Соответственно, там, где антибольшевистская пропаганда продолжала воздействовать на немцев с помощью старых расовых аргументов, она больше не вызывала интереса и доверия.

Впрочем, многочисленные свидетельства говорят о том, что пресловутые расовые принципы не удерживали немецких солдат от изнасилования женщин «низших рас» на оккупированных территориях. Мы уже рассказывали о борделях, в которых оккупанты заставляли «работать» местное население. Но порою и этого германской солдатне оказывалось мало. К примеру, на улице Франциска в Варшавском гетто немецкие офицеры взяли в заложницы сорок еврейских женщин. Их затащили в один из домов, заставили напиться и танцевать голыми, после чего их изнасиловали (64). Из обвинений на Нюрнбергском процессе: «В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек. В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками» (65). Подобных свидетельств сотни, и они ложатся на совесть не только оккупантов, но и сотрудничавших с ними предателей, часто проявлявших себя по отношению к женщинам не меньшими скотами.

Результаты битвы под Сталинградом вызвали настоящую растерянность среди коллаборационистов, что не могло не отразиться в их пропагандистских статьях. 6 февраля 1943 года газета «Голос Крыма»

в передовице под громким названием «Моральная чистоплотность» в последних попытках лизнуть начальство писала, стараясь заретушировать масштабы катастрофы немецкой армии: «Германское командование отличается абсолютной правдивостью в своих сообщениях о ходе военных операций. Если германские сводки давали нам сведения о поистине замечательных успехах германского оружия, то успехи эти наглядно представляли перед нами в виде появления германской армии в новых занятых ею областях, в течение почти полутора лет отодвигающихся все далее и далее на Восток... Война Германии с СССР ведется двадцать первый месяц. Двадцать месяцев германская армия не несла никаких поражений. И вот на двадцать первом месяце одной из германских армий после беспримерного героического сопротивления пришлось в силу самой крайней необходимости пережить тяжелую неудачу в Сталинграде. Германские солдаты погибли как самоотверженные, благородные герои, никто в мире не посягнет на какое-либо оскорбление и умаление героической обороны ими того города, который они с поразительным искусством и мужеством в свое время взяли. Германские сводки честно и смело сообщили об этом» (66).

И напоследок, краткая зарисовка из жизни крупнейшего захваченного немцами промышленного центра СССР — города Харькова, впервые освобожденного нашими войсками вскоре после Сталинградской битвы. Города, жизнь которого была типичной для оккупированной территории, и в то же время — за счет его важного значения, больших размеров и многочисленного населения — жившего во многих уникальных измерениях мегаполиса. Города, в котором пережили лихие годы оккупации мои родители.

После оставления Харькова 23 октября 1941 года нашими войсками и краткого периода мародерства в городе воцарилась оккупационная власть. Вскоре она начала объединять информационное пространство и растерянных горожан с помощью издания газеты «Нова Украина». Уже в ее первом номере, признанный сегодня классиком украинской литературы Аркадий Любченко в своей программной статье воспел оккупантов: «Вот улицами Харькова шагают части победоносной немецкой армии. Повсюду виднеются сине-зеленые мундиры и шинели немецких солдат, сынов самого передового в мире народа, который является лучшим в мире другом украинского народа. Это они скинули с Украины ярмо жидо-московской оккупации, и за это им — наша глубокая признательность» (67). Вскоре в рамках «признательности» все многотысячное еврейское население Харькова было расстреляно в Дробицком Яру на окраине города.

Национально настроенная интеллигенция при покровительстве

новой власти начала быстро организовываться в патриотические, по их понятиям, сообщества. Те же харьковские художники, которых осталось в городе более ста человек, зарегистрировали товарищество и в собственной мастерской приступили к изготовлению и тиражированию портретов Гитлера, Мазепы, Петлюры и пр. Возобновила свою работу харьковская филармония, где в числе прочих солистов выступал будущий лауреат Сталинской премии и народный артист Советского Союза Борис Гмыря.

В короткий срок в Харьковской епархии открылось более 150 храмов, в которых служили преимущественно священники УАПЦ. Поводы для церковных богослужений брались преимущественно из националистической мифологии — дни рождения Мазепы, Петлюры, день памяти «Героев Крут» и т. п. В органах местного управления возобновилась политика насильственной украинизации, инициированной большевиками в 1920-х годах и свернутая менее десяти лет назад, центральная площадь города спешно переименована в площадь Немецкой армии.

Постоянно шла работа по набору рабочей силы в Германию. Вербовка специалистов началась еще в конце 1941 года на фоне надвигавшегося голода. Агитация велась путем расклеивания тысяч плакатов на домах и заборах, изготовления листовок, призывов по радио, через громкоговорители, через местную газету «Нова Украина» и даже некоторых священников УАПЦ. Порою для достижения тех же целей использовались облавы на население. Альтернативой для многих стала голодная смерть в неотапливаемом и брошенном на произвол судьбы городе. В поисках куска хлеба люди массово мигрировали из Харькова в близлежащие села.

После голодной зимы 1941/42 годов и в результате адаптации выжившего населения к новым условиям жизни, началась экономическая деятельность частных лиц. На улицах появились торговки, гадалки, хироманты и пр. Особое недовольство местного населения вызывала торговая деятельность оставшихся в городе армян. Начальник местной СД 9 сентября 1942 года докладывал: «Есть донесения, что украинское и русское население Харькова испытывает антипатию к армянам, которые составляют 0,7% населения. Их укоряют в том, что они обеспечили себя значительными материальными ценностями и особенно ходовыми товарами и продуктами» (68). Армяне, берегите евреев — когда их вырежут, за нас примутся!

Для массовой агитации и пропаганды уже в ноябре 1941 года власти возобновили работу первого кинотеатра — сначала только для военных, а потом и для гражданского населения. За десять месяцев тут было

показано 36 фильмов, которые посмотрело около 108 тысяч харьковчан и более 270 тысяч немецких солдат. Позже, в июне 1942 года, в театре им. Т. Г. Шевченко заработал наибольший в городе кинотеатр на 1000 мест исключительно для гражданского населения. Тут демонстрировались преимущественно немецкие художественные фильмы, военная хроника, некоторые пропагандистские ленты, например, «Жизнь трудящихся в Германии», «Еврей Зюсс» и др. (69)

В 9 часов проводились сеансы для школьников. Их типичная программа могла иметь приблизительно следующий вид:

- 1) кинохроника;
- 2) «День в зоологическом саду»;
- 3) «Дети — это будущее нации»;
- 4) «Сцены из жизни фюрера».

Материалы киносеансов учителей обязали использовать в воспитательных целях в школе (70).

В центральном парке им. Шевченко под открытым небом открылся «Зеленый театр» на 1500 мест, где проходили концерты, проводились танцы для немецких солдат и местного населения. Большой популярностью пользовался харьковский зоопарк, который, несмотря на потери военного времени, находился в удовлетворительном состоянии.

Город являлся крупнейшим опорным пунктом немецкой армии на южной части фронта и был наводнен немецкими войсками — как регулярными войсками, так и простыми отпускниками. (На Харьковском вокзале) «каждый из нас получил чемодан — на время, по возвращении его полагалось сдать — с новым нижним бельем и, в случае надобности, с новым обмундированием» (71).

Параллельно не прекращалась борьба с советским подпольем, характеризовавшаяся казнями пойманных подпольщиков и многочисленных заложников. В лагерях на окраине города массово уничтожались пленные красноармейцы, а также пациенты больницы, воспитанники детских интернатов. В результате почти двухгодичного правления нацистов и прислуживавшей им националистической клики, было убито около ста тысяч харьковчан.

Тяжелейшие бои за Харьков положили начало освобождению Украины, включая ее столицу: «9 ноября 1943. Киев производит гнетущее впечатление. Одни развалины. Много вывесок на немецком языке. Висят плакаты «Гитлер — освободитель» с его садистической мордой». И далее: «Киевский старожил Корней Степанович Горбач. Он сразу достал самогона и объяснил начистоту, что многие думали, ну что же — немцы такие же люди, да еще и культурные. "А как жили с ними, так другое запели. Слова «немецкая культура» стали ругательными.

23 года советской власти не научили нас так ценить эту власть, как два года, прожитые под немцем"» (72).

По-моему, этим кратким свидетельством сказано все.

31. Дуэль пропагандистов

Любое государство и его пропагандистская машина не существуют в изолированном мире. Напротив, лишь взаимодействие государств на международной арене, их притяжение и отталкивание, крайней формой которого является война, дает хлеб насущный их пропагандистам. Так и нацистская пропаганда оттачивала свое мастерство и действенность не в безвоздушном пространстве, а в неустанной борьбе с агитацией противника, который имел собственный мощный пропагандистский аппарат (СССР), громадный опыт психологических войн (Англия) и колоссальные материальные ресурсы (США).

Предвоенные годы прошли под знаком «мирного наступления» Германии на международной арене. Как мы уже говорили, «право на самоопределение народов» и связанная с ним политика объединения немцев под единым скипетром встречали понимание западной дипломатии и широкой общественности. Лишь после аншлюса Австрии и распада Чехословакии, когда стало ясно, что Гитлер нацелился на Данциг (и Польшу), западные державы заволновались. В телеграмме, направленной Гитлеру и Муссолини, президент США Рузвельт напрямик спрашивал, не нападут ли вооруженные силы Германии и Италии на другие независимые государства. Далее в телеграмме следовал список из 31 страны, в который были включены Польша, Прибалтийские государства, Россия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Франция и Англия. Гитлер решил использовать предоставленный Рузвельтом повод для продолжения «мирного наступления» и, с другой стороны, аккуратного зондажа общественного мнения относительно судьбы потенциальных жертв.

17 апреля 1939 года из германского Министерства иностранных дел ушла циркулярная телеграмма во все перечисленные Рузвельтом страны, кроме Польши, Англии, Франции и России. В телеграмме содержалось два вопроса: считают ли в этих странах, что Германия каким-то образом им угрожает? Уполномочивали ли они Рузвельта выступить с таким обращением? К 22 апреля Министерство иностранных дел уже могло доложить фюреру: большинство запрошенных стран, среди них Югославия, Бельгия, Дания, Норвегия, Голландия и Люксембург, ответили на оба вопроса отрицательно (1).

Гитлер немедленно использовал полученные от европейских государств ответы, чтобы, выступая в рейхстаге, публично высмеять Рузвельта. «... Гитлер очень медленно зачитал список стран, причем

с каждым словом смех в зале нарастал. Никто не заметил, что Гитлер опустил Польшу: «Правда, от некоторых государств, перечисленных в списке, я не мог получить ответа на свои вопросы, потому что они, как, например, Сирия, не являются свободными, а оккупированы и, следовательно, лишены прав армиями демократических государств...» И далее апофеоз: «Я клятвенно заявляю, что любые бытующие сейчас утверждения, так или иначе связанные с нападением Германии на Америку, являются чудовищной ложью. Я уже не говорю о том, что такие утверждения могут быть плодом большого воображения, если взглянуть на них с военной точки зрения» (2).

Рейхстаг сотряслся от хохота, в то время как Гитлер сохранял серьезное выражение на лице. «Мистер Рузвельт, очевидно, избегает упоминать такой факт, как оккупация Палестины, но не германскими, а английскими войсками». И далее, в том же саркастическом духе Гитлер мастерски изливал свою иронию и размазывал довольно лицемерную американскую инициативу: «Америка отстаивает способ решения спорных вопросов совещаниями?» — вопрошал фюрер. — «Но разве не она первая уклонилась от членства в Лиге Наций?..» «Думаю, его ответ был довольно ловким, он был рассчитан на то, чтобы сыграть на симпатиях миротворцев и противников «нового курса» в Америке и таких же миротворцев в Великобритании и Франции», — констатирует очевидец (3).

Но, повторимся, Гитлер в своем перечислении государств, на которые не планирует нападать Германия, незаметно пропустил Польшу. Тем самым, фюрер германского народа дал понять заинтересованным сторонам — он не исключает боевых действий на востоке. И действительно, битва с поляками очень скоро из психологической перетекла в стадию военную. Следовательно, задачи, стоявшие перед пропагандой Третьего рейха, перешли из области мирной популяризации достижений нацистского режима и обеления его на международной арене к вполне практической плоскости деморализации противника, поддержания благожелательного отношения не втянутых в конфликт стран, нейтрализации попыток врага разложить изнутри германскую армию и общество. Кроме того, по мнению одного из приближенных Геббельса Рудольфа Зульцмана, опытные пропагандисты всегда должны учитывать в своей работе, что существует большая разница между пропагандой, имеющей целью поднять моральный дух собственного народа, и пропагандой, которая видит свою задачу в ослаблении воли противника к сопротивлению.

Напомню, что Министерство пропаганды организовало полуофициальное телеграфное агентство «Транс-оушн» для распространения пронемецких новостей, а германские агенты,

имея в своем распоряжении ряд подготовленных статей, должны были добиваться их публикации в местных СМИ. Антифашистски настроенным журналистам, в свою очередь, агенты подбрасывали лживые сообщения, позволявшие службам Третьего рейха убедительно и эффективно их опровергать.

Например, созданное для достижения подобных целей Бюро соратника Геббельса Шварц ван Берка умело вводило журналистов в заблуждение, подсовывая им очерки о якобы действительных событиях. Классической стала история публикации рассказа о парашютисте, приземлившемся во время десантной операции немцев на Крите. Написанный в манере Хемингуэя и опубликованный в широко известном американском журнале, очерк имел громадный успех. На самом деле якобы документальное повествование было состряпано в названном бюро. Другим распространителем фальшивок стало загадочное Агентство зарубежной прессы Бемера, которое специализировалось на изобретении ложных слухов.

С началом боевых действий Министерство пропаганды сразу же перешло на круглосуточный режим работы, всем сотрудникам предлагалось проводить двадцать четыре часа на рабочем месте, после чего им предоставлялись сутки отдыха. Те, кто оставался на ночь в стенах министерства могли воспользоваться раскладными армейскими кроватями и одеялами. Геббельс даже издал приказ, запрещавший его сотрудникам записываться в добровольцы.

Битва геббельсовской пропаганды шла одновременно на многих полях: в Цюрихе, Берне и Базеле, в Стокгольме, в Анкаре, в Будапеште, в Лиссабоне и в Мадриде, в Вашингтоне. Она велась любыми доступными средствами, начиная с подкупа и угроз и кончая распространением ложных слухов и демонстрацией кинофильмов о непобедимости вермахта. Существовали целые организации, такие, как Институт по изучению Центральной Европы, занимавшиеся распространением пропагандистской продукции, для примера, в дружественной Румынии. «С кинокомпанией в Тимишоаре, обслуживающей около трехсот кинотеатров, удалось заключить соглашение, дающее институту возможность бесплатно демонстрировать в Румынии на обычных киносеансах поставляемые нами короткометражные фильмы» (4).

Поддерживалась и интенсивная связь с соотечественниками за рубежом, скажем, немецкие представительства в Латвии получили четкие инструкции — планомерно «информировать всех имперских немцев, проживающих в Латвии, о жизни в Третьей империи, об общей экономической и политической обстановке, о жизни и борьбе наших нынешних руководящих государственных деятелей» (5). Для достижения

пропагандистских целей и создания благоприятного имиджа страны широко использовалась статистика, отражавшая рост промышленности и народного благосостояния в Германии. Наиболее активно эта работа велась на территории Швейцарии и Соединенных Штатов.

Не отставало в аналогичной деятельности и Министерство иностранных дел Германии. Уже 13 декабря 1939 года вышла в свет «Белая книга» Риббентропа под названием «Документы о причинах войны», изданная сразу на нескольких языках. На что союзники ответили опубликованием своих подборок документов. «Мне, как профессиональному дипломату, доставляло особое удовольствие взять в руки официальные публикации трех правительств — германскую «Белую книгу», британскую «Голубую книгу» и французскую «Желтую книгу». Все они появились после начала войны и отодвинули другие, позволив сравнивать разные тексты» (6).

Разоблачение вражеской пропаганды становилось предметом политических занятий в немецких школах, а редакции газет и журналов были буквально завалены соответствующими материалами. Между тем, среди тех, кто вдохновлял пропаганду западных союзников, не нашлось ни одного человека, кто бы сам отчетливо понимал, зачем и почему они сражаются с Германией. Этот промах стал отправной точкой для пропагандистской кампании Геббельса. Неприятелю на все лады задавали один и тот же вопрос: «Какого черта вы ввязались в дурацкую войну?» (7)

Немецкая пропаганда, стремясь разделить западных союзников, всячески подчеркивала, что конфликт спровоцировала Англия, а немцам и французам делить нечего. «Германские войска обращаются по радио к французским солдатам, стоящим на границе: «Мы не будем стрелять, если вы не будете». ...Транспарант с аналогичным содержанием свисает с аэростата» (8). «Вчера в саарской деревушке Оттвейлер немцы похоронили со всеми воинскими почестями лейтенанта французской армии Луи Поля Дешанеля. Его отец был президентом Франции. Офицер погиб, ведя свое подразделение на Западный вал. Немецкий военный оркестр исполнил на его погребении «Марсельезу». Немцы сняли церемонию на пленку и будут использовать эту кинохронику в военных целях, чтобы показать французам, что они ничего не имеют против Франции» (9).

Подобная разлагающая пропаганда, особенно во время «странной войны» давала свои неоспоримые результаты: (25 марта 1940 г.) «Немецкое национальное агентство сообщает сегодня: "На некоторых участках фронта вдоль верхнего Рейна с французской стороны прошли пасхальные демонстрации против войны, которую ведут англичане, что ясно показывает, какой глупостью считают французские войска то, что Германия и Франция из-за происков Британии оказались врагами"» (10).

Позже Геббельс отмечал: «Франция была государством либеральным, и мы имели возможность заразить французский народ идеями пораженчества уже зимой 1939/40 года. Затем она потерпела крах» (11).

«Маленький доктор» мог по праву заявить: «Опытные английские пропагандисты впервые видят противника, которого прежде считали не заслуживающим беспокойства. Их превосходили в области, в которой они прежде были непререкаемыми хозяевами. Национал-социалистическое движение научило немецкую нацию не только защищаться против пропаганды, но использовать ее самим. Мы, немцы, знаем кое-что о пропаганде. Мы владеем пропагандой, которая попадает в цель, которая набралась опыта и закалилась в боях. Мы используем это духовное оружие с радостью и энтузиазмом» (12).

Впрочем, на ответные выпады союзников немцы реагировали не только духовным оружием: «Сегодняшние сводки с фронта сообщают о том, как немецкие пулеметы борются с французскими громкоговорителями! Французы передают вдоль рейнского фронта какие-то записи, которые носят характер личного оскорбления фюрера: на самом деле французы транслировали записи старых речей Гитлера, где он поносил большевиков и Советы» (13).

Война расплзалась по Европе, а вместе с ней в пропагандистских спичах появлялись названия все новых стран. Газета «Börsen Zeitung»: «Англия хладнокровно ступает по трупам малых народов. Германия защитит слабые страны от английских бандитов с большой дороги... Норвегия должна понять справедливость действий Германии, предпринятых для обеспечения свободы норвежского народа» (14). А уже 9 апреля 1940 года немецкий радиокорментатор Ганс Фриче мог доложить своей аудитории: «Тот факт, что германские солдаты должны были выполнить свои обязанности в связи с нарушением Англией норвежского нейтралитета, не привел к войне, а окончился мирными действиями. Никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и ежедневный труд текли обычным путем» (15). Обычная ложь: боевые действия в Норвегии продолжались несколько недель.

Акции устрашения тоже не исключались: «В вечернем германском коммюнике говорится, что «отныне в ответ на каждую бомбардировку мирного германского населения в пять раз большее количество немецких самолетов будут бомбить английские и французские города». Прием, используемый нацистской пропагандой:

1. Такое заявление является частью психологической войны с противником.
2. Цель его — заставить немецких граждан терпеть бомбежки, заверив их, что англичанам и французам живется в пять раз хуже» (16).

Между тем, после поражения Франции Англия оказалась заперта на своем острове и могла лишь огрызаться периодическими бомбардировками немецких городов. «Те же газеты, которые начали смаковать «атаки возмездия» на центр Лондона и опубликовали английские данные о тысячах погибших под немецкими бомбами гражданских лиц, включая сотни детей, сегодня полны праведного негодования: «Ночное преступление англичан против 21 немецкого ребенка — этот кровавый акт взывает о возмездии», «Убийство детей в Бетхеле; отвратительное преступление», «Британский остров убийц ощутит последствия своих преступных бомбардировок». Редакционные статьи комментируют в том же духе: Альбион показал себя кровожадным зверем, которого германский меч уничтожит в интересах не только своего народа, но и всего цивилизованного мира» (17). По ходу дела в немецких газетах британского премьера Уинстона Черчилля именовали исключительно его инициалами «W.C.», то есть буквами, которыми в Германии обозначают ватерклозеты.

Учитывая свои ограниченные возможности для бомбардировок, англичане старались использовать каждую возможность для их максимальной эффективности. Классикой жанра стал случай, когда англичане вовремя узнали о встрече Риббентропа и Молотова во время визита последнего в Германию в 1940 году, и начали бомбардировку точно в тот момент, когда Риббентроп провозгласил тост в честь Молотова. Идеальная точность начала бомбометания, разумеется, стала делом случая, но сам факт произвел впечатление на Советы и запомнился Сталину. «Зачем вы тогда бомбили моего Вячеслава», — вспомнив о том визите, шутливым тоном спросил Сталин у Черчилля в августе 1942 года во время их встречи в Москве (18). «Я всегда считал, что никогда не следует упускать счастлившую возможность», — в тон ему ответил британский премьер. Логично.

Стараясь произвести впечатление на немцев вездесущностью своей разведки, англичане, если верить современникам, проявляли и знаменитый английский юмор. «Немцы построили недавно один очень большой аэродром возле Амстердама. Они поставили на поле более сотни деревянных макетов и ждали, когда англичане прилетят и начнут их бомбить. Англичане прилетели на следующее утро. Они сбросили кучу бомб. Все бомбы были из дерева» (19).

Хотя случались и осечки: «Би-би-си заявляет сегодня, что было попадание в Потсдамский вокзал, но это неправда, и, по крайней мере, трое немцев жаловались мне, что разочарованы неполной достоверностью сообщений британского радио» (20). «В сухом доке стоял крейсер, в борту которого зияла огромная пробоина. Это был крейсер «Лейпциг». Би-би-

си сообщила о потоплении этого корабля» (21).

Широкая огласка подобных казусов поставила перед английской радиостанцией важную задачу восстановить доверие аудитории к своим программам. Британцы и здесь поступили нестандартно. Би-би-си стала сознательно завышать в информационных программах потери англичан, и, наоборот, приуменьшать германские потери так, что цифры выглядели хуже, чем даже в тенденциозных сообщениях геббельсовской пропаганды. В итоге, жители Великобритании стали верить своему государственному радио больше и перестали воспринимать немецкую пропаганду, а также панические слухи о собственных неудачах. После этого Би-би-си отказалась от временной дезинформации, но навсегда обрела имидж самой правдивой радиостанции в мире. В свои программы на нацистскую Германию английское радиовещание даже специально закладывало такие мелочи, как регулярные сводки погоды. Они были призваны распространять вызываемый ими эффект правдивости на все содержание передач.

Коротковолновые станции Би-би-си постоянно наращивали объем своего вещания. Ежедневно выходило в эфир 78 выпусков новостей. Радиовещание велось 150 часов в сутки на 40 языках и диалектах (22). И на всех этих языках варьировался лозунг, который объявила Англия: «Европа против Германии».

Немецкая пропаганда против Великобритании тоже в основном базировалась на использовании радио. Значительной популярностью среди жителей Британии пользовался радиокomentатор Лорд Хау-Хау (его настоящее имя Уильям Джойс) и английский актер Джек Тревор, который вел на радио пропагандистские передачи на Англию. Правда, их популярность значительно упала после начала серьезных военных действий на Западном фронте, когда вышеназванные персоны стали восприниматься в Англии как обычные предатели. С утратой Джойсом и Тревором своей аудитории немецкие дикторы уже могли не стесняться своего легкого иностранного акцента. Позже в период «холодной войны» на радиостанцию «Голос Америки», вещавшую на страны советского блока, намеренно привлекали к работе дикторов с незначительным акцентом, поскольку слушателями они психологически не воспринимались как «предатели» — один из уроков дуэли немецких и английских пропагандистов (23).

Особую форму приписывания ложного смысла бесспорным фактам представляла затея Геббельса передавать на Англию через «черную» радиостанцию элементарные инструкции по гражданской обороне, но при этом нагнетать подробности таким образом, чтобы заставить англичан заранее усомниться в возможности выдержать разрушительное

воздействие немецких бомбардировок. Дело доходило до откровенной наглости нацистов. Так один из капитанов подводной лодки — Шульце — отправил Черчиллю нахальную радиотелеграмму, в которой сообщил координаты только что потопленного им британского судна.

Битва разворачивалась и за симпатии пока нейтральных стран. В декабре 1940 года фон Папен направил Гитлеру меморандум, в котором развивал соображение, что самым мощным оружием западных союзников является их пропаганда. «Описывая диктаторские методы нацистского режима как направленные на удушение свободы мнений, они старались убедить нейтральные государства в том, что общие интересы требуют искоренения подобной практики» (24). Тот же Черчилль взывал к пока еще не покоренным странам: «Муки, которые придется испытать побежденным народам, будут тяжкими. Мы должны вселить в них надежду; мы должны убедить их в том, что их страдания и сопротивление не будут напрасными» (25).

С целью привлечения возможных участников в союз против Германии, уже через несколько недель после окончания кампании во Франции, для обсуждения потребностей Турции в Анкару прибыла британская военная делегация. «В связи с этим я пригласил нескольких своих знакомых из турецких военных кругов в посольство для просмотра фильма. Большая часть основных военных действий была заснята фронтовыми операторами, усилия которых позволили получить весьма реалистическую картину проведения современных боевых операций использования новейших вооружений. Лента произвела на моих друзей глубокое впечатление, благодаря чему они оказались хорошо подготовлены к приему британских визитеров» (26). Воспоминания фон Папена являются яркой иллюстрацией уже упомянутого факта просмотра немецкой кино-продукции военными различных стран и ее важного значения для деморализации командного состава с помощью пропаганды.

Впрочем, сохранять благожелательный нейтралитет по отношению к Германии Турцию долго уговаривать не пришлось. Оттоманская империя оставалась ее верным союзником во время Первой мировой войны, а сам Гитлер от души восхищался турецким лидером Ататюрком, и его бюст, выполненный знаменитым скульптором профессором Траком, был одним из любимых художественных произведений фюрера. В знак доброй воли, весной 1941 года германское командование в оккупированных греческих Салониках взяло под свою охрану и «просвещенное» покровительство дом, в котором родился Ататюрк (27).

Сфера деятельности нацистской пропаганды простиралась и далее. Для работы с азиатскими странами было создано «Восточное объединение» — организация, декларирующая поощрение культурных

и экономических связей между Германией и государствами Среднего Востока. Им оказывалась поддержка в антиколониальной борьбе народов, покоренных Британской империей, что подразумевало и вооруженную помощь, и пропагандистское сопровождение. «Прошлой ночью в Лондоне некто Мохаммед Сингх застрелил сэра Майкла О'Дуайтера. Он когда-то был вице-губернатором Пенджаба и частично несет ответственность за бойню в Амритсаре. Геббельс использовал это покушение по максимуму: «Подвиг индийского борца за свободу — он стреляет в угнетателя» (28). Но азиатский вектор работы доктора Геббельса хотя и существовал реально, но все же являлся в определенной степени экзотикой, плодом мечты о грядущем мировом господстве тысячелетнего рейха. Сейчас же перед Германией стояли более актуальные задачи.

Во внешнеполитической концепции Гитлера место каждого государства зависело от того, как оно относилось к его планам в отношении России. Кто их поддерживал, считался другом и союзником, а кто мешал — становился врагом, даже если ему первоначально отводилась роль союзника. И, наконец, летом 1941 года режимы, обладавшие самыми мощными пропагандистскими аппаратами в мире, схватились в смертельном бою. Накануне вторжения Геббельс писал в дневнике: «Читаю подробную докладную о русско-большевистской пропаганде. С ней нам приходится не раз раскалывать твердый орешек. Ее же делают евреи. Я предусмотрительно поручаю подготовить генераторы помех широкого диапазона» (29).

Однако генераторы не помогли, и большевики давали Геббельсу мало поводов для радости. «Большевики не англичане — в подрывной пропаганде они кое-что смыслят... Положение с нашими передатчиками не из блестящих — Москва имеет более сильные радиостанции, чем мы» (30). Еще с августа 1941 года передачи новостей по общегерманскому радио начали вдруг прерываться неизвестным голосом, который периодически громко кричал: «Ложь! Все это неправда!» Затем следовали уничижительные комментарии к сообщению и поправки к сводкам командования вермахта. В такие минуты весь штат немецкого радио охватывала паника. Немцы спешно прекращали передачу новостей и запускали вместо них музыку. Но как только в музыкальных интервалах диктор пытался продолжить сообщение, снова звучал тот же голос и так же невозмутимо отпускал свои ядовитые замечания. Центральное радиовещание Германии волей-неволей прекращало передачи и просило слушателей переключиться на местные радиостанции (31).

Позднее русские научились имитировать голос Геббельса и даже Гитлера и передавали «их речи», которые на первых фразах звучали

вполне достоверно, пока в них не появлялись откровенно пораженческие настроения. «Голос по радио из Москвы, вмешивающийся в наши передачи, все еще слышен... Постепенно это стало публичным скандалом. Все в Германии говорили об этом, публика начала видеть в этом нечто вроде спорта» (32).

И действительно, в распоряжении советских служб пропаганды находились специалисты, по своему профессиональному уровню и цинизму мало уступавшие сотрудникам Геббельса. «Фотограф Трахман (спецвоенкор ТАСС и Совинформбюро. — К.К.) возил с собой в полutorке трупы двух замороженных фрицев и, когда надо, «оживлял» ими пейзаж. Другие возят немецкие каски, шинели, мелкие трофеи. Так в мирное время эти дельцы возили с собой вышитые скатерти и чайные сервизы и устраивали «культурную» жизнь колхозников...» «В Ростове Зиновий (Островский — корреспондент «Последних известий по радио». — К.К.) нашел женщину, у которой немцы изнасиловали трех дочерей, а ее избili до потери сознания. Зиновий решил записать ее рассказ на пленку. Она начала и заплакала и так, плача, продолжала рассказ. Зиновий был в восторге. Он бегал вокруг нее и кричал: «Очень хорошо! Плачьте, плачьте! У вас еще три минуты. Да куда вы плачете? Не туда, сюда плачьте!» (33)

Шедеврами пропагандистских кампаний стали трагические истории гибели Гастелло, Матросова, Космодемьянской, героев-панфиловцев. Правда, в спешке с панфиловцами случился конфуз: из перечисленных в советской прессе якобы погибших панфиловцев позднее живыми были обнаружены 8 человек. Один, не зная, что является Героем Советского Союза, сдался в плен и несколько лет служил в немецкой полиции (34).

Русские не останавливались даже перед разбрасыванием листовок непосредственно над столицей фашистской Германии. «Было установлено, и прежде всего по сброшенным листовкам, которые содержали речь Сталина к советскому народу, что здесь могли быть только советские самолеты... Материальный ущерб не так велик, как, вероятно, ущерб моральный», — 7 августа 1941 года констатировал Геббельс в своих записках (35).

Я привел эти многочисленные примеры для понимания того, что советская пропаганда не отсиживалась в окопах в самые тяжелые первые дни войны, хотя, в целом, инициатива все же оказалась на стороне нацистов. «Мы работаем теперь тремя секретными передатчиками на Россию. Первый передатчик — троцкистский, второй — сепаратистский и третий — националистический, русский. Все резко направлены против сталинского режима» (36). Возьмем, к примеру, радиостанцию «Старая гвардия». Выступая якобы от имени старых большевиков-ленинцев, эта радиостанция призывала в передаче 2 сентября 1941 года:

«Вы должны быть вместе с нами, правительством, которое полностью выполняет ленинские заветы... Только в этом случае мы можем спасти наш Советский Союз и коммунистическую партию». Суть передачи сводилась к предложению, как и в 1918 году, пойти на подписание мира с Германией, и призыва к советским солдатам и офицерам: «Братайтесь с германскими частями!» (37)

Та же радиостанция вещала: «Сколько километров ни пройдет наша армия, в огне германской обороны погибнут лучшие люди Советского Союза, но результат будет тот же: блок империалистов против Советского Союза будет формироваться... Выход один: как можно скорее заключить мир с Германией. Сталин не пойдет на это, он слишком связан со своими империалистическими хозяевами. Только сбросив Сталина, трудящиеся избегут верной гибели, которую он им приготовил». И в заключение передачи звучало обращение «Товарищи бойцы и командиры, политработники Красной армии и Военно-морского флота, товарищи рабочие и колхозники, вы прослушали передачу радиостанции «Старая гвардия большевиков-ленинцев». Распространяйте наши сообщения на фронте и в тылу. Исполком Коминтерна Ленинского Политбюро ЦК Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. (Исполняется Интернационал)» (38).

Хотя, откровенно говоря, непонятно, зачем вообще были нужны тайные передатчики? Радиоприемники советская власть конфисковала сразу после начала войны, а основу радиовещания Советского Союза являло проводное радио. В 1942 году во время пребывания Гитлера на Украине фюрера поразило наличие радиоточки в каждой избе; он сказал: «Советы не только вовремя оценили значение радиовещания, но осознали, какую опасность оно в себе таит». И пожалел, что в Германии не смогли своевременно осуществить полное радиофицирование проволочным радио. Гитлер говорил, что это самая большая ошибка Министерства пропаганды (39).

Накануне войны кадровый состав пропагандистских рот нацисты усилили за счет носителей русского языка, прежде всего балтийских немцев и иностранных специалистов, работавших в СССР в годы первых пятилеток. К 22 июня 1941 года в Германии было напечатано 50 миллионов листовок на русском языке, а к концу октября на позиции советских войск немцы сбросили уже почти 350 миллионов листовок (40). Боевой опыт показал: именно листовка является оптимальным средством спецпропаганды, что объяснялось ее низкой себестоимостью, оперативностью изготовления и легкостью доставки к противнику. Объем работы оказался столь большим, что на Восточный фронт немцы отправили несколько эшелонов-типографий.

Содержание листовок отличалось широким диапазоном затронутых тем. Например, значительный успех имели нацистские листовки, широко распространенные в начале войны с портретами советских военачальников, расстрелянных в 1937-1938 годах. Краткий текст гласил: «Вот кто должен был командовать вами». Агитка «Календарь добровольца» представляла нечто вроде брошюры небольшого формата. В ней сообщалось, сколько человек казнено при царях и сколько казнили после революции. Контраст выглядел разительным: «Известно ли вам, что в 1821-1906 годах в России было приговорено к смертной казни 997 человек, в то время как в 1918-1921 годах было расстреляно более полутора миллионов» (41).

Настоящей находкой для немецкой пропаганды — как на фронте, так и внутри страны — стал факт сдачи в плен сына Сталина Якова Джугашвили. «Фёлькишер беобахтер» писала: «Если, несмотря на категорический приказ своего отца сражаться до конца, он (Я. Джугашвили. — К.К.) не повинуется этому приказу, то становится понятным, что все мероприятия, предпринятые его отцом, в действительности являются лишь последней вспышкой садизма и жажды крови». «Дойче альгемайне цайтунг»: «Если сын Сталина отказался вести борьбу, отдавая себе отчет в бессмысленности сопротивления, то это служит доказательством психологического состояния, в котором находится Красная армия». Немецкое информационное агентство сообщало 28 июля 1941 года: «Старший сын советского диктатора Яков Джугашвили во время допроса дал подробные показания о недостатках большевистской организации в советском командовании армией. Точный текст этого допроса с отдельными высказываниями сына Сталина на русском языке был передан германским радио». Затем Яков Джугашвили, отмечалось в сообщении, «должен был признать, что все утверждения о плохом обращении с пленными являются лживыми. С ним самим обращаются хорошо... Он твердо убежден в том, что со всеми пленными обращаются так же, как с ним» (42).

Естественно, факт пленения сына вождя активно использовался в пропаганде против советских войск. «21 августа. От самолета отвалилась большая кипа, и по воздуху в разные стороны разлетелись листовки. В листовке было отпечатано довольно неуклюжее обращение к солдатам и офицерам нашей Красной армии. Что, мол, сопротивляться бесполезно, переходите в плен. В листовке в рамке фотография — сына Сталина в середине, а справа и слева держали его под руки два улыбающихся немецких офицера. Внизу написано: кто перейдет добровольно в плен, с тем будет такое же вежливое обращение. Но эта геббельсовская стряпня, ложь успеха не имела» (43).

1 сентября 1942 года командование вермахта приняло очередные «Директивы по активной пропаганде на советскую армию». В них подчеркивалось, что пропагандистские материалы должны быть обращены к серой массе, а не к самым умным солдатам. Поэтому рекомендовалось избегать длинных фраз, прямых угроз или высмеивания противника. «Директивы» требовали избегать нападков на Ленина, так как его противопоставление со Сталиным оказалось эффективным пропагандистским приемом. «Пропаганда должна избегать обещаний, которых она не может выполнить. Пустые обещания, даже, несмотря на временный успех, оборачиваются своей противоположностью. Представляется целесообразным увязывать проекты светлого будущего с формулой, согласно которой немцы не обещают рая на земле, но держат свои обещания», — говорилось в «Директивах» (44). Ключом к успеху считалось выделение нескольких взаимосвязанных тезисов, доступных пониманию любого солдата: сталинский режим закабалил народы России, Германия несет им освобождение, немецкая армия непобедима, единственный шанс спасти свою жизнь — добровольная сдача в плен.

Немецкие фронтовики свидетельствовали: «Иногда степь покрывалась белыми листовками, которые сбрасывали наши (т.е. немецкие) летчики. В них русских призывали прекратить бессмысленное сопротивление и переходить на нашу сторону. На обороте листовки была отрывная часть, которая служила «пропуском для офицеров и солдат, числом до пятидесяти человек» (45). Только под Сталинградом на позиции советских войск в августе-сентябре 1942 года немцы сбросили более 100 миллионов листовок. Некоторые из них выпускались в миниатюрном формате, маскировались под вырезки газеты «Правда». Появились специализированные обращения к донским казакам и представителям народов Кавказа. Об изменившихся методах агитации свидетельствуют и советские источники: «Немцы начали применять новые приемы в агитации. Под Ржевом они бросают листовки о том, что идут переговоры о мире и поэтому нет резону воевать... под Воронежем кидают листовки в виде обрывка наших газет и там вкрапливают по несколько ядовитых строк» (46)⁵⁷.

Кроме того, одним из способов доставки информации противнику стал пропагандистский обстрел. Солдаты не боялись пропагандистских обстрелов, так как звук летящего снаряда, начиненного листовками, отличался от боевого. Агитационные материалы в этих случаях были

⁵⁷ К слову сказать, известны случаи, что ни бомб, ни листовок немцам порою не хватало и они, дабы поугаать советских солдат, сбрасывали с самолетов обломки машин, металлические части и т. п., а ко всему этому привязывали консервные пустые банки, чтобы свистели.

обращены к военнослужащим конкретной части. Подобные обстрелы нередко комбинировались с передачами через громкоговорители.

Но какой бы ни применялся способ, суть вопроса всегда оставалась одна — предложение сдаться в плен и спасти, таким образом, свою жизнь. В тексте на немецком и русском языках обещалось, что с теми, кто сдастся, будут «хорошо обращаться и их сразу вернут домой, как только закончится война». «Однако, — по свидетельству самих немцев, — эти пропуска не давали никаких преимуществ. На самом деле все пленные препровождались в ближайший лагерь для интернированных, где никому не было дела до того, были ли они дезертирами или сражались с нами до последнего. Некоторое количество дезертиров держали в лагере для obsługi. С ними обращались хорошо» (47). Все же прочие подвергались неопишуемым мучениям. Одним из самых ярких проявлений звериного отношения к людям во время Второй мировой войны стала судьба миллионов обманутых пропагандой советских военнопленных. «Они были голодны, так почему бы не поесть жареной собачатины? Они просили нас жестами, имитируя лай «гав-гав» и выстрел «пиф-паф», убить для них собаку... Когда мы кидали им подстреленную собаку, разыгрывалась тошнотворная сцена. Вопя, как сумасшедшие, русские набрасывались на собаку и прямо руками раздирали ее на части, даже если она была еще жива. Внутренности они запихивали себе в карманы — нечто вроде неприкосновенного запаса. За бараками была большая вонючая куча отбросов, и, если нас не было поблизости, они копались в ней и ели, к примеру, гнилой лук» (48). Варварское отношение к пленным не было частным случаем. «Верховный главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы в зоне боевых действий, «в целях сохранения немецкой крови, поиски мин и очистка минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам» (49).

Советские люди знали о нечеловеческих условиях, в которых содержались их соотечественники, но даже их искреннее сочувствие нацистская пропаганда умудрялась использовать в своих интересах. Так, населению Краснодара немецкое командование заранее объявило, что несколько тысяч пленных бойцов Красной армии якобы будут этапированы через город и населению разрешается оказать им помощь продовольствием. «В связи с этим большое количество жителей города вышло навстречу, прихватив с собой подарки и продукты, но вместо советских военнопленных им навстречу были пущены автомашины с немецкими ранеными солдатами, причем тут же была произведена кино- и фотосъемка, которая по замыслу немецких провокаторов, должна иллюстрировать «встречу», якобы устроенную советскими гражданами

немецким солдатам». (50)

Постепенно количество перебежчиков уменьшалось. Так в 1942 году немцы зафиксировали 79 769 перебежчиков, в 1943-м — 26 108, а в 1944-м — уже 9207. Но даже эти вроде немногочисленные 9207 человек сбежали из советской армии в победном 1944 году и составляли 6,2% от общего числа попавших в плен (51). По сути, за время войны геббельсовская пропаганда разоружила десяток советских дивизий.

Из пленных постепенно формировались кадры воинских формирований русских коллаборационистов. Для них даже издавалась особая печатная продукция — многочисленные брошюры, которые немецкая администрация изготавливала, специально маскируя их обложками и титулами, которые копировали издания Воениздата серии «Библиотечка красноармейца».

В поисках новых форм воздействия на умы менялось отношение нацистского режима и к русской духовной составляющей. 24 и 25 октября 1943 года на совещаниях православных архиереев в Вене во время богослужений были сделаны записи на пластинку для немецкого радио, растиражированы фотографии самого совещания, а радио Вены передало в эфир интервью, взятые у некоторых архиереев.

После формирования армии Власова немецкие издания (такие, как газета вермахта «Сигнал»), желая показать, что существует «русская белая армия, воюющая с большевиками», на первых полосах печатают фотографии власовцев. В целом идет грандиозная переоценка России, к чему, под влиянием бесчисленных поражений, вынуждены прислушиваться нацистские руководители. «Власов подчеркивает, что большевизм ведет очень ловкую и опасную пропаганду. Пропаганда — вообще самая сильная сторона его политического воздействия. Этим следует, по его словам, также объяснить то, что большевистский режим особенно сильно нападает на немецкую пропаганду. Власов считает меня вторым после фюрера человеком, против которого направлена самая упорная и острая критика большевистской общественности» (52). Так чем же досаждала советская пропаганда лично Геббельсу?

Известный советский карикатурист Борис Ефимов вспоминал: «Особенно смешило фронтовиков то, что Геббельс изображался с длинным и мерзким хвостом. Еще до войны я вычитал, что в тесном кругу гитлеровской верхушки Геббельс носил прозвище Микки Маус, видимо, за свое сходство с мультипликационным персонажем. Такое употребление мне понравилось, и я стал изображать министра пропаганды в соответствующем виде». (53) Подобная продукция привлекала внимание и немецких солдат: «На листовках в карикатурном виде были изображены Гитлер, Геринг и Геббельс, причем художники были явно не лишены таланта. Во всяком случае, все у них вышло очень смешно. Когда мы

показали эти карикатуры своим товарищам, те покатывались со смеху, но тут примчался один из офицеров и отобрал их у нас» (54).

С августа 1941 года в Москве выпускалась иллюстрированная газета на немецком языке «Фронт-иллюстрирте», предназначенная для военнослужащих вермахта. Немцы ее читали не без интереса — актуальные иллюстрации и короткие подписи под ними отвечали канонам пропаганды. Советские агитаторы настойчиво пытались убедить германских солдат в неправоте нападения на «родину рабочих и крестьян»: «Сегодня русские самолеты засыпали нас листовками. Читали почти все, даже офицеры. Советские листовки помогают понять, что именно происходит. Меня всегда поражала способность комиссаров просто и ясно изложить самый сложный вопрос. Кроме того, меня сильно интересует вот что: где научились большевики писать простым и понятным языком» (55).

Однако на первом этапе войны советская пропаганда, опиравшаяся на идеалы пролетарского интернационализма, все-таки производила мало впечатления на боевой дух национал-социалистического воинства и существенно проигрывала в состязании, несмотря на отдельные удачи. Полагаю, короткая подборка свидетельств очевидцев лучше поможет понять дух битвы пропагандистов, сражавшихся за души солдат на бескрайних просторах СССР. «С наступлением утра на нас вместе с бомбами посыпались и листовки со следующим текстом: «Каждый из вас идет навстречу своей гибели. Кавказ станет могилой гитлеровских армий». Солдаты, читая, смеялись и выбрасывали их или использовали их для других целей, поскольку бумаги нам постоянно не хватало» (56); «Бойцы 3-й танковой дивизии, мы знаем, что вы отважные воины. Каждый второй в вашей дивизии имеет Железный крест. Но на нашей стороне каждый второй солдат имеет миномет. Сдавайтесь!» (57); «Мы принялись читать коммунистические призывы. «Немецкие солдаты! Вас предали. Сдавайтесь, и мы пощадим вас. Войну вы все равно проиграли»... А еще были фотографии улыбающихся немецких военнопленных. Под каждой была текстовка: «Товарищи! Наш плен и в помине не имеет ничего общего с той ложью, в которую нас заставили поверить. Когда мы думаем, как вы, товарищи, прячетесь в окопах, лишь бы спасти капиталистический мир, мы можем дать вам лишь один совет: бросайте оружие». Один солдат пришел в ярость: "Вот ублюдки! Я точно знаю, что пленных расстреливают"» (58).

Огрызались немцы, даже отступая: «Уходят, гады, быстро. Около станции в Вязьме есть свалка изломанных машин. Оставили там плакат на русском языке: «Совинформбюро. Вот ваши трофеи». Вот стервецы!» (59) «...первым там (над Киевом) побывал самолет У-2. Это

уж совсем обидно для немцев. Летал он с агитатором. Пока говорил по-русски — не стреляли, начал на немецком — прожектора, обстрел. Ушел благополучно» (60). «Утром мы обнаружили, что они установили на столбах громкоговорители, часами изрыгавшие пропагандистские призывы к нам. У микрофона находился один из приволжских немцев, говоривший на немецком образца XVIII века времен императрицы Екатерины. Извинившись за то, что не имеет при себе пластинок, диктор-агитатор предложил вместе с ним спеть немецкую песню. Через жутко трещащий динамик он предупредил, что ни слухом, ни голосом не обладает. Он пел приятные русские песни и немецкие народные песни, некоторые относились к периоду Крестьянской войны в Германии. После песен следовала пропаганда. Надо сказать, что львиная доля в ней была правдой, именно это больше всего и бесило нас» (61).

Время от времени русские разбрасывали инструкции, в которых сообщалось, каким образом немецкому солдату можно совершить самострел, чтобы он выглядел правдоподобным. Но опытный войсковой врач всегда мог распознать такую рану и обо всех подобных случаях докладывал командованию, после чего обычно следовал суд военного трибунала и расстрельный приговор.

Апогеем дуэли пропагандистов стали личные послания, направленные к командному составу армий противника. В конце 1942 года командиры ряда советских партизанских отрядов получили агитационные письма весьма любопытного содержания. Например, командир партизанского отряда Райцев получил от капитана немецкой разведки Баха послание, где говорилось: «Многоуважаемый Даниил Федотович! Я, как и Вы, солдат. Мне, как и Вам, очень часто приходится смотреть в глаза смерти. Поэтому разрешите сейчас по-дружески говорить с Вами, чтобы сделать потом из этого искреннего разговора соответствующий вывод. Но, прежде всего, отдаю честь Вашей личной храбрости. К величайшему сожалению, эта храбрость направлена на защиту враждебного Вашей славной Родине дела. В 1917 году Ваша Родина после упорной борьбы сбросила с себя иго царской тирании, чтобы сразу же попасть под иго более зверской диктатуры — большевистской. Большевики принесли Россию в жертву своим безрассудным теориям о всемирной революции... Да погибнет СССР, да оживет Россия! Таков наш лозунг в этой титанической войне. Вы не задумывались, Даниил Федотович, над перспективой своей борьбы? Как солдат, насильственно превращенный в партизана, Вы не можете не знать, что судьбы современной войны решаются на Кавказе, на Волге, в Африке, в Атлантическом и Тихом океане, а совсем не в болотах под Мазаловом. Мы надеемся, что Вы будете другом, а не врагом своего народа, и строим мост для такого перехода. Оставаясь по-прежнему на своем месте, Вы

можете работать в контакте с нами как патриот возрождающейся России. О своем согласии или несогласии с нашим дружеским предложением Вы сможете в течение 14 дней со дня получения этого письма поставить нас в известность. А если в дальнейшем Вы лично заметите возможность разоблачения Вас, то в любое время можете перейти к нам. Даю слово германского офицера, что в таком случае Вам не только гарантируется жизнь, но и, согласно Вашему желанию, мы обеспечим Вам общественное положение в России или в Германии. Пройдет некоторое время, и Ваша жена (желаю ей здоровья), находящаяся сейчас в Москве, встретится опять с Вами. Надеюсь в будущем лично пожать Вашу руку. Капитан Бах» (62).

Это послание писалось в декабре 1942 года, уже после окружения армии Паулюса, и Даниил Федотович Райцев на заманчивое предложение капитана Баха не клюнул. Благо, под Сталинградом в руки Советов попались «соловьи» похлеще, чем какой-то капитанишка, например, генерал Зейдлиц, возглавивший комитет «Свободная Германия». И вот уже 12 октября 1943 года на парашюте в сектор, где держали оборону немецкие войска, была сброшена посылка с запечатанным конвертом. На ней значился адрес: генералу Эрвину Рауху, командиру 123-й пехотной дивизии: «Дорогой Раух! Я уверен, что вспоминаешь те дни, когда мы вместе учились в военной академии. Твоя дивизия в безнадежном положении. Переходи на нашу сторону вместе с дивизией, в полном составе. Достойное обращение, пленные сохраняют свое личное имущество, офицеры — личное оружие... После войны твоя дивизия будет отправлена домой первой». Подпись — генерал фон Зейдлиц, генерал артиллерии (63).

Давайте на некоторое время отвлечемся от событий на Восточном фронте, ведь пропагандистская война бушевала по всей Европе. К тому времени в войну уже вступили и Соединенные Штаты Америки. Надо сказать, именно Рузвельт настойчиво искал возможность вступить в открытый конфликт с Гитлером. Для этого использовались различные способы — и поставки вооружения воюющим с Германией странам, и экономические санкции, и противодействие немецким подводным лодкам. В июле 1941 года вконец раздраженный Гитлер заявил командующему ВМФ Редеру, что не станет привлекать к ответу командира подводной лодки, если он потопит американское судно «по ошибке».

В ночь на 17 октября того же года (почти за два месяца до официального объявления войны между США и Германией) американский эсминец «Керни», оказывая помощь конвою, подвергшемуся нападению немецких подводных лодок, забросал одну из них глубинными

бомбами. Подводная лодка ответила торпедной атакой. В результате убиты 11 членов экипажа. 31 октября был торпедирован и затонул сопровождавший конвои американский эсминец «Рубен Джеймс»; при этом погибло 100 человек из 145 членов экипажа и все семь офицеров. Таким образом, боевые действия между Германией и США начались задолго до декабря 1941 года. 9 ноября в своем обращении к «старым борцам» Гитлер сказал: «Президент Рузвельт приказал своим кораблям немедленно открывать огонь по немецким кораблям, как только они их заметят. Я отдал приказ немецким кораблям не открывать огня, когда они заметят американские корабли, но обороняться, если они подвергнутся нападению. Я отдам под суд военного трибунала любого немецкого офицера, если он не станет защищаться» (64).

11 декабря 1941 года, объявляя войну Америке в поддержку своего союзника Японии, напавшей на США в Перл-Харборе, Гитлер в рейхстаге дал волю и личным чувствам: «Я слишком хорошо понимаю, что целая пропасть отделяет идеи Рузвельта от моих идей. Рузвельт происходит из богатой семьи и принадлежит к тому классу, дорогу которому вымостила демократия. А я родился в небольшой бедной семье и должен был пробивать себе дорогу тяжелым трудом. Когда началась Первая мировая война, Рузвельт занимал положение в обществе, пользуясь всеми привилегиями, как и те, кто наживался на войне — в то время как другие истекали кровью. Я был один из тех, кто выполнял приказы в качестве рядового солдата, и, естественно, вернулся с войны таким же бедным, каким был осенью 1914 года. Я разделил судьбу миллионов, а Франклин Рузвельт судьбу так называемых высокопоставленных десяти тысяч» (65).

Американцы вступили в борьбу, располагая не только огромными материальными ресурсами, но и мощным потенциалом для информационной войны. Одно время на Европейском театре военных действий находилось 943 корреспондента и репортера, распространявших свои тексты по всему миру (66). А до граждан Третьего рейха западные союзники доносили текстовую информацию с помощью листовок. До 2 миллионов листовок за один раз мог взять на борт каждый тяжелый бомбардировщик дальней авиации США. Среди легчиков даже ходила шутка, что они, таким образом, снабжают противника туалетной бумагой. Хотя, безусловно, на нервы населению Германии они таки действовали. Например, перед налетами на Гамбург союзники сбрасывали на обреченный город листовки «оптимистического» содержания: «Отдохните несколько недель, затем придет ваша очередь. Сейчас затишье, после — вечный покой» (67). Использовались и другие формы психологического давления: «Как-то раз пришел сын Агнес Юрий, размахивая какой-то тетрадкой: «Ее можно не

сжигать, точно такую же нам дали в школе!» Это оказалась брошюра под названием «Военные статьи Геббельса» с типично нацистским портретом воина на обложке (головорез с орлиным взором). В колонке слева были набраны фразы, которые вбивались в головы ученикам на уроках, справа — пункт за пунктом — их опровержение союзниками» (68).

В январе 1943 года в Касабланке США и Великобритания подписали декларацию с требованием безоговорочной капитуляции Германии. «Это равносильно обращению в рабство!», — воскликнул Геббельс по радио всего через несколько часов после подписания документа. Министр пропаганды в своей работе интенсивно использовал эту «угрозу порабощения», рожденную требованием «безоговорочной капитуляции», так как прекрасно осознавал, какие выгоды несет ему новый лозунг. Кроме того, в европейских СМИ имел широкое хождение геббельсовский тезис о «Крепости «Европа», надежно защищенной от большевизма германскими войсками, а от плутократии «Атлантическим валом». Уверенности европейцам придавала неудачная высадка союзников 19 августа 1942 года на побережье Франции в районе Дьеппа, закончившаяся катастрофой. «Геббельс использует сделанные в Дьеппе фотоснимки изуродованных трупов, обгоревших танков, взорванных судов, чтобы создать убедительную картину на сей раз достаточно обоснованную — неприступности «европейской крепости» нацистов» (69). Развивая тему требования безоговорочной капитуляции Германии, 18 июля 1943 года «маленький доктор» писал в своем «Рейхе»: «Победители в великой футбольной схватке, покидая поле, пребывают совершенно в ином настроении, чем были, когда вступали на него; и народ будет выглядеть совсем по-разному в зависимости от того, завершает ли он войну, или начинает ее... Военное противоборство в этой (первой) фазе войны никоим образом не могло быть названо борьбой с неизвестным исходом. Мы сражались исключительно в штрафной площадке противника...» (70) А теперь, продолжает он, от партнеров по Оси требуют капитуляции! Это все равно, «...как если бы капитан проигрывающей команды предлагал капитану побеждающей команды прервать игру при счете, скажем, 9:2. Такую команду, которая пошла бы на это, справедливо осмеяли и оплевали бы. Она ведь уже победила, ей надо только отстоять свою победу» (71).

Хотя задним числом эти фразы могут показаться надуманными, они создавали у читателя нужные автору «картинки в голове», наглядные образы, рисующие окружающую действительность в выгодном для Германии свете, что-то из серии: «Русские с британцами находятся в створе, чтобы добраться до нас; к счастью, в Англии беспорядки, а у нас есть наш лидер». Разрушение логической причинно-следственной связи

является одним из главных приемов (и симптомов) профессионально сделанной пропаганды.

Еще раньше, чтобы снизить остроту восприятия мировой общественностью фактов физического насилия над гражданами нацистская пропаганда активно использовала многочисленные эвфемизмы. Например, гестапо не арестовывало граждан, а «подвергало предварительному заключению», нацисты не грабили собственность евреев, а «брали ее под надежную охрану». Вторжение в Польшу официально именовалось «полицейской акцией», а последующие убийства поляков стали «экстраординарной акцией по умиротворению».

Особой формой воздействия с помощью лексических средств является придание ложного смысла бесспорным фактам. В связи с контрнаступлением советской армии под Москвой в сообщении гитлеровской ставки от 17.12.1941 года вместо слова «отступление» говорилось «плановое улучшение фронта» и «сокращение фронта». «28 сентября 1942. Немцы по-прежнему жмут на Сталинград, но в их печати уже появились нотки о том, что «Сталинград потерял свое стратегическое и экономическое значение», а посему неважен, что «мы его, конечно, возьмем, но это не обязательно должно быть скоро, т. к. мы экономим и жалеем людей» (72). А после наступившего перелома в ходе войны и прекращения вермахтом наступательных операций, германский радиообозреватель генерал-лейтенант Курт Диттмар выступил с большим обзором, в котором утверждал, что война вступила в новую фазу: немцы вначале выиграли пространство и теперь могут не наступать, им даже выгоднее не наступать, противник будет вынужден наступать. Немцы провозгласили не «блицкриг», а «зицкриг» — «стоячая война».

Фронтные сводки вермахта и с Запада, и с Востока пестрели не поддающимися проверке цифровыми данными о захваченных трофеях и пленных. Счет орудий, самолетов, танков шел на тысячи и десятки тысяч, пленных — на сотни тысяч, а в конце каждого месяца публиковались длинные колонки еще более фантастических итоговых цифр. «Когда же речь заходит о людских потерях противника, то вместо определенных цифр в ход идут выражения, которые изобличают иссякающую фантазию авторов, — «невообразимые» и «бесчисленные» (73).

Однако, невзирая на тиражируемые немцами цифры и эпитеты, «Крепость Европа» трещала по всем швам, и первой союзницей Германии, выбывшей из войны, стала Италия. Потребовалась операция по срочному освобождению из плена Муссолини, ранее арестованного ближайшими соратниками, и сей неоспоримый факт лихости германских спецслужб произвел колоссальное впечатление на немецкий народ. Вышеупомянутый военный комментатор генерал

Диттмар, вероятно, был прав, утверждая, что в глазах народа спасение Муссолини оказалось вполне сравнимо с выигранным сражением.

Используя последовавшую вскоре оккупацию Италии войсками ее бывшего партнера, пропаганда союзников представила немцев как оксквернителей Рима и тюремщиков папы. Германская дипломатия отреагировала мгновенно: «Я попытался исправить создавшееся положение, через кардинала Маглионе добившись, чтобы в конце октября 1943 года на видном месте в «Оссерваторе Романо» опубликовали официальное сообщение. В нем выражалась благодарность нашим войскам за то, что они уважают папскую администрацию и Ватикан. В ответном коммюнике мы обещали сохранить такое же наше отношение и дальнейшем» (74).

В свою очередь нацисты не оставляли попыток с помощью пропаганды вбить клин между восточными и западными союзниками. Самая известная из них получила свое начало 13 апреля 1943 года. В 21 час 14 минут Берлинское радио сделало следующее экстренное сообщение: «Из Смоленска пришло известие, что местные жители показали германским властям одно из тех мест, где большевики руками ГПУ учинили расправу над пленными польскими офицерами — всего в то время было казнено десять тысяч человек. Идентификация оказалась нетрудной, так как благодаря особенностям почвы тела мумифицировались, а также потому, что большевики даже не дали себе труда забрать у казненных их личные вещи...» (75) Как вы понимаете, речь идет о массовом убийстве в Катынском лесу, инциденте до сих пор отравляющему межгосударственные отношения между Польшей и Россией. Вскоре после страшной находки Геббельс направил туда медиков и химиков для проведения необходимой экспертизы, а также представителей Болгарии, Румынии, Хорватии, Италии, Венгрии, приглашенных, наряду с экспертами из нейтральных государств, участвовать в расследовании. Вся пропагандистская акция была проведена шумно и мастерски, однако не принесла ожидаемых плодов. «С того дня, когда пошла на дно «Атения», Министерство пропаганды так часто твердило о жестокости и коварстве врага, что те, кто знали, как делаются новости, принимали сообщение из Катыни как очередную утку» (76).

Катынь стала наиболее известной пропагандистской акцией нацистов в то время, но параллельно гитлеровцы организовывали и множество других. Так, 28 апреля 1944 года по приказу Кальтенбруннера был убит по дороге из Вильнюса в Каунас экзарх всей Прибалтики Сергей. Обстоятельства его убийства германские власти расследовать не стали. Зато сразу же после пышных похорон экзарха в Риге

развернули международную пропагандистскую кампанию в связи с «террористическим актом большевиков».

Не оставались без внимания германской прессы и трения, возникавшие между жителями Британских островов и прибывавшими туда американскими войсками, отголоски чего мы встречаем в мемуарах Эйзенхауэра: «Перед моим прибытием американский штаб ввел цензуру на сообщения о небольших инцидентах между военнослужащими-неграми и белыми солдатами и гражданскими лицами. Эти инциденты часто возникали из-за дружеских связей солдат-негров с английскими девушками. В небольшом английском городе девушка пойдет в кино или на танцы с негром с такой же готовностью, как и с любым другим человеком, а это никак не могли понять наши белые солдаты. На этой почве часто происходили скандалы, и белые солдаты еще больше недоумевали, когда видели, что английская пресса решительно вставала на сторону негров» (77).

Публикации ряда английских и американских газет воспринимались пропагандистской службой Германии как материалы, имеющие большую ценность с точки зрения ведения подрывной работы против союзников. Характерный пример: 14 августа 1943 года германское информационное агентство передало из Буэнос-Айреса сообщение о том, что в июльском номере журнала «Ридерз Дайджест» известный американский писатель Истмен «решительно предостерегает от большевизма и особенно от Сталина»: «Сталин презирует массу и боится свободы. В России он ликвидировал человеческие права... Сталин абсолютный диктатор» (78). А подконтрольное немцам радио Будапешта передавало: «Не подлежит никакому сомнению, что в оркестре союзников Сталин играет не только первую скрипку, но и является дирижером. Англия и США вынуждены играть так, как хочет Сталин — этот большевистский дирижер» (79).

Но не стоит забывать, что немецкая пропаганда была особо действенной и вызывала доверие, пока вермахт одерживал победы. Информированный Геббельс всегда оказывался впереди немецких войск. Он прогнозировал, скажем, взятие определенного города, и через два-три дня немецкие войска его действительно брали. Это повышало доверие к гитлеровской пропаганде. Но к началу 1943 года отлаженная система стала давать сбой. «Все очевидней начинают проявляться в немецком народе результаты вражеской агитации. Англо-американские листовки уже не откладывают равнодушно в сторону, а внимательно прочитывают; весьма благодарную аудиторию находят и английские радиопередачи», — эти слова министр пропаганды написал в 1945 году (80), но на самом деле разложение немецкого народа пропагандой союзников началось значительно раньше.

«Другая передача» — так повсюду в Германии для краткости называли все передачи запрещенных радиостанций: Лондона, Москвы, «Солдатского радио», «Свободного радио» и прочих. На западе и юго-западе Германии предпочитали швейцарское радио, а те, у кого родственники пропали или погибли на Востоке, слушали московские программы — «Военнопленный» или «Письмо из дома». После Сталинграда русские радиостанции стали особенно популярны: советские власти категорически отказывались давать союзникам или нейтралам какие-либо сведения о военнопленных, а в этих передачах часто приводили имена с немецкими адресами, указывали их гражданские профессии и даже зачитывали послания военнопленных родственникам в Германии. «Все слушают Московское радио, предпочитая его даже Би-би-си. На то есть серьезные причины. В столице СССР ведутся специальные радиопередачи на немецком языке, по ходу которых непрерывно зачитываются нескончаемые списки находящихся в советском плену немецких солдат и письма некоторых из них. Как англо-американские пропагандисты, так и сами нацисты недооценивают значимость подобных передач. Слушателей, которых застают на месте «преступления», расстреливают» (81).

У одного пленного солдата вермахта русские нашли письмо от матери, в котором она сообщала сыну, что отец болен, ему необходимо усиленное питание, а продуктов нет. Московское радио обратилось к женщине, назвало ее имя и адрес. Ей посоветовали заглянуть в один из берлинских ресторанов, который пользовался услугами черного рынка и где каждый день предавались обжорству нацистские бонзы. Там, сказал диктор, она может найти все необходимое, чтобы поставить больного мужа на ноги; правда и цены там кусаются, вряд ли даже недельного заработка ее мужа хватит, чтобы купить что-нибудь. Аналогичные обращения транслировались в эфире ежедневно и не один раз.

Звучали, конечно, и более мрачные программы, рассчитанные на жесткое психологическое давление. Во время Сталинградского котла советские пропагандисты использовали неожиданный ход, когда по московскому радио мрачный голос с монотонностью тикающего механизма беспрерывно повторял: «Каждые семь секунд в России погибает один немецкий солдат. Сталинград стал братской могилой». Дока Гитлер, узнав, что Паулюс сдался в плен, пронизательно заметил: «Он будет делать признания и составит воззвания. Он в ближайшее время выступит по радио, вот увидите. Зейдлиц и Шмидт будут говорить по радио. Они запрут их в крысином подвале на Лубянке, и через два дня они будут настолько измучены, что немедленно заговорят» (82). Фюрер, как профессиональный пропагандист, предсказал все верно,

только ошибся во времени. Паулюс и Зейдлиц, ставшие руководителями так называемого комитета «Свободная Германия», действительно обратились по Московскому радио к армии с призывом устранить Гитлера, но лишь в июле следующего года.

Эксплуатируя популярную среди немецких радиослушателей тематику, в Советском Союзе организовали отдельную радиостанцию Комитета немецких военнопленных «Свободная Германия». В программу передач входили приветы военнопленных своим родным и знакомым (от 60 до 80 приветов ежедневно), обзоры военных событий за неделю, концерты хоров и солистов из лагерей военнопленных, выступления католических и евангелических священников, которые объясняли, например, почему возможно нарушение клятвы, данной Гитлеру.

Содержание программ радиостанции «Свободная Германия» записывалось в Берлине и тщательно анализировалось. В сделанных выводах содержались рассуждения о замыслах радиостанции и предлагались меры по их предупреждению. «Сейчас мы намерены развернуть — особенно среди солдат Восточного фронта — усиленную пропагандистскую кампанию против комитета Зейдлица. Этот комитет опять дает о себе знать. Он всегда выступает в тех случаях, когда сопротивление немецких войск на фронте усиливается» (83).

В свою очередь, с характерным для немцев педантизмом пропагандистская машина Германии действовала по старому шаблону и упорно призывала к ликвидации режима Сталина. Однако, выступая с однообразными призывами к его свержению, ведомство Геббельса работало вхолостую — все виды оппозиции в Советском Союзе давно уже вырваны с корнем, а службы государственной безопасности были многочисленны, хорошо укомплектованы и многоопытны. В этих условиях призывы к свержению победоносного вождя советского народа оказались гласом вопиющего в пустыне и отражали кризис, в котором оказались пропагандистские службы Третьего рейха. И все же один козырь у Геббельса оставался.

«Ничто не могло спасти нас, кроме чуда, великого германского чуда, в которое продолжали истово верить и о котором молились многие миллионы немцев. Этот массовый психоз искусственно подогревался путем распространения таинственных намеков и слухов: «Фюрер еще задаст перцу русским, черт возьми!.. Он мог бы уничтожить весь мир, если бы захотел. Он просто выжидает подходящий момент. Наше время придет, вот увидите». Подобные рассуждения я слышал постоянно как от солдат, так и от офицеров. Причем свое мнение они высказывали вполне искренне», — писал в своем мемуарах «Пляска смерти» бывший

рядовой вермахта Эрих Керн (84). В то же время один из высших руководителей Германии Альберт Шпеер обратился к Гитлеру с письмом, содержащем следующие строки: «В войсках широко распространена вера в предстоящее в самое ближайшее время использование нового, решающего исход войны оружия. Солдаты и офицеры рассчитывают, что это произойдет прямо на днях... Я не уверен, что было бы разумно и дальше продолжать эту пропагандистскую кампанию». Геббельс немедленно запретил публиковать любые сообщения о разработках новых видов вооружения. Как ни странно, но слухов стало еще больше. Геббельс создал специальный отдел по их распространению. Эти слухи содержали во многом правдивую информацию...» (85)

То, что произошло позднее, стало для министра пропаганды страшным ударом. Еще 14 июля 1944 года Геббельс описывал своим коллегам впечатление от цветного фильма о новом оружии: «Это оружие, господа, пожалуй, даже несколько преждевременно для этой войны. Я думаю, оно, скорее, станет оружием будущей войны», — пронизательно заметил «маленький доктор» (86). А на следующий день он узнал, что верховное командование произвело запуск новых ракет по Лондону, и, соответственно, Геббельс неожиданно лишился возможности провести кампанию по психологической обработке противника.

У нового оружия даже еще не имелось названия. Шварц ван Берк предложил назвать его «Фау-1», следующее «Фау-2» и так далее. («Фергельтунг» в переводе с немецкого — «возмездие»). Но первая же неделя эксплуатации «Фау-1» так разочаровала Гитлера, что он просто запретил упоминать о «чудо-оружии» по радио и в прессе, хотя сам предварительно широко рекламировал его, вызвав немало паникерских публикаций в иностранной прессе. 1 июля 1944 года Ганс Фриче, комментируя по германскому радио вялую реакцию немецких СМИ на применение нового оружия, заявил: «Мы, немцы, очень сдержанно высказывались по поводу эффекта, произведенного новым видом оружия. Мы могли позволить себе эту сдержанность, зная, что раньше или позже Британия нарушит то молчание, которым она в первое время пыталась прикрыть действия, производимые «Фау-1». И мы были правы. Отчеты, получаемые из Британии в течение последних дней, показывают, что действие этого первого удара, нанесенного Британии новым видом вооружения, становится слишком очевидным» (87).

Вскоре появилось сообщение о «Фау-2». Гитлер дал указание подчеркнуть, что за ним последует еще более мощное Фау-оружие. Возможно, имелись в виду ракеты нового поколения или реактивные истребители «ME-262». Последние, к слову сказать, выпускались на заводах «Шкода» в оккупированной Чехословакии — столь велико было

доверие немецких заказчиков к надежности чешских производителей, вроде бы и подневольных.

Но «оружие возмездия» не помогало — войска союзников захватывали все новые области рейха и приближались к Берлину, а немецкие города под бомбежками вражеской авиации неуклонно превращались в руины. Мрачный берлинский анекдот того периода: «Гитлер, Геринг и Геббельс стоят у окна рейхсканцелярии и смотрят, как в Берлин торжественным маршем входят войска союзников. Геббельс радостно говорит: «Теперь от возмездия им не уйти!» Остальные смотрят на него, как на сумасшедшего, а Геббельс ехидно объясняет: "А где же они теперь будут жить?"» (88)

Тем временем, на оккупированной советской армией территории участились случаи изнасилований и мародерства, что опять попыталась использовать уже изрядно потрепанная машина нацистской пропаганды. Помощник Геббельса, доктор Вернер Науман, в частной беседе признался, что «наша пропаганда относительно русских и того, что населению следует ожидать от них в Берлине, была так успешна, что мы довели берлинцев до состояния крайнего ужаса» (89). К концу 1944 года Науман почувствовал, что «мы перестарались — наша пропаганда рикошетом ударила по нам самим». Теперь тон пропаганды изменился. В то время как от империи Гитлера отрывали кусок за куском, а Берлин разрушали квартал за кварталом, Геббельс переключился с запугивания на подбадривание; теперь людям говорили, что победа поджидает за ближайшим углом. «1 марта (1945). Фюрер дал мне указание опубликовать в немецкой печати подробные рассказы о Пунической войне. Пуническая война, наряду с Семилетней, — это тот великий пример, которому мы можем сейчас следовать». «В новой передовой статье я еще раз в успокаивающем тоне и в абсолютно уверенной и независимой манере привожу аргументы, которые еще могут вселить в сердца немецкого народа веру в победу» (90).

Однако чуда не происходило, наоборот — хаос усиливался. «В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Против этого мы развернем теперь широкую кампанию внутри страны и за границей. Генерал-полковник Гудериан изъявил готовность зачитать перед представителями нашей и зарубежной печати известное воззвание маршала Жукова и затем произвести публично допрос ряда офицеров, возвратившихся к нам из Позена и неоднократно видевших собственными глазами произведенные опустошения и совершенные зверства» (91). И позже — усталая запись: «Заявление Гудериана о большевистских зверствах, сделанное германским и иностранным журналистам в Берлине, не

имеет успеха, которого я вообще-то ожидал. Гудериан говорил слишком патетически и красочно, а свидетели, пожалуй, немного устали от предыдущих показаний в различных учреждениях, так что не смогли уже выступить свежо и свободно. Этим также объясняется, почему данное мероприятие не находит в нейтральной прессе отклика, которого я ожидал. В Стокгольме или издеваются над этими показаниями, или вышучивают их» (92).

В свою очередь и советское командование предпринимало отчаянные меры, чтобы прекратить эксцессы, больно отражавшиеся на репутации Красной армии в глазах немецкого народа и западных союзников: «Пришел адъютант командира дивизии и под роспись ознакомил с приказом Жукова, из которого следовало, что «за убийство гражданского немца — расстрел, за поджог дома — расстрел, за мародерство — расстрел, за изнасилование — расстрел» (93). Но и на освобожденной западными союзниками территории дела также обстояли не лучшим образом — там царил голод и сведение счетов с коллаборационистами. «Подавляющее большинство французов слушает германские радиопередачи почти так же, как во время нашей оккупации слушались английские радиопередачи» (94).

Третий рейх агонизировал. Последние записи Геббельса многословны, полны проклятий по адресу Геринга, генералов, всяческих изменников, игнорирующих волю фюрера. И все же чувствуется нечеловеческая воля главного пропагандиста нацистской партии, стремление сделать все от него зависящее, чтобы избежать скорой ответственности. А значит, продолжать сопротивление, изобретая новые способы поддержания боевого духа немцев.

«Чтобы пропаганда опять возымела действие, нам нужно внедрить новую систему ее ведения, при которой больше внимания обращалось бы на частности, на более подробное описание деталей и тем самым снова бы приковывалось внимание к врагу, — писал в эти отчаянные дни Геббельс. — Требуется огромное умение приспособливаться, чтобы на нынешней стадии войны обращаться как к собственному народу, так и ко всему миру в такой форме, чтобы, с одной стороны, говорить правду, а с другой — не наносить ущерба вере немецкого народа в победу» (95).

По его приказу развалины Берлина изукрашивались яркими лозунгами — «паролями стойкости», как их называли нацисты: «Наши стены не выдержали, но наши сердца держатся», «Фронтовой город Берлин приветствует фюрера», «Требования момента — бороться и стоять насмерть», «Большевизм не устоит перед нашей твердостью». Надписи на стенах, т. н. «граффити», выгодны тем, что ощущаются людьми как выражение воли всего населения. Они могут поддержать

неустойчивых духом, а потому обгоревшие стены покрывались все новыми надписями красной краской: «Фюрер, приказывай, мы последуем за тобой!», «Кто верит в Гитлера, верит в победу», «Теперь решается все, вопреки всему мы возьмем верх».

Но Геббельс уже выдавал желаемое за действительное. Перед миром, освобожденным от нацистской тирании, вставали новые, куда более занимательные задачи. В частности, анализ феномена нацистской пропаганды и попыток осознать, каким образом людоедский режим держался столь долгое время, пользуясь притом ошеломительной популярностью. Физически немощные тела Гитлера и Геббельса отправились в небытие, преподанные ими уроки остались.

32. Цензура и методы устрашения

В послевоенном мире много рассуждают о «харизме» Гитлера, об ораторском таланте Геббельса, о ловкости фашистской пропаганде. Собственно, и мы занимались тем же самым — может быть, более углубленно и принимая во внимание социальную политику режима. Но нельзя не вспомнить о страхе, в котором многие годы нацисты держали немцев и народы оккупированных стран. А без этого осознания невозможно понять, почему нацистский режим является преступным — в самом прямом, уголовном смысле данного слова. «За хваленной эффективностью диктаторских режимов, за всей лицемерной ложью относительно целей войны стоят концентрационные лагеря и закованные в цепи служители Бога», — как-то заметил президент Рузвельт (1). Ну, не всех служителей Бога нацисты заковали в цепи, кое-кто служил им верой и правдой. Возьмем, пожалуй, другую фразу, Уинстона Черчилля: «Страх перед критикой заключает в себе величайшую опасность для диктатур. Они глушат критику концентрационными лагерями, резиновыми дубинками или пулями» (2). Созданное гитлеровской системой равновесие союза пролетариата и буржуазии являлось хрупкой виртуальной конструкцией, что опиралась на сложнейшую систему манипуляции сознанием. Потому системе жизненно необходимо удалять из общества всех, кто может нарушить равновесие и развеять, таким образом, очарование национального согласия.

Тоталитарные движения всегда стремятся сделать свои идеи безальтернативными — опираясь на «историческое право», «мандат доверия народа» или «революционную необходимость». Первыми в списке их жертв становятся средства коммуникации их оппонентов — будь-то хрестоматийные «почта, телеграф, телефон» либо нелояльные СМИ. Юный итальянский фашизм, предшественник нацизма, сразу

же пошел этим путем: 15 апреля 1919 года в редакцию и печатные цеха оппозирующей фашистам социалистической газеты «Аванти» ворвались чернорубашечники, которые уничтожили все лнотипное оборудование и списки подписчиков. А руководил нападением ни кто иной, как лидер футуристов поэт Маринетти. (Ох, недаром советская власть с недоверием относилась к футуристам!) Вообще в Италии фашисты полюбили наказывать редакторов неудобных изданий, силой заставляя их принимать «фашистское лекарство», то есть касторовое масло, имеющее мощный слабительный эффект.

Но, в отличие от расслабленных южан, после своего прихода к власти нацисты действовали отнюдь не касторкой. Со свойственным тевтонам прямодушием они заливали в глотки непокорным расплавленное олово и серную кислоту. Уже 22 февраля 1933 года Геринг создал «вспомогательную полицию» из 50 тысяч человек, составленную полностью из нацистских частей. Идея состояла в том, чтобы силой подавить всевозможные антифашистские организации, способные сопротивляться. Как выразился он сам: «Мои меры не отвечают законным ограничениям или бюрократии. Не мое дело обеспечивать справедливость. Моя работа — это уничтожать и истреблять, вот и все!» (3)

Еще в начале февраля 1933 года правительство Гитлера запретило коммунистам проводить собрания и закрыло коммунистические газеты и журналы. А после поджога Рейхстага обрушило на них яростные репрессии. С началом судебного процесса по поджогу Рейхстага Гитлер справедливо опасался, что разбор дела в суде выявит ущербность правительственной версии о поджоге как сигнале для коммунистической революции, а иностранная пресса (немецкой они уже не боялись) получит повод для разгромной критики нацистского режима. На заседании правительства 2 марта 1933 года свежеепеченный рейхсканцлер заявил: «У крикунов из прессы было бы выбита почва из-под ног, если бы виновных сразу же повесили» (4). Нет человека — нет общественного резонанса.

Собрания оппозиционных социал-демократов тоже либо запрещались официально, либо быстро разгонялись головорезами из СА, а выпуск социалистических газет то и дело приостанавливался, пока их не закрыли вовсе. Репрессии коснулись не только рядовых партийных журналистов, но и публицистов с мировым именем, таких как Карл фон Осецкий, который редактировал в Веймарской республике популярнейшее либеральное издание «Вельтбюне».

Нацисты бросили Осецкого в концлагерь как врага государства, но в 1935 году журналисту неожиданно присудили Нобелевскую премию за заслуги в борьбе за мир. Во всех странах началась кампания за его

освобождение. Довольно долго нацисты искали способ заставить Осецкого отказаться от награды⁵⁸. Тогда в дело вмешался сам Гитлер, попросту запретивший германским гражданам принимать Нобелевскую премию. Под давлением мировой общественности нацистские власти выпустили Осецкого на свободу, но 3 мая 1938 года он умер в Берлине от туберкулеза, которым заболел, находясь в лагере.

Цензура набирала обороты довольно быстро. После расправы с оппозиционной прессой дело скоро дошло до прочих мастеров слова, жанром покрупнее. Согласно докладной записке функционера Министерства пропаганды доктора Херманна, «вредная» литература подразделялась как бы на три группы. Первая группа, самая «вредоносная», подлежала аутодафе, уничтожению (например, книги Ремарка). Книги второй группы (такие, как произведения Ленина) должны помещаться в библиотеках в специальные шкафы для «отравленной литературы». К третьей категории причислялись сочинения, в отношении которых еще предстояло решить: отнести ли их к первой или ко второй группе.

Научных книгохранилищ новые запреты не касались, но в народных библиотеках много томов было изъято и сожжено. «Фёлькишер беобахтер» сообщала, что только в Берлине политическая полиция конфисковала 10 тысяч центнеров (!!!) книг. А новая книжная продукция «украшалась» по примеру папской цензуры надписью на титульном листе: «Против публикации данного издания со стороны НСДАП возражений нет. Председатель партийного контроля комиссии по защите национал-социализма».

Из прочих властителей умов отметим кинематографистов, ввиду важности их работы для массовой пропаганды. Здесь уже 15 марта 1933 года нацисты выпустили первый список запрещенных к показу фильмов, среди которых преобладали советские ленты. Однако голливудские звезды еще долго не сходили с немецких экранов. Официальный запрет Министерства пропаганды на заокеанский кинопродукт вышел только 28 февраля 1941 года (в ответ на гонения, которым подвергалось нацистское кино в США).

Ну и сатира, знаменитый юмор берлинских кабаре. В мае 1935 года нацистская пресса опубликовала сообщения о том, что два из них, «Катакомбы» и «Балаган», закрыты, а тамошние актеры отправлены в концлагерь, ибо позволили себе «неуважительные шутки» по адресу НСДАП и государства. Так что и на этом фронте борьбы с инакомыслием ситуация «стабилизировалась».

Для слежки за рядовыми гражданами был создан так называемый Институт Германа Геринга, который имел обширную службу

⁵⁸ Можно вспомнить историю с Пастернаком, но в том случае официально отмечались литературные заслуги, а премия мира — это всегда политический выбор.

подслушивания телефонных разговоров, радиogramм иностранных граждан и подозрительных соотечественников. Попутно Геринг контролировал все телеграфные и телефонные коммуникации, которые проходили транзитом через германскую территорию. В институте работало свыше 5 тысяч сотрудников. Рейхсмаршал с помощью своей «исследовательской службы» подслушивал даже телефоны коллег и собирал такие «сокровища», как комплект любовных писем Альфреда Розенберга к одной красивой еврейке (5). У конкурировавшей с ним конторы Гимmlера оставался один выход — создать в противовес Герингу собственную службу наблюдения, но до конца войны он так и не смог организовать настолько совершенный и технически оснащенный аппарат подслушивания, которым обладал Геринг.

Но и Гимmlеру имелось, чем похвастаться, а именно своей феноменальной картотекой. Картотека представляла собой вращавшийся при помощи электромотора огромных размеров круг, на котором помещались отдельные карточки. Его можно было остановить в интересующем разделе, просто нажав на кнопку. При этом из соответствующей ячейки выскакивала карточка, на которой значились данные о разыскиваемом лице. Евреи и «еврейские метисы», «асоциальные личности» и «страдающие наследственными болезнями» — всяческие сведения на основе планомерного исследования родословной каждого из немцев заранее заносились в специальные формуляры. Огромный массив информации собирался и обрабатывался самыми современными на тот момент методами — для работы использовались перфокарты, которые сортировались соответствующими машинами. Таким образом, нацисты создали и использовали одну из первых форм массовой обработки статистических данных (6).

Для активной борьбы с инакомыслием нацисты создали Службу имперской безопасности, которая раскинула сети по всей стране и отличалась крайней эффективностью. И что удивительно: для населения Германии учреждение, которое называлось бы РСХА, вообще не существовало — само название этого ведомства было как бы засекречено. Широкую известность имело лишь одно из его подразделений — «гестапо» (политическая полиция). В 1944 году в гестапо насчитывалось всего 32 тысячи сотрудников — на страну с восьмидесятимиллионным населением. И здесь мы согласимся с канадским историком Робертом Геллатели, «характерной чертой Третьего рейха... было то, что режим без труда находил поддержку со стороны обычных граждан» (7). Около 100 тысяч осведомителей по совместительству, которые привлекались к слежке за каждым гражданином страны, сообщали властям о любом его высказывании

или деятельности, представлявшимися враждебными нацистскому режиму.

Для контроля за обществом использовались порой самые неожиданные методы. Для примера — фрагмент секретного доклада, в связи с плебисцитом, проведенным 10 апреля 1938 года: «...Бюллетени раздавались в порядке очередности номеров, поэтому оказалось возможным выявить лиц, которые проголосовали «против», и лиц, чьи бюллетени оказались недействительными. Номер проставлялся на обратной стороне бюллетеня симпатическими чернилами» (8). Даже высокопоставленные служители режима находились в поле постоянной слежки: «Я никогда не чувствовал себя в безопасности из-за спрятанных микрофонов, хотя всегда тщательно обследовал стены моей комнаты», — вспоминал дипломат Третьего рейха Эрнст фон Вайцзеккер (9).

О существовании концентрационных лагерей, разумеется, в Германии знали. Некоторые из них были созданы еще в 1933 году, задолго до превращения их в лагеря смерти. Сообщение надлежащим образом публиковали в печати: «В среду, 22 марта 1933 года, будет открыт первый концентрационный лагерь в Дахау. В нем разместятся 5 000 заключенных. Планируя в таких масштабах, мы отказываемся поддаваться влиянию каких-либо мелких возражений, так как мы убеждены, что это вдохнет уверенность в каждого, кто уважает нацию и служит ее интересам. Генрих Гиммлер, и.о. начальника полиции города Мюнхена» (10).

Можно сказать, что названия этих мест (Ораниенбург, Заксенхаузен, Бухенвальд и Дахау) упоминались с некоторым пренебрежением в культуре того времени. Существовала даже детская песенка: «Милый Боже, сделай меня послушным, чтобы мне не попасть в Дахау!» По всем внешним признакам дело в лагерях обстояло вполне благопристойно. Время от времени их посещали иностранные полицейские специалисты и представители других организаций, не находившие там никаких поводов для жалоб касательно жилищных условий, питания и медицинского обслуживания заключенных. Порою, в них проводили детские экскурсии, скажем, для учащихся школ Адольфа Гитлера: «Воспитанники увидели «образцовый порядок» — чистые бараки, полное отсутствие насилия. Одним словом, безобидный трудовой лагерь» (11). Зданиям в концлагерях давали бодрые, радостные названия типа «Счастливый соловей», «Розарий» и даже «Институт ингаляции и водолечения». В старых, если можно выразиться, «классических» лагерях имелись парки и теплицы, манежи для верховой езды, офицерские казино, животноводческие фермы, птицефермы и т. д. Ну и, конечно же, лагеря были радиофицированы, хотя нравоучения начинались уже от самых ворот. Вроде ставших нарицательными изречений на воротах

Дахау («Работа дарует свободу») или Бухенвальда («Справедливо или несправедливо — это моя родина»).

Но лишь немногие знали истинную функцию концлагерей. В феврале 1939 года немецкий наблюдатель предупреждал: «То, что турки сделали с армянами, более медленно и эффективно проделывают с евреями здесь» (12). Но не только евреев постигал ужас концлагеря. Между 1933 и 1945 годами сквозь застенки нацисты пропустили 1 миллион 600 тысяч немецких граждан. 40 тысяч из них было казнено по судебным приговорам и десятки тысяч — без приговоров. Свидетельства массового уничтожения людей можно отыскать в крошечных заметках на последних страницах газет: «Глава СС Гиммлер извещает, что Ганс Шмидт, немец (или Ладислав Котовски, поляк), убит при оказании сопротивления полиции» (13).

Подобная гласность также являлась частью психологической системы подавления и запугивания населения: «Термин «отправление в концентрационный лагерь» должен объявляться публично как «до следующего распоряжения»... В определенных случаях рейхсфюрер СС и начальник германской полиции распоряжаются дополнительно о применении телесных наказаний... Нет возражений против распространения слухов об этом усиленном наказании... для усиления сдерживающего эффекта» (14). Кроме того, политических обвиняемых часто приговаривали к принудительному заключению в психиатрическую клинику. Ну, нам, бывшим советским гражданам, сие не в новинку.

Охрана концлагерей в основном набиралась из фольксдойчей и добровольцев из-за пределов рейха, которые вступили в ваффен-СС, но оказались признаны негодными к активной службе. При массовых казнях в обязательном порядке должен был присутствовать врач, имея при себе кислородную подушку. Врачу вменялось в обязанность оказывать в случае необходимости первую помощь... эсэсовцам, которые подавали в газовые камеры «Циклон Б» и которые по неосторожности могли почувствовать себя плохо (15).

В 1937 году Министерство юстиции издало указ о том, что избивание арестованных в процессе следствия считается приемлемым в интересах дела, но такие избивания должны быть ограничены ягодицами и не должны превышать 25 ударов. Что-то вроде дозированного применения пыток в американской тюрьме Гуантаномо. Так сказать, закон справедлив, хотя и строг.

Подобное же извращенное чувство справедливости заставило Гиммлера за коррупцию и издевательства над заключенными вынести смертный приговор коменданту лагеря Бухенвальд Коху, несмотря на то, что он был штандартенфюрером СС и обладателем золотого партийного

значка. «Любой, кто ставит себя вне рамок сообщества, причиняя ненужные страдания, должен быть безжалостно наказан», — сказал Гиммлер (16). Исходя из аналогичных соображений, он даже дал согласие на расстрел собственного племянника — убежденного гомосексуалиста.

Вообще, с 1933 по 1939 год число преступлений, караемых смертью, выросло с трех до более, чем сорока, в том числе за похищение детей и использование ложных полицейских постов при ограблении водителей на престижных новых автобанах (17). Во время войны число казней возросло с 926 в 1940-м до 5336 в 1943 году, а начиная с 1941 года смертные приговоры могли быть вынесены мальчикам в возрасте 14-16 лет (18).

Тому, кто «именем народа» лишился жизни, государство демонстрировало себя в полной мощи и великолепии. Палач предстал перед осужденным в визитке, трое его подручных — в черных костюмах. Присутствовавшие на официальной казни член Верховного апелляционного суда являлись в красной тоге, прокурор — в черной мантии, священник — в черной сутане, чиновники из Министерства юстиции — в зеленом сукне, тюремный врач — в белом халате, гости — в мундирах. Для гостей, между прочим, печатались специальные билеты, в которых особо указывалось, что «на месте казни немецкое приветствие не отдается» (19).

Как уже сказано, методы устрашения носили во многих случаях гласный характер, вплоть до публикации в СМИ, но, естественно, в «разумных» пределах. Иначе зачем нужен весь громоздкий аппарат Министерства пропаганды? Потому применялись методы воспитания и помягче. В газетах, кроме самой информации, строго регламентировался отдел объявлений. Например, запрещалось помещать объявления о найме прислуги, если в них говорилось, что прислуга требуется для бездетной семьи (таких семей в рейхе как бы не существовало), а в траурных объявлениях запрещалось указывать причину смерти, если человек умер в результате операции (своеобразная забота о славе немецкой медицины) (20).

Если «забота» о немецком читателе доходила до почти комической опеки в бытовой информации, можно лишь догадаться, как же лютовала цензура, когда речь заходила о действительно важных событиях. «Немцы, если они не читают иностранных газет (у лондонской «Таймс» здесь огромный тираж), совершенно отрезаны от событий во внешнем мире, и, естественно, им ничего не рассказывают о том, что происходит за пределами их собственной страны. До недавнего времени они штурмовали газетные киоски, чтобы купить «Baseler Nachrichten», газету немецкоязычных швейцарцев, в Германии она расходилась в большем количестве, чем в Швейцарии. Но теперь эта газета запрещена»

(21). С 7 сентября 1939 года стало преступлением прослушивание иностранного радио. Только министр пропаганды имел власть дать кому-либо право слушать программы зарубежных радионовостей. Лишь Герингу, Риббентропу, Кейтелю, командующим трех родов войск, самому Геббельсу, министру связи Онезорге, министру внутренних дел Фрику и начальнику имперской канцелярии Ламмерсу это разрешалось постоянно. А вот для Розенберга и министра финансов Шверина фон Крозига министр пропаганды, по словам его стенографиста Якобса, отменил ранее выданные разрешения на прослушивание иностранного радио (22).

«Сегодня вышло официальное предупреждение: «Никакого снисхождения не будет к безрассудным нарушителям закона, которые слушают вражьи выдумки» (23). «Фейндхёер» — слушатели врага, так в Германии назвали тех, кто тайно слушал вражеское радио. Небольшого дополнительного приспособления оказалось достаточно, чтобы слушать радиопередачи противника на большей территории Германии даже при помощи маломощного «народного приемника», а он имелся повсеместно. Его получали немцы взамен своих личных приемников, которые они сдавали на время войны. Примитивный, небольшой, с зияющей впадиной, словно с распахнутым ртом, «народный приемник» критически настроенные немцы прозвали «Морда Геббельса», и тот в долгу не оставался: «У нас очень многие слушают иностранное радио. Я велел вынести и опубликовать несколько драконовских приговоров. Может быть, это поможет» (14.12.1939). За первый год войны более полутора тысяч человек были приговорены к тюремному заключению или к принудительным работам, либо отправлены в концлагерь за то, что слушали передачи из Лондона.

Кстати, о зарубежной прессе. Мы уже рассказывали о пряниках для иностранных журналистов — о снабжении, девочках и прочем. Теперь можно вспомнить и о кнуте. Официально в рейхе цензуры не существовало, однако корреспонденция иностранных журналистов постоянно перлюстрировалась на предмет благожелательности освещения событий в Германии. И поскольку чиновник Министерства пропаганды, принимая меры против «виноватых» журналистов, не мог признаться, что материалы зарубежных корреспондентов просматривались, ему приходилось выдумывать легенду: дескать, кто-то из немецких журналистов читал репортаж в одной из нейтральных стран или что-то вроде того.

Против «провинившихся» применяли ограничения — им отказывали в праве пользоваться телефонной связью с зарубежными странами и запрещали отсылать корреспонденцию телеграфом. Особо строптивых

высылали: «Бич Конджер из «Геральд Трибьюн», который прибыл сюда всего месяц назад, сегодня выслан. Нацистам не понравилась статья, которую он написал, — записывал в своем «Берлинском дневнике» Уильям Ширер. — Тексты моих передач проходят предварительную цензуру, поэтому, что бы я ни сказал в эфире, это не может быть использовано против меня» (24).

Высылали журналистов и в ответ на аналогичные демарши других стран: «Норман Эббот из лондонской «Таймс», бесспорно, лучший журналист в Берлине, уехал сегодня вечером. Его выслали после аналогичной акции Великобритании, которая выдворила двух нацистских корреспондентов из Лондона... На платформе собралось около пятидесяти корреспондентов из разных стран, несмотря на намек из официальных нацистских кругов, что наше присутствие там будет рассматриваться как недружественный по отношению к Германии акт» (25).

После начала войны правила еще больше ужесточились. Почти сразу же Геббельс создал особый статистический отдел и поручил ему регистрировать и вести учет «искажений действительности» в сообщениях иностранной прессы и радио. Вскоре Фриче мог доложить германской общественности, что «за семь недель войны набралось 108 подобных случаев». Население в целом верило в непогрешимость статистики и могло на собственном опыте убедиться в неточностях иностранной прессы, а потому на тот период постепенно потеряло доверие к сообщениям из-за границы. Да и в военных сводках немцев не утаивалось практически ничего, поскольку речь шла исключительно об успехах⁵⁹.

Однако, по мере неблагоприятного для Германии развития событий, репрессии против инакомыслия только усилились. Геббельс называл свою новую пропагандистскую тактику, перефразировав девиз «Сила через радость», «Сила через страх». Хотя он старательно избегал подобных откровенных терминов за пределами своего ближайшего окружения. Министр понимал: в тяжелом положении страны призыв к яростной жертвенности и мобилизованная национальная солидарность значительно более эффективны, нежели головокружение от успехов. (А их, по большому счету, и не имелось.) Никто из рядовых немцев не хотел наказывать себя за ложь, которую они вкушали все годы гитлеровского правления, признавать ошибки свои и нации, бюргеры утешались мыслью, что клятву верности надо держать, тем более, в

⁵⁹ Одновременно в Париже и Лондоне газетчики сталкивались с постоянными ограничениями со стороны тамошних демократических властей. В Лондоне иностранному корреспонденту, попросившему дать ему одну из листовок, которые дождем сыпались на Германию, было отказано в просьбе с многозначительным объяснением, что, дескать, листовка может попасть в руки врага.

тяжелые времена. Особенно явно это проявилось после июльского покушения на Гитлера в 1944 году.

Увидев отряды армии на улицах Берлина, слыша дальнейшее эхо противоречивых приказов и слухов, люди перешептывались: «Кажется, маленькая клика офицеров-аристократов подняла мятеж». Сразу после неудачного покушения, в ночь с 20 на 21 июля Гитлер выступил по германскому радио с краткой речью, лично убеждая народ, что он остался целым и невредимым: «Маленькая кучка честолюбивых бессовестных и, к тому же, преступно глупых офицеров организовала заговор, чтобы устранить меня и, вместе со мной, штаб управления германской армией». Отдельно фюрер поблагодарил провидение, предотвратившее большое горе немецкого народа (26).

Сначала немецкая пропаганда пыталась представить июльский заговор как просто «неприятность», не стоящую пристального внимания народа, и старалась поскорее ее заретушировать. Подобная оценка происшедшего — дело рук Геббельса, которому некоторое время удавалось представлять недавние события в таком свете, что берлинцы воспринимали их как малозначимый «инцидент».

Но уже вечером 23 и 24 июля самолеты союзников сбросили в расположение немцев в Нормандии почти 4 миллиона листовок и три четверти миллиона газет, с подробной информацией по июльскому заговору. Один из очевидцев событий утверждал: «Половина гражданского населения страны была потрясена тем, что немецкие генералы приняли участие в покушении на Гитлера в целях его свержения, и впоследствии относилась к ним с горечью и разочарованием. Те же чувства разделяла и армия» (27).

Аналогичную информационную акцию Советы провели на Восточном фронте: «Гитлер призвал палача Гимmlера и приказал ему безжалостно расправиться с немецкими генералами и офицерами, которые выступили против него. Гитлер отстраняет от командования опытных генералов и ставит на их место бездарных мошенников и авантюристов из СС. Бросайте фронт, возвращайтесь в Германию и включайтесь в борьбу с Гитлером и его кровавой кликой». «Но ситуация была не такой простой, как ее разъясняла листовка, — добавляет приведший ее в своих мемуарах лейтенант тогдашнего вермахта Армин Шейдербауэр. — Никто из нас не считал, что дело заключалось лишь в спасении "гитлеровской клики"» (28). Немецкая армия считала, что защищает родину от озверевших москвитов, да и что это за обращение к профессиональным солдатам — «бросайте фронт»?

А руководство страны, мгновение поколебавшись между тайным и публичным наказанием заговорщиков, устроило грандиозный устрашающий спектакль. Его режиссировал Роланд Фрейслер,

председатель Народной судебной палаты (народного трибунала). Он добровольцем служил во время Первой мировой войны в германской армии, 5 лет находился в плену в России (в Сибири) и даже являлся членом РКП(б). Выучил русский язык, но выработал величайшую ненависть к коммунизму. Притворившись фанатичным большевиком, Фрейслер умудрился бежать и в 1920 году вернулся в Германию, где связал свою судьбу с нацистским движением. И вот наступил его звездный час.

На заседания Народной судебной палаты допускались только журналисты-эсэсовцы. «Они потом рассказывают, как ужасный генеральный прокурор Фрейслер требует "смерти для всех этих кобелей и сук"» (29). Смертный приговор (среди многих других) вынесен, например, госпоже Шольц, сестре писателя Э. М. Ремарка, эмигрировавшего в США.

Штауфенбергу, организатору покушения, можно сказать «повезло» — его расстреляли. Всю его семью, включая новорожденного сына, также расстреляли. А вот другие участники были повешены на рояльных струнах, и эту мучительную казнь зафиксировали на киноплёнку. Курсанты военных училищ, которым в назидание продемонстрировали смонтированный по материалам казни фильм, на просмотрах падали в обморок (30).

«Оргия убийств, которая началась по приказу диктатора, обернулась и против его же сторонников. Для простых солдат все это было отвратительно. Несомненно, что существовала прямая связь между покушением на жизнь тирана и крушением мифа о нем. В ходе этой вакханалии жестокостей приветствие в виде вскинутой вверх руки было в обязательном порядке введено в армии. Ранее такое приветствие полагалось только в том случае, если у солдата на голове не было головного убора. Здесь также сыграл свою роль магический метод мышления. Поскольку, если все преданные сторонники диктатора приветствовали друг друга вскинутой рукой, следовательно, если все будут приветствовать друг друга подобным образом, значит, все они являются его преданными сторонниками» (31).

Утешало лишь то, что кровавый режиссер Фрейслер 3 февраля 1945 года, председательствуя на очередном суде над изменниками, был случайно убит бомбой, сброшенной с американского самолета. Но главная цель кампании репрессий оказалась достигнута — нация оставалась в полном повиновении фюреру почти до самого конца войны. «Гитлеру удалось сохранить у большей части этого необыкновенного народа верность и веру в себя до самого конца. Как безмолвный скот, с трогательной верой и даже энтузиазмом, который возвышал их над стадом, немцы храбро устремились за ним в пропасть, что грозило

гибелью нации» (32).

Эту психологическую смесь из верности, паники, жалости к самим себе и самообмана умел виртуозно использовать Геббельс, предавая широкой огласке высказывание Сталина: «Зверь смертельно ранен, но еще опасен. Он должен быть добит в собственном логове». Выступление Фриче от 7 апреля 1945 года: «В результате превосходства в людях и материальных резервах врагу удалось проникнуть далеко в глубину германской территории, и в настоящее время он собирается осуществить по отношению к нам свою программу уничтожения» (33).

«Фёлькишер беобахтер» объявила о форсировании Одера Красной армией: «Нас ждет новое тяжелое испытание, может быть тяжелейшее из всех. Каждый квадратный метр территории, за которую придется сражаться врагу, каждый советский танк, который подобьет фольксштурмовец или член гитлерюгенда, сегодня важнее, чем в любой момент этой войны. Лозунг дня: «Стисните зубы! Деритесь, как дьяволы! Не отдавайте без боя ни крошки земли! Решительный час требует последнего величайшего усилия!» (34).

Плакат на стене здания: «Час перед восходом солнца — самый темный».

33. Заключение

К 8 утра 16 апреля 1945 года почти весь Берлин услышал по радио, что «на Одерском фронте продолжается массированное наступление русских». Новости сообщались осторожно, но нормальному берлинцу уточнения не требовалось — битва за столицу Германии началась. Закрывалась последняя глава в истории Третьего рейха.

Вместе с нацистской империей разваливалась и его удивительная машина пропаганды. В понедельник 23 апреля Геббельс выступил с последним радиообращением, сообщавшим берлинцам, что Гитлер останется в столице и будет командовать «всеми силами, собранными для обороны Берлина». Последней из нацистских газет — 26 апреля — перестала выходить «Фёлькишер беобахтер». Ее сменил четырехстраничный листок под названием «Бронированный медведь». «Боевая газета для защитников Берлина», как еще ее называли, просуществовала шесть дней. Последнее сообщение «Транс-Оушн», полуофициального немецкого агентства новостей, было на французском языке: «Спасайтесь, кто как может» (1).

В отчаянной схватке с советскими войсками нацистские пропагандисты пытались хотя бы еще раз помочь своим войскам. Кто-то задумал выпускать листовки для «идуших на подмогу» немецких дивизий, которые якобы должны освободить город. В них войска призывались поспешить на помощь берлинцам. Листовки как бы случайно были

сброшены над Берлином. Возможно, кого-то они и вдохновили последней надеждой в яростной попытке отбить наступление советских войск. И плечом к плечу с немцами сражались датчане, норвежцы, шведы, англичане, латыши, испанцы, французы... «Новая Европа» Адольфа Гитлера издыхала вместе с ним на руинах Третьего рейха.

Известие о смерти Гитлера 30 апреля 1945 года вызвало волну самоубийств среди защитников немецкой столицы. Свел счеты с жизнью и Геббельс, причем, имея на прицеле и определенный пропагандистский расчет. В своем дополнении к завещанию фюрера Геббельс прямо указал: «...для грядущих тяжелых времен примеры еще важнее, чем люди» (2). Еще порядка 700 человек покончили жизнь самоубийством после капитуляции Берлина. Тысячи убитых горем людей обливались слезами. Многие немцы отказывались верить в смерть Гитлера и надеялись, что он в последний момент скрылся.

Возглавлял комиссию по опознанию трупов Гитлера и Геббельса главный судебно-медицинский эксперт 1-го Белорусского фронта Фауст Шкаравский. Гитлера и Геббельса анатомировал доктор Фауст! (3) И, наконец, в Берлинском зоопарке из бассейна вынырнул гиппопотам, который скрылся под воду на весь период последних битв и поднялся наверх лишь после окончания бомбардировок.

Настало время мести за своих убитых, за растерзанные города, за искалеченные судьбы. «Хочу ребенка от фюрера», говорите? От 95 до 130 тысяч берлинских женщин было изнасиловано, около 10 тысяч из них умерли, 90% выживших сделали аборт (4). В Норвегии полиция отправила 14 тысяч женщин, вступавших в связь с немецкими солдатами, в лагерь для интернированных. Детей из гиммлеровской «Lebensborn», документы об отцовстве которых не успели уничтожить, оскорбляли и избивали; школьные учителя, одноклассники и соседи обзывали ни в чем не повинных детей «нацистскими свиньями» (5).

Мир узнавал о преступлениях нацизма. В лагере в Ордруфе, освобожденном американцами 12 апреля, генерал Джордж С. Паттон, один из самых грубых офицеров этой армии, вышел из фабрики смерти совершенно больной и с мокрым от слез лицом. Паттон приказал жителям ближайшей деревни, которые заявили, будто знать не знали, что происходит под самым их носом, посмотреть лагерь собственными глазами. Тех, кто упирался, провожали под дулами винтовок. На следующее утро мэр деревни и его супруга повесились (6).

После провала июльского заговора, в котором участвовал и его сын, главный геополитик Третьего рейха Карл Хаусхофер был арестован властями. После расстрела сына, полностью лишившись иллюзий относительно нацизма, 13 марта 1946 года он принял смертельную дозу

яда, а жена его повесилась.

15 апреля 1946 года в большой лагерь для военнопленных под Нюрнбергом, где находилось 36 000 эсэсовцев, доставили отравленный мышьяком хлеб, от которого 700 пленных умерли сразу же и еще несколько сот — после долгих мучений (7).

Из нацистских лагерей из 5 700 000 пленных советских солдат в 1945 году вернулось домой 2 400 000 (погибло 3,3 миллиона); из 3 155 000 пленных немецких солдат к 1955 году вернулось из СССР 1 959 000 (погибло 1,2 миллиона) (8).

Чтобы покончить с наследием гитлеровского режима, был необходим международный суд, который раскрыл бы глаза немцам на истинную природу нацистского режима. На скамье подсудимых Нюрнбергского трибунала оказались многие из упомянутых в этой книге персонажей, в том числе и журналисты Ганс Фриче и Юлиус Штрайхер. Фриче, в ответ на предъявленное трибуналом обвинение, сказал: «Это ужасное обвинение всех времен. Ужаснее может быть лишь одно: грядущее обвинение, которое предъявит нам немецкий народ за злоупотребление его идеализмом» (9). А Штрайхер поразил своих соратников очередной сентенцией о евреях: «Я целых 25 лет предостерегал мир от них, а теперь вижу, что евреи преисполнены решимости и мужества. Они еще покорят мир, запомните мои слова!.. И если евреи готовы принять меня в свои ряды, я буду сражаться на их стороне!» (10) Приговоренный к смерти Штрайхер на эшафоте зачем-то крикнул: «Пуримфест!» (имея в виду еврейский праздник, знаменовавший поражение притеснителей евреев в библейские времена). Но последними его словами стали всё же: «Хайль Гитлер!».

Ганса Фриче Нюрнбергский трибунал оправдал.

Главного редактора центральной партийной газеты «Фёлькишер беобахтер» и президента Имперского объединения германской прессы Вильгельма Вейса приговорили к трем годам тюремного заключения и десяти годам запрета заниматься журналистикой.

Исполнительный директор службы новостей Третьего рейха и начальник пресс-службы Имперского министерства иностранных дел оберштурмбанфюрер СС Пауль Карл Шмидт, взяв литературный псевдоним Пауль Карель, написал бестселлер — историю боев на Восточном фронте.

Финансовый гений Гитлера Ялмар Шахт в пятидесятые годы стал советником Насера в Египте.

Здоровье, правильный образ жизни, клеточное омоложение в альпийской клинике позволили гитлеровской любимице режиссеру Лени Рифеншталь дожить почти до 100 лет и удостоиться в 2001 году премии на кинофестивале в России. Причем премию ей вручили именно

22 июня, будто в насмешку над чувствами людей, которые еще помнят нацистское нашествие.

После войны католические функционеры помогли бежать многим нацистским преступникам к диктатору Перону в Аргентину. В их числе — эсэсовский «доктор» Йозеф Менгеле, Адольф Эйхман, главарь хорватских усташей Анте Павелич, комендант Треблинки Филипп Штангль. А «Майн Кампф» еще в 60-е годы XX века французские учителя на Мадагаскаре использовали в качестве учебника немецкого языка (11).

29 декабря 1941 года знаменитый советский историк академик Е. Тарле писал в частном письме: «Как и всегда, самый правильный и умный лозунг изошел от Сталина: истребить захватчиков до единого! Посмотрите, какого они будут петь Лазаря, эти гады, когда увидят, что их разбою приходит конец и что нужно платить по счету! Как они будут прибедняться, хныкать, умолять, лебезить, уверять, что все они паиньки и что только вот нехороший мальчик Гитлер их сбил с толку! Но на сей раз этот номер не пройдет» (12).

В своих мемуарах один из подсудимых Нюрнбергского трибунала Франц фон Папен четко подвел черту: «Германия несет полную ответственность за Вторую мировую войну. Нам нечего сказать в свое оправдание» (13). А в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе Альберт Шпеер, в частности, сказал: «Это была первая диктатура индустриального государства в эпоху современной техники... С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление, они были подчинены воле одного человека» (14).

Именно так — первая диктатура, в полной мере использовавшая манипуляцию сознанием для утверждения своей власти. Мы не можем сейчас назвать ни одного сколько-нибудь значительного политического и экономического события, которое не сопровождалось бы событиями пропагандистского характера. Сегодня распространение информации — индустрия с оборотами более чем в 400 миллиардов долларов в год, из которых 206 миллиардов тратятся на массовое информирование, то есть на информацию, производимую и распределяемую в идентичной форме для потребителей по всему миру (15).

После войны казалось, что за пропагандистское искажение истины народы заплатили слишком дорогой ценой, чтобы браться за старое, но о будущем уже подумали очень неглупые люди. «Он (Геббельс. — К.К.) украдкой и очень внимательно вглядывался в будущее поколение, — признавался Фриче, когда рассказывал о последних месяцах войны. —

Если вы хотите понять все, что он написал накануне поражения, не забывая об этом» (16). В своей весьма примечательной статье «2000», датированной зимой 1945 года, «маленький доктор» предвкушал созревшее яблоко раздора: «На Ялтинской конференции три вождя наших противников решили сохранять оккупацию Германии до двухтысячного года, поскольку этого требует их программа полного уничтожения германской нации... Если немецкий народ сложит оружие, Советы захватят в дополнение к большей части Германии весь восток и юго-восток Европы. Перед громадной территорией упадет железный занавес...» (выделено мной. — К.К.) (17)

Итак, «железный занавес» — символ целой эпохи, фраза, которую приписывают Черчиллю в его знаменитой Фултонской речи, положившей начало «холодной войне», на самом деле изобретена Геббельсом. И не только обнародована в вышеупомянутой шумевшей статье, но и еще раз обыграна им в своих последних дневниковых записях: «14 марта. Известная тактика Кремля — опускать железный занавес над страной в тот момент, когда Советы ее захватывают, чтобы иметь возможность вершить за этим занавесом свои страшные, кровавые дела» (18)⁶⁰.

Случайно ли Черчилль оказался наследником настойчивой геббельсовской фразеологии? Для начала — исторический анекдот. Когда Черчилль, пребывая с государственным визитом в США и, остановившись в Белом доме, вышел как-то вечером из ванной комнаты, и случайно предстал перед президентом Рузвельтом в чем мать родила. Тот был немало смущен, но демократически настроенный Черчилль поспешил его успокоить: «Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов Америки» (19).

И действительно, западные лидеры не скрывали друг от друга своей обеспокоенности проникновением враждебной им большевистской доктрины в самое сердце Европы. Наивно полагать, что если бы Рузвельт не умер в конце войны, мировая история пошла бы другим путем — речь шла о цивилизационном выборе между восточной и западной моделью развития европейского общества. Собственно, в признаки фашизма входила, в том числе, «защита не на жизнь, а на смерть западных ценностей», борьба против «азиатской дикости» и коммунизма (20).

«Коммунизм — квазирелигия идеи соединения, даже братства народов. Фашизм — идея совершенно противоположная, «фашизм своего рода, гипертрофированный либерализм» (21). Фашизм вырос из столь милой сердцу либералов идеи конкуренции — просто конкуренции на уровне расы. И развивая данный тезис, можно утверждать, что нынешняя

⁶⁰ Хотя, если уж по справедливости, впервые упомянутый яркий образ использовала бельгийская королева Елизавета, говоря о наступлении немцев в 1914 году: «Теперь между Германией и мною как бы упал железный занавес».

концепция «золотого миллиарда», столь популярная в западном мире, — типичная расистская концепция, только ее фашизм носит теперь не национальный, а глобальный характер. Вместо расы арийцев теперь стараются создать расу богатых «цивилизованных» людей (22).

Вторая мировая война показала устарелость националистических концепций, на которых базировалась Европа со времен создания ведущих национальных государств. Националистические клики (в каком бы лагере они ни находились) войну проиграли. В то же время одержали победу наднациональные имперские режимы — СССР и США, проводившие политику плавильного котла. Европа вынуждена была пожертвовать узконациональным ради общеимперского, началась эпоха военных, а позже — и экономических блоков.

Для понимания смысла «холодной войны» бесценна откровенность одного из авторов послевоенного сборника мемуаров видных функционеров Третьего рейха «Итоги Второй мировой войны» Хассо Мантфейля: «Научные достижения, перенесенные в Советский Союз и сознательно стимулируемые его политическим руководством, вызвали в наивном советском народе прямо-таки упоение техникой и индустриализацией. Там царит сейчас один бог — мотор, там вырастают из земли новые промышленные комбинаты, там сознательно культивируется фанатическая вера в прогресс... Функция центра мира и защитного вала против наступающего Востока, которая еще со времен Великого переселения народов принадлежала Европе, отнята теперь у нее историей и передана Америке. В связи с этим Америка не может пожинать плоды своей победы в этой войне и заниматься укреплением мира и разрядкой международного напряжения. Наоборот, она должна использовать все свое могущество и направить все свои усилия на создание еще большего напряжения сил, почти не уступающего напряжению военного мира» (23).

Знаменитая фраза из интервью будущего президента США Гарри Трумена «Нью-Йорк таймс» («Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше») не была обмолвкой, но целой программой действий. Когда стал побеждать Советский Союз и, тем самым, представлять опасность для либеральной идеи, симпатии западной элиты стали переключиваться на сторону немцев, с которыми они не теряли надежды договориться. Разумеется, симпатии касались не оголтелых «наци», но «своих», «цивилизованных», «культурных» германцев.

Подобные настроения охватили не только высокопоставленных сотрудников администрации или значимых финансистов, но и представителей среднего класса. Один из немецких военнопленных с изумлением рассказывает о сценке в лагере: «Однажды нас собрал на

дискуссию молодой пастор-американец. Он лично готов был простить нам все наши прегрешения за годы войны, но кто-то заикнулся, что, мол, неплохо бы помолиться и за упокой жертв, которыми стали по нашей вине жители России. Но пастор был парень не промах, сразу нашелся, сравнил русских с неверными, которые пали жертвой Крестовых походов христиан в Средние века. Разумеется, эту песенку мы уже слышали, и не раз; именно этой идеей нам прожужжали уши нацисты, взяв ее на вооружение в качестве оправдания любых чинимых против русских зверств, а когда мы напомнили об этом молодому пастору, он явно сконфузился» (24). Сравнение с Крестовыми походами воистину стало знаковым для западного способа мышления. Призывы к новому Крестовому походу против «империи зла» были услышаны и стали императивом американской политики почти на полвека.

«Научные достижения», «упоеание техникой и индустриализацией», «фанатическая вера в прогресс», приписываемые Хассо Мантфейлем советскому народу, — что же, спросите вы, вызывало такой ужас? Я полагаю, другой принцип организации жизни — вне капиталистического устройства мира, и возможную попытку навязать этот способ жизни другим. Ведь человек, поверивший в некий миф (например, якобы стремление Сталина во главе обескровленного СССР захватить весь мир), начинает видеть реальность под определенным углом зрения. Пристрастный взгляд обуславливает выборочное восприятие фактов, явлений, действительности. Если ты хочешь увидеть «советскую угрозу» — ты ее увидишь.

Под влиянием пропагандистской машины, постоянно нагнетавшей нервозность, в XX веке страх ядерной войны в США приобрел те же черты, что и страх X века перед «концом света», страх перед чумой в XVI веке или «страх Лютера», — черты экзистенциального страха западного человека. Дело доходило до абсурда, и психоз охватывал даже трезвомыслящих военных. Я уже не говорю о паранойе министра обороны США Форрестола, который помешался на страхе перед Советами в самом прямом смысле — он бесконечно повторял «русские идут, они везде, я видел русских солдат», пока не выпрыгнул в окно. Но порою целые организации охватывала военная лихорадка: так в 1950-е годы командование армии США решило, что Советы вот-вот оккупируют Европу, и на территории нейтральной Австрии, без согласования ее правительства американцы спрятали более полусотни тайных складов оружия и боеприпасов для партизанской войны. Сегодня возник скандал оттого, что секретные карты этих тайников затерялись, и многие из складов не удается отыскать (25).

Если кто-то чего-то не знает, значит, кому-нибудь это зачем-то надо. Успешное развитие общества прямо зависит от интенсивности и качества информационных потоков в области экономики, политики, культуры и других сфер жизни. Особенно важным предстает в этом смысле международный обмен информацией в нашем все более взаимосвязанном мире. Когда в 1936 году в зарубежных странах прошла серия статей, в которых говорилось о тяжелой болезни, а позднее и смерти Сталина, корреспондент «Ассошиэйтед Пресс» в Москве Чарльз Ниттер немедленно отправился в Кремль и передал на имя советского вождя письмо, в котором просил подтвердить или опровергнуть циркулирующие слухи. Сталин ответил немедленно: «Милостивый государь! Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей земной мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира. 26.10.36 г. С уважением И. Сталин» (26).

Если отбросить шуточный тон послания, то в чем-то вождь оказался прав. Иностранная пресса зачастую оказывает самое сильное влияние на внутреннюю обстановку в стране, ее общественное мнение, ее позиции в мировой экономике. На сегодняшний день 70% мировых коммуникаторов — американские. Жители США составляют всего 6% населения планеты, но при этом они потребляют 57% мировой рекламы, что дает необходимые для уверенного существования СМИ финансы (27).

По мнению Збигнева Бжезинского, массовая культура, наряду с военным и экономическим могуществом, обеспечивает США политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно другое государство (28). Президент США Ричард Никсон, выступая однажды в Совете национальной безопасности по вопросам финансирования оборонных расходов, сказал, что считает 1 доллар, вложенный в информацию и пиар, более ценным, нежели 10 долларов, вложенных в систему вооружений. Ведь последние могут остаться неиспользованными, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно (29).

Более половины времени активного бодрствования мы тратим на средства массовой информации, соответственно, на осмысление подготовленной кем-то картины мира. Но что это за картина, насколько она объективна? Ежедневный полный выпуск популярной английской газеты «Санди таймс» содержит больше информации, если считать ее в битах, чем средний житель Англии XVIII века получал за 60 лет жизни (30). Но при этом 99% информации данной газеты не имеет никакого

практического значения для человека — так, мешанина из жизни звезд, зарубежных казусов, гороскопов, рекламы и бог знает чего. Где, в таком случае, зарыта собака?

Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал. Пробуждает в сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия. Обилие уголовной хроники, например, может подвести нас к мысли, что «пора навести порядок», а та или иная фотография политика пробудить у нас чувство симпатии к нему либо отвращения и т. д.

В телевидении срабатывает «эффект присутствия» — телезритель становится как бы не только свидетелем, но и соучастником данного события, благодаря чему он воспринимает информацию с неизмеримо большим доверием. Для информационных и общественно-политических передач телевидения характерна нарочитая игра в объективность (мы, мол, только регистрируем факты — выводы за зрителем). Хотя это лишь уловка, направленная на то, чтобы на место объективной картины мира поставить информацию, «организованную» в определенном политическом контексте. Скажем, британские правительственные информационные сообщения во время англо-аргентинского конфликта за Фолклендские острова манерой подачи нарочито напоминали сообщения периода Второй мировой войны, вызывая у населения достаточно четкие ассоциации (31).

Сообщение комментатора может выглядеть объективным, но его вокальные дополнения, интонация и многозначительные паузы, а также выражение лица часто имеют тот же эффект, что и редакторское мнение. И нет необходимости контролировать каждого журналиста, каждого радио- и телекомментатора. «Достаточно убедить их самих, что ложь — это, правда, и стадо интеллектуальной элиты нации начнет тупо, убежденно и уверенно воспринятую ими ложь повторять и разукрашивать в меру своей глупости» (Ю. Мухин).

Сегодняшние теоретики пропаганды довели эту систему до совершенства, которую образованному человеку знать необходимо. Так что примите следующую страницу информации как бонус. Итак, стандартная схема коммуникации существенно изменяется в случае использования пропаганды. Рассмотрим только некоторые из них:

1. Изменение источника (происходит подмена источника другим; немецкий источник печатает разоблачение в шведской газете, потом перепечатывают этот материал как шведский).

2. Изменение канала (переход с официальных каналов на неофициальные, например слухи).

3. Изменение получателя (псевдоутечка информации).

4. Изменение сообщения (изменение приоритетов или статуса тех или иных событий).

5. Изменения в шуме — шум может в ряде случаев превращаться в источник информации (митинговое скандирование) и пр. (32)

Психологическая война ставит во главу качественный аспект: не то, сколько текстов было напечатано, а сколько из них достигло цели. Точечная коммуникация психологической войны никогда не позволит себе передавать сообщения, которые никто не прочтет. Абсурд современной партийной прессы в том, что кроме уже убежденных партийцев ее никто не читает. И вот что специалисты советуют, чтобы усилить воздействие внедряемой информации:

1. Акцент на совпадении интересов, задачей которого является максимальное сближение с аудиторией.

2. Привлечение авторитета для выдачи нужного сообщения, тогда доверие к источнику сообщения переносится на содержание сообщения.

3. Присоединение к мнению большинства. Противник выдается в качестве представителя меньшинства.

4. подача предлагаемого решения как прогрессивного.

5. Перевод спора в плоскость негативных характеристик самого оппонента. Плохой человек не может пропагандировать что-то правильное (33).

Если не устали, продолжим. Модель воздействия в психологической операции делится на три этапа: 1. Вход. 2. Усиление. 3. Резонанс.

Вход — одновременное внедрение в массовое сознание; легкость информационных переходов; гарантированное привлечение внимания (например, во время Второй мировой войны некоторые листовки украшали изображениями обнаженных девушек, чтобы солдаты взяли их в руки).

Усиление — содержательные характеристики сообщений, оно должно стать «мостиком» между потребностями аудитории в данный момент и решением ее проблем в будущем.

Резонанс — передача сообщения от микрогруппы, которая его получила, в более широкие слои населения.

Ну, и последнее. Любая психологическая операция строится на определенном преувеличении — тогда становятся оправданы последующие действия, ради которых операция проводится. Для этого манипулируемый не должен соприкоснуться с объектом стереотипизации. Назовем подобный процесс обольванивания

построением символического мира, что подразумевает:

1. Отсутствие объекта, что позволяет приписать объекту любые характеристики.
2. Объект не входит в систему обыденных знаний, все, что знает человек об объекте, — получено из СМИ.
3. Вся информация поступает из одного источника (34).

Оглянитесь внимательно вокруг, и вы увидите, сколько кишит вокруг вашего сознания людей, сколько особей желают проникнуть в ваш мозг и убедить в своей правоте — вы им нужны.

В наши дни общественное мнение как участник политического процесса является важным феноменом, существование которого, безусловно, приходится учитывать властью имущим. Потому работа с общественным мнением ведется широким фронтом специалистов, который включает в себя всяческих спичрайтеров, имиджмейкеров, пиарщиков и прочих мудреных самоназванцев.

Я уже не говорю, что в сегодняшнем мире успех может иметь только такая армия, до конца убежденная в ценности тех идей и нравственных принципов, которые она призвана защищать. В 1995 году вышел устав ВС США по информационной войне, а в тамошнем национальном университете обороны была завершена подготовка первой группы специалистов в этой области. За последние 10 лет общая доля расходов США на информатику и подготовку к информационной войне возросла в три раза и достигла 20% военного бюджета (35).

Во всех случаях вооруженных конфликтов приходится искать пути их легитимизации, для чего требуется сделать общественное мнение страны и мира своим сторонником. Использование политических эвфемизмов, слов широкого значения, терминов, непонятных для аудитории, выхолащивание политического значения слова и замена его нейтральным — вот некоторые приемы словесного манипулирования общественным сознанием.

Одним из таких распространенных методов дезинформации стало употребление слов, относящихся к целому классу объектов и явлений. Война во Вьетнаме очень часто называлась американскими СМИ «конфликтом». Но «конфликт» гораздо более широкое, расплывчатое понятие, нежели «война», однозначное слово с отрицательными социальными коннотациями. Слова «операция» и «программа» также служили прикрытием для целого ряда жесточайших акций американской армии. Вспомним все эти «Справедливые силы» и «Торжествующие правды», вплоть до расстрела безоружных невинных людей. В 1988 году корабль «Винсенс» ВМС США сбил иранский авиалайнер с 290 пассажирами. На базе в Калифорнии его встречала толпа со знаменами

и воздушными шарами, духовой оркестр играл марши. Стоящие на рейде корабли салютовали героям артиллерийскими залпами (36). И, пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что хладнокровное уничтожение американцами мирных жителей в рамках операции по «усмирению» Сербии в 1999 году имеет свои исторические истоки в союзнических бомбардировках германских городов во время Второй мировой войны.

Для манипуляции общественным сознанием используются и примитивные провокации. Например, накануне «Войны в заливе» выступавшая в американском конгрессе арабская девочка свидетельствовала, что иракские солдаты, захватив больницу, выбрасывали младенцев прямо на мостовую. Потом выяснилось, что эта девочка ничего подобного видеть не могла, поскольку была дочерью посла Кувейта в США и на родине во время войны не пребывала (37). Но, благодаря ее выступлению, американское общественное мнение оказалось подготовлено для ввода войск. Или относительно недавно одна канадская газета опубликовала «утку»: якобы Иран собирается заставить своих евреев носить желтую шестиконечную звезду. Может, вы помните эту «сенсацию», размноженную по всему миру? Через несколько дней газета извинилась за «утку». Только она извинилась на шестой странице, хотя вначале растиражированная новость была размещена на первой. Да и кто перепечатывал то опровержение.

Создание подобных конструкций является относительно легкой задачей, поскольку мировые СМИ неравномерно ориентированы. С одной стороны, большую часть информации поставляют крупные западные агентства, такие как «Рейтер», «Франс-пресс» или ЮПИ. С другой стороны, третий мир как бы специально отведен ими для негативных новостей. СМИ подают события таким образом, что почти все землетрясения, наводнения, извержения вулканов, государственные перевороты, массовые беспорядки происходят в странах Азии, Африки, СНГ. Иными словами, в массовом сознании вышеперечисленные регионы выглядят источниками хаоса, повышенной опасности для цивилизованного человечества. А значит, нуждаются в отеческом контроле, в том числе и за ресурсами (политикой, экономикой, населением — нужно подчеркнуть).

Преодоление монополии в информационной сфере США (и в целом Запада) потребует значительного времени и огромных затрат. Запад десятилетиями готовил свою информационную базу, накопил достаточно большой опыт в данной сфере и не собирается расставаться со своим доминирующим положением. Но делать эту работу необходимо, ибо написание современной истории неразрывно связано с обработкой массового сознания.

Макиавелли: «О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство» (38). Какими же способами пользуются государи XXI века?

Первое. Они сотрудничают не со всем населением, а с лидерами, определяющими общественное мнение. Вот почему заинтересованные силы кропотливо работают с политиками и журналистами.

Второе. Не имеет смысла вкладывать деньги в разрушение стереотипа — проще дается формирование нового стереотипа с учетом уже имеющихся. Например, антирусских в Западной Украине.

Третье. Если аудитория слышит только доводы «за», то доводами «против» другой стороны ее легко переубедить. Если аудитория получает и позитив, и негатив, тем труднее переубедить ее в чем-либо — человек «делает вывод сам». В отличие от односторонней официальной информации в СССР, Би-би-си, «Голос Америки» и др. давали разные точки зрения и снискали славу объективных, хотя работали на одну идею.

И, наконец, чтобы увлечь аудиторию своими построениями, подачу информации следует осуществлять с точки зрения аудитории — она реагирует на те сообщения, которые касаются жизни конкретного человека, его насущных проблем. «А нашим зрителям интересно», «Народ хочет знать», «Спросим у людей» и т.п.

Аналитики предполагают, что в условиях единого мирового информационного пространства информационные войны XXI века и геостратегическое информационно-психологическое противоборство между ведущими державами будет идти за доминирование в мировой финансовой системе, а также за доступ к природным ресурсам. Штурмовым отрядам, созданным для раскачивания неудобных политических режимов, согласно отработанной практике дают красивые названия, вроде «Национальный фонд поддержки демократии», «Международный демократический форум», «Институт открытого общества», «Свободный дом» и т. д. Используя самые современные способы манипулирования сознанием, они добиваются вполне конкретных целей, неуклонно расширяя базу того, что они называют «демократией». Создание новой элиты, связанной с наднациональными структурами, работающей с учетом интересов этих структур и под их присмотром, является реальностью нашего времени. Задача состоит лишь в том, чтобы убедить исполнителей: они действуют во благо своего, может быть, еще

«недостаточно просвещенного» народа. А в «битвах за просвещение» любое оружие хорошо: и убеждение, и провокации, и революции.

Возьмем, к примеру, революцию 1989 года в Румынии, когда внимание мировых СМИ было приковано к волнениям в городе Тимишоара, где в ходе столкновений с агентами «Секуритате» якобы погибло много мирных жителей. «Немецкие документалисты, поработавшие на месте, утверждают: тела «погибших», показанные в те дни всеми телеканалами мира, специально доставлялись к месту съемок из местных моргов. Это были тела умерших своей смертью людей. Так создавался миф о «революции» в Тимишоаре, которая затем перекинулась на Бухарест» (39).

Итальянский культуролог Дж. Агамбен писал о румынских событиях: «Там некая секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение смогли осуществить то, что нацизм не осмеливался даже вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог Рейхстага. Впервые в истории человечества недавно похороненные трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед камерами геноцид. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, не смотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина: Тимишоара есть Аушвиц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары невозможно смотреть на телеэкран, как раньше» (40). Ну, это уже явное преувеличение. Поиски оружия массового поражения в Ираке и недавний конфликт в Южной Осетии говорят нам, что эпоха информационных войн продолжается, а люди продолжают верить тому, что им демонстрирует телевидение.

А что касательно ассоциаций с нацистским прошлым, так в современной Румынии 5 декабря 2006 года Апелляционный суд признал соратника Гитлера маршала Антонеску невиновным в преступлениях против мира, за которые он был осужден в 1946 году. Суд признал также обоснованным его сотрудничество с фашистской Германией, а начало войны против «народов Советской России» легитимным. Антонеску сегодня считается национальным героем Румынии. В честь него названы улицы и поставлены памятники.

Да и в нашей Украине многие гордятся своим нацистским прошлым. Например, депутат Ровненского городского совета М. Шкурятюк в газете «Киевский вестник» (26 марта 1993 года) заявил во всеулышание: «Я горжусь тем фактом, что среди 1500 карателей в Бабьем Яру было

1200 полицейев из ОУН и только 300 немцев». А один из командиров батальона «Нахтигаль», о деятельности которого мы также рассказывали в этой книге, удостоен звания Героя Украины.

Идеология, насаждавшая расовые фантазии нацистов, стала первым примером зловещей доктрины нового типа, основывавшей гражданские права населения — в том числе и право на жизнь — на этнической идентичности, определяемой государством. Во второй половине XX века вспышки этических противостояний ясно указывают на то, что нацизм — не атавистический пережиток племенного сознания, но первая ласточка этнического фундаментализма, идеологии, набирающей силу тогда, когда модернизация общества угрожает его традиционной системе ценностей. То есть утомленные глобализацией люди охотно подчиняются национальным приоритетам, игнорируя тот факт, что спекулирующие ими политики давно уже живут в другой системе ценностей, мало имеющих общего с национальными.

Сегодня элита активно использует заимствованный из кибернетики триггерный способ управления населением. Суть этого метода состоит в управлении системой за счет контроля ее ключевых точек, которыми, применительно к современному обществу, являются, прежде всего, финансовые ресурсы, электронные СМИ, наиболее влиятельные формирования и организованные группы, вроде крупных политических партий и профсоюзов. В результате планомерной обработки ими общественного сознания формируется «виртуальная толпа»: она не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, она не структурирована, но слушает одних и тех же пророков, не вступая с ними в диалог. И возникает вопрос: у кого в руках рычаги управления обществом? На штурм каких вершин пошлют податливую массу?

Если рядовые граждане верят, что они действуют в интересах государства, если они исполняют приказ, «высшую волю», если «так надо», они легко отбрасывают все моральные соображения. Не может чувствовать себя в безопасности отдельная страна (или отдельный человек) в мире, где правят обман и стяжательство. Единственный метод самообороны против привычки подчиняться злой воли власти — воспитание индивидуальности, внутренней самостоятельности и критического мышления.

Недавно в пострадавшем от бомбардировок НАТО Белграде дизайнер Александр Масачев реализовал художественный проект «Йозеф Геббельс». Он распространил по всем основным информационным каналам образ Геббельса в виде его портретов, набранных логотипами наиболее популярных сегодня брендов. «Я за то, чтобы люди перестали слепо верить всему, что рассказывают им СМИ, а относились бы к этому

просто как к сообщению, скептически, и проверяли бы здравым смыслом все, что могут», — объяснял художник свой замысел журналистам.

Так или иначе, огромная физиономия Геббельса на улицах Белграда вызвала противоречивые эмоции среди населения. Люди не всегда присматривались, из чего там слеплены знакомые до боли черты, зато замечали логотип из четырех скрещенных громкоговорителей и название торговой марки «Йозеф Геббельс». «Я знал, что играю с огнем, но намеренно. Я использовал Геббельса как носителя моей изобразительной идеи: способны ли люди отличить монстра в самых разных его проявлениях, различают ли они пропаганду и культуру СМИ, построенную на одних и тех же принципах» (41).

Действительно, для лучшего восприятия пропаганда обязательно должна вызывать интерес аудитории и передаваться через привлекающую ее внимание среду коммуникаций. Благодаря практическому обоснованию этой идеи Геббельс считается идеологическим отцом современной массовой пропаганды. Эту связь и имел в виду белградский дизайнер, когда задумывал свой проект.

В числе прочих солдат вермахта на севере Норвегии служил ничем ни примечательный сержант немецкой армии Альфред Хазе, который поддерживал интимную связь с девушкой по имени Синни Лингстад. В ноябре 1945 года у нее родилась девочка. Это случилось уже после поражения Германии, а потому девушку и ее мать заклеили как предательниц. Они бежали из родной деревни в Швецию, где через два года Синни умерла — у нее отказали почки. Спустя почти 30 лет Альфред Хазе, в то время вышедший на пенсию кондитер, совершенно случайно узнал, что брюнетка из находившегося тогда в зените славы шведского квартета «АББА», Анни-Фрид, — его дочь. И лишь спустя еще два года они встретились, мировая звезда и скромный пенсионер, наконец-то соединив разорванную войной связь времен.

«АББА» и сейчас играет в моем компьютере — я очень люблю эту мелодичную музыку. Жизнь продолжается. По улицам наших городов маршируют штурмовики.

2008-2009 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ

Примечания к 1-й главе:

1. Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм, 2001, 350С.
2. Вайцзеккер фон Эрнст. Посол Третьего Рейха. М.: Центрполиграф, 2007, 226 С.
3. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005, 293 с.
4. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 156.
5. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 436.
6. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 1, СПб.: Полигон, 2003. С. 47.
7. Кремер Вальтер, Тренклер Гетц. Лексикон популярных заблуждений. М.: Крон-пресс, 1997. С. 172.
8. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 262.
9. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 192.
10. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 137.
11. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 102—103.
12. Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм, 2001. С. 457.
13. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 184.
14. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. С. 136.
15. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 8.
16. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 8.
17. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир. 2007. С. 23.
18. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 16.
19. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 294.
20. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 101.
21. Смит Денис Мэк. Муссолини. М.: 1995. С. 45.
22. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 3. СПб.: Полигон, 2003. С. 97.
23. Goebbels Joseph. Die abgehackten Kinderhände. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941. pp. 181-187.
24. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.
25. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 149.

Примечания ко 2-й главе:

1. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 517.
2. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 121.
3. Там же. С. 129.

4. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 57.
5. Кремлёв Сергей. Россия и Германия: путь к пакту. М.: АСТ-Астрель-ВЗОИ, 2004. С. 9.
6. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 243.
7. Гогун Александр. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. — М: Эксмо, Яуза, 2004.
8. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 62-63.
9. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 96.
10. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 488.
11. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 57.
12. Там же. С. 55.
13. Там же. С. 58.
14. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 270.
15. Там же. С. 272.
16. Там же. С. 238.
17. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 89.
18. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 335.
19. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 61.
20. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 150.
21. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 40-42.
22. Там же. С. 40-42.
23. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 251.
24. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 350.
25. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 34.
26. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 138.
27. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 489.
28. Там же. С. 490.
29. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 326-327.
30. Der Untermensch/Недочеловек. Berlin, 1942. psyfactor.org/lib/untersch.htm.
31. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 20.
32. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 274.
33. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 155.
34. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 216.
35. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 159.
36. Клемперер Виктор. ЛТИ. Язык Третьего рейха: Записная книжка

филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.

37. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. С. 82.

38. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 65.

39. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С.42.

40. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 73.

41. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 16—7.

42. Там же. С. 16.

43. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 150.

44. Там же. С. 152.

45. Там же. С. 153.

46. Лебен Эрик. Тайная история дипломатии Ватикана. М.: Рипол Классик, 2004. С. 65.

47. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. — 527с. С. 82.

48. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 272.

Примечания к 3-й главе:

1. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 255.
2. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 61-62.

3. Музыка Третьего рейха. <http://www.deutsches.narod.ru/>.

4. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. — С. 499.

5. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 24.

6. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007.

7. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 157.

8. Там же. С. 139.

9. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 122.

10. Там же. С. 122.

11. Мефистофель усмехается из прошлого dere.com.ua/gallery/gebbsels_1.shtml.

12. Goebbels Joseph. Kampf um Berlin. (Munich: Verlag Franz Eher, 1934).

13. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 85.

14. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 95.

15. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 106.

16. Там же. С. 106.

17. Гогун Александр. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. — М: Эксмо, Яуза, 2004.

18. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 150-151.

19. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 39.

20. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетей, 1993. С. 209.

21. Там же. С. 209.

22. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 62.

Примечания к 4-й главе:

1. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 50.
2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 364.
3. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 66.
4. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 290.
5. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 40.
6. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 58.
7. Клемперер Виктор. ЛГП. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
8. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 258-259.
9. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 415.
10. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 261.
11. Карель Пауль. Восточный фронт. Т. 2. М.: Эксмо, 2003. С. 254.
12. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 60.
13. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. С. 136-137.
14. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 491.

Примечания к 5-й главе:

1. Смит Денис Мэк. Муссолини. М.: 1995. С. 191.
2. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007 С. 228.
3. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 155.
4. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 217.
5. Гогун Александр. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. — М: Эксмо, Яуза, 2004.
6. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 139.
7. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 33.
8. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 37.
9. Там же. С. 37.
10. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 61.
11. Der Kongress zur Nürnberg 1934. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, Frz. Eher Nachf., 1934). pp. 130-141.
12. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 62.
13. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 51.
14. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 138.
15. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 287.
16. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 274.
17. Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 309.
18. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 188.
19. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.:

Полигон, 2003. С. 98.

20. Пропаганда в Третьем рейхе. <http://www.historicus.ru/propaganda/>.

21. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 113.

22. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 266.

23. Геббельс Йозев. Мефистофель усмехается из прошлого. (Фрагменты книги). Изд-во: «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000.

24. Гильберт Гюстав. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004. С. 349.

25. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 190.

26. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 270.

Примечания к 6-й главе:

1. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 77.

2. Тойнби Арнольд Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001. С. 470.

3. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. С. 54.

4. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 89.

5. Goebbel Joseph. Die abgehackten Kinderhände. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941). pp. 181-187.

6. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 111.

7. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 90.

8. Ионг Луи де. Пятая колонна в Западной Европе. М.: Вече, 2004. С. 22.

9. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 157.

10. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 159.

11. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 204.

12. Тойнби Арнольд Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001. С. 470.

Примечания к 7-й главе:

1. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 32.

2. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 146-147.

3. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 35-36.

4. Там же. С. 37-38.

5. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 77.

6. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 12.

7. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.

8. Там же.

9. Там же.

10. Паль Лин фон. Аненнербе. М.: АСТ, 2007. С. 54.

11. Там же. С. 37.

12. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 156.
13. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 105.
14. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 138.
15. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 198.
16. Ржевская Е. М. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 241.
17. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 38.
18. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 338-339.
19. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 203.
20. Мухин Юрий. Асы и пропаганда. М.: Яуза-Эксмо, 2007. С. 82.
21. Der Untermensch / Недочеловек. Berlin, 1942. psyfactor.org/lib/untermensch.htm.

Примечания к 8-й главе:

1. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 160.
2. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997.
3. Клемперер Виктор. ЛГГ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
4. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 42 -43.
5. Там же. С. 66.
6. Там же. С. 69-71.
7. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 81.
8. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 25.
9. Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. М.: Центрполиграф, 2006. С. 159.
10. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 169.
11. Там же. С. 196.
12. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 64.
13. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 73.
14. Там же. С. 69-71.
15. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 487.
16. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 67.
17. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 154-155.
18. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 49.
19. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 125.
20. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 74.
21. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002.
22. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 63.

23. Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 2002. С. 32.

Примечание к 9-й главе:

1. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 99.
2. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 58.
3. Аронсон Элиот, Пратканис Энтони. Эпоха пропаганды. gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpochProp/index.php.
4. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 54.
5. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 101.
6. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 38-39.
7. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 426.
8. Паль Лин фон. Аненнербе. М.: АСТ, 2007. С. 88-89.
9. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 111.
10. Геббельс Йозеф Мефистофель усмехается из прошлого. (Фрагменты книги). Изд-во: «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000.
11. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 431.
12. Клемперер Виктор. ЛТТ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 431.
14. Там же. С. 222.
15. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 91.
16. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 229.
17. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 487.
18. Ремарк Эрих Мария. Время жить и время умирать. М.: АСТ, 2005. С. 164-165.
19. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 472.

Примечания к 10-й главе:

1. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 57.
2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетей, 1993. С. 199.
3. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 263.
4. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 80.
5. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 38-39.
6. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 370.
7. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 148.
8. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 394.
9. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 103.
10. Вайццеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007.

С. 177.

11. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 156.
12. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 79.
13. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 226.
14. Там же. С. 59.
15. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 20-21.
16. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 327.
17. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 50.
18. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 21.
19. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 100.
20. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 50.
21. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 100.
22. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 22.
23. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 47.
24. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 157.

Примечания к 11-й главе:

1. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 84.
  2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетейа, 1993. С. 51.
  3. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 302.
  4. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 165.
  5. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 236.
  6. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 95-96.
  7. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 48.
  8. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 53.
  9. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 190.
  10. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005.
  11. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 53-64.
  12. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 193.
  13. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 60.
  14. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 61.
  15. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 54-55.
  16. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.
  17. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 170.
  18. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 383.
  19. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 80.
  20. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005.
- С. 114.
21. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 82-85.
  22. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 15.

23. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 94.
24. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 16.
25. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992 С. 19.
26. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 18.
27. Там же. С. 418.
28. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 80.
29. Goebbels Joseph. Der Führer als Redner. Hamburg/Bahrenfeld, 1936. pp. 27-34.
30. Макиавелли Никколо. Государь. М.: Современный гуманитарный институт, 2000. С. 54.
31. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 50-51.
32. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 346-347.
33. Там же. С. 350-351.
34. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 355.
35. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 69-70.
36. Там же. С. 70-71.
37. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 164.
38. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 105.
39. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 251.
40. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 225.
41. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 110.
42. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 172.
43. Там же. С. 400.
44. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 341.
45. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 488.
46. Der Kongress zur Nürnberg 1934. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, Frz. Eher Nachf., 1934). pp. 130-141.
47. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 69-70.
48. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 98.
49. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 338-339.
50. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 244.

Примечания к 12-й главе:

1. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 251.
2. Там же. С. 253.
3. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 39.
4. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 78.
5. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ульгра. Культура, 2006. С. 325.
6. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 143.
7. Там же. С. 131.

8. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 136.
9. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 235.
10. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 113.
11. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 50 .
12. Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. М.: Центрполиграф, 2006. С. 96.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 56.
14. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
15. Goebbels Joseph. Der Rundfunk als achte Großmacht. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1938. pp.197-207.
16. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.

Примечания к 13-й главе:

1. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 249.
2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 342.
3. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
4. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007.
5. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 136.
6. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 165.
7. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 284.
8. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 253.
9. Там же. С. 87.
10. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
11. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 143.
12. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 22.
13. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 309 .
14. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 51.
15. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 216.
16. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 162.
17. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 316.
18. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 174.
19. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 159.
20. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 99.

Примечания к 14-й главе:

1. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004 С. 49.
2. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 47.

3. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 221.
4. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 139.
5. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 375.
6. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 138.
7. Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 35.
8. Кремер Вальтер, Тренклер Гетц. Лексикон популярных заблуждений. М.: Крон-пресс, 1997. С. 5. 6.
9. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 89.
10. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 138.
11. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 140.
12. Там же. С. 141.
13. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетейа, 1993. С. 158.
14. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 62.
15. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 96.
16. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 23.
17. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 34.
18. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 515.
19. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 290.
20. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 63.
21. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 274.
22. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 436.
23. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. 142.
24. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 23.
25. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 74.
26. Там же. С. 66.
27. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 77.
28. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 555-556.
29. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 262.
30. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 125.
31. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 114.

32. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 287–288.
33. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 430—433.
34. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 286.
35. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 446.

Примечания к 15-й главе:

1. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. С. 413.
2. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 134.
3. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 15.
4. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С.
5. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 144—145.
6. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 21–22.
7. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 153.
8. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 336.
9. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 98.
10. Там же. С. 69.
11. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 421.
12. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 132.
13. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 168.
14. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 94.
15. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 410.
16. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 207.
17. Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. М.: Центрполиграф, 2006. С. 161–162.
18. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 323.
19. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 160.
20. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 427.
21. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. С. 326.
22. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 167.
23. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 201.
24. Шрётер Хейнц. Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 62.
25. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 204.
26. Там же. С. 204.
27. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 152.

Примечания к 16-й главе:

1. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 100.
2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 1. Пермь: Алетея, 1993. С. 164.

3. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 95.
4. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 197.
5. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 179.
6. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 75.
7. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 158.
8. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 204.
9. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 33.
10. Клемперер Виктор. ЛТГ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
11. Там же.
12. Там же.
13. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008 С. 137.
14. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 134.
15. Там же. С. 134.
16. Там же. С. 143.
17. Там же. С. 144-145.
18. Лебен Эрик. Тайная история дипломатии Ватикана. М.: Рипол Классик, 2004. С. 66.
19. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 147.
20. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 85.
21. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 156.
22. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 153-154.
23. Табачник Дмитрий. «Утиный суп» по-украински. Харьков: Фолио, 2008. С. 289.

Примечания к 17-й главе:

1. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу. М.: Воениздат, 1980.
2. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетей, 1993. С. 295.
3. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 427.
4. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005.
5. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 24.
6. Там же. С. 26.
7. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 466.
8. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 31.
9. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 231.
10. Пюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 94.

11. Лебен Эрик. Тайная история дипломатии Ватикана. М.: Рипол Классик, 2004. С. 69.
12. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 94.
13. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 195.
14. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 201.
15. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 91.
16. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 313.
17. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 342.
18. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 149.
19. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 200.
20. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 200.
21. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 71.
22. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 115.
23. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 185.

Примечания к 18-й главе:

1. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 238.
2. Джонсон Пол. Современность. Т. 1. М., 1995. С. 148.
3. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 338.
4. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 353.
5. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 78.
6. Там же. С. 79.
7. Там же. С. 84-85.
8. Там же. С. 89.
9. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 45.
10. Там же. С. 46.
11. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 364.
12. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 166.
13. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 49.
14. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 214.
15. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 157.
16. Там же. С. 137.
17. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 27.
18. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 348.
19. Там же. С. 348.
20. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 265.

Примечания к 19-й главе:

1. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. С. 319.
2. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 302.
3. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 350-351.
4. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 77.
5. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007.
6. Der Kongress zur Nürnberg 1934. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, Frz. Eher Nachf., 1934). pp. 130—141.
7. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 35.
8. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 270.
9. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 132.
10. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. С. 335.
11. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 124.
12. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 282.
13. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетея, 1993. С. 330.
14. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 205.
15. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С.79.
16. Там же. С. 131.
17. Там же. С. 114.
18. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетея, 1993. С. 71.
19. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 112.
20. Там же. С. 130.
21. Человек года-1938: Адольф Гитлер («Time», США) www.inosmi.ru/stories/
22. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 158.
23. Там же. С. 205.
24. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 85.
25. Там же. С. 105.
26. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 241.
27. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 182.
28. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 210.
29. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 367, 270.
30. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 88.
31. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 101.
32. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 105.
33. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 477.
34. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 142.
35. Салкелд Одри. Лени Рифеншталь. М.: Эксмо, 2007. С. 257.
36. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 190-191.
37. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 261.
38. Там же. С. 261.
39. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 302.
40. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики.

М.: Центрполиграф, 2008. С. 64.

41. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 307.

42. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 106.

43. Ханфштангль Эрнст. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 285.

44. Салкелд Одри. Лени Рифеншталь. М.: Эксмо, 2007. С. 238.

45. Там же. С. 246.

46. Там же. С. 293.

47. Геббельс Йозеф. Мефистофель усмехается из прошлого. (Фрагменты книги). Изд-во: «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000.

48. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 90.

49. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991- С. 248.

50. Там же. С. 361.

51. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 227.

52. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 227.

53. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 239.

54. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993.

55. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 139.

56. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 207.

57. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 242.

58. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 205.

59. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 77.

60. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 300.

61. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 174.

62. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 112.

63. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 94.

64. Там же. С. 97.

65. Там же. С. 376-377.

66. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 354.

67. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 47.

68. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004.

69. Доллман Евгений. Переводчик Гитлера. М.: Центрполиграф, 2008. С. 74.

70. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 182.

71. Там же. С. 183.

72. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 261.

73. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 79.

74. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 27.

75. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 159.

76. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 243.

77. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 478.

Примечания к 20-й главе:

1. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 33.
2. Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. (Фрагменты книги). Изд-во: «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000.
3. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 212.
4. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 26.
5. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 209.
6. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 350.
7. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит. 1961. С. 561.
8. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 219.
9. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 24.
10. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 112.
11. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 159.
12. Там же. С. 161.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 90.
14. Там же. С. 391.
15. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 275.
16. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 127.
17. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 280-281.
18. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 244.
19. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 364.
20. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 46.
21. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 151.
22. Там же. С. 390.
23. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 139.
24. Goebbels Joseph. Der Rundfunk als achte Großmacht. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1938. pp.197-207.
25. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 235.
26. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 207.
27. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 48.
28. Goebbels Joseph. Der Rundfunk als achte Großmacht. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1938. pp.197—207.

29. Геббельс Йозеф. Мефистофель усмехается из прошлого. (Фрагменты книги). Изд-во: «Феникс», Ростов-на-Дону, 2000.
30. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 113.
31. Там же. С. 112-113.
32. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 63.
33. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 112-113.
34. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 313-314.
35. Goebbels Joseph. Der Rundfunk als achte Großmacht. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1938. pp.197—207.
36. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 113.
37. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 155-156.
38. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 155-156.
39. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 209.
40. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 158.
41. Там же. С. 167-168.
42. Там же. С. 174.
43. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 119.
44. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006 .
45. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 217.
46. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 289.
47. Там же. 342.
48. Клемперер Виктор. ЛТН. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
49. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 483.
50. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 348-349.
51. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 60.
52. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 146.
53. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 316.
54. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 325.
55. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 224-225.
56. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 199.
57. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 226.
58. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993 С. 165.
59. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 274.
60. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 471.
61. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 71.

62. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 354.
63. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 288.
64. Кунц Клаудия. Советь нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 139-140.
65. Там же. 246-247.
66. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 100-101.
67. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 103.
68. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 102.
69. Кунц Клаудия. Советь нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 259-260.
70. Там же. С. 259-260.
71. Там же. С. 283.
72. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 271.
73. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
74. Там же.
75. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 92.
76. Там же. С. 118.
77. Там же. С. 159.
78. Там же. С. 162.
79. Там же. С. 171.
80. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
81. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 71.
82. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 251-252.

Примечания к 21-й главе:

1. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 178.
2. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 132.
3. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 184.
4. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 123.
5. Там же. С. 135.
6. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 121.
7. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 152.
8. Там же. С. 152.
9. Там же. С. 116.
10. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
11. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 307.
12. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 248.
13. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 124.

14. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 96.
15. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 91.
16. Доллман Евгений. Переводчик Гитлера. М.: Центрполиграф, 2008. С. 98.
17. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 487.
18. Там же. С. 487.
19. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 147.
20. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 271.
21. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 117.
22. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 103.
23. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 178—179.
24. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 415.
25. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С.273.
26. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 243.

Примечания к 22-й главе:

1. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 105.
2. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 31.
3. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 4.
4. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
5. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 148-149.
6. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 152.
7. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 427.
8. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 80.
9. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 438-439.
10. Там же. С. 400.
11. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 82.
12. <http://kolp.blog.ru/27976968.html>.
13. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 163.
14. Там же. С. 163.
15. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 198.
16. Там же. С. 197.
17. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 125.
18. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 175-176.
19. Там же. С. 165.
20. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 183.
21. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ,

1998. С. 477.

22. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 182.
23. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 222.
24. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 39.
25. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
26. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 57.
27. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 476.
28. Там же. С. 475.
29. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
30. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 64.
31. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 184.
32. Ильф Илья, Петров Евгений. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961.
33. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2006. С. 205.
34. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 31.
35. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 238.

Примечания к 23-й главе:

1. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 279.
2. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 151.
3. Там же. С. 151.
4. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 479.
5. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 123.
6. Кормилицын Сергей. Гитлерюгенд. СПб.: Нева, 2004. С. 175.
7. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 172.
8. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 109.
9. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 47.
10. Там же. С. 411.
11. Журнал «Фокус».
12. Салкелд Одри. Лени Рифеншталь. М.: Эксмо, 2007. С. 308—309.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 44.
14. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 415.
15. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 59.
16. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 62.
17. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 414.
18. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.:

Полигон, 2003. С. 200.

19. Беранж Жорж. Берлин. 1945. М.: Эксмо, 2007. С. 47.

20. Там же. С. 47.

21. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 139.

22. Салкелд Одри. Лени Рифеншталь. М.: Эксмо, 2007. С. 291.

23. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 60.

Примечания к 24-й главе:

1. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 12.

2. Goebbel Joseph. Die abgehackten Kinderhände. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941). pp. 181—187.

3. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 340.

4. Вайцзеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 140.

5. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 295.

6. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 15-16.

7. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 2. Пермь: Алетейа, 1993. С. 358.

8. Там же. С. 358.

9. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 126.

10. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 338.

11. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 125.

12. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 304-305.

13. Макиавелли Никколо. Государь. М.: Современный гуманитарный институт, 2000. С. 53.

14. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 73.

15. Там же. С. 171-172.

16. Смит Денис Мэк. Муссолини. М.: 1995. С. 212.

17. Доллман Евгений. Переводчик Гитлера. М.: Центрполиграф, 2008. С. 121.

18. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 276.

19. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 49-50.

20. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 412.

21. Там же. С. 423.

22. Там же. С. 414.

23. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 368.

24. Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. М.: Центрполиграф, 2008. С. 68.

25. Кремлёв Сергей. Россия и Германия: путь к пакту. М.: АСТ-Астрель-ВЗОИ, 2004.

26. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 40.

27. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 262.
28. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 123.
29. Чемберлен вернулся из Мюнхена. inosmi.ru/stories/05/07/29/3449/244375.html.
30. Кремлёв Сергей. Россия и Германия: путь к пакту. М.: АСТ-Астрель-ВЗОИ, 2004. С. 66.
31. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 18.
32. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 142.
33. Там же. С. 90.
34. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 572.
35. Там же. С. 605.
36. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 59.
37. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 599.
38. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 270.
39. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 303.
40. Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм, 2001.
41. Штрассер Отто. Гитлер и я. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 10.
42. Там же. С. 10.
43. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 462.
44. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 103.
45. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 283—284.
46. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 170-171.
47. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. С. 378.
48. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 47.
49. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 164.
50. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. С. 36.
51. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 208-209.
52. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетей, 1993. С. 141.
53. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 119.
54. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 50-51.
55. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 133.
56. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 47.
57. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 616.
58. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 84.
59. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетей, 1993. С. 161.
60. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007.

- С. 711-712.
61. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 162.
  62. Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 2002. С. 20.
  63. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. С. 106.
  64. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 313.
  65. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 453.
  66. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002.
  67. Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 2002. С. 39.
  68. Там же. С. 39.
  69. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 229.
  70. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 65.
  71. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 49.
  72. Фест Иоахим. Гитлер. Т. 3. Пермь: Алетея, 1993. С. 178.
  73. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007.
  74. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 210.
  75. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 195.
  76. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 49.
  77. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 198.
  78. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 238.
  79. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу. М.: Воениздат, 1980. С. 371.
  80. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 116.
  81. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 211.
  82. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 112.
  83. Там же. С. 107.
  84. Там же. С. 108.
  85. Там же. С. 99.

Примечания к 25-й главе:

1. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 355.
2. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 168.
3. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 148.
4. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 51.
5. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 31.
6. Там же. С. 252.
7. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия —

Палимпсест, 2003. С. 151.

8. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 230.
9. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 356.
10. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 126.
11. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 175.
12. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 43.
13. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 256-257.
14. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 122-123.
15. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 228.
16. Там же. С. 230.
17. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 227.
18. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 254.
19. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 12.
20. Симонов Константин. Сто суток войны. Смоленск: Русич, 1999. С. 127-128.
21. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 308.
22. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2006. С. 153.
23. Гальдер Франц. Военный дневник: лето 1942 года. Смоленск: Русич, 2003. С. 398.
24. Клемперер Виктор. ЛТИ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
25. Там же.
26. Карель Пауль. Восточный фронт. Т. 2. М.: Эксмо, 2003. С. 363.
27. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 297.

Примечания к 26-й главе:

1. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 204.
2. Гильберт Гюстав. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004. С. 361.
3. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 235.
4. Там же. С. 236.
5. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 706.
6. Клемперер Виктор. ЛТИ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
7. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 802.
8. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 192.
9. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 292.
10. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 352.
11. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 427.

12. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 204.
13. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002. С. 170-171.
14. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002. С. 170-171.
15. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 204.
16. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 316.
17. Кремер Вальтер, Тренклер Гетц. Лексикон популярных заблуждений. М.: Крон-пресс, 1997. С. 37.
18. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 274.
19. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 189.
20. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 387.
21. Ремарк Эрих Мария. Время жить и время умирать. М.: АСТ, 2005. С. 169.
22. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 218.
23. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 454.
24. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 332.
25. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 224.
26. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 233.
27. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 228.
28. Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 2002. С. 54.
29. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 86.
30. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 293.
31. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 351.
32. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 324.
33. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 136.
34. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 346-347.
35. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 415.
36. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 347.
37. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. М.: Центрполиграф, 2007. С. 94.
38. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 400.
39. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 351.
40. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия— Палимпсест, 2003. С. 247.
41. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 385.
42. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 360.
43. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 590.
44. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 32.

Примечания к 27-й главе:

1. Макиавелли Никколо. Государь. М.: Современный гуманитарный институт, 2000. С. 13.
2. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 245.
3. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 250.
4. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 166.
5. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 423.
6. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 181.
7. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 178.
8. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 184.
9. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 418.
10. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 273.
11. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М.: Т. 4. Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 871.
12. Франц Гальдер. Военный дневник. М.: Воениздат, 1969. С. 431.
13. Юнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005. С. 118.
14. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 65.
15. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М.: Т. 4. Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 870.
16. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 57.
17. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 469.
18. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 351.
19. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 67.
20. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 251.
21. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 13.
22. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 386.
23. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 33.
24. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 454.
25. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 49.
26. Там же. С. 54.
27. Там же. С. 60.
28. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004.

- C. 355.
29. Там же. С. 348.
30. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007.
31. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002.
32. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 15.
33. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000.
- C. 371.
34. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007.
- C. 114.
35. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 118.
36. Там же. С. 120.
37. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004.
- C. 354.
38. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 218.
39. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 114-115.
40. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006.
- C. 162.
41. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 115.
42. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004.
- C. 303-304.
43. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 194.
44. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 361.
45. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007.
- C. 419.
46. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 96-97.
47. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 105.
48. Там же. С. 120.
49. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 385.
50. Бережков Валентин. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус 1998. С. 331-332.
51. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 29.
52. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 316.
53. Клемперер Виктор. ЛТТ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
54. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 317.
55. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007.
- C. 447.
56. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 451.
57. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 128.
58. Там же. С. 287.
59. Там же. С. 365.
60. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 83.
61. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 233.

Примечания к 28-й главе:

1. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 218.
2. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992. С. 152.
3. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 224.
4. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 60.
5. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 61.
6. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 805.
7. Бережков Валентин. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус 1998. С. 191.
8. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 305.
9. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 322.
10. Там же. С. 372.
11. Кормилицын Сергей, Лысев А.В. Ложь от советского информбюро (Дневник Василия Чуркина). СПб.: Нева, 2005. С. 62.
12. Ремарк Эрих Мария. Время жить и время умирать. М.: АСТ, 2005. С. 80.
13. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 177.
14. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 109.
15. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 134.
16. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 288-289.
17. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 80.
18. Гальдер Франц. Военный дневник: лето 1942 года. Смоленск: Русич, 2003. С. 97.
19. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2006. С. 34.
20. Клемперер Виктор. ЛТГ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
21. Гальдер Франц. Военный дневник: лето 1942 года. Смоленск: Русич, 2003. С. 305.
22. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 11.
23. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 296-297.
24. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 47.
25. Шрётер Хейнц. Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 60.
26. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 71.
27. Клемперер Виктор. ЛТГ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
28. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002. С. 91.
29. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 81.
30. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 224.
31. Там же. С. 31.
32. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
33. Шрётер Хейнц. Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 189.

34. Там же. С. 299.
35. Там же. С. 293.
36. Там же. С. 240.
37. Там же. С. 195.
38. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 106.
39. Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 297.
40. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 175.
41. Там же. С. 185.
42. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 327.
43. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 389.
44. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 129.
45. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 336.
46. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
47. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 186.
48. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 69.
49. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 113.
50. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
51. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 92.
52. Ильф Илья, Петров Евгений. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 645.
53. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 167.
54. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 276-277.
55. Кормилицын Сергей, Лысев А.В. Ложь от советского информбюро (Дневник Василия Чуркина). СПб.: Нева, 2005. С. 146.
56. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 87.
57. Кормилицын Сергей, Лысев А.В. Ложь от советского информбюро (Дневник Василия Чуркина). СПб.: Нева, 2005. С. 208.
58. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 260.

Примечания к 29-й главе:

1. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 706.
2. Там же. С. 690.
3. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 161.
4. Ионг Луи де. Пятая колонна в Западной Европе. М.: Вече, 2004. С. 187.
5. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
6. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 64.

7. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 252.
8. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 239.
9. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 223.
10. Ионг Луи де. Пятая колонна в Западной Европе. М.: Вече, 2004. С. 101.
11. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 231.
12. Кустов Максим. Наемники фюрера. М.: Трибуна, 2008. С. 66.
13. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002. С. 239.
14. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 160.
15. Там же. С. 160.
16. Млечин Леонид. Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 7.
17. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 421-422.
18. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 177.
19. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 261.
20. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 238.
21. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
22. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 368.
23. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 193.
24. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
25. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 277.

Примечания к 30-й главе:

1. Газета «Европеец». 2006. Июнь. № 6. С. 4.
2. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 323-324.
3. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 200.
4. Джонсон Пол. Современность. Т. 1. М.: 1995. С. 420.
5. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу. М.: Воениздат, 1980. С. 372.
6. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 11.
7. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 442.
8. Любимый музей фюрера, 129.
9. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 101.
10. Там же. С. 120.
11. Кожин Вадим. Россия. Век XX. М.: Алгоритм, 1997. С. 12.
12. Задохин Александр, Низовский Андрей. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. С. 192.
13. Там же. С. 192.

14. Ильин Ник. Пропуск в рай. М.: Вагриус, 2007. С. 32.
15. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 126.
16. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 304.
17. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 207.
18. Кормилицын Сергей, Лысев А.В. Ложь от советского информбюро (Дневник Василия Чуркина). СПб.: Нева, 2005. С. 142.
19. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 198.
20. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 304.
21. Там же. С. 309.
22. Там же. С. 332.
23. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
24. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 293.
25. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 333.
26. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
27. Там же.
28. Там же.
29. Табачник Дмитрий. «Утиный суп» по-украински. Харьков: Фолио, 2008. С. 301.
30. Там же. С. 284.
31. Там же. С. 283.
32. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
33. Там же. С. 129-130.
34. Там же.
35. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 390.
36. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 300.
37. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 301.
38. Там же. С. 406.
39. Там же. С. 429.
40. Тогун А. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. — М: Эксмо, Яуза, 2004.
41. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. М.: Вече, 2007. С. 448.
42. Там же. С. 361-362.
43. Там же. С. 231.
44. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 307.
45. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 51.
46. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит. 1961. С. 467.
47. Доллман Евгений. Переводчик Гитлера. М.: Центрполиграф, 2008. С. 207.
48. Там же. С. 207.

49. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002. С. 198-199.
50. Там же. С. 198-199.
51. Там же. С. 190 .
52. Там же.
53. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 305.
54. Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 246.
55. Гальдер Франц. Военный дневник: лето 1942 года. Смоленск: Русич, 2003. С. 165.
56. Там же. С. 84.
57. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
58. Ильин Ник. Пропуск в рай. М.: Вагриус, 2007. С. 36.
59. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
60. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 459.
61. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
62. Там же.
63. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 28.
64. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 377.
65. Там же. С. 374.
66. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
67. Нова Україна. 1941. 9 грудня. № 1.
68. Скоробогатов Анатолий. Харків у часи окупації. Харків: Прапор, 2006. С. 284.
69. Там же. С. 319.
70. Там же. С. 319.
71. Метгельман Генрих. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 187.
72. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 232.

Примечания к 31-й главе:

1. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 633-634.
2. Там же. С. 638.
3. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 145.
4. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 75.
5. Там же. С. 74.
6. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 203.
7. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 237.
8. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 174.
9. Там же. С. 187.
10. Там же. С. 261.
11. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 306.

12. Goebbel Joseph. Die abgehackten Kinderhände. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941). pp. 181-187.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 243.
14. Там же. С. 267.
15. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит. 1961. С. 565.
16. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 284.
17. Там же. С. 428.
18. Бережков Валентин. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус 1998. С. 358.
19. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 483.
20. Там же. С. 423.
21. Там же. С. 227.
22. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 277.
23. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 169.
24. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 449.
25. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 282.
26. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 451.
27. Фомин Василий. Фашистская Германия во Второй мировой войне. М.: Наука, 1978. С. 242.
28. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 254.
29. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 271.
30. Там же. С. 279.
31. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 318.
32. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 314.
33. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 223.
34. Там же. С. 429.
35. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 305.
36. Там же. С. 281.
37. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 162-163.
38. Там же. С. 331.
39. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 345.
40. Ильин Ник. Пропуск в рай. М.: Вагриус, 2007. С. 33.
41. Там же. С. 33.
42. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 154-155, 158.
43. Кормилицын Сергей, Лысев А.В. Ложь от советского информбюро (Дневник Василия Чуркина). СПб.: Нева, 2005. С. 23.
44. Ильин Ник. Пропуск в рай. М.: Вагриус, 2007. С. 35.
45. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 131.
46. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 78.
47. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 131.

48. Там же. С. 43.
49. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 412.
50. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 236.
51. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сборник статей. М.: Яуза-Эксмо, 2006. С. 253.
52. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 58.
53. Ильин Ник. Пропуск в рай. М.: Вагриус, 2007. С. 14.
54. Меттельман Генрих. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 116.
55. Волковский Николай. История информационных войн. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 389.
56. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 118.
57. Карель Пауль. Восточный фронт. Т. 2. М.: Эксмо, 2003. С. .
58. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2006. С. 412.
59. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 115.
60. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 201.
61. Меттельман Генрих. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 306.
62. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-пресс, 2002.
63. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 285.
64. Там же. С. 348-349.
65. Там же. С. 369.
66. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу. М.: Воениздат, 1980. С. 349.
67. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 369.
68. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
69. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 203.
70. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
71. Там же.
72. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007. С. 63.
73. Клемперер Виктор. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998.
74. Вайцзеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 311.
75. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 365.
76. Там же. С. 366.
77. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу. М.: Воениздат, 1980. С. 94.
78. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. С. 296.

79. Там же. С. 368.
80. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 277.
81. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 282-283.
82. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 414.
83. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 274.
84. Керн Эрих. Пляска смерти. М.: Центрполиграф, 2007. С. 201.
85. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 546.
86. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 386.
87. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит. 1961. С. 571.
88. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 405.
89. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 23.
90. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 279.
91. Там же. С. 66.
92. Там же. С. 123.
93. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. М.: Алгоритм, 2008. С. 290.
94. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 188.
95. Там же. С. 81.

Примечания к 32-й главе:

1. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 211.
2. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 166.
3. Пол Джонсон. Современность. Т. 1. М., 1995. С. 329.
4. Бросцарт Марин. Закат тысячелетнего рейха. М.: Яуза-Эксмо, 2005. С. 219.
5. Пол Джонсон. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.
6. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 151.
7. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 20.
8. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 1. М.: Захаров, 2007. С. 399.
9. Вайцеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2007. С. 237.
10. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.
11. Васильченко Андрей. Арийский миф Третьего рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 478.
12. Кунц Клаудия. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. С. 272.
13. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 494.
14. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995.
15. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 335.

16. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. М.: Центрполиграф, 2004. С. 408.
17. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. М.: Центрполиграф, 2008. С. 12.
18. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. С. 259.
19. Мельников Даниил, Черная Людмила. Тайны гестапо. Империя смерти. М.: Вече, 2000. С. 128.
20. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. М.: Новости, 1991. С. 241.
21. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 42.
22. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 242.
23. Ширер Уильям. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002. С. 224.
24. Там же. С. 213.
25. Там же. С. 71.
26. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 265.
27. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 661.
28. Шейдербауэр Армин. Железом и кровью. М.: Яуза-пресс, 2008. С.191.
29. Марабини Жан. Жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая Гвардия — Палимпсест, 2003. С. 286.
30. Там же. С. 287.
31. Бамм Питер. Невидимый флаг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 218-219.
32. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 2. М.: Захаров, 2007. С. 611.
33. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит. 1961. С. 572.
34. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 323.

Примечания к заключению:

1. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 425.
2. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 409.
3. Ржевская Елена. Геббельс. М.: АСТ-пресс, 2004. С. 84.
4. Беранж Жорж. Берлин. 1945. М.: Эксмо, 2007. С. 175 .
5. Васильченко Андрей. Секс в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005. С. 288.
6. Райан Корнелиус. Последняя битва. М.: Центрполиграф, 2003. С. 264.
7. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М.: Русский вестник, 2002. С. 210.
8. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. С. 266.
9. Гильберт Гюстав. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004. С. 8.
10. Там же. С. 568 .
11. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». М.: Вече, 2007. С. 52.
12. Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. М.: Наука, 1981. С. 242.
13. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. С. 569.
14. Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 678.

15. Аронсон Элиот, Пратканис Энтони. Эпоха пропаганды. gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpohProp/index.php.
16. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. М.: Центрполиграф, 2006. С. 423.
17. Там же. С. 426.
18. Геббельс Йозеф. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 177.
19. Черчилль Уинстон. Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 170.
20. Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм, 2001. С. 451.
21. Там же. С. 453.
22. Там же. С. 459.
23. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Полигон. АСТ, 1998. С. 609.
24. Меттельман Генрих. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 352.
25. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 142.
26. Иванов Роберт. Сталин и союзники. 1941—1945 гг. Смоленск: Русич, 2000.
27. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды. gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpohProp/index.php.
28. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 306.
29. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 404.
30. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 273.
31. Там же. С. 34.
32. Там же. С. 15.
33. Там же. С. 16.
34. Там же. С. 19-20.
35. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. С. 449.
36. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 202.
37. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. С. 9.
38. Никколо Макиавелли, «Государь», М.: «Современный гуманитарный институт», 2000. С. 54.
39. Федор Лукьянов, «Кондукатор выходит из тени», журнал «Огонек», №32, 16.08.2010 г.
40. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 169-170.
41. http://prepadav.net/referaty/referat_68366_731.html.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксенов Виталий. Любимый Музей фюрера. Украденные сокровища. Издательство: Нева, Олма-Пресс. – 2003. – 372 с.
2. Аронсон Элиот, Пратканис Энтони. Эпоха пропаганды. gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpohProp/index.php.
3. Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. Воспоминания обергруппенфюрера СС. 1939-1945. – М.: Центрполиграф, 2006 – 334 с.
4. Беранж Жорж. Берлин. 1945. М.: Эксмо, 2007 .
5. Бережков Валентин. Рядом со Сталиным. — М., ВАГРИУС, 1998. — 478 с.
6. Бронтман Лазарь. Военный дневник корреспондента «Правды». Издательство: Центрполиграф. – 2007. — 496 с.
7. Бросчат Мартин. Закат тысячелетнего Рейха: Гибель богов (пер. с нем. Кузнецова В.). М.: Яуза-Эксмо, 2005. — 288 с.
8. Вайцзеккер Эрнст фон. Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата, 1932-1945 / Эрнст фон Вайцзеккер; [пер. Ф. С. Капицы]. — М.: Центрполиграф, [2007]. — 334, [1] с.
9. Васильченко Андрей. Арийский миф III Рейха. – Москва: Яуза-Пресс, 2008. — 506, [1] с.
10. Васильченко Андрей. Секс в III рейхе. М.: Яуза, 2005. — 416 с.
11. Волковский Николай. История информационных войн: [в 2 ч.] / — СПб.: Полигон, 2003 — (Военно-историческая библиотека). Ч. 1. — 2003. — 502, [10] с.: 16 л. ил.
12. Волковский Николай. История информационных войн: [в 2 ч.] / — СПб.: Полигон, 2003. — (Военно-историческая библиотека). — Ч. 2. — 2003. — 735, [2] с., [8] л. ил.
13. Воропаев Сергей. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996. — 515 с.
14. Вторая мировая война. Взгляд из Германии / ред.-сост. М. Чернов. – М.: Яуза: ЭКСМО, 2006. – 416 с.
15. Газета «Европеец». 2006. Июнь. № 6.
16. «Газета по-харьковски», 2008, № 49.
17. Гальдер Франц. Военный дневник: лето 1942 года. Смоленск: Русич, 2003. – 528 с.
18. Гальдер Франц. Военный дневник. М.: Воениздат, 1969. – 282 с.
19. Геббельс Йозеф. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
20. Гильберт Гюстав М. Нюрнбергский дневник: [Процесс глазами психолога]: Пер.с нем. / Г.Гильберт . – Смоленск : Русич, 2004 . – 607с., 4л. ил.
21. Гитлер Адольф. Моя борьба. [Б.М.]: Т-Око, 1992.
22. Гогун Александр. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. — М: Эксмо, Яуза, 2004. — 416 с.
23. Гофман Генрих. Гитлер был моим другом. М.: Центрполиграф, 2007. — 191 с.
24. Гудериан Гейнц. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 536 с.
25. Гюнше Отто, Линге Ганс. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-пресс, 2005.
26. Дашичев Вячеслав. Банкротство стратегии германского фашизма.

Исторические очерки. Документы и материалы. Том 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи» 1941-1945 гг. Издательство: М.: «НАУКА», 1973. – 649 с.

27. Дитрих Отто. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933-1945. Издательство: М.: Центрполиграф, 2007. – 320 с.

28. Доллман Евгений. Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934-1944. Издательство: М.: Центрполиграф, 2008. – 383 с.

29. Дугин Александр. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 369 с.

30. Жорж Бернаж. Берлин 1945. Агония. / Пер. с фр. Ольги Вайнер. Издательство: Эксмо. – 2007. – 184 с.

31. Задохин Александр, Низовский Андрей. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. Издательство: Вече. – 2001. – 416 с.

32. Иванов Роберт Сталин и союзники: 1941-1945 гг. / Р. Ф. Иванов. — Смоленск: Русич, 2000. — 592 с.

33. Ильф Илья, Петров Евгений. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. Издательство: М.: «Художественная литература». — 1961.

34. Ионг Луи де. Пятая колонна в Западной Европе: Загадки Третьего рейха / Пер. с англ. А. И. Дьяконова. — М.: Вече, 2004. — 378 с.

35. Исследование холокоста. Глобальное видение: Материалы международной Тегеранской конференции 11-12 декабря 2006 года / Ред. О. Платонов, Сост. Ф. Брукнер, Пер. с англ., фр., нем. Е.С. Бехтерева, А.М. Иванов. — М.: Алгоритм, 2007. — 272 с.

36. Итоги второй мировой войны: Выводы побеждённых / Пер. С нем. Л. К. Камоловой; Авт.-сост. К. Типпельских фон, А. Кессельринг, Г. Гудериан и др. — СПб., М.: Полигон, АСТ, 1998. — 640 с.

37. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, – 2000. 192 с.

38. Кара-Мурза Сергей. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм, 2001.

39. Кардель Хеннеке. Адольф Гитлер — основатель Израиля. Издательство «Русский Вестник», 2002.

40. Карель Пауль. Восточный фронт / Пауль Карель; Отв. ред. А. Ефремов; Науч. ред. С. Липатов; Пер. с англ. О. Строгановой. — Москва: Изографус: ЭКСМО, 2003. — Кн. 2: Выжженная земля, 1943-1944 / Пауль Карель, Андрей Ефремов, Сергей Липатов, Ольга Строганова. — 429, [32] л. ил. с.

41. Керн Эрих. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941-1945. Издательство: М.: Центрполиграф. – 2007. – 256 с.

42. Керстен Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940-1945. Издательство: М.: Центрполиграф. – 2004. – 304 с.

43. Клемперер Виктор. ЛТН. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолог. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. – 278 с.

44. Коваль Виктор. США во второй мировой войне: Некоторые проблемы внешней политики 1939–1941. – К.: Наук. думка, 1976. – 419 с.

45. Кожин Вадим. Россия. Век XX. М.: Алгоритм, 1997.

46. Кормилицын Сергей. Третий Рейх. Гитлер - югенд / С.В. Кормилицын. – СПб.: ИД Нева, 2004. – 288 с.

47. Кормилицын Сергей, Лысев А. В. Ложь от Советского Информбюро.

Издательство: Нева. – 2005. – 320 с.

48. Кремер Вальтер, Тренклер Гетц Лексикон популярных заблуждений / Пер. с нем. Г. Гаева. — М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. — 352 с.

49. Кремлев Сергей. Россия и Германия: Путь к пакту: Коридоры раздора и пакт надежды: историческое исследование С. Т. Кремлев. — М.: АСТ: Астрель: ВЗОИ, 2004. — 469 с.

50. Кустов Максим. Наемники Фюрера. Издательство: Трибуна. – 2008. – 48 с.

51. Кунц Клауия. Советь нацистов. — М.: Ладомир, 2007. — 400 с.

52. Лебен Эрик. Тайная история дипломатии Ватикана. М.: Рипол Классик, 2004.

53. Мазер Вернер. История «Майн Кампф». Факты, комментарии, версии. Издательство: Вече, 2007, 448 с.

54. Макиавелли Никколо. Государь. М.: Современный гуманитарный институт, 2000.

55. Марабини, Жан. Повседневная жизнь Берлина при Гитлере / Ж. Марабини; [Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Галла; Пер. с фр. Т. А. Баскаковой]. — М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2003. — 308, [1] с.: [16] л. ил.

56. Мельников Д. Е. Тайны гестапо. Империя смерти / Д. Е. Мельников, Л. Б. Черная. — М.: Вече, 2000. — 480 с.

57. Мельников Даниил, Черная Людмила. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. Издательство: Новости, 1991. — 464 с.

58. Метельман Генрих. Сквозь ад за Гитлера. Издательство: Яуза-Пресс. — 2008. — 392 с.

59. Методы и приемы психологической войны. Сборник статей. М.: АСТ, 2006. — 231 с.

60. Мефистофель усмехается из прошлого dere.com.ua/gallery/gebbels_1.shtml

61. Мефистофель усмехается из прошлого dere.com.ua/gallery/gebbels_3.shtml

62. Мефистофель усмехается из прошлого dere.com.ua/gallery/gebbels_4.shtml

63. Млечин Леонид. Адольф Гитлер и его русские друзья. Издательство: М.: Центрполиграф. – 2006. – 459 с.

64. Музыка Третьего рейха. <http://www.deutsches.narod.ru/>.

65. Мухин Юрий. Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004. — 477 с.

66. Мухин Юрий. Средства массовой брехни. — М.: «Алгоритм», 2008. — 336 с.

67. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 4. Гос. изд-во юр. лит., 1961.

68. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 5. Гос. изд-во юр. лит., 1961.

69. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Т. 7. Гос. изд-во юр. лит., 1961.

70. Паль Лин фон. Аненербе. Издательства: АСТ, Астрель-СПб, 2007. — 288 с.

71. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 590 с.

72. Питер Бамм. Невидимый флаг. Фронтовые будни на Восточном фронте. 1941-1945. М.: Центрполиграф, 2006. – 272 с.

73. Пленков Олег. Третий рейх. Арийская культура. — СПб: Издательский дом «Нева», 2005. — 480 с.
74. Джонсон Пол. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Том 1. Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. — 527с.
75. Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой: дуэль пропагандистов на Восточ. фронте: [альбом / авт. ст.: Ник Ильин и др.]; авт.-сост.: Лев Белоусов, Александр Ваглин. — М.: Вагриус, 2007. — 231 с.
76. Райан Корнелиус. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. Издательство: М.: Центрполиграф. — 2003. — 432 с.
77. Ремарк Эрих Мария. Время жить и время умирать. — М.: Изд-во АСТ, 2005. — 720 с.
78. Ржевская Елена. Геббельс: Портрет на фоне дневника. — М.: АСТ-пресс книга, 2004. — 396 с.
79. Рисс Курт. Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939-1945 / перевод с английского П.В.Рубцова. — М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. — 504 с.
80. Рузвельт Франклин Делано. Беседы у камина. Издательство: Информаргентство ИТРК, Информпечать, 2003. — 408 с.
81. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. Издательство: М.: Центрполиграф, 2006. — 496 с.
82. Салкелд Одри. Лени Рифеншталь. М.: Эксмо, 2007. — 448 с.
83. Селигман Мэтью, Девидсон Джон, Макдональд Джон. В тени свастики. Издательство: М.: Центрполиграф, 2008.
84. Симонов Константин. Сто суток войны: неизвестные факты / К. М. Симонов. — Смоленск: Русич, 1999. — 570 с.
85. Смит Денис Мэк. Муссолини. М.: ИнтерДайджест, 1995. — 384 с.
86. Скоробогатов Анатолий Харків у часи німецької окупації (1941-1943) / А. В. Скоробогатов. — Х.: Прапор, 2006. — 366, [1] с.
87. Соколов Борис. Оккупация. Правда и мифы. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. — 352 с.
88. Табачник Дмитрий. «Утиный суп» по-украински: беседы с украинским политиком: диалоги с глухими. Харьков: Фолио, 2008. — 444 с; [16] л.
89. Тарле Евгений. Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. Издательство: Наука. — 1981. — 390 с.
90. Тиссен Фриц. Я заплтил Гитлеру. Исповедь немецкого магната 1939-1945. Издательство: М.: Центрполиграф, 2008. — 256 с.
91. Тойнби Артур. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.
92. Томас Хью. Двойники. Досье. Издательство: Олма-Пресс, 1998. — 364 с.
93. Фест Иоахим К. Адольф Гитлер. В 3-х томах. Том 3. / Перевод А. М. Андронов, А. А. Федоров. — Пермь: Алетейя, 1993. — 270 с.
94. Фест Иоахим К. Адольф Гитлер / Пер. с нем. под ред. С. З. Случа, П. Ю. Рахшмира. — Пермь: Алетейя, 1993. Т. 2 — 1993. — 476, [2] с.
95. Фомин В. Т. Фашистская Германия во Второй Мировой войне: сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г. М.: Наука, 1978. — 326 с.
96. Эрнст Ханфштангль. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер: Воспоминания личного пресс-секретаря / Пер. с англ. Б. Кобрицова. — Екатеринбург: Ультра.

Культура, 2006. – 376 с.

97. Цизер Бенно. Дорога на Сталинград: воспоминания немецкого пехотинца, 1941-1943 / Бенно Цизер; [пер. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2007. – 334, [1] с.

98. Человек года-1938: Адольф Гитлер («Time», США) www.inosmi.ru/stories/.

99. Чемберлен вернулся из Мюнхена. inosmi.ru/stories/05/07/29/3449/244375.html.

100. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. (В 3-х книгах). Т. 1. М.: Терра, 1997. – 592 с.

101. Черчилль, У. Мускулы мира. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 528 с.

102. Чуев Феликс. И. Молотов: Полудержавный властелин. Издательство: М.: ОЛМА-ПРЕСС. – 2002. – 736 с.

103. Шейдербауер Армин. Война на Восточном фронте: железом и кровью / Шейдербауер Армин; Пер. с англ. А. Шипилова. М.: Яуза-Пресс, 2008. — 348, [3] с.

104. Шейнов Виктор. Пиар «белый» и «черный». М.: АСТ, 2005. — 436 с.

105. Ширер Уильям. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента / У. Ширер; пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2002. — 508 с.

106. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего Рейха: [в 2 кн.]: [перевод] / У. Ширер; [ред. И. Захаров]. - М.: Захаров, 2007. Кн. 1, 2007. - 813 с., 6 л. ил.

107. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего Рейха: [в 2 кн.]: [перевод] / У. Ширер; [ред. И. Захаров]. - М.: Захаров, 2007. Кн. 2, 2007. - 700 с., 18 л. ил.

108. Шкаровский Михаил. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече. – 2007. – 512 с.

109. Шпеер Альберт. Воспоминания. Серия: Тирания. Смоленск. Русич. 1998. — 720 с.

110. Шредер Криста. Я была секретарем Гитлера / Криста Шредер; пер. А.В. Корольков, предисл. К. Залесский. — М.: Вече, 2007. — 413, [2] с.

111. Шретер Хейнц. Сталинград. Великая битва глазами военного. Издательство: М.: «Центрполиграф». – 2007. – 728 с.

112. Штрассер Отто. Гитлер и я. Издательство: Яуза, Эксмо. 2005. – 320 с.

113. Эйзенхауэр Дуайт. Крестовый поход в Европу: военные мемуары / Д. Эйзенхауэр. – М.: Воениздат, 1980. – 527 с.

114. 100 запрещенных книг: цензурная история мировой литературы / Николас Каролидес, Маргарет Балд, Дон Соува, Алексей Евстралов; пер. с англ. И.Ивановой. — М.: Ультра. Культура, 2004. — 608 с.

115. Der Kongress zur Nurnberg 1934. (Munich: Zentralverlag der NSDAP, Frz. Eher Nachf., 1934). pp. 130-141.

116. Der Untermensch / Недочеловек. Berlin, 1942. psyfactor.org/lib/untermensch.htm.

117. Goebbels Joseph. Der Fьhrer als Redner. Hamburg/Bahrenfeld, 1936. pp. 27-34.

118. Goebbels Joseph. Der Rundfunk als achte GroьЯmacht. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1938. pp.197-207.

119. Goebbel Joseph. Die abgehackten Kinderhьnde. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941. pp. 181-187.

120. Goebbels Joseph. Kampf um Berlin. Munich: Verlag Franz Eher, 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	2
Предисловие	3
I. От конгрегации до министерства	4
1. Вступление. Происхождение пропаганды	4
2. Ранний этап. Пропаганда в «Майн Кампф»	16
3. Политика перед приходом к власти. Победа	35
4. Работа по формированию системы. Поджог Рейхстага	44
5. Министерство пропаганды	51
II. EINE REICH, EINE VOLK, EINE FÜRER!	60
6. Понятие Родины	60
7. Доктрина чистоты крови	65
8. Образ вождя	74
III. Прикладная пропаганда	83
9. Наглядная агитация	83
10. Массовые мероприятия	95
11. Работа с аудиторией	110
12. Пропаганда XX века	129
IV. Унификация	137
13. Государственное строительство	137
14. Экономическое возрождение	148
15. Социальная политика	160
16. Государственный антисемитизм	174
17. Борьба с церковью	184
V. Союз с интеллектуалами	192
18. Арийская наука	192
19. Искусство	200
20. Средства массовой информации	230
21. Пропаганда семейных ценностей	263
22. Педагогика	272
23. Спортивное воспитание	284
VI. Пропаганда идет на войну	292
24. Внешняя политика	292
25. Эстетика войны	323
26. Немецкий народ и война	333
27. Жизненное пространство для единой Европы	352
VII. Сила слова	370
28. Пропаганда в войсках	370
29. Дезинформация и слухи	387
30. Пропаганда на оккупированных территориях	398
31. Дуэль пропагандистов	421
32. Цензура и методы устрашения	450
33. Заключение	461
Примечания к главам	477
Библиография	515

КЕВОРКЯН
Константин Эрвантович

ОПАСНАЯ КНИГА
(феномен нацистской пропаганды)
издание второе дополненное

Главный редактор О. В. Ярмак
Ответственный за выпуск Н. С. Назар
Компьютерная верстка В. В. Харченко

Подписано в печать 15.08.2011 Формат 84x108 1/32
Бумага газетная. Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 940

ЧАО “Полиграфсервис”
Свидетельство о регистрации
серия А01 № 428841 от 06.04.2011 г.
61012 Харьков, ул. Красные ряды, 14

Отпечатано с готовых позитивов
в ЧАО “Полиграфсервис”

КЕВОРКЯН К. Э.

К 33

Опасная книга (феномен нацистской пропаганды) — Харьков:
ЧАО “Полиграфсервис”, 2014. — 522 с., 24 с. ил.

ISBN 978-966-03-4895-0.

Каким образом нацистская пропаганда уживается в каждом из нас с идеалами демократии, как Гитлеру удалось обмануть десятки миллионов своих современников, какие приемы обработки массового сознания применялись вчера и в чем состоит их опасность сегодня? Исчерпывающие ответы на эти вопросы дает книга известного харьковского журналиста Константина Кеворкяна. У вас в руках «Опасная книга» — будьте осторожны!

ББК 66.01

Константин Кеворкян

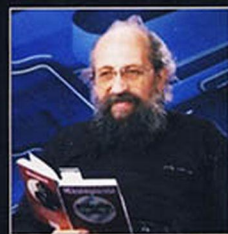

Первое издание «Опасной книги» вышло в 2009 году, к 70-летию начала Второй Мировой войны, и быстро разошлось. «Опасная книга» вызвала оживленную реакцию в прессе и вошла в число номинантов международной литературной премии «Просветитель». Читательский интерес подиктовал необходимость появления второго, дополненного иллюстративным материалом издания.

Особую признательность за помощь в этой работе автор выражает фонду Юрия Сапронова, взявшего на себя необходимые расходы по изданию нового варианта «Опасной книги».

Анатолий Вассерман

Книга, лежащая у Вас в руках, действительно очень опасна. Очень уж убедительно Константин Эрвантович Кеворкян развеивает множество мифов – и о чьей-нибудь немислимой злокозненности, и о чьем-нибудь небывалом благородстве. Нацизм вовсе не был невероятным исключением из общего правила европейской жизни. И расизм, и концлагеря, и лживая пропаганда изобретены задолго до первых политических шагов Адольфа Гитлера и Пауля Йозефа Гёббельса. Сегодня те же преступные

приёмы остаются на вооружении тех, кто громче всего кричит о своём идеальном прошлом и непогрешимом будущем. И мы должны подробно изучать каждый трюк, способный направиться против нас, дабы вовремя распознать начало очередной психологической войны, пока она не переросла в огнестрельную.

**ХАРКІВСЬКИЙ МІСЬКИЙ БЛАГОДІЙНИЙ ФОНД
ЮРІЯ САПРОНОВА**

